

Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XVII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевики)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XVII

ПРОЛЕТАРИАТ У ВЛАСТИ

1920 год

51—80 тыс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

*Печатается по постановлению
IX съезда Р. К. П.*

ПРОЛЕТАРИАТ У ВЛАСТИ

1920 год

4

Речь на беспартийной конференции Красно-Пресненского района.

(26 января 1920 г.)

В связи с последними победами Красной армии ¹⁾ сильно изменилось наше международное положение; нужно искать новые пути к решению наших интернациональных задач.

Как только создалась Советская власть, все силы международного капитала обрушились на нее, а эти силы гораздо больше сил Советской власти, и поэтому колеблющиеся могли усомниться в победе Советской власти. Но все же она победила. И стоит вдуматься в то, каким образом Советская власть победила, чтобы понять, что нужно сделать, чтобы побеждать и дальше...

Эта наша победа над гораздо более сильным врагом показывает, что правы были большевики, а не те, которые утверждали, что мы начинаем безнадежное дело, выступая против мировой буржуазии. Хотя снятие блокады и дает нам некоторое облегчение, все же буржуазия запада наверное попытается с нами еще бороться. Уже теперь, сняв блокаду, она натравливает на нас польских белогвардейцев, поэтому еще раз необходимо быть начеку, готовиться к новым нападениям и воспользоваться уроками двухлетней борьбы, воспользоваться теми средствами, которыми мы до сих пор побеждали.

Меньшевики часто указывали: пролетарии запада не поддерживают нас, они дают нас душить, они дали задушить Венгрию. Как будто и верно! А почему же ушли антантовские войска с севера и из Одессы ²⁾? Да потому, что их солдаты—сами рабочие, чем дальше углубляются в Советскую Россию, тем более решительно отказываются воевать против нас. Значит одна из причин нашей победы — это то, что воевать против нас можно лишь с большой силой, а большую армию можно собрать лишь из рабочих и крестьян, но эти рабочие запада не хотят воевать с нами. Значит, мы победили, не потому, что были сильнее, а потому, что тру-

лящиеся стран Антанты оказались ближе к нам, чем к своему собственному правительству.

Вторая причина победы—неудача «похода 14-ти государств». Это значит, что маленькие государства не могут объединиться для борьбы с большевиками, так как они боятся, что в случае их собственной победы и одновременной победы деникинщины восстановится русская империя, которая снова не будет давать жить мелким народам. И мы заключаем мир с Эстонией³⁾, что уже дает нам фактический прорыв блокады, даже если формальное снятие блокады один лишь обман.

Большие державы Антанты не могут объединиться для борьбы с Советской властью, так как слишком враждуют друг с другом. Германия таит мысль о мести Франции за грабительский Версальский мир, Франция натравливает Польшу на нас, а Англия разрешает Эстонии мириться, лишь бы эта Эстония торговала с Англией. Япония, имеющая в Сибири более сильную, чем наша, армию, не может с нами бороться, боясь нападения Америки, с которой враждует из-за колониальных империалистических интересов в Китае. Значит, вторая причина нашей победы—это то, что рабочие солидарны, а буржуа, поскольку они остаются буржуями, не могут не грызться и не воевать друг с другом из-за лишнего куска прибыли.

Таким образом мы вышли победителями из первых двух лет гражданской войны, которые были самыми трудными годами, так как мы были разорены империалистической войной, от нас были отрезаны хлеб и уголь. Но теперь у нас хлеба и топлива в избытке. В Сибири по одной разверстке хлеба 21 миллион пудов. Правда, мы не можем его сразу вывезти, но ведь транспорт разрушен во всей Европе, а у нас сознательно разрушали белогвардейцы. Они взорвали все мосты через Днепр, кроме киевского, а этим объясняется как задержка военных операций, так и задержка подвоза хлеба. У нас есть гурьевская нефть, мы ее подвезем, когда оттаят берега Каспийского моря. Мы все это учитываем и готовимся это подвезти. Ради восстановления транспорта мы создаем трудовые армии⁴⁾, одна из которых уже приступила к постройке дороги Александров-Гай—Гурьев для подвоза нефти. Мы не можем демобилизовать армию, потому что у нас есть враги, как Польша. Демобилизации мешает и разруха транспорта. Поэтому мы употребим армию для восстановления транспорта.

Во всех своих листовках белогвардейцы пишут, что у большевиков прекрасная агитация, что они не жалеют денег на агитацию

Но ведь народ слышал всякую агитацию, и белогвардейскую, и учредилдовскую. Смешно думать, что он пошел за большевиками, потому что их агитация была более искусна. Нет, дело в том, что агитация их была правдива.

Самые действия Деникина ⁵⁾ и Колчака ⁶⁾ агитировали против них, агитировали за Советскую власть. Поэтому-то мы и победили. Мы легко сбросили царя в несколько часов. Помещиков и капиталистов мы сбросили в несколько недель. Но это только полработы. Нужно научиться работать по-новому. Прежде организовывал труд эксплуататор, прежде объединял труд голод, теперь труд должно объединять сознание рабочих и крестьян, ибо нужно трудиться ради выхода из тяжелого положения.

Но это сознание есть еще не у всех. Мы начинаем новую бескровную борьбу за эту сознательность. До сих пор все революции кончались выгодой для кучки капиталистов и эксплуататоров. Это потому, что у восставших трудящихся не было сознания солидарности. Каждый думал лишь о себе, все боролись друг с другом и выплывали наверх мошенники и спекулянты.

Вот есть крестьянин, который имеет хлеб, а рядом голодный. и он предпочитает продать хлеб голодному за 1.000 руб., чем дать этот хлеб в долг рабочей власти. Тут даже кто-то говорит: «Правильно!». Вот и Деникин, и Колчак пробовали свободную торговлю, но лучшие сознательные рабочие и крестьяне увидели на деле, что это такое, и отвернулись от них.

Прежде говорили: «Каждый за себя, а бог за всех». И сколько горя из этого вышло!

Мы скажем: «Каждый за всех, а без бога мы как-нибудь обойдемся». Мы будем бороться за братский союз рабочих и крестьян, дающих хлеб в долг государству, в долг, потому что взамен пока ничего не можем дать, и цветные бумаги—не деньги. До сих пор нам приходилось бороться лишь за то, чтобы враг нас не задушил, теперь же, когда гораздо более сильный враг разбит, руки у нас свободны и мы должны взяться за дело строительства новой жизни и в первую очередь восстановить транспорт.

У нас на юге есть завоеванные Красной армией мастерские в местах, где близок хлеб,—так пустим же эти мастерские полным ходом, в три смены, а не как работают голодные люди.

На восстановление транспорта мы должны обратить всю силу нашей коммунистической агитации, с помощью которой мы победили внешнего врага.

Когда-то мы делали «блестящую» внешнюю торговлю, вывозили 700 миллионов пудов хлеба. На этом наживались русские и заграничные миллионеры, а русские рабочие и крестьяне голодали. Теперь же мы должны убедиться, что единственное спасение—«все за всех!». Мы должны, чего бы это ни стоило, уничтожить свободную торговлю и спекуляцию, которые дают хлеб лишь кучке, а остальным голод. Мы должны убедить крестьян—и они нам поверят, так как «блага» свободной спекуляции им продемонстрировал Деникин; они поймут, что единственное спасение—дать хлеб в долг рабочему и ремесленнику, и те им отдадут этот долг не цветными бумажками, а изделиями и мануфактурой.

Мы начали великую войну, которую мы не скоро окончим: это—бескровная борьба, трудовых армий против голода, холода и сыпняка за просвещенную, светлую, сытую и здоровую Россию, но мы кончим эту войну такой же решительной победой, какой окончили и борьбу против белогвардейцев...

*«Правда» № 18,
28 января 1921 г.*

Речь на III Всероссийском съезде Советов Народного Хозяйства *).

(27 января 1920 г.)

Тов. Ленин говорит, что он лишь бегло коснется тех вопросов, с которыми ему приходилось последнее время больше сталкиваться. Один из таких вопросов—организация управления, вопрос о коллегиальности и единоначалии?). В тех спорах, которые по этому вопросу ведутся, вопрос становится на почву абстрактных рассуждений, в которых и доказывается предпочтительность коллегиальности перед единоличием. Но это далеко отводит нас от практических задач настоящего времени. Такие рассуждения переносят нас к тому этапу первоначального строительства Советской власти, который мы уже изжили. Пора переходить к постановке более деловой.

Коллегиальность, как основной тип организации советского управления, представляет из себя нечто зачаточное, необходимое на первой стадии, когда приходится строить вновь. Но при уста-

*) В сокращенном газетном пересказе.

новившихся более или менее устойчивых формах переход к практической работе связан с единоначалием, как с той системой, которая больше всего обеспечивает наилучшее использование человеческих способностей и реальную, а не словесную проверку работы.

Опыт, который продолжала Советская власть в деле военного строительства, не может быть рассматриваем, как опыт изолированный. Война включает в себя все виды всех областей строительства. Строительство нашей армии только потому могло привести к успешным результатам, что оно создавалось в духе общего советского строительства на основах классовых соотношений. Здесь мы видим ту же тонкую прослойку руководящего класса пролетариата и массы крестьянства. Если в других областях суть этого соотношения не сказалась с полной ясностью, то оно получило настоящее испытание в армии, которая стоит перед неприятелем и дорого расплачивается за каждую свою ошибку. В этот опыт надо вдуматься. Он прошел, закономерно развиваясь от случайной, расплывчатой коллегиальности через коллегиальность, возведенную в систему организации, проникающей все учреждения армии, и теперь, как общая тенденция, подошел к единоначалию, как к единственно правильной постановке работы. В любой советской работе вы встретите небольшое количество сознательных пролетариев, массу менее развитых и, как подпочву всего этого, огромную массу крестьянства со всеми привычками к единоличному хозяйству, а следовательно к свободе торговли и спекуляции, которую меньшевики, эс-эры и беспартийные называют свободой, а мы—наследием капитализма. Это—та обстановка, при которой приходится действовать, и она требует соответственных методов действия. Опыт армии показал нам на закономерное развитие организации управления от первоначальных форм коллегиальности к единоначалию, которое теперь проводится там не менее, чем на пять десятых.

Коллегиальность в лучшем случае дает громадную растрату сил и не удовлетворяет быстроте и отчетливости работы, требуемой обстановкой централизованной крупной промышленности. Если вы возьмете защитников коллегиальности, то увидите в их резолюциях непомерной абстрактности формулировку, а именно, что каждый член коллегии должен нести единоличную ответственность за выполнение заданий. Это стало для нас азбукой. Но каждый из вас, кто имеет практический опыт, знает, что из 100 случаев бывает один, чтобы это применялось на деле.

В гигантском большинстве случаев это остается только на бумаге. Никто из членов коллегии точных заданий не получает и они не выполняются под единоличной ответственностью. У нас вообще нет никакой проверки работы. Представьте себе, что Ц. К. профсоюза выдвигает кандидатом Васильева, и вы попросите, чтобы вам дали список заданий, выполненный и проверенный деловыми людьми. Ничего подобного вы не получите. Все мы едва только начинаем приступать к настоящей деловитости.

Наша вина в том, что мы мечтаем все выполнить нашими силами. У нас самый острый недостаток—отсутствие работников, а мы не умеем их взять из рядовых рабочих и крестьян, среди которых таится масса талантов административных и организаторских. Будет гораздо лучше, если мы поскорее перейдем от общих и в большинстве совершенно бесплодных споров к деловой обстановке. Тогда мы фактически исполним обязанности организаторов передового класса и будем извлекать сотни и тысячи новых организаторских талантов. Мы должны их выдвигать, испытывать, давать им задания, усложнять эти задания. Я надеюсь, что мы добьемся того, что после съезда совнархозов, после подытоживания работы, мы станем на эту дорогу, расширим, умножим число организаторов, чтобы тот непомерно узкий слой, который истрепался за эти два года, чтобы он был пополнен и увеличен, ибо для тех задач, которые мы ставим, которые должны Россию вывести из нищеты, голода и холода, нам в десять раз нужно больше организаторов, которые были бы ответственны перед десятками миллионов.

Второй вопрос, который больше всего нас интересует — это вопрос о трудовых армиях⁴⁾.

Здесь перед нами задача, касающаяся смены двух полос нашей деятельности. Та полоса, которая целиком была занята войной, еще не кончилась. Целый ряд признаков говорит, что продолжать войну русские капиталисты не смогут. Но что они будут делать попытки нашествия на Россию,—это не подлежит сомнению. Мы должны быть на-чеку. Но, в общем и целом, та война, которую они обрушили на нас два года тому назад, кончена победоносно, и мы переходим к мирным задачам.

Надо понять оригинальность этого перехода. Страна, до последней степени разоренная, страна голодная и холодная, где нищета достигла самой отчаянной степени, и в ней—народ, поднявшийся в своей силе и получивший уверенность в себе, когда он убедился, что способен справиться со всем миром—без пре-

увеличения—со всем миром, ибо ведь весь капиталистический мир потерпел поражение, и вот в этой своеобразной обстановке для решения неотложных задач мы выдвигаем трудовую армию.

Нам надо сосредоточиться на главном — собрать хлеб и подвезти его к центру. Всякое уклонение от этого, малейшее разбрасывание будут величайшей опасностью, гибелью для нашего дела. А для того, чтобы со всей возможной быстротой использовать наш аппарат, мы должны создать трудовую армию. Об этом вы уже имеете тезисы Ц. К. и доклады, и я не буду входить в конкретные стороны этого вопроса. Я хотел бы только указать, что в момент перехода от гражданской войны к новым задачам, мы должны все бросить на фронт труда и сосредоточить здесь все силы при максимальном напряжении, с военной решимостью, беспощадной решимостью. Сейчас никаких уклонений мы не допустим. Выбрасывая этот лозунг, мы заявляем, что мы до последней степени должны напрячь все живые силы рабочих и крестьян и требовать, чтобы они целиком нам в этом помогли. Тогда путем создания трудовой армии, путем напряжения всех сил рабочих и крестьян мы выполним нашу основную задачу. Нам удастся собрать сотни миллионов пудов хлеба. Они у нас есть. Но нужны невероятно дьявольские усилия, напряжение всех сил страны, военная решимость и энергия, чтобы собрать эти сотни миллионов пудов хлеба и подвезти их к центру. Здесь в центре мы будем главным образом заниматься построением плана для этого и будем главным образом говорить об этом, а все остальные вопросы, вопросы финансирования, строительства промышленности и все вопросы относительно широких программ—на это не надо сейчас отвлекаться. Перед нами стоит эта основная задача—восстать сейчас против попытки увлекаться опасностью широких планов и задач. Нам надо сосредоточиться на самом главном и основном, не допуская никаких отвлечений от главной задачи, поставленной нами, а именно — собрать хлеб и продукты, собрать их государственным путем, по твердым ценам, социалистическим путем рабочего государства, а не капиталистическим путем спекуляции, и провезти это в центр, слолив разруху транспорта. Преступлением будет, если кто об этой задаче забудет.

Чтобы поставить выполнение нашей основной задачи более или менее правильно, руководители всех государственных органов, в частности совнархозов, должны возбудить для этого деятельность в десятках миллионов рабочих и крестьян. Для

этого будет дан широкий план перестройки России. Для этого у нас достаточно средств, материалов, технических возможностей, сырья, достаточно всего, чтобы начать эту работу по перестройке со всех концов, привлекая всех рабочих и крестьян. Мы разовьем упорную борьбу, товарищи, борьбу, которая потребует тяжелых жертв в свой период на фронте труда, но которую мы неизбежно должны провести, так как у нас голод, холод, разруха транспорта, сыпняк. Со всеми этими бедствиями мы должны бороться и со всех сторон начать строить наше государство, на почве крупных машинных способов промышленности, чтобы сделать нашу страну культурной и путем правильной социалистической борьбы выбраться из того болота, в котором потонули в настоящее время другие страны мирового капитализма и империализма.

*«Правда» № 19,
29 января 1920 г.*

Из речи на первой сессии В. Ц. И. К. VII созыва *).

(Заседание 2 февраля 1920 г.)

Н. Ленин останавливается в своем докладе на двух вопросах: международном положении и работах хозяйственных внутри страны. Мир с Эстонией вчера подписан ³⁾. Это значит, что мы оказались сильнее всего мира хищников и в непосредственной борьбе с контр-революцией, поддержанной империалистами всего мира и на пути к миру, против которого выступал опять-таки весь капиталистический мир. Это чудо могло случиться только потому, что фактически на деле большинство населения всего мира оказалось на нашей стороне. Мы победили Колчака, Деникина и Юденича ⁴⁾ не потому, что у нас было лучшее оружие, а потому, что у враждебных нам сил не оказалось рук, которые готовы были бы направить это совершенное оружие капиталистического мира против нас. Мы заставили Эстонию с нами помириться потому, что на деле показали своей мирной политикой свое настоящее желание жить в мире со всеми. Мы показали, что умеем дать отпор насилию, но умеем, победя, от него отказаться.

Еще более терпения и осторожности должны мы проявить к народам востока, еще с большей настойчивостью должны показывать им, что мы единственное правительство, действительно отказывающееся применять к ним насилие.

^{*)} По газетному, хроникерскому отчету.

Перейдя к вопросу о хозяйственной работе, Н. Ленин подробно останавливается на так называемой военной организации труда. Мы должны переходить на новые хозяйственные рельсы. Мы не можем распустить своей армии, ибо враг еще жив, но мы не можем не использовать той силы, которая у нас имеется для борьбы с разрухой. Энергия, проявленная на войне, должна быть в такой же мере проявлена и в области труда и в той же форме. Нет заранее готового плана строительства новой жизни. Задачи новые возникают в процессе разрешения старых...

Пропасть между деревней и городом должна быть засыпана, но для этого в первую очередь должны быть заготовлены и привезены крупные запасы продовольствия и на это должны сейчас идти все силы государства, все творчество и энергия наших передовых работников.

*«Правда» № 23,
3 февраля 1920 г.*

Заметки публициста.

1.

Гражданин Жан Лонгэ ¹⁰⁾ прислал мне письмо, основное содержание которого состоит в тех же жалобах, что и в статье Лонгэ: «Как обманывают русских» («Populaire» от 10/I—1920). Этот номер своей газеты Лонгэ тоже прислал мне вместе с листком «Комитета по восстановлению Интернационала» («Comité pour la Reconstruction de l'Internationale»). В листке напечатаны два проекта резолюций к предстоящему в Страсбурге съезду французской социалистической партии. Подписан листок от имени «Комитета по восстановлению Интернационала» 24-мя лицами: Амедей Дюнуа, гражданка Фанни Клар, Косси, Делеппи, Поль Фор, Л. О. Фроссар, Эжень Фро, Гурдо, гражданка Лейсиань, Ле Троке, Поль Луи, Жан Лонгэ, Морис Морэн, Майера, Мурэ, Моранж, Палико, Пешер, гражданка Марианна Роз, Даниэль Рену, Сервантье, Сикст-Кенен, Томази, Верфейль.

Отвечать на жалобы и нападки Жана Лонгэ мне кажется излишним: достаточными ответами являются статья Ф. Лорио ¹¹⁾ в «Vie Ouvrière» от 16/I—1920 г. под заглавием: «Потише, Лонгэ!» («Tout doux, Longuet!») и статья Троцкого ¹²⁾ в № 7—8 «Коммунистического Интернационала»: «Жан Лонгэ». Добавить к этому остается совсем мало; разве вот следовало бы собрать материал по истории провала стачки 21 июля 1919. Но из Москвы я сделать

этого не в состоянии. Я видел только в одной коммунистической австрийской газете выдержку из «Avanti!»¹³⁾ с разоблачением гнусной роли в этом деле одного из гнуснейших социал-предателей (или анархо-предателей?), бывшего синдикалистского и антипарламентаристского крикуна Жуо (Jouhaux)¹⁴⁾. Почему бы Лонгэ не поручить кому-либо работы, которую в Париже сделать легко, которая собрала бы все документы, все заметки и статьи европейских коммунистических газет, все специальные интервью по вопросу о провале стачки 21 июля 1919 г. со всеми заинтересованными вождями и участниками? Эту работу мы бы издали с восторгом. Под «социалистическим воспитанием», о котором «центровики» всего мира (независимцы в Германии, лонгетисты во Франции, I. L. P. в Англии¹⁵⁾ и т. п.) так много и охотно говорят,—следует понимать не педантски-доктринерское повторение общих мест социализма, всем надоевших, никому, после 1914—1918 годов, не внушающих доверия, а неуклонное *разоблачение ошибок* вождей и ошибок движения.

Например: все вожди, все выдающиеся представители соц. партий, проф. союзов, рабочих кооперативов, которые в войне 1914—1918 годов были за «защиту отечества», поступали, как предатели социализма. Разоблачать их ошибку неуклонно, разъяснять систематически, что эта война была *с обеих* сторон войной разбойников за дележ награбленной добычи, что неизбежно повторение подобной же войны без революционного свержения буржуазии пролетариатом, вот это значит вести на деле работу «социалистического воспитания»

Именно названные мною резолюции о таком воспитании говорят, а на деле делают работу социалистического развращения, ибо прикрывают и замалчивают те измены, предательства, рутину, косность, шкурничество, мещанство, те ошибки, в преодолении которых, в сознательном избавлении от которых настоящее воспитание и состоит.

II.

Резолюции лонгетистов обе никуда не годны. Впрочем, они очень годны для одной особой цели: для иллюстрации самого, пожалуй, опасного зла для рабочего движения на западе в данный момент. Это зло состоит в том, что старые вожди, видя неудержимое влечение масс к большевизму и к Советской власти, ищут (и часто находят!) выход в словесном признании диктатуры пролетариата и Советской власти, на деле оставаясь либо врагами

диктатуры пролетариата, либо людьми неспособными, или не желающими понять ее значение и проводить ее в жизнь.

Как громадна, как необъятно велика опасность от такого рода зла, особенно наглядно показала гибель первой советской республики в Венгрии¹⁶⁾ (за первой погибшей последует победоносная вторая). Ряд статей в «Красном Знамени» («Die rote Fahne», Вена), центральном органе австрийской коммунистической партии, вскрыл одну из главных причин этой гибели: измену «социалистов», которые на словах перешли на сторону Бела Куна¹⁷⁾ и объявили себя коммунистами, на деле же не проводили в жизнь политики, соответствующей диктатуре пролетариата, а колебались, малодушничили, забегали к буржуазии, частью прямо саботировали пролетарскую революцию и предавали ее. Окружающие венгерскую советскую республику всемирно-могущественные разбойники империализма (т.-е. буржуазные правительства Англии, Франции и т. д.) сумели, конечно, использовать эти колебания *внутри* правительства венгерской Советской власти и зверски задушили ее руками румынских палачей.

Нет сомнения, что часть венгерских социалистов *искренно* перешла на сторону Бела Куна и объявила себя *искренно* коммунистами. Но суть дела от этого нисколько не меняется: «искренно» объявивший себя коммунистом человек, который на деле вместо беспощадно твердой, неуклонно решительной, беззаветно смелой и геройской политики (только такая политика соответствует признанию диктатуры пролетариата)—колеблется и малодушничит,—подобный человек своей бесхарактерностью, своими колебаниями, своей нерешительностью совершает такую же измену, как и непосредственный предатель. В личном смысле разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы *нет*, ибо политика—это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти.

Какая часть лонгетистов, подписавших рассматриваемые нами резолюции, окажется людьми первой или второй из названных категорий или какой-нибудь третьей категории, этого знать сейчас нельзя, и пытаться решить такой вопрос было бы пустым занятием. Важно то, что эти лонгетисты, *как политическое направление*, ведут сейчас именно политику венгерских «социалистов» и «социал-демократов», погубивших Советскую власть в Венгрии. Лонгетисты ведут именно эту политику, ибо на словах

они объявляют себя сторонниками диктатуры пролетариата и Советской власти, а на деле продолжают вести себя по-старому, продолжают и в резолюциях своих защищать и в жизни осуществлять старую политику мелких уступочек социал-шовинизму, оппортунизму, буржуазной демократии, колебаний, нерешительности, уклончивости, уверток, умолчаний и тому подобное. Эти мелкие уступочки, колебания, нерешительность, уклончивость, увертки и умолчания в сумме неизбежно дают *измену* диктатуре пролетариата.

Диктатура слово большое, жесткое, кровавое, слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох.

Таких слов на ветер бросить нельзя.

Ставить на очередь дня осуществление диктатуры пролетариата и в то же время «бояться обидеть» Альбертов Тома¹⁸⁾, господ Браков, Самба¹⁹⁾, других рыцарей подлейшего французского социал-шовинизма, героев предательской газеты «l'Humanité», «La Bataille» и т. п., это значит осуществлять предательство рабочего класса,—по легкомыслию, по недостатку сознательности, по бесхарактерности или по другим причинам,—но во всяком случае это значит—осуществлять предательство рабочего класса.

Расхождение между словом и делом погубило Второй Интернационал. Третьему от роду нет еще и году, а он уже становится модой и приманкой для политиканов, которые идут туда, куда идет масса. Третьему Интернационалу уже начинает грозить расхождение между словом и делом. Во что бы то ни стало, всюду и везде, надо эту опасность разоблачать, всякое проявление этого зла вырывать с корнем.

Резолюции лонгетистов (как и резолюции последнего съезда немецких независимцев, этих германских лонгетистов) превращают «диктатуру пролетариата» в такую же икону, какой бывали для вождей, для чиновников проф. союзов, для парламентариев, для должностных лиц кооперативов резолюции Второго Интернационала: на икону надо помолиться, перед иконой можно перекреститься, иконе надо поклониться, но икона нисколько не меняет практической жизни, практической политики.

Нет, господа, мы не допустим превращения лозунга «диктатура пролетариата» в икону, мы не помнимся с тем, чтобы III Интернационал терпел расхождение между словом и делом.

Если вы за диктатуру пролетариата, тогда не ведите той уклончивой, половинчатой соглашательской политики по

отношению к социал-шовинизму, которую вы ведете, и которая выражена в первых же строках первой вашей резолюции: война, изволите видеть, «разорвала» (*adéchirée*) II Интернационал, оторвала его от дела «социалистического воспитания» (*éducation socialiste*), а «некоторые части этого Интернационала» (*certaines de ses fractions*) «ослабили себя» тем, что разделили власть с буржуазией, и так далее и тому подобное.

Это не язык людей, сознательно и искренно разделяющих идею диктатуры пролетариата. Это — язык либо людей, которые делают шаг вперед, два назад, либо политиканов. Если вы хотите говорить таким языком, — вернее *«защиты отечества»*, пока вы говорите таким языком, пока такова ваша политика, оставайтесь во II Интернационале, — ваше место там. Или пусть рабочие, которые своим массовым давлением толкают вас и III Интернационалу, оставят вас во II Интернационале, а сами, без вас, переходят в III Интернационал. Таким рабочим, и французской социалистической партии, и независимой с.-д. партии Германии, и английской независимой рабочей партии, мы скажем, и на том же условии: милости просим!

Если признавать диктатуру пролетариата, если рядом с этим говорить о войне 1914—1918 годов, то надо говорить иначе: война эта была войной разбойников англо-франко-русского империализма с разбойниками империализма германо-австрийского из-за дележа добычи, колоний, «сфер» финансового влияния. Проповедь «защиты отечества» в такой войне была изменой социализму. Если не разъяснить этой истины до конца, если не искоренить из голов, из сердец, из политики рабочих этой измены, нельзя спастись от бедствий капитализма, нельзя спастись от новых войн, которые неизбежны, пока держится капитализм.

Вы не хотите, вы не можете говорить таким языком, вести *такой* пропаганды? Вы хотите «щадить» себя или своих друзей, которые проповедывали «защиту отечества» вчера в Германии при Вильгельме или при Носке ²⁰⁾, в Англии и во Франции при власти буржуазии? Тогда *пощадите* III Интернационал! ошастливьте его своим отсутствием!

III.

Я говорил до сих пор о первой из двух резолюций. Вторая не лучше: «торжественное» (*«solennelle»*) осуждение «конфузионизма» и даже «всякого компромисса» (*«toute compromission»*) —

это пустая революционная фраза, ибо нельзя быть против *всякого* компромисса), а на-ряду с этим уклончивое, половинчатое, не разъясняющее понятие «диктатуры пролетариата», а затемняющее его, повторение общих фраз, нападки на «политику г-на Клемансо» (обычный прием буржуазных политиков во Франции, изображающих смену клик сменой режима), изложение программы, в основах своих *реформистской* (налоги, «национализация капиталистических монополий» и т. п.).

Понгетисты не поняли *и не желают* понять (частью: *неспособны* понять), что реформизм, прикрытый революционной фразой, был главным злом II Интернационала, главной причиной его позорного краха, поддержки «социалистами» той войны, в которой перебили десять миллионов человек для решения великого вопроса, англо-русско-французская ли, или германская группа хищников-капиталистов должна грабить весь мир.

Понгетисты остались на деле прежними реформистами, прикрывающими свой реформизм революционной фразой и только в качестве революционной фразы употребляющими новое словечко «диктатура пролетариата». Таких вождей, как и вождей незав. соц.-дем. партии Германии, как и вождей нез. р. партии Англии, пролетариату не надо. С такими вождями пролетариат осуществить своей диктатуры не может.

Признать диктатуру пролетариата, это не значит: во что бы то ни было в *любой* момент идти на штурм, на восстание. Это—вздор! Для успешного восстания нужна длительная, умелая, упорная, великих жертв стоящая подготовка.

Признать диктатуру пролетариата, это значит: решительный, беспощадный и главное—*вполне сознательный*, вполне последовательно проведенный в жизнь разрыв с оппортунизмом, реформизмом, половинчатостью, уклончивостью II Интернационала; разрыв с вождями, которые *не могут не* продолжать старой традиции, со старыми (не по возрасту, а по присемам) парламентариями, чиповниками проф. союзов, кооперативов и т. п.

С ними надо рвать. Их преступно жалеть: это значит — предавать из-за мизерных интересов десяти или ста тысяч коренные интересы десятков миллионов рабочих и мелких крестьян.

Признать диктатуру пролетариата, это значит: коренным образом переделать повседневную работу партии, спуститься вниз, к тем миллионам рабочих, *батраков* и мелких крестьян, которых нельзя спасти от бедствий капитализма и войн без *Советов*, без свержения буржуазии. Разъяснять это конкретно, просто,

ясно для массы, для десятков миллионов; говорить им, что их Советы должны взять *всю* власть, их авангард, партия революционного пролетариата, должен *руководить* борьбой,—вот что такое диктатура пролетариата.

У лонгетистов нет и следа понимания этой истины, нет ни капли желания и способности проводить ее ежедневно в жизнь.

IV.

В Австрии коммунизм пережил тяжелейший период, кажется, не вполне еще конченный: болезни роста, иллюзию, будто, обывив себя коммунистами, группа может стать силой без глубокой борьбы за влияние среди масс, ошибки в выборе лиц (ошибки, неизбежные в начале для каждой революции; у нас таких ошибок был целый ряд).

Ежедневная газета коммунистов «Красное Знамя», под редакцией Коричонера и Томана, показывает, что движение выходит на серьезный путь.

А до какой тупости, низости и подлости доходят австрийские социал-демократы, это слишком очевидно показывает вся политика Реннера ²¹⁾ и тому подобных австрийских Шейдеманов ²²⁾, которым,—частью по крайней глупости и бесхарактерности,—помогают Отто Бауэры ²³⁾ и Фридрихи Адлеры ²⁴⁾, ставшие дюжинными изменниками.

Вот один пример: брошюра Отто Бауэра «Путь к социализму». Передо мной лежит берлинское издание издательства «Freiheit», видимо, независимой партии, вполне стоящей на том же убогом, пошлом и подлом уровне, как эта брошюра.

Достаточно взглянуть на пару мест из § 9 («Экспроприация экспроприаторов»):

«... Экспроприация не может и не должна произойти в форме грубой (brutaler, зверской) конфискации капиталистической и помещичьей собственности; ибо в этой форме она не могла бы произойти иначе, как ценой громадного разрушения производительных сил, которое разорило бы сами народные массы, застопорило бы источники народного дохода. Экспроприация экспроприаторов, наоборот, должна произойти в упорядоченной, урегулированной форме»... посредством налогов.

И ученый муж примерно разъясняет, как налогами можно бы взять от имущих классов «четыре девятых» их дохода...

Кажется, довольно? Что до меня, я после этих слов (а я начал брошюру читать с § 9) ничего больше не читал и без особой надобности не собираюсь читать в брошюре господина Отто Бауэра. Ибо ясно, что этот лучший из социал-предателей, в лучшем случае,—ученый дурак, который совершенно безнадежен.

Это — образец педанта, насквозь мелкого буржуа в душе. Он писал полезные ученые книги и статьи до войны, «теоретически» допуская, что классовая борьба может обостриться до гражданской войны. Он даже принимал участие (если я верно информирован) в составлении Базельского манифеста 1912 г. ²⁵⁾, каковой манифест прямо предвидит пролетарскую революцию в связи как раз с той войной, которая и разразилась в 1914 году.

Но когда дошло на деле до этой пролетарской революции, то верх взяла натура педанта, филистера, который испугался и стал поливать *бушующую революцию* маслицем *реформистских фраз*.

Он твердо заучил (педанты не умеют думать, они умеют запоминать, могут затвердить), что теоретически возможна экспроприация экспроприаторов без конфискации. Он всегда это повторял. Он это заучил. Он знал это наизусть в 1912 году. Он по памяти повторял это в 1919 году.

Он не умеет думать. После империалистской войны и притом такой войны, которая даже победителей довела до края гибели,—после начала гражданской войны в ряде стран,—после того, как фактами в международном масштабе доказана неизбежность превращения империалистской войны в войну гражданскую, проповедывать, в лето от Рождества Христова 1919-ое, в городе Вене, «упорядоченное» и «урегулированное» отнятие у капиталистов «четырёх девятых» их дохода,—для этого надо было быть либо душевно больным, либо тем старым героем старой великой германской поэзии, который с восторгом переходит «от книжицы к книжице»...

Милейший добряк, который, вероятно, представляет из себя добродетельнейшего отца семейства, честнейшего гражданина, добросовестнейшего читателя и писателя ученых книг, забыл совсем маленькую мелочь: он забыл, что подобный «упорядоченный» и «урегулированный» переход к социализму (переход, несомненно, самый выгодный для «народа», говоря абстрактно) предполагает абсолютную прочность победы пролетариата, абсолютную безнадежность положения капиталистов, абсолютную для них необходимость и их готовность оказать добросовестнейшее подчинение.

Возможно ли такое стечение обстоятельств?

Теоретически, т.-е. в данном случае вполне абстрактно, говоря: конечно, да. Например: допустим, что в девяти странах, в том числе во всех великих державах, Вильсоны, Ллойд-Джорджи, Мильераны ²⁶⁾ и прочие герои капитализма находятся уже в таком положении, как у нас Юденич, Колчак и Деникин с их министрами. Допустим, в десятой маленькой стране, после этого, капиталисты предлагают рабочим: давайте, мы вам добросовестно поможем, подчиняясь вашим решениям, провести «упорядоченную» и мирную (без разрушений!) «экспроприацию экспроприаторов», получая за это первый год пять девятых прежнего дохода, второй год четыре девятых.

Вполне мыслимо, что в указанных мною условиях капиталисты десятой страны такое предложение в одной из наиболее маленьких и «мирных» стран сделают, и ровно ничего худого со стороны рабочих этой страны не будет, если они это предложение должным образом обсудят и (поторговавшись: купец без запроса не может) примут.

Может быть, теперь, после этого популярного объяснения даже ученый Отто Бауэр и философ (столь же удачный, как и политик) Фридрих Адлер поймут, в чем дело?

Нет еще? Не понятно?

Подумайте, милейший Отто Бауэр, милейший Фридрих Адлер, похоже ли положение всемирного капитализма и его вождей в данную минуту на положение Юденича, Колчака и Деникина в России?

Нет, не похоже. В России капиталисты разбиты после отчаянного их сопротивления. Во всем мире они еще у власти. Они—господа.

Если вы, милейшие Отто Бауэр и Фридрих Адлер, и теперь еще не поняли, в чем дело, то я вам добавлю еще популярнее:

Представьте себе, что в то время, когда Юденич стоял под Питером, Колчак владел Уралом, Деникин всей Украиной, когда в кармане всех этих трех героев лежали пачки телеграмм от Вильсона, Ллойд-Джорджа, Мильерана и К^о о посылке денег, пушек, офицеров, солдат,—представьте себе, что в такое время к Юденичу, Колчаку или Деникину приходит представитель русских рабочих и говорит: нас, рабочих, большинство, мы вам дадим пять девятых ваших доходов, а потом и остальное отберем «упорядоченно» и мирно. По рукам, «без разрушения», идет?

Если бы этот представитель рабочих был просто одет и принимал его только русский генерал, вроде Деникина, он, вероятно, отправил бы рабочего в сумасшедший дом или просто выгнал.

Но если бы представитель рабочих был интеллигентом в приличном костюме, к тому же сын почтенного папаша (вроде как добрый и милый Фридрих Адлер), если бы при этом Деникин был не один, а принимал вместе с французским или английским «советником»,—то этот советник, несомненно, сказал бы Деникину:

«Слушайте, генерал, а ведь этот представитель рабочих так умен, что он как раз подходит для того, чтобы быть у нас министром, вроде Гендерсона ²⁷⁾ в Англии, Альберта Тома во Франции, Отто Бауэра и Фридриха Адлера в Австрии».

Написано 14 февраля 1920 г.

*а печатано в журнале «Комм. Интернационал.» № 9.
22 марта 1920 г.*

Речь на I Всероссийском съезде трудовых казаков.

(1 марта 1920 года.)

Товарищи! Позвольте мне прежде всего приветствовать съезд от имени Совета Народных Комиссаров. Я очень сожалею, что мне не пришлось присутствовать на вашем собрании в первый день открытия съезда и не удалось слышать доклада т. Калинина ²⁸⁾. Но из того, что он мне рассказал, я заключаю, что очень многое, касающееся ближайших и непосредственных задач советского строительства и специально казаков, было освещено в его речи. Поэтому позвольте в моем докладе больше всего внимания посвятить международному положению Советской Республики и тем задачам, которые в связи с этим международным положением становятся перед всей трудящейся массой, а в том числе и перед казачеством.

Международное положение Советской Республики никогда не было таким благоприятным и победоносным, как теперь. Если вдуматься в условия того, как сложилось за два года неслыханных трудностей и неимоверного количества жертв наше международное положение, если вдуматься в причины этого, то перед каждым рассуждающим человеком откроются основные силы и пружины, основное соотношение сил во всей начавшейся всемирной революции.

Когда мы больше чем два года назад, еще в начале русской революции, говорили об этой надвигающейся международной всемирной революции,—это было предвидение и до известной степени предсказание, и громадное большинство не живущих в крупных городах, не прошедших партийной школы трудящихся масс к этим речам о международной надвигающейся революции относилось либо недоверчиво, либо равнодушно и во всяком случае с недостаточным вниманием. Да и нельзя было, и противостоительно было бы ждать, чтобы громадные массы трудящегося населения, особенно крестьянского, земледельческого, разбросанные на необъятно далеких расстояниях, могли бы заранее составить сколько-нибудь правильное представление о том, почему международная революция надвигается, и о том, что она действительно международная. То, что мы за эти два неслыханно тяжелых года пережили, тот опыт, который проделывается трудящимися массами далеких окраин, опыт этот заслуживает того, чтобы над ним подумать, а не только отмахнуться, сказав, что время было тяжелое, а теперь наступило более легкое. Нет, надо вдуматься, почему же вышло так, как вышло, и что это значит, и какие мы из этого должны извлечь уроки, и взгляды каких партий подтвердили то, что нам наша собственная и всемирная история показали за эти два года? Об этом вопросе мне прежде всего и хотелось бы поговорить.

С точки зрения международного положения этот вопрос особенно ясен, потому что, когда взять дело в громадном масштабе не с точки зрения одной партии или одной страны, а с точки зрения всех стран вместе, то частности и мелочи отпадают, и основные движущие силы, которые определяют всемирную историю, становятся очевидными.

Когда мы начинали октябрьскую революцию, свергая власть помещиков и капиталистов, объявляя призыв кончить войну, когда мы с этим призывом обратились к нашим врагам и после этого подпали под иго германских империалистов, когда затем в октябре—ноябре 1918 года Германия была раздавлена, и Англия, Франция, Америка и другие страны Антанты стали господами над всей землей,—каково было наше положение? Громаднейшее большинство говорило так: «Разве не ясно теперь, что дело большевиков безнадежно?». А многие прибавляли: «Мало того, что безнадежно, но большевики оказались обманщиками: они обещали мир, а вместо этого, после немецкого ига, когда Германия была побеждена, они оказались врагами всей Антанты, т.-е.

Англии, Франции, Америки и Японии—могущественнейших государств всего мира, и Россия, разоренная, ослабленная, измученная после империалистической войны еще и гражданской войной, должна выдержать борьбу против самых передовых стран мира!». Легко было поверить, что положение безнадежное, и не удивительно, что на почве недоверия равнодушие и очень часто враждебность против Советской власти распространялись все шире и шире. Удивительнее то, что мы из борьбы против Юденича, Колчака и Деникина, которых поддерживали все богатейшие державы мира всем, чем могли, такие державы, против которых ни одной военной силы, даже приблизительно равной им на земле нет, что мы из этой борьбы вышли победоносно. А что это так, это видят все люди, даже слепые, видят и те, которые хуже слепых, которые не хотят ни за что видеть, все же и они видят, что мы вышли победоносно из этой борьбы.

Как же произошло такое чудо? Над этим вопросом я больше всего хотел пригласить вас сосредоточить свое внимание, потому что в этом вопросе скрываются основные движущие силы всей международной революции. Разбирая деловым образом этот вопрос, мы можем дать на него ответ, потому что перед нами уже пережитое: мы можем сказать о том, что было, задним числом.

Мы одержали победу потому, что мы были и могли быть едиными, потому, что мы могли присоединить союзников из лагеря наших врагов. А наши враги, бесконечно более могущественные, потерпели поражение потому, что между ними не было, не могло быть и не будет единства, и каждый месяц борьбы с нами для них означал распад внутри их лагеря. Я перейду к факту, который эти положения доказывает.

Вы знаете, что после победы над Германией, у Англии, Франции и Америки не было противников на земле. Они ограбили колонии Германии, не было ни одного куска земли, ни единого государства, где бы не господствовали военные силы Антанты. Они были врагами Советской России и отлично понимали, что большевизм преследует цели международной революции. А мы никогда не скрывали, что наша революция—только начало, что она приведет к победоносному концу только тогда, когда мы весь свет зажжем таким же огнем революции, и мы вполне ясно понимали, что капиталисты были бешеными врагами Советской власти. Надо отметить, что они вышли из европейской борьбы с миллионной армией, с могущественным флотом, против которых мы не могли оставить и подобия флота и сколько-нибудь сильной армии.

Достаточно было бы, если бы несколько сот тысяч солдат из этой миллионной армии были употреблены на войну с нами так же, как они были употреблены на войну с Германией, чтобы Антанта задавила нас военным путем. В этом нет ни малейшего сомнения для тех, кто теоретически рассуждал об этом вопросе, и особенно для тех, кто продельывал эту войну, кто знает это из собственного опыта и наблюдения.

Англия и Франция попробовали взять этим путем Россию. Они заключили договор с Японией, которая в империалистической войне не принимала прямого участия и которая дала сотню тысяч солдат, чтобы задушить Советскую Республику с Дальнего Востока. Англия высадила тогда солдат на Мурмане и в Архангельске, не говоря о движении на Кавказе, а Франция высадила своих солдат и матросов на юге. Это была первая историческая полоса той борьбы, которую мы выдержали.

Антанта тогда имела миллионную армию, и ее солдаты были, конечно, не чета тем белогвардейским войскам, которые подбирались в то время к России, которые не имели ни организаторов, ни вооружения. Она повела на нас этих солдат, но вышло то, что предсказывали большевики. Они говорили, что дело идет не только о русской, но и о международной революции, что у нас есть союзники—рабочие любой цивилизованной страны. Эти предсказания в прямой форме не осуществились тогда, когда мы предложили мир всем странам. Наш призыв не был встречен всеобщим откликом. Но стачка в январе 1918 г. в Германии ²⁹⁾ показала нам, что мы там имеем не только Либкнехта, который умел с высоты трибуны еще во время царизма называть правительство и буржуазию Германии разбойниками, но что мы имели за себя довольно значительные силы рабочих. Стачка эта кончилась кровопролитием и подавлением рабочих, а в странах Антанты буржуазия обманула рабочих; она про наше обращение или нагала или совсем его не опубликовала, и потому наше обращение в 1917 г. ко всем народам не получило прямого исполнения, и те, кто думал, что революция будет вызвана одним этим обращением, конечно, должны были глубоко разочароваться. Но мы не рассчитывали на одно воззвание, мы рассчитывали на более глубокие движущие силы, мы говорили, что революция в разных странах пойдет иным путем, и, конечно, дело не в том только, чтобы сдвинуть ставленника Распутина ³⁰⁾ или оголтелого помещика, но что дело идет о борьбе с более развитой, просвещенной буржуазией.

И, вот, когда Англия высадила войска на севере, Франция на юге, то тут наступила решительная проба и окончательная развязка. Тут выяснялся вопрос, кто был прав? Правы ли большевики, которые говорили, что, чтобы выйти из этой борьбы, надо рассчитывать на рабочих, или правы меньшевики, когда они говорили, что попытка сделать революцию в одной стране будет безумием и авантюрой, потому что ее раздавят другие страны. Эти речи вы слышали не только от партийных людей, но и от всех, только что начинающих рассуждать о политике. И вот наступила решительная проба. Мы долгое время не знали, каков будет результат. Долгое время мы того результата учесть не могли, но теперь, задним числом, мы этот результат знаем. Уже и в английских газетах, несмотря на бешеную ложь, которая сыпалась на большевиков во всех буржуазных газетах, уже и там стали появляться письма английских солдат из-под Архангельска, в которых говорится, что они встречали на русской земле листки на английском языке, в которых объяснялось, что их обманули, что их ведут воевать против рабочих и крестьян, которые основали свое государство. Эти солдаты писали, что они воевать не согласны. Мы знаем относительно Франции, что там было восстание матросов, за которое теперь еще десятки, сотни, а может быть, и тысячи французов сидят на каторге. Эти матросы заявили, что они не пойдут против Советской Республики. Теперь мы видим, почему в настоящее время ни войска Франции, ни войска Англии не идут на нас, почему английские солдаты уведены из-под Архангельска и английское правительство не смеет вести их на нашу почву.

Один из наших политических писателей, тов. Радек³¹⁾, писал, что русская почва окажется такой почвой, на которой солдаты другой страны воевать не смогут. Это казалось слишком громким обещанием, посулом. Но так оно и вышло. Почва, где совершилась советская революция, оказалась очень опасной для всех стран. Оказалось, что правы были русские большевики, которые успели во время царизма создать единение среди рабочих, а рабочие успели создать маленькие ячейки, которые всех верящих им людей, и французских рабочих, и английских солдат, встречали агитацией на их родном языке. Правда, у нас были только ничтожные листки, в то время как в печати английской и французской агитацию вели тысячи газет, и каждая фраза опубликовывалась в десятках тысяч столбцов, у нас выпускалось всего два, три листка формата четвертушки в месяц, в лучшем случае это приходилось

по одному листку на десять тысяч французских солдат. Я не уверен, что и столько попадало. Почему же все-таки и английские, и французские солдаты доверяли этим листкам? Потому, что мы говорили правду, и потому, что, когда они приходили в Россию, то видели, что они обмануты. Им говорили, что они должны защищать свое отечество, а когда они приходили в Россию, то оказывалось, что они должны защищать власть помещиков и капиталистов, должны душить революцию. Если в течение двух лет мы успели завоевать этих людей, то это потому, что хотя они уже забыли, как они казнили своих королей,—русская революция и победа русских рабочих и крестьян напомнили солдатам Англии и Франции об их революциях, и, благодаря событиям в России, в них всплыли воспоминания о том, что было когда-то и у них.

Здесь и подтверждалось, что большевики были правы, что наши надежды оказались более солидными, чем надежды капиталистов, несмотря на то, что у нас не было ни средств, ни оружия, а у Антанты были и оружие, и непобедимая армия. Вот эти непобедимые армии мы отвоевали себе. Мы добились того, что ни английских, ни французских солдат к нам повести не смеют, потому что по опыту знают, что подобная попытка оборачивается против них. Вот это—одно из тех чудес, которые совершились в Советской России.

Теперь, после четырех лет войны, когда 10 милл. человек убито и 20 миллионов искалечено, теперь, когда империалисты спрашивают себя: «из-за чего была война?»—подобные вопросы приводят к очень интересным разоблачениям. Недавно во Франции были опубликованы переговоры, которые велись в 1916 году. Еще тогда австрийский монарх начал с Францией переговоры о мире, но Франция это скрывала. Альберт Тома¹⁸⁾, который называл себя социалистом и сидел в то время в министерстве, приезжал тогда в Россию для того, чтобы обещать Николаю II Константинополь, Дарданеллы и Галицию. Вот теперь все эти разоблачения всплыли на свет. Они напечатаны во французской газете. И сейчас французские рабочие спрашивают Альберта Тома: «Ты говорил, что пошел в министерство, чтобы защищать французское отечество и интересы французских рабочих, а в 1916 году, когда австрийский монарх предлагал мир, ты, Альберт Тома, скрыл это, и из-за этого погибли миллионы людей для того, чтобы французские капиталисты нажились». Эти разоблачения еще не кончились. Мы их начали тем, что напечатали тайные договоры, и весь мир увидел, из-за чего погибли миллионы жизней, миллионы жертв.

Из-за того, чтобы Николай II получил Дарданеллы и Галицию. Это знали все империалисты. Знали также меньшевики и эс-эры, а если не знали, то они были круглыми идиотами, если до тех пор не изучили настолько политику и дипломатию, что не знали того, что теперь напечатано во французских газетах. Эти разоблачения идут теперь глубже и им не будет конца. Благодаря этому рабочие и крестьяне каждой страны все больше и больше чувствуют правду и уже разбираются, из-за чего была империалистическая война. И потому все больше и больше начинают нам верить, что мы говорили правду, а что империалисты, ведя их на защиту отечества, говорили им ложь.

Вот почему совершилось наше чудо, что мы, бессильные и слабые в военном отношении, отвоевали солдат Англии и Франции. Теперь это уже не предвидение, а факт. Правда, эту победу мы заслужили неслыханными тяготами, мы принесли невероятные жертвы. Последние два года мы испытываем неслыханные мучения голода. Эти мучения обрушились на нас особенно, когда хлебные восток и юг были отрезаны от нас. И тем не менее мы одержали победу в этом завоевании, которое является завоеванием не только нашей страны, но всех стран, всего человечества. Такого положения в истории еще никогда не было, чтобы военные могущественнейшие государства не смогли идти против бессильной в военном отношении Советской Республики. Почему же это чудо свершилось? Потому что мы, большевики, ведя русский народ на революцию, прекрасно знали, что эта революция будет мучительной, знали, что мы понесем миллионы жертв, но мы знали, что трудящиеся массы всех стран будут за нас, и что наша правда, разоблачив всю ложь, будет все больше и больше побеждать.

После того, как державы провалились с походом против России, они испробовали другое оружие: там буржуазия имеет сотни лет опыта и она смогла переменить собственное ненадежное оружие. Прежде давили, душили Россию ее солдаты. Теперь они пробуют душить Россию при помощи окраинных государств.

Царизм, помещики, капиталисты душили целый ряд окраинных народов—Латвию, Финляндию и т. д. Они вызвали здесь ненависть вековым угнетением. Слово «великоросс» стало самым ненавистным словом для всех этих народов, залитых кровью. И вот, провалившись на борьбе против большевиков собственными солдатами, Антанта ставит ставку на маленькие государства: попробуем ими задушить Советскую Россию.

Черчилль, который ведет такую же политику, как Николай Романов, хочет воевать и воюет, не обращая никакого внимания на парламент. Он хвастал, что поведет на Россию 14 государств—это было в 1919 г.—и что в сентябре будет взят Петроград, а в декабре—Москва. Немножко чересчур расхвастался. Он ставил ставку на то, что в этих маленьких государствах везде есть ненависть к России, но забыл, что там ясно представляют себе, что такое Юденич, Колчак, Деникин. Было время, когда они стояли в нескольких неделях от полной победы. Во время похода Юденича, когда он был недалеко от Петрограда, в газете «Таймс», самой богатой английской газете, была помещена статья—я сам читал эту передовицу,—которая умоляла, приказывала Финляндии, требовала: помогите Юденичу, на вас смотрит весь мир, вы спасете свободу, цивилизацию, культуру во всем мире—идите против большевиков! Это говорила Англия, у которой вся Финляндия в кармане, в долгу, как в шелку, и не смеет пикнуть, потому что она не имеет без Англии на неделю хлеба.

Вот какие настояния были, чтобы все эти маленькие государства боролись против большевиков! И это провалилось два раза, провалилось потому, что мирная политика большевиков оказалась серьезной, оказалась оцениваемой ее врагами, как более добросовестная, чем мирная политика всех остальных стран. Целый ряд стран говорил себе: как мы ни ненавидим Великобританию, которая нас душила, но мы знаем, что душил нас Юденич, Колчак, Деникин, а не большевики. Бывший глава белогвардейского финляндского правительства не забыл, как в ноябре 1917 г. он лично у меня из рук брал документ, в котором мы, ничуть не колеблясь, писали, что безусловно признаем независимость Финляндии ³²).

Тогда это казалось простым жестом. Думали, что восстание рабочих Финляндии заставит забыть это. Нет, такие вещи не забываются, когда их подтверждает вся политика определенной партии. И финляндское буржуазное правительство, даже оно говорило: «Давайте рассуждать; мы кой-чему научились все-таки за 150 лет гнета русских царей. Если мы выступим против большевиков, значит, мы поможем посадить Юденича, Колчака и Деникина. А что они такое? Разве мы не знаем? Разве это не те же царские генералы, которые задушили Финляндию, Латвию, Польшу и целый ряд других народностей? И мы этим нашим врагам будем помогать против большевиков? Нет, мы подождем!».

Они не смели прямо отказать: они—в зависимости от Антан-ты. Они не пошли на прямую помощь нам, они выжидали, оттягивали, писали ноты, посылали делегации, устраивали комиссии, сидели на конференциях и просидели до тех пор, пока Юденич, Колчак и Деникин оказались раздавленными, и Антанта оказалась бита и во второй кампании. Мы оказались победителями.

Если бы все эти маленькие государства пошли против нас,—а им были даны сотни миллионов долларов, были даны лучшие пушки, вооружение, у них были английские инструктора, проделавшие опыт войны,—если бы они пошли против нас, нет ни малейшего сомнения, что мы потерпели бы поражение. Это прекрасно каждый понимает. Но они не пошли, потому что признали, что большевики более добросовестны. Когда большевики говорят, что признают независимость любого народа, что царская Россия была построена на угнетении других народов, и что большевики за эту политику никогда не стояли, не стоят и не будут стоять, что войну из-за того, чтобы угнетать, большевики никогда не предпримут,—когда они говорят это, им верят. Об этом мы знаем не от большевиков латышских или польских, а от буржуазии польской, латышской, украинской и т. д.

В этом сказалось международное значение большевистской политики. Это была проверка не на русской почве, а на международной. Это была проверка огнем и мечом, а не словами. Это была проверка в последней решительной борьбе. Империалисты понимали, что у них солдат своих нет, что задуть большевизм можно, только собрав международные силы, и вот все международные силы были побиты.

Что такое империализм? Это—когда кучка богатейших держав душит весь мир, когда они знают, что у них есть полторы тысячи миллионов человек всего мира, и душат их, и эти полторы тысячи миллионов чувствуют, что такое английская культура, французская культура и американская цивилизация. Это значит: грабить кто во что горазд. Ныне три четверти Финляндии уже закуплены американскими миллиардерами. Офицеры, которые приезжали из Англии и Франции в наши окраинные государства инструктировать их войска, вели себя, как русские дворянчики-наглецы в побежденной стране. Они все направо и налево спекулировали. И чем больше голодают финляндские, польские и латышские рабочие, тем больше нажимает на них кучка английских, американских и французских миллиардеров и их приказчиков. И это происходит во всем свете.

Только Российская Социалистическая Республика подняла знамя войны за действительное освобождение, и во всем свете сочувствие поворачивается в ее пользу. Мы завоевали себе через маленькие страны сочувствие всех народов земли, а это сотни и сотни миллионов. Они сейчас угнетены и забиты, это самая неразвитая часть населения, но их просветила война. В империалистическую войну втягивались колоссальные массы народов. Англия тащила полки из Индии, чтобы сражаться против немцев. Франция призвала под ружье миллионы негров, чтобы сражаться против немцев. Из них составлялись ударные группы, их бросали в самые опасные места, где пулеметы косили их, как траву. И они кое-чему научились. Как при царе русские солдаты сказали: «если уж погибать, так пойдем против помещиков»,—так сказали и они: «если погибать, так не для того, чтобы помогать французским разбойникам грабить немецкого разбойника-капиталиста, а для того, чтобы освободиться от капиталистов немецких и французских». Во всех странах мира, в той же самой Индии, где задавлено триста миллионов человек английских батраков, пробуждается сознание и с каждым днем растет революционное движение. Все они смотрят на одну звезду, на звезду Советской Республики, потому что знают, что она пошла на величайшие жертвы ради борьбы с империалистами и устояла против отчаянных испытаний.

Вот что значит вторая побитая карта Антанты. Это значит—победа в международном масштабе. Это значит, что нашу мирную политику одобряет громаднейшее большинство населения земли. Это значит, что число наших союзников во всех странах растет, правда, гораздо медленнее, чем мы хотели бы, но все же растет.

Та победа, которую мы одержали против наступления, подготовленного Черчиллем против нас, показывает, что наша политика верна. И после этого мы одержали третью победу—победу над буржуазной интеллигенцией, над эс-эрами и меньшевиками, которые во всех странах были бешено настроены против нас. Но и они все повернули против войны с Советской Россией. Во всех странах буржуазная интеллигенция, эс-эры и меньшевики—эта порода, к несчастью, имеется во всех странах—осудили вмешательство в дела России. Они выставили во всех странах заявление, что это позор.

Когда Англия предложила немцам блокировать Советскую Россию, а Германия ответила отказом, это взорвало терпение английских и других эс-эров и меньшевиков. Они сказали: «Мы—

противники большевиков и считаем их насильниками и грабителями, но поддерживать предложение немцам, чтобы они вместе с нами душили голодной блокадой Россию, мы не можем». Таким образом внутри неприятельского лагеря, в собственных их странах, в Париже, Лондоне и т. д., где травят большевиков и обращаются с ними так же, как при царе обращались с революционерами,—во всех городах буржуазная интеллигенция выступила с воззванием: «руки прочь от Советской России». В Англии это—лозунг, под которым буржуазная интеллигенция собирает митинги и пишет воззвания.

Вот почему пришлось снять блокаду! Они не могли удержать Эстонию, и мы с нею подписали мир и можем открыть торговые сношения. Мы пробили окно в цивилизованный мир. На нашей стороне сочувствие большинства трудящихся, а буржуазия озабочена, как бы скорей начать торговлю с Россией.

Теперь империалисты нас боятся, им есть чего бояться, потому что Советская Россия вышла из этой войны крепче, чем когда-нибудь. Английские писатели писали, что армия во всем мире разлагается, что если есть во всем мире страна, где армия крепнет, то это — Советская Россия. Они пытались оклеветать т. Троцкого и говорили, что это потому, что русскую армию держат в железной дисциплине, которая проводится беспощадными мерами, а также искусной широкой агитацией.

Мы никогда от этого не отрекались. Война есть война, она требует железной дисциплины. Разве вы, господа капиталисты, не применяли таких средств? А разве вы, господа капиталисты, не развили агитации? Разве у вас не во сто раз больше бумаги и типографий? Если сравнить наше количество литературы с вашей, разве не получится горошинка на нашей и горы на вашей стороне? Однако ваша агитация провалилась, а наша одержала победу.

Эс-эры и меньшевики проделали опыт, нельзя ли обойтись с капиталистами по мирному и перейти от них к социальной реформе. Они по-добру хотели перейти в России к социальной реформе, только чтобы не обижать капиталистов. Они забыли, что господа капиталисты есть капиталисты, и что их можно только победить. Они говорят, что большевики залили страну кровью в гражданской войне. Но разве вы, господа эс-эры и меньшевики, не имели 8 месяцев для вашего опыта? Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским ³³⁾, когда вам помогали кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без

гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему же вы этого не сделали? Потому, что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием. Потому, что нельзя сговориться с капиталистами и мирно их себе подчинить, особенно после четырехлетней империалистической войны. Что же вы думаете, в Англии, Франции, Германии нет умных людей, которые понимают, что они шли на эту войну из-за дележа колоний? Что убито 10 миллионов и искалечено 20 милл. из-за дележа добычи? Вот что представляет из себя этот капитализм! Как же его можно уговорить, как можно согласиться с этим капитализмом, который 20 миллионов людей перекалечил и 10 миллионов убил? И мы меньшевикам и эс-эрам говорим: «Вы имели возможность сделать опыт, почему же у вас не вышло? Потому, что ваша программа была простой утопией, утопией не только в России, но даже и в Германии, в той Германии, где сейчас у власти стоят немецкие меньшевики и эс-эры, которых никто не слушается, в той Германии, в которой немецкий Корнилов ³⁴⁾, вооруженный с ног до головы, готовит реакцию, в той германской республике, где на улицах городов перебито 15 000 рабочих. И это называется «демократической республикой!». И немецкие меньшевики и эс-эры могут еще говорить, что большевики худые, что они привели страну к гражданской войне, а что у них-де социальный мир, что у них только 15.000 рабочих убито на улицах!

Они говорят, что у нас гражданская война и кровопролитие происходят потому, что мы—отсталая страна. Но скажите, почему то же самое происходит и в таких неотсталых странах, как Финляндия? Почему в Венгрии происходит такой белый террор, которым возмущается весь мир? Почему в Германской республике, в которой после свержения кайзера у власти стоят меньшевики и эс-эры, почему там убиты Люксембург ³⁵⁾ и Либкнехт ³⁶⁾? И почему там силен не меньшевик, а Корнилов, и еще сильны там большевики, которые хотя и забиты, но сильны своими убеждениями в правоте своего дела и своим влиянием на массы?

Вот та международная революция, о которой говорили, что ею большевики обманывают народ, а на самом деле вышло, что все надежды на соглашение оказались пустым вздором.

Между самими буржуазными странами разгорается большая грызня. Америка и Япония накануне того, чтобы броситься друг на друга, потому что Япония отсиделась во время империали-

стической войны и забрала себе почти весь Китай, а там 400 миллионов человек. Господа империалисты говорят: «Мы за республику, мы за демократизм, но почему же японцы воровали из-под нашего носа больше, чем следует?». Япония и Америка накануне войны, и удержать эту войну, в которой еще будет убито 10 миллионов и 20 искалечено, нет никакой возможности. Франция тоже говорит: «Кому достались колонии?—Англии!». Франция победила, но она в долгу, как в шелку, у нее безвыходное положение, между тем как Англия обогатилась. Там снова уже начинаются новые комбинации и союзы, там снова хотят броситься друг на друга из-за дележки колоний, и империалистическая война снова нарастает и удержать ее нельзя—нельзя не потому, что капиталист, в отдельности, злой человек,—каждый из них в отдельности человек, как человек,—но потому, что они иначе не в состоянии сыграть из финансовых пут, потому что весь мир в долгу, в кабале, потому что частная собственность привела и будет приводить всегда к войне.

Все это порождает глубже и глубже международную революцию. Благодаря этому мы отвоевали на свою сторону английских и французских солдат, благодаря этому мы завоевали доверие маленьких государств, и наше международное положение теперь так хорошо, как никогда. На основании простого расчета мы говорим, что перед нами еще много тяжелого впереди, но самые большие трудности мы уже одолели. Всемирно могущественная Антанта нам уже не страшна: в решающих сражениях мы ее победили.

Правда, они могут натравить на нас еще Польшу. Польские помещики и капиталисты бурлят, бросают угрозы, что они хотят себе территории 1772 г.³⁷⁾, что они желают себе подчинить Украину. Мы знаем, что Франция поджигает Польшу, бросая туда миллионы, потому что она все равно обанкротилась и ставит теперь последнюю ставку на Польшу, и мы говорим товарищам в Польше, что мы ее свободу бережем, как свободу всякого другого народа, что русский рабочий и крестьянин, испытавший гнет царизма, хорошо знает, чем был этот гнет. Мы знаем, что величайшим преступлением было то, что Польша была разделена между немецким, австрийским и русским капиталом, что этот раздел осудил польский народ на долгие годы угнетения, когда пользование родным языком считалось преступлением, когда весь польский народ воспитывался на одной мысли—освободиться от этого тройного гнета. Поэтому мы понимаем ту ненависть, которой

проникнута душа поляка, и мы им говорим, что никогда ту границу, на которой стоят теперь наши войска,—а они стоят гораздо дальше, чем живет польское население,—мы не перейдем. Мы предлагаем на этой основе мир, потому что мы знаем, что это будет громадное приобретение для Польши. Мы не хотим войны из-за территориальной границы, потому что мы хотим вытравить то проклятое прошлое, когда всякий великоросс считался угнетателем.

Но если Польша отвечает на наше мирное предложение молчанием, если она продолжает давать свободу французскому империализму, который натравливает ее на войну против России, если в Польшу каждый день прибывают новые поезда с военным снаряжением, если польские империалисты нам грозят, что пойдут войной на Россию, то мы говорим: «Попробуйте! вы получите такой урок, что не забудете его никогда».

Когда во время империалистической войны солдаты умирали из-за обогащения царя и помещиков, то мы прямо и открыто говорили, что защита отечества в империалистическую войну есть предательство, есть защита русского царя, который должен получить Дарданеллы, Константинополь и т. п. Но когда мы тайные договоры опубликовали, когда мы пошли на революцию против империалистической войны, когда мы ради этой революции выдержали неслыханные мучения, когда мы доказали, что капиталисты в России подавлены, что они не смеют даже думать о том, чтобы вернуться к старому строю, тогда мы говорим, что мы защищаем не право грабить чужие народы, а мы защищаем свою пролетарскую революцию и будем ее защищать до конца. Ту Россию, которая освободилась, которая за два года выстрадала свою Советскую революцию, эту Россию мы будем защищать до последней капли крови!

Мы знаем, что мы вышли из того времени, когда нас стеснили со всех сторон армии империалистов и когда трудящиеся в России еще несознательно относились к нашим задачам. Царила партизанщина, когда всякий старался захватить оружие себе, не считаясь с целым, когда на местах царили бесчинства и грабежи. За эти два года мы создали единую дисциплинированную армию. Эта задача была очень трудной. Вы знаете, что научиться военному делу сразу нельзя. Вы также знаете, что военные науки имеют дело только с офицерством, полковниками, генералами, которые остались от царской армии. Вы слышали, конечно, что благодаря этим старым полковникам и генералам было много

измен, которые стоили десятки тысяч жизней. Всех таких изменников надо было удалять и в то же время нужно было набирать командный состав из бывших офицеров, чтобы рабочие и крестьяне могли у них учиться, ибо без науки современную армию построить нельзя, и приходится отдавать ее в руки военспецов. Это—задача трудная, но мы и ее одолели.

Мы создали единую армию, которой теперь руководит передовая часть опытных коммунистов, которые везде сумели поставить агитацию и пропаганду. Правда, и империалисты ведут свою агитацию, но сейчас уже крестьяне начинают понимать, что агитация агитации рознь. Они своим инстинктом начинают чувствовать, где правда и где ложь. Во всяком случае та агитация, которую предпринимают меньшевики, которая была со стороны Колчака и Деникина, сейчас уже не имеет того успеха. Возьмите их плакаты и брошюры. Там говорится об Учредительном Собрании, там говорится о свободе и республике, но рабочие и крестьяне, добывшие свободу ценой крови, уже понимают, что под словом «учредилровка» прячется капиталист. И если что решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу, несмотря на то, что Колчака и Деникина поддерживали великие державы, так это то, что в конце концов и крестьяне, и трудовое казачество, которые долгое время оставались потусторонниками, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем случае решило войну и дало нам победу.

Опираясь на эту победу, мы всеми силами должны закрепить ее теперь уже на другом фронте, на фронте бескровном, на фронте войны против разрухи, к которой нас привела война с помещиками и капиталистами, Колчаком и Деникиным. Вы знаете, чего стоила нам эта победа, вы знаете, какую ужасную борьбу нам пришлось выдержать, когда мы были отрезаны от хлебных районов, от Урала и Сибири. В это время московские и петроградские рабочие должны были переносить невыносимые муки голода. Вас пугали словами «диктатура пролетариата». Этим пугали крестьян и трудовое казачество, стараясь им втолковать, что диктатура это значит нахальничество рабочего. На самом же деле в то время, когда Англия и Америка старались поддерживать Колчака и Деникина, рабочие центральных городов, осуществляя свою диктатуру, старались всем показать своим примером, как нужно оторваться от помещиков и капиталистов и идти вместе с трудящимися, так как труд соединяет, а собственность разъединяет. Вот этот урок, который мы выдержали в течение двух лет, и привел

нас к победе. Нас соединил именно труд, тогда как Антанта все время разлагается, потому что собственность сделала из империалистов диких зверей, которые в первую и в последнюю очередь грызутся из-за добычи. Труд же сделал из нас ту силу, которая объединяет всех трудящихся. И теперь уже слово «диктатура» может испугать людей только совсем темных, если такие еще остались в России.

Не знаю, остался ли хоть один человек, которого не научили Колчак и Деникин и который не понимал бы, что пролетариат столичных городов и промышленных центров никогда еще не был в таком тяжелом ⁵положении, как два эти года. Сейчас крестьяне в производящих губерниях, владея землей, берут весь продукт для себя. В первый раз за тысячи лет, после революции большевиков, русские крестьяне работают на себя и могут улучшить свое питание. И в то же время в эти два года борьбы рабочий пролетариат, осуществляя свою диктатуру, претерпевает неслыханные муки голода. Теперь вам понятно, что диктатура—это значит руководство, это значит объединение распыленных, разбросанных трудящихся масс, сплоченное единое целое против капиталистов, чтобы победить капиталистов, чтобы больше не повторялась кровавая бойня, которая уже принесла 10 миллионов убитых и 20 миллионов калек. Чтобы победить такую силу, которая опирается на могущественные армии, на современную культуру, для этого нужна сплоченность всех трудящихся, нужна единая железная воля. И эту единую железную волю могут дать только трудящиеся массы, только пролетариат, только те сознательные рабочие, которые десятками лет воспитывались в борьбе путем стачек, демонстраций, которые сумели свергнуть царизм, те рабочие, которые за два года неслыханно тяжелой гражданской войны вынесли все на своих плечах, сражались в первых рядах, создавши единую Красную армию, в которую вошли десятки тысяч лучших рабочих, крестьян и курсантов, которые гибли в первую очередь, которые в Москве, Петрограде и Иваново-Вознесенске, Твери, Ярославле, во всех промышленных центрах переживали неслыханные муки голода. И вот эти муки сплотили рабочих и заставили крестьян и трудовое казачество производящих губерний поверить в правду большевиков, потому что они этим дали им возможность продержаться в борьбе с белогвардейцами.

Вот почему рабочий класс имеет право сказать, что этими двумястами жертвами и войной он доказал всем трудовым крестья-

янам, всякому трудовому казаку, что нам нужно объединиться, необходимо сплотиться. Нам нужно бороться против тех, кто спекулирует на голоде, потому что выгодно продавать хлеб по тысяче рублей за пуд, а не по твердой цене. На этом можно нажиться, но это ведет назад, к старым временам, и мы опять попадаем в проклятую яму, когда господствовал царизм и когда капиталисты ради своей прибыли бросали человечество на империалистическую бойню. Это поведет назад, это недопустимо. И трудящимся крестьянам и казакам после борьбы против Колчака и Деникина стала ясна та правда, что необходимо сплочение, и они становятся вместе с рабочими и в рабочем классе видят своих руководителей. Трудящиеся крестьяне в рабочей власти не видели никакой обиды и не могут видеть обиды; видели только помещики, капиталисты, кулаки, а это—худшие враги трудящихся, это союзники тех империалистов, которые вызвали все бедствия населения и кровавую войну. Необходимо, чтобы все рабочие, все трудящиеся массы сплотились и только тогда мы одержим победу.

Война кровавая закончена, теперь мы ведем войну бескровную против разрухи, против разорения, нищеты и болезней, в которые нас повергла четырехлетняя империалистическая война и двухлетняя гражданская. Вы знаете, что это разорение ужасно. Сейчас на окраинах России, в Сибири, на юге уже собраны и подвезены десятки миллионов пудов хлеба, а в Москве мучительный голод. Люди умирают от голода потому, что не могут хлеба подвезти, а не могут подвезти потому, что гражданская война разорила страну до конца, разрушила транспорт, разрушила десятки мостов. Испорчены паровозы, и мы не имеем возможности быстро починить их. Мы с трудом добьемся теперь помощи от заграницы. Но мы знаем, что теперь есть возможность перейти к полному восстановлению промышленности.

Как нам быть, чтобы восстановить промышленность, когда мы не можем дать за хлеб товары, потому что их нет?

Мы знаем, что когда Советская власть берет хлеб у крестьян по твердой цене, то она вознаграждает их лишь бумажками. Какая цена этим бумажкам? Это не есть цена за хлеб, а мы можем давать только бумажные деньги. Но мы говорим, что это необходимо, что крестьяне должны давать хлеб в ссуду. И разве хотя бы один сытый крестьянин откажет дать хлеб голодному рабочему, если знает, что этот рабочий, когда подкормится, вернет ему продукты? Ни один честный сознательный крестьянин не отка-

жется дать хлеба в ссуду. Крестьяне, имеющие излишек хлеба, должны дать хлеб государству за бумажные деньги, это и значит ссуда. Этого не понимает, не сознает только сторонник капитализма и эксплуатации, тот, кто хочет, чтобы сытый нажился еще больше на счет голодного. Для рабочей власти это недопустимо, и в борьбе против этого мы не остановимся ни перед какими жертвами!

На восстановление промышленности мы теперь направили все свои силы и идем неуклонно в этой новой войне, в которой мы одержим такую же победу, какие одерживали до сих пор. Мы поручили комиссии ученых и техников разработать план электрификации России. Этот план через два месяца будет готов и даст полную возможность ясно представить себе, как в течение нескольких лет вся Россия будет покрыта сетью электрических проводов и будет восстановлена не по-старому, а по-новому, как она достигнет той культуры, которую наши пленные видели в Германии.

Так мы должны восстановить нашу промышленность, так мы вернем сторицей ту ссуду хлебом, которую берем у крестьян. Мы знаем, что это дело нельзя сделать в год или два; минимальная программа электрификации рассчитана не меньше чем на три года, а полная победа этой культурной промышленности потребует не менее десяти лет. Но если мы сумели продержаться два года в такой кровавой войне, мы сумеем через все трудности продержаться и десять и больше лет. Мы завоевали себе тот опыт руководства трудящимися массами через рабочих, который проведет нас через все трудности на этом бескровном фронте борьбы против разрухи и приведет к большим победам, чем наши победы на войне против международного империализма.

*«Правда» №№ 47, 48 и 49,
2, 3 и 4 марта 1920 г.*

Годовщина третьего Коммунистического Интернационала.

(Речь 6 марта 1920 г. на торжественном заседании Московского Совета.)

Товарищи, со времени основания Коммунистического Интернационала прошел год ³⁸⁾. В течение этого года Коммунистический Интернационал достиг таких побед, на которые нельзя было надеяться, и можно смело сказать, что никто не ожидал таких громадных успехов при его основании.

В первое время революции у многих была надежда, что в Западной Европе начнется социалистическая революция с момента, непосредственно связанного с окончанием империалистической войны, ибо в тот момент, когда массы были вооружены, революция могла пройти с наибольшим успехом и в некоторых странах Запада. Это могло бы произойти, если бы не оказалось, что в Западной Европе более глубокий раскол среди пролетариата, больше предательства бывших социалистических вождей.

Мы до сих пор точно не знаем, как прошла демобилизация и как происходит ликвидация войны. Мы не знаем, напр., что было в Голландии, и только из одной статьи, в которой рассказывалось о речи голландского коммуниста,—из одной статьи, случайно,—много статей было таких,—мне довелось узнать, что в Голландии, стране нейтральной, которая была меньше замешана в империалистической войне, революционное движение приняло такие размеры, что уже было приступлено к образованию Советов. Трульстра ³⁹), один из важнейших фигур оппортунистической голландской с.-д., признал, что рабочие могли бы взять власть в свои руки.

Если бы Интернационал не был в руках предателей, которые спасали в критический момент буржуазию, то много шансов было бы за то, что во многих воюющих странах непосредственно с окончанием войны, а также в некоторых нейтральных странах, где был вооружен народ, революция могла бы произойти быстро, и тогда исход был бы иным.

Оказалось, что это не удалось; революция в таком скором масштабе не удалась, но приходится проделывать весь путь развития, который нам пришлось начать еще до первой революции, до 1905 года, и только благодаря тому, что более десяти лет прошло до 1917 года, мы оказались способными руководить пролетариатом.

В 1905 году была, так сказать, репетиция революции, и отчасти благодаря этому в России удалось использовать момент краха империалистической войны, который дал власть пролетариату. В силу исторических событий, в силу полной гнилости самодержавия нам удалось легко начать революцию, но чем легче удалось начать ее, тем тяжелее этой одинокой стране пришлось ее продолжать. За этот пережитый год мы можем сказать себе, что в других странах, где рабочие более развиты, где более промышленности, где рабочие гораздо более многочисленны,

развитие революции пошло путем более медленным. Оно пошло по нашему пути, но пошло гораздо медленнее.

Этот медленный путь рабочие продолжают, прокладывая дорогу победе пролетариата, которая надвигается с несомненно большею стойкостью, чем это довелось нам, ибо когда помотришь на III Интернационал, то удивляешься быстроте, с которой распространялся за этот год III Интернационал, идя от победы к победе.

Посмотрите, как распространяются во всем мире наши уродливые слова, впрочем слова «большевизм». Несмотря на то, что мы называемся партией коммунистической, что название «коммунист» является научным, общеевропейским, оно в Европе и в других странах меньше распространено, чем слово «большевик». Наше русское слово «Совет»—одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски

Несмотря на ложь буржуазной прессы, несмотря на бешеное сопротивление, которое оказала вся буржуазия, несмотря на это, симпатии рабочих масс оказались на стороне Советов, Советской власти и большевизма. Чем больше буржуазия лгала, тем больше она помогала на весь мир распространить опыт, который мы проделали с Керенским.

Часть большевиков, приехавших из Германии, была встречена у нас нападками и травлей, организованной в «демократической республике» чисто на американский манер, и этой травле Керенский, эс-эры и меньшевики всемерно помогали. Таким образом они всколыхнули слои пролетариата и заставили их думать, что если так травят большевиков, значит это что-нибудь хорошее ⁴⁰⁾.

Когда время от времени получаешь отрывочные сведения из-за границы, когда, не имея возможности следить за всей прессой, прочитаешь, например, номер самой богатой английской газеты «Таймс», когда читаешь, как там приводят большевистские слова, чтобы доказать, что большевики уже во время войны проповедывали гражданскую войну, то приходишь к заключению, что даже умнейшие представители буржуазии совершенно потеряли голову. Если английская газета отмечает книгу «Против течения»⁴¹⁾, рекомендует ее английским читателям и приводит цитаты, чтобы показать, что большевики худшие из худших людей, которые говорят о преступности империалистической войны и проповедают гражданскую войну, то убеждаешься, что вся нена-

видящая нас буржуазия нам помогает, за что кланяемся и благодарим.

У нас нет ежедневной прессы ни в Европе, ни в Америке, информация о нашей работе очень скудна, наших товарищей преследуют ожесточеннейшим образом. Но когда видишь, что богатейшая империалистическая пресса союзников, из которой почерпают свои сведения сотни тысяч других газет, потеряла до такой степени чувство меры, что она, желая поразить большевиков, приводит обильные цитаты из сочинений большевиков, выкапывая их из печатавшихся во время войны изданий, чтобы доказать, что мы говорили о преступности войны и стремились превратить ее в гражданскую войну,—это значит, что они стали, эти умнейшие господа, такими же глупыми, как наш Керенский и его товарищи. Поэтому мы можем ручаться, что эти люди, руководители английского империализма, сделают свое дело помощи коммунистической революции чисто и прочно.

Товарищи, до войны казалось, что главное деление в рабочем движении—это деление на социалистов и анархистов. Это не только казалось, но и было так. В продолжительную эпоху до империалистической войны и революции—объективно революционного положения в громадном большинстве европейских стран не было. Задача состояла в том, чтобы использовать эту медленную работу для революционной подготовки. Социалисты начали это дело, анархисты не понимали этой задачи. Война создала революционное положение, и это старое деление оказалось изживающим себя. С одной стороны, верхушки анархизма и социализма сделались шовинистами, они показали, что значит защищать своих буржуазных грабителей против других грабителей буржуазии, из-за которых война погубила миллионы людей. С другой стороны, в низах старых партий зародились новые течения—против войны, против империализма, за социальную революцию. Таким образом, глубочайший кризис создан из-за войны, и анархисты, и социалисты раскололись потому, что верхушки парламентских вождей социалистов оказались на фланге шовинистов, а в низах все растущее меньшинство отходило от них и стало переходить на сторону революции.

Таким образом рабочее движение всех стран пошло по новой линии,—не по линии анархистов и социалистов, а по линии, способной привести к диктатуре пролетариата. Этот раскол во всем мире наметился и начался еще до существования III Интернационала.

Если мы имели успех, то потому, что мы пришли—тогда, когда положение стало революционным и когда рабочее движение было уже во всех странах, и поэтому мы видим теперь, что внутри социализма и анархизма произошел раскол. Это приводит во всем мире к участию коммунистических рабочих в создании новых организаций и к их объединению в III Интернационале. Такой подход является наиболее правильным.

Если снова поднимаются разногласия, напр., об использовании парламентаризма, то после опыта русской революции и гражданской войны, после того как пред всем миром встала фигура Либкнехта и выяснились его роль и значение между представителями парламентаризма, нелепо отрицать революционное использование парламентаризма. Представителям старого толка ясно стало, что по-старому ставить вопрос о государстве нельзя, вместо старой, книжной постановки этого вопроса явилась на свет в силу революционного движения постановка новая, практическая.

Всей объединенной и централизованной силе буржуазии необходимо противопоставить объединенную и централизованную силу пролетариата. Теперь, таким образом, вопрос о государстве встал на другие рельсы, старое разногласие стало терять смысл. Вместо старого деления рабочего движения возникли новые, во главу угла встало отношение к Советской власти и диктатуре пролетариата.

Советская конституция показала наглядно, что выработала русская революция. На нашем опыте, на изучении его получилось, что все группировки старых задач сводятся к одной: за Советскую власть или против,—либо за буржуазную власть, за демократию, за те нормы демократии, которые, обещая равенство сытых и голодных, равенство капиталиста и рабочего в подаче избирательных бюллетеней, эксплуататоров и эксплуатируемых, скрывали капиталистическое рабство, либо—за власть пролетарскую, за беспощадное подавление эксплуататоров, за Советское государство.

За буржуазную демократию могут стоять только сторонники капиталистического рабства. Мы видим это на белогвардейской литературе Колчака и Деникина. После очистки многих русских городов от этой нечисти, собрана их литература и перевозится в Москву. Можно просмотреть писания русских интеллигентов вроде Чирикова ⁴²⁾ или буржуазных мыслителей вроде Е. Трубецкого ⁴³⁾, и любопытно посмотреть, как они, помогая Деникину.

рассуждают об Учредительном Собрании, о равенстве и т. д. Эти суждения об учредилровке оказывают нам помощь; когда они с такой агитацией проводились в белогвардейских массах, они помогали нам вместе со всем ходом гражданской войны, ходом событий. Своими аргументами они сами доказывали, что за Советскую власть стоят искренние революционеры, сочувствующие борьбе против капиталистов. Это в ходе гражданской войны получает полную отечканенность.

Возражать против необходимости центральной власти, диктатуры и единства воли для того, чтобы пролетариат передовой части спланивался, развивал и ставил старое государство на новую ногу, держа твердо власть в своих руках, и писать рассуждения на эту тему—становится невозможным после проделанного опыта, после того, что было в России, в Финляндии и в Венгрии, после годичного опыта в демократических республиках, в Германии. Демократия сама разоблачила себя окончательно; вот почему во всех странах в самых различных формах многочисленные признаки усиления коммунистического движения за Советскую власть, за диктатуру пролетариата выросли неукротимо.

Этот рост дошел до того, что такие партии, как немецкие независимцы и французская социалистическая партия, в которых господствуют вожди старого типа, не понявшие ни новой агитации, ни новых условий, которые парламентской деятельности несколько не изменили, а превращают ее в средство отболтаться от важных задач и парламентскими прениями занять рабочих,—даже эти вожди вынуждены признать диктатуру пролетариата и власть Советов. Это потому, что масса рабочих, которая дает себя знать, заставила их это сделать.

Вы знаете из речей других товарищей, что это отпадение немецкой партии независимцев, это признание диктатуры пролетариата и Советской власти было последним решительным ударом, нанесенным II Интернационалу. Учитывая положение дел, можно сказать, что II Интернационал убит, и массы рабочих в Германии, Англии и Франции переходят на сторону коммунистов. В Англии мы также имеем партию независимцев, которая продолжает стоять на точке зрения легальности и осуждать насилия большевиков. Недавно в их газете появился отдел дискуссии. Дискуссия, это—значит обсуждение. И вот там обсуждается вопрос о Советах, и рядом со статьей, которая в английских рабочих газетах напечатана, мы видим статью англичанина, который не желает считаться с теорией социализма, а сохраняет прежнее, глупое пре-

небрежение к теории, но, учитывая условия английской жизни, приходит к определенному выводу и говорит: «мы не можем осуждать Советы, а должны быть за них».

Это признак того, что даже в отсталых слоях рабочих, в таких странах, как Англия, начался сдвиг, и можно сказать, что старые формы социализма убиты навсегда.

Европа идет к революции не так, как мы пришли, но Европа, по существу, проделывает то же самое. Каждая страна по-своему должна проделывать и начала проделывать внутреннюю борьбу и против своих меньшевиков и против своего оппортунизма и эс-эрства, которое существует под другим названием и в большей или меньшей степени во всех странах.

Именно потому, что они самостоятельно переживают этот опыт, можно ручаться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема, и чем больше колебаний в рядах врагов и неуверенности, выражающейся в том, что они заявляют, что большевики—это преступники и что они никогда не заключат с нами мира,—тем лучше для нас.

Теперь они говорят: «если торговать, то не признавая большевиков!». Мы ничего против не имеем: пожалуй, попробуйте, господа! Что касается того, что вы не признаете нас, мы это понимаем. Мы считали бы ошибкой с вашей стороны, если бы вы нас признали. Но если вы так запутались, что сначала объявляете большевиков нарушителями всех законов божеских и человеческих, объявляете, что не будете с ними разговаривать и мириться, и потом говорите, что будете приступать к обмену, не признавая нашей политики,—это такая победа для нас, которая в народных массах каждой страны подтолкнет коммунистическое движение и углубит его. Оно так глубоко, что кроме тех, кто примыкает официально к III Интернационалу, наметился целый ряд движений в передовых странах, которые, не примыкая ни к социализму, ни к коммунизму, продолжают осуждать большевизм, вместе с тем подходя к нему силою событий.

Война в XX веке в цивилизованной стране заставляет правительства разоблачать самих себя. Во французской газете опубликованы документы бывшего австрийского императора Карла, который в 1916 году предлагал Франции заключить мир. Теперь его письмо опубликовано, и рабочие обращаются к лидеру социалистов, к Альберту Тома¹⁸⁾, и спрашивают: «вы были тогда в правительстве, и вашему правительству предлагали мир. Что вы тогда делали?». Когда спросили об этом Альберта Тома, он промолчал.

Эти разоблачения только теперь начались. Народные массы грамотны и относятся к войне по-старому они в Европе и в Америке не могут. Они спрашивают: из-за чего 10 миллионов людей было убито и 20 миллионов искалечено? Поставить этот вопрос, значит заставить народные массы повернуть к диктатуре пролетариата. Поставить этот вопрос, значит ответить на него: из-за того перебили 10 милл. человек и сделали 20 милл. калеками, чтобы решить вопрос, кто больше наживается—немецкие ли капиталисты или английские? Это правда, и как ее ни скрывали, она пробивает себе дорогу.

Крах капиталистических правительств неминуем. Ибо все видят, что новая такая же война неизбежна, если у власти останутся империалисты и буржуазия. Между Японией и Америкой вырастают новые споры и конфликты. Они подготовлены десятилетиями дипломатической истории обеих стран. Войны неизбежны на почве частной собственности. Война между Англией, которая награбила колоний, и Францией, которая считает себя обойденной, неизбежна. Никто не знает того, где и как она прорвется, но все видят и знают и говорят о том, что война неизбежна и готовится снова.

Это положение в XX веке в странах поголовной грамотности обеспечивает нам то, что о старом реформизме и анархизме не может быть речи. Они убиты войной. Говорить о том, чтобы реформами переделать капиталистическое общество, которое сотни миллиардов рублей отдало на войну, говорить о том, чтобы переделать это общество без революционной власти и насилий, без величайших потрясений,—так говорить нельзя. Тот, кто говорит и думает так, теряет всякое значение.

Коммунистический Интернационал силен тем, что опирается на уроки всемирной империалистической бойни. В каждой стране из опытов миллионов людей подтверждается правильность его позиции все больше и больше, и тяга к Коммунистическому Интернационалу теперь в сто раз шире и глубже, чем была до сих пор. Она дала в течение одного года полный крах II Интернационала.

Нет ни одной страны в мире—даже самой неразвитой, где бы все мыслящие рабочие не присоединялись к Коммунистическому Интернационалу, не примыкали бы к нему идейно. В этом полная гарантия того, что победа Коммунистического Интернационала во всем мире в срок, не чрезмерно далекий—эта победа обеспечена

Речь на первом заседании Московского Совета Р., К. и К. Д. нового состава ⁴⁴⁾.

(8 марта 1920 г.)

Позвольте мне сказать несколько слов о тех задачах, которые в связи с общим положением страны ложатся в особенности на московских рабочих и больше всего и прежде всего на Московский Совет.

Я сегодня только-что получил телеграмму от члена Реввоенсовета Кавказского фронта, в которой сообщается, что упорство противника во всех направлениях сломлено. После ликвидации фронта Колчака мы стоим недалеко от того времени, когда и Деникинский фронт будет окончательно уничтожен. Но, товарищи, как бы благоприятно ни сложились для нас результаты гражданской войны и международного положения, хотя империалистические державы явным образом находятся накануне того, чтобы быть окончательно сломленными, хотя бы все попытки, направленные против нас, потерпели крах, как бы ни было благоприятно это положение, надо сказать, что не все еще кончено.

Империалистическая Франция делает отчаянные попытки втравить Польшу в войну с Россией. Вы все знаете из решений В. Ц. И. К., а также из всех заявлений, которые были сделаны на казачьем и на многих других съездах, что Советская Республика сделала с своей стороны все возможное, чтобы эту войну предотвратить, что мы не только официально, но и самым дружеским образом предложили польскому народу мир. Мы признали дружеским образом независимость польского государства и нами сделано самое определенное заявление с этой стороны. Мы в военном отношении сделали все, чтобы помешать возможности польским помещикам и капиталистам осуществить свои намерения— может быть, не столько свои намерения, сколько намерения империалистической Франции, у которой они сидят за спиной и у которой они в долгу, как в шелку. Мы сделали все, чтобы помешать осуществить намерения этих капиталистов и помещиков, направленные против России. Мы видим также, что внутри Польши положение настолько тяжелое, что, только чувствуя свою гибель, польские помещики и капиталисты могут идти на подобную авантюру. Все это так, но мы должны быть настороже. Мы должны сохранить, развить и усилить свою военную готовность, чтобы осуществить ту задачу, которая стоит перед рабочим клас-

сом. Все попытки, направленные на Российскую Республику и на рабочий класс, должны получить самый решительный отпор, и империалисты должны быть разбиты окончательно.

Мы нисколько не скрываем от себя и в первую голову от московских и других русских рабочих, что теперь требуется новое напряжение сил, новые гигантские жертвы. Теперь как раз конец зимы—март. У нас обострилась нужда, голод, обострилось все то, что связано с возрождением производительных сил, в особенности с возрождением нашего транспорта. Перед нами теперь стоит задача восстановления разрушенной страны, разрушенного хозяйства. Эта задача без войны на фронте бескровном осуществлена быть не может. Передовой рабочий класс, который заседает в новом Московском Совете, должен помнить это прежде всего потому, что рабочие московские всегда останутся образцом, за которым будут следить рабочие других городов.

Надо нам помнить, что мы осуществляем задачу социальной революции в стране, где большую часть населения составляют крестьяне. И среди них мы видим богатое крестьянство, у которого много всего. Оно не хочет отдавать хлеб и продукты государству и требует свободы торговли, подзуживаемое эс-эрами и меньшевиками, которые считают своим долгом (да больше им нечего делать!), проповедуя идеи демократии, держаться за свободную торговлю. Мы должны применить героические меры и усилия, чтобы эта свободная торговля хлебом не могла процветать, потому что крестьяне, имеющие излишки хлеба и желающие на этих излишках эксплуатировать своего голодного брата, представляют собой того врага рабочего класса, с которым мы должны бороться. Наше отношение к этим держателям хлебных излишков должно быть вполне определенным: это лежит в основе диктатуры рабочего класса. Говорить о том, что только крестьянин-труженик может быть нашим братом, для нас излишне. Мы все это давно знаем. Но крестьянин, имеющий излишки хлеба и спекулирующий этими излишками на своем брате, брате голодном, который живет рядом с ним и не имеет возможности таких излишков хлеба заготовить, этот крестьянин, конечно, наш враг, и мы с ним будем бороться со всей жестокостью и со всей беспощадностью. Задача труда—победа над мелким спекулянтом, над мелким собственником—трудная задача. Спекуляция не может быть уничтожена в один год, для ее уничтожения нужно работать длительный ряд лет. Для осуществления этой задачи нужно организованное упорство, понимание, применение в течение длительного ряда

лет неуклонно, шаг за шагом, незавершающейся работы, повседневной борьбы, которая особенно тяжела и которая дает, сплошь и рядом, на каждом шагу победу спекулянту, победу крестьян над рабочими. Мы будем бороться на фронте бескровном, чтобы голодный получил от сытого те излишки, которые последний имеет, несмотря ни на что, несмотря и на желания эс-эров и меньшевиков провести свободную торговлю и оставить у сытого эти излишки.

Мы в течение этих двух лет провели громадную работу. Мы привлекли к этой работе массу крестьян и рабочих, мы сумели отовсюду взять то, что нам было нужно. В то время, как белые офицеры, бывшие царские офицеры сражались против нас на стороне наших врагов, десятки и сотни этих специалистов были нами привлечены и переварены в нашей работе. Они помогали нам работать вместе с нашими комиссарами. Они сами учились у нас работе и давали нам взамен свои технические познания. Только при их помощи Красная армия смогла одержать те победы, которые она одержала. Сейчас мы должны перевести всю эту работу в другое русло. Эта работа должна быть работой мирного характера. Мы должны все перевести к работе на фронте труда. Мы должны руководить нашими бывшими собственниками, которые были нашими врагами. Мы должны мобилизовать всех способных трудиться и заставить их работать вместе с нами. Мы должны во что бы то ни стало стереть с лица земли следы их политики — политики меньшевиков и эс-эров, которая говорит о свободе личной и т. п., потому что эта политика обрекает нас на голод. Это отношение должно быть проведено во все части нашей работы. Передовая часть пролетариата берет на себя руководство остальным населением и говорит: «мы вас должны довести до полного понимания и проведения в жизнь наших идей, как мы довели вас до того, что вы все больше и больше становитесь на нашу сторону».

Прежде всего здесь у нас стоит на очереди задача очистить Москву от той грязи и запущенности, в которую она попала. Мы должны провести это, чтобы стать примером для всей страны, в которую все сильнее и сильнее внедряется эта грязь, несущая с собой эпидемии и болезни. Мы должны дать этот пример здесь в Москве — пример, какие Москва уже не раз давала.

С весны мы должны осуществить контроль рабочих масс. Мы должны провести его относительно тех огородников, которые расселены вокруг Москвы и которые, пользуясь тем, что рядом жи-

вет голодный брат, кладут себе в карман миллионы. Благодаря тому, что всякий грамотный огородник может наживать на своем бедном соседе невероятные деньги, получается безобразная несправедливость, допустить которую мы не можем.

Что мы должны сделать? Нужно, чтобы специалисты отдали нам свои знания для проведения в жизнь наших идей. Нужно, чтобы класс, обновивший сейчас Московский Совет, бросился на эту работу. Нужно, чтобы эта работа осуществлялась более реально и более детально, чем прежде.

Мы знаем, что количество пролетариата не так велико, но мы также знаем, что петроградские рабочие, которые шли первыми в ряды Красной армии, отдавали себя в те моменты, когда нам это нужно было,—отдавали себя на борьбу с врагом больше, чем мы предполагали, сколько они могут дать. Мы говорим, что Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск дали нам огромное количество людей, но это еще не все: они должны нам дать столько, сколько нам нужно. Сейчас нам нужно использовать всех тех буржуазных специалистов, которые, накопив свои знания в прошлом, должны расплачиваться этими знаниями теперь. Вот с помощью этих специалистов мы и должны провести нашу работу. С их помощью мы должны победить все, что нам нужно победить, и создать наши боевые рабочие ряды, которые бы у них учились и их направляли, которые всегда обращались бы к широкой рабочей среде для разъяснения этого опыта. Вот это Московскому Совету, как одному из первых по значению, одному из самых крупных пролетарских Советов, и придется, во что бы то ни стало, осуществлять. Полторы тысячи членов Московского Совета, плюс кандидаты к нему—это тот аппарат, которым вы можете черпать из широкой массы и привлекать неустанно ее, еще неопытную, к управлению государством.

Рабочие и крестьянские массы, которые должны создать все наше государство, теперь должны создать государственный контроль. Вы получите этот аппарат посредством рабочих и крестьянских масс, посредством рабоче-крестьянской молодежи, в которой пробудились в невиданной степени самостоятельное желание, готовность и решимость самим взяться за дело государственного управления. Получив понимание из опытов войны, мы выдвинем крестьянские тысячи, прошедшие советскую школу, людей, способных управлять государством. В рабочую инспекцию вы должны привлечь самых боязливых и неразвитых, самых робких рабочих и должны двинуть их вверх. Пусть они поднимаются в

этой работе. Посмотрев, как рабочая инспекция участвует в государственных делах, пусть они от простейших занятий, на которые способны—сначала только в виде понятых,—пусть они постепенно переходят от роли понятых к государственным делам.

Выполучите из широких источников помощников, которые возьмут на себя государственное бремя, придут на помощь и на работу. Нужны десятки тысяч новых передовых рабочих. Опирайтесь на беспартийных рабочих и крестьян; опирайтесь на них, потому что наша партия должна оставаться узкой, будучи окружена врагами со всех сторон. В тот период, когда всеми средствами борьбы, обмана и провокации враждебные элементы стараются или присосаться или использовать то положение, что правительственная партия дает известные льготы, нужно действовать в связи с беспартийными. Законы о рабоче-крестьянской инспекции дают право **приглашать** представителей беспартийных рабочих и крестьян и их конференций к делу государственного управления.

В этом аппарате вы имеете одно из средств, которое даст возможность увеличить количество рабочих и крестьян, чтобы нам в течение долгого ряда лет завоевать победу на внутреннем фронте. Эта победа так просто, так решительно и ясно, как на фронте внешнем, еще долго не скажется. Эта победа требует бдительности и усилий, и ее вы сможете обеспечить тем, что будете исполнять задачи строительства Москвы и окрестностей и помогать общей работе по воссозданию транспорта, по воссозданию той общей хозяйственной организации, которая поможет избавиться от прямого и косвенного воздействия спекулянтов и победить старые традиции капитализма. На это не жаль потратить несколько лет. Даже и при таких условиях подобные общественные преобразования явятся еще не виданными, и здесь ставить задачи, рассчитывая на краткое время, было бы большой ошибкой.

Позвольте закончить выражением надежды и уверенности, что обновленный Московский Совет, учитывая весь опыт, который в процессе гражданской войны приобретен предыдущим составом, почерпнет новые силы из молодежи и возьмется за дело хозяйственного строительства так энергично и твердо, с таким упорством, с каким вы раньше брались за военное дело, чтобы одержать не блистательные, но зато более солидные и существенные победы.

«Правда» № 53,

9 марта 1920 г.

Речь на III Всеросс. съезде рабочих водного транспорта.

(15 марта 1920 г.)

Работа водного транспорта представляет сейчас для Советской России совершенно исключительную важность и значение, и потому можно быть уверенным, что к задачам, которые ложатся на работников водного транспорта, съезд отнесется с самым большим вниманием и заботливостью.

Позвольте мне остановиться на вопросе, который сейчас больше всего интересует партию коммунистов, профсоюзы и, несомненно, дебатруется оживленно вами,—на вопросе об управлении промышленностью. Вопрос этот специально поставлен в порядок дня партийного съезда⁷⁾. По этому вопросу публикуются тезисы. Необходимо его обсудить и товарищам водникам. Вы знаете, что одним из спорных пунктов, который вызывает в печати и на собраниях оживленные споры, является вопрос об единоличности и коллегиальности управления. Я думаю, что нередко в этом вопросе то предпочтение, которое отдается коллегиальности, свидетельствует о недостаточном понимании задач, стоящих перед республикой, даже более того,—часто свидетельствует о недостаточном уровне классового сознания. Когда я размышляю об этом вопросе, то мне всегда хочется сказать: не довольно еще рабочие учились у буржуазии. Это сказывается наглядно на тех странах, где господствуют демократические социалисты или социал-демократы, которые теперь в Европе и Америке под разными соусами, в тех или иных формах союза с буржуазией, принимают участие в управлении. Им бог велел разделять старые предрассудки, но у нас, после двух лет господства пролетариата, нужно не только желать, но и добиваться, чтобы классовое сознание пролетариата от классового сознания буржуазии не отставало. А посмотрите: как управляет государством буржуазия? Как она организовала класс буржуазии? Мог ли найтись в прежнее время хоть один человек, который, стоя на точке зрения буржуазии и будучи верным защитником ее, рассуждал бы так, что какое же это управление в государстве, когда существует единоличная власть? Если бы такой глупец из буржуазии нашелся, его бы товарищи из собственного класса подняли бы на смех, и он ни говорить, ни рассуждать не мог бы ни на одном ответственном собрании господ капиталистов и буржуев. Ему бы сказали: разве вопрос о том, управлять ли че-

рез одно лицо или через коллегия, разве этот вопрос связан с вопросом класса?

Самая умная и богатая буржуазия английская и американская; английская даже более опытная во многих отношениях и лучше умеющая управлять, чем американская. И разве она нам не дает образцов того, как она проявляет максимум единоличной диктатуры, максимум быстроты управления и власть целиком и полностью сохраняет в руках своего класса? Вот это урок, товарищи, мне кажется, если вы над ним подумаете, если вы припомните не очень далекое время, когда в России господствовали господа Рябушинские, Морозовы и другие капиталисты, если припомните, как они после свержения самодержавия в течение 8 месяцев власти Керенского, меньшевиков и эс-эров сумели великолепно, с замечательной быстротой перекраситься, кем угодно себя называть, какую угодно внешнюю формальную уступку сделать и целиком и полностью сохранить власть в руках своего класса. Я думаю, что размышление над английским уроком и над этим конкретным примером даст больше для понимания вопроса единоличного управления, чем многие отвлеченные резолюции, сочиненные теорией и наперед выписанные.

Коллегиальность будто бы означает управление рабочих, а единоличие будто бы—нерабочее управление! Одна постановка этого вопроса, одна аргументация такого рода доказывает, что нет еще у нас сознания, достаточно ясного классового сознания. Что у нас менее ясное классовое сознание, чем у господ буржуев, это понятно. Они учились управлять не два года, а двести лет, а если взять европейскую буржуазию, то много больше чем 200 лет. Нам не следует впадать в отчаяние от того, что мы не смогли всему научиться в два года, но важно,—этого требуют события,—чтобы мы научились скорее, чем наши враги. Они могли учиться сотни лет, у них есть возможность переучиваться и исправлять свои ошибки, потому что они в мировом масштабе бесконечно сильнее нас. У нас учиться нет времени, мы должны ставить вопрос о коллегиальности управления с положительными конкретными данными. Я уверен, что вы придете к линии, намеченной в данном вопросе Ц. К. партии, которая опубликована и которую в любом партийном собрании обсуждают, но для деловых людей, для работников водного транспорта, проработавших два года, она является бесспорной.

Я надеюсь, что громадное большинство присутствующих, на практике знакомое с управлением, поймет, что мы не должны

ограничиваться общей постановкой вопроса, а должны превратиться в деловых серьезных людей, которые устраняют коллегии и управляют без них.

Всякая работа управления требует особых свойств. Можно быть самым сильнейшим революционером и агитатором и совершенно непригодным администратором. Но тот, кто присматривается к практической жизни и имеет житейский опыт, знает, что, чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование. Вот те условия, которые мы должны удовлетворять во что бы то ни стало. И вот, когда мы ставим общие резолюции, толкующие с важным видом знатоков о коллегияльности и единоличности управления, мы постепенно убеждаемся, что мы почти ничего не знаем в области управления, но начинаем кое-чему учиться на основании опыта, взвешивать каждый шаг, выдвигать каждого более или менее способного администратора.

Вы знаете из дебатов Ц. К., что мы не против того, чтобы ставить рабочих во главе, но мы говорим, что решение вопроса должно быть подчинено интересам производства. Нам ждать нельзя. Страна так разорена, бедствия достигли теперь такой громадной силы,—голод, холод и общая нужда,—что так дальше продолжаться не может. Никакая преданность, никакое самопожертвование не спасут нас, если мы не спасем физического существования рабочих, если мы не предоставим им хлеба, если не сумеем заготовить в громадном количестве соли, чтобы вознаграждать крестьян не цветными бумажками, на которых долго держаться нельзя, а правильно организовав товарообмен. Тут вопрос самого существования всей власти рабочих и крестьян, самого существования Советской России стоит на карте. Когда некомпетентные люди стоят во главе управления, когда не подвезено топливо во-время, когда не починены паровозы, пароходы и баржи, самое существование Советской России стоит на карте.

Наш железнодорожный транспорт разорен, несомненно, больше водного. Он разорен гражданской войной, которая больше всего шла на сухопутных путях: больше всего с обеих сторон разоряли мосты, а это сказалось на разрушении всего железнодорожного транспорта в отчаянных размерах. Мы его восстановим. Почти каждый день мы видим, как мы его восстанавливаем по мелочам. Но мы восстановим его нескоро. Если передовые и куль-

турные страны испытывают разорение транспорта, то как восстановить его в России? А поправить надо его быстро, потому что такой зимы, какой была эта зима, вынести больше население не может. Несмотря ни на какой героизм рабочих, несмотря ни на какое самоотвержение, рабочие не смогут вынести всех страданий от голода, холода, сыпняка. Поэтому ставьте вопрос управления, как деловые люди. Добивайтесь, чтобы управление шло с наименьшей затратой сил, чтобы администраторы были способны, будь то спецы или рабочие; чтобы они шли работать или управлять; чтобы считалось преступлением, если они не участвуют в управлении. Учитесь на собственном практическом опыте. Учитесь также у буржуазии. Она умела держать свое классовое господство, она имела опыт, без которого мы не можем обойтись; отмахнуться от него было бы величайшим самомнением и величайшей опасностью для революции.

Прежние революции гибли именно потому, что рабочие не могли удержаться твердой диктатурой и не понимали, что одной диктатурой, одним насилием, принуждением удержаться нельзя; удержаться можно только, взяв весь опыт культурного, технического, прогрессивного капитализма, взявши всех этих людей на службу. Когда рабочие принимаются в первый раз за дело управления и относятся недружелюбно к спецу, к буржую, к капиталисту, который вчера был еще директором, наживал миллионы, угнетал рабочих, мы говорим,—и, вероятно, большинство из нас говорит то же самое,—что эти рабочие только начали переходить к коммунизму. Если бы можно было строить коммунизм из спецов, не проникнутых буржуазным взглядом, это было бы очень легко, но только коммунизм этот был бы фантастическим. Мы знаем, что с неба ничего не свалится, мы знаем, что коммунизм вырастает из капитализма, что только из его остатков можно построить коммунизм, из плохих, правда, остатков,—но других нет. Того, кто мечтает о таком фантастическом коммунизме, надо гнать из всякого делового собрания и надо оставить в этом собрании людей, которые из остатков капитализма умеют дело делать. Трудности этого дела громадны, но это плодотворная работа, и всякого специалиста надо ценить, как единственное достояние техники и культуры, без которого ничего, никакого коммунизма не может быть.

Если наша Красная армия в другой отрасли одержала победы, то это потому, что мы эту задачу сумели решить по отношению к Красной армии. Тысячи бывших офицеров, генералов, полковников царской армии нам изменяли, нас предавали, и от этого гибли тысячи лучших красноармейцев, вы знаете это, но десятки

тысяч нам служат, оставаясь сторонниками буржуазии, а без них Красной армии не было бы. Вы знаете, когда без них мы пробовали создать два года тому назад Красную армию, то получилась партизанщина, разброд, получилось то, что мы имели 10—12 миллионов штыков, но ни одной дивизии, ни одной годной к войне дивизии не было, и мы неспособны были миллионами штыков бороться с ничтожной регулярной армией белых. Этот опыт дался нам кровавым путем и этот опыт надо перенести в промышленность.

Тут опыт говорит, что всякого представителя буржуазной культуры, буржуазного знания, буржуазной техники надо ценить. Без них мы не сумеем построить коммунизма. Рабочий класс, как класс, управляет, и когда он создал Советскую власть, эта власть находится в его руках, как класса, и он всякого представителя буржуазных интересов может взять за шиворот и выкинуть вон. В этом состоит власть пролетариата. Но, чтобы построить коммунистическое общество, давайте сознайтесь откровенно в нашем громадном неумении вести дела, быть организаторами и администраторами. Мы должны подходить к делу с величайшей осторожностью, помня, что только тот пролетарий является сознательным, который умеет подготовить к делу предстоящей кампании буржуазного спеца и ни одной лишней минуты не тратит на расходование человеческой силы, какая всегда тратится излишне на коллегиальность.

Я повторяю, что от предстоящей кампании водного транспорта наша судьба, может быть, больше зависит, чем от предстоящей войны с Польшей, если нам ее навяжут. Ведь война уперлась в разрушенный транспорт. У нас войска много, но мы не можем его подвезти, не можем снабдить его продовольствием, не можем подвезти соли, которой у нас масса, а без этого товарообмена никакие правильные сношения с крестьянами немыслимы. Вот почему на теперешнюю водную кампанию вся республика, вся Советская власть, все существование рабоче-крестьянской власти возлагает задачи исключительной, величайшей важности. Нельзя терять ни одной недели, ни одного дня, ни одной минуты, надо остановить эту разруху и устроить и учетверить возможности.

Все зависит, может быть, от топлива, но положение с топливом теперь лучше, чем в прошлом году. Мы дров можем сплавить больше, если не допустим беспорядка. У нас во много раз дело обстоит лучше с нефтью, не говоря уже о том, что Грозный, наверное, в близком будущем будет в наших руках, и если это—все-таки еще вопрос, то Эмбенская промышленность в наших руках,

а там от 10 до 14 милл. пудов нефти сейчас уже имеется. Если водный транспорт во-время и быстро поможет сплавить к Саратову громадное количество строительного материала, то мы сладим с железной дорогой к Эмбе. А вы знаете, что значит иметь нефть для водного транспорта! За короткое время поставить железные дороги на высоту мы не сможем. Дай бог,—т.-е., конечно, не бог, а умение преодолеть старые предрассудки рабочих,—если мы немного улучшим железные дороги в 4—5 месяцев. И вот водный транспорт должен сделать водную кампанию. Дело героическое!

Одним налетом, подъемом, энтузиазмом ничего сделать нельзя; только организация, выдержка, только сознательность поможет, когда будет говорить сильнее не тот, кто боится буржуазного специалиста, кто угощает общими фразами, а тот, кто умеет утвердить, осуществить твердую власть, хотя бы единоличную, но осуществить ее во имя интересов пролетариата, понимая, что все зависит от водного транспорта.

Чтобы двигать вперед, надо установить лестницу; чтобы неверующего продвинуть по лестнице, нужно наладить дело, нужно выбирать и выдвигать людей, которые умеют налаживать водный транспорт. У нас есть люди, которые говорят по поводу военной дисциплины: «Вот еще! К чему это?» Такие люди не понимают положения России и не понимают, что на фронте кровавом у нас борьба кончается, а на фронте бескровном начинается и что тут не меньше нужно напряжения, сил и жертв и ставка тут не меньше и сопротивление не меньшее, а гораздо большее. Всякий зажиточный крестьянин, всякий кулак, всякий представитель старой администрации, который не хочет действовать за рабочего,—это все враги и их больше, чем сторонников. Не делайте для себя никаких иллюзий! чтобы победить, нужна величайшая борьба, нужна железная, военная дисциплина. Кто этого не понял, тот ничего не понял в условиях сохранения рабочей власти и приносит своими соображениями большой вред этой самой рабоче-крестьянской власти.

Вот почему,—товарищи, я заканчиваю свое слово надеждой и уверенностью, что к предстоящей водной кампании вы отнесетесь с величайшим вниманием и поставите себе задачу, не останавливаясь ни перед какими жертвами, создать настоящую, железную, военную дисциплину и создать такие же чудеса в водном транспорте, какие за два года были сделаны нашей Красной армией.

ДОКЛАД И РЕЧИ НА IX СЪЕЗДЕ Р. К. П.

29 марта—5 апреля 1920 г.

*«Девятый съезд
Российской Коммунистической
партии».
Стенографический отчет.
Госуд. Изд. 1920 г.*

Вступительная речь ⁴⁵⁾.

(Торжественное заседание 29 марта в Большом театре.)

Позвольте мне прежде всего от имени Ц. К. Р. К. П. приветствовать съехавшихся делегатов на партийный съезд.

Товарищи! Мы открываем очередной партийный съезд в момент в высшей степени важный. Внутреннее развитие нашей революции привело к самым большим, быстрым победам над противником в гражданской войне, а в силу международного положения эти победы оказались не чем иным, как победой Советской революции в первой стране, совершившей эту революцию,—в стране самой слабой и отсталой, победой над соединенными всемирными капитализмом и империализмом. После этих побед мы можем теперь со спокойной и твердой уверенностью приступить к очередным задачам мирного хозяйственного строительства, с уверенностью, что настоящий съезд подведет итоги более чем двухлетнему опыту советской работы и сумеет воспользоваться приобретенным уроком для решения предстоящей более трудной и сложной задачи хозяйственного строительства. В международном отношении наше положение никогда не было еще так выгодно, как теперь, и что особенно наполняет нас радостью и бодростью, это те вести, которые каждый день мы получаем из Германии и которые показывают, что, как ни трудно, ни тяжело рождается социалистическая революция, пролетарская советская революция в Германии растет неудержимо. Немецкая корниловщина ³⁴⁾ сыграла и в Германии такую же роль, как и в России. После корниловщины начался поворот к рабочей власти не только в массах городских рабочих, но и в сельском пролетариате Германии, и этот поворот имеет всемирное историческое значение. Он дает нам не только еще и еще раз абсолютное подтверждение правильности пути, он дает нам уверенность, что не далеко время, когда мы будем идти рука об руку с немецким Советским правительством.

Отчет Центрального комитета Р. К. П.

(Заседание 29 марта.)

Товарищи, прежде, чем начать доклад, я должен сказать, что доклад разделен, как было это и на предыдущем съезде, на две части: на политическую часть и на организационную. Это разделение прежде всего наводит на мысль о том, как сложилась работа Ц. К. с внешней, организационной стороны. Наша партия прожила теперь первый год без Я. М. Свердлова⁴⁶⁾, и эта потеря не могла не сказаться на всей организации Ц. К.; так уметь объединить в одном себе организационную и политическую работу, как умел это делать тов. Свердлов, не умел никто, и нам пришлось попытаться заменить его работу работой коллегии.

Работа Ц. К. за отчетный год велась в смысле текущей вноседневной работы двумя выбранными на Пленуме Ц. К. коллегиями—организационным бюро Ц. К. и политическим бюро Ц. К., при чем, для согласования и последовательности решений того и другого учреждения, секретарь входил в оба бюро. Дело сложилось таким образом, что главной настоящей задачей оргбюро было распределение партийных сил, а задачей политического бюро—политические вопросы. Само собою понятно, что это разделение до известной степени искусственно; понятно, что никакой политики нельзя провести, не выражая ее в назначении и перемещении. Следовательно, всякий организационный вопрос принимает политическое значение, и у нас установилось на практике, что достаточно заявки одного члена Ц. К., чтобы любой вопрос, в силу тех или иных соображений, рассматривался как вопрос политический. Попытка иначе разграничить деятельность Ц. К. едва ли была бы целесообразна и на практике едва ли достигла бы цели. Указанный способ ведения дела привел к результатам чрезвычайно благоприятным: у нас не было случая, чтобы между тем и другим бюро возникали трудности. Работы обоих этих органов складывались в общем дружно, и практическое применение облегчалось присутствием секретаря, при чем секретарем партии всецело и исключительно исполнялась воля Ц. К. Надо подчеркнуть с самого начала, чтобы устранить те или иные недоразумения, что только коллегиальные решения Ц. К., принятые в оргбюро или в политбюро или в пленуме Ц. К., исключительно только такие вопросы проводились в жизнь секретарем Ц. К. партии. Иначе работа Ц. К. не может идти правильно.

После небольших замечаний о внутреннем распорядке работы Ц. К., я перейду к своей задаче—к отчету Ц. К. Дать отчет о политической работе Ц. К.—задача очень трудная, если понять ее в буквальном смысле слова. За этот год громадная часть работы политбюро сводилась к текущему разрешению всякого возникавшего вопроса, имеющего отношение к политике, объединяющего действия всех советских и партийных учреждений, всех организаций рабочего класса, объединяющего и стремящегося направить всю работу Советской Республики. Политбюро разрешало все вопросы международной и внутренней политики. Понятно, что поставить себе целью приблизительно перечислить эти вопросы представляется невозможным. В том, что напечатано Ц. К. к настоящему съезду, вы найдете необходимый материал для сводки. Попытаться повторить эту сводку в докладе мне было бы непосильно и, сдаюсь мне, было бы неинтересно для делегатов. Каждый из нас, работая в той или иной партийно-советской организации, следит ежедневно за необыкновенной сменой политических вопросов, внешних и внутренних. Самое решение этих вопросов, как оно выражалось в декретах Советской власти, в деятельности партийных организаций, в каждом повороте, было оценкою Ц. К. партии. Надо сказать, что вопросов было так много, что решать их приходилось сплошь и рядом в условиях чрезвычайной спешки, и только благодаря полному знакомству членов коллегии между собою, знанию оттенков мнений, доверию, можно было выполнять работу. Иначе это было бы непосильно даже для коллегии втрое большей. Часто приходилось решать сложные вопросы, заменяя собрания телефонным разговором. Это делалось при уверенности, что некоторые, заведомо сложные, спорные вопросы не будут обойдены. Сейчас, когда мне предстоит сделать общий доклад, я позволю себе, вместо обзора хронологического и группировки предметов, остановиться на главных, наиболее существенных моментах, притом тех, которые связывают опыт вчерашнего дня, вернее, опыт пережитого года с задачами, которые перед нами стоят.

Для истории Советской власти время еще не настало. Если бы и настало, то мы, скажу за себя—думаю и за Ц. К.,—историками быть не собираемся, а интересуется нас настоящее и будущее. Прошлый отчетный год мы берем как материал, как урок, как подножку, с которой мы должны ступить дальше.

С этой точки зрения работа Ц. К. разделяется на две крупных отрасли: на работу, которая связана была с задачами военными и определяющими международное положение республики, и на ту

работу внутреннего, мирного хозяйственного строительства, которая стала выдвигаться на первый план, может быть, лишь с конца прошлого или начала текущего года, когда вполне выяснилось, что решающую победу на решающих фронтах гражданской войны мы одержали. Весной прошлого года наше военное положение было в высшей степени трудным; нам предстояло пережить, как вы помните, не мало поражений, новых, огромных, неожиданных раньше наступлений представителей контр-революции и представителей Антанты. Поэтому совершенно естественно, что большая часть этого периода протекала в работах по выполнению задачи военной—задачи гражданской войны, которая всем малодушным, не говоря о партии меньшевиков, эс-эров и других представителей мелко-буржуазной демократии, массе промежуточных элементов представлялась неразрешимой, которая заставила их совершенно искренно говорить, что эта задача неразрешима, что Россия отстала и ослаблена и не может победить капиталистического строя всего мира, раз революция на Западе затянулась. Нам приходилось поэтому, оставаясь на своей позиции, с полной твердостью и сохранением абсолютной уверенности говорить, что мы победим, приходилось проводить лозунг: «все для победы!» и «все для войны!». Во имя этого лозунга приходилось идти совершенно сознательно и открыто на неудовлетворение целого ряда самых насущных потребностей, оставляя без помощи сплошь и рядом очень многое, в уверенности, что мы должны сосредоточить все силы на войне и победить в той войне, которую нам Антанта навязывала. Только благодаря тому, что партия была на-сграже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан Ц. К., как один человек шли десятки, сотни, тысячи, и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены,—только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить. Разумеется, мы не только подчеркиваем эту сторону дела, но мы должны иметь в виду, что эта сторона дела составляет урок, что без дисциплины и без централизации мы никогда не осуществили бы этой задачи. Принесенные нами неслыханные жертвы для спасения страны от контр-революции, для победы русской революции над Деникиным, Юденичем и Колчаком есть залог всемирной социальной революции. Для того, чтобы это осуществить,

надо было бы, чтобы была дисциплина партии, строжайшая централизация, абсолютная уверенность в том, что неслыханно тяжелые жертвы десятков и сотен тысяч людей помогут проведению в жизнь всех этих задач, что это, действительно, может быть сделано и обеспечено. А для этого нужно было, чтобы наша партия и тот класс, который осуществляет диктатуру рабочего класса, чтобы они были элементами, объединяющими миллионы и миллионы трудящихся и в России, и во всем мире.

Если подумать о том, что же лежало, в конце концов, в самой глубокой основе того, что такое историческое чудо произошло, что слабая, обессиленная, отсталая страна победила сильнее страны мира, то мы видим, что это—централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование. На какой почве? Миллионы трудящихся могли прийти в стране, меньше всего воспитанной, к организации, к тому, что эта дисциплина и эта централизация осуществилась, только на той почве, что рабочие, прошедшие школу капитализма, объединены капитализмом, что пролетариат во всех передовых странах, и чем больше страна передовая, тем в больших размерах, объединялся; с другой стороны, благодаря тому, что собственность, капиталистическая собственность, мелкая собственность в товарном производстве—разъединяет рабочих. Собственность разъединяет, а мы объединяем и объединяем все большее и большее число миллионов трудящихся во всем свете. Теперь это видно, можно сказать, даже слепым, по крайней мере, тем из них, которые не хотели этого видеть. Чем дальше, тем больше наши враги разъединялись. Их разъединяла капиталистическая собственность, частная собственность при товарном производстве, будь это мелкие хозяйчики, которые спекулируют продажей излишков хлеба и наживаются на счет голодных рабочих, будь это капиталисты различных стран, хотя бы они обладали военной мощью, создавали «Лигу наций», великую «единую лигу» всех передовых наций мира. Такое единство—сплошная фикция, сплошной обман, сплошная ложь. И мы видели, что величайший пример—эта пресловутая Лига наций, которая пыталась раздавать права на управление государствами, делить мир,—этот пресловутый союз оказался пухом, который сейчас же разлетелся, потому что основывали его на капиталистической собственности. Мы видели это в величайшем историческом масштабе. Это подтверждает ту основную истину, на признании которой мы строили свою правоту, свою абсолютную уверенность в победе октябрьской революции, в том, что мы берем дело такое, к которому, несмотря на всю труд-

ность, на все препятствия, будут присоединяться миллионы и миллионы трудящихся во всех странах. Мы знали, что у нас союзники есть, что надо уметь проявить самопожертвование в одной стране, на которую история возложила почетную, труднейшую задачу, чтобы неслыханные жертвы окупились сторицей, потому что всякий лишний месяц, который проживем мы в своей стране, нам даст миллионы и миллионы союзников во всех странах.

Если в конечном счете подумать о том, почему вышло так, что мы могли победить, что мы должны были победить, то только потому, что все наши враги, формально связанные какими угодно связями с сильнейшими в мире правительствами и представителями капитала,—как бы они ни были объединены формально,—оказались разьединенными, их внутренняя связь по сути дела их же разьединяла, бросала их друг против друга, и капиталистическая собственность разлагала их, превращала из союзников в диких зверей, так что они не видели, что Советская Россия увеличивает число своих сторонников среди английских солдат, высадившихся в Архангельске²⁾, среди французских матросов, высадившихся в Севастополе, среди рабочих всех стран, где социал-соглашателям пришлось принимать сторону капитала во всех без изъятия передовых странах. Эта основная причина, самая глубокая причина, в последнем счете дала нам вернейшую победу; она явилась тем источником, который продолжает быть самым главным, непреодолимым, неиссякаемым источником нашей силы и который позволяет нам говорить, что, когда мы осуществим в своей стране в полной мере диктатуру пролетариата, наибольшее объединение его сил через авангард, через передовую его партию, мы можем жать мировой революции. Это есть на самом деле выражение воли, выражение пролетарской решимости к борьбе, выражение пролетарской решимости к союзу миллионов и десятков миллионов рабочих во всех странах. Это господа буржуа и якобы социалисты II Интернационала объявили агитационными фразами. Нет, это есть историческая действительность, которая подтверждена кровавым и тяжелым опытом гражданской войны в России, ибо эта гражданская война была войной против всемирного капитала, и этот капитал распадался сам собой в драке, пожирал себя, тогда как мы выходили более закаленными, более сильными в стране умирающего от голода, от сыпного тифа пролетариата. В этой стране мы присоединяли к себе новых и новых трудящихся. То, что прежде соглашателям казалось агитационной фразой, над чем буржуазия привыкла смеяться, этот год нашей революции и

Бос же всего отчетный год превратил окончательно в бесспорно исторический факт, который дает возможность сказать с позитивнейшей уверенностью: если мы это сделали, то этим подтверждается, что у нас есть всемирная основа, бесконечно более широкая, чем в каких бы то ни было прежних революциях. У нас есть международный союз, который нигде не записан, не оформлен, ничего не представляет из себя с точки зрения «государственного права», а в действительности в разлагающемся капиталистическом мире представляет из себя все. Каждый месяц, когда мы отвоевывали себе позиции, или когда мы просто удерживались против неслыханно могущественного врага, доказывал всему миру, что мы правы, и давал нам новые миллионы людей.

Этот процесс казался трудным, сопровождался гигантскими поражениями. За неслыханным белым террором в Финляндии ⁴⁵⁾ последовало как раз в отчетном году поражение венгерской революции ¹⁶⁾, которую задушили представители Антанты, по тайному договору с Румынией, обманув свои парламенты и представительство. Это было самое подлое предательство, заговор международной Антанты, чтобы белым террором задушить венгерскую революцию, не говоря уже о том, как они всячески шли на соглашение с германскими соглашателями, чтобы задушить германскую революцию; как эти люди, объявившие Либкнехта честным немцем, как они на этого честного немца бросились, как бешеная собака, вместе с немецкими империалистами. Они превзошли все, что можно было, и всякое такое подавление с их стороны только укрепляло, усиливало нас, подрывало у них почву.

Я думаю, что этот основной опыт, который мы проделали, должен быть больше всего учтен нами. Здесь больше всего надо подумать о том, чтобы сделать основой нашей агитации и пропаганды—анализ, объяснение того, почему мы победили, почему эти жертвы гражданской войны окупились сторицей, и как надо поступить на основании этого опыта, чтобы одержать победу в другой войне, войне на фронте бескровном,—в войне, которая только переменила форму, а ведут ее против нас все те же старые представители, слуги и вожди старого капиталистического мира, лишь еще более ретиво, бешено и рьяно. На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решитель-

ные наступления. Ибо вы все прекрасно помните,—это было не так давно с точки зрения времени, но давно с точки зрения текущих событий,—вы помните, что большевизм рассматривали в начале октябрьской революции как курьез; и если в России пришлось очень скоро от этого взгляда отказаться, то от этого взгляда, который являлся выражением неразвитости, слабости пролетарской революции, отказались и в Европе. Большевизм стал мировым явлением, рабочая революция подняла голову. Советская система, в которой мы, создавая ее в октябре, следовали заветам 1905 года, разрабатывая собственный опыт⁴⁸⁾, эта советская система оказалась всемирным и историческим явлением.

Теперь два лагеря в полной сознательности стоят друг против друга во всемирном масштабе, без малейшего преувеличения. Надо отметить, что только за этот год они стали друг против друга в решительной и окончательной борьбе, и мы сейчас, как раз во время работы съезда, переживаем, может быть, один из самых крупнейших, резких, незаконченных, переходных моментов от войны к миру. Вы все знаете, как пришлось вождям империалистических держав Антанты, которые кричали на весь мир: «никогда не прекратим войны с узурпаторами, разбойниками, захватчиками власти, противниками демократии, большевиками!»,—вы знаете, как они сначала сняли блокаду, как у них сорвалась попытка объединить мелкие державы, потому что мы сумели привлечь на свою сторону не только рабочих всех стран, но нам удалось привлечь и буржуазию мелких стран, потому что империалисты являются угнетателями не только рабочих своих стран, но и буржуазии мелких государств. Вы знаете, как мы привлекли на свою сторону колеблющуюся буржуазию внутри передовых стран, и вот теперь наступил момент, когда Антанта нарушает свои прежние обещания, заветы, нарушает свои договоры, которые она, между прочим, заключала десятки раз с разными русскими белогвардейцами, и теперь с этими договорами она сидит у разбитого корыта, потому что на эти договоры она выбросила сотни миллионов и не довела дела до конца. Теперь, сняв блокаду, она начала фактически мирные переговоры с Советской Республикой, и теперь она эти переговоры не доводит до конца, поэтому мелкие державы потеряли в нее веру, веру в ее силы. Мы видим, что положение Антанты, ее внешнее положение совершенно не подлежит определению с точки зрения обычных понятий юриспруденции. Государства Антанты с большевиками находятся ни в мире, ни в войне, у них есть и признание нас, и непризнание. Этот полный распад наших про-

тивников, которые были уверены, что они что-то из себя представляют, показывает, что они ничего из себя не представляют кроме кучки капиталистических зверей, перессорившихся между собою и совершенно бессильных сделать что-либо нам.

Теперь положение таково, что нам официально сделаны мирные предложения Латвией⁴⁹); Финляндия прислала телеграмму, в которой официально говорится о демаркационной линии, но по существу это—переход к мирной политике⁵⁰). Наконец, Польша, та Польша, представители которой особенно сильно бряцали оружием и продолжают бряцать, та Польша, которая больше всего получила и получает поездов с артиллерией и обещаний помогать всем, лишь бы Польша продолжала борьбу с Россией, даже эта Польша, неустойчивое положение правительства которой вынуждает идти на какую угодно авантюру с войной, эта Польша прислала приглашение открыть мирные переговоры⁵¹). Надо быть в высшей степени осторожными. Наша политика требует больше всего внимательного отношения. Тут труднее всего найти правильную линию, потому что тех рельс, на которых поезд стоит, тоже никто не знает еще,—сам враг не знает, что он будет делать дальше. Господа представители французской политики, которые больше всего науськивают Польшу, вожди помещичье-буржуазной Польши не знают, что будет дальше, не знают, чего они хотят. Они сегодня говорят: «господа, несколько поездов с пушками, несколько сот миллионов, и мы готовы воевать с большевиками!». Они скрывают вести о забастовках, которые в Польше разрастаются, нажимают на цензуру, чтобы скрыть правду. А революционное движение там возрастает. Революционный рост в Германии, в его новом фазисе, в его новой ступени, когда рабочие, после германской корниловщины, создают Красные армии, говорит прямо (последние телеграммы оттуда), что рабочие загораются все больше и больше⁵²). В сознание самих представителей буржуазно-помещичьей Польши начинает проникать мысль: «не поздно ли, не будет ли раньше Советская Республика в Польше, чем произойдет учинение государственного акта, мирного или военного?». Они не знают, что делать. Они не знают, что несет им завтрашний день. Мы знаем, что каждый месяц дает нам гигантское усиление наших сил и будет давать больше. Поэтому мы стоим теперь в международном отношении прочнее, чем когда бы то ни было. Но мы к международному кризису должны относиться с чрезвычайной внимательностью и готовностью встретить какие бы то ни было неожиданности. У нас есть формальное предложение мира от Польши. Эти господа находятся в отчаянном

положении, настолько в отчаянном, что их друзья, немецкие монархисты, люди более воспитанные, с большим политическим опытом и знанием, метнулись на авантюру, на корниловщину. Польская буржуазия бросает мирное предложение, зная, что авантюра может быть польской корниловщиной. Зная, что наш противник находится в отчаянно трудном положении,—противник, который не знает, что он хочет делать, что будет делать завтра,—мы с полной твердостью должны сказать себе, что, несмотря на то, что мирное предложение было, война возможна. Дальнейшее поведение их предвидеть невозможно. Мы этих людей видели, мы этих Керенских, меньшевиков и эс-эров знаем. За эти два года мы видели, как их толкало сегодня к Колчаку ⁵⁾, завтра почти к большевикам, затем к Деникину ⁶⁾, и все это покрывалось фразами о свободе и демократии. Мы этих господ знаем, поэтому мы обеими руками цепляемся за мирное предложение, идя на максимальные уступки, уверенные, что мир с маленькими державами двинет дело вперед, в бесконечное количество раз лучше, чем война, потому что войной империалисты обманывали трудящиеся массы, под этим скрывали правду о Советской России, поэтому всякий мир откроет во сто раз больше и шире дорогу нашему влиянию. Оно и так велико за эти годы. III Коммунистический Интернационал одержал неслыханные победы. Но мы знаем вместе с тем, что войну нам могут навязать каждый день. Наши противники сами еще не знают, на что они способны в этом отношении. Что военные приготовления ведутся, в этом нет никакого сомнения. К этому вооружению прибегают сейчас многие соседи с Россией и, может быть, многие из несоседних государств. Вот почему приходится больше всего маневрировать в нашей международной политике и тверже всего держаться того курса, который мы взяли, и быть готовыми ко всему. Войну за мир мы выполняли с чрезвычайной энергией. Война эта дает великолепные результаты. На этом поприще борьбы мы лучше всего себя проявили, во всяком случае не хуже, чем на поприще деятельности Красной армии, на кровавом фронте. Но не от воли маленьких государств, даже если бы они захотели мира, не от их воли зависит заключение с нами мира. Они целиком в долгу, как в шелку, странам Антанты, а там идут отчаянная грызня и соревнование между собою. Нам нужно поэтому помнить, что мир, с точки зрения всемирно-исторического масштаба, обоснованного гражданской войной и войной против Антанты, конечно, возможен. Но наши шаги к миру мы должны сопровождать напряжением всей нашей военной готовности, безусловно не раз-

оружая нашей армии. Наша армия является реальной гарантией того, что ни малейших попыток, ни малейших посягательств империалистические державы делать не будут, ибо хотя бы они могли рассчитывать на некоторые эфемерные успехи в начале, но ни одна из них не останется без разгрома со стороны Советской России. Это мы должны знать, это должно быть основой нашей агитации и пропаганды, и к этому мы должны суметь подготовиться и решить ту задачу, которая при растущей усталости заставляет то и другое соединить.

Перехожу к важнейшим принципиальным соображениям, которые заставляли нас с решительностью направлять трудящиеся массы на путь использования армии для решения основных и очередных задач. Старый источник дисциплины, капитал, ослаблен, старый источник объединения—исчез. Мы должны создать дисциплину иную, иной источник дисциплины и объединения. То, что является принуждением, вызывает возмущение и крики, и шум, и вопли буржуазной демократии, которая носится со словами «свобода» и «равенство», не понимая, что свобода для капитала есть преступление против трудящихся. Мы, во имя борьбы против лжи, стали на том, что мы трудовую повинность и объединение трудящихся осуществляем, нисколько не боясь принуждения, ибо нигде революция не производилась без принуждения, и пролетариат имеет право осуществлять принуждение, чтобы во что бы то ни стало удержать свое. Когда господа-буржуа, господа соглашатели, господа немецкие независимцы⁵³⁾, австрийские независимцы и французские лонгетисты¹⁰⁾ спорили об историческом факторе, они всегда забывали такой фактор, как революционная решимость, твердость и непреклонность пролетариата. В момент распада капиталистических стран, капиталистического класса, в момент его отчаяния и кризиса, решает только этот политический фактор. Фразы о меньшинстве и большинстве, о демократии и свободе ничего не решают, как бы ни указывали на них герои прошлого исторического периода. Тут решают сознательность и твердость рабочего класса. Если он готов к самопожертвованию, если он доказал, что он умеет напрячь все свои силы, то это решает задачу. Все для решения этой задачи. Решимость рабочего класса, его непреклонность осуществить свой лозунг—«мы скорее погибнем, чем сдадимся»—является не только историческим фактором, но и фактором решающим, побеждающим. От этой победы, от этой уверенности мы переходим, и мы пришли к тем задачам мирного хозяйственного строительства, решение которых состав-

влияет главную функцию нашего съезда. В этом отношении нельзя говорить по-моему об отчете политбюро Ц. К. или, вернее, о политическом отчете Ц. К., а надо сказать прямо и открыто: да, товарищи, это вопрос, который вы решите, который вы должны взвесить авторитетом высшей партийной инстанции. Мы этот вопрос с ясностью набросали перед вами. Мы заняли определенную позицию. Ваша обязанность окончательно утвердить, исправить или изменить наше решение. Но Ц. К. в своем отчете должен сказать, что он в этом основном, наболевшем вопросе занял совершенно определенную позицию. Да, теперь задача состоит в том, чтобы к мирным задачам хозяйственного строительства, задачам восстановления разрушенного производства, приложить все то, что может сосредоточить пролетариат и его абсолютное единство. Тут нужна железная дисциплина, железный строй, без которого мы не продержались бы не только два слишком года, даже и двух месяцев. Нужно уметь применить нашу победу. С другой стороны, нужно понять, что этот переход требует многих жертв, которых и без того много понесла страна.

Принципиальная сторона дела для Ц. К. была ясна. Вся наша деятельность была подчинена этой политике, направлена в этом духе. Такой вопрос, например, который кажется частностью, который сам по себе, если бы его вырвать из связи, конечно, не может претендовать на коренное принципиальное значение,— вопрос о коллегиальности и единоличии, который вы будете решать, он должен быть, во что бы то ни стало, поставлен под углом основных приобретений нашего знания, нашего опыта, нашей революционной практики. Нам, например, говорят: «коллегиальность есть одна из форм участия широких масс в управлении». Но мы в Ц. К. по этому вопросу говорили, мы решали, и мы должны отчитаться перед вами, товарищи,—с такой теоретической путаницей мириться нельзя. Если мы в основном вопросе нашей военной деятельности, нашей гражданской войны допускали бы одну десятую долю такой теоретической путаницы, мы были бы биты, и биты поделом. Позвольте, мне, товарищи, в связи с отчетом Ц. К. и в связи с вопросом об участии нового класса в управлении на основе коллегиальности или единоначалия, внести немножко теории, указать, как управляет класс, в чем выражается господство класса. Ведь мы же в этом отношении не новички, и наша революция от прежних революций отличается тем, что в нашей революции нет утопизма. Если взамен старого класса придет новый, то только в бешеной борьбе с другими классами он

удержит себя, и только в том случае он победит до конца, если сумеет привести к уничтожению классов вообще. Гигантский, сложный процесс классовой борьбы ставит дело так, иначе вы погрязнете в болоте путаницы. В чем выражается господство класса? В чем выражалось господство буржуазии над феодалами? В конституциях писалось о свободе, о равенстве. Это ложь! Пока есть трудящиеся, собственники способны и даже вынуждены, как собственники, спекулировать. Мы говорим, что равенства нет, сытый не равен голодному и спекулянт—трудящемуся.

В чем выражается сейчас господство класса? Господство пролетариата выражается в том, что отнята помещичья и капиталистическая собственность. Дух, основное содержание всех прежних конституций до самой республиканской, демократической, сводился к одной собственности. Наша конституция потому имеет право и завоевала себе право на историческое существование, что не на бумаге только написано, что собственность отменяется. Победивший пролетариат отменил и разрушил до конца собственность, вот в чем господство класса. Прежде всего в вопросе о собственности. Когда практически решили вопрос о собственности, этим было обеспечено господство класса. Когда конституция записала после этого на бумагу то, что жизнь решила—отмену собственности капиталистической, помещичьей, и прибавила: «рабочий класс по конституции имеет больше прав, чем крестьянство, а эксплуататоры не имеют никаких прав»—этим было записано то, чем мы господство своего класса осуществили, чем мы связали с собою трудящихся всех слоев и мелких групп. Мелко-буржуазные собственники раздроблены; те среди них, которые имеют большую собственность, являются врагами тех, кто имеет меньше, и пролетарии, отменяя собственность, объявляют им открытую войну. Есть еще много людей бессознательных, темных, которые целиком стоят за какую-угодно свободную торговлю, но которые, когда они видят дисциплину, самопожертвование в победе над эксплуататорами, не могут воевать, они не за нас, но бессильны выступать против нас. Только господством класса определено отношение собственности и отношение того, какой класс наверху. Кто связывает вопрос, в чем выражается господство класса, с вопросом о «демократическом централизме», как это мы часто наблюдаем, тот вносит такую путаницу, что никакая успешная работа на этой почве итти не может. Ясность пропаганды и агитации есть основное условие. Если наши противники говорили и признавали, что мы сделали чудеса в разви-

гии агитации и пропаганды, то это надо понимать не внешним образом, что у нас было много агитаторов и было истрачено много бумаги, а это надо понимать внутренним образом, что та правда, которая была в этой агитации, пробивалась в головы всех. И от этой правды отклониться нельзя.

Когда классы сменяли друг друга, то они меняли отношение к собственности. Буржуазия, сменив феодализм, изменила отношение к собственности, конституция буржуазии говорит: «кто имеет собственность, не равен тому, кто нищий». Это была свобода буржуазии. Это равенство давало господство в государстве капиталистическому классу. И что же—вы думаете, когда буржуазия сменила феодализм, она смешивала государство с управлением? Нет, они такими дураками не были, они говорили, что для того, чтобы управлять, надо иметь людей, умеющих управлять, для этого мы возьмем феодалов и переделаем их. Они так и сделали. Что же, это была ошибка? Нет, товарищи, умение управлять с неба не валится и святым духом не приходит, и от того, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению. Мы видим на примере: пока буржуазия побеждала, она для управления брала выходцев из другого, феодального класса, да иначе и взять было неоткуда. Надо смотреть трезво на вещи: буржуазия брала предыдущий класс, и сейчас у нас также задача—уметь взять, подчинить, использовать его знание, подготовку, воспользоваться всем этим для победы класса. Поэтому мы говорим, что победивший класс должен быть зрелым, а зрелость свидетельствуется не прописью или удостоверением, она удостоверяется опытом, практикой. Буржуа победили, не умея управлять, и они обеспечили себе победу тем, что объявили новую конституцию и рекрутировали, набрали администраторов из своего класса и начали учиться, используя администраторов из предыдущего класса, и своих новых стали учить, готовить к администраторству, пуская для этого в ход весь государственный аппарат, секвестрируя феодальные учреждения, пуская в школу тех, кто богат, и таким образом через долгие годы и десятилетия они подготовили администраторов из своего класса. Ныне в государстве, устроенном по собразцу и подобию господствующего класса, нужно делать так, как бывало во всех государствах. Если мы не хотим стать на позицию чистейшего утопизма и пустых фраз, мы должны сказать, что мы должны учитывать опыт прежних лет, что мы должны обеспечить завоеванную революцией конституцию, но для управления, для государствен-

ного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт, а таких людей нам взять неоткуда, как только из предыдущего класса.

Сплошь и рядом рассуждение о коллегиальности проникнуто самым невежественным духом, духом «антиспецизма». С таким духом победить нельзя. Для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира, и чтобы строить коммунизм, надо взять и технику, и науку и пустить ее в ход для более широких кругов, а взять ее неоткуда, кроме как от буржуазии. Этот основной вопрос надо выдвинуть выпукло, надо поставить в основные задачи хозяйственного строительства. Мы должны управлять с помощью выходцев из того класса, который мы свергли,—выходцев, которые пропитаны предрассудками своего класса и которых мы должны переучить. Вместе с этим мы должны вербовать своих управителей из рядов своего класса, мы должны весь аппарат государственный употребить на то, чтобы учебное заведение, внешкольное образование, практическая подготовка,—все это шло под руководством коммунистов для пролетариев, для рабочих, для трудящихся крестьян

Только так мы можем поставить дело. После нашего двухлетнего опыта мы не можем рассуждать так, как будто бы мы в первый раз взялись за социалистическое строительство. Мы наглумили достаточно в период Смольного⁵⁴⁾ и около Смольного. В этом нет ничего позорного. Откуда было взять ума, когда мы в первый раз брались за новое дело! Мы пробовали так, пробовали этак. Плыли по течению, потому что нельзя было выделить элемента правильного и неправильного,—на это надо время. Теперь это—недалекое прошлое, из которого мы вышли. Это прошлое, когда царил хаос и энтузиазм, ушло. Документом этого прошлого является Брестский мир. Это исторический документ, больше—это исторический период. Брестский мир навязан был нам потому, что мы были бессильны во всех областях. Что такое был этот период? Это был период бессилия, из которого мы вышли победителями. Это был период сплошной коллегиальности. Из этого исторического факта не выскочишь, когда говорят, что коллегиальность—школа управления... Нельзя же все время сидеть в приготовительном классе школы! Этот номер не пройдет. Мы теперь взрослые, и нас будут дуть и дуть во всех областях, если мы будем поступать, как школьники. Надо идти вперед! Надо с энергией, с единством воли подниматься выше. На профсоюзы

ложатся гигантские трудности. Надо добиться, чтобы они эту задачу усвоили в духе борьбы против остатков пресловутого демократизма. Все эти крики о назначенцах, весь этот старый вредный хлам, который находит место в разных резолюциях, разговорах, должен быть выметен. Иначе мы победить не можем. Если мы этот урок за два года не усвоили, мы отстали,—а отставшие будут биты.

Наша задача в высшей степени трудна. Наши профсоюзы оказали гигантскую помощь в строительстве пролетарского государства. Они были звеном, которое связывало партию с миллионной темной массой. Не будем играть в прятки: профсоюзы выносили на своих плечах всю задачу борьбы с нашими бедами, когда приходилось помогать государству в работе по продовольствию. Разве это не была величайшая задача? Недавно вышел «Бюллетень Центрального Статистического Управления». Там подведены итоги статистиками, которых заподозрить в большевизме никак нельзя. Там есть две интересные цифры: в 1918 и 1919 г.г. рабочие потребляющих губерний получали 7 пудов, а крестьяне производящих губерний потребляли 17 пудов в год. До войны они же потребляли 16 п. в год. Вот две цифры, показывающие соотношение классов в продовольственной борьбе! Пролетариат продолжал приносить жертвы. Кричат о насилии! Но он оправдал и узаконил это насилие и доказал правильность этого насилия тем, что он принес наибольшие жертвы. Большинство населения, крестьяне производящих губерний нашей голодной разоренной России в первый раз ели лучше, чем за сотни лет царской капиталистической России. И мы скажем, что массы будут голодать до тех пор, пока не победит Красная армия. Нужно было, чтобы авангард рабочего класса принес эту жертву. У него есть школа в этой борьбе; выходя из этой школы, мы должны идти дальше. Теперь надо сделать этот шаг во что бы то ни стало. Как у всяких профсоюзов, у старых профсоюзов есть своя история и прошлое. В этом прошлом они были органами отпора против того, кто угнетал труд, против капитализма. А когда класс стал государственным и когда ему приходится теперь приносить большие жертвы и гибнуть и голодать, положение переменилось.

Не все эту перемену понимают и не все в нее вникают. Тут нам помогают некоторые меньшевики и эс-эры, которые требуют замены единоличия коллегиальностью. Извините, товарищи, этот номер не пройдет! От этого мы отучились. Перед нами теперь

очень сложная задача: победив на кровавом фронте, победить на фронте бескровном. Это война более трудная. Этот фронт самый тяжелый. Это мы открыто говорим всем сознательным рабочим. После той войны, которую мы выдержали на фронте, должна быть война бескровная. Получается такое положение, что чем больше мы побеждали, тем больше оказывалось таких областей, как Сибирь, Украина и Кубань. Там богатые крестьяне, там пролетариев нет, а если пролетариат и есть, то он развращен мелкобуржуазными привычками, и мы знаем, что там всякий, кто имеет кусочек земли, говорит: «Начхать мне на правительство. Я с голодного сдеру, сколько вздумаю, и мне наплевать на правительство!». Крестьянину-спекулянту, который, предоставленный Деникину, колебнулся в нашу сторону, теперь будет помогать Антанта. Война переменила фронт и формы. Теперь она воюет торговлей, мешечничеством, она сделала его интернациональным. В тезисах т. Каменева ⁵⁵⁾, которые были опубликованы в «Известиях Ц. К.», принципиальная основа этого выражена полностью. Они хотят мешечничество сделать интернациональным. Хотят мирное хозяйственное строительство превратить в мирное разложение Советской власти. Извините, господа империалисты, мы на-чеку! Мы говорим: мы воевали и поэтому продолжаем ставить основным лозунгом тот, который помог нам победить. Мы целиком сохраняем его и переносим на трудовую область, именно лозунг твердости и единства воли пролетариата. Старые предубеждения, старые привычки, которые остались, с ними нужно покончить...

Я могу остановиться в заключение на брошюре т. Гусева ⁵⁶⁾, которая в двух отношениях заслуживает, по-моему, внимания. Она хороша не только со стороны формальной, не только тем, что написана к нашему съезду. Мы до сих пор почему-то все привыкли писать резолюции. Говорят, все виды литературы хороши, кроме скучных. Резолюции, полагаю я, должны быть отнесены к скучному виду литературы. Было бы лучше, если бы мы, по примеру т. Гусева, поменьше писали резолюции, а побольше брошюр, хотя бы и имеющих такую массу ошибок, которыми изобилует его брошюра. Но, несмотря на эти ошибки, это—лучшая вещь, потому что в ней в центре внимания поставлен основной хозяйственный план восстановления промышленности и производства всей страны, потому что в ней основному хозяйственному плану подчинено все. Центральный Комитет внес в свои тезисы, которые сегодня розданы, целый параграф, который он целиком

Взял из тезисов т. Гусева. Мы можем при помощи специалистов еще детальнее разработать этот основной хозяйственный план. Мы должны помнить, что этот план рассчитан на много лет. Мы не обещаем сразу избавить страну от голода: мы говорим, что борьба будет более трудной, чем на боевом фронте, но она нас более интересует, она составляет более близкий подход к нашим настоящим основным задачам. Она требует максимального напряжения сил, того единства воли, которое мы проявляли раньше и которое мы должны проявить теперь. Если мы эту задачу решим, тогда мы одержим не меньшую победу на фронте бескровном, чем на фронте гражданской войны

Заключительное слово по отчету Ц. К.

(Заседание 30 марта 1920 г.)

Товарищи! Главные нападки вызвала та сторона политического отчета Ц. К., которую тов. Сапронов ⁵⁷⁾ назвал руганью. Тов. Сапронов придал чрезвычайно определенный характер и привкус той позиции, которую он защищал, и чтобы показать вам, как обстоит дело с фактической стороны, я бы хотел начать с напоминания некоторых основных дат. Передо мной «Известия Ц. К. Р. К. П.» от 2 марта. Мы печатаем от имени Ц. К. письмо к организациям Р. К. П. по вопросу об организации съезда. И в первом письме говорим: «Прошло, к счастью, время чисто-теоретических рассуждений, споров по общим вопросам вынесения принципиальных резолюций. Это—уже пройденная ступень, это решенная вчера и позавчера задача. Надо идти вперед, надо уметь понять, что теперь перед нами стоит практическая задача, что всеми силами, с энергией, поистине, революционной, с той же беззаветностью, с которой нобещали Колчака, Деникина, Юденича наши лучшие товарищи рабочие и крестьяне, красноармейцы, надо решить деловую задачу быстрой победы над разрухой».

Я должен сознаться, что тут оказался виноватым в оптимизме я, который думал, что время теоретических рассуждений прошло. В самом деле, в течение 15 лет до революции теоретизировали, два года управляли государством, надо теперь проявить деловитость и практичность, и вот мы обращаемся 2 марта к товарищам, имеющим деловой опыт. В ответ на это 10 марта печатаются в «Экономической Жизни» тезисы Томского ⁵⁸⁾, 23 марта—тезисы т. т. Сапронова, Осинского ⁵⁹⁾, Максимовского ⁶⁰⁾, 26 марта по-

являются тезисы Московского губернского комитета⁶¹⁾, т.-е. уже после нашего обращения к партии. И во всех этих тезисах вопрос поставлен теоретически неверно. Если наша точка зрения в письме была оптимистична, ошибочна, если нам казалось, что эта пора уже изжита нами, то тезисы указали, что она еще не изжита, и нечего жаловаться товарищам из профессиональных союзов, что к ним относились несправедливо и теперь перед нами стоит вопрос: верна ли эта точка зрения или та позиция, которую после нашего обращения 2 марта защищали все эти тезисы?

В каждом из них масса делового материала, и это надо принять во внимание. Если бы Ц. К. смотрел на это без серьезного внимания, то это было бы ни к чорту не годное учреждение!

Но послушайте, что пишет тов. Томский: § 7. Основным принципом в строении органов регулирования и управления промышленностью, единственно могущим обеспечить участие широких непартийных рабочих масс через профсоюзы, является существующий ныне принцип коллегиального управления промышленностью, начиная от президиума В. С. Н. Х. до заводоуправления включительно. Лишь в особых случаях, по взаимному соглашению президиумов В. С. Н. Х. и В. Ц. С. П. С. или Ц. К. соответствующих союзов, следует допускать единоличное управление отдельными предприятиями при неременном условии контроля над единоличными администраторами со стороны профсоюзов и их органов. § 9. В обеспечение осуществления единства плана хозяйственного строительства и установления согласованности в деятельности профсоюзов и хозяйственных органов, участие союзов в деле управления промышленностью и ее регулирования должно быть установлено на основе следующих принципов: а) общие вопросы экономической политики обсуждаются В. С. Н. Х. и его органами с участием профсоюзов; б) руководящие хозяйственные коллегии формируются В. С. Н. Х. и его органами совместно с соответствующими органами профсоюзов; в) коллегии хозяйственных органов, обсуждая совместно с профсоюзами общие вопросы хозяйственной политики той или иной отрасли производства и давая им периодические отчеты о своей деятельности, являются органами лишь В. С. Н. Х. и обязаны проводить в жизнь лишь его постановления; г) все коллегии хозяйственных органов обязаны беспрекословно проводить в жизнь постановления высших органов В. С. Н. Х. персонально и коллегиально, отвечая лишь перед В. С. Н. Х. за их выполнение».

Это страшная путаница элементарных теоретических вопросов!

Верно, что управление идет через единоличного администратора, но кто именно окажется этим администратором—специалист или рабочий—это зависит от того, сколько у нас есть администраторов из старого и нового порядка. Но это—элементарные теоретические вещи. Давайте говорить об этом. Если же вы хотите обсуждать политическую линию Ц. К., то не подсовывайте нам ничего, что мы не ставили и не говорили. Когда мы 2 марта призывали товарищей дать нам практические подкрепления, что мы получили в ответ? Нам в ответ преподносят товарищи с мест заведомо неверные теоретические вещи. В тезисах т. Осинского, Максимовского и Сапронова, которые появились 23 марта, все—сплошное теоретическое искажение. Они пишут, что коллегиальность в той или другой форме составляет необходимую основу демократизма. Я утверждаю, что за 15 лет предреволюционной истории социал-демократии ничего похожего вы не найдете! Демократический централизм⁶²⁾ значит только то, что представители с мест собираются и выбирают ответственный орган, который и должен управлять. Но как? Это зависит от того, сколько есть годных людей, от того, сколько там есть хороших администраторов. Демократический централизм заключается в том, что съезд проверяет Ц. К., смещает его и назначает новый. Но если бы мы вздумали проверять те теоретические неверности, которые написаны в этих тезисах, мы бы никогда не кончили. Я собственно не буду больше этого и касаться и скажу лишь, что Ц. К. занял ту линию в этом вопросе, которую нельзя было не занять. Я прекрасно знаю, что товарищ Осинский и другие махновских⁶³⁾ и махаевских⁶⁴⁾ взглядов не разделяют, но за их аргументы махновцы не могут не цепляться. Они с ними связаны. Возьмите тезисы Московского губкома партии, которые были нам розданы. Здесь говорится, что в развитом социалистическом обществе, где исчезнет общественное разделение труда и прикрепление людей к профессиям, периодическая смена людей, выполняющих по очереди функцию управления, возможна только на основе широкой коллегиальности и т. д. и т. д. Все это сплошная путаница!

Мы обратились к местным практикам: помогите нам деловыми указаниями. Вместо этого нам говорят, что Ц. К. не считается с местами. С чем не считается? С рассуждениями о социалистическом обществе? Тут нет ни тени практицизма, ни деловитости. Конечно, у нас есть прекрасные рабочие, которые много заим-

ствуют у интеллигенции, но иногда не лучшее, а худшее. Тогда нужно бороться с этим. Но если вы в ответ на призыв Ц. К. дать практические указания выдвинули вопросы принципиальные, тогда мы должны о них говорить. Тогда мы должны сказать, что бороться с принципиальными неверностями необходимо. Те тезисы, которые после 2 марта предложены, содержат чудовищные принципиальные неверности.

Это я утверждаю! Давайте об этом говорить и спорить. Нечего от этого отделяться! Тут нечего ссылаться на то, что мы не теоретики! Извините, товарищ Сапронов, ваши тезисы есть тезисы теоретика! Вы увидите, что если их внести в практику, то необходимо вернуться назад и решать вопросы в неделовой обстановке. Те, кто в тезисах т.т. Максимовского, Сапронова, Томского стали бы искать практических указаний, глубоко ошиблись бы; они в основе своей неверны. Отношение класса к устройству государства я считаю в корне неверным и тащущим нас назад. За это, понятно, стоят все те элементы, которые остаются назади, которые еще не пережили всего этого. Надо винить авторов этих тезисов не в том, что они сознательно шли за разгильдяйством, но в том, что они своей теоретической ошибкой в вопросе, который Ц. К. им предложил поставить, дают некоторое знамя, некоторое оправдание худшим элементам. И почему все это делалось? По недомыслию! Это устанавливается по подлинным документам с полной бесспорностью.

Я перейду к обвинению, которое делалось т. Юреневым⁶⁵) насчет т. Шляпникова⁶⁶). Если бы Ц. К. удалял т. Шляпникова, как представителя оппозиции, перед самым съездом, такой Ц. К., несомненно сделал бы гнусность. Когда мы установили, что т. Шляпников едет, то мы в Политбюро сказали, что мы не даем ему директив перед отъездом, и т. Шляпников накануне отъезда приходил ко мне и заявил, что он едет не по директивам Ц. К. Таким образом до т. Юренева дошел просто-напросто слух, и он его распространяет.

. Юренев (с места). Шляпников говорил мне это лично...

Ленин. Я не знаю, как он мог вам говорить это лично, когда он перед отъездом был у меня и говорил, что он едет не по директивам Ц. К. Да, конечно, если бы Ц. К. ссылали оппозицию перед съездом, это недопустимо. Но когда вообще говорят о ссылке, то я говорю: потрудитесь тогда выбрать Ц. К., который бы мог правильно распределять силы, но который не отнял бы возможность жаловаться! Как можно так распределять, чтобы каждый

был доволен? Если не будет этого распределения, то тогда зачем говорить о централизме? А если было искажение принципов, то давайте говорить о них на примерах. Если мы ссылали представителей оппозиции, то давайте пример, который рассмотрим. Может быть, и есть ошибки. Может быть, был сослан т. Юренев, который подавал жалобу в политбюро, что он неправильно взят с Запфронта? Но политбюро, рассмотрев вопрос, нашло, что это было сделано правильно. И какой бы Ц. К. вы ни выбрали, он не может отказаться от распределения сил.

Дальше, относительно распределения дел между оргбюро⁶⁷⁾ и политбюро⁶⁸⁾. Тов. Максимовский опытнее меня в организационных вопросах, и он говорит, что Ленин вносит путаницу в вопросах оргбюро и политбюро. Ну, что же, давайте разбираться! По-нашему оргбюро распределяет силы, а политбюро ведает политикой. Если такое разделение неверно, то как разграничить деятельность этих двух органов? Конституцию, что ли, написать? Точно разделить политбюро и оргбюро, разграничить их деятельность трудно. Всякий вопрос может стать политическим, даже назначение коменданта. Если кто предлагает другое решение, так, пожалуйста, тов. Сапронов, Максимовский, Юренев, давайте ваши предложения, попробуйте разделить, разграничить оргбюро и политбюро. У нас достаточно одного протеста члена Ц. К., чтобы вопрос был признан политическим. И у нас за это время не было ни одного протеста. Самодеятельность менее всего ограничена: любой член Ц. К. может объявить вопрос политическим. Сколько-нибудь опытный практик в организационном вопросе, разбирающийся не как тов. Максимовский, а работник, который в этой области проработал хотя бы полгода, должен вносить не такую критику, как т. Максимовский. Пусть критики дадут определенные указания, мы их примем и посоветуем выбрать новый Ц. К., который и проведет эти пожелания. А мы получили только беспредметную критику, фальшивые утверждения.

Предположим, что оргбюро вы отделите от политического руководства. Я спрашиваю, в чем же будет состоять тогда политическое руководство? Кто же руководит, как не люди, и как же руководить, как не распределять? Разве можно заставить человека, если он не способен, проводить известные директивы? Ему дают известные указания, его работа проверяется, наконец, его ставят на другую работу. И как же еще научить т.т. Максимовского, Сапронова и Осинского, которые в тезисах намечают теоретическую поправку, которая давно была отвергнута? Они

на практике проводят еще худшую вещь и доказывают, что никакого материала для деловой критики нет.

Я слышал один деловой пункт в речи тов. Сапронова и впился в этот пункт. Т. Сапронов говорит: «VII съезд Советов предписал, а мы нарушаем его предписание, ибо декрет о сборе льна является нарушением постановления В. Ц. И. К.». Я не могу помнить и одной десятой доли декретов, которые мы проводим. Но я навел справку в секретариате Совнаркома о правилах сбора льна. Декрет прошел 10 февраля. Что было обнаружено? Ни в политбюро, ни в В. Ц. И. К. нет товарищей, которые были бы настроены не в пользу защиты самостоятельности. Мы видели их здесь на этой трибуне. Товарищи знают, что язык подвешен у них очень хорошо. Почему же они не обжаловали это постановление? Давайте ваши жалобы! Этой жалобы не было после 10 февраля. Мы, по предложению т. Рыкова⁶⁹⁾ и по соглашению с т. Середой⁷⁰⁾ и Наркомпродом, после долгой борьбы принимаем это постановление. Нам говорят: «вы ошиблись!». Может быть. Поправляйте нас. Передавайте этот вопрос в политбюро. Это будет формальное решение. Давайте протокол. Если он докажет, что мы нарушили постановление съезда—нас нужно под суд. Где это обвинение? С одной стороны, упреки из-за Шляпникова, а, с другой стороны, говорится, что решение со льном нарушили. Потрудитесь привести данные о том, что мы нарушили постановление! Но вы не приводите фактов. Все ваши слова остаются словечками: самостоятельность, назначенство и т. д.! Зачем же тогда централизм? Могли ли бы мы продержаться два месяца, если бы мы не назначали в течение двух лет, когда мы в разных местах переходили от полного истощения и разрушения опять к победе? Из-за того, что вам не нравится отозвание т. Шляпникова или т. Юренева, вы бросаете эти словечки в толпу, в бессознательную массу! Тов. Лутовинов⁷¹⁾ говорит: «вопрос не решен». Приходится решать. Если два наркома разошлись в оценке Ивана Ивановича и один утверждает, что тут есть политика,—как же быть, укажите способ! Вы думаете, что скучные вопросы только в президиуме В. Ц. И. К.? Я говорю, что нет учреждения, где нет скучных вопросов, и всем приходится разбирать вопрос о Марии Ивановне и Сидоре Ивановиче. Но говорить, что политики нет, нельзя потому, что политика проходит через каждую голову. Тов. Лутовинов имел...—я не знаю, как сказать, я боюсь оскорбить нежность слуха т. Сапронова и боюсь употребить полемическое выражение,—но он сказал, что т. Крестинский⁷²⁾ грозил расколом.

На этот счет было заседание бюро. Есть протокол оюро, и я прошу всех членов съезда взять этот протокол и прочесть. Мы пришли к выводу, что у т. Крестинского была горячность, а у вас, т. Лутовинов и т. Томский, была весьма дурно пахнущая склока! Может быть, мы не правы—исправьте наше решение, но говорить таким образом, не читая документов, не ссылаясь на то, что было специальное заседание, что дело разбиралось в присутствии Томского, Лутовинова, этого нельзя!

Мне осталось еще коснуться двух пунктов. Прежде всего назначение т.т. Бухарина⁷³⁾ и Радека⁷⁴⁾. Говорят, что мы их послали политкомами в В. Ц. С. П. С., и тут думают разыгрывать на той канве, что нарушается самодеятельность, проводится бюрократизм! Может быть, вы знаете лучших теоретиков, чем Радек и Бухарин, так дайте нам! может, вы знаете лучших людей, знакомых с профессиональным движением, дайте их нам! Как? Ц. К. не имеет права прибавить к профессиональному союзу людей, которые лучше всего теоретически знакомы с профессиональным движением и знакомы с немецким опытом и могут иметь воздействие на неправильную линию? Ц. К., который бы этой задачи не выполнил, не мог бы управлять! Чем больше нас окружают крестьяне и кубанские казаки, тем труднее наше положение с пролетарской диктатурой! Поэтому нужно выпрямить линию и делать ее стальной во что бы то ни стало, и мы эту линию партийному съезду рекомендуем.

Т. Бубнов⁷⁵⁾ сказал здесь, что он тесно связан с Украиной, и этим выдал истинный характер своих возражений. Он сказал, что Ц. К. виноват в усилении боротьбистов⁷⁶⁾. Это—вопрос самый сложный и крупнейший, и я думаю, что в этом крупнейшем вопросе, где требовалось маневрирование, и очень сложное, мы вышли победителями. Когда мы говорили в Ц. К. о максимальных уступках боротьбистам, над этим смеялись, говорили, что мы не идем прямо; но прямо можно сражаться тогда, когда у неприятелей есть прямая линия. Раз неприятель двигается зигзагами, а не по прямой линии, то мы должны следовать за ним и ловить его на всех зигзагах. Мы обещали боротьбистам максимум уступок, но с тем, что они будут вести коммунистическую политику. Таким путем мы доказали, что у нас ни малейшей нетерпимости нет, и что эти уступки сделаны вполне правильно, доказывается тем, что все лучшие элементы боротьбистов вошли теперь в нашу партию. Мы эту партию перерегистрировали и вместо восстания боротьбистов, которое было неизбежно, мы получили,

благодаря правильной линии Ц. К., великолепно проведенной т. Раковским ⁷⁷⁾, то, что все лучшее, что было в среде боротьбистов, вошло в нашу партию под нашим контролем, с нашего признания, а остальное исчезло с политической сцены. Эта победа стоит пары хороших сражений. Говорить поэтому, что Ц. К. виноват в усилении боротьбистов, значит не понимать политической линии в национальном вопросе.

Я коснусь еще речи последнего товарища, который сказал, что надо выкинуть из программы то, что говорится о профессиональных союзах. Вот образец торопливости. Мы так легко не делаем. Мы утверждаем, что ничего выкидывать не нужно, надо обсуждать в брошюрах, статьях, в печати и т. д. Профессиональные союзы идут к тому, чтобы взять в руки хозяйственную жизнь, именно промышленность. Разговоры о том, чтобы не включать специалистов в профессиональные союзы, есть предрассудок. Профессиональные союзы являются воспитателями, и с них спрашивается строго. Плохого воспитателя Ц. К. не потерпит. Воспитание есть длинное и трудное дело. Здесь нельзя отделаться декретом, надо терпеливо и умело подходить, и мы идем к этому и будем идти. Дело требует быть очень осторожными, но твердыми.

Речь о хозяйственном строительстве.

(Заседание 31 марта 1920 г.)

Товарищи, прежде всего два небольших замечания. Тов. Сапронов продолжал упрекать меня в забывчивости, но вопрос, который был им поднят, он так и не объяснил. Он продолжал уверять, что декрет о заготовке льна является нарушением постановления В. Ц. И. К. Я заявляю, что нельзя так бросаться на партийном съезде голословными обвинениями, да притом очень серьезными. Конечно, если бы Совнарком нарушил постановление В. Ц. И. К., то он подлежал бы привлечению к суду. Но почему с 10 февраля и по сей день никакой жалобы не поступило на то, что этот декрет есть нарушение? Мы получаем совершенно голословное обвинение, которыми бросаться очень легко, но эти способы борьбы совершенно не серьезны...

Т. Милютин ⁷⁸⁾ говорит, что у нас разногласий почти нет и что поэтому выходит что-то вроде того, что Ленин против драчки и сам развивает эту драчку. Но т. Милютин несколько искажает, чего не следует делать. У нас был первый проект резолюции, набросан-

ный тов. Троцким, потом переделывавшийся коллегиально в Ц. К. Мы этот проект послали т.г. Милютину и Рыкову. Они нам его вернули, говоря, что они с этим будут сражаться. Вот как было на деле. После того, как мы развили агитацию и получили союзников, они учинили на съезде всестороннюю оппозицию, но, увидав, что ничего не вышло, тогда только стали говорить, что они почти согласны. Конечно, это так, но надо довести дело до конца и установить, что ваше согласие означает полную вашу неудачу, после того как оппозиция здесь выступала и пробовала сплотиться на коллегиальности. Когда время т. Милютина истекло, после 15 минут, он только вспомнил, что хорошо бы дать предмету деловую обстановку. Совершенно правильно! Но я боюсь, что поздно; хотя и осталось еще заключительное слово тов. Рыкова, но оппозицию спасти нельзя. Если бы защитники коллегиальности за два последних месяца сделали то, к чему они призывают, дали бы нам хоть один пример, не вроде того, что есть один декрет и есть один помощник, но дали бы анкету с точным обследованием вопроса, со сравнением коллегиальности с единоличием, как было постановлено на съезде совнархозов и в Ц. К., тогда бы мы стали много умнее, тогда бы на съезде мы получили не принципиальные разговоры, которые мало суразны, тогда бы сторонники коллегиальности могли дать делу движение. Позиция их была бы сильна, если бы, в самом деле, они могли привести хоть 10 фабрик, поставленных в одинаковые условия и управляемые по принципу коллегиальности, и сравнили бы их деловым образом с постановкой дела на фабриках, управляемых единолично. На такой доклад любому докладчику можно было бы дать час, и этот докладчик двинул бы нас далеко вперед; мы, может быть, установили бы практические градации коллегиальности на этой почве. Но все дело в том, что любой из них, который должен был бы иметь практический материал, как совнархозники, так и профессионалисты, они ничего не дали, потому что ничего не имели. У них нет ничего-ничегошеньки!..

Здесь т. Рыков возражал, будто я хочу переделать французскую революцию, будто я отрицаю, что буржуазия вращалась в феодальный строй. Я говорил не это. Я говорил, что при смене буржуазией феодального строя буржуазия брала феодалов и училась у них управлению, а это совершенно не противоречит вращанию буржуазии в феодальный строй. Это вращение происходило всегда и происходит и с рабочим классом. Что такое профессиональные союзы, как не вращение рабочих в государство? Больше

полвека тому назад говорили, что профессиональные союзы, это—ячейки, без которых, после завоевания власти пролетариатом, некому будет взять власть в руки. Не в том ошибка реформаторов, что они не отрицали вращение, а в том, что они не видали, что рабочий класс постепенно занимал целый ряд должностей, брал на себя целый ряд государственных работ! Разве кто станет отрицать, что сейчас пролетариат в Германии или в Англии постепенно вращается в государственное управление? А те мои положения, что рабочий класс после захвата власти начинает осуществлять свои принципы, абсолютно никем не были опровергнуты... После захвата власти рабочий класс держит, сохраняет власть и укрепляет ее, как всякий класс, изменением отношений к собственности и новой конституцией. Это—первое мое основное положение, которое бесспорно! Второе положение, что всякий новый класс учится у предыдущего класса и берет представителей управления у старого класса—тоже абсолютная истина. Наконец, мое третье положение—что рабочий класс должен увеличивать число администраторов из своей среды, создавать школы, готовить в государственном масштабе кадры работников. Эти три года положения неоспоримы и в корне идут против тезисов профсоюзов.

Я говорил т. Томскому во фракции ⁷⁹⁾, когда мы разбирали их тезисы, когда мы с т. Бухариным были биты, я говорил, что в ваших тезисах пункт 7-й останется следом полной теоретической путаницы. В нем говорится: «Основным принципом в строении органов регулирования и управления промышленностью, единственно могущим обеспечить участие широких непартийных рабочих масс через профсоюзы, является существующий ныне принцип коллегиального управления промышленностью, начиная от президиума В. С. Н. Х. до заводууправления включительно. Лишь в особых случаях, по взаимному соглашению президиумов В. С. Н. Х. и В. Ц. С. П. С. или Ц. К. соответствующих союзов, следует допускать единоличное управление отдельными предприятиями при неременном условии контроля над единоличными администраторами со стороны профсоюзов и их органов». Это—сплошная чепуха, потому что роль рабочего класса в завоевании государственной власти, отношение способов—все спутано! Мириться с такими вещами нельзя! Такие вещи теоретически тащат нас назад. То же самое можно сказать и про демократический централизм т.т. Сапронова, Максимовского и Осинского. Т. Осинский все забывает, выдвигая мысль, что я называю «демократи-

ческий централизм» глупостью. Нельзя так искажать! При чем тут вопрос о назначении, о проведении через местные организации? Можно проводить через коллегии и можно назначать также коллегии. Вопрос, преподнесенный ни к селу, ни к городу! Говорят, что демократический централизм состоит не только в том, что управляет В. Ц. И. К., но что В. Ц. И. К. управляет через местные организации. При чем тут коллегиальность или единоличие?

Т. Троцкий вспомнил о своем докладе 1918 г. и, читая произнесенную им тогда речь, указал, что тогда мы не только спорили по основным вопросам, но что было принято определенное решение В. Ц. И. К. Откопавши свою старую брошюру «Очередные задачи Советской власти»⁸⁰), о которой я совершенно забыл, я вижу, что вопрос о единоличии не только был поставлен, но и получил одобрение в тезисах В. Ц. И. К. Мы так работаем, что забываем не только то, что пишем, но и то, что постановлено В. Ц. И. К., и потом ссылаемся на постановление.

Вот выдержки из брошюры:

«Сознательные (а большею частью, вероятно, бессознательные) представители мелко-буржуазной распушенности хотели видеть отступление от начала коллегиальности и демократизма и других принципов Советской власти в предоставлении отдельным лицам «неограниченных» (т.-е. диктаторских) полномочий... Среди левых эс-эров кое-где развивалась прямо хулиганская, т.-е. апеллирующая к дурным инстинктам и к мелко-собственническому стремлению «урвать», агитация против декрета о диктаторстве⁸¹).

«Всякая крупная машинная индустрия, т.-е. именно материальный производственный источник и фундамент социализма, требует безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу сотен тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очень видна всем, думавшим о социализме, всегда признавалась, как его условие,—только так может быть обеспечено строжайшее единство воли...

«Но, так или иначе, беспрекословное подчинение единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо. Для железных дорог оно необходимо вдвойне и втройне.

«И вся наша задача, задача партии коммунистов (большеви-ков), являющейся сознательным выразителем стремления эксплуатируемых к освобождению, осознать этот перелом, понять его

необходимость, встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы, повести ее по верному пути, по пути деловой дисциплины, по пути согласования задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя-диктатора во время работы...

«Нужна была именно октябрьская победа трудящихся над эксплуататорами, нужна была целая историческая полоса первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач, чтобы стал возможным прочный переход к высшим формам трудовой дисциплины, к сознательному усвоению идеи необходимости диктатуры пролетариата, к беспрекословному повиновению единоличным распоряжениям представителей Советской власти во время работы.

«Надо научиться соединять вместе бурно бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя, во время труда»⁸⁰).

29 апреля 1918 г. В. Ц. И. К. принял резолюцию, в которой высказывается полное одобрение изложенным в этом докладе основным положениям и поручил своему президиуму средактировать основные положения в виде тезисов, как основные задачи Советской власти. Таким образом мы повторяем то, что два года тому назад в официальной резолюции В. Ц. И. К. одобрено! Теперь нас тащат назад по вопросу, давно решенному, вопросу, который В. Ц. И. К. утвержден и разъяснен, а именно, что советский социалистический демократизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречит, что волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим. Во всяком случае, принципиальное отношение к коллегиальности, к единоличию не только разъяснялось давно, но и утверждено В. Ц. И. К. В этом отношении наш съезд доказывает печальную истину, что вместо того, чтобы двигаться вперед от разъяснения принципиальных вопросов к конкретным, мы двигаемся вперед подобно раку. Если мы от этой ошибки не отделаемся, то не решим хозяйственной задачи...

Я еще хотел сказать два слова по поводу некоторых замечаний т. Рыкова. Он утверждает, что Совнарком препятствует объединению экономических комиссариатов, и когда говорят, что т. Рыков желает скушать т. Цюрупу⁸²), он отвечает: «я не прочь, чтобы Цюрупа меня скушал, но чтобы только были объединены

экономические комиссариаты». Я знаю, к чему это ведет, и должен сказать, что попытка Высовнархоза устроиться в каком-то отдельном блоке экономических комиссариатов вне Совета Обороны и Совнаркома не была замечена Ц. К. и вызывала отрицательное отношение. Теперь Совет Обороны переименован в Совет Труда и Обороны. Вы хотите отделиться от военного комиссариата, который лучшие силы отдает на войну, который является таким учреждением, без которого вы и трудовой повинности провести не можете, а мы провести не можем трудовой повинности без Народного Комиссариата Внутренних Дел. Если же возьмем почту, мы не можем посылать письма без Комиссариата Почт и Телеграфа. Возьмите Наркомздрав! Как вы будете экономику проводить, когда 70% в сыпняке? Получается, что для нас всякое дело нужно согласовать и выделить в экономический комиссариат. Это ведь совершенно ни с чем не сообразный план! У тов. Рыкова не было серьезного основания! Поэтому против этого боролись, и Ц. К. не поддерживал.

Дальше т. Рыков шутил на счет блока с т. Гольцманом⁸³), который намечается у т. Троцкого. Я хотел сказать несколько слов, что всегда нужен блок между партийными группами, которые правы. Это должно быть всегда обязательным условием для правильной политики. Если т. Гольцман, которого я, к сожалению, мало знаю, но о котором слыхал, как о представителе течения среди металлистов, особенно настаивающего на применении разумных методов,—что и в моих тезисах подчеркнуто,—если с этой точки зрения он настаивает на единоличии, то это, конечно, может быть только крайне полезно. Блок с этим течением был бы архиполезен. Если в Ц. К. будет усилено представительство профессиональных союзов, то будет полезно иметь в нем и представителей этого течения, пусть в чем-нибудь неверного, зато оригинального, имеющего известный оттенок, наряду с крайними представителями коллегальности, которые сражаются во имя демократизма и ошибаются. Пусть те и другие будут представлены в Ц. К.—и будет блок. Пусть будет так составлен Ц. К., что путем блока можно будет найти поприще для оперирования круглый год, а не только в течение недели партийного съезда. Мы постоянно отказывались от принципа областного представительства, так как в этом много областного кумовства. Когда надо с профессиональными союзами слиться крепче, за каждым оттенком профессиональных союзов нужно следить, нужно иметь связь,—неизбежно, чтобы Ц. К. был составлен так, чтобы с широкими

массами профессиональных союзов (у нас 600.000 членов партии и 3.000.000 членов профессиональных союзов) был бы ремень, который связывал бы Ц. К. одновременно с единой волей 600.000 членов партии и 3.000.000 членов профессиональных союзов. Без этого ремня нам управлять нельзя. Чем мы больше завоевывали Сибирь, Кубань и Украину с их крестьянским населением, тем труднее становилась задача, тем тяжелее идет машина, потому что пролетариата в Сибири мало, а на Украине он слабее. Но мы знаем, что донские и николаевские рабочие дали прямой отпор защите полудемагогической коллегияльности, в которую впадал т. Сапронов. Нет сомнения, что пролетарский элемент на Украине иной, чем в Петрограде, Москве и Иваново-Вознесенске, и не от того, что он плох, а от чисто исторических событий... Ему не приходилось так закаляться в голоде, холоде и борьбе, как это было с московскими и питерскими пролетариями. Поэтому нужна такая связь с профессиональными союзами, такая организация Ц. К., чтобы он знал оттенки не только 600.000 членов партии, но и 3.000.000 членов профессиональных союзов, чтобы он мог вести в любой момент всех, как одного человека! Такая организация необходима! Это интерес основной, политический, без которого диктатура пролетариата не будет диктатурой. Блок, так блок! Не пугаться его, а приветствовать и осуществлять крепче и шире в самых центральных учреждениях партии!..

Речь по вопросу о кооперации.

(Заседание 3 апреля 1920 г.)

Только вчера вечером и сегодня мне удалось отчасти ознакомиться с обеими резолюциями. Я думаю, что резолюция меньшинства комиссии более правильна. Т. Милютин ⁷⁸⁾ напал на нее с большим запасом страшных слов, открыл в ней и половинчатость и даже полуполовинчатость, обвинял ее в оппортунизме. Но мне кажется, не так страшен чорт, как его малюют. Если рассмотреть по существу, то именно доводы т. Милютина, который пытался поставить дело на принципиальную позицию, обнаруживают неправильность и непригодность как раз с точки зрения практической, деловой и марксистской той резолюции, которую защищал т. Милютин.

Эта неправильность сводится к следующему. Т. Милютин указывал, что в его резолюции, резолюции большинства комиссии, говорится о слиянии с волисполкомом, о подчинении волис-

полкому, и в этом он усматривает прямоту и решительность его резолюции по сравнению с недостаточной революционностью резолюции меньшинства. Мы уже видели за долгое время нашей революционной кампании, что когда наши революционные действия были подготовлены, они увенчивались успехом; когда они были только проникнуты революционным жаром, они кончались крахом. Что говорит резолюция меньшинства комиссии? Резолюция меньшинства говорит: направь внимание на то, чтобы в потребительских обществах усилить коммунистическую работу и приобрести в них большинство, подготовь те органы, которым ты хочешь передать и будешь потом передавать. Сравните с этим ту линию, которую ведет Милютин. Он говорит: кооперация плоха, поэтому передавайте ее волисполкомам. А есть ли у вас коммунистическая база в этой кооперации, которую хотите передать? Суть дела, подготовка, обходится; дается только последний лозунг. Если эта коммунистическая работа подготовлена, и созданы те органы, которые смогут взять и вести ее, тогда передача понятна, тогда нечего провозглашать это на съезде партии. Но мало ли вы замахивались по отношению крестьян! Мало ли тот же В. С. Н. Х. замахивался на крестьянство и на кооперацию в деле сбора льна! Если вы вспомните деловой опыт нашей местной и совнаркомской работы, то вы скажете, что это неправильный подход к делу, и правильна та резолюция, которая говорит, что необходима работа коммунистического воспитания и подготовка кадра работников, без чего передача невозможна.

Второй основной вопрос—это связь с потребительской кооперацией. Здесь т. Милютин вызывает чрезвычайную непоследовательность. Если потребительская кооперация не выполняет все задания, т.-е. то, о чем говорилось два года в целом ряде декретов, направленных против кулака, то нужно вспомнить, что те средства власти, которые у нас имеются против кулака, даны и против потребительской кооперации. Это и проводится в полной мере. Сейчас самое главное—повысить производство и количество продуктов. Если кооперация потребительская не успеет этого выполнить, тогда она за это будет караться. Если же она, будучи связана с кооперацией производственной, даст хотя бы небольшое увеличение продуктов, нужно ей поклониться и развить ее инициативу. Если потребительская кооперация, несмотря на более тесную местную живую связь с производством, не сумеет дать увеличения—значит, она не выполнила прямой задачи Советской власти. Если есть хотя бы два-три энергичных

товарища в уезде, готовых бороться с кулаками и буржуазией. то дело выиграно. Где же была оттеснена инициатива т. Чучина⁸⁴⁾? Он не привел ни одного примера. Но мысль о том, что нужно связать производственную кооперацию с потребительской и пойти на всяческие уступки, лишь бы увеличить количество продуктов в ближайшем будущем, эта мысль вытекает из нашего двухлетнего опыта. Она нисколько не стесняет ни коммунистических, ни советских работников в борьбе против кулацкого, буржуазного типа кооперации. Она не только не стесняет, но она дает новое оружие в руки. Если ты умеешь что-нибудь организовать, мы тебе дадим премию, но если это задание ты не выполнишь, то мы тебя будем бить не только за то, что ты контр-революционна, на это есть Ч. К., как здесь правильно было заявлено: нет, мы тебя будем бить за то, что ты не выполняешь задания государственной власти, Советской власти и пролетариата.

Против объединения потребительских коопераций т. Милютиным не было приведено ни одного делового довода,—было только указано, что ему это кажется оппортунизмом или половинчатостью. Это странно слышать от т. Милютина, который вместе с т. Рыковым собирался сделать большие шаги и убедился, что и одной десятой шага сделать не может. С этой стороны связь с потребительской кооперацией—плюс, она дает возможность сейчас же взяться за производство. Против вмешательства в политическую работу все средства даются, а подчинение в производственном и хозяйственном отношении зависит целиком от Наркомзема, от В. С. Н. Х. Все эти средства у вас есть в той мере, в которой вы можете контролировать кооперацию.

Теперь мы подходим к третьему вопросу, об огосударствлении, которое Милютин так защищал, что странно было слушать. Была создана комиссия, и т. Крестинский⁷²⁾ в комиссии остался в меньшинстве, а т. Милютин вышел победителем, но теперь он говорит: «на счет огосударствления я согласен не спорить». Зачем же тогда комиссия спорила? Если вы смотрите так, как смотрит т. Чучин, то вы неправы, отказываясь от огосударствления. Здесь говорили: «если капиталистов национализировали, то почему нельзя национализировать кулаков?». Но этот довод не даром встретил здесь веселость. В самом деле, как ни считать зажиточных крестьян, не обходящихся без эксплуатации чужого труда, все же их не менее полумиллиона, а может быть, даже около миллиона; как же мы сможем их национализировать? Это фантазия. Для этого у нас сейчас сил нет.

Т. Чучин совершенно прав, когда говорит, что в кооперации сидит целый ряд контр-революционеров, но это не из той оперы. Тут справедливо сказали о Ч. К. Если благодаря своей близости вы не можете изобличить отдельных вожakov кооперации, то посадите туда одного коммуниста, чтобы он указал эту контр-революцию, и если это хороший коммунист, а хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист, то поставленный в потребительское общество, он должен притащить, по крайней мере, двух кооператоров—контр-революционеров...

Вот почему тов. Чучин не прав, когда проповедует немедленное огосударствление. Это было бы хорошо, но невозможно в силу того, что мы имеем дело с классом, менее доступным нам и ни в коем случае не поддающимся национализации. Мы и из промышленных предприятий не все национализировали. Пока приказ от имени главков и центров доходит до места, он оказывается совершенно бессильным: он совершенно тонет в море не то бумаг, не то бездорожья, бестелеграфья и т. д. Поэтому сейчас говорить о национализации кооперации не представляется возможным.

Т. Милютин не прав и принципиально: он чувствует, что слаб и думает, что можно просто снять этот пункт... Но тогда вы, т. Милютин, подрезываете свою резолюцию, тогда вы выдаете свидетельство, что права резолюция меньшинства, ибо дух вашей резолюции—подчинить волисполкому (в первом пункте так и говорится: «принять меру») — есть дух чекистский, неправильно внесенный в хозяйственный вопрос. Другая резолюция говорит, что в первую очередь надо увеличить число коммунистов, усилить коммунистическую пропаганду и агитацию, что надо создать базис. Тут нет ничего особенно громкого, не обещаются сразу молочные реки и кисельные берега. Но если на местах есть коммунисты, то они знают, что делать, и т. Чучину не потребуется освещать, куда тащить контр-революционеров...

Второе—надо подготовить орган. «Подготовь орган и проверь его на деле, проверь, увеличивается ли производство»,—вот что говорит резолюция меньшинства! Прежде всего создай базу, а дальше,—дальше мы посмотрим... Что надо, из этого сделается само собой. Декретов о том, что контр-революционеров надо направлять в Ч. К., а если нет Ч. К., то в ревком, выдвигается в достаточном изобилии. Надо поменьше этого махания. Надо принять резолюцию меньшинства, которая дает основную линию.

Заключительная речь.

(Заседание 5 апреля 1920 г.)

Товарищи, подводя краткий итог работе нашего съезда, мы должны, на мой взгляд, прежде всего остановиться на задачах нашей партии.

Съезд принял обстоятельную резолюцию по организационному вопросу, и важнейшее место в этой резолюции, как и следовало ожидать, занимает вопрос о воспитании, об обучении, об организационном использовании членов нашей партии. Мандатной комиссией было доложено, что на настоящем съезде представлено свыше 600 тысяч членов нашей партии. Мы все хорошо знаем, какие громадные трудности приходилось переживать партии в эти боевые времена, когда приходилось бороться против того, чтобы к правительственной партии, естественно открытой, потому что она есть правительственная партия, и открывающей дорогу к власти, не могли присосаться и примазаться худшие элементы, отбросы старого капитализма. Одним из средств борьбы было назначение партийных недель. Лишь при таких условиях, лишь в такие моменты, когда партия и движение переживали особенно трудное положение, когда Деникин стоял к северу от Орла, а Юденич—в 50 вер. от Петрограда, в партию могли вступать только люди, искренно преданные делу освобождения трудящихся. Эти условия теперь, по крайней мере, в ближайшем будущем, не повторяются, и нужно сказать, что то громадное число членов нашей партии, по сравнению с предыдущими съездами, которое достигнуто и осуществлено, порождает некоторые опасения, и имеется совершенно реальная опасность, состоящая в том, что быстрый рост нашей партии не всегда шел в уровень тому, насколько мы воспитали эту массу для ее настоящих задач. Нам приходится постоянно иметь в виду, что эта армия в 600 тысяч человек должна быть авангардом рабочего класса, что иначе, как без железной дисциплины, осуществить свои задачи в течение двух лет едва ли было возможно. Основным условием применения и сохранения нашей строжайшей дисциплины является преданность; все старые средства и источники применения дисциплины разрушены, в основу своей деятельности мы клали только высокую степень продуманности и сознательности. Это давало нам возможность осуществления такой дисциплины, которая стоит выше дисциплины другого государ

ства и которая покоится на базисе, непохожем на ту дисциплину, которая продолжает держаться кое-как, если еще может держаться, в капиталистическом обществе. Поэтому мы должны помнить, что наша задача на ближайший год, после блестящих успехов на войне, состоит не столько в расширении партии, сколько во внутренней работе, в смысле развития состава нашей партии. Наши резолюции по организационному вопросу недаром уделяют этому максимум места.

Надо добиться, во что бы то ни стало, чтобы этот авангард пролетариата, эта армия в 600.000 членов была на высоте тех задач, которые на нее ложатся, а ложатся на нее задачи гигантской важности международной и внутренней! Что касается международных задач, наше международное положение никогда не было так превосходно, как в настоящее время. Как ни редко попадают к нам известия из-за границы о жизни тамошних рабочих, но всякий раз, как получаешь пару писем или несколько номеров европейских и американских рабочих социалистических газет, испытываешь самое высокое наслаждение, потому что видишь, как в массах, совершенно не затронутых пропагандой раньше, или прозябавших в жалком оппортунизме, чисто парламентском социализме, везде и повсюду, гораздо более, чем мы знаем, в любом конце земли, везде наблюдается громадный рост интереса к Советской власти, к новым задачам, везде идет глубокое революционное движение, брожение, постановка революционного вопроса. Мне вчера пришлось ознакомиться с номером газеты английской Социалистической рабочей партии. Английские рабочие, которые имели интеллигентских вождей, которые десятками лет отличались презрением к теории, говорят с полной определенностью, и газета свидетельствует, что теперь среди английских рабочих есть интерес к вопросу о революции, возник и усилился интерес к борьбе с ревизионизмом, с оппортунизмом, с парламентским социализмом, с этим социал-предательством, которое мы так хорошо изучили... Эта борьба становится на очередь дня! Мы с определенностью можем сказать, что оказался вполне прав американский товарищ Р., который издал толстую книгу, содержащую ряд статей Троцкого и моих и дающую таким образом сводку истории русской революции. Этот товарищ говорит, что французская революция оказалась победоносной во всемирно-историческом масштабе, и если она могла быть непосредственно задавленной, то потому, что она была окружена странами на континенте Европы более отсталыми, в которых не могли тотчас же возникнуть

движения подражания, сочувствия и поддержки. Русская революция, которой пришлось в силу гнета царизма и целого ряда других условий (связь с 1905 годом и т. д.) возникнуть раньше других, окружена странами, стоящими на более высокой ступени капиталистического развития, которые медленнее подходят к революции, зато солиднее, прочнее, тверже! Мы видим, что каждый год и даже каждый месяц число сторонников и друзей Советской Республики внутри каждой капиталистической страны растет в 10, в 100, 1000 раз, и надо сказать, что у нас друзей и союзников больше, чем мы это знаем! Попытка всемирного империализма задавить нас военным путем потерпела полное крушение! Теперь нам международное положение дало гораздо более длительную и прочную передышку, чем ту, которую мы имели в начале революции. Но надо помнить, что это не больше, чем передышка. Надо помнить, что весь капиталистический мир вооружен с ног до головы и выжидает момента, выбирая лучшие стратегические условия, обслеждая способы нападения... Нельзя ни в коем случае забывать, что сейчас вся экономическая сила и вся военная сила еще на его стороне! В мировом масштабе еще слабые, мы быстро растем, усиливаемся, вырываем из рук неприятеля одно оружие за другим, но неприятель подкарауливает Советскую Республику на каждом шагу! Теперь международный капитал идет с определенным намерением, с рассчитанным планом, чтобы при снятии блокады международное мешечничество, международную свободную торговлю соединить, слить, сплотить с нашим внутренним мешечничеством и приготовить на почве этого мешечничества нам новую войну, приготовить новый ряд ловушек, западней...

Здесь мы подходим к той основной задаче, которая стояла главным вопросом, главным предметом внимания нашего съезда. Это задача строительства. В этом отношении съезд дал очень много, именно, единогласно была принята резолюция по главному вопросу о хозяйственном строительстве и транспорте. И мы теперь, благодаря партийному воспитанию, добьемся, что эта резолюция будет проводиться всеми тремя миллионами рабочих, находящихся в профсоюзах, как одним человеком. Мы добьемся, чтобы эта резолюция послужила тому, чтобы мы всю свою силу, дисциплинированность, энергию направили на восстановление хозяйства страны, в первую очередь, восстановление транспорта, и, во вторую очередь, на восстановление продовольственного положения.

Для пропаганды мы имеем сейчас целый ряд вопросов, и в этом отношении каждое сведение из-за границы и каждые новые 10 членов партии дают нам новый материал для пропаганды. Пропаганда должна идти своим чередом, не разбрасывая, не разбивая сил. Мы должны твердо помнить, что источником успехов, чудес, которые мы проявили в военном деле, было то, что мы всегда сосредоточивались на главном, на основном, мы разрешили дело так, как не умело разрешать его капиталистическое общество! Дело в том, что капиталистическое общество все, что особенно интересует граждан, их экономические условия существования, война и мир, все это капиталистическое общество решает тайком от самого общества; самые важные вопросы: война, мир, дипломатические вопросы решаются ничтожной горсткой капиталистов, которые обманывают не только массы, но даже часто обманывают и парламент. Нет в мире парламента, который бы сказал когда-либо что-либо серьезное по вопросу о войне и мире! В капиталистическом обществе главные вопросы экономической жизни трудящихся, их положение голодного или хорошего существования—решает капиталист, как господин, как бог!.. Во всех капиталистических странах, в демократических республиках, внимание народа во время таких периодов отвлекается той пролажной буржуазной прессой, которая называется свободой слова, которая сочиняет и пускает в ход все, чтобы надуть, обмануть эту массу! Наоборот, у нас весь аппарат государственной власти, все внимание сознательного рабочего сосредоточилось целиком и исключительно на главном, ответственном моменте, на главной задаче! В военной области мы сделали гигантский успех в этом отношении, и этот опыт мы должны перенести теперь в область хозяйственную... Мы совершаем переход к социализму, и самый существенный вопрос, о хлебе, о работе, не является вопросом частным, частным делом предпринимателя, а вопросом всего общества, когда каждый скольконибудь думающий крестьянин должен определенно сознавать и понимать, что если государство во всей своей прессе, в каждой статье, в каждом номере газеты ставит вопрос о транспорте, то это является общим делом!.. Это строительство является переходом для крестьянина от той слепоты и темноты, которая осуждала его на рабство, к настоящей свободе, к тому, когда трудящиеся знают все трудности, которые перед ними стоят впереди, и все силы общественной организации, все силы государственного аппарата, все силы агитации направляют на самое простое и са

мое существенное, отбрасывая блестящие, побрякушки и игрушки во всякие резолюции и умнейшие обещания, которыми заняты газетные агитаторы любой буржуазной страны!

Надо сосредоточить все силы, все внимание на этих простейших хозяйственных задачах, которые каждому крестьянину понятны, против которой ни один сколько-нибудь честный средний крестьянин, даже зажиточный, возражать не может, и при постановке которых на любом собрании мы оказываемся всегда абсолютно правы. Самая несознательная рабочая и крестьянская масса подтвердит, что главное—это восстановить сейчас хозяйство так, чтобы оно не могло попасть снова в руки эксплуататоров, чтобы не получил ни малейшей поправки человек, который в голодной стране, имея излишки хлеба, использует их для того, чтобы обогатиться и заставить голодать бедноту. Вы не найдете самого темного, самого несознательного человека, у которого не было бы чувства сознания, что это несправедливо, у которого не мелькала бы туманная, неясная, но все же мелькала бы мысль, что доводы, приводимые сторонниками Советской власти, вполне соответствуют интересам трудящихся. На этих простых задачах, которые в больших капиталистических обществах отодвигаются на задворки и считаются частным делом хозяев, на этих вопросах мы должны сосредоточить все внимание всей армии из 600.000 членов партии, среди которых мы не должны терпеть ни одного не выполняющего своей задачи, во имя этого заставить рабочих всей массой с величайшими самоотверженностью и преданностью вполне присоединиться к нам! Это трудно организовать, но это имеет громадный моральный авторитет и гигантскую силу убеждения,—это справедливо с точки зрения трудящихся! И вот в уверенности, что эта задача, благодаря работам съезда, сумеет быть теперь так же блестяще разрешена, хотя так же ценой ряда поражений и ряда ошибок, как мы решили задачу военную,—в этой уверенности мы можем сказать, что на нас теперь смотрят рабочие всех европейских и американских стран, смотрят с ожиданием: решим ли мы эту более трудную задачу, которая лежит на нас, ибо эта задача труднее, чем задача военной победы!.. Нельзя решить простым энтузиазмом и простым самопожертвованием и героическим подъемом! В этой работе организации, в которой мы, русские, были слабее других, в этой работе самодисциплины, в этой работе умения отбрасывать постороннее и добиваться главного ничего быстро не сделаешь, и в этой области сбора хлеба, ремонта транспорта, восстановления

хозяйства, которое движается только вершок за вершком, где готовится почва и делается малое, но прочное, в этой работе на нас смотрят рабочие всех стран, ожидая наших новых побед! Я уверен, что, опираясь на решения нашего съезда, добившись того, чтобы 600.000 членов партии работали, как один человек, установив более тесную связь с органами хозяйственными и органами профсоюзов, мы эту задачу сумеем решить так же победоносно, как мы решили задачу военную, и пойдем быстро и твердо к победе всемирной социалистической Советской Республики!

Речь на III Всеросс. Съезде Профессиональных Союзов.

(7 апреля 1920 г.)

Товарищи! позвольте мне, прежде всего, приветствовать III Всеросс. Съезд Профессиональных Союзов от имени Совета Народных Комиссаров.

Товарищи, в настоящий, особо важный момент на профессиональные союзы в деле строительства социализма возложены важные задачи и ответственность. Вот почему мне хотелось бы сейчас остановиться не столько на отдельных решениях закончившегося партийного съезда, сколько на тех изменениях в условиях советской политики, которые специально связывают все задачи социалистического строительства с деятельностью профсоюзных союзов.

Особенностью переживаемого нами момента является переход от военных задач, поглощавших до сих пор целиком внимание Советской власти, к задачам мирного, хозяйственного строительства. Советской Республике приходится переживать не впервые такой момент.

Один раз в истории Советской Республики мы уже пережили подобный момент. Это было в начале 1918 года, когда после краткого по времени и очень сильного по удару наступления немецкого империализма в условиях полного распада старой капиталистической армии, в условиях, когда мы армии не имели и в короткий срок создать ее не могли, нам хищники немецкого империализма навязали Брестский мир, и когда в начале 1918 года нам казалось, что военные задачи, в силу этого, отошли на второй план,—нам казалось, что мы сможем перейти к задачам мирного строительства.

Гражданская война тогда еще не начиналась. Краснов⁸⁵⁾, пользуясь немецкой помощью, только еще появлялся на Дону. на Урале и на Севере не было никаких выступлений, и в руках

Советской Республики была громадная территория, за исключением тех областей, которые отнял от нас Брестский мир. Обстановка была такова, что можно было рассчитывать на продолжительный период мирного строительства. Однако положение дел в дальнейшем сложилось иначе.

Капитал, если взять его в международном масштабе, и сейчас остается не только в военном, но и экономическом смысле сильнее, чем Советская власть. Из этого основного положения надо исходить и никогда его не забывать. В начале октябрьской революции капиталисты рассматривали нашу революцию, как курьез. Только тогда, когда капиталисты убедились, что пролетарская революция приобретает международное значение, сопротивление капиталистов всех стран достигло наивысшей силы. Когда в России развернулась гражданская война, победившие страны Антанты устремили все силы на то, чтобы помочь в этой гражданской войне русским капиталистам и помещикам. Мирное строительство отошло таким образом на задний план.

Все знают, что марксизм стремится к уничтожению классов, но что же это, в сущности, значит?

Это значит—уничтожить разницу классов между рабочими и крестьянами. Крестьянство очутилось в таком положении, что, с одной стороны, это—трудящиеся, которых десятки лет и веками угнетали помещики и капиталисты и которых пролетарская революция освободила от этого угнетения, с другой стороны—это мелкие собственники. Каждый случай продажи хлеба на вольном рынке, мешечничество и спекуляция—есть восстановление торгового хозяйства и, следовательно, капитализма. Крестьянство осталось собственником в своем производстве и оно порождает новые капиталистические отношения. Вот основные черты нашего экономического положения. Мы ведем классовую борьбу, и наша цель—уничтожить классы, ибо, пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор социализм остается неосуществленным, и на практике на каждом шагу происходит непримиримая борьба.

Тут перед нами выступает значение диктатуры пролетариата в новом свете: пролетариат должен выступить в настоящий момент в роли организатора. Мы должны организовать хозяйство на новых основах, воспользовавшись плодами и культурой капитализма. Тут задача не только организаторская, но и воспитательная и именно поэтому эта задача много труднее, чем задача военная. Победить свободную торговлю энтузиазмом, самопо-

жертвованием, ствагой, нельзя. Нужна деятельная работа, нужно отвоевывать вершок за вершком, нужны организующие силы пролетариата,—словом, можно победить лишь тогда, если пролетариат сможет осуществить свою диктатуру, как величайшую организованную и моральную силу всех трудящихся и в том числе трудящихся непролетарских масс.

Итак, надо организовать труд по-новому, создать новые формы производства, провести в жизнь трудовую дисциплину. Разумеется, тут сплошь и рядом делаются грубейшие ошибки. Но разве капитализм создавал свои формы труда и производства не десятилетиями и без ошибок? Из числа наших противников есть много таких, которые проявляют полное непонимание в этом вопросе. Они объявили нас утопистами, когда мы говорили, что власть можно взять. С другой стороны, они от нас требуют, чтобы мы совершили организацию труда в несколько месяцев. Это—издор! Власть можно удерживать при известных условиях политического момента энтузиазмом рабочих. Мы это доказали. Но создать новые органы общественной дисциплины—это дело десятилетий. Даже капитализму понадобилось 30 лет для того, чтобы старую организацию переделать в новую.

Стоящая теперь перед нами задача особенно трудна потому, что крестьянские массы, по темноте своей далекие от всякой теории, могут осознать значение мероприятий Советской власти лишь только противопоставлением диктатуре рабочего класса той власти, от которой они только что освободились. Крестьянство познает Советскую власть практически. Но у крестьянства нет той сплоченности, дисциплинированности, которые имеются у пролетариата. Крестьянство распылено экономически; оно является частью собственниками, а частью тружениками. Собственность тащит его к капитализму. Крестьянин-собственник думает: «чем выгоднее я продам, тем лучше, а при голоде буду продавать дороже». А крестьянин-труженик знает, что от помещика он видел лишь угнетение, от которого освободил его рабочий. Тут борьба двух душ, которая вытекает из экономического положения крестьянства. Нужно это выделить. Мы тогда только победим, когда будем проводить твердую линию. Все трудящиеся будут для нас всегда трудящимися, а с крестьянами-собственниками нам приходится бороться, потому что они темны.

Господа в Лиге Наций, слава богу, не темны—они образованнее, пожалуй, наших меньшевиков и эс-эров. Но что у них делается! Япония прославляет Лигу Наций, а сама подставляет

ножку Америке. Они все в драке, а мы едины, потому что рабочие всех стран переходят к нам. Если таких просвещенных господ, как руководители международной политики, таких многоопытных, богатых, имеющих в сто раз больше, чем мы, пушек и дредноутов, мы разбили, то смешно думать, что мы не разрешим других наших задач в области организации труда. Здесь победят дисциплина и преданность, единство воли. Воля сотен и десятков тысяч людей может выразиться в одном лице. Эта сложная воля вырабатывается советским путем.

Множество рабочих и крестьянских съездов развивает у нас в республике сознание. Такого количества съездов не дало ни одно государство за 100 лет. Ни одно государство не дошло до такого демократизма. А наши частые съезды—это выработка общей воли и общего решения. На этой широчайшей базе понимается наша Советская конституция, наша Советская власть. Она дает то, что решения Советской власти имеют невиданную в мире силу авторитета, силу рабочих и крестьян. Но нам этого мало! Мы материалисты, и нас силой авторитета не накормишь. Необходимо, чтобы решения были проведены в жизнь. Но мы видим, что тут старая буржуазная стихия берет верх, она сильнее нас—это мы должны открыто признать. Старые мелко-буржуазные привычки хозяйничать в одиночку и отстаивать свободную торговлю—все это, пока что, сильнее нас.

Профсоюзы возникли из капитализма и явились средством развития рабочего класса. Классовое сознание складывается в борьбе и развитии. Стена не разделяет один класс от другого. Рабочие и крестьяне китайской стеной не разделены. Когда пролетариат превратился в класс и сознал это, то он настолько стал силен, что взял в свои руки всю государственную машину и, объявив войну всему миру, одержал победу.

Цехи и профессии, в которых человек учился объединяться, теперь становятся отсталыми. При капитализме объединение пролетариев шло по цехам и профессиям. Это было прогрессивным явлением, иначе пролетариат объединяться не мог. Сказать, что пролетариат мог сразу объединиться в класс—это абсурд. Такое объединение может происходить только десятилетиями.

Класс растет в обстановке капитализма, а когда наступает подходящий момент для революции, он берет в свои руки государственную власть. Цехи и профессии тянут уже назад не потому, что там сидят какие-нибудь худые люди, а потому, что худые люди и противники коммунизма находят здесь почву для своей

пропаганды. Карл Маркс больше всего боролся против старого утопического социализма, требуя научного взгляда, который говорит: «учитесь на почве борьбы классов, как класс растет, и помогайте ему зреть».

Везде в мире переход профсоюзов от роли рабов к роли строителей есть перелом. Рабочие кричали: «повысить производительность труда—это значит налечь на нас, содрать с нас всю шкуру!». Они не только это говорили, но и думали и чувствовали. Мы два года существуем, но с чем же это связано? Это в настоящее время означает большой голод рабочего класса. Это доказано статистически. В 1918 и 1919 г.г. рабочие потребляли в среднем по 7 пудов, а крестьяне хлебных губерний—17 пудов. Пролетариат победил и, благодаря своей победе, попал в больший голод, чем тот же крестьянин, который при Советской власти имеет гораздо больше, чем при царе, и больше, чем нужно. При царе крестьянин имел в лучшем случае 16 пудов, а при нашей власти он имеет 17 пудов. Диктатура пролетариата обрекла пролетариат на два года голода, но в этом голоде сказалось то, что рабочий может жертвовать не только своими цеховыми интересами, но и своею жизнью. В течение двух лет пролетариат сумел выносить этот голод, потому что он имел нравственную поддержку всех трудящихся и он шел на эти самопожертвования ради победы рабоче-крестьянской власти.

Правда, продолжается разделение рабочих на профессии. Есть такие профессии, которые были нужны капиталистам, но которые не нужны нам. Мы знаем, что рабочие этих профессий голодают тяжелее других. Иначе быть не может. Капитализм сломан, но социализм еще не построен, и это будет еще долгое время. Здесь мы сталкиваемся со всеми недоразумениями, которые являются не случайными, а результатом исторической розни профсоюзов, как орудия цехового объединения при капитализме и как классового объединения рабочих, которые взяли государственную власть. Такие рабочие идут на все жертвы и создают дисциплину, которая заставляет говорить и смутно чувствовать, что интересы классовые выше интересов цеховых. Те же рабочие, которые не умеют приносить таких жертв, рассматриваются нами как шкурники, и мы выкинем их из пролетарской семьи.

Вот тот основной вопрос о трудовой дисциплине, которым был занят партийный съезд. Смысл решений партийного съезда сводится к тому, что рабочий класс вырос и возмужал, он взял власть в свои руки и он борется против всего мира.

Эта борьба становится труднее, чем прежде. На войне бороться было легче. Теперь требуется дело организации, дело морального воспитания. У нас пролетариат не так велик числом. Он уменьшен войной. Нам трудней управлять, благодаря нашим победам. Как профессионалисты, так и рабочие это должны понять. Когда мы говорим о диктатуре—это не каприз централистов. Мы должны с большой прямою идти к рабочему и должны говорить открыто. Нужно больше дисциплины, больше единоличия и больше диктатуры. Без этого нельзя иметь большой победы. У нас армия в три миллиона. Те 600.000 рабочих, о которых я говорил, должны быть авангардом этих трех миллионов. Мы испытаем эту труд-армию и профсоюзы. Мы будем учиться на каждом шагу практического опыта.

Из этого ясно, что нужно новое отношение к делу со стороны пролетарских и непролетарских масс. А новые задачи говорят, что насилем ничего не сделаешь, а только организацией, моральным авторитетом. Из этого вытекает наше абсолютное убеждение, которое мы вынесли на партийном съезде. Наш основной лозунг: «Ближе к единоличию, больше трудовой дисциплины. Подтянуться, работать с военной твердостью, решительностью, самопожертвованием, откидывая интересы групп, цехов, принося в жертву все частные интересы». Без этого победить мы не можем.

А если мы проведем это решение партии, как один человек, через три миллиона рабочих, а потом через десятки миллионов крестьян, которые будут чувствовать моральный авторитет, силу людей, жертвовавших собой за победу социализма, с этим мы будем абсолютно и окончательно непобедимы.

*«Правда» № 77,
9 апреля 1920 г.*

Речь на Всероссийском съезде текстильщиков.

(18 апреля 1920 г.)

Товарищи, позвольте мне вместе с благодарностью за приветствие передать вам приветствие от имени Совета Народных Комиссаров. Мы все сейчас находимся под впечатлением только что закончившегося партийного съезда. Из партийной печати вам, конечно, известны его постановления и те задачи, которые поставил этот съезд перед пролетариатом. Важнейшей из этих очередных задач является задача по восстановлению нашего народного хозяйства, задача поднятия производительности труда.

Теперь, когда заканчивается гражданская война, когда перед Советской Россией существует на фронте этой войны только одна угроза со стороны Польши, наступает момент, когда от военных задач мы должны переходить на мирное строительство.

Чтобы пояснить вам, какие трудные задачи стоят перед пролетариатом в этой области, я укажу вам следующие этапы пробуждения сознательных рабочих. Многие из вас помнят или знают от своих отцов, как рабочие несколько десятков лет тому назад, попадая на фабрику, говорили, что «фабрика народ кормит», и думали, что фабрикант является их благодетелем. Тогда рабочие еще не понимали эксплуатации их капиталистами. Рабочие всех капиталистических стран так смотрели на дело. От этого первоначального неведения, бессознательности, рабочие постепенно переходили к сознанию своего положения. К этому времени относится начало стачек. Рабочие начали чувствовать свою силу. Стачки научили рабочих тому, что будучи беспомощными в одиночку, в соединении с другими они являются силой. Вместе с ростом стачек росло и профессиональное движение. Умение дать отпор противникам было огромным шагом вперед. В первой стадии профессионального движения все внимание рабочих было направлено к тому, чтобы укоротить рабочий день, увеличить заработную плату и т. д. Дальше этих стремлений мысль рабочих не шла. Но вот пришли времена, когда эта вторая ступень сознательности рабочих стала недостаточной. Крупные фабриканты соединились с банкирами в своих империалистических стремлениях, и началась война с целью переделить между собой землю. Эта война, в которой 10 миллионов людей было убито и 30 миллионов искалечено, а впоследствии Брестский и Версальский мир окончательно прояснили сознание рабочих, которые поняли, что они были обмануты и что война велась капиталистами из-за интересов капиталистов. А когда это было понято, произошла рабочая революция и совершился октябрьский переворот.

В новых условиях жизни, когда рабочие стали у власти, рабочий класс уже не удовлетворяется прежними заданиями профессиональных союзов. Он понял, что задача проф. союзов в новых условиях жизни состоит не в том, чтобы в своем профессиональном стойле создать себе лучшие условия жизни. Рабочие поняли, что эти стойла надо сломать, что надо объединить свои силы, чтобы рабочий класс стал классом господствующим. Они осознали, что, пока остается частная собственность, не может быть

равенства, свободы и демократии. Создав новое пролетарское государство, рабочий класс взял на себя большую ношу по управлению государством и созданию социализма. Помещичья власть была сметена, но крестьянин привык продавать излишки своего труда. Крестьянин не понимает, что в условиях нашей жизни это является преступлением, спекуляцией. Свобода торговли является возвратом к капитализму. Теперь, когда надо по-новому организовать труд, рабочие не могут считать себя только членами своих профессиональных союзов, потому что в этом случае неизбежен возврат к старому.

Борьба с капитализмом не кончена. Если прежде помещики организовывали труд палкой, посредством крепостного права, если затем капиталисты организовывали этот труд голодом, то теперь организация труда возможна только в том случае, если рабочий класс объединится в диктатуре трудящихся. Как на фронте военном, так и на фронте труда нам приходится опираться на руководимые рабочими миллионные массы крестьянства. И мы можем руководить крестьянами только в том случае, если крестьяне будут уважать каждого рабочего. Получив от Советской власти помещичьи земли, крестьянин уже имеет уважение к Советскому государству и рабочей диктатуре. Надо сделать так, чтобы крестьянин видел, что железная власть пролетариата не только разбивает Колчака и Деникина на фронте военном, но и объединяет и организует труд на фронте труда.

На этом фронте каждый рабочий должен быть красным командиром труда. За последние два года рабочие претерпевали неслыханные лишения и самопожертвования. В результате мы имеем блестящие победы на всех военных фронтах, но чем больше мы имеем побед, тем труднее становится управление нашим рабочим государством. Мы завоевали Сибирь и Кавказ, где пролетариата почти нет, где массу населения составляют крестьяне. Мы им товаров сейчас дать не можем. Здесь нам нужно суметь подойти к крестьянству, разъяснить ему, что в условиях переживаемого времени оно должно давать свой хлеб рабочим в ссуду. Все это мы можем делать через 600.000 членов нашей партии и через 4 миллиона трудящихся, которые объединены в профессиональных союзах. Но для этого надо, чтобы все силы действовали заодно. Нужна трудовая дисциплина. В этом деле мы должны припоминать те уроки, которые мы имели при создании нашей Красной армии. В деле поднятия производительности труда мы можем располагать гораздо большими силами, чем тогда,

когда мы организовывали Красную армию. В армию труда мы можем взять всякого: и подростка, и старика, и женщину. Задача по установлению в этих рядах трудовой дисциплины, задача воссоздания нашего народного хозяйства является задачей чрезвычайно трудной, но ее надо решить. Каждому рабочему теперь нельзя считать себя только членом своего профессионального союза. Он должен помнить, что кончилась война кровавая, но продолжается война на бескровном фронте. Мы не должны забывать, что на этом фронте миллионы мешечников и мелких собственников сильнее нас, и чтобы их победить, нужно, чтобы 4 миллиона трудящихся были тесно спаяны трудовой дисциплиной. Этой победы мы можем добиться только ценой новых лишений и бедствий. Крестьянин не верит, что рабочие сумеют организовать труд и надо сделать так, чтобы он мог увидеть это на деле. Пусть рабочий класс организует свое производство так, как он сумел одерживать победы на военном фронте, создав свою Красную армию. Надо, чтоб вся Россия в деле создания народного хозяйства превратилась в единую мощную армию труда.

В частности вы, как текстильщики, конечно, знаете, что текстильная промышленность также переживает разруху, как и многие другие. Мы не можем рассчитывать на получение хлопка ни из Египта, ни из Америки. С Туркестаном нас соединит только одна железнодорожная колея, на большую пропускную способность которой мы рассчитывать также не можем. Между тем сейчас открывается торфяная кампания, в которой надо усилить нашу работу. Торф нам нужен для того, чтобы подвезти рабочим хлеб, крестьянам—соль, текстильным фабрикам—хлопок и т. д. В торфе наше спасение. Этот торф лежит под боком у текстильщиков около тех фабрик, которые в настоящее время стоят. В это время нельзя говорить, что мы—текстильщики, а не торфяники. Такая точка зрения рабочих означала бы для них возврат к старому. Необъятные трудности предстоят в этом деле. Я знаю, что, может быть, некоторым придется работать в воде, не имея производственной одежды. Но мы должны помнить, что на кровавом фронте наши красноармейцы также без сапог, в условиях походной жизни, по колена в воде и грязи, как это было недавно на южном фронте, умели одерживать победы. На фронте труда мы не должны говорить: «где уж нам» или: «это нам не под силу». Кто так рассуждает, тот не коммунист. На нашу слабость в этом деле надеются иностранные капиталисты, которые нами побиты, но не уничтожены. Мы не должны скрывать от себя, что

сейчас экономически они сильнее нас. Они надеются, что наши рабочие станут старыми профессионалистами. Капиталисты готовы уничтожить все наше производство. Но мы должны помнить, что теперь наступила пора самого великого и тяжелого испытания. Каждому рабочему надо делать те чудеса, которые на военном фронте проделывались каждым нашим красноармейцем. Прелестные самопожертвования на фронте труда во сто раз ценнее тех, которые были раньше. Нам нужно одержать победу на фронте труда. Долой старый профессионализм!

В заключение позвольте мне выразить надежду и уверенность, что как ни тяжело положение текстильщиков, они все же сохранили пролетарский энтузиазм, при помощи которого мы добьемся на фронте труда таких же чудес, каких добились на фронте военном наша Красная армия.

*«Правда» № 83
20 апреля 1920 г.*

Речь на собрании М. К. Р. К. П. в день 50-летия Н. Ленина ⁸⁶⁾.

(23 апреля 1920 г.)

Товарищи! Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а, во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушания юбилейных речей. Я думаю, что, может быть, таким образом мы постепенно, не сразу, конечно, создадим более подходящий способ для юбилея, чем тот, который практиковался до сих пор и который иногда создавал повод к удивительно хорошим карикатурам. Вот одна из таких карикатур, нарисованная выдающимся художником и посвященная подобному юбилею. Я ее получил сегодня вместе с чрезвычайно дружеским письмом, и так как товарищи были настолько любезны, что они от юбилейных речей избавили меня, я передаю эту карикатуру на рассмотрение всех с тем, чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств.

Затем мне хотелось бы несколько слов сказать по поводу теперешнего положения большевистской партии. Меня навели на эти мысли строки одного писателя, написанные им 18 лет тому назад, в 1902 г. Этот писатель, Карл Каутский, с которым мы в настоящее время чрезвычайно резко должны были разойтись и бороться, но который в борьбе с немецким оппортунизмом раньше был одним из вождей пролетарской партии, в сотрудничестве с ко-

торым мы когда-то были. Тогда большевиков не было, но все будущие большевики, сотрудничавшие с ним, его высоко ценили. Вот что писал тогда в 1902 г. этот писатель: «В настоящее время (в противоположность 1848 г.) можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. Германия вступила в ряды революционных наций... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идсм навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дрихлого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставит снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России... С царем русские революционеры, быть может, давно справились бы, если бы не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника—европейского капитала. Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественник. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь мучеников, котор^{ых} она породит, к сожалению, более, чем достаточно, не пропадет даром. Она оплодотворит всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставит их расти пышнее и быстрее. В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую, счастливую весну для народов» (Статья Каутского :«Славяне и революция» в газ. «Искра» 1902 г., № 18, 10 марта).

Вот как 18 лет назад писал про революционное движение в России выдающийся социалист, с которым нам пришлось теперь

порвать так решительно. Эти слова наводят меня на мысль, что наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение,—именно, в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное. Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаться. В самом деле, те ожидания от русской революции, которые я привел словами нашего теперешнего злейшего врага, эти ожидания непомерно велики. Блестящие успехи и блестящие победы, которые до сих пор мы имели,—ведь они обставлены были условиями, при которых главные трудности еще не могли быть нами решены. Они обставлены были условиями, когда на нас лежали задачи военные, задачи борьбы самой глубокой, самой живой с помещицей и царской, генеральской реакцией. Таким образом, задачи, составляющие сущность социалистического переворота, отодвигались от нас задачами организации борьбы с повседневным будничным проявлением мелко-буржуазной стихии, раздробленности, распыленности, т.-е. всего, что тащит назад к капитализму. И в смысле экономическом, и в смысле политическом те задачи были от нас отодвинуты: мы к ним не имели возможности приступить надлежащим образом. Поэтому та опасность, на которую нас наводят приведенные слова, должна быть сугубо учтена всеми большевиками порознь и большевиками, как целой политической партией. Мы должны понять, что решения нашего последнего съезда партии, во что бы то ни стало, должны быть проведены в жизнь, а это значит, что нам предстоит громаднейшая работа и потребуются приложить труда много больше, чем требовалось до сих пор.

Позвольте мне закончить пожеланием, чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии.

«Пятидесятилетие В. И. Ленина».
Издание М. К. Р. К. II, 1920 г.

ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ „ЛЕВИЗНЫ“ В КОММУНИЗМЕ

27 апреля—12 мая 1920 г.

*„Детская болезнь „левизны“
в коммунизме“.
Государственное Издательство.
Петербург 1920 г.*

I .

В каком смысле можно говорить о международном значении русской революции?

Первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России (25-X/7-XI 1917) могло казаться, что громадные отставания отсталой России от передовых западноевропейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение, в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т.-е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции.

Конечно, было бы величайшей ошибкой преувеличить эту истину, распространить ее не только на некоторые из основных черт нашей революции. Точно так же было бы ошибочно упустить из виду, что после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле) страной.

Но в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего. Пере-

довые рабочие во всех странах давно поняли это,—а еще чаще не столько поняли, сколько инстинктом революционного класса схватили, почуяли это. Отсюда международное «значение» (в узком смысле слова) Советской власти, а также основ большевистской теории и тактики. Этого не поняли «революционные» вожди II Интернационала, вроде Каутского⁸⁷⁾ в Германии, Отто Бауэра²³⁾ и Фридриха Адлера²⁴⁾ в Австрии, которые и оказались поэтому реакционерами, защитниками худшего оппортунизма и социал-предательства. Между прочим, анонимная брошюра «Всемирная революция» («Weltrevolution»), вышедшая в 1919 году в Вене (Sozialistische Bücherei, Heft 11; Ignaz Brand), показывает особенно наглядно весь ход мысли и весь круг мысли, вернее, всю бездну недомыслия, педантизма, подлости и предательства интересов рабочего класса—и притом под соусом «защиты» идеи «всемирной революции».

Но остановиться подробнее на этой брошюре придется когда-либо в другой раз. Здесь же отметим только еще одно: в давно-давно прошедшие времена, когда Каутский был еще марксистом, а не ренегатом, он, подходя к вопросу как историк, предвидел возможность наступления такой ситуации, при которой революционность русского пролетариата станет образцом для Западной Европы. Это было в 1902 году, когда Каутский писал в революционной «Искре»⁸⁸⁾ статью: «Славяне и революция». Вот что он писал в этой статье:

«В настоящее же время» (в противоположность 1848 году) «можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 году Германия вступила в ряды революционных наций... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших

рядах, и заставит снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России... С царем русские революционеры, быть может, давно справились бы, если бы им не пришлось одновременно вести борьбу и против его союзника, — европейского капитала. Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадет даром. Она оплодотворит всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 году славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую, счастливую весну для народов» (Карл Каутский, «Славяне и революция», статья в «Искре», русской с.-д. революционной газете, 1902 г., № 18, 10 марта 1902 года).

Хорошо писал 18 лет тому назад Карл Каутский!

II.

Одно из основных условий успеха большевиков.

Наверное, теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что 2¹/₂ года, но и 2¹/₂ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т.-е. всем, что есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои.

Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против *более могущественного* врага, против буржуазии, сопротивление которой *удешевлено* ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала,

в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в силе привычки, в силе мелкого производства. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. По всем этим причинам диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть,—войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли.

Повторяю, опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно тем, кто не умеет думать или кому не приходилось размышлять о данном вопросе, что безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией.

На этом часто останавливаются. Но далеко недостаточно размышляют о том, что это значит? при каких условиях это возможно? Не следует ли возгласы приветствия по адресу Советской власти и большевиков *почаще* сопровождать *серьезнейшим анализом* причин того, *почему* большевики могли выработать необходимую для революционного пролетариата дисциплину?

Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года ⁸⁹⁾. Только история большевизма за *весь* период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата.

И, прежде всего, является вопрос: чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, *но также и с непролетарской*, трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы *собственным опытом* убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имею-

щего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье. А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжелым опытом; их выработка облегчается правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения.

Если большевизм мог выработать и успешно осуществить в 1917—1920 годах, при невиданно тяжелых условиях, самую строгую централизацию и железную дисциплину, то причина тому заключается просто-на-просто в ряде исторических особенностей России.

С одной стороны, большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма. А правильность этой—и только этой—революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувсковой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и безаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире.

С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смен различных форм

движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы *всех* классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта.

III.

Главные этапы в истории большевизма.

Годы подготовки революции (1902—1905). Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. За-границей эмигрантская пресса ставит теоретически *все* основные вопросы революции. Представители трех основных классов, трех главных политических течений, либерально-буржуазного, мелко-буржуазно-демократического (прикрытого вывесками «социал-демократического» и «социал-революционного» направлений) и пролетарско-революционного, ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают и готовят грядущую открытую борьбу классов. Все вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905—1907 и в 1917—1920 годах, можно (и должно) проследить, в зародышевой форме, по тогдашней печати. А между тремя главными направлениями, разумеется, есть сколько-угодно промежуточных, переходных, половинчатых образований. Вернее: в борьбе органов печати, партий, фракций, групп выкристаллизовываются те идейно-политические направления, которые являются действительно классовыми; классы выковывают себе надлежащее идейно-политическое оружие для грядущих битв.

Годы революции (1905—1907). Все классы выступают открыто. Все программные и тактические взгляды проверяются действием масс. Невиданная в мире широта и острота стачечной борьбы. Перерастание экономической стачки в политическую и политической в восстание. Практическая проверка соотношений между руководящим пролетариатом и руководимым, колеблющимся, шатким крестьянством. Рождение, в стихийном раз-

витии борьбы, советской формы организации. Тогдашние споры о значении советов предвосхищают великую борьбу 1917—1920 годов. Смена парламентских форм борьбы и непарламентских, тактики бойкота парламентаризма с тактикой участия в парламентаризме, легальных форм борьбы и нелегальных, а равно их взаимоотношение и связи—все это отличается удивительным богатством содержания. Каждый месяц этого периода равнялся, в смысле обучения основам политической науки—и масс и вождей, и классов и партий—году «мирного» «конституционного» развития. Без «генеральной репетиции» 1905 года победа октябрьской революции 1917 года была бы невозможна.

Годы реакции (1907—1910). Царизм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики. Усиление тяги в философскому идеализму; мистицизм, как облачение контр-революционных настроений. Но в то же время именно великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторический диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу. Друзья познаются в несчастьи. Разбитые армии хорошо учатся.

Победивший царизм вынужден ускоренно разрушать остатки добуржуазного, патриархального быта в России. Буржуазное развитие ее шагает вперед замечательно быстро. Внеклассовые, надклассовые иллюзии, иллюзии насчет возможности избежать капитализма разлетаются прахом. Классовая борьба выступит совсем по новому и тем более отчетливо.

Революционные партии должны доучиваться. Они учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильное отступать. Приходится понять,—и революционный класс на собственном горьком опыте учится понимать,—что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению. Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их «армии», с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разоблачили и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что на-

но отступить, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях.

Годы подъема (1910—1914). Сначала подъем был невероятно медленный, потом, после ленских событий 1912 года, несколько более быстрый. Преодолевая неслыханные трудности, большевики оттеснили меньшевиков, роль которых, как буржуазных агентов в рабочем движении, превосходно была понята всей буржуазией после 1905 года и которых по тому на тысячи ладов поддерживала против большевиков вся буржуазия. Но большевикам никогда не удалось бы достичь этого, если бы они не провели правильной тактики соединения нелегальной работы с обязательным использованием «легальных возможностей». В реакционнейшей Думе большевики завоевали себе всю рабочую курию ⁹⁰).

Первая всемирная империалистская война (1914 — 1917). Легальный парламентаризм, при условиях крайней реакционности «парламента», служит полезнейшую службу партии революционного пролетариата, большевикам. Большевики депутаты идут в Сибирь ⁹¹). В эмигрантской прессе все оттенки взглядов социал-империализма, социал-шовинизма, социал-патриотизма, непоследовательного и последовательного интернационализма, пацифизма и революционного отрицания пацифистских иллюзий находят у нас свое полное выражение. Ученые дураки и старые бабы II Интернационала, которые пренебрежительно и высокомерно морщили нос по поводу обилия «фракций» в русском социализме и жесточенности борьбы между ними, не сумели, когда война отняла хваленую «легальность» во всех передовых странах, организовать даже приблизительно такого свободного (нелегального; обмена взглядов и такой свободной (нелегальной) выработки правильных взглядов, какие организовали русские революционеры в Швейцарии и в ряде других стран. Именно поэтому и прямые социал-патриоты и «каутскианцы» всех стран оказались худшими предателями пролетариата. А если большевизм сумел победить в 1917—1920 годах, то одной из основных причин этой победы является то, что большевизм еще с конца 1914 года беспощадно разоблачал гнусность, мерзость и подлость социал-шовинизма и «каутскианства» (которому соответствует лонгэтизм ¹⁰) во Франции, взгляды вождей нез. раб. партии ¹⁵) и фабианцев ⁹²) в Англии, Турати ⁹³)

в Италии и т. д.), массы же потом на собственном опыте убеждались все более и более в правильности взглядов большевиков.

Вторая революция в России (с февраля по октябрь 1917 г.). Невероятная застарелость и устарелость царизма создала (при помощи ударов и тяжестей мучительнейшей войны) невероятную силу разрушения, направленную против него. В несколько дней Россия превратилась в демократическую буржуазную республику, более свободную—в обстановке войны,—чем любая страна в мире. Правительство стали создавать вожди оппозиционных и революционных партий—как в наиболее «строго-парламентарных» республиках, при чем звание вождя оппозиционной партии в парламенте, хотя и самом что ни на есть реакционном, *облегчало* последующую роль такого вождя в революции.

Меньшевики и «социалисты-революционеры» в несколько недель великолепно усвоили себе все приемы и манеры, доводы и софизмы европейских героев II Интернационала, министералистов и прочей оппортунистической швали. Все, что мы читаем теперь о Шейдеманах ²²⁾ и Носке ²⁰⁾, Каутском и Гильфердинге ²⁴⁾, о Реннере ²¹⁾ и Аустерлице ²⁵⁾, Отто Бауэре ²³⁾ и Фрице Адлере ²⁴⁾, о Турати и Лонгэ, о фабианцах и вождях нез. раб. партии в Англии, все это кажется нам (и на деле является) скучным повторением, перепевом знакомого и старого мотива. Все это у меньшевиков мы уже видали. История сыграла шутку и заставила оппортунистов отсталой страны предвосхитить оппортунистов ряда передовых стран.

Если все герои II Интернационала потерпели банкротство, осрамились на вопросе о значении и роли советов и Советской власти, если особенно «ярко» осрамились и запутались на этом вопросе вожди вышедших ныне из II Интернационала трех очень важных партий (именно немецкой независимой с.-д. партии, французской лонгэтистской и английской независимой рабочей партии), если все они оказались рабами предрассудков мелкобуржуазной демократии (совсем в духе мелких буржуа 1848 года, звавших себя «социал-демократами») ²⁶⁾, то мы *уже* на примере меньшевиков видели *все это*. История сыграла такую шутку, что в России в 1905 году родились советы ²⁸⁾, что их фальсифицировали в феврале—октябре 1917 года меньшевики, обанкротившиеся вследствие неумения понять их роль и значение, и что теперь *во всем мире* родилась идея Советской власти, с невиданной быстротой распространяющаяся среди пролетариата всех стран.

при чем старые герои II Интернационала *повсюду* так же банкротятся благодаря их неумению понять роль и значение советов, как наши меньшевики. Опыт доказал, что в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции *всем* странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия.

Свою победоносную борьбу против парламентарной (фактически) буржуазной республики и против меньшевиков большевики начали очень осторожно и подготавливали вовсе не просто— вопреки тем взглядам, которые нередко встречаются теперь в Европе и Америке. Мы не призывали в начале указанного периода к свержению правительства, а разъясняли невозможность его свержения *без* предварительных изменений в составе и настроении Советов. Мы не провозглашали бойкота буржуазного парламента, учредилки, а говорили—с апрельской (1917) конференции ⁹⁷⁾ нашей партии говорили официально от имени партии, что буржуазная республика с учредилкой лучше такой же республики без учредилки, а «рабоче-крестьянская», советская, республика лучше всякой буржуазно-демократической, парламентарной, республики. Без такой осторожной, обстоятельной, осмотрительной и длительной подготовки мы не могли бы ни одержать победы в октябре 1917 года, ни удержать этой победы.

IV.

В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм?

Во-первых, и главным образом, в борьбе против оппортунизма, который в 1914 году окончательно перерос в социал-шовинизм, окончательно перешел на сторону буржуазии против пролетариата. Это был, естественно, главный враг большевизма внутри рабочего движения. Этот враг и остается главным в международном масштабе. Этому врагу большевизм уделял и уделяет больше всего внимания. Эта сторона деятельности большевиков теперь уже довольно хорошо известна и за границей.

Иное приходится сказать о другом враге большевизма внутри рабочего движения. За границей еще слишком недостаточно знают, что большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против *мелко-буржуазной революционности*, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, которая

отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы. Теоретически для марксистов вполне установлено,—и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено,—что мелкий собственник, мелкий хозяйчик (социальный тип, во многих европейских странах имеющий очень широкое, массовое представительство), испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа, это—социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением,—все это общеизвестно. Но теоретическое, абстрактное признание этих истин несколько еще не избавляет революционных партий от старых ошибок, которые выступают всегда по неожиданному поводу, в немножко новой форме, в невиданном раньше облачении или окружении, в оригинальной—более или менее оригинальной—обстановке.

Анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняли друг друга. И если в России, несмотря на более мелко-буржуазный состав ее населения по сравнению с европейскими странами, анархизм пользовался в период обеих революций (1905 и 1917) и во время подготовки к ним сравнительно ничтожным влиянием, то это, несомненно, следует поставить отчасти в заслугу большевизму, который вел всегда самую беспощадную и непримиримую борьбу против оппортунизма. Говорю: «отчасти», ибо еще более важную роль в деле ослабления анархизма в России сыграло то, что он имел возможность в прошлом (70-ые годы XIX века) развиваться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность, как руководящей теории для революционного класса.

Большевизм воспринял при своем возникновении в 1903 году традицию беспощадной борьбы с мелко-буржуазной, полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью, каковая традиция имелась всегда у революционной социал-демократии и особенно упрочилась у нас в 1900—1903 го-

лах, когда закладывались основы массовой партии революционного пролетариата в России. Большевизм воспринял и продолжал борьбу с партией, всего более выражавшей тенденции мелкобуржуазной революционности, именно с партией «социалистов-революционеров», по трем главным пунктам. Во-первых, эта партия, отрицавшая марксизм, упорно не хотела (вернее, пожалуй, будет сказать: не могла) понять необходимость строго объективного учета классовых сил и их взаимоотношения перед всяким политическим действием. Во-вторых, эта партия видела свою особую «революционность» или «левизну» в признании ею индивидуального террора, покушений, что мы, марксисты, решительно отвергали. Разумеется, мы отвергали индивидуальный террор только по причинам целесообразности, а людей, которые способны были бы «принципиально» осуждать террор Великой Французской революции или вообще террор со стороны победившей революционной партии, осаждаемой буржуазиею всего мира, таких людей еще Плеханов ⁹⁸⁾ в 1900—1903 годах, когда Плеханов был марксистом и революционером, подвергал осмеянию и оплеванию. В-третьих, «социалисты-революционеры» видели «левизну» в том, чтобы хихикать над небольшими сравнительно оппортунистическими грехами немецкой социал-демократии наряду с подражанием крайним оппортунистам этой же партии в вопросе, напр., аграрном или в вопросе о диктатуре пролетариата.

История, мимоходом сказать, дала теперь в крупном, всемирно-историческом масштабе подтверждение того мнения, которое мы всегда отстаивали, именно, что *революционная* немецкая социал-демократия (заметьте, что еще Плеханов в 1900—1903 годах требовал исключения Бернштейна ⁹⁹⁾ из партии, а большевики, продолжая всегда эту традицию, в 1913 году разоблачали всю низость, подлость и предательство Легина ¹⁰⁰⁾),—что революционная немецкая социал-демократия *ближе всего* была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить. Теперь, в 1920 году, после всех позорных крахов и кризисов эпохи войны и первых лет после войны, видно ясно, что из всех западных партий именно немецкая революционная социал-демократия дала лучших вождей, а также оправилась, вылечилась, окрепла вновь раньше других. Это видно и на партии спартаковцев ¹⁰¹⁾ и на левом, пролетарском крыле «независимой с.-д. партии Германии», которое ведет неуклонную борьбу с оппортунизмом и бесхарактерностью Каутских, Гильфердингов, Ледебуров ¹⁰²⁾. Криспинов ¹⁰³⁾. Если бросить теперь общий взгляд на вполне

законченный исторический период, именно: от Парижской Коммуны до первой Социалистической Советской Республики, то совершенно определенный и бесспорный абрис принимает вообще отношение марксизма к анархизму. Марксизм оказался правым, в конце концов, и если анархисты справедливо указывали на оппортунистичность господствующих среди большинства социалистических партий взглядов на государство, то, во-первых, эта оппортунистичность была связана с искажением и даже прямым сокрытием взглядов Маркса на государство (в своей книге «Государство и революция» я отметил, что Бебель ¹⁰⁴) 36 лет, с 1875 до 1911, держал под спудом письмо Энгельса ¹⁰⁵), особенно рельефно, резко, прямо, ясно разоблачившее оппортунизм хотя бы социал-демократических воззрений на государство); во-вторых, исправление этих оппортунистических взглядов, признание Советской власти и ее превосходства над буржуазной парламентарной демократией, все это шло наиболее быстро и широко именно из недр наиболее марксистских течений в среде европейских и американских социалистических партий.

В двух случаях борьба большевизма с уклонами «влево» его собственной партии приняла особенно большие размеры: в 1908 году из-за вопроса об участии в реакционнейшем «парламенте» и в обставленных реакционнейшими законами легальных рабочих обществах ¹⁰⁶) и в 1918 году (Брестский мир) из-за вопроса о допустимости того или иного «компромисса» ¹⁰⁷).

В 1908 году «левые» большевики были исключены из нашей партии за упорное нежелание понять необходимость участия в реакционнейшем «парламенте». «Левые» — из числа которых было много превосходных революционеров, которые впоследствии с честью были (и продолжают быть) членами коммунистической партии — опирались особенно на удачный опыт с бойкотом в 1905 г. Когда царь в августе 1905 года объявил созыв совещательного «парламента» ¹⁰⁸), большевики объявили бойкот его — против всех оппозиционных партий и против меньшевиков — и октябрьская революция 1905 года действительно смела его. Тогда бойкот оказался правильным не потому, что правильно вообще неучастие в реакционных парламентах, а потому, что верно было учтено объективное положение, ведущее к быстрому превращению массовых стачек в политическую, затем в революционную стачку и затем в восстание. Притом борьба шла тогда из-за того, оставить ли в руках царя созыв первого представительного учреждения или попытаться вырвать этот созыв из рук старой власти. По-

сколько не было и не могло быть уверенности в наличии аналогичного объективного положения, а равно в одинаковом направлении и темпе его развития, постольку бойкот переставал быть правильным.

Большевистский бойкот «парламента» в 1905 году обогатил революционный пролетариат чрезвычайно ценным политическим опытом, показав, что при сочетании легальных и нелегальных, парламентских и внепарламентских форм борьбы иногда полезно и даже обязательно уметь отказаться от парламентских. Но слепое, подражательное, некритическое перенесение этого опыта на *иные* условия, в *иную* обстановку является величайшей ошибкой. Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой *), был уже бойкот большевиками «Думы» в 1906 году¹⁰⁹). Ошибкой серьезнейшей и трудно поправимой был бойкот в 1907, 1908 и следующих годах, когда, с одной стороны, нельзя было ждать очень быстрого подъема революционной волны и перехода ее в восстание и когда, с другой стороны, необходимость сочетания легальной и нелегальной работы вытекала из всей исторической обстановки обновляемой буржуазной монархии. Теперь, когда глядишь назад на вполне законченный исторический период, связь которого с последующими периодами вполне уже обнаружилась,—становится особенно ясным, что большевики *не могли бы* удержать (не говоря уже: укрепить, развить, усилить) прочного ядра революционной партии пролетариата в 1908—1914 годах, если бы они не отстаивали в самой суровой борьбе *обязательности* соединения с нелегальными формами борьбы форм легальных, с *обязательным* участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, обставленных реакционными законами учреждений (страховые кассы и проч.).

В 1918 году дело не дошло до раскола. «Левые» коммунисты образовали тогда только особую группу или «фракцию» внутри нашей партии и притом не надолго. В том же 1918 году виднейшие представители «левого коммунизма», напр., т.т. Радек⁷⁴) и Бухарин⁷³), открыто признали свою ошибку. Им казалось, что *Ирстский мир* был недопустимым принципиально и вредным для партии революционного пролетариата компромиссом с империалистами. Это был действительно компромисс с империалистами, но как раз такой и в такой обстановке, который был *обязателен*.

*) К политике и партиям применимо—с соответственными изменениями—то, что относится к отдельным людям. Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные и кто умеет легко и быстро исправлять их.

В настоящее время, когда я слышу нападки на нашу тактику при подписании Брестского мира со стороны, напр., «социалистов-революционеров», или когда я слышу замечания товарища Лэнсбери, сделайное им в разговоре со мной: «наши английские вожди трэд-юнионов говорят, что компромиссы допустимы и для них, если они были допустимы для большевизма», я отвечаю обыкновенно прежде всего простым и «популярным» сравнением:

Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даёте им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс на-лицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти по добру-по здорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу

А вот когда меньшевики и эс-эры в России, шейдемановцы ²²⁾ (и в значительной мере каутскианцы) в Германии, Отто Бауэр ²³⁾ и Фридрих Адлер ²⁴⁾ (не говоря уже о г.г. Реннерах ²¹⁾ и К⁰) в Австрии, Ренодели ¹¹⁰⁾ и Лонгэ ¹⁰⁾ с К⁰ во Франции, фабианцы, ⁹²⁾ «независимцы» ¹⁵⁾ и «трудовики» («лабуристы» ¹¹¹⁾ в Англии заключали в 1914—1918 и 1918—1920 годах компромиссы с бандитами своей собственной, а иногда и «союзной» буржуазии *против* революционного пролетариата своей страны, вот тогда все эти господа поступали как *соучастники бандитизма*.

Вывод ясен: отрицать компромиссы «принципиально», отрицать всякую допустимость компромиссов вообще, каких бы то ни было, есть ребячество, которое трудно даже взять всерьёз. Политик, желающий быть полезным революционному пролетариату, должен уметь выделить *конкретные* случаи именно таких компромиссов, которые недопустимы, в которых выражается оппортунизм и *предательство*, и направить всю силу критики, все острие беспощадного разоблачения и непримиримой войны *против этих конкретных* компромиссов, не позволяя многоопытным «делаческим» социалистам и парламентским иезуитам увертываться и увиливать от ответственности посредством рассуждений о «компромиссах вообще». Господа английские «вожди» трэд-юнионов, а равно фабианского общества и «независимой»

рабочей партии именно так увертываются от ответственности *за совершенное ими предательство*, за совершенный ими такой компромисс, который действительно означает наихудший оппортунизм, измену и предательство.

Есть компромиссы и компромиссы. Надо уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромиссов. Надо учиться отличать человека, который дал бандитам деньги и оружие, чтобы уменьшить приносимое бандитами зло и облегчить дело поимки и расстрела бандитов, от человека, который дает бандитам деньги и оружие, чтобы участвовать в дележе бандитской добычи. В политике это далеко не всегда так легко, как в детски-простом примерчике. Но тот, кто захотел бы выдумать для рабочих такой рецепт, который бы давал заранее готовые решения на все случаи жизни, или который обещал бы, что в политике революционного пролетариата не будет никаких трудностей и никаких запутанных положений, тот был бы просто шаржатыном.

Чтобы не оставлять места кривотолкам, попытаюсь наметить, хотя бы совсем кратко, несколько основных положений для анализа конкретных компромиссов.

Партия, заключившая компромисс с германскими империалистами, который состоял в подписании Брестского мира, вырабатывала свой интернационализм на деле с конца 1914 года. Она не боялась провозгласить поражение царской монархии и клеймить «защиту отечества» в войне между двумя империалистскими хищниками. Депутаты-парламентарии этой партии пошли в Сибирь ⁹¹⁾, вместо дорожки, ведущей к министерским портфелям в буржуазном правительстве. Революция, свергшая царизм и создавшая демократическую республику, дала новую и величайшую проверку этой партии: она не пошла ни на какие соглашения со «своими» империалистами, а подготовила свержение их и свергла их. Взяв политическую власть, эта партия не оставила камня на камне ни из помещичьей, ни из капиталистической собственности. Опубликовав и расторгнув тайные договоры империалистов, эта партия предложила мир *всем* народам и подчинилась насилию брестских хищников лишь после того, как англо-французские империалисты мир сорвали, а большевиками было сделано все человечески возможное для ускорения революции в Германии и в иных странах. Полнейшая правильность такого компромисса, заключенного такой партией при такой обстановке, с каждым днем становится яснее и очевиднее для всех.

Меньшевики и эс-эры в России (как и все вожди II Интернационала во всем мире в 1914—1920 годах) начали с предательства, оправдывая прямо или косвенно «защиту отечества», т.-е. защиту *своей* грабительской буржуазии. Они продолжили предательство, вступая в коалицию с буржуазией *своей* страны и борясь вместе со *своей* буржуазией против революционного пролетариата своей страны. Их блок сначала с Керенским и кадетами, потом с Колчаком ⁶⁾ и Деникиным ⁵⁾ в России, как и блок их заграничных единомышленников с буржуазией *их* стран, был переходом на сторону буржуазии против пролетариата. Их компромисс с бандитами империализма состоял от начала до конца в том, что они делали себя *соучастниками* империалистского бандитизма.

«Левый» коммунизм в Германии. Вожди—партия — класс—масса.

Германские коммунисты, о которых мы должны говорить теперь, называют себя не «левыми», а—если я не ошибаюсь—«принципиальной оппозицией». Но что они вполне подходят под признаки «детской болезни левизны», это видно будет из дальнейшего изложения.

Стоящая на точке зрения этой оппозиции брошюрка «Раскол Коммунистической Партии Германии (союза спартаковцев ¹⁰¹⁾», изданная «местной группой во Франкфурте на Майне», в высшей степени рельефно, точно, ясно, кратко излагает сущность взглядов этой оппозиции. Несколько цитат будет достаточно для ознакомления читателей с этой сущностью:

«Коммунистическая партия есть партия самой решительной классовой борьбы...»

«...Политически это переходное время» (между капитализмом и социализмом) «является периодом пролетарской диктатуры...»

«...Возникает вопрос: кто должен быть носителем диктатуры: коммунистическая партия или пролетарский класс?... Принципиально следует стремиться к диктатуре коммунистической партии или к диктатуре пролетарского класса?!»... (Курсив везде в цитате взят из оригинала). Далее «Цека» Комм. П. Германии обвиняется автором брошюры в том,

что этот «Цека» ищет пути к коалиции с Незав. С.-Д. Партией Германии⁵³), что «вопрос о принципиальном признании всех политических средств» борьбы, в том числе парламентаризма, выдвинут этим «Цека» лишь для прикрытия его настоящих и главных стремлений к коалиции с независимцами. И брошюра продолжает:

«Оппозиция выбрала иной путь. Она держится того мнения, что вопрос о господстве коммунистической партии и о диктатуре партии есть лишь вопрос тактики. Во всяком случае господство коммунистической партии есть последняя форма всякого господства партии. *Принципиально* надо стремиться к диктатуре пролетарского класса. И все мероприятия партии, ее организации, ее форма борьбы, ее стратегия и тактика должны быть приурочены к этому. Сообразно этому со всей решительностью следует отвергнуть всякий компромисс с другими партиями, всякое возвращение к исторически и политически изжитым формам борьбы парламентаризма, всякую политику лавирования и соглашательства». «Специфически пролетарские методы революционной борьбы должны быть усиленно подчеркнуты. А для включения самых широких пролетарских кругов и слоев, которые должны выступать в революционной борьбе под руководством коммунистической партии, должны быть созданы новые организационные формы на самой широкой основе и с самыми широкими рамками. Это место сбора всех революционных элементов есть *рабочий союз*, построенный на базе фабричных организаций. В нем должны соединиться все рабочие, которые последовали лозунгу: вон из профсоюзов! Здесь формируется борющийся пролетариат в самых широких боевых рядах. Признание классовой борьбы, советской системы и диктатуры достаточно для вступления. Все дальнейшее политическое воспитание борющихся масс и политическая ориентировка в борьбе есть задача коммунистической партии, которая стоит вне рабочего союза...»

«...Две коммунистические партии стоят теперь, следовательно, друг против друга:

«Одна—партия *возжей*, которая стремится организовать революционную борьбу и управлять ею *сверху*, идя на компромиссы и на парламентаризм, чтобы создать такие ситуации, которые позволили бы им вступить в коалиционное правительство, в руках которого находилась бы диктатура..

«Другая — массовая партия, которая ожидает подъема революционной борьбы *снизу*, зная и применяя для этой борьбы лишь один ясно ведущий к цели метод, отклоняя всякие парламентарные и оппортунистические методы; этот единственный метод есть метод безоговорочного *свержения буржуазии*, чтобы затем учредить пролетарскую классовую диктатуру для осуществления социализма...»

«...Там диктатура вождей — здесь диктатура масс! такое наш лозунг».

Таковы наиболее существенные положения, характеризующие взгляды оппозиции в немецкой коммунистической партии.

Всякий большевик, который сознательно проделал или близко наблюдал развитие большевизма с 1903 года, скажет сразу, прочитав эти рассуждения: «какой это старый, давно анакомый хлам! Какое это «левое» ребячество!»¹¹²).

Но присмотримся к приведенным рассуждениям поближе.

Одна уже постановка вопроса: «диктатура партии или диктатура класса? диктатура (партия) вождей или диктатура (партия) масс?» свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли. Люди тщатся *придумать* нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными. Всем известно, что массы делятся на классы; — что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; — что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере, в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно. К чему понадобилась вместо этого какая-то тарабарщина? какой-то новый волапук? С одной стороны, повидимому, люди запутались, попав в тяжелое положение, когда быстрая смена легального и нелегального положения партии нарушает обычное, нормальное, простое отношение между вождями, партиями и классами. В Германии, как и в других европейских странах, чересчур привыкли к легальности, к свободному и правильному выбору «вождей» регулярными съездами партий, к удобной проверке классового состава партий выборами в парламент, митингами,

прессой, настроениями профсоюзов и других союзов и т. п. Когда от этого обычного пришлось, в силу бурного хода революции и развития гражданской войны, переходить быстро к смене легальности и нелегальности, к соединению их, к «неудобным», «недемократичным» приемам выделения или образования или сохранения «групп всякаков»,—люди растерялись и начали выдумывать сверхъестественный вздор. Вероятно, голландские «трибунисты», которые имели несчастье родиться в маленькой стране, с традицией и условиями особенно привилегированного и особенно устойчивого легального положения, люди, совсем не видевшие смны легального и нелегального положения, запутались и растерялись сами, помогли нелепым выдумкам.

С другой стороны, заметно просто непродуманное, бессвязное употребление «модных», по нашему времени, словечек о «массе» и о «вождях». Люди много слышали и твердо заучили нападки на «вождей», противопоставление их «массе», но подумав, что к чему, выяснить себе дело не сумели.

Расхождение «вождей» и «масс» особенно ясно и резко сказалось в конце империалистской войны и после нее во всех странах. Основную причину этого явления разъясняли много раз Маркс и Энгельс в 1852—1892 годах на примере Англии. Монопольное положение Англии выделяло «рабочую аристократию», полумещанскую, оппортунистическую, из «массы». Вожди этой рабочей аристократии переходили постоянно на сторону буржуазии, были—прямо или косвенно—на содержании у нее. Маркс завоевал себе почетную ненависть этой сволочи за то, что открыто клеймил их предателями. Новейший (XX века) империализм создал монопольно-привилегированное положение для нескольких передовых стран, и на этой почве везде во II Интернационале обрисовался тип вождей-предателей, оппортунистов, социал-шовинистов, отстаивающих интересы своего цеха, своей прослойки рабочей аристократии. Создалась оторванность оппортунистических партий от «масс», т.-е. от наиболее широких слоев трудящихся, от большинства их, от наихудше оплачиваемых рабочих. Победа революционного пролетариата невозможна без борьбы с этим злом, без разоблачения, опозорения и изгнания оппортунистических, социал-предательских вождей; такую политику и повел III Интернационал.

Договориться по этому поводу до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость. Особенно забавно, что на деле-то вместо старых

вождей, которые держатся общечеловеческих взглядов на простые вещи, на деле выдвигают (под прикрытием лозунга: «долгой вождей») *новых вождей*, которые говорят сверхъестественную чепуху и путаницу. Таковы в Германии Лауфенберг, Вольфгейм, Хорнер, Карл Шредер, Фридрих Вендель, Карл Эрлер *). Попытки этого последнего «углубить» вопрос и объявить вообще ненадобность и «буржуазность» политических партий есть уже такие геркулесовы столпы нелепости, что остается только руками развести. Вот уже поистине: из маленькой ошибки всегда можно сделать чудовишно-большую, если на ошибке настаивать, если ее углубленно обосновывать, если ее «доводить до конца».

Отрицание партийности и партийной дисциплины—вот что *получилось* у оппозиции. А это равносильно полному разоружению пролетариата *в пользу буржуазии*. Это равносильно именно той мелко-буржуазной распыленности, неустойчивости, неспособности к выдержке, к объединению, к стройному действию, которая неминуемо всякое пролетарское революционное движение погубит, если дать ей потачку. Отрицать партийность с точки зрения коммунизма значит делать прыжок от кануна краха капитализма (в Германии) не к низшей и не к средней, а высшей фазе коммунизма. Мы в России переживаем (третий год после свержения буржуазии) первые шаги перехода от капитализма к социализму или к низшей стадии коммунизма. Классы остались и останутся *годами* повсюду *после* завоевания власти пролетариатом. Разве, может быть, в Англии, где нет крестьян (но все же есть мелкие хозяйчики!), срок этот будет меньше. Уничтожить классы—значит не только прогнать помещиков и капиталистов—это мы сравнительно легко сделали,—это значит также *уничтожить мелких товаропроизводителей*, а их *нельзя прогнать*, их

*) «Комм. Раб. Газета» (Гамбургская от 7.II 1920, № 32: статья «Роспуск партии») Карла Эрлера: «Раб. класс не может разрушить буржуазного государства без уничтожения буржуазной демократии, и он не может уничтожить буржуазной демократии без разрушения партий».

Наиболее путанные головы из романских синдикалистов и анархистов могут получить «удовлетворение»: солидные немцы, видимо считающие себя марксистами (К. Эрлер и К. Хорнер своими статьями в названной газете особенно солидно доказывают, что они считают себя солидными марксистами, и особенно смешно говорят невероятный вздор, обнаруживая непонимание азбуки марксизма), договариваются до вещей совсем не подходящих. Одно признание марксизма еще не избавляет от ошибок. Русские это особенно хорошо знают, ибо у нас марксизм особенно часто бывал модой.

нельзя подавить, с ними *надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелко-буржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелко-буржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечений к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы *организаторскую* роль пролетариата (а это его *главная* роль) проводить правильно, успешно, победоносно. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов—самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно. Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем «победить» миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют *те самые* результаты, которые нужны буржуазии, которые *реставрируют* буржуазию. Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата.

Рядом с вопросом о вождах—партии—классе—массе следует поставить вопрос о «реакционных» профсоюзах. Но сначала я позволю себе еще пару заключительных замечаний на основании опыта нашей партии. Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии *были всегда*: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 году, когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя руководство районными группами. На IX съезде ⁴⁵⁾ нашей партии (IV. 1920) была небольшая оппозиция, тоже говорившая против «диктатуры вождей», «олигархии» и т. п. ⁴⁶⁾ Ничего удивительного поэтому, ничего нового, ничего страшного в «детской болезни» «левого коммунизма» у немцев нет. Эта болезнь проходит безопасно, и организм после нее становится даже крепче. С другой стороны, быстрая смена легальной и нелегальной работы,

связанная с необходимостью особенно «спрятать», особенно конспирировать именно главный штаб, именно вождей, приводила у нас иногда к глубоко опасным явлениям. Худшим было то, что в 1912 году в Ц. К. большевиков вошел провокатор, Малиновский¹¹³). Он провалил десятки и десятки лучших и преданнейших товарищей, подведя их под каторгу и ускорив смерть многих из них. Если он не причинил еще большего зла, то потому, что у нас было правильно поставлено соотношение легальной и нелегальной работы. Чтобы снискать доверие у нас, Малиновский, как член Цека партии и депутат Думы, должен был помогать нам ставить легальные ежедневные газеты, которые умели и при царизме вести борьбу против оппортунизма меньшевиков, проповедывать основы большевизма в надлежащем образом прикрытой форме. Одной рукой отправляя на каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу. Над этим фактом не мешает хорошенько подумать тем немецким (а также английским и американским, французским и итальянским) товарищам, которые стоят перед задачей научиться вести революционную работу в реакционных профсоюзах *).

Во многих странах, и в том числе наиболее передовых, буржуазия несомненно посылает теперь и будет посылать провокаторов в коммунистические партии. Одно из средств борьбы с этой опасностью—умелое сочетание нелегальной и легальной работы.

VI.

Следует ли революционерам работать в реакционных профсоюзах?

Немецкие «левые» считают для себя решенным безусловно отрицательный ответ на этот вопрос. По их мнению, декламации и гневных восклицаний против «реакционных» и «контр-революционных» профсоюзов достаточно (особенно «солидно» и особенно

*) Малиновский был в плену в Германии. Когда он вернулся в Россию при власти большевиков, он был тотчас предан суду и расстрелян нашими рабочими. Меньшевики особенно зло нападали на нас за нашу ошибку, состоявшую в том, что провокатор был в Ц.ка нашей партии. Но когда мы, при Керенском, требовали ареста председателя Думы

глупо выходит это у К. Хорнера), чтобы «доказать» ненужность и даже непозволительность работы революционеров, коммунистов в желтых, социал-шовинистских, соглашательских, Легионовских, контр-революционных профсоюзах

Но, как ни уверены немецкие «левые» в революционности такой тактики, на самом деле она в корне ошибочна и ничего, кроме пустых фраз, в себе не содержит.

Чтобы пояснить это, я начну с нашего опыта—сообразно общему плану настоящей статьи, имеющей целью применить к Западной Европе то, что есть общеприменимого, с бесзначимого, с общеобязательного в истории и современной тактике большевизма.

Соотношение вождей—партии—класса—масс, а вместе с тем отношение диктатуры пролетариата и его партии к профсоюзам представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков, имеющая по данным последнего партийного съезда (IV. 1920) 611 тыс. членов. Число членов колебалось и до октябрьской революции и после нее очень сильно и прежде было значительно меньше, даже в 1918 и 1919 годах ¹¹⁴). Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать. Последний раз мы широко открыли двери партии—только для рабочих и крестьян—в те дни (зима 1919 г.), когда Юденич ⁹) был в нескольких верстах от Питера, а Деникин в Орле (ок. 350 верст от Москвы). т.-е. когда Советской Республике угрожала отчаянная, смертельная опасность и когда авантюристы, карьеристы, проходимцы и вообще не стойкие люди никаким образом не могли рассчитывать на выгодную карьеру (а скорее могли ожидать виселицы и пыток) от присоединения к коммунистам. Партией, собирающей ежегодные съезды (последний: 1 делегат от 1000 членов), руководит выбранный на съезде Центральный Комитет из 19 человек, при чем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемым «Оргбюро» (Организационному Бюро) ⁶⁷) и «Политбюро» (Политическому Бюро) ⁶⁸), которые

Родзянко и суда над ним, ибо Родзянко узнал еще до войны о провокаторстве Малиновского и не сообщил этого думским трудовикам и рабочим, то ни меньшевики, ни эс-эры, участвовавшие в правительстве вместе с Керенским, не поддерживали нашего требования, и Родзянко остался на свободе, свободно ушел к Деникину.

избираются на пленарных заседаниях Цска в составе пяти членов Цека в каждое бюро. Выходит, следовательно, самая настоящая «олигархия». Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии.

Партия непосредственно опирается в своей работе на *профессиональные союзы*, которые насчитывают теперь, по данным последнего (IV. 1920) съезда, свыше 4 миллионов членов, будучи формально *беспартийными*. Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (В.Ц.С.П.С.—Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии. Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский, аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*. Управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженнейшей работы их не только в хозяйственном, *но и в военном* строительстве мы, разумеется, не смогли бы не только в течение двух лет, но и 2 месяцев. Понятно, что эта теснейшая связь на практике означает очень сложную и разнообразную работу пропаганды, агитации, своевременных и частых совещаний не только с руководителями, но и вообще влиятельными деятелями профсоюзов, решительной борьбы с меньшевиками, которые до сих пор имеют известное, хотя и совсем небольшое, число приверженцев, которых и учат всевозможным контр-революционным проделкам, начиная от идейной защиты (*буржуазной*) демократии, от проповеди «независимости» профсоюзов (независимость—от пролетарской государственной власти!) до саботажа пролетарской дисциплины и т. д. и т. п.

Связь с «массами» через профсоюзы мы признаем недостаточной. Практика создала у нас, в ходе революции, и мы стараемся всецело поддержать, развить, расширить такое учреждение, как *беспартийные рабочие и крестьянские конференции*, чтобы следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из них лучших работников на государственные должности и т. д. В одном из последних декретов о пре-

образовании Народного Комиссариата Государственного Контроля в «Рабоче-Крестьянскую Инспекцию» беспартийным конференциям этого рода предоставлено выбирать членов Государственного Контроля для разного рода ревизий и т. д.

Затем, разумеется, вся работа партии идет через Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессий. Уездные съезды советов являются таким *демократическим* учреждением, которого еще не видывали самые лучшие из демократических республик буржуазного мира, и через эти съезды (за которыми партия старается следить как можно внимательнее), а равно и через постоянные командировки сознательных рабочих на всякие должности в деревне, осуществляется руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, осуществляется диктатура городского пролетариата, систематическая борьба с богатым, буржуазным, эксплуататорским и спекулирующим крестьянством и т. д.

Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный «сверху», с точки зрения практики осуществления диктатуры. Читатель поймет, можно надеяться, почему русскому большевику, знакомому с этим механизмом и наблюдавшему, как вырастал этот механизм из маленьких, нелегальных, подпольных кружков в течение 25 лет, все разговоры о том, «сверху» или «снизу», диктатура вождей или диктатура массы и т. п., не могут не казаться смешным ребяческим вздором, чем-то вроде спора о том, полезнее ли человеку левая нога или правая рука.

Таким же смешным ребяческим вздором не могут не казаться нам и важные, совсем ученые и ужасно революционные разговоры немецких левых на тему о том, что коммунисты не могут и не должны работать в реакционных профсоюзах, что позволительно отказываться от этой работы, что надо выходить из профсоюзов и создавать обязательно совсем новенький, совсем чистенький, весьма милыми (и большей частью, вероятно, весьма юными) коммунистами придуманный «рабочий союз» и т. п. и т. п.

Капитализм неизбежно оставляет в наследство социализму, с одной стороны, старые, веками сложившиеся, профессиональные и ремесленные различия между рабочими, с другой стороны, профсоюзы, которые лишь очень медленно, годами и годами, могут развиваться и будут развиваться в более широкие, менее цеховые, производственные союзы (охватывающие целые произ-

водства, а не только цехи, ремесла и профессии) и затем, через эти производственные союзы, переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых и всесторонне* подготовленных людей, людей, которые *умеют все делать*. К этому коммунизм идет, должен идти и *придет*, но только через долгий ряд лет. Пытаться сегодня практически предвосхитить этот грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнего ребенка учить высшей математике.

Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить.

Профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к *начаткам* классового объединения. Когда стала вырастать *высшая* форма классового объединения пролетариев, *революционная партия пролетариата* (которая не будет заслуживать своего названия, пока не научится связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное), тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать *некоторые* реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитицизму, некоторую косность и т. д. Но иначе, как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса, нигде в мире развитие пролетариата не шло и идти не могло. Завоевание политической власти пролетариатом есть гигантский шаг вперед пролетариата, как класса, и партии приходится еще более и по новому, а не только по старому, воспитывать профсоюзы, руководить ими, вместе с тем однако не забывая, что они остаются и долго останутся необходимой «школой коммунизма» и подготовительной школой для осуществления пролетариями их диктатуры, необходимым объединением рабочих для постоянного перехода в руки рабочего класса (а не отдельных профессий), и затем всех трудящихся, управления всем хозяйством страны.

Некоторая «реакционность» профсоюзов, в указанном смысле, неизбежна при диктатуре пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание основных условий *перехода* от капитализма к социализму. Бояться *этой «реакционности»*, пытаться

обойтись без нее, перепрыгнуть через нее есть величайшая глупость, ибо это значит бояться той роли пролетарского авангарда, которая состоит в обучении, просвещении, воспитании, вовлечении в новую жизнь наиболее отсталых слоев и масс рабочего класса и крестьянства. С другой стороны, откладывать осуществление диктатуры пролетариата до тех пор, когда не останется ни одного профессионалистски узкого рабочего, ни одного рабочего, в котором не было бы цеховых и трэд-юнионистских предрассудков, было бы ошибкой еще более глубокой. Искусство политика (и правильное понимание коммунистом своих задач) в том и состоит, чтобы верно учесть условия и момент, когда авангард пролетариата может успешно взять власть, когда он сумеет при этом и после этого получить достаточную поддержку достаточно широких слоев рабочего класса и непролетарских трудящихся масс, когда он сумеет после этого поддерживать, укреплять, расширять свое господство, воспитывая, обучая, привлекая все более и более широкие массы трудящихся.

Далее. В более передовых странах, чем Россия, некоторая реакционность профсоюзов сказала и должна была сказаться, несомненно, гораздо сильнее, чем у нас. У нас меньшевики имели (частью в очень немногих профсоюзах и сейчас имеют) опору в профсоюзах именно благодаря цеховой узости, профессиональному эгоизму и оппортунизму. На западе тамошние меньшевики гораздо прочнее «засели» в профсоюзах, там выделился гораздо более сильный слой *профессионалистской, узкой, себялюбивой, черствой, корыстной, мещанской, империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом разграбленной «рабочей аристократии»*, чем у нас. Это бесспорно. Борьба с Гомперсами ¹¹⁵⁾, господами Жуо ¹⁴⁾, Хендерсонами ²⁷⁾, Мерргеймами ¹¹⁶⁾, Легинами ¹⁰⁰⁾ и К⁰ в Западной Европе гораздо труднее, чем борьба с нашими меньшевиками, которые представляют совершенно *однородный*, социальный и политический, тип. Эту борьбу надо вести беспощадно и обязательно довести ее, как довели ее мы, до полного опозорения и изгнания из профсоюзов всех неисправимых вождей оппортунизма и социал-шовинизма. Нельзя завоевать политическую власть (и не следует пробовать брать политическую власть), пока эта борьба не доведена до *известной* степени, при чем в разных странах и при различных условиях эта «известная степень» *не одинакова*, и правильно учесть ее могут лишь вдумчивые, опытные и сведущие политические руководители пролетариата в каждой отдельной стране. (У нас мерилом успеха в этой

борьбе явились, между прочим, выборы в Учр. Собрание в ноябре 1917 года, несколько дней спустя после пролетарского переворота 25. X. 1917, при чем на этих выборах меньшевики были разбиты на-голову, получив 0,7 милл. голосов—1,4 милл. с добавлением Закавказья—против 9 милл. голосов, собранных большевиками: см. мою статью «Выборы в Учр. Собр. и диктатура пролетариата» в № 7—8 «Коммун. Интернационала».)*)

Но борьбу с «рабочей аристократией» мы ведем от имени рабочей массы и для привлечения ее на свою сторону; борьбу с оппортунистическими и социал-шовинистскими вождями мы ведем для привлечения рабочего класса на свою сторону. Забывать эту элементарнейшую и самоочевиднейшую истину было бы глупо. И именно такую глупость делают «левые» немецкие коммунисты, которые *от* реакционности и контр-революционности *верхушки* профсоюзов умозаключают к... выходу из профсоюзов!! к отказу от работы в них!! к созданию новых, *выдуманных*, форм рабочей организации!! Это—такая непростительная глупость, которая равносильна наибольшей услуге, оказываемой коммунистами буржуазии. Ибо наши меньшевики, как и все оппортунистические, социал-шовинистские, каутскианские вожди профсоюзов, суть не что иное, как «агенты буржуазии в рабочем движении» (как говорили мы всегда против меньшевиков) или «рабочие приказчики класса капиталистов» (*labor lieutenants of the capitalist class*), по прекрасному и глубоко верному выражению последователей Даниеля-де-Леоне в Америке. Не работать внутри реакционных профсоюзов, это значит оставить недостаточно развитые или отсталые рабочие массы под влиянием реакционных вождей, агентов буржуазии, рабочих аристократов или «обуржуазившихся рабочих» (ср. Энгельс в 1852 г. в письме к Марксу об английских рабочих).

Как раз нелепая «теория» неучастия коммунистов в реакционных профсоюзах показывает наиболее наглядно, как легкомысленно эти «левые» коммунисты относятся к вопросу о влиянии на «массы», как злоупотребляют своими выкриками насчет «массы». Чтобы уметь помочь «массе» и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», надо не бояться трудностей, не бояться придиорок, подножек, оскорблений, преследований со стороны «вождей» (которые, будучи оппортунистами и социал-шовинистами, в большинстве случаев прямо или косвенно свя-

*) Перепечатано в XVI томе «Собрания сочинений».

ваны с буржуазией и с полицией) и обязательно *работать там, где есть масса*. Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса. А профсоюзы и рабочие кооперативы (эти последние иногда, по крайней мере), это именно такие организации, где есть масса. В Англии, по данным шведской газеты «Folkets Dagen Politiken» (от 10. III. 1919), число членов трэд-юнионов с конца 1917 года до конца 1918 поднялось с 5,5 милл. до 6,6 милл., т.-е. увеличилось на 19%. К концу 1919 года считают до 7½ милл. У меня нет под рукой соответствующих данных о Франции и Германии, но совершенно бесспорны и общеизвестны факты, свидетельствующие о большом росте числа членов профсоюзов в этих странах.

Эти факты яснее ясного говорят о том, что подтверждается также тысячами иных указаний: рост сознательности и стремления к организации именно в пролетарских массах, в «низах», среди отсталых. Миллионы рабочих в Англии, Франции, Германии *впервые* переходят от полной неорганизованности к элементарной, низшей, простейшей, наиболее доступной (для тех, кто еще насквозь пропитан буржуазно-демократическими предрассудками) форме организации, именно к профсоюзам, — а революционные, но неразумные, левые коммунисты стоят рядом, кричат «масса», «масса»! — и *отказываются работать внутри профсоюзов!!* отказываются под предлогом их «реакционности»!! выдумывают новенький, чистенький, неповинный в буржуазно-демократических предрассудках, негрешный цеховыми и узкопрофессионалистскими грехами «Рабочий Союз», который будто бы будет (будет!) широким и для участия в котором требуется только (только!) «признание советской системы и диктатуры» (смотри цитату выше)!!

Большого неразумия, большого вреда для революции, приносимого «левыми» революционерами, нельзя себе и представить. Да если бы мы сейчас в России, после 2½ лет невиданных побед над буржуазией России и Антанты, поставили для профсоюзов условием вступления «признание диктатуры», мы бы сделали глупость, испортили бы свое влияние на массы, помогли меньшевикам. Ибо вся задача коммунистов — уметь *убедить* отсталых, уметь *работать среди* них, а не *отгораживаться* от них выдуманными ребячески-«левыми» лозунгами.

Нет сомнения, господа Гомперсы, Хендерсоны, Жюо, Легины очень благодарны таким «левым» революционерам, которые, подобно немецкой «принципиальной» оппозиции (упаси нас боже от этакой «принципиальности»!) или некоторым революционерам из числа американских «промышленных рабочих мира»¹¹⁷⁾, проповедуют выход из реакционных профсоюзов и отказ от работы в них. Нет сомнения, господа «вожди» оппортунизма прибегнут ко всяческим проделкам буржуазной дипломатии, к помощи буржуазных правительств, попов, полиции, судов, чтобы не допустить коммунистов в профсоюзы, всячески вытеснить их оттуда, сделать им работу внутри профсоюзов возможно более неприятной, оскорблять, травить, преследовать их. Надо уметь противостоять всему этому, пойти на все и всякие жертвы, даже— в случае надобности—пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу. При царизме до 1905 года у нас не было никаких «легальных возможностей», но когда Зубатов¹¹⁸⁾, охранник, устраивал черносотенные рабочие собрания и рабочие общества для ловли революционеров и для борьбы с ними, мы посылали на эти собрания и в эти общества членов нашей партии (я лично помню из числа их тов. Бабушкина, выдающегося петерского рабочего, расстрелянного царскими генералами в 1906 году), которые устанавливали связь с массой, изловчались вести свою агитацию и вырывали рабочих из-под влияния зубатовцев *). Конечно, в Западной Европе, особенно пропитанной особенно закоренелыми легалистскими, конституционными, буржуазно-демократическими предрассудками, такую вещь проделать труднее. Но ее можно и должно проделать и проделывать систематически.

Исполком III Интернационала должен, на мой лично взгляд, прямо осудить и предложить следующему съезду Комм. Интернационала осудить как вообще политику неучастия в реакционных профсоюзах (с подробной мотивировкой неразумности такого неучастия и крайней вредности его для дела пролетарской революции), так и в частности линию поведения голландских трибунистов, которые—все равно, прямо или косвенно,

*) Гомперсы, Хендерсоны, Жюо, Легины—не что иное, как Зубатовы, отличающиеся от нашего Зубатова европейским костюмом, лоском, цивилизованно, утонченно, демократически прилизанными приемами проведения их подлой политики.

открыто или прикрито, целиком или отчасти—эту неправильную политику поддерживали. III Интернационал должен порвать с тактикой II и больных вопросов не обходить, не затушевывать, а ставить их ребром. Всю правду в лицо сказали «независимцам» (Нез. С.-Д. Партии Германии), всю правду в лицо надо сказать и «левым» коммунистам

VII.

Участвовать ли в буржуазных парламентах?

Немецкие «левые» коммунисты с величайшим пренебрежением—и с величайшим легкомыслием—отвечают на этот вопрос отрицательно. Их доводы? В приведенной выше цитате мы видели:

«...со всей решительностью отклонить всякое возвращение к исторически и политически изжитым формам борьбы парламентаризма...»

Это сказано претенциозно до смешного и явно неверно. «Возвращение» к парламентаризму! Может быть, в Германии уже существует Советская Республика? Как будто бы нет! Как же можно говорить тогда о «возвращении»? Разве это не пустая фраза?

«Исторически изжит» парламентаризм. Это верно в смысле пропаганды. Но всякий знает, что от этого до *практического* преодоления еще очень далеко. Капитализм уже много десятилетий тому назад можно было, и с полным правом, объявить «исторически изжитым», но это нисколько не устраняет необходимости очень долгой и очень упорной борьбы *на почве* капитализма. «Исторически изжит» парламентаризм в смысле *всемирно-историческом*, т.-е. *эпоха* буржуазного парламентаризма кончена, *эпоха* диктатуры пролетариата *началась*. Это бесспорно. Но *всемирно-исторический* масштаб считает десятилетиями. На 10—20 лет раньше или позже, это с точки зрения всемирно-исторического масштаба безразлично, это—с точки зрения всемирной истории—мелочь, которую нельзя даже приблизительно учесть. Но именно поэтому в вопросе практической политики ссылаться на всемирно-исторический масштаб есть теоретическая неверность самая вопиющая.

«Политически изжит» парламентаризм? Вот это другое дело. Если бы это было верно, позиция у «левых» была бы прочная. Но это надо доказать серьезнейшим анализом, а «левые» не умеют

даже и подступиться к нему. В «тезисах о парламентаризме», напечатанных в № 1 «Бюллетеня временного Амстердамского бюро Коммунистического Интернационала» («Bulletin of the Provisional Bureau in Amsterdam of the Communist International», February 1920) и явно выражающих голландски-левое или лево-голландское устремление, анализ тоже, как увидим, из рук вон плох.

Во-первых. Немецкие «левые», как известно, еще в январе 1919 года считали парламентаризм «политически изжитым», вопреки мнению таких выдающихся политических руководителей как Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Известно, что «левые» ошиблись. Одно уж это сразу и в корень разрушает положение, будто парламентаризм «политически изжит». На «левых» падает обязанность доказать, почему их тогдашняя бесспорная ошибка теперь перестала быть ошибкой. Ни тени доказательства они не приводят и привести не могут. Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею *на деле* ее обязанностей к своему *классу* и к трудящимся *массам*. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку—вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это—воспитание и обучение *класса*, а затем и *массы*. Не выполняя этой своей обязанности, не относясь с чрезвычайным вниманием, тщательностью, осторожностью к изучению своей явной ошибки, «левые» в Германии (и в Голландии) как раз этим доказывают, что они не *партия класса*, а кружок, не *партия масс*, а группа интеллигентов и повторяющих худшие стороны интеллигентщины немногочисленных рабочих.

Во-вторых. В той же брошюре франкфуртской группы «левых», из которой мы привели подробные цитаты выше, мы читаем:

«...миллионы рабочих, идущих еще за политикой центра (католической партии «Центра»), контр-революционны. Сельские пролетарии выставляют легионы контр-революционных войск» (стр. 3 вышеназванной брошюры).

По всему видно, что это сказано чересчур размахисто и преувеличенно. Но основной факт, изложенный здесь, бесспорен, и признание его «левыми» особенно наглядно свидетельствует об их ошибке. Как же это можно говорить, будто «парламентаризм изжит политически», если «миллионы» и «легионы» *пролетариев* стоят еще не только за парламентаризм вообще, но и прямо

«контр-революционный»? Явно, что парламентаризм в Германии *еще не изжит* политически. Явно, что «левые» в Германии приняли *свое познание*, свое идейно-политическое отношение за объективную действительность. Это—самая опасная ошибка для революционеров. В России, где сугубо дикий и свирепый гнет царизма особенно долго и в особенно разнообразных формах порождал революционеров разных толков, революционеров удивительной преданности, энтузиазма, героизма, силы воли, в России эту ошибку революционеров мы особенно близко наблюдали, особенно внимательно изучали, особенно хорошо знаем и потому нам она особенно ясно видна и на других. Для коммунистов в Германии парламентаризм, конечно, «изжит политически», но дело как раз в том, чтобы *не* принять изжитого *для нас* за изжитое *для класса*, за изжитое *для масс*. Как раз тут мы опять видим, что «левые» не умеют рассуждать, не умеют вести себя как партия *класса*, как партия *масс*. Вы обязаны не опускаться до уровня масс, до уровня отсталых слоев класса. Это бесспорно. Вы обязаны говорить им горькую правду. Вы обязаны называть их буржуазно-демократические и парламентарные предрассудки предрассудками. Но вместе с тем вы обязаны *трезво* следить за *действительным* состоянием сознательности и подготовленности именно всего класса (а не только его коммунистического авангарда), именно всей трудящейся *массы* (а не только ее передовых людей).

Если не только «миллионы» и «легионы», но хотя бы просто довольно значительное *меньшинство* промышленных рабочих идет за католическими попами,—сельских рабочих за помещиками и кулаками (Grossbauern),—то отсюда уже *с несомненностью* вытекает, что парламентаризм в Германии *еще не изжит* политически, что участие в парламентских выборах и в борьбе на парламентской трибуне *обязательно* для партии революционного пролетариата *именно* в целях воспитания отсталых слоев *своего класса*, именно в целях пробуждения и просвещения неразвитой, забитой, темной деревенской *массы*. Пока вы не в силах разогнать буржуазного парламента и каких угодно реакционных учреждений иного типа, вы *обязаны* работать внутри них *именно* потому, что там есть еще рабочие, одураченные попами и деревенскими захолустьями, иначе вы рискуете стать просто болтунами.

В-третьих, «левые» коммунисты очень много хорошего говорят про нас, большевиков. Иногда хочется сказать: поменьше бы нас хвалили, побольше бы вникали в тактику большевиков, побольше бы знакомились с ней! Мы участвовали в выборах

в российский буржуазный парламент, в Учредительное Собрание, в сентябре—ноябре 1917 года. Верна была наша тактика или нет? Если нет, надо ясно сказать и доказать это: это необходимо для выработки правильной тактики международным коммунизмом. Если да, надо сделать отсюда известные выводы. Разумеется, о приравнивании условий России к условиям западной Европы не может быть и речи. Но по вопросу специально о том, что значит понятие: «парламентаризм политически изжит», обязательно точно учесть наш опыт, ибо без учета конкретного опыта подобные понятия слишком легко превращаются в пустые фразы. Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре—ноябре 1917 года, больше, чем какие угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно, имели, ибо не в том, ведь, дело, давно или недавно существуют буржуазные парламенты, а в том, насколько *готовы* (идейно, политически, практически) широкие массы трудящихся принять советский строй и разогнать или допустить разгон буржуазно-демократического парламента. Что в России в сентябре—ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт. И тем не менее. Большевики не бойкотировали Учредительного Собрания, а участвовали в выборах и до и *после* завоевания пролетариатом политической власти. Что эти выборы дали чрезвычайно ценные (и для пролетариата в высокой степени полезные) политические результаты, это я, смею надеяться, доказал в названной выше статье, подробно разобравшей данные о выборах в У. С. в России.

Вывод отсюда совершенно бесспорный: доказано, что даже за несколько недель до победы Советской Республики, даже *после* такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность *доказать* отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, *облегчают* успех их разгона, *облегчают* «политическое изживание» буржуазного парламентаризма. Не считаться с этим опытом и претендовать в *то* же время на принадлежность к Коммунистическому Интернационалу, который должен *интернационально* вырабатывать свою тактику (не как узко или односторонне национальную, а именно как интернациональную тактику), значит делать глубочайшую

ошибку и как раз отступать от интернационализма на деле, при признании его на словах.

Взглянем теперь на «голландски-левые» доводы в пользу неучастия в парламентах. Вот перевод (с английского) важнейшего из названных выше «голландских» тезисов, тезиса 4-го:

«Когда капиталистическая система производства сломлена и общество находится в состоянии революции, парламентская деятельность постепенно теряет значение по сравнению с действиями самих масс. Когда, при таких условиях, парламент становится центром и органом контр-революции, а, с другой стороны, рабочий класс строит орудия своей власти в виде советов,—может оказаться даже необходимым отказаться от всякого и какого бы то ни было участия в парламентской деятельности».

Первая фраза явно неверна, ибо действие масс—напр., крупная стачка—важнее парламентской деятельности *всегда*, а вовсе не только во время революции или при революционной ситуации. Этот явно несостоятельный, исторически и политически неверный, довод показывает только с особенной наглядностью, что авторы абсолютно не учитывают ни общеевропейского (французского перед революциями 1848, 1870 годов; германского 1878—1890 годов и т. п.), ни русского (см. выше) опыта относительно важности *соединения* легальной и нелегальной борьбы. Этот вопрос имеет громаднейшее значение как вообще, так и специально потому, что во *всех* цивилизованных и передовых странах быстро приближается время, когда такое соединение все более и более становится—частью уже стало—обязательным для партии революционного пролетариата в силу нарастания и приближения гражданской войны пролетариата с буржуазией, в силу бешеных преследований коммунистов республиканскими и вообще буржуазными правительствами, идущими на всяческие нарушения легальности (чего стоит один пример Америки) и т. д. Этот важнейший вопрос голландцами и левыми вообще совершенно не понят.

Вторая фраза, во-первых, неверна исторически. Мы, большевики, участвовали в самых контр-революционных парламентах, и опыт показал, что такое участие было не только полезно, но и необходимо для партии революционного пролетариата как раз после первой буржуазной революции в России (1905) для подготовки второй буржуазной (II. 1917) и затем социалистической (X. 1917) революции. Во-вторых, эта фраза поразительно нелогична. Из того, что парламент становится органом и «центром»

(на деле «центром» он никогда не бывал и быть не может, но это мимоходом) контр-революции, а рабочие создают орудия своей власти в виде советов, из этого вытекает то, что рабочим надо подготавливаться—подготавливаться идейно, политически, технически—к борьбе советов против парламента, к разгону парламента советами. Но из этого вовсе не вытекает, что такой разгон затрудняется или не облегчается присутствием советской оппозиции *внутри* контр-революционного парламента. Мы ни разу не замечали во время своей победоносной борьбы с Деникиным и Колчаком, чтобы существование у них советской, пролетарской, оппозиции было безразлично для наших побед. Мы прекрасно знаем, что разгон нами учредилки 5. I. 1918 был не затруднен, а облегчен тем, что внутри разгоняемой контр-революционной учредилки была как последовательная, большевистская, так и непоследовательная, лево-эс-эровская, советская оппозиция. Авторы тезиса совершенно запутались и забыли опыт целого ряда, если не всех, революций, свидетельствующий о том, как особенно полезно во время революций соединение массового действия извне реакционного парламента с сочувствующей революции (а еще лучше: прямо поддерживающей революцию) оппозицией внутри этого парламента. Голландцы и «левые» вообще рассуждают здесь как доктринеры революции, никогда в настоящей революции не участвовавшие или в историю революций не вдумавшиеся или наивно принимающие субъективное «отрицание» известного реакционного учреждения за действительное его разрушение совместными силами целого ряда объективных факторов. Самое верное средство дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд. Именнно такую медвежью услугу оказывают голландские и немецкие левые новой истине о превосходстве Советской власти над буржуазно-демократическими парламентами. Разумеется, кто стал бы говорить по-старому и вообще, что отказ от участия в буржуазных парламентах ни при каких условиях недопустим, тот был бы не прав. Пытаться дать здесь формулировку условий, при которых бойкот полезен, я не могу, ибо задача этой статьи гораздо более скромная: учесть русский опыт в связи с некоторыми

злбодневными вопросами интернациональной коммунистической тактики. Русский опыт дал нам одно удачное и правильное ¹⁰⁸⁾ (1905), другое ошибочное (1906) применение бойкота большевиками ¹⁰⁹⁾. Анализируя первый случай, мы видим: удалось *не допустить созыва* реакционной властью реакционного парламента в обстановке, когда с исключительной быстротой нарастало внепарламентское (в частности стачечное) революционное действие масс, когда никакой поддержки ни единый слой пролетариата и крестьянства реакционной власти оказывать не мог, когда влияние на широкие, отсталые массы революционный пролетариат обеспечивал себе стачечной борьбой и аграрным движением. Совершенно очевидно, что к европейским современным условиям *этот* опыт неприменим. Совершенно очевидно также,—на основании изложенных выше доводов,—что защита, хотя бы условная, отказа от участия в парламентах голландцами и «левыми» в корне неправильна и вредна для дела революционного пролетариата.

В Западной Европе и Америке парламент сделался особенно ненавистным передовикам-революционерам из рабочего класса. Это бесспорно. Это вполне понятно, ибо трудно себе представить нечто более гнусное, подлое, изменническое, чем поведение гигантского большинства социалистических и соц.-дем. депутатов в парламенте за время войны и после нее. Но было бы не только неразумно, а прямо преступно поддаваться этому настроению при решении вопроса, *как* следует бороться с общепризнанным злом. Во многих странах Западной Европы революционное настроение является теперь, можно сказать, «новинкой» или «редкостью», которой слишком долго, тщетно, истерпеливо ждали, и может быть поэтому так легко уступают настроению. Конечно, без революционного настроения в массах, без условий, способствующих росту такого настроения, революционной тактике не претвориться в действие, но мы в России слишком долгим, тяжелым, кровавым опытом убедились в той истине, что на одном революционном настроении строить революционной тактики нельзя. Тактика должна быть построена на трезвом, строго-объективном учете *всех* классовых сил данного государства (и окружающих его государств, и всех государств, в мировом масштабе), а также на учете опыта революционных движений. Проявить свою «революционность» одной только бранью по адресу парламентского оппортунизма, одним только отрицанием участия в парламентах очень легко, но именно потому, что это слишком легко, это—не решение

трудной и труднейшей задачи. Создать действительно революционную парламентскую фракцию в европейских парламентах—гораздо труднее, чем в России. Но это есть лишь частное выражение той общей истины, что России в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко *начать* социалистическую революцию, тогда как *продолжать* ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических условий, как: 1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистской войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистских хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р., партии, резко враждебной, в большинстве своем, большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом;—таких специфических условий в Западной Европе теперь нет и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим,—помимо ряда других причин,—*начать* социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам. Пытаться «обойти» эту трудность, «перескочив» через трудное дело использования в революционных целях реакционных парламентов, есть чистейшее ребячество. Вы хотите создать новое общество? и вы боитесь трудностей при создании хорошей парламентской фракции из убежденных, преданных, героических коммунистов в реакционном парламенте! Разве же это не ребячество? Если Карл Либкнехт в Германии и З. Хеглунд ¹¹⁹⁾ в Швеции умели даже без массовой поддержки снизу дать образцы действительно революционного использования реакционных парламентов, то как же это быстро растущая массовая революционная партия, в обстановке послевоенного разочарования и озлобления масс, не в силах *выковать* себе коммунистической фракции в худших парламентах?! Именно потому, что отсталые массы рабочих и—еще более—мелких

крестьян в Западной Европе гораздо сильнее, чем в России, пропитаны буржуазно-демократическими и парламентскими пред-
рассудками, именно поэтому *только* изнутри таких учреждений,
как буржуазные парламенты, могут (и должны) коммунисты вести
длительную, упорную, ни перед какими трудностями не остано-
вливающуюся борьбу разоблачения, рассеяния, преодоления
этих предрассудков.

Немецкие «левые» жалуются на плохих «вождей» их партии
и впадают в отчаяние, договариваясь до смешного «отрицания»
«вождей». Но в условиях, когда часто приходится прятать «во-
ждей» в подполье, *выработка* хороших, надежных, испытанных,
авторитетных «вождей» дело особенно трудное, и успешно пре-
одолеть этих трудностей *нельзя* без соединения легальной и неле-
гальной работы, *без испытания «вождей», между прочим, и на*
парламентской арене. Критику—и самую резкую, беспощадную,
непримиримую критику—следует направлять не против парла-
ментаризма или парламентской деятельности, а против тех во-
ждей, которые не умеют—и еще более тех, кои *не хотят*—исполь-
зовать парламентских выборов и парламентской трибуны по-ре-
волюционному, по-коммунистически. Только такая критика,
соединенная, конечно, с изгнанием вождей негодных и с заменой
их пригодными,—будет полезной и плодотворной революцион-
ной работой, воспитывающей одновременно и «вождей», чтобы
они были достойны рабочего класса и трудящихся масс,—и мас-
сы, чтобы они научились разбираться правильно в политиче-
ском положении и понимать нередко очень сложные и запутан-
ные задачи, которые из этого положения вытекают *).

*) Я имел слишком мало возможности ознакомиться с «левым» ком-
мунизмом в Италии. Несомненно, тов. Бордига и его фракция «комму-
нистов-бойкотистов» (Communisti astensionista) неправ, защищая неучастие
в парламенте. Но в одном пункте он, мне кажется, прав — насколько
можно судить по двум номерам его газеты «Совет» («Il Soviet», №№ 3 и 4.
18. I и 1. II. 1920), по четырем книжкам прекрасного журнала тов.
Серрати: «Коммунизм» («Comunismo», №№ 1—4, 1. X.—30. XI. 1919)
и по отрывочным номерам итальянских буржуазных газет, с которыми
мне удалось ознакомиться. Именно, тов. Бордига и его фракция правы
в нападках на Турати и его единомышленников, которые остаются в
партии, признавшей Советскую власть и диктатуру пролетариата, остаются
членами парламента и продолжают свою вреднейшую, старую оппортуни-
стическую политику. Конечно, терпя это, тов. Серрати и вся итальянская
социалистическая партия делает ошибку, которая грозит таким же глубо-
ким вредом и опасностью, как в Венгрии, где венгерские господа Турати

VIII.

Никаких компромиссов?

Мы видели, в цитате из франкфуртской брошюры, с какой решительностью выдвигают «левые» этот лозунг. Печально видеть, как люди, несомненно считающие себя марксистами и желающие быть марксистами, забыли основные истины марксизма. Вот что писал в 1874 году против манифеста 33 коммунаров-бланкистов ¹²⁰⁾ Энгельс, принадлежащий, подобно Марксу, к тем редким и редчайшим писателям, у которых в каждой фразе каждой крупной их работы есть замечательная глубина содержания:

«... Мы—коммунисты» (писали в своем манифесте коммунары-бланкисты) «потому, что хотим достигнуть своей цели, не останавливаясь на промежуточных станциях, не идя на компромиссы, которые только отдалают день победы и удлиняют период рабства».

«Немецкие коммунисты являются коммунистами потому, что они через все промежуточные станции и компромиссы, созданные не ими, а ходом исторического развития, ясно видят и постоянно преследуют конечную цель: уничтожение классов и создание такого общественного строя, при котором не будет более места частной собственности на землю и на все средства производства. 33 бланкиста являются коммунистами потому, что они воображают, что раз *они* хотят перескочить через промежуточные станции и компромиссы, то и дело в шляпе, и что если—в чем они твердо уверены—на этих днях «начнется», и власть очутится в их руках, по послезавтра «коммунизм будет введен». Следовательно, если этого нельзя сделать сейчас же, то и они не коммунисты»

«Что за детская наивность—выставлять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента!» (Фр. Эн-

саботировали изнутри и партию, и Советскую власть. Такое ошибочное, непоследовательное или бесхарактерное отношение к оппортунистам-парламентариям, с одной стороны, порождает «левый» коммунизм, с другой стороны, до известной степени оправдывает его существование. Тов. Серрати явно неправ, обвиняя в «непоследовательности» депутата Турати («*Communismo*», № 3), тогда как непоследовательна именно итальянская социалистическая партия, терпя таких оппортунистов-парламентариев, как Турати и К^о.

гельс, «Программа коммунаров-бланкистов», из немецкой с.-д. газеты «Volksstaat», 1874, № 73, в сборнике: «Статьи 1871—1875 г.г.», русск. пер., Петр. 1919, стр. 52—53).

Энгельс в той же статье выражает свое глубокое уважение к Вальяну ¹²¹⁾ и говорит о «неоспоримой заслуге» Вальяна (который был, подобно Гэду ¹²²⁾, крупнейшим вождем международного социализма, до их измены социализму в августе 1914 года). Но явную ошибку Энгельс не оставляет без подробного разбора. Конечно, революционерам очень молодым и неопытным, а равно мелкобуржуазным революционерам даже очень почтенного возраста и очень опытным, кажется чрезвычайно «опасным», непонятым, неправильным «разрешать компромиссы». И многие софисты рассуждают (будучи сверх или чересчур «опытными» политиками) именно так, как упомянутые т-щем Лэнсбери английские вожди оппортунизма: «если большевикам разрешается такой-то компромисс, то почему же нам не разрешить любые компромиссы?». Но пролетарии, воспитанные на многократных стачках (чтобы взять одно только это проявление классовой борьбы), обыкновенно прекрасно усваивают глубочайшую (философскую, историческую, политическую, психологическую) истину, изложенную Энгельсом. Каждый пролетарий переживал стачку, переживал «компромиссы» с ненавистными угнетателями и эксплуататорами. когда рабочим приходилось браться за работу, либо ничего не достигнув, либо соглашаясь на частичное удовлетворение их требований. Каждый пролетарий, благодаря той обстановке массовой борьбы и резкого обострения классовых противоположностей, в которой он живет, наблюдает разницу между компромиссом, вынужденным объективными условиями (у стачечников бедна касса, нет поддержки со стороны, они изголодались и измучились до невозможности), — компромиссом, несколько уменьшающим революционной преданности и готовности к дальнейшей борьбе рабочих, заключавших такой компромисс, — и, с другой стороны, компромиссом предателей, которые сваливают на объективные причины свое шкурничество (штрейкбрехеры тоже заключают «компромиссы!»), свою трусость, свое желание подслужиться капиталистам, свою податливость запугиваниям, иногда уговорам, иногда подачкам, иногда лести со стороны капиталистов (таких компромиссов предателей особенно много дает история английского рабочего движения со стороны вождей английских трэд-юнионов, но в той или иной форме почти все рабочие во всех странах наблюдали аналогичное явление).

Разумеется, бывают единичные случаи исключительно трудные и сложные, когда лишь с величайшими усилиями удается правильно определить действительный характер того или иного «компромисса»,—как бывают случаи убийства, когда очень нелегко решить, было ли это вполне справедливое и даже обязательное убийство (напр., необходимая оборона) или непростительная небрежность или даже тонко проведенный коварный план. Разумеется, в политике, где дело идет иногда о крайне сложных—национальных и интернациональных—взаимоотношениях между классами и партиями, очень много случаев будет гораздо более трудных, чем вопрос о законном «компромиссе» при стачке или о предательском «компромиссе» штрейкбрехера, изменника вождя и т. п. Сочинить такой рецепт или такое общее правило («никаких компромиссов!»), которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться. В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партийных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса *) вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое—кроме знания и опыта—политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов.

Наивные и совсем неопытные люди воображают, что достаточно признать допустимость компромиссов *вообще*,—и будет стерта всякая грань между оппортунизмом, с которым мы ведем и должны вести непримиримую борьбу,—и революционным марксизмом или коммунизмом. Но таким людям, если они еще не знают, что все грани и в природе и в обществе подвижны и до известной степени условны, нельзя ничем помочь, кроме длительного обучения, воспитания, просвещения, политического и житейского опыта. В практических вопросах политики каждого отдельного или специфического исторического момента важно

*) В каждом классе, даже в условиях наиболее просвещенной страны, даже в самом передовом и обстоятельствами момента поставленном в положение исключительно высокого подъема всех душевных сил, всегда есть—и, пока существуют классы, пока полностью не укрепилось, не упрочилось, не развилось на своей собственной основе бесклассовое общество, неизбежно *будут*—представители класса *не* мыслящие и мыслить не способные. Капитализм не был бы угнетающим массы капитализмом, если бы это не было так.

уметь выделить те, в которых проявляется главнейший вид недопустимых, предательских, воплощающих губительный для революционного класса оппортунизм, компромиссов и на разъяснение их, на борьбу с ними направить все усилия. Во время империалистской войны 1914—1918 годов между двумя группами одинаково разбойнических и хищнических стран таким главнейшим, основным видом оппортунизма был социал-шовинизм, т.-е. поддержка «защиты отечества», которая на деле равнялась в *такой* войне защите грабительских интересов «своей» буржуазии. После войны—защита грабительской «Лиги Наций»; защита прямых или косвенных союзов с буржуазией своей страны против революционного пролетариата и «советского» движения; защита буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма против «Советской власти»;—таковы были главнейшие проявления тех недопустимых и предательских компромиссов, которые, в сумме своей, давали губительный для революционного пролетариата и для его дела оппортунизм.

«...Со всей решительностью отклонить всякий компромисс с другими партиями... всякую политику лавирования и соглашательства»,—пишут германские левые в франкфуртской брошюре.

Удивительно, что при таких взглядах эти левые не выносят решительного осуждения большевизму! Не может же быть, чтобы германские левые не знали, что вся история большевизма, и до и после октябрьской революции, *полна* случаями лавирования, соглашательства, компромиссов с другими и в том числе с буржуазными партиями!

Вести войну за свержение международной буржуазии, войну во сто раз более трудную, длительную, сложную, чем самая упорная из обыкновенных войн между государствами, и наперед отказываться при этом от лавирования, от использования противоречия интересов (хотя бы временного) между врагами, от соглашательства и компромиссов с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками, разве это не безгранично смешная вещь? Разве это не похоже на то, как если бы при трудном восхождении на неисследованную еще и неприступную доньше гору мы заранее отказались от того, чтобы идти иногда зигзагом, возвращаться иногда назад, отказываться от выбранного раз направления и пробовать различные направления? И людей, которые до такой степени малосознательны и неопытны (хорошо еще, если это объясняется их молодостью: моло-

дежи сам бог велел говорить в течение известного времени подобные глупости), могли поддерживать—все равно, прямо или косвенно, открыто или прикрито, целиком или отчасти—голландские трибунисты!!

После первой социалистической революции пролетариата, после свержения буржуазии в одной стране, пролетариат этой страны *надолго* остается *слабее*, чем буржуазия, просто уже в силу ее громадных интернациональных связей, а затем в силу стихийного и постоянного восстановления, возрождения капитализма и буржуазии мелкими товаропроизводителями свергнувшей буржуазию страны. Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран,—так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме *вообще*. Кто не доказал *практически*, на довольно значительном промежутке времени и в довольно разнообразных политических положениях, своего умения применять эту истину на деле, тот не научился еще помогать революционному классу в его борьбе за освобождение всего трудящегося человечества от эксплуататоров. И сказанное относится одинаково к периоду до и после завоевания политической власти пролетариатом.

Наша теория не догма, а *руководство к действию*,—говорили Маркс и Энгельс, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких «патентованных» марксистов, как Карл Каутский, Отто Бауэр ²³⁾ и т. п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата. «Политическая деятельность—не тротуар Невского проспекта» (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петербурга), говаривал еще русский великий социалист до-Марковского периода Н. Г. Чернышевский ¹²³⁾. Русские революционеры, со времен Чернышевского, неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины. Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы левые коммунисты и преданные рабочему классу революционеры Зап. Европы и Аме.

рики *не так дорого* заплатили за усвоение этой истины, как остальные россияне.

Русские революционные социал-демократы до падения царизма неоднократно пользовались услугами буржуазных либералов, т.-е. заключали с ними массу практических компромиссов, а в 1901—1902 годах, еще до возникновения большевизма, старая редакция «Искры» ⁸⁸⁾ (в эту редакцию входили: Плеханов ⁸⁹⁾, Аксельрод ¹²⁴⁾, Засулич ¹²⁵⁾, Мартов ¹²⁶⁾, Потресов ²¹⁰⁾ и я) заключала (правда, не надолго) формальный политический союз со Струве ¹²⁷⁾, политическим вождем буржуазного либерализма, умея в то же время вести, не прекращая, самую беспощадную идейную и политическую борьбу против буржуазного либерализма и против малейших проявлений его влияния изнутри рабочего движения. Большевики продолжали всегда ту же политику. С 1905 года они систематически отстаивали союз рабочего класса с крестьянством против либеральной буржуазии и царизма, никогда не отказываясь в то же время от поддержки буржуазии против царизма (напр., на второй стадии выборов или на перебаллотировках) и не прекращая самой непримиримой идейной и политической борьбы против буржуазно-революционной крестьянской партии, «социалистов-революционеров», разоблачая их, как мелко-буржуазных демократов, фальшиво причисляющих себя к социалистам. В 1907 году большевики заключили, на короткое время, формальный политический блок на выборах в Думу с «соц.-революционерами» ¹²⁸⁾. С меньшевиками мы в 1903—1912 годах бывали по несколько лет формально в единой с.-д. партии, *никогда не прекращая* идейной и политической борьбы с ними, как с проводниками буржуазного влияния на пролетариат и оппортунистами. Во время войны мы заключали некоторый компромисс с «каутскианцами», левыми меньшевиками (Мартов) и частью «соц.-революционеров» (Чернов ¹²⁹⁾, Натансон) ¹³⁰⁾, заседая вместе с ними в Циммервальде и Кинтале ¹³¹⁾ и выпуская общие манифесты, но мы не прекращали и не ослабляли никогда идейно-политической борьбы с «каутскианцами», Мартовым и Черновым (Натансон умер в 1919 г., будучи вполне близким к нам, почти солидарным с нами «революционным коммунистом»-народником ¹³²⁾). В самый момент октябрьского переворота мы заключили не формальный, но очень важный (и очень успешный) политический блок с мелко-буржуазным крестьянством, приняв *целиком*, без единого изменения, *эс-эровскую* аграрную программу ¹³³⁾, т.-е. заключили несомненный компромисс, чтобы доказать крестьянам, что мы хотим не майоризирования их, а соглашения с

ними. Одновременно мы предложили (и вскоре осуществили) формальный политический блок, с участием в правительстве, «левым эс-эрам», которые расторгли этот блок после заключения Брестского мира с нами и затем дошли до вооруженного восстания против нас в июле 1918 года и впоследствии до вооруженной борьбы против нас ¹³⁴).

Понятно поэтому, что нападки немецких левых на Цема партии коммунистов в Германии за допущение им мысли о блоке с «независимцами» («незав. с.-д. партия Германии», каутскианцы) кажутся нам совершенно несерьезными и наглядно доказывающими *неправоту* «левых». У нас в России тоже были меньшевики правые (входившие в правительство Керенского), соответствующие немецким Шейдеманам, и меньшевики левые (Мартов), бывшие в оппозиции к правым меньшевикам и соответствующие немецким каутскианцам. Постепенный переход рабочих масс от меньшевиков к большевикам мы наблюдали ясно в 1917 году: на I Всероссийском Съезде Советов ¹³⁵), в июне 1917 г. мы имели всего 130/0. Большинство было у эс-эров и меньшевиков. На втором Съезде Советов (25. X. 1917 ст. ст.) мы имели 510/0 голосов ¹³⁶). Почему в Германии *такая же*, вполне *однородная* тяга рабочих справа налево привела к усилению не сразу коммунистов, а сначала промежуточной партии «независимцев», хотя никаких самостоятельных политических идей, никакой самостоятельной политики эта партия никогда не имела, а только колебалась между Шейдеманами и коммунистами?

Очевидно, одной из причин была *ошибочная* тактика немецких коммунистов, которые должны безбоязненно и честно эту ошибку признать и научиться ее исправить. Ошибка состояла в отрицании участия в реакционном, буржуазном парламенте и в реакционных профсоюзах, ошибка состояла в многочисленных проявлениях той «левой» детской болезни, которая теперь вышла наружу и тем лучше, тем скорее, с тем большей пользой для организма будет излечена.

Немецкая «независимая с.-д. партия» явно неоднородна внутри: на-ряду со старыми оппортунистическими вождями (Каутский, Гильфердинг ⁹⁴), в значительной мере, видимо, Криспин ¹⁰³), Ледебур ¹⁰²) и др.), которые доказали свою неспособность понять значение Советской власти и диктатуры пролетариата, свою неспособность руководить его революционной борьбой, в этой партии образовалось и замечательно быстро растет левое, пролетарское крыло. Сотни тысяч членов этой партии (имеющей,

кажется, до $\frac{3}{4}$ миллиона членов)—пролетарии, уходящие от Шейдемана и быстро идущие к коммунизму. Это пролетарское крыло уже предлагало на Лейпцигском (1919) съезде независимцев немедленное и безусловное присоединение к III Интернационалу. Бояться «компромисса» с этим крылом партии—прямо смешно. Напротив, *обязательно* для коммунистов искать и *найти* подходящую форму компромисса с ними, такого компромисса, который бы, с одной стороны, облегчал и ускорял необходимое полное слияние с этим крылом, а с другой стороны, ни в чем не стеснял коммунистов в их идейно-политической борьбе против оппортунистического правого крыла «независимцев». Вероятно, выработать подходящую форму компромисса будет нелегко, но только шарлатан мог бы обещать немецким рабочим и немецким коммунистам «легкий» путь к победе.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.;—если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п. А из всего этого необходимость—и безусловная необходимость—для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков вытекает с абсолютной необходимостью. Все дело в том, чтобы *уметь* применять эту тактику в целях *повышения*, а не понижения, *общего* уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе. Надо заметить, между прочим, что победа большевиков над меньшевиками требовала не только до октябрьской революции 1917 года, но и *после нее*, применения тактики лавирования, соглашательств, компромиссов, разумеется, такого и таких, которое облегчало, ускоряло, упрочивало, усиливало большевиков на счет меньшевиков. Мелко-буржуазные демократы (а в том числе и меньшевики) неизбежно колеблются между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советским строем, между реформизмом и революционностью, между рабочелюбием и боязнью пролетарской диктатуры и т. д.

Правильная тактика коммунистов должна состоять в *использовании* этих колебаний, отнюдь не в игнорировании их; использование требует уступок тем элементам, тогда и постольку, какие, когда и поскольку поворачивают к пролетариату—на-ряду с борьбой против тех, кои поворачивают к буржуазии. В результате применения правильной тактики меньшевизм все более распадался и распадается у нас, изолируя упорно оппортунистических вождей и переводя в наш лагерь лучших рабочих, лучшие элементы от мелко-буржуазной демократии. Это—длительный процесс, и скоропалительным «решением»: «никаких компромиссов, никакого лавирования» можно только повредить делу усиления влияния революционного пролетариата и увеличения его сил.

Наконец, одной из несомненных ошибок «левых» в Германии является их прямолинейное настаивание на непризнании Версальского мира. Чем «солиднее» и «важнее», чем «решительнее» и безапелляционнее формулирует этот взгляд, напр., К. Хорнер, тем менее умно это выходит. Недостаточно отречься от вопиющих нелепостей «национального большевизма» (Лауфенберга и др.), который договорился до блока с немецкой буржуазией для войны против Антанты, при современных условиях международной пролетарской революции. Надо понять, что в корне ошибочна тактика, не допускающая обязательности для советской Германии (если бы вскоре возникла советская германская республика) признать на известное время Версальский мир и подчиниться ему. Из этого не следует, что «независимцы» были правы, выдвигая, когда в правительстве сидели Шейдеманы, когда еще не была свергнута Советская власть в Венгрии¹⁶⁾, когда еще не исключена была возможность помощи со стороны советской революции в Вене для поддержки Советской Венгрии,—выдвигая *при тогдашних условиях* требование подписать Версальский мир. Тогда независимцы лавировали и маневрировали очень плохо, ибо брали на себя большую или меньшую ответственность за предателей Шейдеманов, скатывались более или менее с точки зрения беспощадной (и хладнокровнейшей) классовой войны с Шейдеманами на точку зрения «бесклассовую» или «надклассовую».

Но теперь положение явно такое, что коммунисты Германии не должны связывать себе рук и обещать обязательное и непременное отвержение Версальского мира в случае победы коммунизма. Это глупо. Надо сказать: Шейдеманы и каутскианцы

совершили ряд предательств, затруднивших (частью: прямо погубивших) дело союза с Советской Россией, с Советской Венгрией. Мы, коммунисты, будем всеми средствами *облегчать и подготавливать* такой союз, при чем Версальского мира мы вовсе не обязаны непременно отвергать и притом немедленно. Возможность успешно отвергнуть его зависит не только от немецких, но и от международных успехов советского движения. Этому движению Шейдеманы и каутскианцы мешали, мы ему помогаем. Вот в чем суть дела, вот в чем коренная разница. И если наши классовые враги, эксплуататоры, их лакеи, Шейдеманы и каутскианцы, упустили целый ряд возможностей усилить и германское и международное советское движение, усилить и германскую и международную советскую революцию, то вина падает на них. Советская революция в Германии усилит международное советское движение, которое есть сильнейший оплот (и единственный надежный, непобедимый, всемирно-могучий оплот) против Версальского мира, против международного империализма вообще. Ставить освобождение от Версальского мира обязательно и непременно и немедленно на первое место *перед вопросом* об освобождении других угнетенных империализмом стран от гнета империализма есть мелочный национализм (достойный Каутских, Гильфердингов, Отто Бауэров и К°), а не революционный интернационализм. Свержение буржуазии в любой из крупных европейских стран, в том числе и в Германии, есть такой плюс международной революции, что ради него можно и должно пойти—если это будет нужно—на *более продолжительное существование Версальского мира*. Если Россия одна могла, с пользой для революции, вынести несколько месяцев Брестского мира, то нет ничего невозможного в том, что Советская Германия, в союзе с Советской Россией, вынесет с пользой для революции более долгое существование Версальского мира.

Империалисты Франции, Англии и т. д. провоцируют немецких коммунистов, ставят им ловушку: «скажите, что вы не подпишете Версальского мира». А левые коммунисты, как дети, попадают в расставленную им ловушку вместо того, чтобы умело маневрировать против коварного и в *данный момент* более сильного врага, вместо того, чтобы сказать ему: «теперь мы Версальский мир подпишем». Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам

есть преступление, и никуда не годны такие политики революционного класса, которые не сумеют преодолеть «лабиринты», чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения.

IX.

«Левый» коммунизм в Англии.

В Англии нет еще коммунистической партии, но есть свежее, широкое, могучее, быстро растущее, дающее право питать самые радужные надежды коммунистическое движение среди рабочих; есть несколько политических партий и организаций («Британская Социалистическая Партия», «Социалистическая Рабочая Партия», «Южно-Уэльское Социалистическое Общество», «Рабочая Социалистическая Федерация»), желающих создать коммунистическую партию и ведущих уже между собой переговоры об этом. В газете «Дредноут Рабочих» (том VI, № 48, от 21. II. 1920), еженедельном органе последней из названных организаций, редактируемом тов. Сильвией Панкхерст¹³⁷), помещена ее статья: «К коммунистической партии». Статья излагает ход переговоров между четырьмя названными организациями об образовании единой коммунистической партии, на основе присоединения к III Интернационалу, признания советской системы, вместо парламентаризма, и диктатуры пролетариата. Оказывается, одним из главных препятствий к немедленному созданию единой коммунистической партии являются разногласия по вопросу об участии в парламенте и о присоединении новой коммунистической партии к старой, профессионалистской, составленной преимущественно из трэд-юнионов, оппортунистической и социал-шовинистской «Рабочей Партии»¹³⁸). «Рабочая Социалистическая Федерация» — равно как и «Социалистическая Рабочая Партия» *) — высказываются против участия в парламентских выборах и в парламенте, против присоединения к «Рабочей Партии», расходясь в этом отношении со всеми или с большинством членов Брит. Соц. Партии, которая, в их глазах, является «правым крылом коммунистических партий» в Англии (стр. 5, назв. статья Сильвии Панкхерст).

*) Кажется, эта партия против присоединения к «Раб. Партии», но не вся против участия в парламенте.

Итак, основное деление получается то же, как и в Германии—несмотря на громадные различия по форме проявления разногласий (в Германии эта форма гораздо более близка к «русской», чем в Англии) и по целому ряду других обстоятельств. Посмотрим же на доводы «левых»

По вопросу об участии в парламенте т. Сильвия Панкхерст ссылается на помещенную в том же номере статью тов. В. Галлакера (W. Gallacher), который пишет от имени «Шотландского Рабочего Совета» в Глазго:

«Этот совет,—пишет он,—определенно анти-парламентаристский, и за ним стоит левое крыло различных политических организаций. Мы представляем революционное движение в Шотландии, стремящиеся к созданию революционной организации в производствах (в разных отраслях производства) и коммунистической партии, основанной на социальных комитетах, во всей стране. Долгое время мы ссорились с официальными парламентариями. Мы не считали необходимым объявить открытую войну им, а они *боются* открыть атаку на нас.

«Но такое положение вещей не может продолжаться долго. Мы побеждаем по всей линии.

«Массовые члены Независимой Рабочей Партии в Шотландии все больше и больше получают отвращение при мысли о парламенте, и почти все местные группы стоят за советы (употреблено русское слово в английской транскрипции) или рабочие советы. Разумеется, это имеет весьма серьезное значение для тех господ, которые смотрят на политику как на средство заработка (как на профессию), и они пускают в ход все и всякие средства, чтобы убедить своих членов вернуться назад на лоно парламентаризма. Революционные товарищи не *должны* (курсив везде автора) поддерживать этой банды. Наша борьба здесь будет очень трудной. Одной из худших ее черт будет измена тех, для кого личные интересы являются побудителем более сильным, чем их интерес к революции. Всякая поддержка парламентаризма есть просто помощь тому, чтобы власть попала в руки наших британских Шейдеманов и Носке ²²⁾. Хендерсон, Кляйнс (Clynes) и К^о безнадежно реакционны. Официальная Независ. Раб. Партия все больше подпадает под власть буржуазных либералов, которые нашли себе духовный приют в лагере господ Макдональда ¹³⁹⁾, Сноудена ¹⁴⁰⁾ и К^о. Официальная Незав. Раб.

Партия жестоко враждебна III Интернационалу, а масса за него. Поддерживать каким бы то ни было способом парламентариев-оппортунистов, значит просто играть на руку вышеназванным господам. Брит. Соц. Партия здесь не имеет никакого значения... Здесь нужна здоровая революционная производственная (индустриальная) организация и коммунистическая партия, действующая согласно ясным, точно определенным, научным основаниям. Если наши товарищи могут помочь нам в создании той и другой, мы охотно примем их помощь; если не могут,—пусть, бога ради, вовсе не вмешиваются, если они не хотят предать Революцию посредством оказания поддержки реакционерам, которые так усердно добиваются парламентского «почетного» (?—знак вопроса автора) звания и которые горят желанием доказать, что они *могут управлять* так же успешно, как и сами «хозяева», классовые политики».

Это письмо в редакцию выражает, на мой взгляд, великолепно настроения и точку зрения молодых коммунистов или масовиков-рабочих, которые только-только начали приходить к коммунизму. Настроение это в высочайшей степени отрадное и ценное; его надо уметь ценить и поддерживать, ибо без него победа революции пролетариата в Англии—да и во всякой другой стране—была бы безнадежна. Людей, которые умеют выражать такое настроение масс, умеют вызывать у масс (очень часто дремлющее, не осознанное, не пробужденное) подобное настроение, надо беречь и заботливо оказывать им всяческую помощь. Но в то же время надо прямо, открыто говорить им, что *одного* настроения недостаточно для руководства массами в великой революционной борьбе, и что такие-то и такие-то ошибки, которые готовы сделать или делают преданнейшие делу революции люди, суть ошибки, способные принести вред делу революции. Письмо в редакцию тов. Галлакера показывает с несомненностью зародыши *всех* тех ошибок, которые делают немецкие «левые» коммунисты и которые были делаемы русскими левыми большевиками в 1908 и 1918 годах.

Автор письма полон благороднейшей пролетарской (понятной и близкой, однако, не только для пролетариев, но и для всех трудящихся, для всех «маленьких людей», если употребить немецкое выражение) ненависти к буржуазным «классовым политикам». Эта ненависть представителя угнетенных и эксплуатируемых масс есть поистине «начало всякой премудрости», основа вся-

ного социалистического и коммунистического движения и его успехов. Но автор, видимо, не учитывает того, что политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не дается, и что пролетариат, если он хочет победить буржуазию, должен выработать себе *своих*, пролетарских, «классовых политиков», и таких, чтобы они были не хуже политиков буржуазных.

Автор письма превосходно понял, что не парламент, а только рабочие советы могут быть орудием достижения целей пролетариата, и, конечно, те, кто не понял этого до сих пор, суть злейшие реакционеры, будь то самый ученый человек, самый опытный политик, самый искренний социалист, самый начитанный марксист, самый честный гражданин и семьянин. Но автор письма не ставит даже вопроса, не помышляет о необходимости поставить вопрос о том, можно ли привести советы к победе над парламентом, не вводя «советских» политиков *внутри* парламента? не разлагая парламентаризма *изнутри*? не подготавливая изнутри парламента успеха советов в предстоящей им задаче разогнать парламента? А между тем автор письма высказывает совершенно правильную мысль, что коммунистическая партия в Англии должна действовать на *научных* основаниях. Наука требует, во-первых, учета опыта других стран, особенно, если другие, тоже капиталистические, страны переживают или недавно переживали весьма сходный опыт; во-вторых, учета *всех* сил, групп, партий, классов, масс, действующих внутри данной страны, отнюдь не определения политики на основании только желаний и взглядов, степени сознательности и готовности к борьбе одной только группы или партии.

Что Хендерсоны, Кляйнсы, Макдональды, Споудены безнадежно реакционны, это верно. Так же верно то, что они хотят взять власть в свои руки (предпочитая, впрочем, коалицию с буржуазией), что они хотят «управлять» по тем же стародавним (буржуазным) правилам, что они чем-нибудь будут вести себя, когда будут у власти, подобно Шейдеманам и Носке. Все это так. Но отсюда вытекает вовсе не то, что поддержка их есть измена революции, а то, что в интересах революции революционеры рабочего класса должны оказать этим господам известную парламентскую поддержку. Для пояснения этой мысли возьму два современных английских политических документа: 1) речь премьера Ллойд-Джорджа 18. III. 1920 (по изложению в «The Manchester Guardian» от 19. III. 1920) и 2) рассуждения «левой» коммунистки, тов. Сильвии Панкхерст, в вышеуказанной ее статье.

Ллойд-Джордж в своей речи полемизировал с Асквитом ¹⁴¹⁾ (который был специально приглашен на собрание, но отказался прийти) и теми либералами, которые хотят не коалиции с консерваторами, а сближения с рабочей партией. (Из письма в редакцию тов. Галлакера мы видели то же указание на факт перехода либералов в Нез. Раб. Партию.) Ллойд Джордж доказывал, что необходима коалиция либералов с консерваторами, и *тесная*, ибо иначе может победить Рабочая Партия, которую Ллойд-Джордж предпочитает называть «социалистической» и которая стремится к «коллективной собственности» на средства производства. «Во Франции это называлось коммунизмом» — популярно пояснял вождем английской буржуазии своим слушателям, членам парламентской либеральной партии, которые, вероятно, до сих пор этого не знали, — «в Германии это называлось социализмом; в России это называется большевизмом». Для либералов это принципиально неприемлемо, разъяснял Ллойд-Джордж, ибо либералы принципиально за частную собственность. «Цивилизация в опасности», заявлял оратор, и потому либералы и консерваторы должны объединиться...

«...Если вы пойдете в земледельческие округа, — говорил Лл.-Дж., — я согласен, что вы увидите там старые партийные деления, сохранившиеся по-прежнему. Там опасность далека. Там опасности нет. Но, когда дело дойдет до сельских округов, опасность будет там так же велика, как она велика теперь в некоторых промышленных округах. Четыре пятых нашей страны заняты промышленностью и торговлей; едва ли одна пятая — земледелием. Это — одно из обстоятельств, которое постоянно имею в виду, когда я размышляю об опасностях, которые несет нам будущее. Во Франции население земледельческое, и вы имеете солидную базу определенных взглядов, которая не двигается очень-то быстро и которую не очень-то легко возбудить революционным движением. В нашей стране дело обстоит иначе. Нашу страну легче опрокинуть, чем какую бы то ни было другую страну в свете, и если она начнет шататься, то крах будет здесь по указанным причинам более сильным, чем в других странах». Читатель видит отсюда, что г. Ллойд-Джордж не только человек очень умный, но и многому научившийся от марксистов. Не грех и нам поучиться у Ллойд-Джорджа.

Интересно еще отметить следующий эпизод из дискуссии, которая состоялась после речи Ллойд-Джорджа:

«Г. В о л л э с (Wallace): Я бы хотел спросить, как смотрит премьер-министр на результаты его политики в промышленных округах по отношению к промышленным рабочим, из которых очень многие являются либералами в настоящее время и от которых мы получаем так много поддержки. Не будет ли возможный результат тот, что вызовет громадное увеличение сил Рабочей Партии со стороны рабочих, которые в настоящее время являются нашими искренними помощниками?»

П р е м ь е р - м и н и с т р: Я держусь совершенно иного взгляда. Тот факт, что либералы между собою борются, несомненно, толкает очень значительное число либералов, с отчаяния, к Рабочей Партии, где вы имеете уже значительное число либералов, очень способных людей, занятых теперь дискредитированием правительства. Результат, несомненно, тот, что значительно укрепляется общественное настроение в пользу Рабочей Партии. Общественное мнение поворачивает не к либералам, стоящим вне Рабочей Партии, а к Рабочей Партии, это показывают частичные переборы».

Мимоходом сказать, это рассуждение показывает особенно, как умнейшие люди буржуазии запутались и не могут не делать непоправимых глупостей. На этом буржуазия и погибнет. А наши люди могут даже делать глупости (правда, при условии, что это глупости не очень большие, и что они будут своевременно исправлены) и тем не менее окажутся в конце концов победителями.

Другой политический документ—следующие рассуждения «левой» коммунистки, тов. Сильвии Панкхерст:

«... Тов. Инкпин (секретарь Брит. Соц. Партии) называет Рабочую Партию «главной организацией движения рабочего класса». Другой товарищ из Бр. С. П. на конференции III Интернационала выразил взгляд Бр. С. Партии еще рельефнее. Он сказал: «Мы смотрим на Рабочую Партию как на организованный рабочий класс».

«Мы не разделяем этого взгляда на Рабочую Партию. Рабочая Партия очень велика численно, хотя члены ее в очень значительной доле бездеятельны и апатичны; это—рабочие и работницы, вступившие в трэд-юнион, потому что их товарищи по мастерской трэд-юнионисты и потому что они хотят получать пособия».

«Но мы признаем, что многочисленность Рабочей Партии вызвана также тем фактом, что она есть создание той школы мысли, за пределы которой большинство британского рабочего класса еще не пошло, хотя великие изменения подготавливаются в умах народа, который скоро изменит это положение...»

«...Британская Рабочая Партия, подобно социал-патриотическим организациям других стран, неизбежно, в ходе естественного развития общества, придет к власти. Дело коммунистов—строить силы, которые низвергнут социал-патриотов, и мы не должны в нашей стране ни затягивать этой деятельности, ни колебаться.

«Мы не должны разбрасывать нашу энергию, увеличивая силу Рабочей Партии; ее подъем к власти неизбежен. Мы должны сосредоточить свои силы на создании коммунистического движения, которое победит ее. Рабочая Партия скоро составит правительство; революционная оппозиция должна быть готова, чтобы напасть на него...»

Итак, либеральная буржуазия отказывается от исторически освященной вековым опытом—и необычайно выгодной для эксплуататоров—системы «двух партий» (эксплуататоров), считая необходимым объединение их сил для борьбы с Рабочей Партией. Часть либералов, как крысы с тонущего корабля, перебегают к Рабочей Партии. Левые коммунисты считают переход власти к Рабочей Партии неизбежным и признают, что сейчас за ней большинство рабочих. Они делают отсюда тот странный вывод, который т. Сильвия Панкхерст формулирует так: «Коммунистическая партия не должна заключать компромиссов... Она должна сохранить свою доктрину чистой, свою независимость от реформизма незапятнанной; ее миссия—итти вперед, не останавливаясь и не сворачивая с пути, итти прямой дорогой к Коммунистической Революции».

Напротив, из того, что большинство рабочих в Англии еще идет за английскими Керенскими или Шейдеманами, что оно еще не проделало опыта с правительством из этих людей, каковой опыт понадобился и России и Германии для массового перехода рабочих к коммунизму, из этого вытекает с несомненностью, что английские коммунисты *должны* участвовать в парламентаризме; должны *изнутри* парламента помочь рабочей массе увидеть на деле результаты Хендерсоновского и Сноуденовского правительства, должны помочь Хендерсонам и Сноуденам побе-

дать объединенных Ллойд-Джорджа и Черчилля. Поступить иначе, значит затруднить дело революции, ибо без перемены взглядов большинства рабочего класса революция невозможна, а эта перемена создается политическим опытом масс, никогда не одной только пропагандой. «Без компромиссов вперед, не сворачивая с пути», если это говорит заведомо бессильное меньшинство рабочих, которое знает (или во всяком случае должно знать), что большинство через короткий промежуток времени, при условии победы Хендерсона и Сноудена над Ллойд-Джорджем и Черчиллем, разочаруется в своих вождях и перейдет к поддержке коммунизма (или во всяком случае к нейтралитету—и большей частью благжелательному нейтралитету— по отношению к коммунистам),—такой лозунг явно ошибочен. Это все равно, как если бы 10.000 солдат бросились в бой против 50.000 неприятеля, когда следует «остановиться», «свернуть с дороги», даже заключить «компромисс», лишь бы дождаться имеющих подойти 100.000 подкрепления, которые сразу выступить не в состоянии. Это—интеллигентское ребячество, а не серьезная тактика революционного класса.

Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда *«мизы» не хотят* старого и когда *«верхи» не могут по-старому*, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выразится словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы (признак всякой настоящей революции: быстрое удешевление или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угнетенной массы, доселе апатичной), обесценивает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его.

В Англии, как видно, между прочим, именно из речи Ллойд-Джорджа, явно нарастают оба условия успешной пролетарской революции. И ошибки со стороны левых коммунистов опасны теперь сугубо именно потому, что у некоторых революционеров наблюдается недостаточно вдумчивое, недостаточно внимательное, недостаточно сознательное, недостаточно расчетливое отношение к каждому из этих условий. Если мы—не революционная группа, а партия революционного *класса*, если мы хотим увлечь за собой *массы* (а без этого мы рискуем остаться просто говорунами), мы должны, во-первых, помочь Хендерсону и Сноудену побить Ллойд-Джорджа и Черчилля (вернее даже: заставить первых побить вторых, ибо первые *боются своей победы!*); во-вторых, помочь большинству рабочего класса на своем опыте убедиться в нашей правоте, т.-е. в полной негодности Хендерсонов и Сноуденов, в их мелко-буржуазной и предательской натуре, в неизбежности их банкротства; в-третьих, приблизить момент, когда на почве разочарования Хендерсонами большинства рабочих можно будет с серьезными шансами на успех сразу скинуть правительство Хендерсона, которое будет еще более растерянно метаться, если даже умнейший и солиднейший, не мелко-буржуазный, а крупно-буржуазный, Ллойд-Джордж проявляет полную растерянность и обессиливает себя (и всю буржуазию) все больше и больше, вчера своими «трениями» с Черчиллем, сегодня своими «трениями» с Асквитом.

Буду говорить конкретнее. Английские коммунисты должны, на мой взгляд, соединить все свои четыре (все очень слабые, некоторые—совсем и совсем слабые) партии и группы в одну Коммунистическую Партию на почве принципов III Интернационала и *обязательного* участия в парламенте. Коммунистическая партия предлагает Хендерсонам и Сноуденам «компромисс», избирательное соглашение: идем вместе против союза Ллойд-Джорджа и консерваторов, делим парламентские места по числу голосов, поданных рабочими за Раб. Партию или за коммунистов (не на выборах, а по особому голосованию), сохраняем *полнейшую свободу* агитации, пропаганды, политической деятельности. Без этого последнего условия, конечно, на блок идти нельзя, ибо это будет изменой: полнейшую свободу разоблачения Хендерсонов и Сноуденов английские коммунисты так же абсолютно должны отстаивать и отстаивать, как отстаивали ее (*пятнадцать лет*, 1903—1917) и отстаивали русские большевики по отношению к русским Хендерсонам и Сноуденам, т.-е. меньшевикам.

Если Хендерсоны и Сноудены примут блок на этих условиях, мы выиграли, ибо нам вовсе не важно число мест в парламенте, мы за этим не гонимся, мы по этому пункту будем уступчивы (а Хендерсоны и особенно их новые друзья—или их новые господа—либералы, перешедшие в Нез. Рабочую Партию, за этим больше всего гонятся). Мы выиграли, ибо понесем *свою* агитацию в массы в такой момент, когда их «раззадорил» сам Ллойд-Джордж, и поможем не только Рабочей Партии скорее составить свое правительство, но и массам скорее понять всю нашу коммунистическую пропаганду, которую мы будем вести против Хендерсонов без всяких урезок, без всяких умолчаний.

Если Хендерсоны и Сноудены отвергнут блок с нами на этих условиях, мы еще больше выиграли. Ибо мы сразу показали массам (заметьте, что даже внутри чисто меньшевистской, вполне оппортунистической Нез. Рабочей Партии масса за советы), что Хендерсоны предпочитают *свою* близость капиталистам объединению всех рабочих. Мы сразу выиграли перед массой, которая особенно после блестящих и высокоправильных, высокополезных (для коммунизма) разъяснений Ллойд-Джорджа будет сочувствовать объединению всех рабочих против союза Ллойд-Джорджа с консерваторами. Мы сразу выиграли, ибо продемонстрировали перед массами, что Хендерсоны и Сноудены боятся победить Ллойд-Джорджа, боятся взять власть одни, стремятся тайком получить поддержку Ллойд-Джорджа, который открыто протягивает руку консерваторам против Рабочей Партии. Надо заметить, что у нас в России после революции 27. II. 1917 (ст. ст.) пропаганда большевиков против меньшевиков и эс-эров (т.-е. русских Хендерсонов и Сноуденов) выигрывала именно в силу такого же обстоятельства. Мы говорили меньшевикам и эс-эрам: берите всю власть без буржуазии, ибо у вас большинство в советах (на I всероссийском Съезде Советов большевики имели в июне 1917 года всего 13⁰/₁₀₀ голосов). Но русские Хендерсоны и Сноудены боялись взять власть без буржуазии, и когда буржуазия оттягивала выборы в Учредительное Собрание, прекрасно зная, что оно даст большинство эс-эрам и меньшевикам *) (те и другие шли в теснейшем политическом блоке, представляли на

*) Выборы в Учр. Собр. в России, в ноябре 1917 г., по сведениям, охватывающим свыше 36 миллионов избирателей, дали 25% голосов большевикам, 13% разным партиям помещиков и буржуазии, 62% мелкобуржуазной демократии, т.-е. эс-эрам и меньшевикам вместе с небольшими родственными им группами.

деле *одну* мелко-буржуазную демократию), то эс-эры и меньшевики были не в силах энергично и до конца бороться против этих оттяжек.

При отказе Хендерсонов и Сноуденов от блока с коммунистами, коммунисты выиграли бы сразу в деле завоевания симпатий масс и дискредитирования Хендерсонов и Сноуденов, а если бы мы от этого потеряли несколько парламентских мест, так это нам совсем не важно. Мы выставили бы своих кандидатов только в самом ничтожном числе абсолютно надежных округов, т.-е. где выставление наших кандидатов не провело бы либерала против лабуриста (члена Рабочей Партии). Мы вели бы избирательную агитацию, распространяя листки в пользу коммунизма и предлагая во *всех* округах, где нет нашего кандидата, *голосовать за лабуриста против буржуа*. Ошибаются т.т. Сильвия Панкхерст и Галлакер, если видят в этом измену коммунизму или отказ от борьбы с социал-предателями. Напротив, от этого дело коммунистической революции, несомненно, выиграло бы.

Английским коммунистам очень часто трудно бывает теперь даже подойти к массе, даже заставить себя выслушать. Если я выступаю, как коммунист, и заявляю, что приглашаю голосовать за Хендерсона против Ллойд-Джорджа, меня наверное будут слушать. И я смогу популярно объяснить, не только почему советы лучше парламента и диктатура пролетариата лучше диктатуры Черчилля (прикрываемой вывеской буржуазной «демократии»), но также и то, что я хотел бы поддержать Хендерсона своим голосованием точно так же, как веревка поддерживает повешенного;—что приближение Хендерсонов к их собственному правительству так же докажет мою правоту, так же привлечет массы на мою сторону, так же ускорит политическую смерть Хендерсонов и Сноуденов, как это было с их единомышленниками в России и в Германии.

И если мне возразят: это слишком «хитрая» или сложная тактика, ее не поймут массы, она разбросает, раздробит наши силы, помешает сосредоточить их на советской революции и т. п., то я отвечу «левым» возражателям:—не сваливайте своего доктринерства на массы! Наверное, в России массы не более, а менее культурны, чем в Англии. И однако массы поняли большевиков; и большевикам не помешало, а помогло то обстоятельство, что они *накануне* советской революции, в сентябре 1917 года, составляли списки своих кандидатов в буржуазный парламент (Учр. Собрание), а *на другой день* после советской революции, в

ноябре 1917 года, выбирали в то самое Учр. Собрание, которое 5. I. 1918 было ими разогнано¹⁴³).

Я не могу здесь останавливаться на втором разногласии между английскими коммунистами, состоящем в том, присоединяться ли к Раб. Партии или нет. У меня слишком мало материалов по этому вопросу, который является особенно сложным, ввиду чрезвычайной оригинальности британской «Раб. Партии», слишком не похожей на обычные на континенте Европы политические партии по самому своему строению. Несомненно только, во-первых, что и по этому вопросу неизбежно впадет в ошибку тот, кто вздумает выводить тактику революционного пролетариата из принципов вроде: «комм. партия должна сохранять свою доктрину в чистоте и свою независимость от реформизма непятинапей; ее призвание—итти вперед, не останавливаясь и не сворачивая с дороги, итти прямым путем к комм. революции». Ибо подобные принципы лишь повторяют ошибку французских коммунаров-бланкистов, провозглашавших в 1874 году «отрицание» всяких компромиссов и всяких промежуточных станций. Во-вторых, несомненно, что задача состоит и здесь, как всегда, в том, чтобы уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому *своеобразию* отношений между классами и партиями, к тому *своеобразию* в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать.

Но об этом приходится говорить в связи не с одним только английским коммунизмом, а с общими выводами, касающимися развития коммунизма во всех капиталистических странах. К этой теме мы и переходим.

Х.

Некоторые выводы.

Российская буржуазная революция 1905 года обнаружила один чрезвычайно оригинальный поворот всемирной истории: в одной из самых отсталых капиталистических стран впервые в мире достигнута была невиданная широта и сила стачечного движения. За *один первый месяц* 1905 года число стачечников вдесятеро превысило среднее *годовое* число стачечников за предшедшие 10 лет (1895—1904), а от января к октябрю 1905 года

стачки росли непрерывно и в огромных размерах. Отсталая Россия, под влиянием ряда совершенно своеобразных исторических условий, первая показала миру не только скачкообразный рост самостоятельности угнетенных масс во время революции (это бывало во всех великих революциях), но и значение пролетариата, бесконечно более высокое, чем его доля в населении, сочетание экономической и политической стачки, с превращением последней в вооруженное восстание, рождение новой формы массовой борьбы и массовой организации угнетенных капитализмом классов, советов.

Февральская и октябрьская революции 1917 года довели советы до всестороннего развития в национальном масштабе, затем до их победы в пролетарском, социалистическом перевороте. И менее чем через два года обнаружился интернациональный характер советов, распространение этой формы борьбы и организации на всемирное рабочее движение, историческое призывание советов быть могильщиком, наследником, преемником буржуазного парламентаризма, буржуазной демократии вообще.

Мало того. История рабочего движения показывает теперь, что во всех странах предстоит ему (и оно уже начало) пережить борьбу нарождающегося, крепнущего, идущего к победе коммунизма прежде всего и главным образом со *своим* (для каждой страны) «меньшевизмом», т.-е. оппортунизмом и социал-шовинизмом; во-вторых—и в виде, так сказать, дополнения—с «левым» коммунизмом. Первая борьба развернулась во всех странах без единого, повидимому, изъятия, как борьба II (ныне уже фактически убитого) и III Интернационала. Вторая борьба наблюдается и в Германии, и в Англии, и в Италии, и в Америке (по крайней мере, известная часть «промышленных рабочих мира» и анархо-синдикалистских течений отстаивает ошибки левого коммунизма на-ряду с почти всеобщим, почти безраздельным признанием советской системы), и во Франции (отношение части бывших синдикалистов к политической партии и к парламентаризму, опять-таки на-ряду с признанием советской системы), т.-е., несомненно, в масштабе не только интернациональном, но и всемирном.

Но проделывая везде однородную, по сути дела, подготовительную школу к победе над буржуазией, рабочее движение каждой страны совершает это развитие *по-своему*. При том крупные, передовые капиталистические страны идут по этой дороге *гораздо более быстро*, чем большевизм, получивший от истории

пятнадцатилетний срок на подготовку его, как организованного политического течения, к победе. III Интернационал за такой короткий срок, как один год, уже одержал решительную победу, разбил II, желтый, социал-шовинистский Интернационал, который всего несколько месяцев тому назад был несравненно сильнее III, казался прочным и могучим, пользовался всесторонней—прямой и косвенной, материальной (министерские местечки, паспорта, пресса) и идейной помощью всемирной буржуазии.

Все дело теперь в том, чтобы коммунисты каждой страны вполне сознательно учли как основные принципиальные задачи борьбы с оппортунизмом и «левым» доктринерством, так и *конкретные особенности*, которые эта борьба принимает и неизбежно должна принимать в каждой отдельной стране, сообразно оригинальным чертам ее экономики, политики, культуры, ее национального состава (Ирландия и т. п.), ее колоний, ее религиозных делений и т. д. и т. п. Повсеместно чувствуется, ширится и растет недовольство II Интернационалом и за его оппортунизм и за его неумение или неспособность создать действительно централизованный, действительно руководящий центр, способный направлять международную тактику революционного пролетариата в его борьбе за всемирную советскую республику. Необходимо дать себе ясный отчет в том, что такой руководящий центр ни в коем случае нельзя построить на шаблонизировании, на механическом выравнивании, отождествлении тактических правил борьбы. Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами,—а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе,—единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это—вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения *основных* принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям. Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных подходах* каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабо-

чего движения, к свержению буржуазии, к учреждению советской республики и пролетарской диктатуры—вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только передовыми) странами исторического момента. Главное—конечно, еще далеко-далеко не все, но главное—уже сделано в привлечении авангарда рабочего класса, в переходе его на сторону Советской власти против парламентаризма, на сторону диктатуры пролетариата против буржуазной демократии. Теперь надо все силы, все внимание сосредоточить на *следующем* шаге, который кажется—и, с известной точки зрения, действительно является—менее основным, но который зато более практически близок к практическому решению задачи, а именно: на отыскании формы *перехода* или *подхода* к пролетарской революции

Пролетарский авангард идейно завоеван. Это главное. Без этого нельзя сделать и первого шага к победе. Но от этого еще довольно далеко до победы. С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков—основной закон всех великих революций, подтвержденный теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией. Не только некультурным, часто безграмотным массам России, но и высоко культурным, поголовно грамотным массам Германии потребовалось испытать на собственной шкуре все бессилие, всю бесхарактерность, всю беспомощность, все лакейство перед буржуазией, всю подлость правительства рыцарей II Интернационала, всю неизбежность диктатуры крайних реакционеров (Корнилов в России ⁵⁴), Капп ⁵²) и К-о в Германии), как единственный альтернатив по отношению к диктатуре пролетариата, чтобы решительно повернуть к коммунизму.

Очередная задача сознательного авангарда в международном рабочем движении, т.-е. коммунистических партий, групп, течений—уметь *подвести* широкие (теперь еще в большинстве случаев) апатичные, рутинные, косные, не пробужденные) массы

к этому новому их положению, или, вернее, уметь руководить *не только* своей партией, но и этими массами в течение их подхода, перехода на новую позицию. Если первой исторической задачи (привлечь сознательный авангард пролетариата на сторону Советской власти и диктатуры рабочего класса) нельзя было решить без полной, идейной и политической победы над оппортунизмом и социал-шовинизмом, то второй задачи, которая ныне становится очередной и которая состоит в умении подвести массы на новую позицию, способную обеспечить победу авангарда в революции, этой очередной задачи нельзя выполнить без ликвидации левого доктринерства, без полного преодоления его ошибок, без избавления от них.

Пока речь шла (и поскольку речь еще идет) о привлечении на сторону коммунизма авангарда пролетариата, до тех пор и постольку на первое место выдвигается пропаганда; даже кружки, имеющие все слабости кружковщины, тут полезны и дают плодотворные результаты. Когда речь идет о практическом действии масс, о размещении—если позволительно так выразиться—миллионных армий, о расстановке *всех* классовых сил данного общества *для последнего и решительного боя*, тут уже с одними только пропагандистскими навыками, с одним только повторением истин «чистого» коммунизма ничего не поделаешь. Тут надо считать не до тысяч, как в сущности считает пропагандист, член маленькой группы, не руководившей еще массами; тут надо считать миллионами и десятками миллионов. Тут надо спросить себя не только о том, убедили ли мы авангард революционного класса,—а еще и о том, размещены ли исторически действенные силы *всех* классов, обязательно *всех* без изъятия классов данного общества, таким образом, чтобы решительное сражение было уже вполне назревшим,—таким образом, чтобы (1) все правдебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно перепрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам; чтобы (2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т.-е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством; чтобы (3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела, вот тогда наша победа, если мы верно учли все намеченные выше,

кратко обрисованные выше условия и верно выбран момент, наша победа обеспечена.

Расхождения между Черчиллями и Ллойд-Джорджами—эти политические типы есть во *всех* странах, с ничтожными национальными различиями,—с одной стороны; затем, между Хендерсонами и Ллойд-Джорджами, с другой, совершенно неважны и мелки с точки зрения чистого, т.-е. абстрактного, т.-е. незрелого еще до практического, массового, политического действия, коммунизма. Но, с точки зрения этого практического действия масс, эти различия крайне, крайне важны. В их учете, в определении момента полного назревания неизбежных между этими «друзьями» конфликтов, которые ослабляют и обессиливают *всех «друзей»*, *вместе взятых*,—все дело, вся задача коммуниста, желающего быть не только сознательным, убежденным, идейным пропагандистом, но и практическим руководителем масс в революции. Надо соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления и тому подобное, чтобы ускорить осуществление и изживание политической власти Хендерсонов (героев II Интернационала, если говорить не именами отдельных лиц; представителей мелко-буржуазной демократии, называющих себя социалистами); ускорить их неизбежное банкротство на практике, просвещающее массы именно в нашем духе, именно в направлении к коммунизму; ускорить неизбежные трения, ссоры, конфликты, полный распад между Хендерсонами—Ллойд-Джорджами—Черчиллями (меньшевиками и эс-эрами—кадетами и монархистами; Шейдеманами—буржуазией—капповцами и т. п.) и правильно выбрать такой момент максимального распада между всеми этими «опорами священной частной собственности», чтобы решительным наступлением пролетариата разбить всех их и завоевать политическую власть.

История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов. Отсюда вытекают два

очень важных практических вывода: первый, что революционный класс, для осуществления своей задачи, должен уметь овладеть всеми, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности (доделывая после завоевания политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания); второй, что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою.

Всякий согласится, что неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. Но к политике это еще более относится, чем к военному делу. В политике еще меньше можно знать наперед, какое средство борьбы окажется при тех или иных будущих условиях применимым и выгодным для нас. Не владея всеми средствами борьбы, мы можем потерпеть громадное—иногда даже решающее—поражение, если независимые от нашей воли перемены в положении других классов выдвинут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы. Владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем наверняка, раз мы представляем интересы действительно передового, действительно революционного класса, даже если обстоятельства не позволят нам пустить в ход оружие, наиболее для неприятеля опасное, оружие, всего быстрее наносящее смертельные удары. Неопытные революционеры часто думают, что легальные средства борьбы оппортунистичны, ибо буржуазия на этом поприще особенно часто (наипаче в «мирные», не революционные времена) обманывала и дурачила рабочих;—нелегальные же средства борьбы революционны. Но это неверно. Верно то, что оппортунистами и предателями рабочего класса являются партии и вожди, не умеющие или не желающие (не говори: не могу, говори: не хочу) применять нелегальные средства борьбы в таких, напр., условиях, как во время империалистской войны 1914—1918 годов, когда буржуазия самых свободных демократических стран с неслыханной наглостью и свирепостью обманывала рабочих, запрещая говорить правду про грабительский характер войны. Но революционеры, не умеющие соединять нелегальные формы борьбы со всеми легальными, являются весьма плохими революционерами. Нетрудно быть революционером тогда, когда революция уже вспыхнула и разгорелась, когда примыкают к революции все и всякие, из простого увлечения, из моды, даже иногда из интересов лич-

ной карьеры. «Освобождение» от таких горе-революционеров стоит пролетариату потом, после его победы, трудов самых тяжких, муки, можно сказать, мученической. Гораздо труднее—и гораздо ценнее—уметь быть революционером, когда *еще нет* условий для прямой, открытой, действительно массовой, действительно революционной борьбы, уметь отстаивать интересы революции (пропагандистски, агитационно, организационно) в нереволюционных учреждениях, а зачастую и прямо реакционных, в нереволюционной обстановке, среди массы, неспособной немедленно понять необходимость революционного метода действий. Уметь найти, нащупать, верно определить конкретный путь или особый поворот событий, *подводящий* массы к настоящей, решительной, последней, великой революционной борьбе,—в этом главная задача современного коммунизма в Зап. Европе и Америке

Пример: Англия. Мы не можем знать—и никто не в состоянии наперед определить,—как скоро разгорится там настоящая пролетарская революция и *какой повод* более всего разбудит, разожжет, подвинет на борьбу очень широкие, ныне еще спящие, массы. Мы обязаны, поэтому, вести всю подготовительную нашу работу так, чтобы быть подкованными (как любил говорить покойный Плеханов, когда он был марксистом и революционером) на все четыре ноги. Возможно, что «прорвет», что «сломает лед» парламентский кризис; возможно, что кризис, вытекающий из безнадежно запутанных, все более и более болезненно складывающихся и обостряющихся колониальных и империалистских противоречий; возможно что-либо третье и т. п. Мы говорим не о том, какая борьба *решит* судьбу пролетарской революции в Англии (этот вопрос ни в ком из коммунистов сомнений не возбуждает, этот вопрос для всех нас решен и решен твердо), мы говорим о том *поводе*, который побудит ныне еще спящие пролетарские массы притти в движение и подведет их вплотную к революции. Не забудем, что, напр., в буржуазной французской республике, в обстановке, которая и со стороны международной и со стороны внутренней во сто раз менее была революционна, чем теперь, достаточно оказалось такого «неожиданного» и такого «мелкого» повода, как одна из тысяч и тысяч бесчестных проделок реакционной военщины (дело Дрейфуса)¹⁴⁴), чтобы вплотную подвести народ к гражданской войне!

Коммунисты должны в Англии использовать непрерывно, неослабно, неуклонно и парламентские выборы и все перипетии

ирландской, колониальной, всемирно-империалистской политики британского правительства и все прочие области, сферы, стороны общественной жизни, во всех работая по-новому, по-коммунистически, в духе не II, а III Интернационала. Я не имею здесь времени и места для описания приемов «русского», «большевистского» участия в парламентских выборах и в парламентской борьбе, но могу уверить заграничных коммунистов, что это было вовсе не похоже на обычные западно-европейские парламентские кампании. Из этого часто делают вывод: «ну, то у вас, в России, а у нас парламентаризм иной». Вывод неверный. На то и существуют на свете коммунисты, сторонники III Интернационала во всех странах, чтобы *переделать* по всей линии, во всех областях жизни, старую социалистическую, трэд-юнионистскую, синдикалистскую, парламентскую работы в *новую*, коммунистическую. Оппортунистического и чисто-буржуазного, деляческого, мошеннически-капиталистического на наших выборах тоже бывало всегда очень и очень достаточно. Коммунисты в Западной Европе и в Америке должны научиться создать новый, необычный, неоппортунистический, некарьеристский парламентаризм: чтобы партия коммунистов давала свои лозунги, чтобы настоящие пролетарии при помощи неорганизованной и совсем забытой бедноты разбрасывали и разносили листки, объезжали и обходили квартиры рабочих, хижины сельских пролетариев и захолустных (в Европе, к счастью, во много раз меньше деревенских захолустий, чем у нас, а в Англии их совсем мало) крестьян, забирались в самые простонародные кабачки, втирались в самые простонародные союзы и общества, случайные собрания, говорили с народом не по ученому (и не очень по-парламентски), не гонялись ни капельки за «местечком» в парламенте, а везде будили мысль, втягивали массу, ловили буржуазию на слове, использовали ею созданный аппарат, ею назначенные выборы, ею сделанные призывы ко всему народу, знакомили народ с большевизмом так, как никогда не удавалось знакомить (при господстве буржуазии) вне обстановки выборов (не считая, конечно, момента больших стачек, когда *такой же* аппарат всенародной агитации работал у нас еще интенсивнее). Сделать это в Западной Европе и Америке очень трудно, очень и очень трудно, но это сделать можно и должно, ибо без труда задачи коммунизма вообще решить нельзя, а трудиться надо на решении *практических* задач, все более разнообразных, все более связанных со всеми отраслями общественной жизни, все

более *отвоевывающих* одну отрасль, одну область за другой у буржуазии.

В той же Англии так же по новому (не по-социалистически, а по-коммунистически, не реформистски, а революционно) надо поставить работу пропаганды, агитации, организации в войске и среди угнетенных и неполноправных национальностей «своего» государства (Ирландия, колонии). Ибо все эти области общественной жизни в эпоху империализма вообще, а теперь после войны, измучившей народы и открывающей быстро глаза на правду (именно: что десятки миллионов убиты и искалечены только ради решения вопроса, английские или немецкие хищники будут грабить больше стран),—все эти области общественной жизни особенно наполняются горючим материалом и создают особенно много поводов к конфликтам, кризисам, обострению классовой борьбы. Мы не знаем и не можем знать, какая искра—из той бездны искр, которые отовсюду сыплются теперь во всех странах, под влиянием экономического и политического всемирного кризиса,—окажется в состоянии зажечь пожар, в смысле особого пробуждения масс, и мы обязаны поэтому с нашими новыми, коммунистическими, принципами приняться за «обработку» всех и всяких, даже наиболее старых, затхлых и повидимому безнадежных поприщ, ибо иначе мы не будем на высоте задачи, не будем всесторонни, не овладеем всеми видами оружия, не подготовимся ни к победе над буржуазией (которая все стороны общественной жизни устроила,—а теперь и расстроила—по-буржуазному), ни к предстоящей коммунистической реорганизации всей жизни после этой победы.

После пролетарской революции в России и неожиданных, для буржуазии и филистеров, побед этой революции в международном масштабе, весь мир стал теперь иным, буржуазия повсюду стала тоже иной. Она запугана «большевизмом», озлоблена на него почти до умопомрачения, и именно поэтому она, с одной стороны, ускоряет развитие событий, а с другой стороны, сосредоточивает внимание на насильственном подавлении большевизма, ослабляя этим свою позицию на целом ряде других поприщ. Оба эти обстоятельства коммунисты всех передовых стран должны учесть в своей тактике.

Когда русские кадеты и Керенский подняли бешеную травлю против большевиков—особенно с апреля 1917 года и еще более в июне и июле 1917 года,—они «пересолили». Миллионы экземпляров буржуазных газет, на все лады кричащие против больше-

винов, помогли втянуть массу в оценку большевизма, а ведь кроме газет вся общественная жизнь именно благодаря «усердию» буржуазии пропитывалась спорами о большевизме. Теперь в международном масштабе миллионеры всех стран ведут себя так, что мы должны им быть от души благодарны. Они травят большевизм с таким же усердием, с каким травил его Керенский и К-о; они так же «пересаливают» при этом и так же *помогают* нам, как Керенский. Когда французская буржуазия делает из большевизма центральный пункт выборной агитации, ругая за большевизм сравнительно умеренных или колеблющихся социалистов;—когда американская буржуазия, совершенно потеряв голову, хватается тысячи и тысячи людей по подозрению в большевизме и создает атмосферу паники, разнося повсюду вести о большевистских заговорах;—когда английская «солиднейшая» в мире буржуазия, при всем ее уме и опытности, делает невероятные глупости, основывает богатейшие «общества для борьбы с большевизмом», создает специальную литературу о большевизме, нанимает для борьбы с большевизмом добавочное количество ученых, агитаторов, попов,—мы должны кланяться и благодарить господ капиталистов. Они работают на нас. Они помогают нам заинтересовать массы вопросом о сущности и значении большевизма. И они не могут поступать иначе, ибо «замолчать», задушить большевизм им *уже* не удалось.

Но вместе с тем буржуазия видит в большевизме почти только одну его сторону: восстание, насилие, террор; буржуазия старается поэтому приготовиться в особенности к отпору и сопротивлению на *этом* поприще. Возможно, что в отдельных случаях, в отдельных странах, на те или иные короткие промежутки времени, ей это удастся: с такой возможностью надо считаться, и ровно ничего страшного для нас нет в том, что это ей удастся. Коммунизм «вырастает» решительно из всех сторон общественной жизни, ростки его есть решительно повсюду, «зараза» (если употребить излюбленное буржуазией и буржуазной полицией и самое «приятное» для нее сравнение) проникла в организм очень прочно и пропитала собой весь организм целиком. Если с особым тщанием «заткнуть» один из выходов,—«зараза» найдет себе другой выход, иногда самый неожиданный. Жизнь возьмет свое. Пусть буржуазия мечется, злобствует до умопомрачения, пересаливает, делает глупости, заранее мстит большевикам и старается перебить (в Индии, в Венгрии, в Германии и т. д.) лишние сотни, тысячи, сотни тысяч завтрашних или вчерашних большевиков.

поступая так, буржуазия поступает как поступали все осужденные историей на гибель классы. Коммунисты должны знать, что будущее во всяком случае принадлежит им, и потому мы можем (и должны) соединять величайшую страстность в великой революционной борьбе с наиболее хладнокровным и трезвым учетом бешеных метаний буржуазии. Русскую революцию разбили жестоко в 1905 году; русских большевиков разбили в июле 1917 года¹⁴⁵); немецких коммунистов перебили свыше 15.000 посредством искусной провокации и ловких маневров Шейдемана и Носке совместно с буржуазией и монархистами-генералами; в Финляндии и в Венгрии неистовствует белый террор. Но во всех случаях и во всех странах коммунизм закаляется и растет; корни его так глубоки, что преследования не ослабляют, не обессиливают, а усиливают его. Недостает только одного, чтобы мы пошли к победе увереннее и тверже, именно: повсеместного и до конца продуманного сознания всеми коммунистами всех стран необходимости быть максимально гибкими в своей тактике. Великолепно растущему коммунизму особенно в передовых странах недостает теперь этого сознания и умения применить это сознание на практике.

Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высоко учеными марксистами и преданными социализму вождями II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовской диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в применении этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими не-диалектиками, оказались людьми до того несумевшими учесть быстрой перемены формы и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Гада и Плеханова. Основная причина их банкротства состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу объективных условий стала неизбежной, и продолжали твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения на-

полнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак: «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минус три» больше «минус двух».

Надо постараться, чтобы с коммунистами не повторилась та же ошибка, только с другой стороны, или, вернее,—чтобы была поскорее исправлена и быстрее, безболезненное для организма изжито *та же ошибка*, только с другой стороны, делаемая «левыми» коммунистами. Левое доктринерство есть тоже ошибка, не только правое доктринерство. Конечно, ошибка левого доктринерства в коммунизме является, в настоящий момент, в тысячу раз менее опасной и менее значительной, чем ошибка правого доктринерства (т.-е. социал-шовинизма и каутскипанства), но ведь это только потому так, что левый коммунизм—течение совсем молодое, только-только зарождающееся. Только поэтому болезнь, при известных условиях, может быть легко излечена, и необходимо приняться за ее излечение с максимальной энергией.

Старые формы лопнули, ибо оказалось, что новое содержание в них—содержание антипролетарское, реакционное—достигло непомерного развития. У нас есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за Советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и *должно* проявить себя в любой форме и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые,—не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые, формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма.

Коммунисты должны приложить все усилия, чтобы направить рабочее движение и общественное развитие вообще самым прямым и самым быстрым путем к всемирной победе Советской власти и диктатуре пролетариата. Это бесспорная истина. Но стоит сделать маленький шаг дальше—казалось бы, шаг в том же направлении—и истина превратится в ошибку. Стоит сказать, как говорят немецкие и английские левые коммунисты, что мы признаем только один, только прямой путь, что мы не допускаем лавирования, соглашательства, компромиссов, и это уже будет ошибкой, которая способна принести, частью уже принесла и приносит, серьезнейший вред коммунизму. Правое доктринер-

ство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене, вызываемой не нашим классом или не нашими усилиями.

Всемирная революция так могуче подтолкнута и ускорена ужасами, гнусностями, мерзостями всемирной империалистской войны, безвыходностью созданного ею положения,—эта революция развивается вширь и вглубь с такой превосходной быстротой, с таким великолепным богатством сменяющихся форм, с таким нагидательным практическим опровержением всякого доктринерства, что имеются все основания надеяться на быстрое и полное излечение международного коммунистического движения от детской болезни «левого» коммунизма

Написано 27 апреля 1920 года.

Добавление.

Пока издательства в нашей стране, которую ограбили империалисты всего мира, мстя за пролетарскую революцию, и продолжают грабить и блокировать, несмотря ни на какие обещания своим рабочим,—пока наши издательства сладили с задачей издания моей брошюры, получились из-за границы дополнительный материал. Отнюдь не претендуя в своей брошюре на что-либо большее, чем беглые заметки публициста, я коснусь вкратце некоторых пунктов.

I.

Раскол германских коммунистов.

Раскол коммунистов в Германии стал фактом. «Левые» или «принципиальная оппозиция» образовали особую «Коммунистическую Рабочую Партию» в отличие от «Коммунистической Партии». В Италии дело, повидимому, тоже идет к расколу—говорю, повидимому, ибо имею лишь добавочные номера (№№ 7 и 8) левой газеты «Совет» («Il Soviet»), где обсуждается открыто

возможность и необходимость раскола, при чем речь идет также о съезде фракции «абстенционистов» (или бойкотистов, т.-е. противников участия в парламенте), каковая фракция до сих пор входит в Итал. Соц. Партию.

Можно опасаться, что раскол с «левыми», антипарламентариями (частью также антиполитиками, противниками политической партии и работы в профсоюзах) станет явлением интернациональным, подобно расколу с «центровиками» (или каутскианцами, лонгэтистами, «независимцами» и т. п.). Пусть будет так. Раскол все же лучше, чем путаница, мешающая и идейному, теоретическому, революционному росту, созреванию партии и ее дружной, действительно организованной, действительно подготовляющей диктатуру пролетариата, практической работе.

Пусть «левые» испытают себя на деле, в национальном и интернациональном масштабе, пусть попробуют готовить (а затем и осуществлять) диктатуру пролетариата без строго централизованной, имеющей железную дисциплину, партии, без умения овладевать всеми поприщами, отраслями, разновидностями политической и культурной работы. Практический опыт быстро обучит их.

Надо приложить только все усилия к тому, чтобы раскол с «левыми» не затруднил или возможно меньше затруднил неизбежно предстоящее в недалеком будущем и необходимое слияние в единую партию всех участников рабочего движения, стоящих искренно и добросовестно за Советскую власть и за диктатуру пролетариата. В России особым счастьем большевиков было то, что они имели 15 лет для систематической и до конца доведенной борьбы как против меньшевиков (т.-е. оппортунистов и «центровиков»), так и против «левых» еще задолго до непосредственной массовой борьбы за диктатуру пролетариата. В Европе и Америке приходится теперь проделывать эту же работу «форсированными маршами». Отдельные личности, особенно из числа неудачных претендентов в вожди, могут (если у них не хватит пролетарской дисциплинированности и «честности с собой») надолго упереться в своих ошибках, но рабочие массы легко и быстро, когда назреет момент, объединятся сами и объединят всех искренних коммунистов в единую партию, способную осуществить советский строй и диктатуру пролетариата *).

*) К вопросу о будущем слиянии «левых» коммунистов, антипарламентариев, с коммунистами вообще, отмечу еще следующее. Насколько мне

II.

Коммунисты и независимцы в Германии.

Я высказал в брошюре мнение, что компромисс между коммунистами и левым крылом независимцев необходим и полезен для коммунизма, но что осуществить его будет не легко. Полученные мною после того номера газет подтвердили и то и другое. В № 32 «Красного Знамени», органа Цека Комм. Партии Германии («Die rote Fahne», Zentralorgan der Kommun. Partei Deutschlands, Spartacusbund, от 26. III. 1920), помещено «заявление» этого Цека по вопросу о военном «путше» (заговоре, авантюре) Каппа-Люттвица⁵²) и о «социалистическом правительстве». Это заявление совершенно правильно и с точки зрения основной посылки, и с точки зрения практического вывода. Основная посылка сводится к тому, что «объективной основы» для диктатуры пролетариата в данный момент нет, ибо «большинство городских рабочих» стоит за независимцев. Вывод: обещание «лояльной оппозиции» (т. е. отказ от подготовки к «насильственному свержению») правительству «социалистическому при исключении буржуазно-капиталистических партий».

Тактика, несомненно, в основе правильная. Но если не следует останавливаться на мелких неточностях формулировки, все же таки нельзя пройти молчанием, что нельзя называть «со-

удалось познакомиться с газетами «левых» коммунистов и коммунистов вообще в Германии, у первых есть то преимущество, что они лучше умеют агитировать в массах, чем вторые. Нечто аналогичное я наблюдал неоднократно—только в меньших размерах и в отдельных местных организациях, а не в общегосударственном масштабе—в истории большевистской партии. Например: в 1907—1908 годах «левые» большевики иногда и кое-где успешнее, чем мы, агитировали в массах. Это отчасти объясняется тем, что легче подойти к массе в революционный момент или при живых воспоминаниях о революции с тактикой «простого» отрипання. Это однако еще не довод за правильность такой тактики. Во всяком случае не подлежит ни малейшему сомнению, что коммунистическая партия, которая хочет быть на деле авангардом, передовым отрядом революционного класса, пролетариата, и которая, сверх того, хочет научиться руководить широкой массой не только пролетарской, но и не-пролетарской, массой трудящихся и эксплуатируемых, обязана уметь и пропагандировать и организовать и агитировать наиболее доступно, наиболее понятно, наиболее ясно и живо как для городской, фабричной «улицы», так и для деревни.

циалистическим» (в официальном заявлении Комм. Партии) правительство социал-предателей, что нельзя говорить об исключении «буржуазно-капиталистических партий», когда партии и Шейдеманов и г.г. Каутских-Криспинов¹⁰³) являются мелко-буржуазно-демократическими, нельзя писать таких вещей, как параграф 4-ый заявления, который гласит:

«...Для дальнейшего завоевания пролетарских масс на сторону коммунизма громадную важность имеет, с точки зрения развития пролетарской диктатуры, такое состояние, когда политическая свобода могла бы быть использована неограниченно и когда буржуазная демократия не могла бы выступать как диктатура капитала...»

Такое состояние невозможно. Мелко-буржуазные вожди, немецкие Хендерсоны (Шейдеманы) и Сноудены (Криспины), не выходят и не могут выйти за рамки буржуазной демократии, которая, в свою очередь, не может не быть диктатурой капитала. Этих принципиально неверных и политически вредных вещей вовсе и не надо было писать с точки зрения достижения практического результата, которого совершенно правильно добивался Цек Комм. партии. Для этого достаточно было сказать (если хочешь быть парламентски вежливым): пока большинство городских рабочих идет за независимцами, мы, коммунисты, не можем мешать этим рабочим изжить свои последние меншански-демократические (т.-е. тоже «буржуазно-капиталистические») иллюзии на опыте «их» правительства. Этого довольно для обоснования компромисса, который действительно необходим и который должен состоять в отказе на известное время от попыток насильственного свержения правительства, к которому доверяет большинство городских рабочих. А в повседневной, массовой агитации, не связанной рамками официальной, парламентской вежливости, можно бы, конечно, добавить; пускай такие негодяи, как Шейдеманы, и такие филистеры, как Каутские-Криспины, разоблачат, на деле, насколько они одурачены сами и одурачивают рабочих; их «чистое» правительство «чище всего» сделает эту работу «очистки» авгиевых конюшен социализма, социал-демократизма и прочих видов социал-предательства.

Настоящая природа теперешних вождей «Независимой С.-Д. Партии Германии» (тех вождей, о которых говорят неправду, будто они уже потеряли всякое влияние, и которые на деле еще опаснее для пролетариата, чем венгерские социал-демократы, назвавшие себя коммунистами и обещавшие «поддержку» дикта-

туре пролетариата) еще и еще раз обнаружилась во время пемецкой корниловщины, т.-е. переворота г.г. Каппа и Лютвица *). Маленькую, но наглядную иллюстрацию дают статьи Карла Каутского: «Решающие минуты» («Entscheidende Stunden») в «Freiheit» (орган независимцев, «Свобода») от 30. III. 1920 и Артура Криспина: «К политической ситуации» (14. IV. 1920, там же). Эти господа абсолютно не умеют мыслить и рассуждать как революционеры. Это—плаксивые мещанские демократы, которые в тысячу раз опаснее для пролетариата, если они объявляют себя сторонниками Советской власти и диктатуры пролетариата, ибо на деле в каждую трудную и опасную минуту они неизбежно будут совершать предательство... пребывая в «искреннейшем» убеждении, что они помогают пролетариату! Ведь и венгерские социал-демократы, перекрестившиеся в коммунистов, хотели «помочь» пролетариату, когда по трусости и бесхарактерности сочли положение Советской власти в Венгрии безнадежным и захныкали перед агентами антантовских капиталистов и антантовских палачей.

III.

Турати и К^о в Италии.

Те номера итальянской газеты «Совет», которые указаны выше, вполне подтверждают сказанное мной в брошюре об ошибке итальянской социалистической партии, которая терпит в своих рядах таких членов и даже такую группу парламентариев. Еще более подтверждает это такой свидетель со стороны, как римский корреспондент английской буржуазно-либеральной газеты «The Manchester Guardian», который в № от 12. III. 1920 поместил свое интервью с Турати.⁹³⁾

«...Синьор Турати—пишет этот корреспондент—полагает, что революционная опасность не такова, чтобы вызывать неосновательные опасения в Италии. Максималисты играют огнем советских теорий только для того, чтобы дер-

*) Чрезвычайно ясно, кратко и точно, по-марксистски, освещено это, между прочим, в превосходной газете австрийской комм. партии «Красное Знамя» от 28 и 30 марта 1920 г. («Die rote Fahne», Wien 1920, №№ 266 и. 267; L. L.: «Ein neuer Abschnitt der deutschen Revolution»).

жать массы приподнятыми и возбужденными. Эти теории, однако, являются чисто легендарными понятиями, незрелыми программами, которые непригодны для практического употребления. Они годятся только на то, чтобы держать работающие классы в состоянии ожидания. Те самые люди, которые употребляют их как приманку, чтобы ослеплять пролетарские очи, видят себя вынужденными вести повседневную борьбу ради завоевания некоторых, часто ничтожных экономических улучшений, так, чтобы оттянуть момент, когда рабочие классы потеряют свои иллюзии и веру в свои любимые мифы. Отсюда—длинная полоса стачек всяческих размеров и по всяческим поводам вплоть до последних стачек в почтовом и железнодорожном ведомствах,—стачек, которые делают и без того тяжелое положение страны еще более тяжелым. Страна раздражена вследствие трудностей, связанных с ее адриатической проблемой, подавлена ее внешним долгом, ее непомерным выпуском бумажных денег, и все-таки страна далеко не сознает еще необходимости усвоения той дисциплины в труде, которая одна может восстановить порядок и благосостояние...

Ясно, как день, что английский корреспондент проболтал правду, которую, вероятно, прикрывает и прикрашивает и сам Турати и его буржуазные защитники, пособники, инспираторы в Италии. Правда эта та, что идеи и политическая работа господ Турати, Тревесы¹⁴⁶⁾, Модильяни¹⁴⁷⁾, Дугони¹⁴⁸⁾ и К⁰ действительно такова и именно такова, как ее рисует английский корреспондент. Это—сплошное социал-предательство. Чего стоит одна защита порядка и дисциплины для рабочих, состоящих в наемном рабстве, работающих для наживы капиталистов! И как знакомы нам, русским, все эти меньшевистские речи! Как ценно признание, что массы за Советскую власть! Как тупоумно и пошло-буржуазно непонимание революционной роли стихийно разрастающихся стачек! Да, да, английский корреспондент буржуазно-либеральной газеты оказал медвежью услугу господам Турати и К⁰ и превосходно подтвердил правильность требования товарища Бордига¹⁴⁹⁾ и его друзей из газеты «Совет», требующих, чтобы Итальянская Соц. Партия, если она хочет быть на деле за III Интернационал, с позором выгнала из своих рядов господ Турати и К⁰ и стала коммунистической партией как по названию, так и по делам своим.

IV.

Неправильные выводы из верных посылок.

Но тов. Бордина и его «левые» друзья делают из своей правильной критики господ Турати и К^о тот неправильный вывод, что вредно вообще участие в парламенте. Ни тени серьезных доводов в защиту этого взгляда итальянские «левые» привести не могут. Они просто не знают (или стараются забыть) интернациональные образцы действительно революционного и коммунистического, бесспорно полезного для подготовки пролетарской революции использования буржуазных парламентов. Они просто не представляют себе «нового» и кричат, повторяясь бесконечно, о «старом», меньшевистском, использовании парламентаризма.

В этом-то и состоит их коренная ошибка. Не только на парламентском, но и на *всех* поприщах деятельности коммунизм *должен внести* (и без долгого, настойчивого, упорного труда он *не сумеет* внести) принципиально новое, коренным образом порывающее с традициями II Интернационала (при одновременном сохранении и развитии того, что он дал хорошего).

Возьмем хотя бы журналистскую работу. Газеты, брошюры, прокламации выполняют необходимую работу пропаганды, агитации, организации. Без журналистического аппарата ни одно массовое движение обойтись не может в сколько-нибудь цивилизованной стране. И никакие вопли против «вождей», никакие клятвенные обещания сохранить чистоту масс от влияния вождей не избавят от необходимости пользоваться для этой работы выходцами из буржуазно-интеллигентской среды, не избавят от буржуазно-демократической, «собственнической» атмосферы и обстановки, в которой совершается эта работа при капитализме. Даже два с половиной года спустя после свержения буржуазии, после завоевания политической власти пролетариатом, мы видим вокруг себя эту атмосферу, эту обстановку массовых (крестьянских, ремесленных) буржуазно-демократических, собственных отношений.

Парламентаризм есть одна форма работы, журналистика— другая. Содержание может быть коммунистическим в обеих и должно быть коммунистическим, если работники той и другой области являются действительными коммунистами, действительно членами пролетарской, массовой партии. Но и в той и в другой—и в любой сфере работы при капитализме и при переходе от капитализма к социализму—нельзя избежать тех трудностей,

гех своеобразных задач, которые должен преодолеть и решить пролетариат для использования в своих целях выходцев из буржуазной среды, для победы над буржуазно-интеллигентскими предрассудками и влияниями, для ослабления сопротивления (а в дальнейшем и для полной переделки) мелко-буржуазной обстановки.

До войны 1914—1918 годов разве мы не видели во всех странах чрезвычайное обилие примеров, когда очень «левые» анархисты, синдикалисты и прочие громили парламентаризм, издевались над буржуазно-опошлившимися парламентариями-социалистами, бичевали карьеризм их и т. д. и т. п.,—а сами *через журналистику, через работу в синдикатах (профсоюзах)* предельвали такую же буржуазную карьеру? Разве примеры господ Жуо¹⁴⁾ и Мерргеймов¹⁵⁾, если ограничиться Францией, не типичны?

В том-то и состоит ребячество «отрицания» участия в парламентаризме, что таким «простым», «легким», якобы революционным способом думают *«решить»* трудную задачу борьбы с буржуазно-демократическими влияниями *внутри* рабочего движения, а на деле только бегут от своей собственной тени, только закрывают глаза на трудность, только словами отделяются от нее. Бесстыднейший карьеризм, буржуазное использование парламентских местечек, вопиющее реформистское извращение парламентской работы, пошлая мещанская рутина—нет сомнения, что все это—обычные и преобладающие характерные черты, которые порождает капитализм всюду и не только вне, но и внутри рабочего движения. Но он, капитализм, и создаваемая им буржуазная обстановка (исчезающая даже после свержения буржуазии очень медленно, ибо крестьянство постоянно возрождает буржуазию) решительно во всех областях быта и жизни порождают такой же по существу, ничтожными вариантами отличный по форме буржуазный карьеризм, национальный шовинизм, мещанское опошление и т. д.

Вы кажетесь себе самым «ужасно революционными», милые бойкотисты и анти-парламентаристы, но на самом деле *вы испугались* сравнительно небольших трудностей борьбы против буржуазных влияний изнутри рабочего движения, тогда как ваша победа, т.-е. свержение буржуазии и завоевание политической власти пролетариатом, создаст *эти самые* трудности в еще большем, в неизмеримо большем размере. Вы по детски испугались маленькой трудности, которая предстоит вам сегодня, не понимая, что завтра и послезавтра вам придется все же научиться, доучиться преодолевать те же самые трудности в размерах, неизмеримо более значительных.

При Советской власти в вашу и в нашу, пролетарскую, партию ползет еще больше буржуазно-интеллигентских выходцев. Они пролезут и в советы, и в суды, и в администрацию, ибо нельзя, не из чего, строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделывать, переварить, перевоспитать ее—как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелко-буржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелко-буржуазными влияниями. При Советской власти те самые задачи, которые теперь так горделиво, так высокомерно, так легкомысленно, так ребячески отбрасывает от себя анти-парламентарий одним движением руки,—*те самые* задачи возрождаются *внутри* советов, *внутри* советской администрации, *внутри* советских «правозаступников» (мы разрушили в России, и правильно сделали, что разрушили, буржуазную адвокатуру, но она возрождается у нас под прикрытием «советских» «правозаступников»¹⁵⁰). *Внутри* советских инженеров, *внутри* советских учителей, *внутри* привилегированных, т.-е. наиболее квалифицированных и наилучше поставленных, *рабочих* на советских фабриках мы видим постоянное возрождение решительно *всех* тех отрицательных черт, которые свойственны буржуазному парламентаризму, и только повторной, неустанной, длительной, упорной борьбой пролетарской организованности и дисциплины мы побеждаем—постепенно—это зло.

Конечно, при господстве буржуазии очень «трудно» победить буржуазные привычки в собственной, т.-е. рабочей, партии: «трудно» выгнать из партии привычных, безнадежно испорченных буржуазными предрассудками вождей-парламентариев, «трудно» подчинить абсолютно необходимому (в известном, хотя бы очень ограниченном количестве) числу выходцев из буржуазии пролетарской дисциплине, «трудно» создать вполне достойную рабочего класса коммунистическую фракцию в буржуазном парламенте, «трудно» добиться, чтобы коммунистические парламентарии не играли в буржуазно-парламентские бирюльки, а занимались насущнейшей работой пропаганды, агитации, организации в массах. Все это «трудно», слов нет, трудно было в России, еще несравненно труднее в Западной Европе и Америке, где гораздо

сильнее буржуазии, сильнее буржуазно-демократическая традиция и прочее.

Но все эти «трудности»—прямо-таки детские трудности по сравнению с задачами совершенно *такого же рода*, которые все равно пролетариату неизбежно придется решать и для своей победы и во время пролетарской революции и после взятия власти пролетариатом. По сравнению с *этими*, поистине гигантскими, задачами, когда придется при диктатуре пролетариата перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции,—по сравнению с этими гигантскими задачами является делом ребячески легким создать при господстве буржуазии, в буржуазном парламенте, действительно коммунистическую фракцию настоящей пролетарской партии.

Если товарищи «левые» и анти-парламентарии не научатся преодолевать теперь даже такой маленькой трудности, то можно сказать наверняка, что они либо окажутся не в состоянии осуществить диктатуру пролетариата, не смогут в широком масштабе подчинить себе и переделать буржуазных интеллигентов и буржуазные учреждения, либо должны будут *на спех доучиваться* и такой спешкой принесут громадный вред делу пролетариата, наделают ошибок больше обычного, проявят слабости и неумение больше среднего и так далее и тому подобное.

Пока буржуазия не свергнута и затем пока не исчезло совершенно мелкое хозяйство и мелкое товарное производство, до тех пор буржуазная обстановка, собственнические привычки, мещанские традиции будут портить пролетарскую работу как извне, так и изнутри рабочего движения не в одной только сфере деятельности, парламентской, а неизбежно во всех и всяческих областях общественной деятельности, на всех, без исключения, культурных и политических поприщах. И глубочайшей ошибкой, за которую неминуемо придется потом расплачиваться, является попытка отмахнуться, отгородиться от *одной* из «неприятных» задач или трудностей в одной области работы. Надо учиться и научиться овладевать всеми без изъятия областями работы и деятельности, побеждать все трудности и все буржуазные навыки, традиции, привычки везде и повсюду. Иная постановка вопроса просто не серьезна, просто ребячество.

Написано 12 мая 1920 года.

Отрывок из речи на съезде стекольщиков.

(28 апреля 1920 г.)

Вчерашний день принес нам две новости: первая из них весьма печальная—это весть об обращении главы польского правительства Пилсудского. Текста этого обращения я еще не видал, о нем мне передавали по телефону, но несомненно одно, оно равносильно объявлению Польшей войны Украине. Очевидно влияние империалистов Франции взяло верх в правительственных сферах Польши. Свою последнюю политику лавирования вокруг переговоров с нами о мире польское правительство решило бросить и открыть военные действия на более широком фронте. Польша взяла уже Житомир и идет на Киев. Это требует от нас самой решительной и незамедлительной защиты интересов пролетариата. Мы не сомневаемся, что мы сумеем защитить эти интересы, мы не сомневаемся, что эта новая попытка со стороны империалистов Антанты задуть Советскую Россию потерпит такой же крах, как деникинская и колчаковская авантюра. Очевидно, что военную поддержку Польша получит целиком от Франции, Англии и всей Антанты.

В этом отношении весьма характерно, что в последней стадии переговоров с нами о Крыме английское правительство значительно изменило свое первоначальное благожелательное отношение ¹⁵¹⁾. В ответ на предложение Англии проявить гуманность к прижатым к морю бойцам Деникина мы ответили, что готовы даровать жизнь крымским белогвардейцам, если, со своей стороны, Антанта проявит гуманность по отношению к побежденным венгерским коммунистам, пропустив их в Советскую Россию. Нам не нужна кровь этих крымских белогвардейцев, у нас нет чувства мстительности. Но ответа на нашу ноту мы не получили со стороны английского правительства, которое, видимо, в связи с выступлением Польши, с этим ответом не торопится. Но мы уверены, что у английских рабочих, даже наиболее оппортунистически настроенных, не найдется сторонников интервенции.

Мы имеем сведения, что даже в Польше польская социалистическая партия¹⁷¹), которая преследовала в Польше коммунистов, в своем печатном органе заявляет, что нельзя срывать мирные переговоры с Советской Россией предъявлением ультимативного требования со стороны Польши вести эти переговоры в Борисове. Эта газета считает такой образ действий со стороны польского правительства преступлением. Поляки предложили нам вести мирные переговоры в Борисове, не прекращая военных действий, тогда как ведение переговоров именно в этом пункте лишило бы нас возможности продолжать во время переговоров военные действия, предоставляя в то же время Польше полную свободу в этом отношении. Конечно, вести мирные переговоры в таких условиях мы не могли и предложили перенести место этих переговоров по взаимному соглашению с Польшей в Париж, Ревель. Варшаву, Москву или в какой-нибудь другой город. Ответом на это предложение явилось широкое наступление польских войск по всему фронту. У нас нет сомнения, что польское правительство начало эту наступательную войну против воли своих рабочих. Вот почему мы к этой новой аванюре относимся вполне спокойно; мы знаем, что выйдем из нее победителями, но вы знаете, товарищи, что всякая война сопряжена с громадными трудностями, для преодоления которых мы не раз обращались к рабочим массам за поддержкой. Война с Польшей нам навязана; ни малейших замыслов против независимости Польши мы не имеем, как не имеем их против независимости Литвы и Белоруссии, но, несмотря на всю нашу уступчивость, нам все-таки навязывают войну, а раз так, мы все должны подняться как один, чтобы защитить и себя, и Украину от натиска польских империалистов. Для этого нам нужно снова произвести некоторый перелом. Как бы то ни было, нам желательно возможно скорее приступить и как можно шире развернуть мирное строительство, но раз нам война навязана, мы должны все подчинить интересам этой войны для достижения наиболее успешных для нас и быстрых результатов. Мы должны разъяснить всем рабочим и крестьянам, почему подстрекаемая Антантой Польша начала с нами войну. Мы должны разъяснить, что это сделано для того, чтобы увеличить барьер, углубить ту пропасть, которая отделяет пролетариат Германии от нас.

С другой стороны, вчера же нами была получена весть из Баку, которая указывает, что положение Советской России направляется к лучшему: мы знаем, что наша промышленность стоит

без топлива, и вот мы получили весть, что бакинский пролетариат взял власть в свои руки и сверг азербейджанское правительство¹⁵²). Это означает, что мы имеем теперь такую экономическую базу, которая может оживить всю нашу промышленность. В Баку имеется миллион пудов нефти, для которой до последнего времени не было сбыта, вследствие чего даже нефтепромышленник Нобель¹⁵³) пытался начать с нами переговоры о доставке этой нефти в Советскую Россию. Таким образом, наш транспорт и промышленность от бакинских нефтяных промыслов получают весьма существенную помощь.

Сегодня Народный Комиссар по продовольствию тов. Цюрупа⁸²) сообщил мне, что в Кубанской области и на Кавказе имеется громадное количество запасов хлеба, которые мы можем рассчитывать сюда получить. Значит, у нас будет топливо для промышленности и хлеб для людей. Напрягая все усилия на восстановление транспорта, мы добьемся хлеба и нефти, которые послужат правильной экономической основой для взаимоотношений рабочих и крестьян. Мы говорим, что крестьянин должен давать рабочим свои излишки хлеба, потому что продавать эти излишки в условиях настоящего времени было бы преступлением, и потому, как только мы установим нашу промышленность, мы употребим все усилия, чтобы удовлетворить крестьян и готовых фабрикалах города.

Очертив перед вами общее этими несколькими словами, насколько позволяет мне сейчас время, положение республики в настоящий момент, я позволю себе закончить их выражением уверенности, что четыре миллиона рабочих, организованных в профессиональные союзы, посредством которых мы вели советскую политику, опираясь на широкие слои крестьян, не замыкаясь в узкие рамки своей профессиональной жизни как и прежде, так и в настоящий момент, в новой стадии наших отношений к Польше, когда для нас уже открыты и кубанский хлеб и бакинская нефть, окажут всемерную поддержку дальнейшему успеху и развитию общепролетарского дела. Мы знаем, что только сознательность рабочих, их объединенность, полная сплоченность профсоюзов является такой силой, которая давала блестящие победы Красной армии, армии, которая была лучшим проводником сознательности в ряды крестьян, научив их выкидывать из своих рядов шкурников, чтобы удержать власть в своих руках. Нам нужны и сейчас эта сознательность, объединенность и полная сплоченность профсоюзов в войне с Польшей и в деле восста-

новления промышленности. Сейчас требуется продолжение и усиление той дисциплины, которая нам нужна во всех производствах. Сознательные рабочие знают, что если бы вы, рабочие, не проявили этой дисциплины до сих пор, то нас могла бы ожидать участь Венгрии¹⁶⁾. Пусть товарищи это помнят и добьются у себя на местах полного подчинения всех одной основной задаче: надо изжить, надо как можно скорее кончить с этим проклятым лозунгом: «каждый—за себя, один бог—за всех!». Надо пролетарскую трудовую дисциплину довести до самой высокой степени напряжения, и тогда мы будем непобедимы. Мы докажем, что Советскую Республику нельзя скинуть и что мы сумеем привлечь к себе в помощь все остальные республики мира.

*«Правда» № 92.
30 апреля 1920 г.*

О войне с Польшей.

(Речь в Московском Совете 5 мая 1920 г.)

Товарищи, мне бы хотелось обратить ваше внимание на одну сторону, отличающую настоящую войну от предыдущих. Конечно, никто из вас не сомневается, и нельзя сомневаться в том, что эта война представляет собой одно из звеньев длинной цепи организованного сопротивления международной буржуазии.

Она является новой попыткой международной буржуазии задушить Советскую Россию, свергнуть Советскую власть, во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами. Конечно, в этом отношении связь между этим нападением и прежними попытками международной буржуазии безусловно имеется. В то же время мы видим в нем и громадную разницу по сравнению с прежними попытками буржуазии задушить Советскую власть. Вы знаете, какой громадный труд проделан русским пролетариатом для достижения того, что Советская власть существует до сих пор. Вы помните, как самые ответственные и могущественные европейские министры заявили, и даже очень недавно, о том, что они готовят против России союз 14 держав¹⁵⁴⁾. Вы знаете, как их союз, поддерживаемый Францией, Англией и всесильными капиталистами, успел сплотить Юденича⁹⁾, Колчака⁶⁾ и Деникина⁵⁾, как они строили грандиозный, в военном отношении довольно сильный, целостный, стройный, всеохватывающий план, и этот план был действительно разрушительный, и в то же время мы видели, что все их единство было только кажущимся, что все силы

мировой буржуазии не выдерживали одного испытания,—испытания, в силу которого речь идет о том, чтобы, действительно, жертвовать собою ради достижения тех или иных реальных результатов. Трудящиеся массы тех стран, в конце концов, не признавали справедливой империалистическую войну, и благодаря этому капиталистические державы, несмотря на свой могущественный союз, не могли осуществить свой разрушительный план, они оказались бессильными, так как ни в одной из держав организованный пролетариат не поддерживал единства их союза. Ни одна из капиталистических держав не могла до конца выдержать свой план удушения Советской России, потому что на русской почве французские и английские солдаты не были способны сражаться против Советской Республики.

Если мы мысленно проследим, в каких отчаянных положениях была наша республика, когда она, действительно, стояла одна против всего мира, против держав, неизмеримо более могущественных, и как мы из всех этих тяжелых испытаний вышли вполне победоносно, то эти воспоминания дают нам ясный отчет в том, что мы имеем сейчас перед собой. Мы имеем план не новый, ничего похожего не имеющий с тем действительно всеобъемлющим единым планом, который мы имели полгода тому назад. Мы имеем обломки старого плана, и это даст нам гарантию безнадежности осуществления этого плана, с точки зрения международного соотношения сил. В настоящий момент некоторые державы в союзе с маленьким из пограничных с нами государств пытаются сделать то, что не удалось сделать всем империалистическим державам в союзе со всеми пограничными государствами. Хотя мы видим здесь обломки империалистического плана, тем не менее и в них буржуазия особенно проявляет свою цепкость. Она знает, что в столкновении с нами она борется за власть у себя дома, она знает, что имеет перед собой не русский вопрос и не польский, а вопрос своего собственного существования. Поэтому надо ожидать, что из всякого обломка этого плана они будут стараться воссоздать провалившийся план. Для нас всех ясно разногласие их интересов. Они не могут сделать ни одного серьезного шага, чтобы не разойтись в своих мнениях. Так, французам нужно возрождение шляхетской Польши, и они готовы для этого на все жертвы, а Англия, исходя из своего экономического положения, нуждается именно в раздроблении России и слабости Польши ради интересов своей торговли и колониальной политики.

Как ни уверяли представители в Соп-Ремо об единомыслии союзников,—мы-то знаем, что между ними никакого согласия нет, мы знаем, что новый их план состоит из обломков того старого, который некогда объединял всю буржуазию и с чисто военной точки зрения безусловно обеспечивал успех. Теперь даже и с этой точки зрения план безнадежен. Польская буржуазия за последние дни и недели с каждым шагом разоблачает себя перед своими трудящимися массами, то же самое делают и ее более могущественные союзники. Они не могут ни одного шага сделать в своей политике последовательно, то объявляя войну Советской России, то снимая с нее блокаду, торжественно заявляя об этом от своего, якобы, существующего союза, от Лиги Наций. В буржуазной политике Польши не осталось ни одного обмана, который они не разоблачили бы сами, между тем у нас как в опыте февральской и октябрьской революций, так и дальше в опыте приготовления и развития международной политики не имеется ни малейшего материала, подобного тому, которым пользуются те господствующие классы, которые, претендуя на выражение якобы народной воли, на деле проявляют собственную политику и в каждый серьезный, трудный момент национальной жизни показывают физиономии дерущихся между собою буржуазных групп конкурирующих между собою капиталов. Ни в одной стране, ни в одном государстве рабочий класс, как бы он ни был революционен, не мог бы быть подвержен в такой сильной степени коммунистической пропаганде и агитации, если бы эту агитацию не подтверждали своими практическими положениями господствующие классы—мелко-буржуазные и демократические партии страны. И то, что происходит теперь во всех капиталистических странах, чем далее, тем сильнее, особенно в такой стране, как Польша, дает нам уверенность в том, что если мы вынесли несомненно более тяжелое время, чем теперь, то мы правильно учитываем несогласия между партиями империалистов и буржуазии и улучшение нашего международного положения, по сравнению с прошлым,—мы победим. Если мы возьмем всю систему современных империалистических государств, все их стремления (а мы знаем, что их стремления неискренни и сводятся только к тому, чтобы использовать каждый момент для нападения на Советскую Россию), если мы возьмем и оценим их с точки зрения последних лет, особенно последнего полугодия, то мы увидим, что наш международный враг становится все слабее, что попытки объединения между ними все более и более безнадежны.

Товарищи, когда мы сейчас стоим перед новой падающей войной, мы должны все наше внимание направить в эту определенную сторону. Мы прекрасно знаем, что тот неприятель, который стоит перед нами сейчас, не страшен нам после того, что было уже пережито, но мы прекрасно знаем, что как только этот неприятель будет иметь хоть немного успеха, он будет способен причинить нам много серьезных бедствий, потому что буржуазные государства, которые сейчас оставляют его в стороне, не преминут примкнуть к нему, не преминут затормозить нашу работу и наше строительство.

Нужно сказать, что то наше правило, которого мы держались во все предыдущие войны, должно быть целиком применено и к этой войне, так как оно является существенным средством, которое всегда обеспечивает за нами огромный успех. Это правило сводится к тому, что, раз дело дошло до войны, все интересы страны и ее внутренняя жизнь должны быть подчинены войне.

Никакие колебания в этом отношении недопустимы, хотя бы для этого громадному большинству наших товарищей пришлось оторваться от своей работы. Пусть ни одно собрание, ни одно заседание не пройдет без того, чтобы мы не поставили перед собой вопроса, что мы сделали для войны? Мы должны сделать так, чтобы здесь в тылу, действительно, остались только те, которые совершенно неспособны быть там, на фронте. Если мы поступим так, объявив, что все должно быть направлено для обеспечения нашего успеха в этой войне, несомненно, мы победим и на этот раз.

*«Правда» № 95.
6 мая 1920 г.*

От первого субботника на Моск.-Казанской жел. дороге ко всероссийскому субботнику-маевке.

Расстояние, указанное в заголовке, пройдено в один год. Расстояние громадное. Как ни слабы еще все наши субботники, как ни велика обнаруживаемая всяким субботником бездна недостатков налаженности, организованности, дисциплинированности, а все же главное сделано. Тяжеловесная машина сдвинута с места, а в этом вся суть и есть. Мы нисколько не обманываем себя на счет того, как мало еще сделано и как бесконечно много предстоит еще сделать; но только злосчастные враги трудящихся, злостные сторонники буржуазии в состоянии пренебрежительно относиться к первомайскому субботнику, только самые презренные и бесповоротно продавшиеся капитализму люди способны осуждать ис-

пользование великого первомайского праздника для массовой попытки введения коммунистического труда.

После свержения царей, помещиков и капиталистов впервые только очищается поле для настоящей стройки коммунизма, для выработки новой общественной связи, новой дисциплины общего труда, нового всемирно-исторического уклада всего народного, а затем и международного хозяйства. Это дело переработки самих нравов, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства, а вместе с ней всей той атмосферой грызни и недоверия,—вражды, раздробленности, взаимоподсигивания, которая неминуемо вырождается и постоянно возрождается вновь мелким обособленным хозяйством, хозяйством собственников при вольном обмене между ними.

Свобода торговли, свобода обмена была сотни лет для миллионов людей величайшим заветом экономической мудрости, была самой прочной привычкой сотен и сотен миллионов людей. Эта свобода так же лжива насквозь, так же служит прикрытием капиталистического обмана, насилия, эксплуатации, как другие свободы, провозглашенные и осуществленные буржуазией, вроде «свободы труда» (читай—свободы умирать с голода) и т. п. Все эти свободы были созданы собственниками. С этой свободой эксплуатации труда капиталом мы разорвали и рвем бесповоротно и боремся беспощадно. Долой старые общественные связи, старые экономические отношения, старую свободу подчиненного капиталу труда, старые законы, старые привычки! Будем строить новое общество. Нас не пугали поражения в ходе великой революционной войны против царизма, против буржуазии, против всемирно-могущественных империалистических держав. Нас не пугают гигантские трудности и неизбежные в начале труднейшего дела ошибки, ибо дело переработки всех трудовых навыков и нравов—дело десятилетий. И мы даем друг другу торжественное и твердое обещание, что мы готовы на всякие жертвы, что мы устоим и выдержим в этой самой трудной борьбе, борьбе с силой привычки, что мы будем работать годы и десятилетия не покладая рук.

Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило «каждый за себя, один бог за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплаченный по известной норме труд. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание привычку, во вседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы постепенно, но неуклонно проводить коммунистическую дисциплину в коммунистический труд. Мы сдвинули с

места глыбу неслыханной тяжести, глыбу косности, невежества, упорства в отстаивании привычки свободной торговли, в свободной купле и продаже рабочей и человеческой силы, как любого другого товара. Мы начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые заскорузлые привычки. Наши субботники за один год сделали громадный шаг вперед. Они еще бесконечно слабы. Нас этим не запугаешь. Мы видели, как бесконечно слабая Советская власть на наших глазах нашими усилиями окрепла и стала превращаться в бесконечно могучую, всемирную силу. Будем годы и десятилетия работать над применением субботников, их развитием, распространением, улучшением, внедрением в нравы. Мы придем к победе коммунистического труда.

«Правда» № 96.

11 мая 1920 г.

Письмо к английским рабочим.

Товарищи, прежде всего позвольте поблагодарить вас за присылку к нам вашей делегации для ознакомления с Советской Россией¹⁵⁵). Когда ваша делегация предложила мне послать через нее письмо английским рабочим, и, может быть, также предложение английскому правительству, я ответил, что с благодарностью принимаю первое предложение, но к правительству я должен обращаться не через рабочую делегацию, а непосредственно от имени нашего правительства, через тов. Чичерина¹⁵⁶). Мы обращались таким образом много, очень много раз к английскому правительству с самым формальным и торжественным предложением начать мирные переговоры. Эти наши предложения непрерывно продолжают делать все наши представители — и тов. Литвинов¹⁵⁷), и тов. Красин¹⁵⁸), и все остальные. Английское правительство упорно не принимает наших предложений. Неудивительно поэтому, что с делегатами английских рабочих я желал говорить исключительно, как с делегатами рабочих и не в качестве представителя правительства Советской России, а в качестве просто коммуниста.

Меня не удивило, что ряд членов вашей делегации стоит не на точке зрения рабочего класса, а на точке зрения буржуазии, класса эксплуататоров, ибо во всех капиталистических странах империалистическая война обнаружила застарелый нарыв, именно: переход большинства парламентских и трэд-юнионистских вождей рабочих на сторону буржуазии. Под лживым предлогом «защиты отечества» защищали на деле грабительские

интересы одной из двух групп всемирных разбойников англо-американо-французской или германской; вступали в союз с буржуазией против революционной борьбы пролетариата; прикрывали эту измену сантиментально-мещанскими, реформистскими и пасифистскими фразами о мирной эволюции, о конституционных методах, о демократии и прочее. Так было во всех странах; неудивительно, что то же самое явление в Англии отразил и состав вашей делегации.

Члены вашей делегации Шоу и Гест спрашивали меня, видимо удивленные и обиженные моим заявлением, что Англия, вопреки нашим мирным предложениям, вопреки заявлениям ее правительства, продолжает интервенцию, ведет войну с нами, помогает Врангелю в Крыму и белогвардейской Польше,—спрашивали меня, есть ли у меня доказательства этого, могу ли я указать, сколько поездов с военным снаряжением доставила Англия в Польшу и т. д. Я ответил, что для получения секретных договоров английского правительства надо революционно свергнуть его и захватить в свои руки все документы его иностранной политики, как это сделали мы в 1917 году. Всякий образованный человек, всякий интересующийся политикой искренно знал и до нашей революции, что у царя были тайные договоры с разбойничьими правительствами Англии, Франции, Америки, Италии, Японии о дележе добычи, о Константинополе, Галиции, Армении, Сирии, Месопотамии и т. п. Только лгуны и лицемеры (не считая, конечно, совсем невежественных, темных неграмотных людей) могли отрицать это и делать вид, что не знают этого. Но без революции мы никогда не могли бы добыть секретные документы разбойничьих правительств капиталистического класса. Те вожди, или представители английского пролетариата,—все равно парламентские, трэд-юнионистские, журналистские или иные, которые делают вид, что не знают о существовании тайных договоров Англии, Франции, Америки, Италии, Японии, Польши о грабеже других стран, о дележе добычи и которые не ведут революционной борьбы за разоблачение таких договоров, показывают только этим лишний раз, что они верные слуги капиталистов. Нам это давно известно; мы это и у себя, и во всех странах мира разоблачаем. Посещение России делегацией английских рабочих ускорит разоблачение таких вождей и в Англии.

Я беседовал с вашей делегацией в среду, 26 мая. А через день пришли телеграммы, что Бонар-Лоу ¹⁵⁹⁾ признал в Английском

парламенте военную помощь Польше в октябре «для защиты от России» (конечно, только для защиты, только в октябре!). В Англии еще есть «влиятельные рабочие вожди», помогающие капиталистам одурачивать рабочих, а газета «Нью-Стейтсмен», умеренная из умереннейших мещанских газет или журналов, писала о доставке Польше танков более могучих, чем употреблявшиеся в войне против немцев,—можно ли после этого не смеяться над теми «вождями» английских рабочих, которые с видом оскорбленной невинности спрашивают, какие есть «доказательства» того, что Англия воюет с Россией и помогает Польше и белогвардейцам в Крыму.

Члены делегации спрашивали меня, что я считаю более важным: образование ли в Англии последовательной революционной коммунистической партии или немедленную помощь рабочих масс в Англии делу мира с Россией. Я отвечал, что это дело убеждения. Искренние сторонники освобождения рабочих от ига капитала никак не могут быть против основания коммунистической партии, которая одна в состоянии воспитывать рабочие массы не по-буржуазному, не по-мещански, одна в состоянии действительно разоблачать, осмеивать, позорить «вождей», способных сомневаться в том, помогает ли Англия Польше и т. д. Нечего бояться, что в Англии будет слишком много коммунистов, ибо там нет даже маленькой коммунистической партии. Но если кто продолжает еще быть в идейном рабстве у буржуазии, продолжает разделять мещанские предрассудки насчет «демократии» (буржуазной демократии), пассивизма и прочее, то, разумеется, такие люди только повредили бы пролетариату еще сильнее, если бы вздумали называть себя коммунистами и присоединяться к III Интернационалу. Такие люди неспособны ни на что, кроме как на сладенькие «резолуции» против интервенции, составленные из одних мещанских фраз. В известном смысле эти резолюции тоже полезны, именно в том смысле, что старые «вожди» (сторонники буржуазной демократии, мирных народов и проч. и прочее) сделают себя смешными в глазах масс, разоблачат себя тем скорее, чем больше они проведут пустых, ни к чему не обязывающих, никакими революционными действиями не сопровождающихся резолюций. Каждому свое: пусть коммунисты работают прямо через свою партию над делом прояснения революционного сознания рабочих. Пусть те, кто поддерживал «защиту отечества» в войне империалистов из-за дележа мира, «защиту» тайного договора английских капиталистов с царем о грабеже

Турция, пусть те, кто «не видит» помощи Польше и белогвардейцам России со стороны Англии,—пусть они скорее доводят до смешного числа количество своих «мирных резолюций»; тем скорее их постигнет судьба Керенского, меньшевиков и эс-эров в России.

Некоторые члены вашей делегации с удивлением спрашивали меня о красном терроре, об отсутствии свободы печати в России, свободы собраний, о преследовании нами меньшевиков и меньшевистских рабочих и т. д. Я отвечал, что настоящие виновники террора—империалисты Англии и их «союзники», которые проводили и проводят белый террор в Финляндии, в Венгрии, в Индии и в Ирландии ¹⁶⁰), поддерживали и поддерживают Юденича, Колчака, Деникина, Пилсудского, Врангеля ¹⁶¹). Наш красный террор есть защита рабочего класса от эксплуататоров, есть подавление сопротивления эксплуататоров. Свобода печати и собраний в буржуазной демократии есть свобода заговора против трудящихся, свобода подкупа газет и скупки их капиталистами. Я уже столько раз объяснял это в печати, что повторяться мне было не очень весело.

А через два дня после моей беседы с вашей делегацией газеты принесли известие, что в дополнение к аресту Монатта ¹⁶²) и Лорьо ¹¹) во Франции, арестована Сильвия Панкхерст ¹⁵⁷) в Англии. Вот лучший ответ английского правительства на тот вопрос, который боятся даже поставить плененные буржуазными предрассудками некоммунистические «вожди» английских рабочих, именно на вопрос: против какого класса направляется террор—против эксплуатируемого или против угнетателей и эксплуататоров, идет ли речь о «свободе» для капиталистов грабить, обманывать, одурачивать трудящихся или о «свободе» трудящихся от ига капиталистов, спекулянтов, собственников?

Товарищ Сильвия Панкхерст—представитель интересов сотен и сотен миллионов людей, которые угнетены английскими и прочими капиталистами, за это она и подвергается белому террору, лишению свободы и прочее. Те же «вожди» рабочих, которые ведут политику не коммунистическую, на ^{99/100} являются представителями буржуазии, ее обмана, ее предрассудков.

В заключение еще раз благодарю вас, товарищи, за присылку к нам вашей делегации. Знакомство ее с Советской Россией, несмотря на всю враждебность многих к Советской системе и

диктатуре пролетариата, несмотря на громадную плененность их буржуазными предрассудками, неизбежно ускорит крах капитализма во всем мире.

Написано 30 мая 1920 г.

Напечатано в «Правде» № 130, 17 июня 1920 г.

Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросу.

Предлагая на обсуждение товарищей нижеследующий проект тезисов по колониальному и национальному вопросам для II съезда Коминтерна, ¹⁶³⁾ я просил бы всех товарищей, в частности же товарищей, осведомленных конкретно по тому или иному из этих сложнейших вопросов, дать свой отзыв, или исправление, или дополнение, или конкретное пояснение *в самой краткой (не более 2—3 страничек) форме*, в особенности по следующим пунктам: австрийский опыт; польско-еврейский и украинский опыт; Эльзас-Лотарингия и Бельгия; Ирландия; датско-германские отношения; итало-французские и итало-славянские; балканский опыт; восточные народы; борьба с пан-исламизмом; отношения на Кавказе; Башкирская и Татарская республики; Киргизстан; Туркестан, его опыт; негры в Америке; колонии; Китай—Корея—Япония.

1. Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов.

2. Сообразно основной своей задаче борьбы против буржуазной демократии и разоблачения лжи и лицемерия ее, коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы проле-

тариата за свержение ига буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран.

3. Империалистская война 1914—1918 годов с особенной ясностью вскрыла перед всеми нациями и перед угнетенными классами всего мира лживость буржуазно-демократических фраз, показав на деле, что Версальский договор пресловутых «западных демократий» есть еще более зверское и подлое насилие над слабыми нациями, чем Брест-Литовский договор германских юнкеров и кайзера. Лига наций и вся послевоенная политика Антанты еще более ясно и резко вскрывает эту правду, усиливая повсюду революционную борьбу как пролетариата передовых стран, так и всех трудящихся масс колониальных и зависимых стран, ускоряя крах помещански-национальных иллюзий насчет возможности мирного сожительства и равенства наций при капитализме.

4. Из вышеизложенных основных положений вытекает, что во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия.

5. Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской Республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на

горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом.

6. Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения рабочих и крестьян в отсталых странах или среди отсталых национальностей.

7. Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях Р. С. Ф. С. Р. к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской— в прошлом; азербейджанской, украинской—в настоящем), так и внутри Р. С. Ф. С. Р. по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (например, башкирская и татарская автономные республики в Р. С. Ф. С. Р., созданные в 1919 и 1920 годах).

8. Задача Коминтерна состоит в этом отношении как в дальнейшем развитии, так и в изучении и проверке опытом этих новых, на базе советского строя и советского движения возникающих, федераций. Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме.

9. В области внутри-государственных отношений национальная политика Коминтерна не может ограничиться тем голым, формальным, чисто декларативным и практически ни к чему не обязывающим признанием равноправия наций, которым ограничи-

ваются буржуазные демократы—все равно, признающие ли себя откровенно таковыми, или прикрывающиеся названием социалистов, каковы социалисты II Интернационала.

Не только во всей пропаганде и агитации коммунистических партий—и с парламентской трибуны и вне ее—должны быть неуклонно разоблачаемы постоянные нарушения равноправия наций и гарантии прав национальных меньшинств во всех капиталистических государствах, вопреки их «демократическим» конституциям, но необходимо также, во-первых, постоянное разъяснение, что только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций, объединяя сначала пролетариев, затем всю массу трудящихся в борьбе с буржуазией; во-вторых, необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (напр., в Ирландии ¹⁶⁰), среди негров Америки и т. п.) и в колониях.

Без этого последнего, особенно важного, условия борьбы против угнетения зависимых наций и колоний, а равно признание их права на государственное отделение остаются лживой вывеской, как это мы видим у партий II Интернационала.

10. Признание интернационализма на словах и подмена его на деле, во всей пропаганде, агитации и практической работе, мещанским национализмом и пацифизмом составляет самое обычное явление не только среди партий II Интернационала, но и тех, кои вышли из этого Интернационала, и даже нередко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелко-буржуазными—национальными—предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т.-е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т.-е. диктатуру пролетариата, по крайней мере, нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику). Мелко-буржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала.

Таким образом в государствах, уже вполне капиталистических, имеющих рабочие партии, действительно являющиеся авангардом пролетариата, борьба с оппортунистическими и мелкобуржуазно-пацифистскими извращениями понятия и политики интернационализма является первой и важнейшей задачей.

11. По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду:

во-первых, необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в этих странах; в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношении;

во-вторых, необходимость борьбы с духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами, имеющими влияние в отсталых—странах;

в-третьих, необходимость борьбы с пан-исламом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиций ханов, помещиков, мулл и т. п.;

в-четвертых, необходимость поддерживать специально-крестьянское движение в отсталых странах против помещиков, против крупного землевладения, против всяких проявлений или остатков феодализма и стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, осуществляя возможно более тесный союз западно-европейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на востоке, в колониях и отсталых странах вообще;

в-пятых, необходимость решительной борьбы с перекрашиванием буржуазно-демократических освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма; Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации; Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранять само-

стоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме;

в-шестых, необходимость неуклонного разъяснения и разоблачения между самыми широкими трудящимися массами всех, особенно же отсталых, стран того обмана, который систематически проводят империалистские державы под видом создания политически-независимых государств, создающие вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношениях государства; в современной международной обстановке кроме союза со Ветских республик нет спасения зависимым и слабым нациям.

12. Всякое угнетение колониальных и слабых народностей империалистскими державами оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих наций. Подлое предательство социализма большинством официальных вождей этого пролетариата в 1914—1918 годах, когда «защитой отечества» социал-шовинистски прикрывалась защита «прав» «своей» буржуазии на угнетение колоний и ограбление финансово-зависимых стран, не могло не усилить этого, вполне законного, недоверия. С другой стороны, чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелко-буржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности. Так как эти предрассудки могут исчезнуть лишь после исчезновения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков. Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено.

Написано 5 июня 1920 г.

Напечатано в журн. «Коммунист. Интернац.»

№ 11, 14 июня 1920 г.

О журнале „Коммунизм“.

Орган Коммунистического Интернационала для стран юго-восточной Европы
(на немецком языке). Вена, тетради 1—2; 1920 г.

Прекрасный журнал, издаваемый в Вене, под указанным заглавием, дает очень много интересного материала о росте коммунистического движения в Австрии, Польше и других странах, наряду с хроникой интернационального движения и статьями о Венгрии, Германии, об общих задачах и тактике и т. д. Один недостаток, который сразу бросается в глаза при беглом уже просмотре, нельзя пройти мимо. Это—несомненные признаки той «детской болезни левизны в коммунизме», которою журнал страдает и которой я посвятил только что вышедшую в Петрограде небольшую брошюрку.

Три признака этой болезни в прекрасном журнале «Коммунизм» хотелось бы мне отметить вкратце тотчас же. В № 6 (1. III. 1920) помещена статья тов. Г. Л.: «К вопросу о парламентаризме», которую редакция называет дискуссионной и от которой прямо отрекается (к счастью!), т.-е. заявляет свое несогласие с ней, тов. Б. К., автор статьи: «К вопросу о проведении парламентского бойкота» (№ 18, от 8. V. 1920)

Статья Г. Л. очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный: различие «оборонительной» и «наступательной» тактики выдуманное; конкретного анализа точно определенных и исторических ситуаций нет, самое существенное (необходимость завоевать и научиться завоевывать все области работы и учреждения, где проявляет свое влияние на массы буржуазия и т. д.) не принято во внимание.

В № 14 (17. IV. 1920) т. Б. К. в статье «События в Германии» критикует то заявление Ц. К. партии Германии, от 21. III. 1920, которое я тоже критикую в названной выше брошюре. Но характер нашей критики в корне различный. Тов. Б. К. критикует на основании цитат из Маркса, относящихся к непохожей на данную ситуацию, отрицает полностью тактику Цка К. П. Германии и совершенно обходит самое главное. Обходит то, в чем самая суть, в чем живая душа марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации. Если большинство городских рабочих отошло от шейдемановцев к каутскианцам и внутри каутскианской («независимой» от правильной революционной тактики) партии продолжает отходить от ее правого крыла к левому, т.-е. фактически

к коммунизму, если дело обстоит так, позволительно ли отмахиваться от задачи учета переходных, компромиссных мер по отношению к *таким рабочим*? Позволительно ли не учитывать, замалчивать опыт большевиков, которые в апреле и мае 1917 года проводили по сути дела именно политику компромисса, когда они заявляли: «просто свергнуть Временное Правительство (Львова¹⁶⁴), Милюкова¹⁶⁵), Керенского и пр.) нельзя, ибо за них еще стоят рабочие в Советах, надо сначала добиться изменения взглядов большинства или значительной части этих рабочих»?

Мне думается, не позволительно.

Наконец, названная выше статья т. Б. К. в № 18 «Коммунизма» особенно ярко, наглядно, удачно вскрывает его ошибку, состоящую в сочувствии тактике бойкота парламентов в современной Европе, ибо автор, отгораживаясь от «синдикалистского бойкота», от «пассивного» бойкота и выдумывая особый «активный» (ух, как «лево»!) бойкот, показывает этим удивительно отчетливо всю глубину ошибок своего рассуждения.

«Активный бойкот означает,—пишет автор,—что коммунистическая партия не удовлетворяется распространением лозунга против участия в выборах, а разворачивает в интересах проведения бойкота столь же широкую революционную агитацию, как если бы она участвовала в выборах и как если бы ее агитация и акция (работа, деятельность, действие, борьба) были рассчитаны на приобретение наивозможно большего числа пролетарских голосов» (стр. 552).

Это—перл! Это убьет антипарламентариев лучше всякой критики. Выдумать «активный» бойкот, «как если бы» мы участвовали в выборах! Масса темных и полутемных рабочих и крестьян участвует в выборах всерьез, ибо они еще верят в буржуазно-демократические предрассудки, они еще в плену у этих предрассудков, а мы, вместо того, чтобы помочь темным (хотя иногда и «высококультурным») мешанам изжить свои предрассудки на собственном опыте, будем чураться участия в парламенте, будем забавляться выдумкой тактики, в которой нет житейской, буржуазной скверны!

Браво, браво, товарищ Б. К.! Своей защитой антипарламентаризма вы поможете убить эту глупость скорее, чем я своей критикой.

Написано 12 июня 1920 г.

Напечатано в «Коммунистическом Интернационале» № 11,

14 июня 1920 г.

Речь на совещании по работе в деревне¹⁶⁹.

Товарищи, я очень рад, что могу приветствовать вас, собравшихся на совещании по вопросам о работе в деревне. Вы мне позволите сначала вкратце остановиться на международном положении Советской Республики и наших задачах в связи с этим, а затем сказать несколько слов относительно того, какие задачи в деревне выдвигаются сейчас, на мой взгляд, в особенности на первое место перед партийными работниками.

Что касается международного положения республики, то вы, конечно, очень осведомлены относительно основных фактов, касающихся польского наступления. За границей распространяется неслыханное количество лжи по этому вопросу, благодаря, так называемой «свободе печати», которая состоит в том, что все главные органы заграничной печати скуплены капиталистами и заполнены на 99 процентов статьями продажных писак. Это у них называется свободой печати и благодаря этому нет той лжи, которая не была бы распространена. В частности относительно польского наступления дело изображается так, что большевики предъявили Польше неисполнимые требования и начали наступление, тогда как вы все прекрасно знаете, что мы вполне соглашались даже на те необъятные границы, которые до начала наступления были поляками заняты. Мы ставили сохранение жизни наших красноармейцев выше войны из-за Белоруссии и Литвы, которые поляками были захвачены. Мы самым торжественным образом не только от имени Совнаркома, но и в специальном манифесте от В. Ц. И. К. заявили польскому правительству, буржуазному помещичьему правительству, независимо от нашего обращения к польским рабочим и крестьянам, что предлагаем мирные переговоры на основе того фронта, который тогда был, т.-е. того фронта, который Литву и Белоруссию, не польские земли, оставлял полякам: мы были уверены и продолжаем сейчас быть уверены, что польским помещикам и капиталистам чужих земель не удержать и что путем даже самого невыгодного для нас мира мы выиграем больше—сбержем жизнь наших красноармейцев, ибо мы от каждого месяца мира усиливаемся в десятки раз, и всякое иное правительство, в том числе буржуазное правительство Польши, от каждого месяца мира разлагается все больше и больше. Несмотря на то, что наши предложения в области мира шли чрезвычайно далеко, несмотря на то, что некоторые из очень горячих и по части языка в высокой мере революционных ре-

волюционеров называли даже наши предложения толстовскими, хотя на самом деле большевики, кажется, своей деятельностью достаточно доказали, что толстовщины в нас никто не найдет ни одного грана, мы считали своим долгом перед таким делом, как война, доказать, что мы идем на максимальные возможности и уступки.

Мы шли на такие уступки, на которые ни одно правительство идти не может; мы давали Польше такую территорию, которую полезно сравнить с опубликованным, кажется, вчера документом, исходящим от верховного органа союзников, англичан, французов и других империалистов, и в этом документе полякам указываются восточные границы.

Эти господа капиталисты в Англии и Франции воображают, что они решают границы; но, слава богу, есть кое-кто, кто решает помимо них эти границы: рабочие и крестьяне научились сами определять эти границы.

Эти господа определяют польские границы, определяют так, что они идут несравненно дальше на Запад, чем то, что предлагали мы. Этот акт, исходящий от союзников в Париже, наглядно показывает сделку, которая произошла между ними и Врангелем ¹⁶¹⁾. Они уверяют, что идут на мир с Советской Россией, уверяют, что не поддерживают ни Польшу, ни Врангеля, а мы говорим, что это наглая ложь, которой они прикрываются, говоря, что сейчас не дают оружия, а оно дается так, как давалось несколько месяцев тому назад. Сегодняшнее сообщение гласит, что взято большое богатство—взят вагон с новенькими английскими пулеметами; товарищ Троцкий сообщил, что на-днях взяты совсем новенькие французские патроны. Какие подтверждения нужны еще нам для доказательства того, что Польша работает при помощи английского и французского снаряжения, при помощи английских и французских патронов, что она работает на английские и французские деньги? Если они теперь заявляют, что границы Польши на востоке Польша будет решать сама, это прямая сделка с Врангелем,—это всякий понимает. Ясно для всякого из всей обстановки, что польские помещики, польская буржуазия целиком воюет при помощи англичан и французов, но они нагло врут, точно так же, как они лгали, когда уверяли, что никакого Буллита ¹⁶²⁾ не присылали, пока, наконец, он не приехал в Америку, не выступил и не опубликовал тех документов, которые собрал здесь.

Но эти господа, господа купцы-капиталисты из своей шкуры вылезти не могут. Это дело понятное. Иначе, как по-купечески, они рассуждать не могут, и когда наша дипломатия высту-

нает с приемами некупеческими, когда мы говорим, что для нас жизнь наших красноармейцев дороже громадного изменения в границах, они, рассуждая чисто по-купечески, конечно, этого не понимают. Когда мы Буллиту предлагали год тому назад договор, необыкновенно выгодный для них и необыкновенно невыгодный для нас, договор, по которому громадная территория оставалась за Деникиным и Колчаком, мы предлагали с уверенностью, что если бы мир был подписан, то этому правительству никогда не удержаться. Они с точки зрения купеческой не могли этого понять иначе, как признание слабости. Если большевики соглашались на такой мир, значит они накануне издыхания, и вся буржуазная пресса полна восторга, все дипломаты потирают руки, и миллионы фунтов стерлингов даются взаймы Колчаку, Деникину. Правда, золотом они не давали, давали оружием по ростовщическим ценам, с полной уверенностью, что большевики справиться абсолютно не могут. Кончилось тем, что Колчак, Деникин были разбиты на-голову, и ихние сотни миллионов стерлингов полетели в трубу. К нам теперь один за другим подходят поезда с великолепным английским снаряжением, часто встречаются русские красноармейцы целыми дивизиями, одетые в великолепную английскую одежду, а на-днях мне рассказывал один товарищ с Кавказа, что целая дивизия красноармейцев одета в итальянское берсалье. Я очень жалею, что не имею возможности показать вам на фотографическом снимке этих русских красноармейцев, одетых в берсалье. Я должен только все-таки сказать, что английское снаряжение кое на что годно и что русские красноармейцы благодарны английским купцам, которые их одели и которые по-купечески подходили к делу, но которых били, бьют и которые будут биты еще много раз.

Это образец того, как, если бог захочет наказать кого (конечно, если он существует), то лишает тех разума. Нет сомнения, что во главе Антанты стоят люди чрезвычайно умные, превосходные политики, и эти люди делают глупость за глупостью. Они поднимают страну за страной, давая нам возможность бить их поодиночке. Ведь, если бы им удалось объединиться, а у них Лига Наций, у них нет ни одного клочка земли, где бы не простирались их военная власть! Казалось, кому легче объединить все враждебные силы и направить их против Советской власти! Но они не могут их объединить. Они идут в бой по частям. Они только грозят, хвастают, обманывают. Полгода тому назад они объявили, что они подняли 14 государств против Советской вла-

сти, что через столько-то месяцев они будут в Москве и Петрограде. А сегодня из Финляндии я получил брошюру-рассказ, воспоминания одного белого офицера о наступлении на Петроград ¹⁶⁸), и еще раньше у меня тоже был получен протест-заявление нескольких русских кадетообразных членов северо-западного правительства, в котором говорится о том, как английские генералы приглашали их на заседание, и при помощи переводчика, а иногда на прекрасном русском языке, предлагали тут же, не сходя с места, составить правительство, конечно, русское, безусловно демократическое, в духе учредилки, и как им предлагали подписать то, что им будет предложено. И они, эти русские офицеры, будучи бешеными противниками большевиков, эти кадеты, как они были возмущены этой неслыханной наглостью английских офицеров, которые предписывали им, которые командовали тоном урядника (а командовать умеет только русский!) садиться и подписать то, что им будет дано. Дальше они рассказывают о том, как все это развалилось. Я жалею, что мы не имеем возможности распространить как можно шире эти документы, эти признания белогвардейских офицеров, наступавших на Петроград.

Почему это так происходит? Потому, что у них Лига Наций — союз только на бумаге, а на деле это группа хищных зверей, которые только дерутся и нисколько не доверяют друг другу.

На деле и сейчас они хвастаются, что вместе с Польшей будут наступать Латвия, Румыния и Финляндия, и мы из дипломатических переговоров видим с полной ясностью, что когда Польша начала наступать, то те державы, которые вели с нами мирные переговоры, изменили тон и выступили уже с заявлениями, иногда неслыханно наглыми. Они рассуждают по-купчески, — от купца ничего иного и ждать нельзя. Ему показалось, что сейчас есть шанс с Советской Россией разделаться, и он начинает задирать нос. Пускай себе! Мы это видим на других государствах, более значительных и никакого внимания не обращаем, потому что убедились, что все угрозы Финляндии, Румынии, Латвии и всех других буржуазных государств, целиком зависящих от Антанты, эти угрозы рассыпаются прахом. Польша заключила договор только с Петлюрой ¹⁶⁹), генералом без армии, и этот договор вызвал еще большее ожесточение среди украинского населения, еще больший переход на сторону Советской России целого рода полубуржуазных и совершенно буржуазных элементов, и потому получилось опять то, что вместо общего наступления — у них разрозненные действия одной Польши. Теперь мы видим

уже, что, несмотря на то, что наши войска должны были потратить, разумеется, порядочно времени для передвижений, потому что они стояли дальше от границ, чем поляки, и мы нуждались в большем времени, чтобы подвезти наши войска, они начали наступление, и на-днях оказалось, что нашей конницей взят Житомир. Последняя дорога, соединяющая Киев с польским фронтом, и с юга, и с севера уже перерезана нашими войсками, и Киев, значит, пропал для поляков безнадежно. В то же время мы узнали, что Скульский¹⁷⁰⁾ подал в отставку, правительство Польши уже колеблется и мечется, и уже заявляет, что они предложат нам новые условия мира. Пожалуйста, господа помещики и капиталисты, мы от рассмотрения польских условий мира никогда не откажемся. Но если мы увидим, что у них правительство ведет войну, вопреки своей собственной буржуазии, что польская народо-демократия, соответствующая нашим кадетам и октябристам, самые озлобленные контр-революционные помещики и буржуазия против войны, потому что они знают, что в такой войне победить нельзя, и что войну ведут польские авантюристы, эс-эры, партия польских социалистов¹⁷¹⁾, люди, среди которых мы всего больше наблюдаем то, что наблюдаем у эс-эров, а именно: революционных фраз, хвастовства, патриотизма, шовинизма, буффонады и пустышки самой полнейшей. Этих господ мы знаем. Когда они, завравшись в войне, теперь начинают пересаживаться в своем министерстве и говорят, что они нам предлагают мирные переговоры, мы скажем: «пожалуйста, господа, попробуйте! но мы рассчитываем только на польских рабочих и на польских крестьян; мы тоже будем говорить о мире, но не с вами, польские помещики и польские буржуа, а с польскими рабочими и крестьянами, и увидим, что из этих разговоров получится!».

Товарищи, сейчас, несмотря на те успехи, которые мы одерживаем на польском фронте, положение все же такое, что мы должны напрячь все силы. Самое опасное в войне, которая начинается при таких условиях, как теперь война с Польшей, самое опасное это недооценить противника и успокоиться на том, что мы сильнее. Это самое опасное, что может вызвать поражение на войне, и это самая худшая черта русского характера, которая сказывается в хрупкости и дряблости. Важно не только начать, но нужно выдержать и устоять, а этого наш брат россиянин не умеет. Только длительной выучкой, пролетарской дисциплинированной борьбой против всякого шатания и колебания, только посредством такой выдержки можно дове-

сти российские трудовые массы, чтобы они от этой скверной привычки могли отделаться.

Мы били Колчака, Юденича, Деникина, но добить мы не сумели: остался Врангель в Крыму. Мы говорили себе: «ну, теперь мы уж сильнее!»—и поэтому целый ряд проявлений расхлябанности, неряшливости, а Врангель в это время получает помощь от Англии. Это делается через купцов, и доказать этого нельзя. Он на днях высаживает десант и берет Мелитополь. Правда, мы его по последним сведениям отобрали назад, но мы и тут упустили его самым позорным образом именно потому, что мы были сильны. Потому, что Юденич, Колчак и Деникин были разбиты, российский человек начинает проявлять свою природу и идет отдыхать, и дело распускается; он губит потом десятки тысяч своих товарищей из-за этой своей неряшливости. Вот основные черты русского характера: когда ни одно дело до конца не доведено, он все же, не будучи подтягиваем, из всех сил сейчас же распускается. Надо бороться беспощаднейшим образом с этой чертой, ибо она несет гибель десятков тысяч лучших красноармейцев и крестьян и продолжение всех мучений голода. Поэтому по отношению к войне, которая завязалась там, несмотря на то, что мы сильнее поляков, нашим лозунгом должно быть—подтягивание всякой распушенности. Раз война оказалась неизбежной—все для войны и малейшая распушенность и недостаток энергии должны быть караемы по закону военного времени. Война есть война, и никто в тылу или на каких угодно мирных занятиях не смеет уклониться от этой обязанности.

Должен быть лозунг: «все для войны». Без этого мы не справимся с польской шляхтой и буржуазией, так как необходимо, чтобы покончить с войной, проучить раз-на-всегда последнюю из соседних держав, которая смеет еще играть с этим. Мы должны отучить их так, чтобы они детям, внукам и правнукам своим заказали этой штуки не делать. Поэтому, товарищи, первая обязанность у работников в деревне, пропагандистов, агитаторов и чем бы то ни было занятых сейчас в области мирного труда товарищей—это на каждом собрании, митинге и деловом совещании в любых группах, любого партийного учреждения, в любой коллегии прежде всего помнить и, во что бы то ни было, проводить лозунг: «Все для войны».

Пока война не кончена полной победой, мы должны гарантировать себя от таких ошибок и глупостей, которые мы делали пять лет. Я не знаю, сколько русскому человеку нужно сделать,

чтобы отучиться от них. Мы уже раз считали войну оконченой, не добив врага, оставив Врангеля в Крыму. Повторяю, лозунг: «Все для войны» должен быть на каждом совещании, заседании, в каждой коллегии; первым основным пунктом порядка дня должно быть: все ли мы сделали, все ли жертвы мы принесли для того, чтобы войну окончить. Это вопрос спасения жизни десятка тысяч лучших товарищей, которые погибают на фронте в первых рядах. Это вопрос спасения от голода, который надвигается на нас только потому, что мы не доводим войну до конца, а мы можем и должны довести ее до конца и быстро. Для этого нужно во что бы то ни стало, чтобы дисциплина и подчиненность были проведены в жизнь с беспощадной строгостью. Малейшее попустительство, малейшая дряблость, проявленная здесь, в тылу, на любой мирной работе означает гибель тысячей жизней и голод здесь.

Вот почему к таким упущениям надо относиться с беспощадной строгостью. Это первый основной урок, который вытекает из всей гражданской войны Советской России: это первый основной урок, который во что бы то ни стало всякий партийный работник, особенно, если он имеет своей задачей агитационную и пропагандистскую работу, должен помнить: он должен знать, что он будет никуда не годным коммунистом и предателем Советской власти, если он не осуществит этого лозунга с неослабленной твердостью и с беспощадной настойчивостью по отношению к малейшему упущению. При таких условиях мы гарантированы, что победа будет скоро, что мы вполне гарантируем себя от голода.

Мы получаем сообщения от товарищей, которые приезжают из дальних мест, о том, что делается на окраинах. Я видел товарищей, приехавших из Сибири, товарища Луначарского¹⁷²⁾ и Рыкова⁶⁹⁾, приехавших из Украины и Северного Кавказа. Про богатства этого края они говорят с неслыханным удивлением. На Украине кормят пшеницей свиней, на Северном Кавказе, продавая молоко, бабы молоком споласкивают посуду. Из Сибири идут поезда с шерстью, кожей и другими богатствами, в Сибири лежат десятки тысяч пудов соли, а у нас крестьянство изнемогает и отказывается давать хлеб за бумажку, полагая, что бумажкой хозяйство не восстановишь, а здесь, в Москве, вы можете встретить рабочих, которые изнемогают от голода у станка. Главным препятствием к тому, почему мы не можем рабочих накормить сильнее, чтобы восстановить разрушенное здоровье, главным

препятствием является продолжение войны. От того, что мы прозевали с Крымом, десятки тысяч будут недоедать лишних полгода. Дело стоит от недостатка нашей организованности и дисциплины. Гибнут люди здесь тогда, как на Украине, на Северном Кавказе и в Сибири мы имеем неслыханные богатства, которые могут накормить голодных рабочих и восстановить промышленность. Для того, чтобы восстановить хозяйство, нужна дисциплина. Пролетарская диктатура должна состоять больше всего в том, чтобы передовая, самая сознательная и самая дисциплинированная часть рабочих городских и промышленных, которые больше всего голодают, которые взяли на себя за эти два года неслыханные тяжести, чтобы они воспитали, обучили и дисциплинировали весь остальной пролетариат, часто несознательный, и всю трудящуюся массу и крестьянство. Тут все сантиментальности, всякая болтовня о демократии должны быть выкинуты вон. Предоставим эту болтовню г.г. эс-эрам и меньшевикам, они с Колчаком, Деникиным и Юденичем достаточно о демократии разговаривали. Пусть убираются к Врангелю; он их доучит. Но их надо доучить, если кто не доучился. Мы стоим на том, что те рабочие, которые взяли на себя тяготы, которые купили спокойствие и твердость Советской власти самыми неслыханными жертвами, должны смотреть на себя, как на передовой отряд, который поднимет остальную трудовую массу путем просвещения и дисциплинирования, ибо мы знаем, что капитализм оставил трудящегося в наследство нам в состоянии полной забитости, полной темноты, непонимающего, что можно работать не только из-под палки капитала, а под руководством организованного рабочего. Но они не способны сразу поверить. Если мы не покажем на практике, из книжек этому рабочий не научится. Он может научиться, когда мы все это покажем на практике. Он должен будет работать под руководством сознательного рабочего или идти под Колчака, Врангеля и т. д. Поэтому, во что бы то ни стало, строжайшая дисциплина и сознательное исполнение того, что авангардом пролетариата предписано, что он выработал своим тяжелым опытом. При осуществлении всех мер для достижения нашей цели, при осуществлении этих мер полностью мы гарантированы, что из разрухи и расстройтва, вызванных империалистической войной, мы выйдем. Заготовка хлеба с 1 августа 1917 года дала 30 миллионов, с августа 1918 года—110 миллионов. Это показывает, что мы начали вылезать. С 1 августа 1919 года по сие число больше 150 миллионов. Это показывает, что мы вылезаем, но мы

еще не взяли настоящим образом Украины, Северного Кавказа и Сибири; если это будет сделано, мы настоящим образом и добросовестно обеспечим рабочего двумя фунтами хлеба в день.

Я хотел было еще остановиться, товарищи, на вопросе, который имеет значение для вас, работников деревни, с которыми я отчасти успел познакомиться по партийным документам. Я хочу вам сказать, главная работа ваша будет инструкторская, партийная, агитационная, пропагандистская. Один из главных недостатков этой работы—тот, что мы не умеем ставить дело государственное что у нас в кругах товарищей, даже здесь руководящих работой, слишком сильна привычка старого подполья, когда мы сидели в маленьких кружках здесь и за границей или даже не умели мыслить, думать о том, как поставить работу государственно. Теперь вы должны это знать и помнить, что нам надо управлять миллионами. Каждая власть, попадающая в деревню, как делегат, как уполномоченный от Ц. К., должна помнить, что у нас громадный государственный аппарат, который работает еще плохо, потому что мы не умеем, не можем им хорошо овладеть. Мы имеем в деревне сотни тысяч учителей, которые забиты, запуганы кулаками или заколочены до полусмерти старым царским чиновничеством, которые не могут, не в состоянии понять принципов новой власти. Мы имеем огромный военный аппарат. Без военкома мы не имели бы Красной армии. Мы имеем также аппарат всеобщего, который параллельно с военной работой должен вести культурную работу, должен поднимать сознание крестьянства. Этот государственный аппарат очень плох, там нет людей, действительно преданных, убежденных, действительно коммунистов, и вы, которые поедете в деревню, как коммунисты, должны работать не оторвано от этого аппарата, а, наоборот, вы должны работать вместе с ним. Всякий партийный агитатор, который появляется в деревне, вместе с тем должен быть и инспектором народных училищ, инспектором не в прежнем смысле слова, инспектором не в том смысле, чтобы он вмешивался в дело просвещения—этого допустить нельзя, но он должен быть инспектором в том смысле, чтобы согласовать всю работу с работой Наркомпроса, с работой всеобщего, с работой военкома, чтобы он смотрел на себя, как на представителя государственной власти, представителя партии, который управляет Россией. Чтобы он, являясь в деревню, выступал не только как пропагандист, учитель; вместе с этим он должен смотреть, чтобы учителя, которые не слышали живого слова или эти десятки, сотни военкомов, чтобы все они принимали

участие в работе этого партийного агитатора. Каждый учитель обязан иметь брошюрки агитационного содержания; он обязан их не только иметь, а читать крестьянам; если он этого не будет делать, он должен знать, что он лишится места. То же самое с военными, они должны иметь эти брошюрки, должны давать их крестьянам.

Мы имеем в распоряжении Советской власти сотни тысяч советских служащих, которые или буржуи, или полубуржуи, или настолько забиты, что совершенно не верят в нашу Советскую власть, или они так далеки от этой власти, что она где-то там, в Москве, а под боком у них кулак, крестьянин, который имеет хлеб, держит у себя под боком и не дает его им, а они голодают. Здесь задача партийного работника двоякая. Он должен помнить, что он не только является проповедником слова, что он не только должен пойти на помощь наиболее забитым слоям населения (это его основная задача, без этого он не партийный работник, без этого он не может назваться коммунистом), но кроме всего этого он должен являться представителем Советской власти и должен связаться с учительством, должен согласовать работу Наркомпроса с своей. Он не должен быть инспектором в смысле контроля и ревизии, но он является представителем партии, которая сейчас посредством части пролетариата управляет всей Россией, и в качестве такового он должен помнить, что его работа есть работа инструктирования, и он должен привлекать, учить своей работе всех учителей, военных, чтобы они исполняли такую же работу, как и он. Они не знают этой работы, вы их должны научить. Они беззащитны сейчас перед сытым крестьянином. Вы должны помочь им выйти из этой зависимости. Вы должны твердо помнить, что вы не только пропагандисты, агитаторы, а что вы представители государственной власти, и вы должны не разрушать существующий аппарат, не вмешиваться, не путать его организацию, а ваша работа должна быть поставлена так, чтобы всегда у сельского инструктора-пропагандиста, агитатора, после хотя бы небольшой работы в деревне, остался след не только бумаг тех коммунистов-крестьян, которых он просветил, но чтобы он оставил след в сознании тех работников, которых вы проверяете и направляете, которым вы даете задания, требуете, чтобы каждый учитель, военный работал непременно в советском духе, чтобы он знал, что это его обязанность, чтобы он помнил, что если он этого не будет выполнять, то он не останется на месте, чтобы они все знали и чувствовали, что каждый агитатор есть полномочный пред-

ставитель Советской власти. Вот при таких условиях, при правильном применении сил вы удесятерите их и добьетесь, что каждая сотня агитаторов оставит после себя след в виде организационного аппарата, который уже существует, но который еще работает несовершенно и неудовлетворительно.

Вот в этой области, как и в остальных, я желаю вам успеха.

*«Правда» №№ 127 и 128
13 и 15 июня 1920 г.*

Тезисы об основных задачах второго конгресса Коммунистического Интернационала.

1. Настоящий момент в развитии международного коммунистического движения характеризуется тем, что во всех капиталистических странах лучшие представители революционного пролетариата вполне поняли основные принципы Коммунистического Интернационала, именно: диктатуру пролетариата и Советскую власть, и с беззаветным энтузиазмом встали на сторону Коммунистического Интернационала. Еще более важным и крупным шагом вперед является то, что повсюду среди самых широких масс не только городского пролетариата, но и среди передовой части сельских рабочих вполне определилось их безусловное сочувствие к этим основным принципам.

С другой стороны, обозначались две ошибки или слабости растущего необыкновенно быстро международного коммунистического движения. Одна, очень серьезная и представляющая громадную непосредственную опасность для успеха дела освобождения пролетариата, состоит в том, что часть старых вождей и старых партий II Интернационала, частью полубессознательно уступая желаниям и напору масс, частью сознательно обманывая их для сохранения за собой прежней роли агентов и помощников буржуазии внутри рабочего движения, заявляют о своем условном или даже безусловном присоединении к III Интернационалу, оставаясь на деле, во всей практике своей партийной и политической работы, на уровне II Интернационала. Такое положение вещей совершенно недопустимо, ибо оно вносит прямое развращение масс, роняет уважение к III Интернационалу, грозя повторением таких же измен, как измена венгерских социал-демократов, наскоро перекрестившихся в коммунисты. Другая, гораздо менее значительная ошибка, которая является скорее всего болезнью роста

движения, состоит в стремлении к «левизне», ведущем к неправильной оценке роли и задач партии по отношению к классу и к массе и обязательности для революционных коммунистов работать в буржуазных парламентах и реакционных профсоюзах.

Долг коммунистов не замалчивать слабостей своего движения, а открыто критиковать их, чтобы скорее и радикальнее от них избавиться. В этих целях необходимо, во-первых, конкретнее определить, особенно на основании практического уже опыта, содержание понятий: «диктатура пролетариата» и «Советская власть»; во-вторых, указать, в чем именно может и должна состоять во всех странах немедленная и систематическая подготовительная работа, осуществляющая эти лозунги; в-третьих, указать пути и способы исправления нашего движения от его недостатков.

I.

Сущность диктатуры пролетариата и Советской власти.

2. Победа социализма (как первой ступени коммунизма) над капитализмом требует осуществления пролетариатом, как единственным действительно революционным классом, трех следующих задач. Первая—свергнуть эксплуататоров и в первую голову буржуазию, как главного экономического и политического представителя их; разбить их на-голову, подавить их сопротивление; сделать невозможными какие бы то ни было попытки с их стороны восстановить иго капитала и наемное рабство. Вторая—увлечь и повести за революционным авангардом пролетариата, его коммунистической партией, не только весь пролетариат или подавляющее, огромное большинство его, но и всю массу трудящихся и эксплуатируемых капиталом; просветить, организовать, воспитать, дисциплинировать их в самом ходе беззаветной смелой и беспощадно твердой борьбы против эксплуататоров: вырвать это подавляющее большинство населения во всех капиталистических странах из зависимости от буржуазии, внушить ему на практическом опыте доверие к руководящей роли пролетариата и его революционного авангарда. Третья—нейтрализовать или обезвредить неизбежные колебания между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и Советской властью со стороны довольно еще многочисленного почти во всех передовых странах, хотя и составляющего меньшинство населения, класса мелких хозяев в земледелии, промышленности, торговле и соответствующего этому классу слоя интеллигенции, служащих и т. п.

Первая и вторая задачи являются самостоятельными задачами, требующими каждая своих особых приемов действия по отношению к эксплуататорам и по отношению к эксплуатируемым. Третья задача вытекает из первых двух, требуя лишь умелого, своевременного, гибкого сочетания приемов первого и второго рода, в зависимости от конкретных обстоятельств каждого отдельного случая колебаний.

3. При той конкретной обстановке, которая во всем мире и больше всего в наиболее передовых, могущественных, самых просвещенных и свободных капиталистических странах создана милитаризмом, империализмом, удушением колоний и слабых стран, всемирной империалистической бойней, версальским «миром»,— всякое допущение мысли о мирном подчинении капиталистов воле большинства эксплуатируемых, о мирном, реформистском переходе к социализму является не только крайним мещанским тупоумием, но и прямым обманом рабочих, подкрашиванием капиталистического наемного рабства, сокрытием правды. Правда эта состоит в том, что буржуазия, самая просвещенная и демократическая, уже сейчас не останавливается ни перед каким обманом и преступлением, перед избиением миллионов рабочих и крестьян для спасения частной собственности на средства производства. Только насильственное свержение буржуазии, конфискация ее собственности, разрушение всего буржуазного государственного аппарата снизу доверху, парламентского, судебного, военного, бюрократического, административного, муниципального и проч. вплоть до поголовного изгнания или интернирования эксплуататоров наиболее опасных и упорных, установление над ними строгого надзора для борьбы с неизбежными попытками сопротивления и реставрации капиталистического рабства, только подобные меры в состоянии обеспечить действительное подчинение всего класса эксплуататоров.

С другой стороны, таким же прикрашиванием капитализма и буржуазной демократии, таким же обманом рабочих является обычное у старых партий и старых вождей II Интернационала допущение мысли о том, будто большинство трудящихся и эксплуатируемых способно в обстановке капиталистического рабства, под гнетом буржуазии, который принимает бесконечно разнообразные формы, тем более утонченные и в то же время жестокие и беспощадные, чем культурнее данная капиталистическая страна,— способно выработать в себе полную ясность социалистического сознания, твердость социалистических убеждений и характера.

На самом деле, только после того, как авангард пролетариата, поддержанный всем этим, единственно революционным, классом или большинством его, свергнет эксплуататоров, подавит их, освободит эксплуатируемых от их рабского положения, улучшит их условия жизни немедленно на счет экспроприированных капиталистов, только после этого и в самом ходе острой классовой борьбы осуществимо просвещение, воспитание, организация самых широких трудящихся и эксплуатируемых масс вокруг пролетариата, под его влиянием и руководством, избавление их от эгоизма, раздробленности, пороков, слабости, порождаемых частной собственностью, превращение их в свободный союз свободных работников.

4. Для успеха победы над капитализмом требуется правильное соотношение между руководящей, коммунистической, партией, революционным классом, пролетариатом,—и массой, т.-е. всей совокупностью трудящихся и эксплуатируемых. Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие,—только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной последней борьбе против всех сил капитализма. С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска, превращая в ничто неизбежную апатию и частью сопротивление небольшого меньшинства испорченной капитализмом рабочей аристократии, старых тред-юнионистских и кооперативных вождей и т. п.,—способен развернуть всю свою силу, которая неизмеримо больше, чем его доля в населении, в силу самого экономического устройства капиталистического общества. Наконец, только освобожденная уже фактически от гнета буржуазии и буржуазного государственного аппарата, только получившая возможность действительно свободно (от эксплуататоров) организоваться в свои советы, может масса, т.-е. вся совокупность трудящихся и эксплуатируемых, развернуть впервые в истории всю инициативу и всю энергию десятков миллионов задавленных капитализмом людей. Только когда советы стали единственным государственным аппаратом, осуществимо

действительное участие в управлении всей массы эксплуатируемых, которая при самой просвещенной и свободной буржуазной демократии оставалась всегда фактически на девяносто девять сотых исключенной из участия в управлении. Только в советах начинает масса эксплуатируемых действительно учиться, не из книжек, а из собственного практического опыта, делу социалистического строительства, созданию новой общественной дисциплины, свободного союза свободных работников

II.

В чем должна состоять немедленная и повсеместная подготовка к диктатуре пролетариата?

5. Переживаемый момент в развитии международного коммунистического движения характеризуется тем, что в громадном большинстве капиталистических стран не закончена—очень часто даже еще систематически не начата—подготовка пролетариата к осуществлению им своей диктатуры. Из этого не следует, что пролетарская революция невозможна в самом близком будущем; она вполне возможна, ибо вся экономическая и политическая обстановка необыкновенно богата горючими материалами и поводами для их неожиданного воспламенения; другое условие для революции, кроме подготовленности пролетариата,—именно: общее состояние кризиса во всех командующих и во всех буржуазных партиях,—тоже есть на-лицо. Но из сказанного следует, что задача момента для коммунистических партий состоит теперь не в том, чтобы ускорять революцию, а в том, чтобы усиливать подготовку пролетариата. С другой стороны, отмеченные выше случаи в истории многих социалистических партий заставляют обратить внимание на то, чтобы «признание» диктатуры пролетариата не могло оставаться только словесным.

Поэтому главной задачей коммунистических партий, с точки зрения международного пролетарского движения, является в данный момент сплочение раздробленных коммунистических сил, образование в каждой стране единой коммунистической партии (или укрепление и обновление партии уже существующей) для удешевления работы по подготовке пролетариата к завоеванию государственной власти и притом именно к завоеванию власти в форме диктатуры пролетариата. Обычная социалистическая работа групп и партий, признающих диктатуру пролетариата, далеко еще в не-

достаточной мере подвергнута той коренной переделке, тому коренному обновлению, которые необходимы для признания этой работы коммунистической и соответствующей задачам кануна пролетарской диктатуры.

6. Завоевание политической власти пролетариатом не прекращает классовой борьбы его против буржуазии, а, напротив, делает эту борьбу особенно широкой, острой, беспощадной. Все группы, партии, деятели рабочего движения, полностью или отчасти стоящие на точке зрения реформизма, «центра» и т. п., неизбежно становятся в силу крайнего обострения борьбы либо на сторону буржуазии, либо в число колеблющихся, либо (что всего опаснее) попадают в число ненадежных друзей победоносного пролетариата. Поэтому подготовка диктатуры пролетариата требует не только усиления борьбы против тенденций реформистских и «центровиков», но и изменения характера этой борьбы. Борьба не может ограничиваться выяснением ошибочности этих тенденций, а должна разоблачать неуклонно и беспощадно всякого деятеля внутри рабочего движения, проявляющего эти тенденции, ибо иначе пролетариат не может узнать, с кем он пойдет на самую решительную борьбу против буржуазии. Эта борьба такова, что в любую минуту может заменить—и заменяет, как показал уже опыт—оружие критики критикою оружием. Всякая непоследовательность или слабость в разоблачении тех, кто проявляет себя как реформист или «центровик», означает прямое увеличение опасности свержения власти пролетариата буржуазией, которая использует завтра для контр-революции то, что кажется близоруким людям лишь «теоретическим разногласием» сегодня.

7. В частности, нельзя ограничиться обычным принципиальным отрицанием всякого сотрудничества пролетариата с буржуазией, всякого «коллаборационизма». Простая защита «свободы» и «равенства», при сохранении частной собственности на средства производства, превращается в условиях диктатуры пролетариата, который никогда не в состоянии будет сразу уничтожить частную собственность полностью,—превращается в «сотрудничество» с буржуазией, прямо подрывающее власть рабочего класса. Ибо диктатура пролетариата означает государственное закрепление и защиту, всем аппаратом государственной власти, «несвободы» для эксплуататора продолжать свое дело угнетения и эксплуатации, «неравенства» собственника (т.-е. изъывшего для себя лично известные средства производства, созданные общественным

трудом) с неимущим. То, что кажется до победы пролетариата теоретическим только разногласием по вопросу о «демократии», становится неизбежно завтра, после победы, вопросом, который решается силой оружия. Следовательно, без коренного изменения всего характера борьбы с «центровиками» и «защитниками демократии» невозможна даже предварительная подготовка масс к осуществлению диктатуры пролетариата.

8. Диктатура пролетариата есть наиболее решительная и революционная форма классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Такая борьба может быть успешна, лишь когда самый революционный авангард пролетариата ведет за собой подавляющее большинство его. Подготовка диктатуры пролетариата требует поэтому не только разъяснения буржуазного характера всякого реформизма, всякой защиты демократии при сохранении частной собственности на средства производства; не только разоблачения проявлений таких тенденций, означающих на деле проведение защиты буржуазии внутри рабочего движения,—но требует также замены старых вождей коммунистами во всех решительно видах пролетарских организаций, не только политических, но и профессиональных, кооперативных, просветительных и т. д. Чем более длительным, полным и прочным было господство буржуазной демократии в данной стране, тем более удалось буржуазии провести на посты таких вождей ею воспитанных, ее воззрениями и предрассудками пропитанных, ею очень часто прямо или косвенно подкупленных деятелей. Необходимо во стократ смелее, чем до сих пор, вытеснять этих представителей рабочей аристократии или обуржуазившихся рабочих со всех их постов и заменять их хотя бы даже самыми неопытными рабочими, лишь бы они были связаны с эксплуатируемой массой и пользовались ее доверием в борьбе с эксплуататорами. Диктатура пролетариата потребует назначения таких, не имеющих опыта, рабочих на самые ответственные государственные посты, иначе власть рабочего правительства будет бессильна и оно не будет поддержано массой.

9. Диктатура пролетариата есть самое полное осуществление руководства всеми трудящимися и эксплуатируемыми, которые угнетены, забиты, задавлены, запуганы, раздроблены, обмануты классом капиталистов, со стороны единственного класса, подготовленного к такой руководящей роли всей историей капитализма. Поэтому подготовка диктатуры пролетариата должна быть начата повсеместно и немедленно посредством следующего, между прочим, приема.

Во всех без изъятия организациях, союзах, объединениях, в первую голову пролетарских, а затем и непролетарской трудящейся и эксплуатируемой массы (политических, профессиональных, военных, кооперативных, образовательных, спортивных и проч. и т. д.), должны быть созданы группы или ячейки коммунистов—преимущественно открытые, но также и тайные, обязательные в каждом таком случае, когда следует предполагать закрытие их, арест или изгнание их членов со стороны буржуазии, при чем эти ячейки, тесно связанные между собою и с центром партии, обмениваясь своим опытом, осуществляя работу агитации, пропаганды, организации, применяясь решительно ко всем областям общественной жизни, решительно ко всем разновидностям и подразделениям трудящейся массы, должны систематически воспитывать такой разносторонней работой и самих себя, и партию, и класс, и массы.

При этом крайне важно практически выработать необходимое различие приемов всей работы, с одной стороны—по отношению к «вождям» или к «ответственным представителям», сплошь да рядом безнадежно испорченным мелко-буржуазными и империалистскими предрассудками; эти «вожди» должны быть беспощадно разоблачаемы и изгоняемы из рабочего движения; с другой стороны, по отношению к массам, которые, особенно после империалистской бойни, большей частью склонны слушать и воспринять учение о необходимости руководства пролетариата, как единственного выхода из капиталистического рабства; к массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы.

10. В частности, одна из групп или ячеек коммунистов заслуживает исключительного внимания и заботы партии, именно: парламентская фракция, т.-е. группа членов партии, состоящих депутатами в буржуазном представительном учреждении (прежде всего общегосударственном, затем также и местных, муниципальных и пр.). С одной стороны, именно эта трибуна имеет особенно важное значение в глазах самых широких слоев отсталой или пропитанной мелко-буржуазными предрассудками трудящейся массы; поэтому коммунисты обязательно именно с этой трибуны должны вести работу пропаганды, агитации, организации, разъясняя массам, почему закономерен был в России (и закономерен будет в свое время в любой стране) разгон буржуазного парламента общенациональным съездом советов. С другой стороны, вся исто-

рия буржуазной демократии сделала из парламентской трибуны, особенно в передовых странах, главное или одно из главных поприщ неслыханных мошенничеств, финансовых и политических обманов народов, карьеризма, лицемерия, угнетения трудящихся. Поэтому вполне законна горячая ненависть к парламентам со стороны лучших представителей революционного пролетариата. Поэтому со стороны коммунистических партий, и всех партий, примыкающих к III Интернационалу,—особенно в тех случаях, когда эти партии возникли не путем раскола со старыми партиями и длительной, упорной борьбы с ними, а путем перехода (часто номинального) старых партий на новую позицию,—необходимо исключительно строгое отношение к своим парламентским фракциям; полное подчинение их контролю и указаниям Ц. К. партии; включение в их состав преимущественно революционных рабочих; внимательнейший анализ в партийной прессе и на партийных собраниях речей парламентариев с точки зрения их коммунистической выдержанности; командирование депутатов на агитационную работу среди масс, исключение из этих фракций тех, кто проявляет тенденции II Интернационала и т. д.

11. Одна из главных причин, затрудняющих революционное рабочее движение в развитых капиталистических странах, состоит в том, что благодаря колониальным владениям и сверхприбылям финансового капитала и т. п., капиталу удалось здесь выделить сравнительно более широкий и устойчивый слой небольшого меньшинства рабочей аристократии. Она пользуется лучшими условиями заработка и больше всего пропитана духом цеховой узости, мещанскими и империалистическими предрассудками. Это—настоящая социальная «опора» II Интернационала, реформистов и «центровиков», а в данный момент это—едва ли не главная социальная опора буржуазии. Никакая даже предварительная подготовка пролетариата к свержению буржуазии невозможна без немедленной, систематической, широкой, открытой борьбы с этим слоем, который, несомненно,—как это вполне уже доказано опытом,—поставит не мало элементов для буржуазной белой гвардии после победы пролетариата. Все примыкающие к III Интернационалу партии должны во что бы то ни стало провести в жизнь лозунг, «глубже в массы», «теснее связь с массами»,—понимая под массами всю совокупность трудящихся и эксплуатируемых капиталом, особенно наименее организованных и просвещенных, наиболее угнетенных и наименее доступных организации.

Пролетариат становится революционным лишь постольку, поскольку он не замыкается в узко-цеховые рамки, поскольку он выступаст во всех проявлениях и на всех поприщах общественной жизни как вождь всей трудящейся и эксплуатируемой массы, и осуществление им своей диктатуры невозможно без готовности и способности его на величайшие жертвы ради победы над буржуазией. И принципиальное и практическое значение в этом отношении имеет опыт России, где пролетариат не мог бы осуществить своей диктатуры, не мог бы завоевать себе общепризнанного уважения и доверия всей трудящейся массы, если бы он не принес больше всего жертв и не голодал сильнее всех остальных слоев этой массы в самые трудные времена натиска, войны, блокады со стороны всемирной буржуазии.

В частности всесторонняя и самоотверженная поддержка коммунистической партией и всем передовым пролетариатом особенно необходима по отношению к широкому, стихийному, массовому стачечному движению, которое одно только в состоянии под гнетом капитала настоящим образом разбудить, расшевелить, просветить и организовать массы, воспитать в них полное доверие к руководящей роли революционного пролетариата. Без такой подготовки никакая диктатура пролетариата невозможна, и люди, способные выступать публично против стачек, вроде Каутского ⁸⁷⁾ в Германии, Турати ⁹³⁾ в Италии, безусловно нетерпимы в рядах партий, примыкающих к III Интернационалу. Еще более относится это, конечно, к тем тред-юнионистским и парламентским вождям, которые часто предают рабочих, уча их на опыте стачек реформизму, а не революции (напр., в Англии и во Франции в последние годы).

12. Для всех стран, даже для самых свободных, «легальных», и «мирных» в смысле наименьшей обостренности классовой борьбы, вполне назрел период, когда является безусловно необходимым для всякой коммунистической партии систематическое соединение легальной и нелегальной работы, легальной и нелегальной организации. Ибо в самых просвещенных и свободных странах, с наиболее «устойчивым» буржуазно-демократическим строем, правительства уже систематически прибегают, вопреки их лживым и лицемерным заявлениям, к ведению тайных списков коммунистов, к бесконечным нарушениям своей собственной конституции для полутайной и тайной поддержки белогвардейцев и убийства коммунистов во всех странах, к тайной подготовке арестов коммунистов, к введению провокаторов в среду коммунистов и т. д. и т. п.

Только самое реакционное мещанство, какими бы красивыми «демократическими» и пацифистскими фразами оно ни прикрывалось, может отрицать этот факт или обязательный вывод из него: немедленное образование всеми легальными коммунистическими партиями нелегальных организаций для систематической нелегальной работы и полной подготовки к моменту проявления буржуазных преследований. Особенно необходима нелегальная работа в армии, флоте, полиции, ибо после великой империалистской бойни все правительства в мире стали бояться всенародной армии, открытой для крестьян и рабочих, стали переходить тайком ко всевозможным приемам подбора специально подобранных из буржуазии и специально снабженных особенно усовершенствованной техникой воинских частей.

С другой стороны, также необходимо во всех без исключения случаях не ограничиваться нелегальной работой, а вести также и легальную, преодолевая для этого все трудности, основывая легальные органы печати и легальные организации под самыми разнообразными и, в случае надобности, часто меняющимися названиями. Так поступают нелегальные коммунистические партии в Финляндии, Венгрии, частью в Германии, в Польше, в Латвии и т. д. Так должны поступать «Промышленные рабочие мира» (I.W.W.) в Америке ¹¹⁷⁾, так должны будут поступать все ныне легальные коммунистические партии, если прокурорам благоугодно будет возбуждать преследования на основании резолюций съездов Коммунистического Интернационала и т. д.

Безусловная, принципиальная необходимость соединения нелегальной и легальной работы определяется не только всей совокупностью особенностей переживаемого периода, периода кануна пролетарской диктатуры, но и необходимостью доказать буржуазии, что нет и быть не может области и поприща работы, которого бы не завоевали коммунисты, а больше всего тем, что повсюду есть еще широкие слои пролетариата, а еще более непролетарской трудящейся и эксплуатируемой массы, которые доверяют еще буржуазно-демократической легальности и разубеждение которых является для нас делом наиболее важным.

13. В частности, состояние рабочей прессы в наиболее передовых капиталистических странах особенно наглядно показывает как всю лживость свободы и равенства при буржуазной демократии, так и необходимость систематического соединения легальной и нелегальной работы. И в побежденной Германии и в победившей Америке вся сила государственного аппарата буржуазии и все

проделки ее финансовых королей пускаются в ход, чтобы отнять у рабочих их прессу; и судебные преследования, и аресты (или убийство через наемных убийц) редакторов, и запрещение почтовой пересылки, и отнятие бумаги, и пр., и т. д. К тому же необходимый для ежедневной газеты информационный материал находится в руках буржуазных телеграфных агентств, а объявления, без которых большая газета не окупится, находятся в «свободном» распоряжении капиталистов. В итоге, буржуазия обманом, давлением капитала и буржуазного государства отнимает у революционного пролетариата его прессу

Для борьбы с этим коммунистические партии должны создать новый тип периодической прессы для массового распространения среди рабочих; во-первых, легальные издания, которые бы научились, не называя себя коммунистическими и не говоря о своей принадлежности к партии, использовать малейшую легальность, как большевики при царе после 1905 года; во-вторых, нелегальные листки, хотя бы в самом малом объеме и нерегулярно выпускаемые, но перепечатываемые в массе типографий рабочими (тайно, или, если движение окрепло, путем революционного захвата типографий) и дающие пролетариату свободную, революционную информацию и революционные лозунги.

Без втягивающей массы революционной борьбы за свободу коммунистической печати подготовка к диктатуре пролетариата невозможна.

III.

Исправление линии—частью также состава—партий, примыкающих и желающих примкнуть к Коммунистическому Интернационалу.

14. Степень подготовленности пролетариата важнейших, с точки зрения всемирного хозяйства и всемирной политики, стран к осуществлению своей диктатуры характеризуется с наибольшей объективностью и точностью тем, что влиятельнейшие партии II Интернационала, Французская Социалистическая Партия, Независимая Социал-Демократическая Партия Германии, Независимая Рабочая Партия Англии, Американская Социалистическая Партия, вышли из этого желтого Интернационала и постановили присоединиться—первые три условно, а последняя даже безусловно—к III Интернационалу. Это доказывает, что не только авангард, но и большинство революционного пролета-

риата начало, убежденное всем ходом событий, переходить на нашу сторону. Главное теперь—суметь довершить этот переход и прочно, организационно, закрепить достигнутое, чтобы можно было, без малейших колебаний, пойти вперед по всей линии.

15. Вся деятельность названных партий (к которым следует присоединить Швейцарскую Социалистическую Партию, если верны телеграфные известия об ее решении примкнуть к III Интернационалу) доказывает,—и любое периодическое издание этих партий подтверждает наглядно, что она не является еще коммунистической, а нередко идет прямо вразрез с основными принципами III Интернационала, именно: с признанием диктатуры пролетариата и Советской власти вместо буржуазной демократии.

Поэтому II Конгресс Коммунистического Интернационала должен постановить, что он не считает возможным немедленно принять эти партии; что он подтверждает тот ответ, который дал Исполнительный Комитет III Интернационала немецким «независимцам»; что он подтверждает свою готовность вести переговоры с любой партией, выходящей из II Интернационала и желающей сблизиться с III, что он предоставляет право совещательного голоса делегатам таких партий на всех своих конгрессах и конференциях, что он ставит следующие условия для полного объединения этих (и подобных) партий с Коммунистическими Интернационалом¹⁷³).

1. Публикация всех решений всех съездов Коммунистического Интернационала и его Исполнительного Комитета во всех периодических изданиях партии.

2. Обсуждение их на специальных собраниях всех секций или местных организаций партии.

3. Созыв, после такого обсуждения, специального конгресса партии для подведения итогов и для

4. Очистки партии от элементов, продолжающих действовать в духе II Интернационала.

5. Переход всех периодических органов партии в руки редакций исключительно коммунистических.

II Конгресс III Интернационала должен поручить своему Исполнительному Комитету формально принять названные и подобные партии в III Интернационал, проверив предварительно, что все эти условия выполнены на деле и характер деятельности партии стал коммунистическим.

16. По вопросу о том, каково должно быть поведение коммунистов, ныне составляющих меньшинство на ответственных по-

стах названных и подобных партий, II Конгресс Коммунистического Интернационала должен постановить, что ввиду явного роста искреннейших симпатий к коммунизму среди рабочих, принадлежащих к этим партиям, выход из них коммунистов неизбежен, пока им внутри этих партий возможно вести работу в духе признания диктатуры пролетариата и Советской власти и пока возможна критика оставшихся еще оппортунистов и центровиков в этих партиях.

Вместе с этим II Конгресс III Интернационала должен высказаться за присоединение коммунистических или сочувствующих коммунизму групп и организаций в Англия к «Рабочей Партии» (Labour Party)¹¹¹⁾, несмотря на то, что она входит во II Интернационал. Ибо, пока эта партия сохраняет для входящих в ее состав организаций теперешнюю их свободу критики и свободу пропагандистской, агитационной и организационной деятельности за диктатуру пролетариата и за Советскую власть, пока эта партия сохраняет свой характер объединения всех профессиональных организаций рабочего класса, коммунисты обязательно должны сделать все шаги и пойти на известные компромиссы, чтобы иметь возможность влиять на самые широкие рабочие массы, разоблачать их оппортунистических вождей с более высокой и видной массам трибуны, ускорять переход политической власти от прямых представителей буржуазии к «рабочим лейтенантам класса капиталистов» для быстреего излечения масс от последних иллюзий на этот счет¹⁷⁴⁾.

17. По отношению к Итальянской Социалистической Партии II Конгресс III Интернационала находит в основе своей правильной ту критику этой партии и те практические предложения, которые изложены, как предложения Национальному Совету Итальянской Социалистической Партии, от имени Туринской секции этой партии в журнале «Новый Порядок» (L'Ordine Nuovo)¹⁷⁵⁾ от 8-го мая 1920 г. и которые вполне соответствуют всем основным принципам III Интернационала.

Поэтому II Конгресс III Интернационала просит Итальянскую Социалистическую Партию созвать экстренный съезд партии для обсуждения как этих предложений, так и всех решений обоих съездов Коммунистического Интернационала для исправления линии партии и для очищения ее, и особенно ее парламентской фракции от некоммунистических элементов.

18. II Конгресс III Интернационала признает неправильными те взгляды на отношения партии к классу и к массе, на не-

обязательность участия коммунистических партий в буржуазных парламентах и в реакционнейших профсоюзах, которые подробно опровергнуты в специальных решениях настоящего конгресса, будучи защищаемы всего полнее «Коммунистической Рабочей Партией Германии», а также частично «Коммунистической Партией Швейцарии», органом Восточно-Европейского Секретариата Коммунистического Интернационала «Коммунизм» (Communismus) в Вене ¹⁷⁶), распущенным ныне Секретариатом в Амстердаме и некоторыми голландскими товарищами, затем некоторыми коммунистическими организациями в Англии, напр., «Рабочей Социалистической Федерацией» и т. п., а равно «Промышленными рабочими мира» в Америке ¹⁷⁷) и «Комитетом фабрично-заводских старост» (Shop Stewards Committee) в Англии ¹⁷⁷) и т. п.

Тем не менее II Конгресс III Интернационала считает возможным и желательным немедленное присоединение к Коммунистическому Интернационалу тех из этих организаций, которые еще не присоединились официально, ибо в данном случае, особенно по отношению к «Промышленным рабочим мира» в Америке и в Австралии, равно и по отношению к «Фабрично-заводским старостам» в Англии, мы имеем дело с глубоко пролетарским и массовым движением, которое в основе своей стоит фактически на почве коренных принципов Коммунистического Интернационала. В таких организациях ошибочные взгляды на участие в буржуазных парламентах объясняются не столько ролью выходцев из буржуазии, приносящих свои, в сущности мелко-буржуазные, взгляды, каковыми часто бывают взгляды анархистов, а политической неопытностью вполне революционных и связанных с массой пролетариев.

II Конгресс III Интернационала просит поэтому все коммунистические организации и группы в англо-саксонских странах проводить, даже в том случае, если немедленное присоединение к III Интернационалу «Промышленных рабочих мира» и «Фабрично-заводских старост» не состоится, политику наиболее дружественных отношений к этим организациям, сближения с ними и с сочувствующей им массой, дружественного разъяснения им, с точки зрения опыта всех революций и трех русских революций в XX веке особенно, ошибочности указанных выше их взглядов и не отказываться от повторных попыток слияния с этими организациями в единую коммунистическую партию.

19. Конгресс обращает, в связи с этим, внимание всех товарищей, особенно в романских и англо-саксонских странах,

на то, что среди анархистов после войны во всем мире происходит глубокое идейное разделение по вопросу об отношении к диктатуре пролетариата и Советской власти. При этом именно среди пролетарских элементов, которых часто толкала к анархизму совершенно законная ненависть к оппортунизму и реформизму партий II Интернационала, заметно в особенности правильное понимание этих принципов, и притом тем более распространяющееся, чем ближе знакомство их с опытом России, Финляндии, Венгрии, Латвии, Польши, Германии.

Конгресс считает поэтому долгом всех товарищей всемерно поддержать переход всех массово-пролетарских элементов от анархизма на сторону III Интернационала. Конгресс указывает, что успешность работы действительно коммунистических партий должна измеряться, между прочим, тем, насколько им удалось привлечь на свою сторону все не интеллигентские, не мелко-буржуазные, а массовые пролетарские элементы от анархизма.

Написано 4 июля 1920 г.

Напечатано в «Коммунист. Интерн.» № 12

20 июля 1920 г.

Империализм и капитализм.

Предисловие к французскому и немецкому изданию книги:
«Империализм как новейший этап капитализма» ¹⁷⁸⁾.

Настоящая книжка написана, как указано в предисловии к русскому изданию, в 1916 году для царской цензуры. Я не имею возможности переделать весь текст в настоящее время, да это было бы, пожалуй, нецелесообразно, ибо основная задача книги была и остается: показать, по сводным данным бесспорной буржуазной статистики и признаниям буржуазных ученых всех стран, какова была *итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях, в начале XX века, накануне первой всемирной империалистской войны.

Отчасти будет даже бесполезно для многих коммунистов в передовых капиталистических странах убедиться на примере этой, *легальной с точки зрения цензуры*, книжки в возможности—и необходимости—использовать даже те слабые остатки легальности, которые остаются еще для коммунистов в современной, скажем, Америке или во Франции после недавнего, почти поголов-

ного ареста коммунистов, для разъяснения всей лживости социал-пацифистских взглядов и надежд на «мировую демократию». А самые необходимые дополнения к этой подцензурной книжке я попытаюсь дать в настоящем предисловии.

II

В книжке доказано, что война 1914—1918 годов была с обеих сторон империалистской (т.-е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, «сфер влияния» финансового капитала и т. д.

Ибо доказательство того, каков истинный социальный, или, скорее: истинный классовый характер войны, содержится, разумеется, не в дипломатической истории войны, а в анализе *объективного* положения командующих *классов* во *всех* воюющих державах. Чтобы изобразить это объективное положение, надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных об *основах* хозяйственной жизни *всех* воюющих держав и *всего* мира.

Именно такие сводные данные, которые не могут быть опровергнуты, приведены мной в картине *раздела мира* в 1876 и 1914 годах (в § 6) и раздела *желдорог* всего мира в 1890 и 1913 годах (в § 7). Желдороги, это—итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменноугольной и железоделательной, итоги—и наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации. Как связаны желдороги с крупным производством, с монополиями, с синдикатами, картелями, трестами, банками, с финансовой олигархией, это показано в предыдущих главах книги. Распределение желдорожной сети, неравномерность его, неравномерность ее развития, это—итоги современного, монополистического капитализма во всемирном масштабе. И эти итоги показывают абсолютную неизбежность империалистских войн на *такой* хозяйственной основе, *пока* существует частная собственность на средства производства.

Постройка желдорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелко-

буржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т.-е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах.

Частная собственность, основанная на труде мелкого хозяина свободная конкуренция, демократия,—все эти лозунги, которыми обманывают рабочих и крестьян капиталисты и их пресса, остались далеко позади. Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой «добычи» происходит между двумя-тремя всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в *свою* войну из-за дележа *своей* добычи всю землю.

III.

Брест-Литовский мир, продиктованный монархической Германией, а затем гораздо более зверский и подлый Версальский мир, продиктованный «демократическими» республиками, Америкой и Францией, а также «свободной» Англией, сослужили полезнейшую службу человечеству, разоблачив как наемных чернильных кули империализма, так и реакционных мещан, хотя бы и называющих себя пацифистами и социалистами, которые воспевали «вильсонизм», доказывали возможность мира и реформ при империализме.

Десятки миллионов трупов и калек, оставленных войной, войной из-за того, английская или германская группа финансовых разбойников должна получить больше добычи, и затем два этих «мирных договора» открывают глаза с невиданной прежде быстротой миллионам и десяткам миллионов забитых, задавленных, обманутых, одураченных буржуазией людей. На почве всемирного разорения, созданного войной, растет таким образом всемирный революционный кризис, который, какие бы долгие и тяжелые перипетии он ни проходил, не может кончиться иначе, как пролетарской революцией и ее победой.

Базельский манифест II Интернационала ²⁵⁾, давший в 1912 году оценку именно той войне, которая наступила в 1914 году, а не войне вообще (войны бывают разные, бывают и революционные),

этот манифест остался памятником, разоблачающим весь позорный крах, все ренегатство героев II Интернационала

Я перепечатаваю поэтому этот манифест в приложении к настоящему изданию и обращаю внимание читателей еще и еще раз, что герои II Интернационала так же заботливо обходят те места этого манифеста, где говорится точно, ясно, прямо о связи именно этой грядущей войны с пролетарской революцией,—обходят так же заботливо, как вор обходит то место где он совершил кражу.

IV.

Особенное внимание уделено в настоящей книжке критике «каутскианства», международного идейного течения, которое представлено во всех странах мира «виднейшими теоретиками», вождями II Интернационала (в Австрии—Отто Бауэр²³) и К⁰, в Англии—Рамсей Макдональд¹³⁹) и др., во Франции—Альберт Тома¹⁸) и т. д. и т. п.) и массой социалистов, реформистов, пацифистов, буржуазных демократов, попов.

Это идейное течение есть, с одной стороны, продукт разложения, гниения II Интернационала, а с другой стороны, неизбежный плод идеологии мелких буржуа, которых вся жизненная обстановка держит в плену буржуазных и демократических предубеждений.

У Каутского и подобных ему подобные взгляды есть полное отречение именно от тех революционных основ марксизма, которые этот писатель защищал десятки лет, специально, между прочим, в борьбе с социалистическим оппортунизмом (Бернштейна⁹⁹), Мильерана²⁶), Гайндмана¹⁷⁹), Гомперса¹¹⁵) и т. п.). Не случайно поэтому, что во всем мире «каутскианцы» объединились теперь практически-политически с крайними оппортунистами (через II или желтый Интернационал) и с буржуазными правительствами (через коалиционные буржуазные правительства с участием социалистов).

Растущее во всем мире пролетарское революционное движение вообще, коммунистическое в особенности, не может обойтись без анализа и разоблачения теоретических ошибок «каутскианства». Это тем более так, что пацифизм и «демократизм» вообще, нисколько не претендующие на марксизм, но совершенно так же, как Каутский и К⁰, затушевывающие глубину противоречий империализма и неизбежность порожденного им революционного кризиса, эти течения распространены еще чрезвычайно сильно во всем мире. И борьба с этими течениями обязательна для партии пролетариата,

которая должна отвоевывать от буржуазии одураченных ею мелких хозяйчиков и миллионы трудящихся, поставленных в более или менее мелко-буржуазные условия жизни.

V.

Необходимо сказать несколько слов о главе 8-й: «Паразитизм и загнивание капитализма». Как уже отмечено в тексте книги, Гильфердинг⁹⁴⁾, бывший «марксист», теперь соратник Каутского и один из главных представителей буржуазной, реформистской политики в «Независимой С.-Д. Партии Германии»⁹⁵⁾, сделал по этому вопросу шаг назад по сравнению с *откровенным* пацифистом и реформистом, англичанином Гобсоном. Международный раскол всего рабочего движения теперь уже обнаружился вполне (II и III Интернационал). Обнаружился также и факт вооруженной борьбы и гражданской войны между обоими течениями: поддержка Колчака и Деникина в России меньшевиками и «социалистами-революционерами» против большевиков, шейдемановцы²²⁾ и Носке²⁰⁾ с К⁰ в Германии с буржуазией против спартаковцев, то же в Финляндии, Польше, Венгрии и т. д. В чем же экономическая основа этого всемирно-исторического явления?

Именно в паразитизме и загнивании капитализма, которые свойственны его высшей исторической стадии, т.-е. империализму. Как доказано в настоящей книжке, капитализм выделил теперь *горстку* (менее одной десятой доли населения земли, при самом «щедром и преувеличенном расчете—менее одной пятой) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят—простой «стрижкой купонов»—весь мир. Вывоз капитала дает доход 8—10 миллиардов франков в год, по довоенным ценам и довоенной буржуазной статистике. Теперь, конечно, много больше.

Понятно, что из такой гигантской *сверхприбыли* (ибо она получается сверх той прибыли, которую капиталисты выжимают из рабочих «своей» страны) *можно подкупать* рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Ее и подкупают капиталисты «передовых» стран—подкупают тысячами способов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых.

Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему мировоззрению, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная *социальная* (не военная) *опора буржуазии*. Ибо это настоящие *агенты буржуазии* в

рабочем движении, рабочие приказчики класса капиталистов (labor lieutenants of the capitalist class), настоящие проводники реформизма и шовинизма. В гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии, на сторону «версальцев» против «коммунаров».

Не поняв экономических корней этого явления, не оценив его политического и общественного значения, нельзя сделать ни шага в области решения практических задач коммунистического движения и грядущей социальной революции.

Империализм есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917 года в всемирном масштабе.

Написано 6 июля 1920 г.

Напечатано в «Коммунист. Интерн.» № 18

8 октября 1920 г.

ДОКЛАДЫ И РЕЧИ НА ВТОРОМ КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕ- СКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

19 июля—6 августа 1920 года

*„2-ой конгресс Коммунистического
Интернационала“. Стенографиче-
ский отчет. Изд. Коминтерна.
Петербург 1921 г.*

Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала ¹⁶³).

(Заседание 19-го июля.)

Товарищи, тезисы по вопросам об основных задачах Коммунистического Интернационала *) опубликованы на всех языках и (в особенности для русских товарищей) они не представляют из себя существенно нового, потому что в значительной мере распространяют некоторые основные черты нашего революционного опыта и уроки нашего революционного движения на целый ряд западных стран, на Западную Европу. Поэтому я в своем докладе останавлиюсь несколько больше, хотя бы и в кратких чертах, на первой части предоставленной мне темы, именно на международном положении.

Основой всего международного положения, как оно сложилось теперь, являются экономические отношения империализма. В течение всего XX века вполне определилась эта новая, высшая и последняя ступень капитализма. Вы, конечно, все знаете, как самыми характерными, существенными чертами империализма явилось то, что капитал достиг громадных размеров. На место свободной конкуренции пришла монополия гигантских размеров. Ничтожное число капиталистов могло сосредоточить в своих руках иногда целые отрасли промышленности; они перешли в руки союзов, картелей, синдикатов, трестов, нередко международного характера. Оказались захваченными, таким образом, монополистами в отношении финансовом, в отношении права собственности, частью в отношении производства целые отрасли промышленности, и не только в отдельных странах, но по всему миру. На этой почве развилось невиданное раньше господство ничтожного числа крупнейших банков, финансовых королей, финансовых магнатов, которые на деле превращали даже самые свободные республики в финансовые монархии. До войны это признавали, например, открыто такие отнюдь не революционные писатели, как Лизис во Франции.

*) См. стр. 229 и след. настоящего тома.

Это господство кучки капиталистов дошло до полного развития тогда, когда весь земной шар оказался поделенным не только в смысле захвата различных источников сырья и средств производства крупнейшими капиталистами, но и в смысле законченности предварительного раздела колоний. Лет 40 тому назад считалось немного больше четверти миллиарда населения колоний, которое было подчинено шести капиталистическим державам. Перед войной 1914 года в колониях считалось уже около 600 миллионов населения, а если прибавить такие страны, как Персия, Турция, Китай, которые тогда уже были на положении полуколоний, мы получим в круглых цифрах миллиард населения, которое было угнетаемо богатейшими, цивилизованнейшими и свободнейшими странами посредством колониальной зависимости. А вы знаете, что, кроме прямой государственной юридической зависимости, колониальная зависимость предполагает целый ряд отношений зависимости финансовой и экономической, предполагает целый ряд войн, которые за войны не считались, потому что часто сводились к бойне, когда вооруженные самыми усовершенствованными орудиями истребления европейские и американские империалистические войска избивали безоружных и беззащитных жителей колониальных стран.

Из этого раздела всей земли, из этого господства капиталистической монополии, из этого всевластия ничтожного числа крупнейших банков—двух, трех, четырех, пяти на государство, не более—выросла с неизбежностью первая империалистическая война 1914—1918 годов. Война эта шла из-за того, чтобы переделить весь мир. Война шла из-за того, какой из ничтожных групп крупнейших государств, английской или германской, получить возможность и право грабежа, удушения, эксплуатации всей земли. Вы знаете, как война решила этот вопрос в пользу английской группы. В результате этой войны мы имеем неизмеримо большее обострение всех капиталистических противоречий. Война отбросила сразу около четверти миллиарда населения земли в положение, которое равносильно колониальному. Она отбросила Россию, в которой надо считать около 130 миллионов, Австро-Венгрию, Германию, Болгарию, в которых не менее 120 миллионов. Четверть миллиарда населения—в странах, которые принадлежат частью, как Германия, к самым передовым, к самым просвещенным, культурным, технически стоящим на уровне современного прогресса. Война, путем Версальского договора, навязала им такие условия, что передовые народы оказались

на положении колониальной зависимости, нищеты, голода, разорения и несправедливости, ибо они на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил. Вы имеете картину мира: после войны сразу не менее как миллиард с четвертью населения подвергается колониальному гнету, подвергается эксплуатации зверского капитализма, который хвастался миролюбием, и лет пятьдесят тому назад имел некоторые права хвастаться этим, пока земля не была поделена, пока не господствовала монополия, пока капитализм мог развиваться сравнительно мирно, без колоссальных военных конфликтов.

Теперь, после этой мирной эпохи, мы получили чудовищное обострение гнета, мы видим возвращение к гнету колониальному и военному еще худшему, чем прежде. Версальский договор поставил Германию и целый ряд побежденных государств в условия материальной невозможности экономического существования, в условия полного бесправия и унижения.

Какое число наций воспользовалось этим? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны припомнить, что население С. Штатов Америки, которая одна полностью выиграла от войны, которая всецело превратилась из страны, имевшей массу долгов, в страну, которой все должны,—ее население не больше 100 милл. Население Японии, которая выиграла очень много, оставаясь в стороне от европейско-американского конфликта и захватывая громадный азиатский материк, равно 50 миллионам. Население Англии, которая после этих стран выиграла больше всех, достигает 50 миллионов. И если прибавить нейтральные государства с очень малым населением, которые разбогатели за время войны, мы получим, в круглых цифрах, четверть миллиарда.

Вы получаете, таким образом, в основных чертах картину мира, как она сложилась после империалистической войны. Миллиард с четвертью угнетенных колоний—стран, которые делят заживо, как Персия, Турция, Китай; стран, которые побеждены и брошены в положение колоний. Не больше четверти миллиарда,—это страны, которые уцелели на прежнем положении, но они все попали в экономическую зависимость от Америки и все во время войны были в зависимости военной, ибо война захватила весь мир, она не позволила ни одному государству оставаться нейтральным на деле. И мы имеем, наконец, не больше четверти миллиарда жителей в странах, в которых, разумеется, лишь верхушка, лишь капиталисты воспользовались дележкой

земли. Сумма около одного и трех четвертей миллиарда, которые составляют все население земли. Я бы хотел эту картину мира вам напомнить, ибо все основные противоречия капитализма, империализма, которые приводят к революции, все основные противоречия в рабочем движении, которые привели к жесточайшей борьбе со II Интернационалом, о чем говорил тов. председатель,—все это связано с дележом населения земли.

Конечно, только в грубых, основных чертах этими цифрами иллюстрируется экономическая картина мира. Естественно, что на почве такого дележа населения всей земли эксплуатация финансового капитала, капиталистических монополий выросла во много раз больше.

Не только колониальные, побежденные страны попадают в положение зависимости, но и внутри каждой страны-победительницы развились противоречия более острые, все капиталистические противоречия обострились. Я в кратких чертах покажу это на нескольких примерах.

Возьмите государственные долги. Мы знаем, что долги главнейших европейских государств выросли с 1914 по 1920 год не меньше, чем в семь раз. Приведу еще один экономический источник, который приобретает особенно большое значение, это—Кейнс, английский дипломат, автор книги «Экономические последствия мира», который, по поручению своего правительства, участвовал в Версальских мирных переговорах, наблюдал их непосредственно с чисто буржуазной точки зрения, шаг за шагом изучал дело детально и, как экономист, принимал участие в совещаниях. Он пришел к выводам, которые сильнее, нагляднее, назидательнее, чем любой вывод коммуниста-революционера, потому что выводы делает заведомый буржуа, беспощадный противник большевизма, который он себе рисует, как английский мещанин, в уродливом, свирепом, зверском виде. Кейнс пришел к выводам, что Европа и весь мир с Версальским миром идут к банкротству. Кейнс вышел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: «вы делаете безумие!». Я вам приведу его цифры, которые в общем сводятся к следующему.

Как сложились долговые отношения между главными державами? Я перевожу фунты стерлингов на золотые рубли, считая 10 золотых рублей на фунт стерлингов. И вот что получается: Соединенные Штаты имеют актив 19 миллиардов; пассив—ноль. Они были до войны должником Англии. Тов. Леви¹⁸⁰⁾ на последнем съезде Коммунистической Партии Германии, 14-го апреля

1920 г. в своем докладе справедливо указал, что остались две державы, которые самостоятельно выступают теперь в мире: Англия и Америка. Только Америка оказалась в финансовом положении абсолютно самостоятельной. Она была должником до войны, теперь она только кредитор. Все остальные державы мира в долгу. Англия попала в такое положение, что актив ее 18 миллиардов, пассив—17 миллиардов, она наполовину уже попала в положение должника. Притом в ее актив попало около 6 миллиардов, которые должна Россия. Военные запасы, которые во время войны делала Россия, включаются в ее долг. Недавно, когда Красин¹⁵⁸) имел случай беседовать с Ллойд-Джорджем, как представитель Российского Советского правительства, на тему о долговых договорах, он наглядно выяснил ученым и политикам, вождям английского правительства, что если они рассчитывают получить долги, то они находятся в странном заблуждении. Заблуждение это вскрыл уже английский дипломат Кейнс¹⁵⁹).

Дело, конечно, не только в том, и даже не в том, что русское революционное правительство не хочет платить долгов. Какое угодно правительство не могло бы заплатить, потому что эти долги есть ростовщический начет на то, что уже 20 раз оплачено, а этот же самый буржуа Кейнс, несколько не сочувствующий русскому революционному движению, говорит: «Понятно, что этих долгов считать нельзя».

Относительно Франции Кейнс приводит цифры такого рода: ее актив равняется трем с половиной миллиардам, а пассив—девяти с половиной. И это—страна, о которой сами французы говорили, что это ростовщик всего мира, потому что ее «сбережения» были колоссальны, колониальный и финансовый грабеж, составивший ей гигантский капитал, дал ей возможность давать займы миллиарды и миллиарды, в особенности России. С этих займов получался гигантский доход. И несмотря на это, несмотря на победу, Франция попала в положение должника.

Один буржуазный американский источник, приводимый товарищем Брауном, коммунистом, в его книге «Кто должен платить военные долги?» (Лейпциг 1920), определяет отношение долгов к национальному имуществу таким образом: в странах победивших, в Англии и Франции, долги составляют более 50% всего национального имущества. В отношении Италии процент этот составляет 60—70, в отношении России—90, но нас, как вы знаете, эти долги не беспокоят, потому что мы немножко раньше,

чем появилась книжка Кейнса, последовали его прекрасному совету—все долги аннулировали.

Кейнс только обнаруживает при этом обычную филистерскую странность: давая свой совет аннулировать все долги, он говорит, что, конечно, Франция только выиграет, конечно, Англия потеряет не очень много, ибо все равно с России ничего не возьмешь; порядком потеряет Америка, но Кейнс рассчитывает на американское «благородство». На этот счет мы разойдемся во взглядах с Кейнсом и с другими мешанскими пацифистами. Мы думаем, что для аннулирования долгов придется им подождать чего-нибудь иного и поработать в каком-нибудь ином направлении, а не в направлении расчетов на «благородство» господ капиталистов.

Из этих самых кратких цифр видно, что империалистская война создала также и для стран - победительниц положение невозможное. На это указывает и громадное несоответствие между заработной платой и ростом цен. Верховный Экономический Совет, который представляет из себя учреждение, защищающее буржуазный порядок всего мира от растущей революции, 8 марта текущего года вынес резолюцию, заканчивающуюся призывом к порядку, трудолюбию и бережливости, конечно, при условии, что рабочие останутся рабами капитала. Этот Верховный Экономический Совет, орган Антанты, орган капиталистов всего мира подвел такие итоги.

Цены продуктов повысились в среднем в Соединенных Штатах Америки на 120%, а заработная плата возросла там только на 100%. В Англии—продукты на 170%, заработная плата на 130%. Во Франции цены продуктов—на 300%, заработная плата на 200%. В Японии—продукты на 130%, заработная плата на 60% (я сопоставляю цифры тов. Брауна в его названной брошюре и цифры Верх. Экон. Совета из газеты «Таймс», от 10 марта 1920 г.).

Ясное дело, что при таком положении рост возмущения рабочих, рост революционных настроений и идей, рост стихийных массовых стачек неизбежен. Ибо положение рабочих становится невыносимым. Рабочие убеждаются на опыте, что капиталисты безмерно нажились на войне и сваливают расходы и долги на плечи рабочих. Недавно телеграф сообщил нам, что Америка хочет выслать к нам, в Россию, еще 500 коммунистов, чтобы избавиться от «вредных агитаторов».

Если бы даже Америка не 500, а целых 500.000 русских, американских, японских, французских «агитаторов» выслала

ж нам, то дело не изменится, ибо останется это несоответствие цен, с которым они поделаться ничего не могут. А поделаться они ничего не могут потому, что частная собственность у них строжайше охраняется, у них она «священна». Этого не надо забывать, ибо частная собственность эксплуататоров разрушена только в России. С этим несоответствием цен капиталисты ничего поделаться не могут, а рабочие при старой заработной плате жить не могут. Против этого бедствия никакими старыми методами ничего не поделаешь, никакие отдельные стачки, ни парламентская борьба, ни голосование сделать ничего не могут, ибо «частная собственность священна», и капиталисты накопили такие долги, что весь мир закабален у кучки людей; а между тем, условия жизни рабочих становятся все более и более невыносимыми. Выхода нет, кроме уничтожения «частной собственности» эксплуататоров.

Тов. Лапинский в своей брошюре «Англия и мировая революция», из которой наш «Вестник Народного Комиссариата Иностранных Дел» в феврале 1920 г. опубликовал ценные извлечения, указывает, что в Англии вывозные цены на уголь оказались вдвое большими, чем предполагали официальные промышленные круги.

В Ланкашире дошло до того, что рост ценности акций определился в 400%. Доход банков составляет 40—50% минимум, при чем надо еще отметить, что при определении дохода банков все банковые деятели умеют львиную часть дохода проводить тайком, таким образом, что это не называется доходом, а прячется под видом наградных, тантьем и т. п. Так что и тут бесспорные экономические факты показывают, что богатство ничтожной кучки людей возросло невероятно, неслыханная роскошь переходит все пределы, а в то же время нужда рабочего класса все усиливается. В особенности надо отметить еще то обстоятельство, которое чрезвычайно наглядно подчеркнул тов. Леви¹⁸⁰⁾ в своем названном выше докладе; это—изменение ценности денег. Деньги везде обесценились, вследствие долгов, выпуска бумажных денег и т. д. Тот же самый буржуазный источник, который я уже назвал, именно заявление Верховного Экономического Совета от 8 марта 1920 г., приводит расчет, что в Англии понижение ценности денег, по сравнению с долларами, составляет приблизительно одну треть; во Франции и Италии—две трети, а в Германии доходит до 96%.

Этот факт показывает, что механика мирового капиталистического хозяйства распадается целиком. Тех торговых отноше-

ний, на которых держится при капитализме получение сырья и сбыт продуктов, нет возможности продолжать; нет возможности продолжать их именно на почве подчинения целого ряда стран одной стране в силу изменения стоимости денег. Ни одна богатейшая страна не имеет возможности существовать, и не имеет возможности торговать, потому что она не может продавать своих продуктов, не может получить сырья.

Таким образом получается, что та же Америка, богатейшая страна, которой подчинены все страны, не может покупать и продавать. Тот же Кейнс¹⁸¹⁾, прошедший огонь и воду и медные трубы Версальских переговоров, вынужден признать эту невозможность, несмотря на всю его непреклонную решимость защищать капитализм, несмотря на всю его ненависть к большевизму. Кстати сказать, я не думаю, чтобы хоть одно коммунистическое или вообще революционное воззвание могло по своей силе сравниться с теми страницами у Кейнса, где он рисует Вильсона и «вильсонизм» на практике. Вильсон был идолом мещан и пацифистов, вроде Кейнса и ряда героев II Интернационала и даже Интернационала «два с половиной», которые молились на «14 пунктов» и писали даже «ученые» книги о «корнях» политики Вильсона, надеясь, что Вильсон спасет «социальный мир», помирит эксплуататоров с эксплуатируемыми, осуществит социальные реформы. Кейнс разоблачил наглядно, как Вильсон оказался дурачком, и все эти иллюзии разлетелись в прах при первом же соприкосновении с деловой, деляческой, купцовской политикой капитала в лице господ Клемансо и Ллойд-Джорджа. Рабочие массы видят теперь все яснее из опыта своей жизни, а ученые педанты могли бы видеть даже из книги Кейнса, что «корни» политики Вильсона сводились только к поповской глупости, к мелко-буржуазной фразе, к полному непониманию борьбы классов.

В силу всего этого совершенно неизбежно естественно вытекают два условия, два коренных положения. С одной стороны, нужда, разорение масс возросли неслыханно, и прежде всего по отношению к $1\frac{1}{4}$ миллиарда людей, т.-е. 70% всего населения земли. Это—страны колониальные, зависимые, с юридически бесправным населением, страны, на которые выдан «мандат» финансовым разбойникам. Да, кроме того, рабство побежденных стран закрепил Версальский договор и те тайные договоры, которые существуют по отношению к России, правда, в силе своей иногда столь же реальные, как и бумажки, на которых написано.

что мы должны столько-то миллиардов. Мы имеем в мировой истории первый случай юридического закрепления грабежа, рабства, зависимости, нищеты и голода по отношению к миллиарду с четвертью людей.

А с другой стороны, в каждой из стран, которые оказались кредиторами, рабочие оказались в положении невыносимом. Война принесла неслыханное обострение всех капиталистических противоречий; в этом источник того глубочайшего революционного брожения, которое разрастается, ибо на войне люди были поставлены в условия военной дисциплины, были брошены на смерть, или поставлены под угрозу немедленной военной расправы. Условия войны не давали возможности посмотреть на экономическую действительность. Писатели, поэты, поэты, вся печать шли на дело прославления войны и только. Теперь, когда война кончилась, начались разоблачения. Разоблачен германский империализм с его Брест-Литовским миром. Разоблачен Версальский мир, который должен был быть победой империализма, но оказался его поражением. Пример Кейнса показывает, между прочим, как десятки и сотни тысяч людей из мелкой буржуазии, из интеллигентов, из числа просто сколько-нибудь развитых, грамотных людей в Европе и Америке должны были пойти по этой дорожке, по которой пошел Кейнс, который вышел в отставку и бросил своему правительству в лицо книгу, это правительство изобличающую. Кейнс показал, что происходит и произойдет в сознании тысяч и сотен тысяч людей, когда они поймут, что все эти речи о «войне за свободу» и т. п. были сплошным обманом, что в результате обогатилось только незначительное число, а остальные разорились и попали в кабалу. Ведь, буржуа Кейнс говорит, что англичане должны для спасения своей жизни, для спасения английского хозяйства добиться, чтобы между Германией и Россией возобновились свободные торговые отношения. Каким же образом этого можно добиться? Таким образом, что аннулировать все долги, как предлагает Кейнс! Это—идея не одного только ученого экономиста Кейнса. К этой идее приходят и придут миллионы. Миллионы людей слышат, что буржуазные экономисты говорят, что выхода нет, кроме аннулирования долгов, а поэтому-де «проклятие большевикам» (которые долги аннулировали!) и давайте обратимся к «благородству» Америки! Я думаю, что таким экономистам-агитаторам за большевизм следовало бы от имени Съезда Коммунистического Интернационала послать благодарственный адрес.

Если, с одной стороны, экономическое положение масс оказалось невыносимым, если, с другой стороны, среди ничтожного меньшинства всемогущих стран-победительниц начался и усиливается распад, иллюстрируемый Кейнсом, то мы видим налицо как раз нарастание обоих условий мировой революции.

Мы имеем теперь перед глазами несколько более полную картину всего мира. Мы знаем, что такое означает эта зависимость от горстки богачей миллиарда с четвертью людей, которые поставлены в условия невозможного существования. А с другой стороны, когда преподнесли народам договор Лиги Наций, по которому Лигой Наций объявляется, что она прекратила войны и отныне не позволит никому нарушать мир, когда этот договор, как последняя надежда трудящихся масс во всем мире, вступил в действие, это оказалось величайшей победой для нас. Когда он еще не вступал в действие, тогда говорили: нельзя такую страну, как Германия, не подчинять особым условиям; вот когда будет договор, увидите, как это хорошо выйдет. Когда договор был опубликован, ярые противники большевизма должны были отречься от него! Когда договор начал вступать в действие, оказалось, что ничтожную группу богатейших стран, эту «толстую четверку»—Клемансо, Ллойд-Джорджа, Орландо и Вильсона—посадили устраивать новые отношения! Когда пустили в ход машину договора, она привела к полному распаду!

Это мы видели на войнах против России. Слабая, разоренная, подавленная Россия, самая отсталая страна в ряду всех наций, в ряду союза богатых, могущественных держав, которые господствуют над всей землей, оказывается победительницей. Мы не могли противопоставить хоть сколько-нибудь равной силы, а оказались победителями. Почему? Потому что между ними не было ни тени единства, потому что одна держава действовала против другой. Франции хотелось, чтобы Россия заплатила ей долги и была грозной силой против Германии. Англии хотелось дележа России. Англия пробовала захватить бакинскую нефть и заключить договор с окраинными государствами России. В английских официальных документах есть книга, где перечисляются с чрезвычайной добросовестностью все государства (их насчитали 14), которые пообещали с полгода тому назад, в декабре 1919 г. взять Москву и Петроград. На этих государствах Англия строила свою политику, давала им займы миллионы и миллионы. Но теперь все эти расчеты крахнули и все займы лопнули.

Вот положение, которое создала Лига Наций. Каждый день существования этого договора есть лучшая агитация за большевизм, ибо самые могущественные сторонники капиталистического «порядка» показывают, что по каждому вопросу они подставляют друг другу ножку. Из-за делажа Турции, Персии, Месопотамии, Китая идет бешеная грызня между Японией, Англией, Америкой и Францией. Буржуазная пресса этих стран полна самых бешеных нападок, самых озлобленных выступлений против своих «коллег» за то, что они вырывают из-под носа добычу. Мы видим полный распад наверху среди этой кучки ничтожнейшего числа богатейших стран. Невозможно миллиарду с четвертью людей жить так, как хочет их поработить «передовой» цивилизованный капитализм, а ведь это 70% населения земли. А ничтожнейшая кучка богатейших держав, Англия, Америка, Япония (Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может), эти 2—3 страны не в состоянии наладить экономические отношения и направляют свою политику к срыву политики своих участников и партнеров по Лиге Наций. Отсюда вытекает мировой кризис. Эти экономические корни кризиса являются основной причиной того, почему Коммунистический Интернационал одерживает блестящие успехи.

Товарищи! Мы подошли теперь к вопросу о революционном кризисе, как основе нашего революционного действия. И тут надо, прежде всего, отметить две распространенные ошибки. С одной стороны, буржуазные экономисты изображают этот кризис как простое «беспокойство», по изящному выражению англичан. С другой стороны, иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный.

Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплуатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплуатируемых. Пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный

строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции.

Для подготовки этого «доказательства» и собрались мы, главным образом, на настоящий Конгресс Коммунистического Интернационала.

В пример того, до какой степени господствует еще оппортунизм среди партий, желающих примкнуть к III Интернационалу, до какой степени далека еще работа иных партий от подготовки революционного класса к использованию революционного кризиса, я приведу вождя английской «Независимой Рабочей Партии»¹⁵⁾, Рамсея Макдональда¹³⁹⁾. В своей книге «Парламент и революция», посвященной как раз коренным вопросам, занимающим теперь и нас, Макдональд описывает положение дел приблизительно в духе буржуазных пацифистов. Он признает, что революционный кризис налицо, что революционное настроение растет, что рабочие массы сочувствуют Советской власти и диктатуре пролетариата (заметьте: речь идет об Англии!), что диктатура пролетариата лучше, чем теперешняя диктатура английской буржуазии.

Но Макдональд остается насквозь буржуазным пацифистом и соглашателем, мелким буржуа, мечтающим о внеклассовом правительстве. Макдональд признает классовую борьбу только как «описательный факт», подобно всем лгунам, софистам и педантам буржуазии. Макдональд проходит молчанием опыт Керенского и меньшевиков с эс-эрами в России, однородный опыт Венгрии, Германии и т. д. на счет создания «демократического» и, будто бы, внеклассового правительства. Макдональд усыпляет свою партию и тех рабочих, которые имеют несчастье принимать этого буржуа за социалиста и этого филистера за вождя, словами: «Мы знаем, что это (т.-е. революционный кризис, революционное брожение) пройдет, уляжется». Война-де неизбежно вызвала кризис; но после войны, хотя бы и не сразу, «все уляжется».

Так пишет человек, являющийся вождем партии, желающей примкнуть к III Интернационалу. Мы имеем здесь редкое по откровенности и тем более ценное разоблачение того, что наблюдается не менее часто на верхах французской социалистической и германской независимой с.-д. партий, именно: не только не-

уменьше, но и нежелание использовать в революционном смысле революционный кризис, или, другими словами, и неумение, и нежелание вести действительно революционную подготовку партии и класса к диктатуре пролетариата.

Это—основное зло очень и очень многих партий, ныне отходящих от II Интернационала. Именно поэтому я больше всего останавливаюсь в тех тезисах, которые я предложил настоящему конгрессу, на возможно более конкретном и точном определении задач подготовки к диктатуре пролетариата.

Еще один пример. Недавно опубликована новая книга против большевизма. Книг такого рода выходит теперь в Европе и Америке необыкновенно много, и чем больше выходит книг против большевизма, тем сильнее и быстрее растут в массах симпатии к нему. Я имею в виду книгу Отто Бауэра ²³⁾ «Большевизм или социал-демократия?». Здесь для немцев наглядно показано, что такое меньшевики, позорная роль которых в русской революции достаточно понята рабочими всех стран. Отто Бауэр дал насквозь меньшевистский памфлет, хотя и скрыл свое сочувствие меньшевизму. Но в Европе и Америке необходимо теперь распространить более точное знание того, что такое меньшевизм, ибо это есть родовое понятие для всех якобы социалистических, социал-демократических и т. п. направлений, враждебных большевизму. Нам, русским, было бы скучно писать для Европы о том, что такое меньшевизм. Отто Бауэр показал это на деле в своей книге, и мы заранее благодарим буржуазных и оппортунистических издателей, которые будут издавать ее и переводить на разные языки. Книга Бауэра будет полезным, хотя и своеобразным дополнением к учебникам коммунизма. Возьмите любой параграф, любое рассуждение у Отто Бауэра и докажите, в чем тут меньшевизм, где тут корни взглядов, ведущих к практике предателей социализма, друзей Керенского, Шейдемана и т. д.—такова будет задача, которую с пользой и с успехом можно бы предлагать на «экзаменах» для проверки того, усвоен ли коммунизм. Если вы этой задачи решить не можете, вы еще не коммунист и вам лучше не входить в коммунистическую партию.

Отто Бауэр превосходно выразил всю суть взглядов всемирного оппортунизма в одной фразе, за которую, если бы мы свободно распоряжались в Вене, мы должны были бы поставить ему при жизни памятник. «Применение насилия в классовой борьбе современных демократий,—изрек О. Бауэр,—было бы насилием над социальными факторами силы».

Вероятно, вы найдете, что это звучит странно и непонятно. Вот образец того, до чего довели марксизм, до какой пошлости и защиты эксплуататоров можно довести самую революционную теорию. Нужна немецкая разновидность мещанства, и вы получите «теорию», что «социальные факторы силы», это—число, организованность, место в процессе производства и распределения, активность, образование. Если батрак в деревне, рабочий в городе совершает революционное насилие над помещиком и капиталистом, это не есть вовсе диктатура пролетариата, вовсе не насилие над эксплуататорами и угнетателями народа. Ничего подобного. Это—«насилие над социальными факторами силы».

Может быть, мой пример вышел немного юмористическим. Но такова уже натура современного оппортунизма, что его борьба с большевизмом превращается в юмористику. Втянуть рабочий класс, все, что есть мыслящего в нем, в борьбу интернационального меньшевизма (Макдональдс, О. Бауэрс и К^о) с большевизмом—дело для Европы и Америки самое полезное, самое настоятельное.

Тут мы должны поставить вопрос, чем объясняется прочность таких направлений в Европе, и почему этот оппортунизм в Западной Европе сильнее, чем у нас. Да потому, что передовые страны создали и создают свою культуру возможностью жить за счет миллиарда угнетенных людей. Потому что капиталисты этих стран получают много сверх того, что они могли бы получить, как прибыль от грабежа рабочих своей страны.

До войны считали, что три богатейших страны: Англия, Франция и Германия, от одного только вывоза капитала за границу, не считая других доходов, имеют в год 8—10 миллиардов франков дохода.

Понятно, что из этой милой суммы можно бросить хотя бы полмиллиарда на подачку рабочим вождям, рабочей аристократии, на всякого вида подкупы. Все дело сводится именно к подкупу. Это делается тысячами разнообразных путей: повышением культуры в наиболее крупных центрах, созданием образовательных учреждений, созданием тысячи местечек для вождей кооперативов, для вождей трэд-юнионов, парламентских вождей. Но это делается везде, где есть современные, цивилизованные, капиталистические отношения. Эти миллиарды сверхприбыли есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении. Мы имеем в Америке, в Англии, во Франции неизмеримо более сильное упорство оппортунистических вождей, верхушки рабочего класса, аристократии рабочих; они оказывают

более сильное сопротивление коммунистическому движению. Поэтому мы должны быть готовы к тому, что освобождение американских и европейских рабочих партий от этой болезни пойдет труднее, чем у нас. Мы знаем, что со времени основания III Интернационала в деле излечения этой болезни сделаны громадные успехи, но до решительного конца мы еще не дошли: очищение рабочих партий, революционных партий пролетариата во всем мире от буржуазного влияния, от оппортунистов в их собственной среде далеко еще не закончилось.

Я не буду останавливаться на том, как конкретно мы должны это провести. Об этом говорится в моих тезисах, которые опубликованы. Мое дело—указать здесь на глубокие экономические корни этого явления. Болезнь эта затянулась, излечение ее затянулось дольше, чем оптимисты могли надеяться. Оппортунизм—наш главный враг. Оппортунизм в верхах рабочего движения это—социализм не пролетарский, а буржуазный. Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению,—лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться. Это доказывает не только история режима Керенского в России, это доказывается демократической республикой в Германии, с ее социал-демократическим правительством во главе, это доказывается отношением Альберта Тома к своему буржуазному правительству. Это доказывает аналогичный опыт в Англии и Соед. Штатах. Здесь наш главный враг, и нам надо над этим врагом одержать победу. Нам надо уйти с Конгресса с твердым решением, чтобы во всех партиях эту борьбу довести до конца. Это главная задача.

По сравнению с этой задачей, исправление «ошибок» левого течения в коммунизме будет задачей легкой. В целом ряде стран мы наблюдаем антипарламентаризм, который не столько приносится выходцами из мелкой буржуазии, сколько поддерживается некоторыми передовыми отрядами пролетариата из ненависти к старому парламентаризму, из законной, правильной, необходимой ненависти к поведению парламентских деятелей в Англии, во Франции, в Италии, во всех странах. Надо дать руководящие указания от Коммунистического Интернационала, познакомить товарищей ближе, теснее с русским опытом, со значением настоящей пролетарской политической партии. В решении этой задачи будет состоять наша работа. Борьба с этими ошибками пролетарского движения, с этими недостатками будет в тысячу раз легче,

чем борьба с той буржуазией, которая под видом реформистов входит в старые партии II Интернационала и направляет всю их работу не в пролетарском, а в буржуазном духе.

Товарищи, я в заключение остановлюсь еще на одной стороне дела. Здесь товарищ председатель говорил о том, что Конгресс заслуживает названия всемирного. Я думаю, что он прав потому в особенности, что мы имеем здесь немало представителей революционного движения колониальных, отсталых стран. Это только слабое начало, но важно уже то, что это начало положено. Объединение революционных пролетариев капиталистических, передовых стран с революционными массами тех стран, где пролетариата нет или почти нет, с угнетенными массами колониальных, восточных стран, это объединение происходит на настоящем конгрессе. От нас зависит,—я уверен, что мы это сделаем,—это объединение закрепить. Всемирный империализм должен пасть, когда революционный натиск эксплуатируемых и угнетенных рабочих внутри каждой страны, побеждая сопротивление мещанских элементов и влияние ничтожной верхушки рабочей аристократии, соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории, рассматривалось только как ее объект.

Империалистская война помогла революции, буржуазия вырвала из колоний, из отсталых стран, из заброшенности солдат для участия в этой империалистской войне. Английская буржуазия внушала солдатам из Индии, что дело индусских крестьян защищать Великобританию от Германии, французская буржуазия внушала солдатам из французских колоний, что дело чернокожих защищать Францию. Они учили уменью владеть оружием. Это чрезвычайно полезное умение, и мы за это буржуазию глубочайше могли бы благодарить, благодарить от имени всех русских рабочих и крестьян и от имени всей русской Красной армии особенно. Империалистская война втянула зависимые народы в мировую историю. Одна из важнейших наших задач теперь—подумать над тем, как положить первый камень организации советского движения в некапиталистических странах. Советы там возможны; они будут не рабочими, они будут крестьянскими советами или советами трудящихся.

Потребуется много работы, будут неизбежны ошибки, много трудностей встретится на этом пути. Основная задача II Конгресса—выработать или наметить практические начала, чтобы работа, которая до сих пор шла среди сотен миллионов людей

неорганизованно, пошла бы организовано, сплоченно, систематично.

Через год, немногим больше, после I Конгресса Коммунистического Интернационала ¹⁸²⁾ мы выступаем теперь победителями по отношению ко II Интернационалу. Советские идеи распространены теперь не только среди рабочих цивилизованных стран, не только им понятны и известны; рабочие во всех странах смеются над умниками, среди которых немало таких, которые называют себя социалистами, и которые рассуждают ученым или почти ученым образом о советской «системе», как любят выражаться систематические немцы, или о советской «идее», как выражаются английские «гильдейские» социалисты; эти рассуждения о советской «системе» и «идее» засоряют нередко рабочим глаза и умы. Но рабочие отмечают этот педантский сор прочь и берутся за оружие, которое советы дали. Понимание роли и значения советов распространилось теперь и на страны Востока.

Начало советскому движению положено на всем Востоке, во всей Азии, среди всех колониальных народов.

То положение, что эксплуатируемый должен восстать против эксплуататора и создать свои советы, не слишком сложно. Оно после нашего опыта, после двух с половиной лет Советской республики в России, после I Конгресса III Интернационала, становится доступным сотням миллионов угнетенных эксплуататорами масс во всем мире, и если мы теперь в России нередко вынуждены заключать компромиссы, выжидать время, ибо мы слабее, чем международные империалисты, то мы знаем, что миллиард с четвертью населения является той массой, интересы которой защищаем мы. Нам пока мешают те рогатки, те предрассудки, то невежество, которое с каждым часом уходит в прошлое, но мы, чем дальше, тем больше, представляем и защищаем на деле эти 70% населения земли, эту массу трудящихся и эксплуатируемых. Мы можем с гордостью сказать: на первом Конгрессе мы были, в сущности, только пропагандистами, мы только бросали пролетариату всего мира основные идеи, мы только бросали призыв к борьбе, мы только спрашивали: где люди, которые способны пойти по этому пути? Теперь у нас везде есть передовой пролетариат. Есть везде, хотя и иногда и плохо организованная, требующая переорганизации пролетарская армия, и если наши международные товарищи помогут нам теперь организовать единую армию, то никакие недочеты не мешают нам наше дело сделать. Это дело есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики.

Речь о роли коммунистической партии.

(Заседание 23 июля 1920 г.)

Товарищи, я хотел бы сделать несколько замечаний, имеющих отношение к речам т.т. Теннера ¹⁸³⁾ и Мак-Лейна ¹⁸⁴⁾. Теннер говорит, что он стоит за диктатуру пролетариата, но диктатура пролетариата представляется ему не совсем такою, какою ее представляем себе мы. Он говорит, что мы понимаем под диктатурой пролетариата в сущности диктатуру его организованного и сознательного меньшинства.

И действительно, в эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются непрерывной эксплуатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. Политическая партия может объединить лишь меньшинство класса, так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собою. Если т. Теннер говорит, что он враг партии, но в то же время за то, чтобы меньшинство лучше всего организованных и наиболее революционных рабочих указывало путь всему пролетариату, то я говорю, что разницы между нами в действительности нет. Что представляет собой организованное меньшинство? Если это меньшинство действительно сознательно, если оно умеет вести за собой массы, если оно способно ответить на каждый вопрос, становящийся в порядок дня, тогда оно, в сущности, является партией. Если такие товарищи, как Теннер, с которыми мы особенно считаемся, как с представителями массового движения, и чего нельзя без натяжки сказать о представителях Британской Социалистической Партии, если эти товарищи стоят за то, чтобы существовало меньшинство, которое организовано боролось бы за диктатуру, и которое воспитывало бы в этом направлении рабочие массы, то, в сущности, такое меньшинство есть не что иное, как партия. Тов. Теннер говорит, что это меньшинство должно организовать и вести за собой всю рабочую массу. Если т. Теннер и другие товарищи из группы шоп-стюарт и союза Индустриальных Рабочих Мира (I. W. W.) это признают—а каждый день мы при беседах с ними видим, что они действительно

это признают,—если они одобряют такое положение, когда сознательное коммунистическое меньшинство рабочего класса ведет за собою пролетариат, то они должны согласиться и с тем, что смысл всех наших резолюций именно таков. Единственное различие, которое существует между нами, заключается в своего рода недоверии, которое английские товарищи питают к политической партии. Они представляют себе политические партии не иначе, как наподобие Гомперса и Гендерсона ²⁷⁾, или партию парламентарских дельцов, изменников делу рабочего класса. Если они представляют себе парламентаризм именно таким, каким в настоящее время является парламентаризм английский и американский, то мы также являемся врагами подобного парламентаризма и подобных политических партий. Нам нужны новые партии, партии иные. Нам нужны такие партии, которые находились бы постоянно в действительной связи с массами и которые умели бы этими массами руководить.

Я перехожу к третьему вопросу, который я хотел здесь затронуть в связи с речью тов. Мак-Лейна. Он является сторонником слияния английской коммунистической партии с Рабочей Партией. Я уже высказался по этому вопросу в моих тезисах о допущении в III Интернационал. Я оставил этот вопрос открытым, но, поговорив со многими товарищами, я пришел к убеждению, что решение остаться в рядах Рабочей Партии является действительно правильным решением. Теперь, когда тов. Мак-Лейн говорит нам: «не будьте слишком догматичны»,—это выражение кажется не совсем уместным. Т. Рамзай ¹⁸⁵⁾ говорит: «позвольте нам, английским коммунистам, самим решить этот вопрос». Чем же был бы Интернационал, если бы всякая маленькая фракция приходила бы и говорила: «некоторые из нас стоят за это, некоторые—против. Предоставьте нам решить самим»? Зачем бы тогда понадобились Интернационал, конгресс и вся эта дискуссия? Т. Мак-Лейн говорил лишь о роли политической партии. Но ведь то же самое относится и к профессиональным союзам и к парламентаризму. Совершенно верно, что большая часть лучших революционеров против присоединения к Рабочей Партии, так как они отрицательно относятся к парламентаризму, как средству борьбы. Поэтому лучше всего перенести этот вопрос в комиссию, где он должен быть во всяком случае обсужден и решен именно на данном конгрессе III Интернационала. Мы не можем согласиться с тем, что он касается только коммунистов. Мы должны сказать вообще, какая тактика является правильной.

Теперь я остановлюсь на некоторых аргументах тов. Мак-Лейна, в связи с вопросом об английской Рабочей Партии. Нужно говорить открыто: партия коммунистов может соединиться с Рабочей Партией только при условии, если она сохранит полную свободу критики и сможет вести свою собственную политику. Это является весьма важным условием; когда т. Серрати говорит по этому поводу о сотрудничестве классов, то я заявляю, что этого сотрудничества здесь не будет. Если итальянские товарищи оставляют в своей партии оппортунистов вроде Турати и К⁰, т.-е. буржуазные элементы, то это, действительно, есть сотрудничество классов. Но в данном случае, в отношении к английской Рабочей Партии, дело идет лишь о сотрудничестве передового меньшинства английских рабочих с их подавляющим большинством. Члены Рабочей Партии,—это все члены профессиональных союзов. Это очень оригинальная структура, которой мы не находим ни в какой другой стране. Эта организация охватывает 6 или 7 миллионов рабочих из всех профессиональных союзов. Их не спрашивают о том, каковы их политические убеждения. Пусть докажет мне т. Серрати, что нам кто-нибудь помешает использовать там право критики. Когда вы это докажете, только тогда вы докажете, что тов. Мак-Лейн ошибается. Британская Социалистическая Партия может вполне свободно говорить, что Гендерсон предатель, и тем не менее оставаться в рядах Рабочей Партии. Здесь осуществляется сотрудничество авангарда рабочего класса с отсталыми рабочими, с арьергардом. Это сотрудничество имеет настолько большое значение для всего движения, что мы категорически настаиваем на том, чтобы английские коммунисты являлись связующим звеном между партией, т.-е. меньшинством рабочего класса, и всей остальной массой рабочих. Если меньшинство не умеет руководить массами, тесно связаться с ними, то оно не является партией и вообще ничего не стоит, хотя бы оно называло себя партией или национальным комитетом советов фабричных старост,—насколько я знаю, советы фабрично-заводских старост в Англии имеют свой национальный комитет. До тех пор, пока противное не будет доказано, мы можем сказать, что английская Рабочая Партия состоит из пролетариев, и что, оставаясь в ее рядах, мы сможем осуществлять сотрудничество авангарда рабочего класса с рабочими отсталыми. Если это сотрудничество не будет систематически осуществляться, тогда коммунистическая партия ничего не стоит, и тогда не может быть речи ни о какой диктатуре пролетариата. Если наши итальянские товарищи не

имеют более убедительных аргументов, то мы должны будем позднее здесь окончательно решить вопрос на основании того, что мы знаем, и придем к заключению, что вхождение является правильной тактикой.

Т.т. Теннер и Рамзай говорят нам, что большинство английских коммунистов не согласится на объединение, но должны ли мы непременно соглашаться с большинством? Совсем нет. Если оно не поняло еще, какая тактика правильна, быть может, можно выждать. Даже параллельное существование двух партий на некоторое время было бы лучше, чем отказ от ответа на то, какая тактика правильна. Конечно, исходя из опыта всех членов Конгресса, на основании приведенных здесь аргументов, вы не будете настаивать на том, чтобы мы здесь же вынесли постановление о немедленном создании во всех странах единой коммунистической партии. Это невозможно. Но сказать здесь откровенно наше мнение, дать директивы мы можем. Мы должны вопрос, затронутый английской делегацией, изучить в специальной комиссии и после этого сказать: правильная тактика, это—вхождение в Рабочую Партию. Если большинство будет против этого, мы должны организовать меньшинство отдельно. Это будет иметь воспитательное значение. Если английские рабочие массы все еще верят в прежнюю тактику, мы проверим наши выводы на ближайшем конгрессе. Но мы не можем сказать, что этот вопрос касается лишь Англии; это было бы подражанием самым худшим привычкам II Интернационала. Мы должны открыто высказать свое мнение. Если английские коммунисты не придут к соглашению и если массовая партия не создана, то раскол так или иначе неизбежен.

Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам.

(Заседание 26-го июля 1920 г.)

Товарищи, я ограничусь лишь кратким введением, а затем тов. Маринг¹⁸⁶), бывший секретарем нашей Комиссии, представит вам подробный доклад о тех изменениях, которые мы сделали в тезисах. После него возьмет слово тов. Рой¹⁸⁷), формулировавший дополнительные тезисы. Комиссия наша приняла единогласно как первоначальные тезисы с изменениями, так и дополнительные. Таким образом нам удалось прийти к полному единодушию по всем важнейшим вопросам. Теперь сделаю несколько кратких замечаний

Во-первых, что является самой важной, основной идеей наших тезисов? Различие между угнетенными и угнетающими народами. Мы подчеркиваем это различие—в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии. Для пролетариата и Коммунистического Интернационала особенно важно в эпоху империализма констатировать конкретные экономические факты и при решении всех колониальных и национальных вопросов исходить не из абстрактных положений, а из явлений конкретной действительности.

Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой. Громадное большинство, насчитывающее больше миллиарда, по всей вероятности, миллиард с четвертью человек, если мы примем численность всего населения земли в один три четверти миллиарда, т.-е. около 70% населения земли, принадлежит угнетенным народам, которые или находятся в непосредственной колониальной зависимости, или относятся к окраинным колониальным государствам, как, напр., Персия, Турция, Китай, или же, будучи побеждены армией крупной империалистской державы, по договорам оказались в зависимости от нее. Эта идея различия, разделения народов на угнетающих и угнетенных проходит через все тезисы, не только через первые, появившиеся за моею подписью и напечатанные ранее, но и через тезисы тов. Роя. Последние написаны главным образом с точки зрения положения Индии и др. крупных народностей, угнетаемых Англией, и в этом заключается их важнейшее значение для нас.

Вторая руководящая мысль наших тезисов заключается в том, что при теперешнем мировом положении, после империалистической войны, взаимные отношения народов, вся мировая система государства, определяются борьбой небольшой группы империалистических наций с советским движением и советскими государствами, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира. Только став на эту точку зрения, коммунистические партии могут правильно поставить любой политический вопрос, относящийся к цивилизованным или отсталым странам, и дать ответ на этот вопрос.

В-третьих, мне хотелось бы особенно подчеркнуть вопрос о буржуазно-демократическом движении в отсталых странах. (Именно этот вопрос вызвал некоторые разногласия.) Мы спорили о том, будет ли принципиально и теоретически правильным заявить, что Коммунистический Интернационал и коммунистические партии должны поддерживать буржуазно-демократическое движение в отсталых странах, или нет; в результате этой дискуссии мы пришли к единогласному решению о том, чтобы вместо «буржуазно-демократического» движения говорить о национально-революционном движении. Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое националистическое движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений. Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах. Но тут приводились возражения, что если мы будем говорить о буржуазно-демократическом движении, то сотрется всякое различие между реформистским и революционным движением. А между тем различие это за последнее время в отсталых и колониальных странах проявилось с полной ясностью, ибо империалистическая буржуазия всеми силами старается насадить реформистское движение и среди угнетенных народов. Между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто, пожалуй даже в большинстве случаев, буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т.-е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов. В комиссии это было неопровержимо доказано, и мы сочли единственно правильным принять во внимание это различие и почти всюду заменить выражение «буржуазно-демократический» выражением «национально-революционный». Смысл этой замены тот, что мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплоа-

тируемых. Если же нет на-лицо и этих условий, то коммунисты должны в этих странах бороться против реформистской буржуазии, к которой принадлежат и герои II Интернационала. Реформистские партии уже существуют в колониальных странах, и иногда их представители называют себя социал-демократами и социалистами. Упомянутое различие проведено теперь во всех тезисах, и я думаю, что благодаря этому наша точка зрения формулирована теперь гораздо точнее.

Затем я хотел еще сделать замечание о крестьянских советах. Практическая работа русских коммунистов в колониях, принадлежавших раньше царизму, в таких отсталых странах, как Туркестан и проч., поставила перед нами вопрос о том, каким образом применять коммунистическую тактику и политику в докапиталистических условиях, ибо важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения и поэтому там не может быть и речи о чисто пролетарском движении. В этих странах почти нет промышленного пролетариата. Несмотря на это, мы и там взяли на себя и должны взять на себя роль руководителей. Наша работа показала нам, что в этих странах приходится преодолевать колоссальные трудности, но практические результаты нашей работы показали также, что, несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата. Эта работа была труднее для нас, чем для товарищей из западно-европейских стран, так как пролетариат в России завален государственной работой. Вполне понятно, что крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле. Ясно также, что угнетенные массы, эксплуатируемые не только купеческим капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе, могут применять это оружие, этот вид организации и в своих условиях. Идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям. Наш опыт в этой области пока еще не очень велик, но дебаты в комиссии, в которых принимало участие несколько представителей колониальных стран, доказали нам с полной неопровержимостью, что в тезисах Коммунистического Интернационала необходимо указать на то, что крестьянские советы, советы эксплуатируемых, являются средством, пригодным не только для

капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями, и что безусловным долгом коммунистических партий и тех элементов, которые примыкают к ним, является пропаганда идеи крестьянских советов, советов трудящихся всюду и везде, и в отсталых странах и в колониях; и там они должны стараться, насколько позволяют условия, создавать советы трудящегося народа.

Здесь перед нами открывается очень интересная и важная область практической работы. Пока еще наш общий опыт в этом отношении не особенно велик, но мало-по-малу у нас будет накапливаться все больше и больше материалов. Не может быть никаких споров о том, что пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам, и что развитие отсталых стран может выйти из своей нынешней стадии, когда победоносный пролетариат советских республик протянет руку этим массам и сможет оказать им поддержку.

По этому вопросу в комиссии велись довольно оживленные дебаты не только в связи с тезисами, подписанными мною, но еще более в связи с тезисами тов. Роя, которые он здесь будет защищать и к которым некоторые поправки были единогласно приняты.

Постановка вопроса была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса? Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Какие средства для этого необходимы,—заранее указать невозможно. Нам подскажет это практический опыт. Но установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея советов, что эти организации, советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя, и что работа коммунистической партии в этом направлении должна начаться немедленно во всем мире.

Я еще хотел бы отметить значение революционной работы коммунистических партий не только в их собственной стране, но также среди войск, которыми пользуются эксплуатирующие нации, чтобы держать в подчинении народности своих колоний.

Тов. Квелч¹⁸⁸), из Британской Социалистической Партии, говорил об этом в нашей комиссии. Он указал, что рядовой английский рабочий счел бы за измену помогать порабощенным народам в их восстаниях против английского владычества. Верно, что настроенная джингоистски и шовинистически рабочая аристократия Англии и Америки представляет собою величайшую опасность для социализма и сильнейшую опору II Интернационала, что здесь мы имеем дело с величайшей изменой со стороны вождей и рабочих, принадлежащих к буржуазному Интернационалу. Во II Интернационале также обсуждали колониальный вопрос. Базельский манифест также говорил об этом совершенно ясно. Партии II Интернационала обещали действовать революционно, но действительной революционной работы и помощи эксплуатируемым и угнетенным народам в их восстаниях против угнетателей мы не видим у партий II Интернационала и, я полагаю, также и среди большинства партий, выступивших из II Интернационала и желающих вступить в III Интернационал. Мы должны об этом заявить во всеуслышание, и это не может быть опровергнуто. Мы увидим, будет ли сделана попытка к опровержению.

Все эти соображения и легли в основу наших резолюций, которые, несомненно, слишком длинны, но я верю, что они все-таки будут полезны и будут способствовать развитию и организации действительно революционной работы в национальном и колониальном вопросах, в чем и состоит наша главная задача.

Всем членам французской социалистической партии, всем сознательным пролетариям Франции

От президиума II конгресса Коммунистического Интернационала.

Последний съезд французской социалистической партии громадным большинством постановил выйти из II Интернационала, который всеми сознательными рабочими мира признан теперь изменнической организацией. Но тот же конгресс большинством около $\frac{2}{3}$ голосов отказался от немедленного вступления в Коммунистический Интернационал и ограничился двусмысленным постановлением о том, чтобы только завязать известные отношения с III Интернационалом и заняться организацией промежуточных партий, поместившихся между II и III Интернационалом.

Два делегата съезда, Марсель Кашен и Фроссар, прибыли в Россию для того, чтобы вести с нами переговоры по поводу постановления названного конгресса. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала в его расширенном составе (с участием делегатов от Италии, Англии, Америки, Австрии, Венгрии, Германии, Болгарии и др. стран) посвятил два полных заседания выяснению тех вопросов, которые связаны с приездом Кашена и Фроссара. И. К. имел с названными двумя делегатами французской социалистической партии, кроме того, ряд более тесных совещаний. Мы получили три их письменных доклада, которые напечатаны в официальной прессе Коммунистического Интернационала на всех языках. Мы пригласили Кашена и Фроссара с совещательным голосом на II всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Мы выслушали Кашена и Фроссара в комиссии конгресса. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, разумеется, считает своим долгом самым внимательным образом относиться к каждой делегации такой партии или группы, которая желает порвать со II Интернационалом и которая имеет намерение войти в ряды Коммунистического Интернационала.

Мы благодарны французской социалистической партии за то, что присылкой своих делегатов она дала нам возможность объясниться с вами открыто, на чистоту, как подобает революционерам.

Из нижеследующих строк вы узнаете, как смотрим мы на положение вещей во Франции. Наш ответ, мы уверены в этом, будет немедленно напечатан во Франции и станет предметом обсуждения всех сознательных французских рабочих.

Два обстоятельства выдвигаем мы во главу угла при оценке положения рабочей партии во Франции: 1) международную роль, какую играет сейчас французская буржуазия, 2) внутреннее положение самой французской социалистической партии.

Французская буржуазия в настоящее время по целому ряду условий играет, несомненно, самую реакционную роль во всем мире. Буржуазная Франция стала оплотом мировой реакции. Французский империалистический капитал на глазах всего мира взял на себя роль международного жандарма. Французская буржуазия больше всех сделала для удушения пролетарской советской республики в Венгрии. Французской буржуазии принадлежала и принадлежит первая роль в деле организации разбойничьего похода против Советской России. Французская буржуазия играет роль самого грязного палача на Балканах. И, наконец, французская же буржуазия взяла на себя главную работу по удушению развивающейся пролетарской революции в Германии. Ей принадлежала главная роль в выработке разбойничьего Версальского мира. Она посылает чернокожие войска для оккупации германских городов. Она на деле вступила в союз с германской буржуазией против германского рабочего класса. Нет того чудовищного преступления, которого не совершило бы правительство французской буржуазии. Нет злейшего врага у развивающейся мировой революции, как правительство французских капиталистов.

Это налагает особо важную интернациональную обязанность на французских рабочих и их партию. История захотела, чтобы на вас, французские пролетарии, возложена была тяжелая, высоко ответственная, но благодарная задача оказать отпор самому бешеному, самому безудержно реакционному отряду международной буржуазии.

Но Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала вынужден с сожалением констатировать,—и здесь мы переходим ко второму из указанных выше обстоятельств,— что внутреннее положение французской социалистической партии менее всего способствует тому, чтобы вы могли выполнить ту историческую миссию, которая возложена на вас ходом событий.

Передовые пролетарии Франции безусловно согласятся с нами, если мы скажем, что в течение четырех лет империалистической войны нигде, если не считать Германии, не совершалось такой низкой измены социализму, как именно в вашей стране прежним большинством вашей партии. Поведение вождей прежнего большинства: Реноделя¹¹⁰⁾, Тома¹⁸⁾, Самба¹⁹⁾ и др. после 4 августа 1914 г. нисколько не было лучше, чем грязное предательское поведение Шейдемахов и Носке²⁰⁾ в Германии. Вожди вашей партии не только вотировали за военные кредиты, но они всю партийную печать, весь партийный аппарат поставили на службу разбойничьей империалистской буржуазии. Эти вожди французской социалистической партии отравляли душу рядового солдата и рабочего. Они помогли империалистской буржуазии поднять во всей стране мутную волну неслыханного, чудовищного шовинизма. Они помогли буржуазии установить крепостной строй на фабриках и заводах, уничтожить даже самые умеренные законы о защите труда. Они взяли на себя полную ответственность за империалистскую бойню. Они сидели в правительстве французской буржуазии. Они выполняли самые грязные поручения коноводов Антанты. Когда началась февральская революция (1917 г.) в России, Альберт Тома, от имени партии, по поручению французских империалистов приезжал в Россию для того, чтобы убеждать русских рабочих и солдат продолжать империалистскую бойню. Французские социал-патриоты помогли французским капиталистам организовать поход русской белой гвардии, объявившей войну рабочему классу и крестьянству России.

Что касается прежнего меньшинства вашей партии, то оно никогда не вело против своего отвратительного большинства принципиальной, мощной и определенно ясной борьбы, той борьбы, которая была ее священным долгом. Ставши большинством, оно по-прежнему и до настоящего дня ведет двусмысленную политику, не проявляя ни должной решимости, ни надлежащей энергии, продолжая прежнюю печальную оппортунистическую линию.

Альберт Тома, Ренодель, Жуо¹⁴⁾ и другие продолжают и сейчас играть реакционнейшую роль слуг буржуазии. В рядах вашей партии не только заведомые социал-патриоты, но и многие видные представители «центра» (Лонге¹⁰⁾ и др.) до сих пор продолжают утверждать, что разбойничья империалистская бойня 1914—1918 г.г. была для Франции защитой отечества (defense national). Ваша партия в лице ее центрального большинства до сих пор не сказала еще ясно рабочим Франции, что последняя

мировая война была, как со стороны германской, так и со стороны французской буржуазии, войной грабительской, войной палаческой, войной разбойничьей. Речи Лонге, Форста, Прессмана¹⁹²⁾ и др. ваших вождей о «защите отечества», произнесенные еще на Страсбургском съезде, очень близки к социал-патриотизму.

Мы должны сказать вам откровенно, товарищи, что внутреннее положение во французской социалистической партии хуже, чем даже положение у германских независимых. Вы отстали по сравнению даже с германским темпом развития. Вы не раскололись еще с вашими открытыми изменниками социал-патриотами. Вы не сделали даже того, что сделали германские независимые еще в 1916 г. В вашей партии по-прежнему остаются такие изменники, как Альберт Тома, который не брезгает занимать ответственную должность в разбойничьей Лиге Наций. В вашей партии стоят еще такие персонажи, как Пьер Ренодель, усерднейший слуга французской буржуазии. Вы еще относитесь терпимо к таким предателям рабочего дела, каким является Жуо и его единомышленники, возрождающие теперь желтый Интернационал в профессиональных союзах. В ваших рядах вы терпите людей, которые по заказу капиталистов Антанты разыгрывают комедию организации международного бюро труда. В вашей партии остаются полноправными членами такие депутаты, которые имели бесстыдство воздерживаться от голосования, когда во французской палате депутатов решался вопрос о позорном, кровавом, грабительском Версальском договоре.

Согласитесь, товарищи, что такое положение внутри партии ни в коей мере не способствует тому, чтобы вы могли выполнить ту миссию, которую возложила на вас история.

Неудивительно, товарищи, что при таком положении вещей и нынешнее официальное большинство французской социалистической партии, которое считает себя интернационалистским, революционным, на деле ведет политику, полную колебаний, двусмысленностей и половинчатости.

Рассмотрим по очереди все важнейшие отрасли вашей теперешней повседневной работы: 1) вашу парламентскую работу, 2) вашу печать, 3) вашу пропаганду в деревне и в войсках, 4) ваше отношение к профессиональным союзам, 5) ваше отношение к новейшим актам насилия со стороны французского правительства, 6) ваше отношение к левому коммунистическому крылу вашей собственной партии, 7) ваше отношение к Интернационалу.

1. Парламентская работа вашей социалистической фракции в налоте депутатов по-прежнему является нереволуционной, непролетарской и несоциалистической. Каждый депутат социалист действует так, как захочет. Парламентская фракция в целом на деле партии не подчиняется. Она выполняет лишь те решения партийного большинства, которые нравятся ей. Она не служит рупором пролетарских масс Франции, которые горят негодованием против подлости французской буржуазии. Она не отчитывается перед рабочими массами. Она не разоблачает злодеяний французского правительства. Она не ведет революционной агитации среди многомиллионных масс бывших участников войны. Она не поставила себе задачи перед трудящимися массами Франции обрисовать весь злодейский характер только что закончившейся империалистской бойни. Она не зовет рабочих вооружаться. Она, одним словом, не только не подготавливает пролетарской революции, — она, напротив, саботирует ее всеми силами. Многие ваши парламентские депутаты по-прежнему остаются не политическими борцами рабочего класса, а политиками. Всем своим поведением многие ваши депутаты вызывают у рабочих масс Франции чувство отвращения ко всякой парламентской работе и тем льют воду на мельницу анархистов. Своим оппортунизмом ваша парламентская фракция только питает и усиливает ошибки и предрассудки синдикализма. У пролетарских масс в результате поведения ваших депутатов только крепнет презрительное отношение к парламентским интриганам, к тем людям, которые называют себя социалистами, а на деле якшаются с злейшими врагами рабочего класса.

2. Ваша ежедневная печать, в первую голову газеты «L'Humanité» и «Le Populaire», не являются революционными пролетарскими изданиями. Мы не видим в этих органах повседневной систематической пропаганды и агитации в пользу идей пролетарской революции. В лучшем случае в этих органах говорят сухие бездушные слова о диктатуре пролетариата, но эти слова не облачаются плотью и кровью во всей вашей повседневной литературной агитации. Ваши органы часто, как две капли воды, похожи на органы французской буржуазии. Вы так же отводите главное место парламентским пустякам и мелким «событиям» в буржуазных «сферах». Ваши органы не умеют и не хотят стать подлинными выразителями накипевшего революционного гнева пролетарских масс. Ваши органы не рисуют тех народных бедствий, которые переживают трудящиеся массы Франции в результате войны. Ваши органы ограничиваются сухими, формальными, педантски-

ми, платоническими протестами. Ваш орган пропаганды среди крестьян вы отдали в руки Компер-Морея, заведомого социал-патриота.

Необходимо, чтобы вы отказались от недопустимого метода пропорционального представительства, которое открывает страницы вашей партийной печати отравленным писаниям Реноделя и К^о.

3. То же приходится сказать о вашей агитации в деревне и в войсках. Эта агитация либо не существует вовсе, либо она носит явный реформистский характер. Где и когда ваша партия объясняла французским солдатам их революционные пролетарские обязанности? Насколько мы знаем, нигде и никогда. Если соотношение сил во Франции сейчас таково, что социалисты не могут делать это легально, обязанность каждого честного пролетария заключается в том, чтобы дополнить легальную работу нелегальной, но выполнить свой долг перед рабочим классом своей собственной страны и перед пролетариями всего мира.

4. Ваше отношение к профессиональным союзам (синдикатам) полно двусмысленности. Вы не только не ведете систематической идейной борьбы против социал-патриотических вождей Всеобщей Конфедерации Труда, вы прикрываете их. Когда Жуо и К^о помогают буржуазии восстановить в Амстердаме желтый Интернационал профессиональных союзов, когда этот же Жуо и К^о вместе с Альбертом Тома отправляются на международную конференцию труда, организуемую империалистами, когда лидеры Всеобщей Конфедерации Труда самым предательским образом срывают стачку 2 июля 1919 г., вы не объявляете против них похода, вы не ставите их к позорному столбу перед рабочими всей Франции, вы не разоблачаете их, как подлейших предателей рабочего дела. Нет, вы продолжаете с ними «сотрудничать». Вы в лучшем случае добродушно журите их, вы не боретесь против них. Вы не ставите своей задачей вырвать французские синдикаты из-под тлетворного влияния агентов капитала.

Во время последних крупных майских стачек, когда правительство заключало вас в тюрьмы, а компании выбрасывали за борт, один из ваших товарищей, Поль Бонкур, упрекал правительство в парламенте лишь в том, что оно забыло патриотизм, проявленный Жуо 2 августа 1914 г., и его великие заслуги во время войны и после нее.

5. Французская буржуазия последнее время совершает неслыханные акты насилия специально против левого крыла французского рабочего движения. Она бросает в тюрьмы Лорио¹¹⁾, Монатта¹⁶²⁾, Суварина¹⁹⁹⁾ и ряд других товарищей. Что сделали вы, чтобы дать отпор этому походу французских капиталистов? Почему не бьете вы в набат? Почему не поднимаете кампании по всей стране? Почему вы ограничиваетесь одной только почти филантропической агитацией?

6. Ваше отношение к левому коммунистическому крылу вашей собственной партии заставляет желать многого. Вы не ищете сближения с французскими коммунистами. Напротив, вы организуете борьбу против них. Вы ставите на очередь вхождение в Коммунистический Интернационал, но в то же время ничего, или почти ничего, не делаете для искреннего товарищеского сближения с коммунистами вашей собственной страны.

7. И, наконец, ваше отношение к Интернационалу. Вы оставались в рядах желтого, предательского II Интернационала до тех пор, пока из него не вышли немецкие независимые и пока французские рабочие не заставили нынешних вождей французского социалистического «центра» порвать с желтым Интернационалом. Вы послали своих делегатов на пресловутую Бернскую конференцию¹⁹³⁾. Некоторые из них, правда, защищали там русскую революцию, но были там и попытки спасения агонизирующего II Интернационала. Вы попытались создать новое промежуточное течение, так называемых «реконструкторов». Вы сейчас не заявляете прямо о своем вхождении в Коммунистический Интернационал... Вы заявили о выходе из II Интернационала и в то же время заявляли о солидарности с бельгийскими «социалистами», т.-е. с социал-предателем Вандервельде¹⁹⁴⁾, вождем II Интернационала. Вы заявили о своем желании войти в III Интернационал, а в то же время ваш официальный представитель Мистра подписывает во время капповского восстания⁵²⁾ декларации вместе с бюро II Интернационала, призывающие немецкий пролетариат защищать республику с Йоске и Шейдеманом. Вы либо замалчиваете существование III Интернационала, либо ведете против него полуприкрытую пропаганду.

Ваш представитель Фроссар в своем докладе, переданном нам в Москве, еще и теперь продолжает объяснять ваше невхождение в Коммунистический Интернационал тем, что в наш Интернационал будто бы еще не вошли наиболее крупные пар-

тии Западной Европы. Но вы не должны забывать: если под наиболее крупными партиями Западной Европы вы станете понимать партии, еще зараженные социал-патриотизмом, то эти партии нам не нужны и их мы в ряды Коммунистического Интернационала никогда не примем. Все же действительно революционные партии Европы и Америки находятся в наших рядах.

Коммунистический Интернационал стал настолько большой силой, что для некоторых социалистов он становится уже модой. Некоторые сторонники «центра» начинают именовать себя коммунистами и полагают, что можно войти в III Интернационал, продолжая на деле вести прежнюю полуреформистскую политику, этого Коммунистический Интернационал допустить не может. Мы не позволим разводить свою организацию водой. Коммунистический Интернационал должен оставаться боевым международным товариществом рабочих коммунистов.

Мы переходим теперь к прямым вопросам, которые поставлены нам в первом письменном докладе вашего представителя Фроссара. Этот доклад, между прочим, ставит нам вопрос о нашем отношении к профессиональным союзам (синдикатам) во Франции. Этот вопрос крайне важный, и на нем необходимо остановиться.

Из наших тезисов и других официальных документов Коммунистического Интернационала вы знаете, что мы самым решительным образом выступаем против тех немногочисленных «левых» коммунистов, которые предлагают выйти из рядов реакционных профессиональных союзов, махнуть рукой на эти профессиональные союзы и организовывать в противовес им какие-то новые, бесформенные, «всеобщие» рабочие союзы. Этот наш взгляд распространяется не только на свободно-желтые социал-демократические союзы Легина¹⁰⁰) и К^о, но и на французские синдикаты, во главе которых стоит Жюо и К^о. Мы против того, чтобы революционеры и коммунисты уходили из массовых профессиональных союзов даже в тех случаях, когда эти союзы имеют несчастье итти за Легиными и Жюо. Революционеры и коммунисты должны быть там, где находятся рабочие массы. Русские коммунисты также долгое время были в меньшинстве в профессиональных союзах. Русские коммунисты умели бороться за свои идеи в рамках самых отсталых и даже реакционных рабочих организаций.

Мы требуем от наших сторонников во Франции, чтобы они ни в коем случае не покидали рядов синдикатов. Напротив, если они хотят выполнить свой долг перед Коммунистическим Интернационалом, они обязаны усилить свою работу внутри синдикатов.

Последним прибежищем социал-патриотов являются ныне именно профессиональные союзы. II Интернационал, как политическая организация, развалился как картонный домик, а новый Амстердамский Интернационал желтых профессиональных союзов является еще значительной базой для социал-предателей. Амстердамский желтый Интернационал больше, чем Лига Наций, вреден и опасен сейчас мировой революции. Через Легиных, Гомперсов¹¹⁵⁾ и Жуо буржуазия пытается сделать из Амстердамского Интернационала профессиональных союзов такое же орудие своих грабительских целей, каким были социал-демократические партии всего мира в течение империалистской войны.

Это налагает на нас, коммунистов, обязанность удесятить свое внимание по отношению к профессиональному движению. Мы должны, во что бы то ни стало, вырвать эти профессиональные союзы из рук капиталистов и социал-предателей. Для этого мы должны быть внутри этих союзов, для этого мы должны лучшие свои силы направить туда.

Наши сторонники останутся внутри синдикатов, но они будут там действовать не разрезненно, не как людская пыль. В каждом союзе, в каждом отделе союза мы должны организовать коммунистическую группу, коммунистическую ячейку. Внутри союзов на почве повседневной борьбы мы обязаны разоблачать проделки больших и малых Жуо. Мы должны открывать глаза рядовым членам союзов. Мы должны изгонять из синдикатов социал-предательских вождей. Мы должны систематической и упорной борьбой вырывать союз за союзом изпод влияния социал-предателей и желтых социалистов типа Жуо. Русские большевики долголетней работой сумели выполнить эту задачу. Еще накануне Октябрьской революции русские коммунисты были в меньшинстве в синдикатах. Взявши власть в свои руки, давши сознательным рабочим в руки новые средства пропаганды, русские большевики сумели в течение короткого времени после революции завоевать громадное большинство профессионального движения. По этому пути должны идти коммунисты и революционеры всего мира.

Если в своем письменном московском докладе Фроссар заявляет: «Всеобщая Конфедерация Труда не сделает революции без нас (партии), мы не сделаем революции без них (синдикатов)», то эта фраза, по меньшей мере, недостаточна ясна. Революции нельзя сделать с теми, которые ее делать не хотят. Пролетарской революции вы не сделаете с господами Жуо, которые все свои помышления, все свои усилия отдали на то, чтобы сорвать пролетарскую революцию. Пролетарскую революцию вы сделаете лишь вопреки и против Жуо, как и вопреки Альберту Тома и Пьеру Реноделю. Если вы очистите партию от оппортунизма, если ваши депутаты в парламенте станут вести коммунистическую пропаганду, если вы выгоните желтых из рядов вашей собственной партии, если вы станете, одним словом, коммунистами, тогда рядовые рабочие, члены синдикатов, пойдут за вами против Жуо. Тем скорее вы победите предрассудки синдикализма, чем скорее вы сами разделаетесь с оппортунизмом.

Красные профессиональные союзы стали организовываться в международном масштабе. По инициативе Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала левые профессиональные союзы Италии, России, Англии создали тройственный союз ¹⁸⁵⁾, который созывает в августе или сентябре международный съезд красных профессиональных союзов, имеющий целью противопоставить себя Амстердамскому Интернационалу желтых профессиональных союзов. Поддержите это начинание во Франции. Добейтесь того, чтобы и ваши синдикаты присоединились к Интернационалу красных профессиональных союзов и разна-всегда порвали с желтыми. Такова задача подлинных революционеров во Франции.

В докладе Фроссара в форме полуупрека поставлен нам также вопрос о том, продолжаем ли мы настаивать на исключении определенных лиц из вашей партии.

Этот вопрос, разумеется, имеет серьезное значение, но не им одним определяется наше отношение к вам. Да, мы говорим вам прямо: вы отстали, даже по сравнению с немецкими независимыми. В то время, как немецкие независимые поставили уже, наконец, вопрос об исключении Каутского, а стало быть и каутскианцев, в вашей партии полноправными еще являются Альберт Тома и Ренодель, т.-е. французские Носке и Шейдеман. Да, мы заявляем совершенно определенно, что, несмотря на ту борьбу, которую Лонге ведет в пользу русской революции,

несмотря на его словесное приятие диктатуры пролетариата, идеологическая позиция и общая деятельность Лонге в печати и в парламенте как две капли воды похожи на ту пропаганду, которую ведет в Германии Каутский. Да, вам не миновать расставаться с целым рядом ваших правых лидеров, которые до мозга костей заражены реформизмом.

Но главный вопрос, который мы ставим вам, это вопрос не об исключении лиц, это вопрос о разрыве с определенной реформистской традицией. Коммунистический Интернационал не требует от вас, чтобы вы немедленно «сделали» советскую революцию. Тот, кто предъявляет вам требования Коммунистического Интернационала в таком свете, тот извращает нашу позицию. Мы требуем только одного: чтобы в повседневной работе, в печати, в союзах, в парламенте, на собраниях вы систематически и неуклонно вели честную, недвусмысленную пропаганду в пользу идей диктатуры и коммунизма, чтобы вы расчищали дорогу пролетарской революции, чтобы вы добросовестно боролись против буржуазно-реформистских идей.

Вот главное, что мы вам хотели сказать, товарищи.

Ваши делегаты Кансен и Фроссар накануне своего отъезда заявили нам официально, что они согласны с условиями, выдвигаемыми вторым всемирным конгрессом Коммунистического Интернационала. Они заявили, что по возвращении во Францию они предложат французской социалистической партии радикальный разрыв со старой реформистской тактикой и переход на коммунистические рельсы.

Нсчего прибавлять, что мы будем очень рады, если французское рабочее движение, наконец, в самом деле, выйдет на широкую столбовую дорогу. Мы будем тщательно следить за дальнейшим ходом событий во французской социалистической партии. И конгресс даст полномочия Исполнительному Комитету принять вашу партию в ряды Коммунистического Интернационала, если условия, выдвинутые конгрессом, будут вами приняты и действительно проведены в жизнь.

В заключение мы сформулируем вам несколько определенных пунктов, которые кажутся нам главными, по поводу которых мы будем ждать от вас совершенно точного и ясного ответа.

Мы подтверждаем целиком наш ответ нсмецким независимым, который уже напечатан также и в парижской коммунистической прессе. Этот ответ почти целиком адресован также и вам, нынешнему большинству французской социалистической партии.

Применительно к вашим французским условиям мы выдвигаем следующие 10 пунктов:

1) Французская социалистическая партия должна радикально переменить характер своей повседневной пропаганды и агитации в прессе в духе, который указан выше.

2) В вопросе о колониях необходима особо четкая и ясная линия всех партий тех стран, буржуазия которых распространяет свое господство на колонии и их народы. Французская партия должна беспощадно разоблачать проделки французских империалистов в колониях, поддерживать не на словах, а на деле всякое освободительное движение в колониях, популяризировать лозунг: «империалисты—вон из колоний!», воспитывать в рабочих Франции истинно братское отношение к трудящемуся населению колоний, вести систематическую агитацию во французских войсках против угнетения колоний.

3) Французская партия должна разоблачать фальшь и лицемерие социал-пацифизма, систематически доказывать рабочим, что без революционного низвержения капитализма никакие международные третейские суды, никакие разговоры об уменьшении вооружений не спасут человечество от новых империалистических войн.

4) Французская социалистическая партия должна начать организовывать революционные коммунистические элементы внутри Всеобщей Конфедерации Труда для борьбы против социал-предательских вождей этой конфедерации.

5) Французская социалистическая партия должна провести не на словах, а на деле строжайшее подчинение парламентской фракции партии в целом. Она должна признать партийной фракцией лишь тех депутатов, которые добросовестно будут выполнять решения партии, которые переменят всю свою повседневную парламентскую работу в указанном выше духе.

6) Нынешнее большинство французской социалистической партии должно радикально изменить свое отношение к левому коммунистическому крылу французского рабочего движения. Партия должна открыть доступ на страницы всех своих органов представителям коммунистов. Нынешнее большинство должно искать искреннего сближения с коммунистическими элементами Франции.

7) Французская партия должна радикально порвать с реформизмом и произвести систематическую чистку своих рядов

от тех элементов, которые не захотят пойти по новому революционному пути.

8) Французская партия должна изменить также и свое название и выступить перед всем миром, как коммунистическая партия Франции.

9) Французские товарищи должны признать необходимость сочетания легальной и нелегальной работы.

10) Французская партия, как и все партии, желающие участвовать в III Интернационале, должна признать для себя безусловную обязательность всех решений Коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал вполне сознает все многообразие условий, в которых приходится бороться рабочим различных стран. Съезды Коммунистического Интернационала всегда будут учитывать эти условия и будут принимать общеобязательные решения лишь по таким вопросам, по которым такие решения принять возможно.

Мы просим вас ознакомить с настоящим ответом всех французских рабочих.

Товарищи, мы сказали вам совершенно открыто наше мнение по целому ряду больших вопросов. Мы знаем, что только небольшое число ваших вождей в настоящее время присоединится к сказанному нами. Но мы уверены в том, что громадное большинство сознательных рабочих-социалистов и честных революционных синдикалистов Франции душой с нами. Как бы ни развивались наши взаимоотношения в ближайшее время, мы непоколебимо уверены в том, что французский пролетариат выкует себе могучую коммунистическую партию и займет одно из первых мест в международной семье борющегося пролетариата. Не может быть, чтобы революционный рабочий класс Франции с его изумительными революционными традициями, с его культурностью, с его готовностью к самопожертвованию, с его прекрасным боевым темпераментом, не создал могучей коммунистической партии в ту эпоху, когда издыхание буржуазного строя явно началось.

Товарищи, в будущем году международный пролетариат будет праздновать 50-ти-летнюю годовщину Парижской Коммуны, того великого восстания рабочих, продолжением которого является пролетарская революция в России. Мы от души желаем французскому пролетариату, чтобы эта 50-ти-летняя годовщина великой Парижской Коммуны застала вас организованными в мощную коммунистическую партию, продолжаю-

щую лучшие традиции парижских коммунаров и готовую идти на штурм твердынь капитализма.

Да здравствует рабочий класс Франции!

Да здравствует единая и мощная французская коммунистическая партия!

С товарищеским приветом

Г. Зиновьев, Н. Ленин, Г. Серрати, П. Леви, Россмер.

Составлено 29 июля 1920 г.

Напечатано в «Вестнике II Конгресса

Коммунист. Интерн.» № 3.

30 июля 1920 г.

Об условиях приема в Коммунистический Интернационал.

(Речь на заседании 30-го июля 1920 г.)

Товарищи! Серрати ¹⁰⁶⁾ сказал: «у нас еще не изобретен синсерометр!». Это новое французское слово, обозначающее инструмент для измерения искренности; подобного инструмента еще не изобрели. Нам и слова такого не нужно, зато инструментом для определения направлений мы уже обладаем. В том и ошибка гов. Серрати, о которой буду говорить впоследствии, что он оставил этот давно известный инструмент без применения.

О тов. Криспине ¹⁰⁸⁾ скажу лишь несколько слов. Весьма сожалею, что он не присутствует... Мне очень жаль. Его речь является одним из документов, и она строго выдержана в политическом направлении правого крыла партий независимых. Буду говорить не о личных обстоятельствах и отдельных случаях, но только об идеях, ясно выраженных в речи Криспина. Как я думаю, я сумею доказать, что эта речь, в общем, была решительно в духе Каутского, и что т. Криспин имеет тот же взгляд на диктатуру пролетариата, как и Каутский. На сделанное к нему обращение Криспин ответил: «диктатура—не новость: она значится еще в Эрфуртской программе». В Эрфуртской программе ничего не сказано о диктатуре пролетариата; и история доказала, что это не случайность. Когда в 1902—1903 годах мы вырабатывали первую программу нашей партии, то перед нами все время был пример Эрфуртской программы, при чем Плеханов особенно подчеркивал то обстоятельство, что если в Эрфуртской программе нет речи о диктатуре пролетариата, то это теоретически неправильно.

а практически является трусливой уступкой оппортунистам. II в нашу программу диктатура пролетариата включена с 1903 г.¹⁹⁸). Тот же самый Плеханов верно сказал тогда: «или Бернштейн⁹⁹ похоронит социал-демократию, или социал-демократия похоронит его!»

Если тов. Криспин теперь говорит, что диктатура пролетариата—не новость, и прибавляет: «мы всегда стояли за захват политической власти», то это значит—обходить сущность вопроса. Признают захват политической власти, но не диктатуру. Вся литература, не только немецкая, но и французская и английская доказывают, что предводители оппортунистических партий (напр., в Англии Макдональд¹³⁹) стоят за захват политической власти. Это все—искренние социалисты (я не шучу!), но противники диктатуры пролетариата! Коль скоро мы имеем хорошую, достойную внимания коммунистическую революционную партию, следует пропагандировать диктатуру пролетариата, в отличие от старого воззрения II Интернационала. Это затушевывал и замазавал тов. Криспин, в чем и состоит основная ошибка, свойственная всем сторонникам Каутского.

«Мы—предводители, избранные массами»,—так продолжает гов. Криспин. Это—формальная и неправильная точка зрения, ибо на партийном собрании немецких независимых нам очень ясно видна была борьба направлений. Нет нужды искать измерителя искренности и шутить на эту тему, как тов. Серрати, чтобы установить тот простой факт, что борьба направлений должна существовать и существует: одному направлению следуют революционные, вновь примкнувшие к нам рабочие, противники рабочей аристократии, другому—рабочая аристократия, возглавляемая во всех цивилизованных странах старыми руководителями. Примыкает ли Криспин к направлению старых руководителей и рабочей аристократии или же к новым революционным рабочим, к массе, именно это тов. Криспин оставил в неясности.

В каком тоне говорит тов. Криспин о расколе? Он сказал, что раскол является горькой необходимостью, которую он долго оплакивал. Это—совсем в духе Каутского. Откололись от кого? От Шейдемана? Ну, да! Криспин сказал: «Мы произвели раскол». Во-первых, он произведен слишком поздно. Уж если о том говорить, то приходится высказать это. А во-вторых, независимым следует не плакать о том, но сказать: «интернациональный рабочий класс еще находится под гнетом рабочей аристократии и оппортунистов». Так обстоит дело и во Франции и в Англии.

Тов. Криспин мыслит о расколе не по-коммунистически, а совершенно в духе Каутского, который как будто не имеет влияния.

Затем Криспин заговорил о высокой плате. В Германии, мол, обстоятельства таковы, что рабочие живут довольно хорошо сравнительно с русскими и рабочими остальной Европы. Революцию, по его словам, можно произвести лишь в том случае, если она «не слишком» ухудшит положение рабочих. Спрашиваю себя, допустимо ли говорить в коммунистической партии в таком тоне? Это контр-революционно. У нас в России, без сомнения, уровень благосостояния ниже, чем в Германии, и когда мы ввели диктатуру, то последствия выразились в том, что рабочие стали голодать сильнее и уровень их благосостояния сделался еще ниже. Победа рабочих недостижима без жертв, без временного ухудшения их положения. Мы должны говорить рабочим противоположное тому, что высказал Криспин. Желая подготовить рабочих к диктатуре и говоря им о «не слишком» большом ухудшении, забывают главное. А именно: что рабочая аристократия как раз и возникла, помогая «своей» буржуазии завоевывать империалистическим путем и душить целый мир, чтобы тем обеспечить себе лучший заработок. Если же теперь немецкие рабочие хотят трудиться в пользу революции, то они должны приносить жертвы и не пугаться этого.

В общем всемирно-историческом смысле верно, что в отсталой стране какой-нибудь китайский кули не в состоянии произвести революцию; но в немногих, более богатых странах, где, благодаря империалистическому грабежу, живется привольнее, говорить рабочим, что они должны бояться «слишком большого» объединения, будет контр-революционно. Следует говорить обратное. Такая рабочая аристократия, которая боится жертв, которая опасается «слишком» обеднеть во время революционной борьбы, не может причисляться к партии. Иначе невозможна диктатура, особенно в западно-европейских странах.

Что говорит Криспин о терроре и насилии? Он сказал, что это — две вещи разные. Вероятно, такое различие возможно провести в учебники социологии, но этого нельзя сделать в политической практике, особенно при германских обстоятельствах. Поневоле выступишь с насилием и террором против людей, поступающих как немецкие офицеры при убийстве Либкнехта и Розы Люксембург, против людей, которые, как Стиннес²⁰⁰⁾ и Крупп²⁰¹⁾, подкупают печать и им подобных. Разумеется, нет необходимости заранее объявлять, что мы непременно прибегнем к терро-

ру; но если немецкие офицеры и капписты ⁵²⁾ останутся такими же, как сейчас, если неизменными пребудут Крупп и Стиннес, то применение террора окажется неизбежным. Не только Каутский, но и Ледебур ¹⁰²⁾ с Криспином говорят о насилии и терроре совершенно в контр-революционном духе. Партия, пробавающаяся такими идеями, не может участвовать в диктатуре, это ясно.

Затем идет аграрный вопрос. Тут Криспин особенно разгорячился и задумал уличить нас в мелко-буржуазности; сделать что-нибудь для мелкого крестьянства за счет крупных землевладельцев, это, мол,—мелко-буржуазно. Крупных владельцев следует экспроприировать, а землю передать коммуна. Это—воззрение педантическое. Даже в высоко-развитых странах, в том числе и в Германии, достаточно чересчур больших латифундий, и есть такие участки земли, которые обрабатываются не крупно-капиталистическим, а полуфеодальным способом; от последних можно кое-что отрезать в пользу мелких крестьян, не нарушая хозяйства. Можно сохранить крупную обработку и притом все же дать мелким крестьянам нечто, весьма для них существенное. К сожалению, об этом не думают, а на практике приходится это делать; иначе впадешь в ошибку. Это доказывается, например, книгою Варга (бывшего народного комиссара Венгерской Советской Республики ²⁰²⁾, который пишет, что установление пролетарской диктатуры почти ничего не изменило в венгерской деревне, что поденщики ничего не заметили, а мелкое крестьянство ничего не получило. В Венгрии существуют крупные латифундии, в Венгрии на больших участках ведется полуфеодальное хозяйство. Всегда найдутся и должны найтись такие части больших владений, из которых можно кое-что дать мелкому крестьянству, пожалуй не в собственность, а в аренду, чтобы и самому мелкому мужичку досталось что-нибудь из конфискованного владения. Иначе мелкий крестьянин и не заметит разницы между прежним правительством и диктатурой Советов. Если пролетарская государственная власть будет так вести себя, то она не может удержаться.

Хоть Криспин и сказал: «вы не можете отказать нам в революционной убежденности», но я отвечаю: я вам в ней отказываю. Отказываю не в том смысле, чтобы вы не хотели действовать революционно, а в том, что вы не умеете революционно мыслить. Бьюсь об заклад, что можно выбрать какую-угодно комиссию из образованных людей, дать им десять книг Каутского и речь Криспина, и комиссия эта скажет: «тут все насквозь по Каутскому.

весь ход мыслей как у Каутского»; а затем является Криспин и говорит: «Каутский не имеет никакого влияния на нашу партию». Может быть, это относится к позднее присоединившимся революционным рабочим; но следует считать абсолютно доказанным тот факт, что Каутский оказал и оказывает громадное влияние на Криспина, на весь ход мыслей, на все идеи тов. Криспина. Это доказывается речью последнего. Поэтому, не изобретая синсерометра или измерителя искренности, можно сказать: направление Криспина не соответствует Коммунистическому Интернационалу. Говоря это, мы определяем направление всего Коммунистического Интернационала.

Если товарищи Вайнкуп²⁰³⁾ и Мюнценберг²⁰⁴⁾ выразили неудовольствие по поводу того, что мы пригласили Независимую социалистическую партию и говорим с ее представителями, то я считаю это неправильным. Когда Каутский выступает против нас и пишет книги, то мы полемизируем с ним, как с врагом нашего класса. Но когда сюда является для переговоров партия независимых, выросшая, благодаря приливу революционных рабочих, то мы должны говорить с ее представителями, ибо они представляют собою часть революционных рабочих. С немецкими независимыми, с французами, с англичанами, нам нельзя сразу столкнуться об Интернационале. Тов. Вайнкуп доказывает каждую [свою] речь,⁵⁾ что разделяет [почти все заблуждения тов. Паннекука²⁰⁵⁾]. Вайнкуп заявил, что не разделяет воззрений Паннекука, но речами своими доказывает обратное. В этом основная ошибка этой левой партии. Но это ошибка пролетарского движения, которое растет. Речи т.т. Криспина и Дитмана²⁰⁶⁾ насквозь пропитаны буржуазностью, с которой не подготовишь диктатуры пролетариата. Если товарищи Вайнкуп и Мюнценберг идут еще далее в вопросе о Независимой социалистической партии, то мы с ними не солидарны.

У нас, конечно, нет измерителя искренности, как выразился Серрати, для испытания доброй совести человека, и мы вполне согласны в том, что дело не в суждении о людях, а в оценке положения. Жалю, что Серрати, хоть и говорил, а не сказал ничего нового. Его речь была из тех, какие мы слыхали и во II Интернационале.

Серрати был не прав, говоря: «во Франции положение не революционно, в Германии—революционно, в Италии—революционно».

Да хотя бы положение и было неревolutionным, вся история партии большевиков доказывает, что II Интернационал оши-

баются и берет на себя большую вину, если на самом деле не хочет и не может организовать революционной пропаганды и агитации даже и при неревolutionном положении. В этом-то и состоит разница между социалистами и коммунистами, что мы не хотим делать этого.

Серрати повторяет только то, что сказано Криспином. Мы не хотим сказать, что такого-то или такого-то числа непременно обязаны исключить Турати ⁹³⁾. Этот вопрос уже затронут Исполнительным Комитетом, и Серрати нам сказал: «никаких изгнаний, по очистка партии». Мы просто должны сказать итальянским товарищам, что направлению Коммунистического Интернационала соответствует направление членов «Ордине Нуово» («Ordine Nuovo») ¹⁷⁵⁾, а не теперешнее большинство руководителей социалистической партии и их парламентской фракции. Утверждают, будто они хотят защитить пролетариат от реакции. Чернов, меньшевики и многие другие в России тоже защищают пролетариат от реакции, что, однако, еще не довод за принятие их в нашу среду.

Поэтому мы должны сказать итальянским товарищам и всем партиям, имеющим правое крыло: эта реформистская тенденция не имеет ничего общего с коммунизмом.

Просим вас, итальянские товарищи, созвать свой съезд и прочесть ему наши тезисы. И я уверен, что итальянские рабочие пожелают остаться в Коммунистическом Интернационале.

О парламентаризме.

(Речь на заседании 2-го августа 1900 г.)

Тов. Бордига ¹⁴⁹⁾, видимо, хотел защищать здесь точку зрения итальянских марксистов, но он тем не менее не ответил ни на один из аргументов, которые приводились другими марксистами за парламентскую деятельность.

Тов. Бордига признал, что исторический опыт не создается искусственно. Он только что сказал нам, что борьбу нужно перенести в другую область. Разве он не знает, что всякий революционный кризис сопровождался парламентским кризисом? Он, правда, говорил о том, что борьбу нужно перенести в другую область, в советы. Но Бордига сам признал, что советы нельзя создать искусственно. Пример России доказывает, что советы могут быть устроены или во время революции, или непосредственно перед революцией. Еще во время Керенского советы (именно меньшевистские советы) были так организованы, что никак не могли образовать

из себя пролетарскую власть. Парламент есть продукт исторического развития, которого мы не можем вычеркнуть из жизни, пока мы не настолько сильны, чтобы разогнать буржуазный парламент. Только являясь членом буржуазного парламента, можно, исходя из данных исторических условий, бороться против буржуазного общества и парламентаризма. То самое средство, которым буржуазия пользуется в борьбе, должно быть использовано и пролетариатом, конечно, с совершенно иными целями. Вы не можете утверждать, что это не так; а если вы хотите это оспаривать, то должны тем самым вычеркнуть опыт всех революционных событий в мире.

Вы сказали, что профессиональные союзы также оппортунистически настроены, что и они представляют опасность, но, с другой стороны, вы сказали, что для профсоюзов нужно сделать исключение, так как они представляют из себя рабочую организацию. Но это правильно только до известной степени. И в профсоюзах имеются очень отсталые элементы: часть пролетаризованной мелкой буржуазии, отсталые рабочие и мелкие крестьяне. Все эти элементы действительно думают, что в парламенте представлены интересы их; против этого нужно бороться работой в парламенте и на фактах показать массам правду. Отсталые массы не проймешь теорией, им нужен опыт.

Это мы видели в России. Мы были вынуждены собрать Учредительное Собрание уже после победы пролетариата, чтобы доказать отсталому пролетариату, что он через него ничего не достигнет. Нам пришлось для сравнения того и другого конкретно противопоставить советы учредилке и представить ему советы, как единственный исход.

Тов. Суши, революционный синдикалист, защищал те же теории, но логика не на его стороне. Он сказал, что он не марксист; поэтому это само собой понятно. Но если вы, тов. Бордига, утверждаете, что вы—марксист, то от вас можно требовать больше логики. Нужно знать, каким образом можно разбить парламент. Если вы можете это сделать путем вооруженного восстания во всех странах—это очень хорошо. Вы знаете, что мы, в России, не только в теории, но и на практике доказали нашу волю разрушить буржуазный парламент. Но вы упустили из виду тот факт, что это невозможно без довольно длительной подготовки и что в большинстве стран еще невозможно одним ударом разрушить парламент. Мы вынуждены вести борьбу и в парламенте для разрушения парламента. Условия, которые определяют политическую линию всех

классов современного общества, вы заменяете вашей революционной волей и потому забываете, что мы, чтобы разрушить буржуазный парламент в России, сперва должны были созвать Учредительное Собрание даже после нашей победы. Вы сказали: «русская революция является примером, не соответствующим условиям Западной Европы». Но вы привели весьма легкомысленный аргумент, чтобы доказать нам это. Мы прошли через период диктатуры буржуазной демократии. Мы быстро прошли через нее в то время, когда мы были вынуждены агитировать за выборы в Учредительное Собрание. И впоследствии, когда рабочий класс уже получил возможность захватить власть, крестьянство еще верило в необходимость буржуазного парламента.

Считаясь с этими отсталыми элементами, мы должны были объявить выборы и показать массам на примере, на фактах, что это Учредительное Собрание, избранное во время величайшей всеобщей нужды, не выражает чаяний и требований эксплуатируемых классов. Тем самым конфликт между советской и буржуазной властью стал вполне ясен не только для нас, для авангарда рабочего класса, но и для громадного большинства крестьянства, для мелких служащих, мелкой буржуазии и т. п. Во всех капиталистических странах существуют отсталые элементы рабочего класса, которые убеждены, что парламент является истинным представителем народа, и не видят, что там применяются нечистые средства. Говорят, что это орудие, при помощи которого буржуазия обманывает массы. Но этот аргумент должен быть обращен против вас, и он обращается против ваших тезисов. Как вы обнаружите перед действительно отсталыми, обманутыми буржуазией массами истинный характер парламента? Если вы в него не войдете, как вы разоблачите тот или иной парламентский маневр, позицию той или иной партии, если вы будете вне парламента? Если вы марксисты, вы должны признать, что взаимоотношения классов в капиталистическом обществе и взаимоотношения партий тесно связаны между собой. Как, повторяю, покажете вы все это, если вы не будете членами парламента, если вы откажетесь от парламентской деятельности? История русской революции правильно показала, что широких масс рабочего класса, крестьянства, мелких служащих нельзя было бы убедить никакими аргументами, если бы они не уверились на собственном опыте.

Здесь было сказано, что мы теряем много времени, принимая участие в парламентской борьбе. Можно ли себе представить другое учреждение, в котором все классы были бы заинтересованы

в такой же степени, как в парламенте? Это нельзя создать искусственно. Если все классы втягиваются в участие в парламентской борьбе, то это происходит потому, что, действительно, интересы и конфликты получают свое отражение в парламенте. Если бы возможно было повсюду сразу возбудить сначала, допустим, всеобщую стачку, чтобы одним разом сбросить капитализм, тогда революция уже произошла бы в различных странах. Но нужно считаться с фактами, и пока парламент представляет собою арену классовой борьбы. Тов. Бордига и те, кто стоят на его точке зрения, должны сказать массам правду. Германия—лучший пример тому, что коммунистическая фракция в парламенте возможна, и поэтому вы должны были бы открыто сказать массам: мы слишком слабы, чтобы создать партию с крепкой организацией. Такова была бы правда, которую нужно было бы сказать. Но если бы вы сознались массам в своей слабости, они превратились бы не в наших сторонников, а в ваших противников, в сторонников парламентаризма.

Если вы скажете: «товарищи рабочие, мы настолько слабы, что мы не можем создать достаточно дисциплинированную партию, которая сумела бы заставить депутатов подчиняться партии», тогда рабочие покинут вас, так как они скажут себе: «как мы построим диктатуру пролетариата с такими слабыми людьми?».

Вы очень наивны, если думаете, что в день победы пролетариата интеллигенция, средний класс, мелкая буржуазия станут коммунистическими.

Если у вас нет этой иллюзии, вы должны уже теперь готовить пролетариат к тому, чтобы произвести пересмотр в своей среде. Во всех областях государственной работы вы не найдете исключения из этого правила. Повсюду вы увидите оппортунистических адвокатов, называющих себя коммунистами, мелких буржуа, не признающих ни дисциплины, ни коммунистической партии, ни пролетарского государства. Если вы не подготовите рабочих к созданию действительно дисциплинированной партии, которая заставит своих членов подчиняться ее дисциплине, то вы никогда не подготовите диктатуры пролетариата. Я думаю, что вы поэтому не хотите признать, что именно слабость очень многих новых коммунистических партий заставляет их отрицать парламентскую работу. Я убежден, что громадное большинство действительно революционных рабочих последует за нами и выскажется против ваших антипарламентаристских тезисов.

О вхождении в Британскую Рабочую Партию.

(Речь на заседании 6-го августа 1920 г.)

Товарищи! Товарищ Галакер ²⁰⁷⁾ начал свою речь с выражения сожаления по поводу того, что мы вынуждены в сотый и тысячный раз слышать фразы, которые товарищ Маклейн ¹⁸⁴⁾ и другие английские товарищи тысячи раз повторяли в своих речах и статьях. Я полагаю, что жалеть об этом не приходится. Метод старого Интернационала заключался в том, чтобы отдавать подобные вопросы на решение отдельным партиям заинтересованных стран. Это было в корне ошибочно. Возможно, что мы не всегда ясно представляем себе взаимоотношения в тех или иных странах, но здесь идет речь об обосновании тактики коммунистической партии. Это очень важно, и мы, от имени III Интернационала, должны ясно изложить здесь действительно коммунистическую точку зрения.

Раньше всего я хотел бы отметить допущенную тов. Маклейном небольшую неточность, с которой нельзя согласиться. Он называет Рабочую Партию политическим отделением трэд-юнионистского движения. Он затем повторил это еще раз: «Рабочая Партия есть политическое выражение профессионального движения». Такое мнение я несколько раз читал в газете Британской Социалистической Партии. Это не верно, и отчасти это вызывает оппозицию, в известной степени вполне справедливую, со стороны английских революционных рабочих. Действительно, понятия «политическое отделение трэд-юнионистского движения» или «политическое выражение» этого движения—являются ошибочными. Конечно, Рабочая Партия большею частью состоит из рабочих, но из этого не следует, что всякая рабочая партия, состоящая из рабочих, в то же время—«политическая рабочая партия»; это зависит от того, кем она руководится и какое содержание она вкладывает в свои действия и в свою политическую тактику. Только это последнее и определяет, имеем ли перед собой действительно политическую партию пролетариата. С этой единственно верной точки зрения, Рабочая Партия, наоборот, насквозь буржуазная партия, ибо, хотя она и состоит из рабочих, но руководят ею реакционеры, притом самые худшие, совершенно в духе буржуазии, и с помощью английских Носке и Шейдеманов они систематически обманывают рабочих.

Но вот перед нами и другая точка зрения, защищаемая тов. Сильвией Панкхерст ¹³⁷⁾ и тов. Галакером, выявляющая их мнение

по этому вопросу. В чем заключалось содержание речей Галакера и многих его друзей? Они говорили нам о том, что мы недостаточно тесно связаны с массами. Возьмем, например, Британскую Социалистическую Партию; она до сих пор очень мало связана с массами и очень слаба. Тов. Галакер рассказал нам здесь, как он и его товарищи организовали в Шотландии удачное движение и как во время войны они тактически очень хорошо маневрировали, поддерживая мелко-буржуазных пацифистов Рамсея Макдональда и Сноудена ¹⁴⁰), и с их помощью организовывали в Глазго массовое движение против войны.

Наша цель именно и состоит в том, чтобы это удачное новое революционное движение, представленное тов. Галакером и его друзьями, ввести в коммунистическую партию с настоящей коммунистической, т.-е. марксистской, тактикой. В этом сейчас наша задача. С одной стороны, мы видим, что Британская Социалистическая Партия слаба и не особенно хорошо приспособлена к агитации среди масс; с другой стороны, мы видим более молодые революционные элементы, так хорошо представленные здесь в лице тов. Галакера, которые хотя и находятся в тесной связи с массами, но не совсем опытные в организации политической работы, не представляют из себя политической партии, будучи в этом смысле еще слабее Британской Социалистической Партии. При таком положении, мы должны совершенно откровенно высказать наше мнение о правильной тактике. Когда тов. Галакер, говоря о Британской Социалистической Партии, сказал, что она «безнадежно реформистская» (*hopeless reformist*), он, несомненно, преувеличил. Но общий смысл и содержание принятых нами здесь резолюций с абсолютной определенностью показывает, что мы требуем изменения тактики Британской Социалистической Партии в этом духе и единственно верная тактика друзей Галакера будет заключаться— в безотлагательном вступлении их в Коммунистическую Партию, с целью выровнять ее тактику в духе принятых здесь резолюций. Если у вас так много сторонников, что вы можете в Глазго устраивать массовые народные собрания, то вам нетрудно будет увеличить приток в партию новых членов больше, чем на десяток тысяч. Последний конгресс Британской Социалистической Партии, происходивший в Лондоне 3—4 дня тому назад, постановил переименовать партию в коммунистическую и внес в программу пункт об участии в парламентских выборах и вхождении в Рабочую Партию. На конгрессе были представлены десять тысяч организованных членов. Для шотландских товарищей было бы поэтому

нетрудно в эту Коммунистическую Партию Великобритании привлечь еще десятки тысяч революционных рабочих, которые были бы искуснее в работе среди масс и, которые, на место старой тактики Британской Социалистической Партии, выдвинули бы более верные способы агитации, и в смысле более революционного действия. Тов. Сильвия Панкхерст несколько раз указывала в комиссии на то, что Англии нужны «левые». Я, конечно, ответил, что это совершенно верно, но только не нужно пересаливать в «левизне». Она, далее, говорила, что «мы являемся хорошими пионерами, но пока больше шумим (noisy)». Я понимаю это не в худшем, а в лучшем смысле слова, и думаю, что эти, значит, умеют вести хорошую революционную агитацию. Это мы ценим и должны ценить. Это мы выразили во всех своих резолюциях и подчеркнули, что мы тогда лишь будем признаны партией, в особенности рабочей партией, если, действительно, будем связаны с массами и будем бороться против старых, насквозь прогнивших вождей, как против правостоящих шовинистов, так и против тех, которые занимают среднюю позицию, вроде правых независимых Германии. Во всех наших резолюциях мы это десять и больше раз повторяли, и этим подчеркивали, что преобразование старой партии мы понимаем в смысле ее более тесной связи с массами.

Сильвия Панкхерст еще спрашивала: допустимо ли вхождение коммунистической партии в другую политическую партию, входящую в свою очередь во II Интернационал? И отвечала, что это невозможно. Нужно иметь в виду, что Английская Рабочая Партия находится в особом своеобразных условиях: это очень оригинальная партия, или, вернее, вовсе не партия в обычном смысле этого слова. Она состоит из участников всех профессиональных союзов, насчитывая сейчас около четырех миллионов членов, и дает достаточно свободы всем политическим партиям, входящим в ее состав. В нее входит большинство английской рабочей массы, находящейся на поводу у буржуазных элементов, у социал-предателей, еще худших, чем Шейдеман и Носке и им подобные господа. Но в то же время Рабочая Партия допускает, чтобы Британская Социалистическая Партия находилась в ее рядах и чтоб эта последняя имела свои печатные органы, в которых члены той же Рабочей Партии свободно и откровенно могут заявлять, что вожди партии являются социал-предателями. Тов. Маклин точно цитировал подобные заявления Британской Социалистической Партии. Я также могу удостоверить, что в газете Британской Социалистической Партии «Колл» я читал, что вожди Рабочей Партии—

социал-патриоты и социал-предатели. Это значит, что партия, входящая в Рабочую Партию, имеет возможность не только резко критиковать, но открыто и точно называть по именам старых вождей, говоря о них, как о социал-предателях. Это очень оригинальное положение, когда партия, объединяя громадные массы рабочих и являясь политической партией, все же вынуждена предоставлять своим членам полную свободу. Тов. Маклин здесь указал на то, что на конгрессе Рабочей Партии тамошние Шейдемань вынуждены были открыто поставить вопрос о вхождении в III Интернационал, а все местные организации и секции этой партии вынуждены были этот вопрос обсуждать. При таких условиях было бы ошибочно не войти в эту партию.

Тов. Панкхерст в частном разговоре заявила мне: «если мы будем настоящими революционерами и войдем в Рабочую Партию, то эти господа нас исключат». Но, ведь, это было бы совсем не плохо! В нашей резолюции сказано, что мы за вхождение, поскольку Рабочая Партия даст достаточную свободу для критики. В этом пункте мы последовательны до конца. Тов. Маклин еще подчеркнул, что сейчас в Англии создались такие оригинальные условия, при которых политическая партия, если захочет, может остаться революционной рабочей партией, несмотря на то, что будет связана со своеобразной четырехмиллионной рабочей организацией, наполовину профессиональной, наполовину политической и руководимой буржуазными вождями. При таких условиях было бы величайшей ошибкой лучших революционных элементов не делать всего возможного, чтобы остаться в этой партии. Пусть господа Томасы ²⁰⁸) и другие социал-предатели, которых вы так и называете, исключают вас. Это произведет на английскую рабочую массу великолепное действие.

Товарищи также отмечают, что рабочая аристократия в Англии сильнее, чем где-либо в других странах. Это действительно так. Она, ведь, имеет там за собой не десятилетия, а столетия. Там буржуазия, которая имеет за собой опыт, сумела подкупить рабочих и создать среди них большой слой, который в Англии больше, чем в других странах, но все же не так уже велик по сравнению с широкими рабочими массами. Этот слой насквозь пропитан буржуазными предрассудками и ведет определенную буржуазную реформистскую политику. Так, в Ирландии мы видим двести тысяч английских солдат, которые страшным террором подавляют ирландцев ¹⁶⁰). Английские социалисты не ведут среди них революционной пропаганды. А мы в наших резолюциях говорим, что

признаем возможным допущение в Коммунистический Интернационал лишь тех партий, которые ведут действительную революционную пропаганду среди английских рабочих и солдат. Я подчеркиваю, что ни здесь, ни в комиссиях мы не встречали возражений против этого.

Тов. Галакер и Сильвия Панкхерст не могут этого отрицать. Они не в состоянии опровергнуть, что Британская Социалистическая Партия, оставаясь в рядах Рабочей Партии, пользуется достаточной свободой для того, чтобы писать, что такие-то и такие-то вожди Рабочей Партии являются предателями, защитниками интересов буржуазии и их агентами в рабочем движении; это совершенно верно. Когда коммунисты пользуются такой свободой, то, учитывая опыт революции во всех странах, а не только в России (ибо мы здесь не на русском, а на интернациональном конгрессе), они обязаны примкнуть к Рабочей Партии. Тов. Галакер иронизировал над тем, что мы оказались в данном случае под влиянием Британской Социалистической Партии. Нет, мы в этом убедились на опыте всех революций во всех странах. Мы думаем, что мы должны сказать это массам. Английская Коммунистическая Партия должна сохранить необходимую свободу, чтобы разоблачать и критиковать предателей рабочих, которые гораздо сильнее в Англии, чем в других странах. Это не трудно понять. Неправильно утверждение тов. Галакера, что, высказываясь за вступление в Рабочую Партию, мы тем самым оттолкнем от себя лучшие элементы английских рабочих. Мы должны это испытать на опыте. Мы убеждены, что все наши резолюции и постановления, которые будут приняты Конгрессом, будут напечатаны во всех английских революционно-социалистических газетах и что все местные организации и секции получают возможность их обсудить. Общее содержание наших резолюций говорит яснее ясного, что мы являемся представителями революционной тактики во всех странах и что целью нашей является борьба против старого реформизма и оппортунизма. События показывают, что наша тактика действительно побеждает старый реформизм. И тогда все лучшие революционные элементы рабочего класса, недовольные медленным ходом развития, которое в Англии пойдет, может быть, еще медленнее, чем в других странах, придут к нам. Медленное развитие происходит от того, что английская буржуазия имеет возможность создавать лучшие условия для рабочей аристократии, задерживая тем ход революции. Поэтому английские товарищи должны стремиться не только к революционизированию масс, что они великолепно

делают (тов. Галакер это доказал), но вместе с тем и к созданию настоящей политической партии рабочего класса. Ни тов. Галакер, ни Сильвия Панкхерст, оба выступавшие здесь, не принадлежат еще к революционной коммунистической партии. Такая прекрасная пролетарская организация, как шоп-стюарты ¹⁷⁷⁾ не входит до сих пор в политическую партию. Если вы организуетесь политически, то увидите, что наша тактика основана на правильно понятом политическом развитии последнего десятилетия, и что настоящая революционная партия только тогда может быть создана, когда она впитает в себя все лучшие элементы революционного класса и использует каждую возможность для борьбы против реакционных вождей там, где они себя проявляют.

Если Английская Коммунистическая Партия начнет с того, что будет революционно действовать в Рабочей Партии, и если господа Гендерсоны вынуждены будут исключить эту партию, то это будет большой победой коммунистического и революционного рабочего движения в Англии.

Предисловие ко второму изданию кн. „Материализм и эмпириокритицизм“²⁰⁹).

Настоящее издание, кроме отдельных исправлений текста, не отличается от предыдущего. Я надеюсь, что оно будет небесполезно, независимо от полемики с русскими «махистами», как пособие для ознакомления с философией марксизма, диалектическим материализмом, а равно с философскими выводами из новейших открытий естествознания. Что касается до последних произведений А. А. Богданова²¹⁰), с которыми я не имел возможности ознакомиться, то помещаемая ниже статья тов. В. И. Невского²¹¹) дает необходимые указания. Тов. В. И. Невский, работая не только как пропагандист вообще, но и как деятель партийной школы в особенности, имел полную возможность убедиться в том, что под видом «пролетарской культуры» проводятся А. А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения.

Написано 2 сентября 1920 года.

Напечатано в кн. «Материализм и эмпириокритицизм».

Госуд. Издат. 1920 г.

Отрывок из речи на Всероссийской конференции Р. К. П.

(Заседание 22 сентября 1920 г.)

Война с Польшей, еще, июльско-августовская кампания, коренным образом изменила международное политическое положение.

Нападению на нас поляков предшествовал характерный для установившихся тогда международных отношений эпизод. Когда мы в январе предложили Польше мир⁵¹), для нее чрезвычайно выгодный, для нас очень невыгодный,—дипломаты всех стран поняли это по-своему: «Большевики непомерно много уступают,—значит, они непомерно слабы». Лишний раз под-

твердилась истина, что буржуазная дипломатия неспособна понять приемов нашей новой дипломатии открытых прямых заявлений. Поэтому наши предложения вызвали лишь взрыв бешеного шовинизма в Польше, Франции и прочих странах и толкнули Польшу на нападение. Польша сперва захватила Киев, затем наши войска контр-ударом подошли к Варшаве; далее наступил перелом, и мы откатились более чем на сотню верст назад.

Создавшееся в результате этого безусловно тяжелое положение, однако, отнюдь не является для нас голым проигрышем. Мы жестоко обманули расчеты дипломатов на нашу слабость и доказали, что Польша нас победить не может, мы же недалеко от победы и были, и есть. Затем, мы и сейчас имеем сотню верст завоеванной территории. Наконец, наше продвижение к Варшаве оказало столь могучее воздействие на Западную Европу и всю мировую ситуацию, что совершенно нарушило соотношение борющихся внутренних и внешних политических сил.

Приближение нашей армии к Варшаве неоспоримо доказало, что где-то близко к ней лежит центр всей системы мирового империализма, покоящейся на Версальском договоре. Польша, последний оплот против большевиков, находящийся всецело в руках Антанты, является настолько могущественным фактором этой системы, что, когда Красная армия поставила этот оплот под угрозу, заколебалась вся система. Советская Республика становилась в международной политике фактором первостепенного значения.

В создавшемся новом положении прежде всего сказался тот факт огромного значения, что буржуазия стран, живущих под гнетом Антанты,—скорее за нас, а таковые составляют 70% всего человечества на земле. Мы и раньше видели, как маленькие государства, которым пришлось солено под опекой Антанты (Эстония, Грузия и др.), которые вешают своих большевиков, заключают с нами мир вопреки воле Антанты. Теперь это сказалось с особой силой во всех концах света. С приближением наших войск к Варшаве, вся Германия закипела. Там получилась картина, которую можно было наблюдать у нас в 1905 году, когда черносотенцы поднимали и вызывали к политической жизни обширные, наиболее отсталые слои крестьянства, которые сегодня шли против большевиков, а завтра требовали всей земли от помещиков. И в Германии мы увидели такой противоестественный блок черносотенцев с большевиками. По-

явился странный тип черносотенца-революционера, подобного тому неразвитому деревенскому парню из Восточной Пруссии, который, как я читал на-днях в одной немецкой небольшевистской газете, говорит, что Вильгельма вернуть придется, потому что нет порядка, но что идти надо за большевиками.

Другим последствием нашего пребывания под Варшавой было могущественное воздействие на революционное движение Европы, особенно Англии. Если мы не сумели добраться до промышленного пролетариата Польши (и в этом одна из главных причин нашего поражения), который за Вислой и в Варшаве, то мы добрались до английского пролетариата и подняли его движение на небывалую высоту, на совершенно новую ступень революции. Когда английское правительство предъявило нам ультиматум, то оказалось, что надо сперва спросить об этом английских рабочих. А эти рабочие, из вождей которых девять десятых—злостные меньшевики, ответили на это образованием Комитета Действия.

Английская пресса встревожилась и закричала, что это—«двоевластие». И она была права. Англия оказалась в той стадии политических отношений, какая была в России после февраля 1917 года, когда Советы вынуждены были контролировать каждый шаг буржуазного правительства. Комитет Действия есть объединение всех рабочих без различия партий, подобное нашему В. Ц. И. К. тех времен, когда там хозяйничали Гоц²¹²), Дан²¹³) и пр.,—такое объединение, которое конкурирует с правительством и в котором меньшевики вынуждены поступать наполовину как большевики. И подобно тому, как наши меньшевики в конце концов запутались и помогли привести массы к нам, так и меньшевики Комитета Действия вынуждены непреодолимым ходом событий расчищать английским рабочим массам дорогу к большевистской революции. Английские меньшевики, по свидетельству компетентных лиц, уже чувствуют себя как правительство и собираются стать на место буржуазного в недалеком будущем. Это будет дальнейшей ступенью в общем процессе английской пролетарской революции.

Эти огромные сдвиги в английском рабочем движении оказывают и могущественное воздействие на рабочее мировое движение и в первую голову на рабочее движение Франции.

Таковы итоги нашей последней июльской кампании в международной политике и в складывающихся отношениях в Западной Европе.

Теперь перед нами стоит вопрос о войне и мире с Польшей. Мы хотим избежать тяжелой для нас зимней кампании и снова предлагаем Польше выгодный для нее, невыгодный для нас мир. Но возможно, что буржуазные дипломаты, по старой привычке, опять учтут наше открытое заявление как признак слабости. По всей вероятности, зимняя кампания ими предпринята. И здесь следует выяснить те условия, при которых нам придется вступить в вероятный новый период войны.

Наше поражение вызвало в Западной Европе известные изменения и сплотило против нас враждебные нам разнородные элементы. Но мы не раз видели против себя и более могущественные образования и настроения, которые, однако, дела не решали.

Мы имеем против себя блок Польши, Франции и Врангеля, на которого Франция ставит свою ставку. Однако блок этот страдает старой болезнью—непримиримостью его элементов, страхом, который питает мелкая буржуазия Польши к черносотенной России и к ее типичному представителю—Врангелю¹⁶¹). Польша мелко-буржуазная патриотическая, партии [П. П. С. ¹⁷¹), людовская, зажиточных крестьян—хотят мира. Представители этих партий говорили в Минске: «мы знаем, что Варшаву и Польшу спасла не Антанта,—она не могла нас спасти,—а спас ее патриотический подъем». Эти уроки не забываются. Поляки видят ясно, что выйдут из войны совершенно разоренными в финансовом отношении. Ведь за войну надо платить, а Франция признает «священную частную собственность». Представители мелко-буржуазных партий знают, что еще до войны положение в Польше было накануне кризиса, что война несет дальнейшее разорение, а потому они предпочитают мир. Этот шанс мы и хотим использовать, предлагая Польше мир.

Обнаружился также чрезвычайно важный новый фактор: изменение социального состава польской армии. Мы победили Колчака и Деникина лишь после того, как у них изменился социальный состав их армий, когда основные крепкие кадры растворились в мобилизованной крестьянской массе. Этот процесс происходит теперь в польской армии, в которую правительство вынуждено было призвать старшие возрасты крестьян и рабочих, прошедших более жестокую, империалистическую войну. Эта армия состоит теперь уж не из мальчиков, которых легко было «обработать», а из взрослых, которых нельзя подучить чему угодно. Польша уж перешла ту грань, за которой обеспечена была ей сначала максимальная победа, а затем максимальное поражение.

Если нам суждена зимняя кампания, мы победим, в этом нет сомнения, несмотря на истощение и усталость. За это ручается и наше экономическое положение. Оно значительно улучшилось. Мы приобрели, по сравнению с прошлым, твердую экономическую базу. Если в 1917—1918 годах мы собрали 30 милл. пудов хлеба; в 1918—1919 г.г. — 110 милл. пуд.; в 1919—1920 г.г. — 260 м. п., то в будущем году мы рассчитываем собрать до 400 м. п. Это уже не те цифры, в которых мы бились в голодные годы. Мы уже не будем с таким ужасом смотреть на разноцветные бумажки, которые летят миллиардами и теперь ясно обнаруживают, что они не что иное, как обрывки старой буржуазной одежды. У нас есть свыше ста миллионов пудов нефти. Донецкий бассейн уже дает нам 20—30 милл. пудов угля в месяц. Значительно улучшилось дело с дровами. А в прошлом году мы сидели на одних дровах без нефти и без угля. Все это и дает нам право говорить, что если мы сплотим силы и напряжем их, победа будет за нами.

*«Правда» № 216,
29 сентября 1920 г.*

Письмо к немецким и французским рабочим.

По поводу прений о II конгрессе Коммунистического Интернационала.

Товарищи! Буржуазная пресса Германии и Франции уделяет много внимания прениям среди независимой с.-д. партии Германии и социалистической партии Франции по поводу вступления в Коммунистический Интернационал. Буржуазная пресса с чрезвычайной энергией отстаивает взгляды правой, оппортунистической части обеих партий²¹⁴).

Это вполне понятно, ибо эти правые элементы по сути дела являются мелко-буржуазными демократами, которые, подобно Дитману²⁰⁶) и Криспину¹⁰³), не умеют мыслить революционно, неспособны помогать рабочему классу готовиться к революции и осуществлять революцию. Раскол с этими правыми, оппортунистическими элементами необходим, он является единственным средством сплотить все действительно революционные, действительно пролетарские массы.

Крики о «диктаторстве» Москвы и т. п.—простой отвод глаз. На самом деле в Исполкоме Коммунистического Интернационала двадцать членов, из них только пять членов Российской Коммунистической Партии. Все речи о «диктаторстве» и т. п.—самообман или обман рабочих. Эти речи так же прикрывают крах известного

числа оппортунистических вождей, как подобные речи среди К. А. Р. Д. (Коммунистической Рабочей Партии Германии), прикрывали крах некоторых вождей ее, сошедших с пути пролетарской революционности. Таким же самообманом или обманом являются крики, будто «московские диктаторы» в «условиях приема»²¹⁵) в Коминтерн преследуют определенные личности. В «условиях приема», в § 20 сказано ясно, черным по белому, что «*исключение*» (Ausnahmen) *из суровых правил* по отношению к вождям правого крыла и по отношению к личному составу центральных учреждений *допустимо с согласия Исполкома III Интернационала*.

Раз исключения прямо объявлены допустимыми, значит, не может быть и речи о безусловном недопущении тех или иных отдельных личностей. Значит, есть полное признание необходимости учитывать не прошлое, а настоящее, учитывать изменение взглядов и поведение отдельных лиц, отдельных вождей. Раз исключения объявлены допустимыми, в зависимости от согласия Исполкома III Интернационала, а в этом Исполкоме только одна четверть русских—значит, полнейшими пустяками и полнейшей неправдой являются крики о «диктаторстве» и т. п.

Все эти крики—только отвод глаз. На деле идет борьба между революционными, *пролетарскими* и оппортунистическими, *мелкобуржуазными* элементами. К этим последним принадлежали и принадлежат Гильфердинги⁹⁴), Дитманы, Криспины, многочисленные члены парламентских фракций Германии и Франции и т. п. Борьба этих двух политических течений идет во всех странах мира без изъятия, борьба эта имеет свою длинную историю, борьба эта обострилась и обостряется повсюду во время империалистической войны и после нее. Оппортунизм представлен элементами «рабочей аристократии», старой бюрократии, профессоров, кооператоров и т. п. интеллигентско-мещанскими слоями и т. д. Без очистки от этого течения, которое на самом деле своими колебаниями, своим «меньшевизмом» (Дитманы и Криспины вполне походят на наших меньшевиков), осуществляет влияние буржуазии на пролетариат *изнутри* рабочего движения, *изнутри* социалистических партий,—без очистки от этого течения, без раскола с ним, без исключения всех видных его представителей *невозможно* сплочение революционного пролетариата.

Дитманы, Криспины и т. п. своими вечными колебаниями в сторону реформизма и меньшевизма, своим неумением мыслить и действовать революционно, осуществляют на самом деле, не сознавая этого, влияние буржуазии на пролетариат изнутри про-

летарской партии, осуществляют *подчинение пролетариата буржуазному реформизму*. Только раскол с такими и подобными людьми осуществляет интернациональное единство революционного пролетариата против буржуазии для ее свержения.

События в Италии ²¹⁶⁾ должны открыть глаза даже наиболее упорным из тех, кто не видит вреда «единства» и «мира» с Криспинами и Дитманами. Итальянские Криспины и Дитманы (Турати ⁹³⁾, Прампполини ²¹⁷⁾ и Дарагона ²¹⁸⁾ тотчас же стали *мешать* революции в Италии, когда дело *дошло до настоящей революции*. А к этому дело идет—более или менее быстро, более или менее тяжело и мучительно—во всей Европе, во всем мире.

Пора бросить окончательно все эти вреднейшие иллюзии о возможности «единства» или «мира» с Дитманами и Криспинами, с правым крылом немецкой «независимой с.-д. партии», «английской независимой рабочей партии», французской социалистической партией и т. п. Пора всем революционным рабочим очистить свои партии от них и образовать действительно единые коммунистические партии пролетариата.

Написано 24 сентября 1910 г.

Напечатано в «Правде» № 213,

25 сентября 1920 г.

Задачи Союзов Молодежи.

(Речь на 3-м Всероссийском съезде Р. Н. С. М. 4 октября 1920 г.)

Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим—каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще.

На этом вопросе тем более следует остановиться, что в известном смысле можно сказать, что именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества. Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплуатации. Оно в лучшем случае сумеет решить задачи создания такого общественного устройства, которое помогло бы пролетариату и трудовым классам удержать власть в своих руках и создать прочный фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплуататорского отношения между людьми

И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций, в частности, можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы—чему учиться и как учиться? А здесь все дело в том, что вместе с преобразованием старого капиталистического общества учение, воспитание и образование новых поколений, которые будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми. Учение, воспитание и образование молодежи должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом.

Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества. Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было создание общества, не похожего на старое, т.-е. коммунистического общества.

Поэтому нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учить и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической молодежи, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали.

Я должен сказать, что первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму.

Но этот ответ «учиться коммунизму» является слишком общим. Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму? Что нам нужно выделить из суммы общих знаний, чтобы приобрести знание коммунизма? Тут нам угрожает целый ряд опасностей, которые сплошь и рядом проявляют себя, как только задача учиться коммунизму ставится неправильно, или когда она понимается слишком однобоко.

Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму—это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. Но такое определение изучения коммунизма было бы слишком грубо и недостаточно.

Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы неумеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует.

Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это—полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги, в большинстве случаев, являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам коммунистическое общество. Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным.

Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой. Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества.

Еще более опасным было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги. Если бы мы во-время эту опасность не поняли и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить, тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма.

Тут перед нами встает вопрос о том, как же нам нужно сочетать все это для обучения коммунизму? Что нам нужно взять из старой школы, из старой науки?

Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям

буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии.

В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования.

Здесь я подхожу к тем нареканиям, к тем обвинениям старой школы, которые постоянно приходится слышать и которые ведут нередко к совершенно неправильному толкованию.

Говорят, что старая школа была школой учебы, школой муштры, школой зубрежки. Это верно, но все-таки надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма.

Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм.

Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм.

Вы читали и слышали о том, как коммунистическая теория, коммунистическая наука, главным образом создана Марксом, как это учение марксизма перестало быть произведением одного, хотя и гениального, социалиста XIX века, как это учение стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма.

И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса — вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завсеханных при капитализме, изу-

чавши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука.

Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества.

Все эти пути и дорожки подводили и подводят и продолжают подводить к пролетарской диктатуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно притти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции.

Когда мы слышим нередко и среди представителей молодежи, и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зубрежки, мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе.

Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим, коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда,

когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека.

Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. Такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист, и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет.

Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов, старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать. Но если мы должны ее убрать, если мы должны разрушить, значит ли это, что мы не должны взять из нее все то, что было накоплено человечеством необходимого для людей?

Значит ли, что мы не должны суметь различить то, что являлось необходимым для капитализма и что является необходимым для коммунизма?

На место старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе вопреки воле большинства, мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, умение и готовность объединить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем. Мы не закрепим даже фундамента, не

говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое коммунистическое общество.

Также и отрицая старую школу, питая совершенно законную и необходимую ненависть к этой старой школе, ценя готовность разрушить старую школу, мы должны понять, что на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить умение взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования.

Вот как надо поставить основные задачи, когда мы говорим о задаче научиться коммунизму.

Чтобы это вам пояснить, подходя в то же время к вопросу, как учиться, я возьму пример практический. Вы все знаете, что перед нами сейчас же вслед за задачами военными, задачами охраны республики, встает задача хозяйственная.

Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, при чем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение.

Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление земледелия и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве.

Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество; надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение.

Вот задача, которая стоит перед всяким сознательным коммунистом, перед всяким молодым человеком, который считает себя коммунистом и ясно отдает себе отчет, что он, вступив в Коммунистический Союз молодежи, взял на себя задачу помочь пар-

тии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может это создать, и, если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием.

У предыдущего поколения задача сводилась к свержению буржуазии. Тогда главной задачей была критика буржуазии, развитие в массах ненависти к ней, развитие классового сознания, умение сплотить свои силы.

Перед новым поколением стоит задача более сложная. Мало того, что вы должны объединить все свои силы, чтобы поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капиталистов, Это вы должны сделать. Это вы прекрасно поняли, это отчетливо представляет себе коммунист. Но этого недостаточно.

Вы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груды развалин, как и следовало его превратить в груды развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество.

Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.

Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, подъема всего молодого поколения. Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка.

Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма, вы коммунистического общества не постройте.

Здесь я естественно подхожу к вопросу о том, как мы должны учить коммунизму, в чем должна состоять особенность наших приемов.

Я здесь останавлиюсь прежде всего на вопросе о коммунистической морали.

Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача Союза молодежи—поставить свою практическую деятельность так, чтобы,

учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это—способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они выводили ее из идеалистических или полуидеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо создать объединение. Боженька такого объединения не создаст.

Такое объединение могли дать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивающей себя от натиска буржуазии всего мира.

И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только пролета-

риат мог создать такую сплоченную силу, за которою идет раздробленное, распыленное крестьянство, которая устояла при всех натисках эксплуататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это—царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов.

А что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другого.

Если одна часть общества присваивает себе всю землю—мы имеем класс помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках,—мы имеем класс капиталистов и пролетариев.

Нетрудно было прогнать царя—для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков, это можно было сделать в несколько месяцев, не очень трудно прогнать и капиталистов.

Но уничтожить классы несравненно труднее, все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т.-е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб».

Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это делать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются на счет нужды остальных.

Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, а в

этом и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата.

Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплуататоры, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача—подчинить все интересы этой борьбе.

И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность, это—та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества.

Земля у нас считается общей собственностью.

Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Рассуждаю, что чем больше голодных, тем дороже будут платить? Разве я тогда поступаю, как коммунист?

Нет, как эксплуататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу.

Если оставить так, то все скатится назад, к власти капиталистов, к власти буржуазии, как это бывало не раз в прежних революциях. И чтобы не дать снова восстановиться власти капиталистов и буржуазии, для этого нужно торгашества не допустить, для этого нужно, чтобы отдельные лица не наживались на счет остальных, для этого нужно, чтобы трудящиеся сплотились с пролетариатом и составили коммунистическое общество.

В этом и состоит главная особенность того, что является основной задачей союза и организации коммунистической молодежи.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие—либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом,—человек, ко-

торый заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого.

Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может.

Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своею силою отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплуататоров, воспитание в союзе с пролетариатом, против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества.

Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем.

Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда.

Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании.

Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание.

Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех

муках, которые обрушивались на тех, кто начинал борьбу против эксплуататоров, когда они видели, каких жертв стоило продолжить эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты,—тогда эти люди воспитываются в этой обстановке коммунистами.

В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму.

Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни. Пока рабочие и крестьяне остаются угнетенными помещиками и капиталистами, пока школы остаются в руках помещиков и капиталистов, поколение молодежи остается слепым и темным.

А наша школа должна давать молодежи основы знания, давать умение вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей. Она должна за то время, пока люди в ней учатся, делать из них участников борьбы за освобождение от эксплуататоров.

Коммунистический Союз молодежи только тогда оправдывает свое звание, что он есть Союз коммунистического молодого поколения, если он каждый шаг своего учения, воспитания, образования связывать будет с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров. Ибо вы прекрасно знаете, что пока Россия остается единственной рабочей республикой, а во всем остальном мире существует старый буржуазный порядок, мы слабее их, что каждый раз нам угрожает новый натиск; что только если мы научимся сплочению и единодушию, мы победим в дальнейшей борьбе и, окрепнув, станем действительно непобедимы.

Таким образом, быть коммунистом—это значит организовывать и объединять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины в этой борьбе. Тогда вы сможете начать и довести до конца постройку задания коммунистического общества.

Чтобы сделать это всем более ясным, я приведу вам пример. Мы называем себя коммунистами

Что такое коммунист?

Коммунист — слово латинское. Коммунист от слова общий. Коммунистическое общество значит—все общее: земля, фабрики, общий труд,—вот что такое коммунизм.

Может ли труд быть общим, если каждый ведет свое хозяйство на отдельном участке? Сразу общего труда не создашь. Это с неба не сваливается. Это нужно заработать, выстрадать, создать, это создается в ходе борьбы. Тут не старая книжка—книжке никто бы не поверил. Тут собственный жизненный опыт.

Когда Колчак и Деникин шли из Сибири и с юга, крестьяне были на их стороне. Большевизм им не нравился, так как большевики берут хлеб по твердой цене. А когда крестьяне испытали в Сибири и на Украине власть Колчака и Деникина, они узнали, что крестьянину выбора нет: либо иди к капиталисту и он отдаст тебя в рабство помещику, либо иди за рабочим, который, правда, молочные реки в кисельных берегах не обещает, который требует от тебя железной дисциплины и твердости в тяжелой борьбе, но который выводит тебя из рабства у капиталистов и помещиков.

Когда даже темные крестьяне поняли и увидели это на собственном опыте, тогда они стали сознательными, прошедшими тяжелую школу, сторонниками коммунизма. Такой опыт и должен положить в основу всей своей деятельности Союз Коммунистической молодежи.

Я ответил на вопросы, чему мы должны учиться, что нам нужно взять из старой школы и старой науки. Я постараюсь ответить на вопрос, как этому нужно учиться: только связывая каждый шаг деятельности в школе, каждый шаг воспитания, образования и учения неразрывно с борьбой всех трудящихся против эксплуататоров.

На нескольких примерах, взятых из опыта работы той или другой организации молодежи, я покажу вам наглядно, как это воспитание коммунизма должно идти.

Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала, или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось бы за это дело.

Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в Союзе молодежи, сказали: это наше дело, мы объединимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных. Мы стремимся к тому, чтобы самодеятельность подрастающей молодежи была посвящена на это дело.

Вы знаете, что скоро превратить Россию из темной безграмотной страны в грамотную нельзя; но если за это дело возьмется Союз молодежи, если вся молодежь будет работать на пользу всех, тогда этот союз, объединяющий 400.000 юношей и девушек, имеет право называться Союзом Коммунистической молодежи. Задача Союза состоит еще в том, чтобы, усваивая те или другие знания, помочь той молодежи, которая сама не может высвободиться из тьмы безграмотности.

Быть членами Союза молодежи, значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.

Для примера возьмите работу на подгородных огородах. Это одна из задач Союза Коммунистической молодежи. Народ голодает, на фабриках и заводах голод. Для того, чтобы спастись от голода, надо развить огороды, но земледелие ведется по-старому.

И вот нужно, чтобы более сознательные элементы взялись за дело, и вы тогда увидите, что огороды увеличатся, площадь их расширится, результаты улучшатся. В этом деле Союз Коммунистической молодежи должен принимать активное участие. Каждый союз или каждая ячейка союза должны считать это дело своим делом.

Союз Коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Союз должен быть таким, чтобы любой рабочий видел в нем людей, учение которых, возможно, ему непонятно, учению которых он сразу, может быть, и не поверит, но на живой работе которых, на их деятельности он видел бы, что это действительно те люди, которые показывают ему верный путь.

Если Союз Коммунистической молодежи во всех областях не сумеет построить так свою работу, это значит, что он сбивается на старый буржуазный путь.

Наше воспитание нужно соединить с борьбой трудящихся против эксплуататоров для того, чтобы помогать первым решать те задачи, которые из учения коммунизма вытекают.

Члены Союза должны каждый свой свободный час употреблять на то, чтобы улучшить огород, или на какой-нибудь фабрике или заводе организовать учение молодежи и т. д.

Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы Союз Коммунистической молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр.

Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами.

И надо, чтобы все увидели, что всякий, входящий в Союз молодежи, является грамотным, а вместе с тем умеет и трудиться. Когда все увидят, как мы прогнали из старой школы старую муштру, заменив ее сознательной дисциплиной, как всякий молодой человек идет участвовать в субботнике, как они используют каждое подгородное хозяйство, чтобы помогать населению, народ будет смотреть на труд не так, как на него смотрели прежде.

Задача Союза Коммунистической молодежи в том, чтобы организовать в деревне или в своем квартале помощь в таком деле,—беру маленький пример—как обеспечение чистоты или распределение пищи.

Как это делалось в капиталистическом старом обществе?

Каждый работал только для себя, и никто не смотрел, есть ли тут старые или больные, или все хозяйство падает на плечи женщины, которая поэтому находится в состоянии подавленном и порабощенном. Кто против этого должен бороться? Союзы молодежи, которые должны сказать: мы это переделаем, мы организуем отряды молодых людей, которые будут помогать обеспечению чистоты или распределению пищи, систематически обходя дома, которые будут действовать организованно на пользу всего общества, правильно распределяя силы и показывая, что труд должен быть организованным трудом.

Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет.

А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество.

И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

В старом обществе труд велся отдельной семьей, и никто не соединял его, кроме помещиков и капиталистов, угнетавших

массы народа. Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я—часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок.

Надо, чтобы Союз Коммунистической молодежи воспитывал всех с молодых лет, с двенадцати лет, в сознательном и дисциплинированном труде.

Вот каким образом мы можем рассчитывать, что те задачи, которые теперь поставлены, будут разрешены.

Нам следует рассчитывать, что нужно не меньше 10 лет для электрификации страны, чтобы наша обнищавшая земля могла быть обслужена по последним достижениям техники.

И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

По мере того, как это будет происходить в каждой деревне, по мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд,—по мере этого, успех коммунистического строительства будет обеспечен.

Только смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха этого строительства, только спрашивая себя, все ли мы сделали, чтобы быть объединенными, сознательными трудящимися, только в этом длительном процессе Союз Коммунистической молодежи сделает то, что он полмиллиона своих членов объединит в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе.

*«Правда» №№ 221, 222 и 223
5, 6 и 7 октября 1920 года.*

О международном положении.

Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства.

(Заседание 8 октября 1920 года.)

Товарищи, предметом моего доклада должно стать, согласно желанию, выраженному устроителями и организаторами президиума вашего съезда, положение нашей республики в по-

литическом отношении. С этой стороны, главное, на чем мне придется остановиться, это, несомненно, наша война с Польшей, главный ход событий в связи с ней, и то, что вскрылось таким образом в отношении внутреннего и международного положения нашей республики.

Вы все, конечно, знаете, как тяжело сложилось военное положение для нас сейчас, и в связи с этим естественно бросить взгляд на то, в силу каких обстоятельств это положение так обострилось, так ухудшилось. Вы помните, разумеется, что в апреле текущего года, когда еще наступление поляков не началось, линия фронта проходила восточнее, во многих местах значительно восточнее той, где она проходит сейчас. Линия проходила так, что Минск оставался у поляков, вся Белоруссия была у них. И не только Совет Народных Коммиссаров, но и президиум В. Ц. И. К.,—высший орган в Р. С. Ф. С. Р.,—торжественно, в специальном обращении заявил польскому народу, что они предлагают мир, что они отказываются от решения оружием вопроса о судьбе Белоруссии, которая никогда польской не была, и крестьянское население которой, долго страдавшее от польских помещиков, не считало себя польским⁵¹). Но мы, тем не менее, заявили самым торжественным, самым официальным образом, что мы предлагаем мир на тогдашней линии, ибо мы ценили рабочих, которые должны были погибнуть в этой войне, так высоко, что никакие уступки мы более не считали важными. Разрешение вопроса о Белоруссии мы предполагали не силой оружия, а исключительно только путем развития борьбы внутри Польши. Мы знали, что помощь освобождению трудящихся Польши мы можем оказать далеко не столько, и даже, главным образом, не столько, силой военной, сколько силой нашей пропаганды.

Это было в апреле текущего года, и вы знаете, что в ответ на наше торжественное предложение мира Польша сначала ответила маневром, предлагая заключить мир в Борисове, который был в их руках и был пунктом стратегически важнейшим, потому что он был занят поляками, и ведение переговоров там означало возможность для поляков наступать на юго-западе и отнять у нас возможность к наступлению на северо-западе. Мы ответили: «Какой угодно город, кроме Борисова». Поляки ответили отказом. Я напоминаю вам об этом, чтобы вы во всех речах, которые вам придется вести по этому вопросу, более энергично подчеркнули, что в начале мы предлагали мир на

линии более восточной, чем теперешняя, т.-е. мы соглашались на мир самый невыгодный для нас.

Поляки нам войну навязали, и мы знаем, что тут главную роль играли даже не польские помещики, не польские капиталисты, ибо положение Польши, как и теперь, было отчаянное. Она с отчаяния пошла на эту авантюру. Но главная сила, которая толкала поляков на войну с нами, была, конечно, сила капитала международного и, в первую голову, французского. До сих пор выяснилось, что сотни французских офицеров действовали и действуют в польской армии, что все вооружение, вся финансовая и военная помощь целиком дана Польше Францией.

Вот при каких условиях эта война началась! Она означала новую попытку союзников разрушить Советскую республику, попытку, после провала с планом Юденича, поставить, с помощью Польши, еще раз вопрос о подавлении Советской республики, и вы знаете главную перипетию этой, начавшейся вопреки нашей воле, войны с Польшей. Вы знаете, что сначала поляки имели успех и на юго-западе они отняли Киев, потом прошло довольно много времени, когда Красная армия могла сосредоточить свои силы и начать наступление, и тут они начали терять одни пункты за другими. Они потеряли Полоцк и т. д. Но лишь к июлю месяцу началось решительное наступление Красной армии и оно оказалось настолько успешным, что мы совершили неслыханный почти в военной истории поход. Красная армия прошла без перерыва 500, даже 600, во многих местах до 800 верст и дошла до Варшавы. Варшава считалась почти погибшей для Польши. Так, по крайней мере, считала вся международная печать. После случился перелом. Когда мы подошли к Варшаве, наши войска оказались настолько измученными, что у них не хватило сил одерживать победу дальше, а польские войска, поддержанные патриотическим подъемом в Варшаве, чувствуя себя в своей стране, нашли поддержку, нашли новую возможность идти вперед. Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас нехватило сил.

Я мог бы говорить об этом дальше, но, сообразно теме моего доклада, я должен остановиться на политическом положении, какое к тому времени развернулось. Мы видели, что когда мы перед апрельским наступлением предложили польской республике мир на условиях, самых выгодных для поляков, но

невыгодных для нас, вся буржуазная печать мира подняла шум, и наше прямое заявление рассматривали как признак нашей слабости. Если большевики предлагают мир на той линии, на которой польские войска тогда стояли, если большевики даже отдают Минск, то они слабы. В начале войны даже английский король прислал приветствие главе польского помещичьего правительства.

12 июля внезапно, как вы, вероятно, помните, мы получили телеграмму от секретаря Лиги Наций с заявлением, что польское правительство согласно вступить в переговоры о мире на условиях этнографических границ и на условиях отнесения всей Галиции к Польше. Во всей международной печати поднялся неслыханный шум. На этот раз все стояли за мир. Когда мы предлагали мир в апреле, или еще раньше, весной 1920 г., вся эта печать молчала или подстрекала Польшу на войну. Когда же мы победили Польшу, и мир предложила Польша, мы на это предложение ответили прямым и откровенным изложением нашего взгляда на то, что Лига Наций никакой силы не представляет, положиться на ее слова мы не можем. Теперь, когда военное счастье переменялось, когда мы вчера заявили, что мы предлагаем Польше мир на условиях более выгодных, чем предлагала им Лига Наций, с тем, чтобы до 5 октября этот мир был подписан, опять вся буржуазная пресса замолчала. Она молчит о мире тогда, когда на большевиков наступают, и кричит тогда, когда большевики наступают. Она хочет после этого заставить верить в то, что со стороны буржуазной печати имеется будто бы желание мира. На конференции нашей партии, которая кончилась несколько дней тому назад, мы имели возможность слышать доклад польского рабочего, представителя одного из крупных профессиональных союзов Польши, который пробрался из Варшавы и рассказывал о том, какие преследования против рабочих велись в Польше, как рабочие в Варшаве смотрели на Красную армию, как на избавительницу, как они ждали русскую Красную армию, не считая ее своим врагом, а, наоборот, своим другом в борьбе против панов, против буржуазных угнетателей Польши. Тут, ясное дело, Антанта пользовалась Польшей, как орудием в новой попытке разрушить Советскую республику, и когда эта попытка грозила перейти в полную противоположность и мы стояли накануне того, чтобы помочь польским рабочим свергнуть их правительство, вся буржуазная европейская печать была против

нас. Тов. Каменев, который посетил Лондон, рассказывал здесь, в Большом театре, как ему изо дня на день приходилось выслушивать ультиматумы и угрозы английского правительства, хотевшего уже мобилизовать весь свой флот против Петрограда, сосредоточив его в Кронштадте, для защиты будто бы Польши от нас. Теперь, когда военное счастье переменялось, когда мы снимаем из наших условий все то, что было объявлено Польшей неприемлемым, буржуазная пресса замолчала. Совершенно ясно, что перед вами не что иное, как натравливание Польши французским и английским империализмом на новую попытку свергнуть Советскую власть.

Это (что, несомненно, важно) я думаю уже последняя попытка наступления на Советскую Россию. Тут оказалось, что Польша слишком тесно связана со всей системой международного империализма. Вы знаете, что, разгромив Германию, союзные империалисты—Франция, Англия, Америка и Япония—заключают Версальский мир, который, во всяком случае, является несравненно более зверским, чем пресловутый Брестский мир, о котором так много кричали. И в то же время, как французы, американцы, англичане трубили на весь мир, что это война освободительная, что эта война имеет целью избавление Европы и всего мира от варварства гуннов, как они называли немцев, оказалось, что Версальский мир превзошел все жестокости, на которые был способен кайзер, когда он был победителем. Для всех побежденных стран, для Германии, для всех стран, входивших в состав Австро-Венгерской империи, вмешательство английских и французских офицеров в хозяйственную жизнь, доказывает, что жить при таких условиях нельзя. Одной из причин, на которой держится этот чудовищный мир, является то обстоятельство, что Польша разделяет Германию на две части, так как польские земли выходят к морю. Между Германией и Польшей отношения сейчас самые обостренные. Поляков, когда они притесняют германское население, поддерживают войска и офицеры Антанты. Из Польши Версальский мир создал государство-буфер, который должен оградить Германию от столкновения с советским коммунизмом, и который Антанта рассматривает как оружие против большевиков. С Польшей и при помощи Польши французы надеются вернуть себе те десятки миллиардов займов, которые взяло царское правительство. Вот почему, когда разгорелась война с Польшей, от которой мы так хотели избавиться ценой хотя бы больших уступок, эта

война с Польшей оказалась более войной против Антанты, чем предыдущие войны. Предыдущие войны, когда против нас выступали Колчак, Деникин и Юденич, велись тоже при помощи офицеров и сотен миллиардов, которые давали союзники, при помощи их пушек и танков. Предыдущие войны были тоже войнами против Антанты, но эти войны шли на русской территории против белогвардейских русских офицеров и мобилизованных ими крестьян. Эти войны не могли превратиться в войны, которые бы поколебали Версальский мир. Вот в чем их отличие от войны с Польшей. Война против Юденича, Колчака и Деникина была тоже войной против Антанты и была войной России рабочей против всей буржуазной России. И когда она окончилась победой, и когда мы разбили Юденича, Колчака и Деникина, то это не было прямое наступление на Версальский мир. С Польшей вышло наоборот, и в этом отличие войны против Польши, в этом международное значение Польши.

Когда мы наступали на Польшу победоносно, тогда вся Европа завопила, что она хочет мира, что весь мир устал от войны, что пора мириться. А когда поляки наступают, то никто не кричит, что устали от войны. В чем дело? А дело в том, что, побеждая Юденича, Колчака и Деникина, мы не могли разорвать Версальского мира, мы только обрушились на Юденича, Колчака и Деникина и отбросили их к морю, а наступая на Польшу, мы тем самым наступаем на самую Антанту; разрушая польскую армию, мы разрушаем тот Версальский мир, на котором держится вся система теперешних международных отношений.

Если бы Польша стала советской, если бы варшавские рабочие получили помощь от Советской России, которой они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен, и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы. Франция не имела бы тогда буфера, ограждающего Германию от Советской России. Она не имела бы тарана против Советской республики, она не имела бы надежды вернуть свои десятки миллиардов и подходила бы к катастрофе еще скорее, чем она идет к ней сейчас. Франция в долгу, как в шелку. Раньше она была самым богатым ростовщиком. Теперь она должна втрое больше Америке, чем другие государства. Она идет к банкротству. Она в безвыходном положении. Вот почему подход красных войск особенно к Варшаве оказался международным кризисом, вот почему это

так взволновано всю буржуазную прессу. Вопрос стоял так, что еще несколько дней победоносного наступления Красной армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир.

Вот международное значение этой польской войны. Вы знаете, что мы завоевательными планами не занимались. Я в начале своей речи подчеркнул, что в апреле 1920 г. мы стояли к востоку от Минска и предлагали мир, лишь бы избавить рабочих и крестьян России от новой войны. Но раз нам война навязана, мы должны окончить ее победоносно. Версальский мир угнетает сотни миллионов населения. У Германии он берет уголь, берет молочных коров и ставит ее в условия неслыханного, невиданного рабства. Самые неразвитые слои крестьянского населения Германии заявили, что они стоят за большевиков, что они их союзники, и это понятно, потому что Советская республика в своей борьбе за существование является единственной силой в мире, которая борется против империализма, а империализм—это значит теперь союз Франции, Англии и Америки. Мы подходим к центру современной международной системы. Когда красные войска подходили к границе Польши, победное наступление Красной армии вызвало неслыханный политический кризис. Главная сущность этого кризиса состояла в том, что английское правительство грозило нам войной, оно заявляло нам: «если вы пойдете дальше, то мы воюем с вами, посылаем свой флот к вам», но английские рабочие заявили тогда, что они не допустят этой войны. Нужно сказать, что большевизм растет среди английских рабочих. Но сейчас там коммунисты настолько слабы, как у нас они были слабы в марте, апреле и мае 1917 г., когда мы на совещании и съездах имели одну десятую долю голосов. На I Всероссийском Съезде Советов в июне 1917 г. у нас было не больше 12⁰/₁₀₀ голосов ²¹⁹). Теперь такое же положение существует в Англии: там большевики составляют ничтожное меньшинство. Но дело в том, что английские меньшевики всегда были против большевизма и прямой революции, и стояли за союз с буржуазией. Теперь же старые вожди английских рабочих поколебались и стали на другую точку зрения: они являлись противниками диктатуры рабочего класса, а теперь они перешли на нашу сторону. Они составили в Англии «Комитет Действия». Это есть великий переворот во всей английской политике. Рядом с парламентом, который сейчас в Англии избирается почти всеобщим голосованием (что

происходит с 1918 г.), возникает самочинный «Комитет Действия», опирающийся на рабочие профессиональные союзы, т.-е. тред-юнионы²²⁰). Они насчитывают там более 6 миллионов членов. Рабочие, в ответ на желание правительства вести войну с Советской Россией, заявили, что они не позволят этого и сказали: «мы не позволим воевать и французам, потому что французы живут английским углем». Если это производство остановится, то это будет большим ударом для Франции.

Повторяю, это был великий перелом для всей английской политики. Для Англии он имеет такое же значение, как для нас февральская революция 1917 г. Февральская революция 1917 г. свергла царизм и установила в России буржуазную республику. В Англии же республики нет, но монархия там насквозь буржуазная, существует она уже много столетий. Рабочие там имеют возможность участвовать в выборах парламента, но вся международная внешняя политика ведется помимо парламента. Ее ведет кабинет министров. Давно было известно, что правительство Англии ведет скрытую войну против России и помогает Юденичу, Колчаку и Деникину. В английской печати можно было не раз прочесть заявление, что Англия не в праве посылать ни одного солдата в Россию. Кто же голосовал средства? Какие парламентские постановления разрешили идти войной против России в помощь Юденичу и Колчаку? Таких постановлений не было, и такими действиями Англия нарушила свою собственную конституцию. Что же такое этот «Комитет Действия»? «Комитет Действия», помимо парламента, ставит правительству ультиматум от имени рабочих—это есть переход к диктатуре, и другого выхода из положения нет. А между тем Англия—страна империализма, которая держит в порабощении своем от 400 до 500 милл. населения в колониях. Это самая главная страна, которая господствует над большей частью населения земного шара. Наступление на Польшу произвело такой перелом, что английские меньшевики вступили в союз с русскими большевиками. Вот что сделало это наступление.

Вся английская буржуазная пресса писала, что «Комитет Действия» не что иное, как советы. И она была права. Это не называлось советами, но по существу это то же самое. Это то же самое двоевластие, что было у нас при Керенском в марте 1917 г., когда Временное Правительство считалось единым правительством, но на деле без Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов ничего

серьезного сделать не могло, и когда мы говорили советам: «Берите всю власть». То же самое положение создалось теперь в Англии, и меньшевики вынуждены в этом «Комитете Действия» вступить на путь противоконституционный. Вот вам маленькое представление о том, что означала наша война с Польшей. Хотя международная буржуазия остается неизмеримо более сильной, чем мы, и хотя английское правительство говорило, что тут во всем виноват Каменев, и выгнало Каменева из Англии с тем, чтобы не впускать его вновь,—это пустая и смешная угроза, ибо лучшие защитники американских и английских капиталистов, умеренные английские вожди рабочих, правые меньшевики и правые эс-эры, перешли в «Комитет Действия», и сейчас Англия стоит перед новым кризисом. Сейчас ей грозит всеобщая угольная забастовка, при чем забастовщики ставят требование не только повысить заработную плату, но и уменьшить цену угля. В Англии идут забастовки волна за волной. Забастовщики требуют повышения заработной платы. Но если сегодня рабочие добились повышения заработной платы на 10%, завтра цены повышались на 20%. Цены растут, и рабочие видят, что их борьба оказывается бесплодной, что, несмотря на повышение заработной платы, они оказываются в проигрыше, потому что цены растут. Рабочие говорят: «мы не только требуем повышения заработной платы для угольных рабочих, но мы требуем также понижения цены на уголь». Английская буржуазная пресса вопит в еще большем ужасе, чем тогда, когда Красная армия входила в Польшу.

Вы также знаете, какое отражение нашел европейский кризис в Италии. Италия—страна победительница, а когда победы Красной армии вызвали движение в Германии и перелом в английской политике, в Италии борьба обострилась до того, что рабочие стали захватывать фабрики, брать квартиры фабрикантов, поднимать на борьбу сельское население. Италия находится теперь в таком положении, которое ни в какие мирные рамки не укладывается ²¹⁶).

Вот каков был ход развития польской войны. Вот почему мы, зная, что польская война близко связана со всем положением международного империализма, шли на самые большие уступки, лишь бы избавить от ее тяжести рабочих и крестьян. Затем мы пришли в столкновение с Версальским миром, и оказалось, что буржуазия так же бешена против нас, как прежде, но оказалось, что рабочие зрели не по дням, а по часам, и что к рабочей революции дело подходит неуклонно, но все же слишком медленно, если

сравнить с быстротой развития в России. В России революцию можно было проводить так быстро потому, что она была во время войны. Во время войны десятки миллионов русских рабочих и крестьян были вооружены, и против такой силы буржуазия и офицерство были бессильны. В октябрьские дни они грозили повести войска на Петроград. Мы получили десятки тысяч телеграмм со всех фронтов—идем на вас и сметем вас. Мы думали: «испробуйте», но когда приезжали делегаты от каждой армии, достаточно было получасовой беседы и оказывалось, что солдаты за нас, и офицерство должно было молчать. Попытки сопротивления, устройство заговоров Юденича, Колчака и Деникина—это пришло позже, когда армия была демобилизована. Вот почему в России революция могла так быстро одержать победу. Народ был вооружен. Рабочие и крестьяне оказались поголовно за нас. В Европе же война кончилась. Армии демобилизовались. Солдаты разошлись по домам. Рабочие и крестьяне разоружены. Там теперь развитие идет медленно, но оно идет. Как только международная буржуазия замахивается на нас, так ее руку схватывают ее собственные рабочие. Вот в чем значение международной войны против Польши! Вот где источник кризиса международного. Вот где источник новых трудностей для нас теперь. Когда, как вы знаете, у нас немного нехватило сил, чтобы дойти до Варшавы и передать власть варшавским рабочим, чтобы собрать варшавские Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, чтобы сказать им: «Мы шли вам помочь», когда армия после неслыханных и невиданных героических усилий оказалась истощившей все свои силы,—наступило всенное поражение.

Теперь мы откатились на востоке очень и очень далеко. На севере мы потеряли даже г. Лиду, на юге мы уже почти у той линии, у которой стояли в апреле 1919 г., у линии Пилсудского, на севере мы откатываемся назад чрезвычайно сильно, а Врангель делает в это время новые и новые попытки наступать. Врангель угрожал недавно Екатеринославу, подходил к Синельникову, и оно было у него в руках. Теперь он взял Славгород. На востоке он взял Мариуполь, подходит к Таганрогу, угрожает Донецкому бассейну. Перед нами снова трудное положение, и снова, еще раз попытка международных империалистов задушить Советскую Республику двумя руками: польским наступлением и наступлением Врангеля. В сущности и Польша, и Врангель—это две руки французских империалистов: и польские, и врангелевские войска они снабжают своим оружием, своими приказами. Но эти три силы

тоже между собой не очень-то могут поладить. Франция говорит полякам: «вы не должны брать слишком много сил, слишком много земли, потому что царская Россия вам этого никогда не даст». Франция говорит Врангелю: «вы должны действовать так, чтобы не возвращать власть старых помещиков, ибо пример Деникина, Колчака, Юденича показывает, что старые помещики, когда руководят белогвардейскими армиями или когда их офицеры командуют армиями, ведут к гибели тем скорее, чем больше территории они захватывают, потому что крестьянство, в конце концов, восстает против них».

Пока Врангель шел с отборными офицерскими войсками, он мог на эти войска полагаться, и в этом сила Врангеля; у него превосходное вооружение, по последнему слову техники, отборные войска из офицеров. Когда он высадил свой десант на Кубани, высаженные у него там войска были так подобраны, что каждая рота и полк могли развернуться в целую дивизию, потому что они состоят сплошь из офицеров. Но как только он будет делать попытку, которую в свое время делали Колчак, Деникин и Юденич, захватывая более широкие территории, мобилизовать более широкое крестьянское население, создать народную армию,—на этом его успех сейчас же превращается в его поражение, потому что крестьянское войско, как оно было против Колчака, Деникина и Юденича, так оно никогда не может идти с врангелевскими офицерскими войсками. Тот варшавский рабочий, который делал доклад на партийной конференции, формулировал это так: «польская армия, состоявшая раньше из молодежи (туда брались первопризывники мальчики), теперь выбита. Теперь мобилизовали до 35 лет: теперь там взрослые люди, которые проделали империалистическую войну, и эта армия далеко не так надежна для польских помещиков и капиталистов, как армия, состоящая из молодежи!»

Вот как обстоит дело в международном положении. В войне против Антанты, в силу того поражения, которое было нанесено нам под Варшавой, в силу того наступления, которое продолжается на западном и на врангелевском фронтах, наше положение оказалось опять чрезвычайно плохим, и я должен поэтому закончить свой краткий доклад обращением к товарищам-кожевникам с указанием на то, что теперь нужно опять напрячь все силы, что теперь победа над Врангелем—наша главная и основная задача. Она требует гигантской энергии, самодеятельности, именно, рабочих, именно, профсоюзов, именно, пролетарской массы и, в первую го-

лову, тех рабочих, которые близко стоят к отраслям промышленности, связанным с обороной. Главная наша трудность в настоящей войне не в отношении человеческого материала,—его у нас достаточно—а в снабжении. Главная трудность на всех фронтах—недостаток снабжения, недостаток теплой одежды и обуви. Шинели и сапоги—вот самое главное, чего не достает нашим солдатам, вот из-за чего так часто срывались наступления вполне победоносные. Вот в чем трудность, которая мешает быстрому использованию для победного наступления новых частей, которые мы имеем в достаточном числе, но которые без достаточного снабжения не могут быть сформированы, не представляют из себя сколько-нибудь боеспособных войск.

Союзу кожевников и собранию, представляющему собой весь пролетариат кожевников, надо на это обратить самое большое внимание. Товарищи, от вас зависит сделать так, чтобы предстоящее наступление на Врангеля, для которого мы готовим все силы, было бы произведено возможно более успешно и быстро. От вас это зависит, потому что тех мер, которые принимает Советская власть и коммунистическая партия, недостаточно. Для того, чтобы красноармейцам была оказана помощь, для того, чтобы наступил более решительный перелом, для того, чтобы дело снабжения улучшилось, недостаточна помощь советских учреждений, декретов Совнаркома и Совета Обороны, решений партии; нужна еще помощь профсоюзов. Нужно, чтобы профсоюзы поняли, что вопреки всем нашим многократным предложениям мира, дело идет опять и опять о существовании рабоче-крестьянской власти. Вы знаете, как она усилилась после провала Деникина, Колчака и Юденича. Вы знаете, как усилились хлебные заготовки, благодаря возвращению Сибири, Кубани, вы знаете, как завоевание Баку дало возможность сейчас привезти свыше 100 миллионов пудов нефти, как, наконец, наша промышленность стала приобретать тот фундамент, на котором является возможным создать хлебные запасы и привлечь рабочих снова на фабрики, собрать сырье и дать топливо, чтобы пустить фабрики, чтобы восстановить, наконец, хозяйственную жизнь. Но чтобы осуществить все эти возможности, нужно окончить войну во что бы то ни стало, ускорить наступление на Врангеля. Надо, чтобы еще до зимы Крым был возвращен, а это зависит от энергии, от почина самих рабочих, и, может быть, в первую голову, от каждого русского кожевника и от союза кожевников.

Я обращаюсь к вам с призывом: подражать примеру наших петроградских рабочих, которые недавно, после доклада от имени Коммунистического Интернационала о положении на фронтах, развили снова и снова гигантскую энергию, чтобы помочь делу, опять начиная со снабжения и обеспечения красноармейцев, с подъема сил нашей Красной армии. Вы знаете, что всякий шаг помощи, которая оказывается Красной армии в тылу, сейчас же сказывается на настроении красноармейцев. Вы знаете, что осенние холода влияют на настроение красноармейца, понижая его, создают новые трудности, увеличивают болезни и приводят к большим бедствиям. Здесь всякая помощь, оказанная в тылу красноармейцам, немедленно превращается в усиление Красной армии, в уменьшение числа болезней и в увеличение наступательной способности. Нужно, чтобы каждый рабочий в каждом собрании, в каждой мастерской сделал теперь главным предметом своих бесед, докладов и собраний лозунг: «все на помощь Красной армии».

Спросим себя, все ли мы сделали, что зависело от нас, чтобы помочь Красной армии? Ибо от этой помощи зависит, как быстро мы сладим окончательно с Врангелем и обеспечим себе полный мир и возможность хозяйственного строительства.

*Напечатано в «Правде» № 225 и 226,
9 и 10 октября 1920 г.*

Речь на Московском губсовещании.

Товарищи! По вопросу о внутреннем и внешнем положении республики, по которому вы желали иметь доклад, мне придется, естественно, останавливаться больше всего на войне с Польшей. Главное, что определяло собою в последнее полугодие внешнее и внутреннее положение республики, была как раз эта война. И как раз теперь, когда предварительный мир с Польшей ⁵¹⁾только что подписан, как раз теперь можно и следует бросить общий взгляд на эту войну и на ее значение и попытаться обдумать те уроки, которые всем нам дает эта только что закончившаяся, и еще неизвестно, действительно ли прочна закончившаяся война.

Я поэтому прежде всего хочу напомнить вам, что 26-го апреля, когда поляки начали свое наступление, с нашей стороны был торжественно и формально предложен мир на условиях более выгодных, чем те, которые они получили от нас теперь, несмотря на громадное поражение, которое наши войска потерпели под Варшавой.

Когда в конце апреля поляки стояли на фронте от 50 до 150 верст восточнее той линии, которую они сейчас посчитали как линию предварительного мира,—несмотря на то, что эта линия была тогда явно несправедливой, мы торжественно предложили им от имени В. Ц. И. К. мир, ибо, как вы все, конечно, знаете, главная забота Советской власти была тогда—обеспечение перехода на мирное строительство. Мы не имели никаких оснований желать, чтобы спорные вопросы между нами и польским государством решались военным путем. Мы хорошо знали, что польское государство тогда было, и теперь остается, государством помещиков и капиталистов, что оно находится в полной зависимости от капиталистов Антанты, в особенности Франции. Несмотря на то, что Польша тогда держала под своим влиянием не только всю Литву, но и Белоруссию, не говоря уже о Восточной Галиции, мы считали своим долгом делать все возможное, чтобы войны избежать, чтобы дать возможность рабочему классу и крестьянству России хотя бы несколько отдохнуть от войны империалистической и гражданской и взяться, наконец, полностью за мирную работу.

Случилось, однако, так, как случалось уже неоднократно. Буржуазные дипломаты всех стран не привыкли к нашим открытым заявлениям, и наша готовность идти на мир по линии, столь невыгодной для нас, была принята и истолкована, как доказательство того, что мы непомерно слабы. Французским капиталистам удалось втравить польских капиталистов в войну... Вы помните, как мы ответили контр-ударом и прошли почти до Варшавы, после чего последовало тяжелое поражение наших войск, отбросившее их назад. В течение более чем месяца и все последнее время наши войска отступали и терпели поражения, ибо они были непомерно утомлены и истощены тем непрерывным маршем, который они сделали на расстоянии от Полоцка до Варшавы. Но, несмотря на это тяжелое положение, повторяю, мир оказался подписанным на условиях менее выгодных для Польши, чем тогдашние условия. Тогдашняя граница проходила сверх 50-ти верст к востоку, теперь она проходит сверх 50-ти верст к западу.

Таким образом, несмотря на то, что мы заключили мир в момент, выгодный только для противника, когда наши войска отступали, а Врангель усиливал свой натиск,—мы заключили мир на условиях более выгодных. Это еще раз доказывает, что когда Советская власть делает свои предложения относительно мира, к ее словам и заявлениям обязательно нужно относиться серьезно;

в противном случае получается то, что мы предлагаем мир на условиях худших, а получаем этот мир на условиях лучших. Этого урока польские помещики и капиталисты, конечно, не забудут, и это уже не первый урок. Так было весной 1919 г., когда в Москву приезжал представитель американского правительства¹⁶⁷). Условия мира, которые предлагали тогда мы, были для нас очень невыгодны; это было сочтено за нашу слабость, и война продолжалась. Результаты ее известны. Не первый уже раз Советская власть доказывает, что она гораздо сильнее, чем кажется, что в наших нотах нет того хвастовства и угроз, которые обычны для всех остальных буржуазных правительств, что не согласиться на мир, предлагаемый Советской Россией, значит не что иное, как получить этот мир через некоторое время на более худших условиях. Такие вещи в международной политике не забываются, и, доказав польским панам, что они получили теперь мир, худший того, который мы им предлагали, мы приучим польские народные массы, польских крестьян и рабочих, взвешивать, сравнивать заявления их правительства и нашего.

Многие из вас видели в газетах ноту американского правительства, в которой оно заявляет: «мы не хотим иметь дела с Советской властью, ибо она нарушает свои обязательства». Мы не удивляемся этому, потому что мы это слышим много лет. Польские газеты, которые почти все куплены помещиками и капиталистами, — у них это называется свободой печати, — говорят, что Советской власти нельзя верить, что это есть власть насильников и обманщиков. Все польские газеты это говорят. Но польские рабочие и крестьяне проверяют слова делом. А дело показало то, что когда мы предлагали первый мир, мы этим уже доказали свое миролюбие, и, заключивши в сентябре мир, мы также доказали это миролюбие. Этого доказательства вы ни в одной истории буржуазных правительств не найдете, и в умах польских рабочих и крестьян этот факт не может пройти бесследно. Советская власть подписала мир, когда ей было это невыгодно, — таким путем, и только таким, мы отучим правительства тех держав, которые находятся в руках помещиков и капиталистов, от лжи и подорвем веру в них у их рабочих и крестьян. Над этим больше всего надо думать.

Советская власть России окружена бесчисленным количеством врагов, и эти враги все же бессильны. Подумайте над всем ходом и исходом польской войны. Мы знаем теперь ясно, что за спиной Польши стояли французские капиталисты, что они давали Польше деньги, снаряжение, обмундирование, снаряды, посылали

французских офицеров. Совсем недавно мы имели сведения о появлении на польском фронте черных, т.-е. французских колониальных войск. Значит, войну вела Франция, а ей помогали Англия и Америка. В это же время Франция поддерживала и Врангеля, которого она признала за законное правительство России, и давала ему средства на вооружение и содержание; Англия, Америка дают также средства армии Врангеля. Против нас было, таким образом, три союзника: Франция, поддерживаемая всеми богатыми странами мира, Польша и Врангель, и мы вышли из этой войны, заключив выгодный мир. Значит, мы остались победителями. Всякий, кто посмотрит на карту, увидит, что мы победили, ибо вышли из этой войны с большим количеством земли, чем до начала войны. Но разве эти союзники слабее, чем мы? Разве их силы слабее наших военных сил? Разве у них меньше людей, запасов для войны, снарядов? У них всего больше. Это—противник, более сильный, чем мы, и все-таки он побит. Вот над этим нужно подумать, чтобы понять, в каком положении находится Советская Россия по отношению ко всем государствам мира.

Когда большевики начали революцию, они говорили, что мы можем и должны ее начать; но мы, вместе с тем, не забывали, что успешно окончить и довести ее до безусловного победного конца можно только, не ограничиваясь одной Россией, а в союзе целого ряда стран, победив капитал международный. Капитал России связан с капиталом международным. Когда наши противники говорят нам: «если бы вы даже победили в России, ваше дело все же погибнет, потому что другие капиталистические государства вас задавят»,—ответом на это мы имеем теперь вот этот очень важный опыт, опыт войны с Польшей, который показывает, как вышло на самом деле.

На самом же деле почему-то произошло то, что на нас нападают Франция, Польша и Врангель, более сильные, чем мы, полные ненависти к большевизму и решимости свергнуть Советскую власть,—но через полгода и даже меньше, если считать началом наступления апрель, война кончается в нашу пользу. Как же это может быть? Советская Россия, измученная войной империалистической и гражданской, окруженная врагами, отрезанная от всех источников предметов обмундирования и снабжения, эта Советская Россия оказалась победительницей.

Вот над этим надо подумать, потому что, вдумываясь в этот вопрос, мы начинаем понимать механику революции не только русской, но и международной. Мы видим подтверждение того,

что русская революция есть только одно звено в цепи революции международной.

Наше дело стоит прочно и непобедимо, потому что во всем мире экономические условия развиваются так, что сии наших врагов обессиливают, а нас с каждым днем усиливают. Что это не преувеличение, не хвастовство, не увлечение, это вам доказала теперь еще раз польская война. Трое союзников воевали против нас. Казалось бы, нетрудно соединить крепко этих трех союзников между собою. Но оказалось, что эти союзники, наученные к тому же великим опытом войн Юденича, Колчака и Деникина, не могли соединиться против нас. На каждом шагу они ссорились между собою. Наш поход на Варшаву, этот поход Красной армии, когда усталые, измученные, плохо одетые солдаты шли непрерывно свыше 600 верст, нанося поражение за поражением польским войскам, прекрасно обученным, имеющим сотни лучших инструкторов из французских офицеров,—этот поход вскрыл перед нами внутреннее отношение между всеми нашими противниками.

Когда войска Красной армии подходили к границам Польши, мы получили 12 июля телеграмму от Керзона, английского министра иностранных дел, который от имени пресловутой Лиги Наций, этого союза, будто бы объединяющего Англию, Францию, Америку, Италию и Японию, государства, которые обладают гигантской военной силой, всем военным флотом мира, военное сопротивление которым, казалось бы, является вещью совершенно невозможной, нелепой,—так вот от имени этой Лиги Наций нам присылают предложение прекратить войну и вступить в переговоры с поляками в Лондоне. Линией границы должна была быть линия около Гродно, Белостока, Брест-Литовска и по реке Сану, Восточной Галиции. Мы ответили на это предложение, что мы ни с какой Лигой Наций не считаемся. Мы ответили так потому, что видели нецелесообразность этой Лиги: ее не слушают даже сами ее члены. Наш ответ французское правительство признало дерзким, и казалось бы, что против нас должна была выступить эта Лига Наций. Но что же обнаружилось? Лига Наций развалилась от этого первого нашего заявления, и Англия и Франция выступили друг против друга. Английский военный министр Черчилль уже несколько лет употребляет все средства,—и законные, и еще больше незаконные, с точки зрения английских законов,—чтобы поддерживать всех белогвардейцев против России. Это—величайший ненавистник Советской России. И тем не менее Англия сейчас же

после нашего заявления разошлась с Францией, так как Франции нужны силы белогвардейской России, чтобы они могли ее защищать от Германии. Англии же никакой защиты не нужно: она— страна морская и никакого выступления не боится, потому что владеет сильнейшим флотом. Таким образом, на первом же шагу оказалось, что Лига Наций, которая посылала такие неслыханные угрозы России, бессильна.

На каждом шагу обнаруживается, что интересы составных частей этой Лиги Наций взаимно противоположны. Франция желает поражения Англии и наоборот. Когда т. Каменев вел переговоры с английским правительством в Лондоне²²¹), и когда он заявил английскому премьер-министру: «допустим, что вы действительно исполните то, что говорите, но как же Франция?»—то английский премьер-министр должен был ответить, что Франция пойдет своим путем: «Мы с Францией одинаково идти не можем». Оказалось, что Лиги Наций не существует, что союз капиталистических держав есть простой обман, и что на самом деле это—союз хищников, из которых каждый старается урвать что-нибудь друг у друга.

Теперь, когда нам пришлось при заключении мира в Риге, узнать, что разделяло Польшу, Англию, Францию и Врангеля, почему они не могли соединиться, мы узнали, что их интересы были разные. Англия хочет иметь под своим влиянием новые маленькие государства,—Финляндию, Эстляндию, Латвию и Литву; Англии нет никакого дела и ей даже невыгодно восстановление царской или белогвардейской, или даже буржуазной России. Поэтому Англия действует наперекор Франции; поэтому Англия не может соединиться с Польшей и Врангелем; поэтому все они не могут действовать рука об руку, ибо интересы у них совершенно различны. Франция заботится о том, чтобы перебить польских солдат до последнего из-за своих интересов, из-за своих долгов. Она надеется, что мы ей заплатим те 20 миллиардов долга, которые взял бывший царь и которые подтвердило правительство Керенского.

Теперь всякому человеку ясно, что французским капиталистам не видать этих денег, как своих ушей. Французские капиталисты понимают, что французских рабочих и крестьян на войну за них не пошлешь, а польских—сколько угодно; так пусть гибнут польские солдаты, чтобы французские капиталисты получили свои миллиарды. Но и польские рабочие видят, что в Польше французские, английские и другие офицеры держат себя, как в завое-

ванной стране. Поэтому мы на переговорах в Риге видели, что партия польских рабочих и крестьян, безусловно патриотическая, безусловно враждебная большевизму, похожая на нашу партию правых эс-эров и меньшевиков, что эта партия стояла за мир, что она боролась против правительства польских помещиков и капиталистов, которые до последнего момента стремились сорвать мир, стремятся к этому еще и теперь и долго еще будут к этому стремиться. Третий из союзников, Врангель, который борется за то, чтобы вернуть всю Россию помещикам и капиталистам, причисляет к России и Польшу. Ведь все русские цари, русские помещики и капиталисты привыкли считать Польшу своей добычей. Они не забыли, что Польшу душили еще русские крепостные мужики, когда их посылали на войну с царем во главе. Значит, если бы Врангель победил, он победил бы для того, чтобы вернуть помещикам всю власть и в России, и в Польше. Вышло то, что когда против нас собрались три союзника, они начали с того, что разодрались между собой. То, чего хочет Франция, не хочет ни польский мужик, ни польский рабочий, а чего хочет Врангель, того не хочет даже ни один помещик Польши. Теперь, когда к нам попадают радио Врангеля или же радио из Парижа с французскими правительственными сообщениями, мы видим, что Врангель и Франция скрежещут зубами, потому что они понимают, что это за мир, который сейчас заключен нами с Польшей, хотя они и уверяют, что это не мир, что Польша не может его подписать. Посмотрим! Пока что мир подписан.

Как Врангель, так и Франция не понимают в чем тут дело. Они не могут переварить того чуда, что разоренная Советская Россия побеждает цивилизованные государства, которые сильнее ее. Они не понимают того, что вся сила этих побед есть основное учение коммунистов, которое говорит, что собственность разъединяет, а труд соединяет. Частная собственность—это грабеж. Государства, основанные на частной собственности, есть государства хищников, которые воюют для дележа добычи, которые, еще не кончив войны, уже начинают бороться внутри, между собою. Год тому назад нам грозили 14 государств, и этот союз 14-ти развалился сразу¹⁵⁴). Почему же он развалился? Потому, что договор этих государств между собою был только договором на бумаге и никто не пошел на войну. Когда теперь Франция, Польша и Врангель соединились между собою, то их союз развалился, потому что они ставят друг другу подножку. Они стали делить шкуру медведя,

которого еще не убили, да и не убьют, а, между тем, из-за этого медведя у них уже идут раздоры.

Опыт мировой политики доказал, что союз против Советской России неминуемо осужден на неудачу, потому что это—союз империалистический, союз хищников, и действительного интереса, прочно соединяющего их, у них нет. Это еще раз обнаружилось во время польской войны. Когда наша Красная армия сломила сопротивление поляков, когда она взяла Белосток и Брест-Литовск и подошла к польской границе, то всей установившейся системе международной политики пришел конец, так как она держится на Версальском договоре, а договор этот под ударами Красной армии затрещал по всем швам.

А что такое Версальский договор? Это договор хищников и разбойников. Когда Германия навязала нам Брестский мир, то по всему свету кричали, что это мир грабителей. Когда же Германия была побеждена, то Лига Наций, воевавшая против нее и кричавшая о том, что это война освободительная, демократическая, навязала Германии свой мир, и это был мир ростовщический, мир душителей, мир хищников, потому что они разграбили и раздробили Германию и Австрию, лишили их всех средств жизни, оставивши детей голодать и умирать с голода. Этот неслыханный, грабительский мир десятки миллионов людей, в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве. По Версальскому договору Турция, Персия, Китай превращены в рабов. Получилось такое положение, при котором семь десятых мирового населения находится в порабощенном положении. Эти рабы разбросаны по всему миру и отданы на растерзание кучке стран—Англии, Франции, Японии.

Вот почему весь этот международный порядок, который держится Версальским миром, стоит на вулкане. Те $\frac{7}{10}$ населения всей земли, которые порабощены, ждут не дождутся, чтобы нашелся кто-нибудь, кто поднял бы борьбу.

Франция надеется получить старые долги, а сама в долгу перед Америкой и платить эти долги Америке ей нечем, так как у нее ничего нет, а частная собственность у них священна. В чем заключается эта священная частная собственность? Да в том, что цари и капиталисты занимают деньги, рабочие и крестьяне должны этот долг платить. Франция накануне краха, ей из долгов не выйти.

И вот, когда Красная армия сломала польскую границу, подошла к германской, когда увидели, что Версальский мир трещит по всем швам, то в Германии все, даже черносотенцы и монархисты, говорят, что большевики их не спасут. Оказалось, что Версальский мир держится на Польше. Правда, нам не хватило сил довести войну до конца. Но нужно помнить, что наши рабочие и крестьяне были разуты и раздеты, но они шли все-таки вперед и преодолевали такие трудности и воевали в таких условиях, при каких не приходилось воевать ни одной армии во всем мире.

У нас нехватило силы, мы не смогли взять Варшаву и добить польских помещиков, белогвардейцев, капиталистов. Но наша армия показала всему миру, что Версальский договор не есть такая сила, какой его изображают, что сотни миллионов людей, которые осуждены десятилетия платить сами и заставлять платить внуков и правнуков по займам, чтобы обогащать французских, английских и других империалистов,—этот Версальский договор не так прочен. Наша армия показала, что большая, но разоренная советская страна летом 1920 года была в нескольких шагах от полной победы. Весь мир увидел, что есть сила, для которой Версальский договор не страшен, и что никакие Версальские договоры не сломят силу рабочих и крестьян, если они умеютправляться с помещиками и капиталистами

*«Правда» № 232,
17 октября 1920 г.*

К истории вопроса о диктатуре.

Вопрос о диктатуре пролетариата есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах. Для полного выяснения этого вопроса необходимо знать его историю. В масштабе международном история учения о революционной диктатуре вообще и о диктатуре пролетариата в частности совпадает с историей революционного социализма и специально с историей марксизма. Затем—и это, разумеется, самое важное—история всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре. Кто не понял необходимости диктатуры, любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революции или ничего не хочет знать в этой области.

В масштабе русском особенное значение имеет, если говорить о теории, программа Р. С.-Д. Р. П., составленная в 1902—1903 г.г. редакцией «Зари» и «Искры» или, вернее, составленная Г. В. Плехановым и проредактированная, видоизмененная, утвержденная этой редакцией¹⁹⁸). Вопрос о диктатуре пролетариата поставлен в этой программе ясно и определенно, притом доставлен именно в связи с борьбой против Бернштейна⁹⁹), против оппортунизма. Но самое важное значение имеет, конечно, опыт революции, т.-е. в России, опыт 1905 года.

Три последние месяца этого года—октябрь, ноябрь и декабрь—были периодом замечательно сильной, широкой, массовой революционной борьбы,—периодом соединения двух наиболее могучих приемов этой борьбы—массовой политической стачки и вооруженного восстания. (Заметим в скобках, что еще в мае 1905 г. большевистский съезд, «Третий Съезд Р. С.-Д. Р. П.»²²²), признал «задачу организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания» «одной из самых главных и неотложных задач партии» и поручил всем партийным организациям «выяснять роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания».)

Первый раз во всемирной истории была достигнута такая высота развития и такая сила революционной борьбы, что вооруженное восстание выступило в соединении с массовой стачкой, этим специфически пролетарским оружием. Ясно, что этот опыт имеет мировое значение для *всех* пролетарских революций. И большевики со всем вниманием и усердием изучали этот опыт как с его политической стороны, так и со стороны экономической. Укажу на анализ помесечных данных об экономических и политических стачках 1905 г., о формах связи тех и других, о высоте развития стачечной борьбы, достигнутой тогда впервые в мире; этот анализ был дан мной в журнале «Просвещение»²²³) 1910 и 1911 г. г. и повторен, в кратких итогах, в заграничной большевистской литературе той эпохи.

Массовые стачки и вооруженные восстания сами собой ставили на очередь дня вопрос о революционной власти и о диктатуре, ибо эти приемы борьбы неминуемо порождали—сначала в местном масштабе—изгнание старых властей, захват власти пролетариатом и революционными классами, изгнание помещиков, иногда захват фабрик и т. д. и т. п. Массовая революционная борьба указанного периода вызвала к жизни такие невиданные

раньше в мировой истории организации, как *советы рабочих депутатов*⁴⁸⁾, а вслед за ними советы солдатских депутатов, крестьянские комитеты и тому подобное. Получился такой факт, что те основные вопросы (Советская власть и диктатура пролетариата), которые занимают теперь внимание сознательных рабочих во всем мире, оказались поставленными практически в конце 1905 года. Если такие выдающиеся представители революционного пролетариата и нефальсифицированного марксизма, как Роза Люксембург³⁵⁾, сразу оценили значение этого практического опыта и выступили на собраниях и в печати с критическим анализом его, то громадное большинство официальных представителей официальных социал-демократических и социалистических партий, в том числе и реформисты и люди типа будущих «каутскианцев», «лонгетистов»¹⁰⁾, сторонников Хилквита²²⁴⁾ в Америке и т. п., проявили полную неспособность понять значение этого опыта и выполнить свой долг *революционеров*, т.-е. приняться за изучение и пропаганду уроков этого опыта.

В России и большевики, и меньшевики тотчас после поражения декабрьского вооруженного восстания 1905 г. принялись за подведение итогов этому опыту. В особенности ускорена была эта работа тем, что в апреле 1906 г. состоялся Стокгольмский, так называемый «Объединительный Съезд Р. С.-Д. Р. П.»²²⁵⁾, на котором были представлены и формально объединены и меньшевики, и большевики. Подготовка к этому съезду велась обеими этими фракциями чрезвычайно энергично. Обе фракции опубликовали до съезда, в начале 1906 года, проекты своих резолюций по всем важнейшим вопросам. Эти проекты, перепечатанные в моей брошюре «Доклад об объединительном съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» (письмо к петербургским рабочим), Москва, 1906 г. (стр. 110, из коих почти половина—тексты проектов резолюций обеих фракций и окончательно принятых съездом резолюций), являются главнейшим материалом для ознакомления с тогдашней постановкой вопроса²²⁶⁾.

Споры о значении советов тогда уже были связаны с вопросом о диктатуре. Большевики еще до октябрьской революции 1905 г. поставили вопрос о диктатуре (смотри мою брошюру: «Дзе тактики социал-демократии в демократической революции», Женева июль 1905 г.²²⁷⁾, перепечатано в сборнике «За 12 лет»). Меньшевики относились к этому лозунгу—«диктатуре»—отрицательно. Большевики подчеркивали, что советы рабочих депутатов «фактически являлись зачатками новой революционной власти», как бу-

квально говорил проект большевистской резолюции. Меньшевики признавали значение советов, стояли за «содействие образованию их» и т. д., но не считали их зачатками революционной власти, не говорили вообще о «новой революционной власти» такого или подобного типа, отвергали прямо лозунг диктатуры. Не трудно видеть, что *все* теперешние разногласия с меньшевиками уже имеются в зародыше в этой постановке вопроса. Не трудно видеть также, что меньшевики (и русские, и нерусские, вроде каутскианцев, лонгетистов и т. п.) проявляли и проявляют себя в своей постановке данного вопроса, как реформисты или оппортунисты, на словах признающие пролетарскую революцию, *на деле отрицающие самое существенное и основное в понятии «революция».*

Еще до революции 1905 г. в названной выше брошюре «Две тактики» я разбираю довод меньшевиков, которые обвиняли меня в том, что я «подменил незаметным образом понятия: революция и диктатура». Я доказывал подробно, что именно этим обвинением меньшевики обнаруживают свой оппортунизм, свою настоящую политическую натуру, как подголосков либеральной буржуазии, проводников ее влияния внутри пролетариата. Когда революция становится бесспорной силой, тогда и противники ее начинают «признавать революцию», говорил я, указывая (летом 1905 г.) на пример русских либералов, оставшихся монархистами-конституционалистами. Теперь, в 1920 г., можно бы добавить, что в Германии и в Италии либеральные буржуа или, по крайней мере, наиболее образованные и ловкие из них готовы «признать революцию». Но, «признавая» революцию и в то же время отказываясь признать диктатуру определенного класса (или определенных классов), тогдашние русские либералы и меньшевики, теперешние немецкие и итальянские либералы, туратианцы, каутскианцы как раз и обнаруживают этим свой *реформизм*, свою полную негодность в качестве революционеров.

Ибо, когда революция стала уже бесспорной силой, когда ее «признают» и либералы, когда правящие классы не только видят, но и чувствуют непобедимую мощь угнетенных масс, тогда весь *вопрос*—и для теоретиков, и для практических руководителей политики—сводится к точному классовому определению революции. А без понятия «диктатура» *нельзя* дать этого точного классового определения. Без подготовки диктатуры *нельзя* быть революционером на деле. Этой истины не понимали в 1905 г. меньшевики,

не понимают в 1920 году итальянские, немецкие, французские и прочие социалисты, боящиеся строгих «условий» Коммунистического Интернационала; боятся—люди, способные признать диктатуру на словах, но не способные готовить ее на деле. И поэтому не будет неуместным воспроизвести подробно напечатанное мной в июле 1905 г. против русских меньшевиков, но относящееся и к меньшевикам западно-европейским 1920 г., разъяснение взглядов Маркса (я заменяю названия газет и проч. простым указанием на то, о меньшевиках или о большевиках идет речь).

Меринг²²⁸) рассказывает в своих примечаниях к изданным им статьям из «Новой Рейнской Газеты» Маркса в 1848 году, что буржуазная литература делала, между прочим, такой упрек этой газете: «Новая Рейнская Газета», будто бы, требовала «немедленного введения диктатуры, как единственного средства осуществления демократии» (Marx, Nachlass, том III, стр. 53). С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие «диктатура» и понятие «демократия» исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и котерий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. В сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрения сквозит и у наших меньшевиков, которые объясняют пристрастие большевиков к лозунгу «диктатура» тем, что Ленин «страстно желает попытать счастья» («Искра», № 103, стр. 3, столб. 2) ⁸⁸). Чтобы разъяснить меньшевикам понятие диктатуры класса в отличие от диктатуры личности и задачи демократической диктатуры в отличие от социалистической, не бесполезно будет остановиться на взглядах «Новой Рейнской Газеты».

«Всякое временное государственное устройство, — писала «Новая Рейнская Газета» 14 сентября 1848 года, — после революции требует диктатуры и при том энергичной диктатуры. Мы с самого начала ставили Кампгаузену (главе министерства после 18 марта 1848 года) в упрек, что он не выступил диктаторски, что он не разбил тотчас же и не удалил остатков старых учреждений. И вот, в то время, как г. Кампгаузен убаюкивал себя конституционными иллюзиями, разбитая партия (т.-е. партия реакции) укрепила свои позиции в бюрократии и в армии, стала даже отваживаться то здесь, то там на открытую борьбу».

В этих словах, — справедливо говорит Меринг, — резюмировано в немногих положениях то, что подробно развивала «Нов. Рейнская

Газета» в длинных статьях о министерстве Кампгаузена. Что же говорят нам эти слова Маркса? Что временное революционное правительство *должно* выступать диктаторски (положение, которого никак не могли понять меньшевики, чуравшиеся лозунга «диктатура»); что задача этой диктатуры—уничтожение остатков старых учреждений (именно то, что указано ясно в резолюции III съезда Р. С.-Д. Р. П. большевиков о борьбе с контр-революцией, и что опущено в резолюции меньшевиков, как мы показали выше). Наконец, в-третьих, из этих слов следует, что Маркс бичевал буржуазных демократов за «конституционные иллюзии» в эпоху революции и открытой гражданской войны. Каков смысл этих слов, видно особенно наглядно из статьи «Нов.Р.Газеты» от 6 июня 1848г. «Учредительное народное собрание, — писал Маркс, — должно быть прежде всего активным, революционно-активным собранием. А франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительству действовать. Допустим, что этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет от наилучшего порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?»

«Вот каков смысл лозунга: диктатура...

«Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжало делать систематически и неуклонно, везде и повсюду, начиная с 9 января. А раз такое положение создалось, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным, тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения в парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства революции, прикрытием того, как «отшатывается» буржуазия от революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры».

Так рассуждали большевики о диктатуре до октябрьской революции 1905 года.

После опыта этой революции мне пришлось подробно рассматривать вопрос о диктатуре в брошюре: «Победа кадетов и задачи Рабочей Партии», Петроград 1906 г. (брошюра помечена 28 марта 1906 г.)²²⁹. Из этой брошюры я приведу все наиболее существенные

рассуждения, оговариваясь, что изменяю ряд собственных имен просто указанием на то, о кадетях ли или меньшевиках идет речь. Вообще говоря, брошюра направлена против кадет и частью—против беспартийных либералов, полукadetов, полуменьшевиков. Но по сути дела все сказанное о диктатуре относится именно к меньшевикам, которые на каждом шагу скатывались к кадетам по этому вопросу.

«В то самое время, когда замирали выстрелы в Москве, когда военно-полицейская диктатура праздновала свои бешеные оргии, когда экзекуции и массовые истязания шли по всей России,— в прессе кадетов раздавались речи против насилия слева, против забастовочных комитетов революционных партий. Торгующие наукой за счет Дубасовых ²³⁰) кадетские профессора доходили до того, что переводили слово «диктатура» словом «усиленная охрана». «Люди науки» даже свою гимназическую латынь извращали, чтобы принизить революционную борьбу. Диктатура означает—примите это раз-на-всегда к сведению, господа кадеты—неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти. Своим вульгарным извращением научного понятия «диктатура», своими воплями против насилия слева в эпоху разгула самого беззаконного, самого подлого насилия справа господа кадеты воочию показали, какова позиция «соглашателей» в обостренной революционной борьбе. «Соглашатель» трусливо прячется, когда борьба разгорается. Когда победил революционный народ (17 октября), «соглашатель» вылезает из норы, хвастливо охорашивается, языкоблудствует во-всю и кричит до иступления: «то была «славная» политическая забастовка!». Когда побеждает контр-революция, «соглашатель» начинает осыпать побежденных лицемерными увещаниями и назиданиями. Победившая забастовка была «славная». Победжденные забастовки были преступные, дикие, бессмысленные, анархические. Победенное восстание было безумием, разгулом стихии; варварством, нелепостью. Одним словом, политическая совесть и политический ум «соглашателя» состоят в том, чтобы пресмыкаться перед тем, кто сейчас сильнее, чтобы путаться в ногах у борющихся, мешать то одной, то другой стороне, пригу-

плять борьбу и отуплять революционное сознание народа, ведущего отчаянную борьбу за свободу».

Далее. Чрезвычайно своевременно будет привести разъяснение по вопросу о диктатуре, направленное против господина Р. Бланка ²³¹⁾. Этот Р. Бланк излагал в меньшевистской по существу, но беспартийной формально, газете 1906 г. взгляды меньшевиков, хваля их за то, что они «стремятся направить русское социал-демократическое движение на тот путь, по которому движется интернациональная социал-демократия, во главе с великой социал-демократической партией Германии».

Другими словами, Р. Бланк, как и кадеты, противопоставлял большевикам, как неразумным, немарксистским, бунтарским и т. п. революционерам, «разумных» меньшевиков, выдавая и германскую социал-демократическую партию за меньшевистскую. Это—обычный прием международного течения социал-либералов, пацифистов и проч., восхваляющих во всех странах реформистов-оппортунистов, каутскианцев, лонгетистов, как «разумных» социалистов, в противовес «безумию» большевиков.

Вот как я отвечал г. Р. Бланку в названной брошюре: «Господин Бланк сопоставляет два периода русской революции: первый обнимает, примерно, октябрь—декабрь 1905 года. Это период революционного вихря. Второй—теперешний период, который мы, конечно, в праве назвать периодом кадетских побед на выборах в Думу или, пожалуй, если рискнуть забежать вперед, периодом кадетской Думы.

«Про этот период господин Бланк говорит, что наступила снова очередь мысли и разума, и можно вернуться к сознательной, планомерной, систематической деятельности. Первый же период господин Бланк характеризует, наоборот, как период расхождения теории и практики. Исчезли все социал-демократические принципы и идеи, была забыта тактика, всегда проповедывавшаяся учредителями русской социал-демократии, были даже вырваны с корнем самые устои социал-демократического мирозерцания».

«Это основное утверждение г. Бланка—чисто фактического характера. Вся теория марксизма разошлась с «практикой периода революционного вихря».

«Так ли это? Каков первый и главный «устой» марксистской теории? Тот, что единственным до конца революционным классом современного общества и потому передовым во всякой революции является пролетариат. Спрашивается: не вырвал ли

с корнем революционный вихрь этого «устоя» с.-д. мирозерцания? Наоборот, вихрь подтвердил его самым блистательным образом. Именно пролетариат и был главным, почти единственным вначале, борцом этого периода. Чуть ли не впервые в мировой истории буржуазная революция ознаменовалась крупнейшим, невиданным даже в более развитых капиталистических странах, применением чисто пролетарского орудия борьбы: массовой политической стачки. Пролетариат пошел на борьбу, непосредственно революционную, в такое время, когда господа кадеты и господа Бланки звали итти в Булыгинскую Думу*), когда кадетские профессора звали студентов учиться. Пролетариат своим пролетарским орудием борьбы завоевал России всю ту, с позволения сказать, «конституцию», которую с тех пор только портили, урезывали и обкарнывали. Пролетариат применил в октябре 1905 г. тот тактический прием борьбы, о котором *за полгода* говорила резолюция *большевистского* III съезда Р. С.-Д. Р. П., обращавшая усиленное внимание на важность сочетания массовой политической стачки с восстанием; именно этим сочетанием и характеризуется весь период «революционного вихря», вся последняя четверть 1905 г. Таким образом, наш идеолог мелкой буржуазии извратил действительность самым беззастенчивым, самым вопиющим образом. Он не указал ни единого факта, свидетельствующего о расхождении марксистской теории и практического опыта «революционного вихря»; он попытался затушевать основную черту этого вихря, давшую блистательнейшее подтверждение «всех социал-демократических принципов и идей», «всех устоев социал-демократического мирозерцания».

«Какова, однако, действительная причина, побудившая г. Бланка притти к этому чудовищно-неверному мнению, будто в период «вихря» исчезли все марксистские принципы и идеи. Рассмотрение этого обстоятельства очень интересно; оно разоблачает перед нами еще и еще раз истинную природу мещанства в политике.

«В чем состояло главное отличие периода «революционного вихря» от теперешнего «кадетского» периода с точки зрения различных приемов политической деятельности, с точки зрения разных методов исторического творчества народов? Прежде всего,

*) Законосовещательное представительное учреждение, созданное царем в августе 1905 года, по смете революции октября 1905 г.

и главным образом,—в том, что в период «вихря» применялись некоторые особые методы этого творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Вот наиболее существенные из этих методов: 1) «захват» народом политической свободы, осуществление ее без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.); 2) создание новых органов революционной власти,—советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и проч. и т. п. Эти органы создавались исключительно революционными силами населения, они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Они действовали как власть, захватывая, напр., типографии (Петербург), арестовывая чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на юге) и обращали их на нужды нового, народного правительства,—да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру это была в зачатке диктатура революционных элементов народа. Вы удивляетесь, г. Бланк и г. Кизеветтер²³²)? Вы не видите здесь «усиленной охраны», равнозначущей для буржуа диктатуре? Мы уже говорили вам, что вы не имеете никакого представления о научном понятии «диктатура». Мы сейчас объясним вам его, но сначала укажем третий «метод» действия эпохи «революционного вихря»: применение народом насилия по отношению к насильникам над народом.

«Описанные нами органы власти были в зародыше диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от когө бы то ни было исходящей. *Неограниченная, незаконная, опирающаяся на силу*

в самом прямом смысле слова *власть*,—это и есть *диктатура*. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних, установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было. Их сила—можете себе представить г. Бланк и г. Кизеветтер!—ничего не имела общего со старыми орудиями силы, ничего общего с «усиленной охраной», если не иметь в виду усиленной охраны народа от угнетения его полицейскими и другими органами старой власти.

«На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот основное отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти. Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих и крестьян, над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников. Таковъ отличие диктатуры над народом от диктатуры революционного народа, запомните это хорошенько, г. Бланк и г. Кизеветтер! Старая власть, как диктатура меньшинства, могла держаться исключительно при помощи полицейских ухищрений, исключительно при помощи удаления, отстранения народной массы от участия во власти, от наблюдения за властью. Старая власть систематически не доверяла массе, боялась света, держалась обманом. Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытого, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты—рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты—наш товарищ. Выбирай своего депутата, сейчас же, немедленно; выбирай, как считаешь удобным,—мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, совета солдатских депутатов и проч. и т. п. Это—власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли. Такова была новая власть,

или, вернее, ее зачатки, ибо победа старой власти затоптала побег молодого растения очень рано.

«Вы спросите, может быть, г. Бланк или г. Кизеветтер, зачем же тут «диктатура», зачем «насилие»? Разве же огромная масса нуждается в насилии против горстки, разве десятки и сотни миллионов могут быть диктаторами над тысячей, над десятком тысяч?

«Этот вопрос обычно задают люди, первый раз увидавшие применение термина диктатуры в новом для них значении. Люди привыкли видеть только полицейскую власть и только полицейскую диктатуру. Им странным кажется, что может быть власть без всякой полиции, может быть диктатура неполицейская. Вы говорите, что миллионам не нужно насилия против тысяч. Вы ошибаетесь, и ошибаетесь от того, что рассматриваете явление не в его развитии. Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает на-ряду со старой против старой власти, в борьбе против нее. Без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников

«Вот вам простенький примерчик, г. Бланк и г. Кизеветтер, чтобы вы могли усвоить эту недоступную кадетскому разуму «головокружительную» для кадетской мысли премудрость. Представьте себе, что Аврамов ²³³) увечит и истязует Спиридонову. На стороне Спиридоновой ²³⁴), допустим, есть десятки и сотни невооруженных людей. На стороне Аврамова горстка казаков. Что сделал бы народ, если бы истязания Спиридоновой происходили не в застенке? Он применил бы насилие по отношению к Аврамову и его свите. Он пожертвовал бы, может быть, несколькими борцами, застреленными Аврамовым, но силой все-таки обезоружил бы Аврамова и казаков, при чем, очень вероятно, убил бы на месте некоторых из этих, с позволения сказать, людей, а остальных засадил бы в какую-нибудь тюрьму, чтобы помешать им безобразничать дальше и чтобы отдать их на народный суд.

«Вот видите, г. Бланк и г. Кизеветтер: когда Аврамов с казаками истязует Спиридонову, это есть военно-полицейская диктатура над народом. Когда революционный (способный на борьбу с насильниками, а не только на увещания, назидания, сожаления, осуждения, хныканье и нытье, не мещански-ограниченный, а революционный) народ применяет насилие к Аврамову и Аврамовым,—это есть диктатура революционного

народа. Это есть диктатура, ибо это есть власть народа над Аврамовым, власть, не ограниченная никакими законами (мещанин, пожалуй, был бы против того, чтобы силой отбить Спиридонову от Аврамова: дескать, не по «закону» это! Есть ли у нас такой «закон», чтобы убивать Аврамова? Не создали ли некоторые идеологи мещанства теории непротивления злу насиліем?). Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насиліе опирающуюся власть. Не что иное, как это, означает понятие: «диктатура»,—запомните хорошенько, г.г. кадеты.

«Далее, во взятом нами примере мы видим диктатуру именно народа, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право. Наконец, это есть диктатура именно революционного народа. Почему только революционного, а не всего народа? Потому, что во всем народе, страдающем постоянно и самым жестоким образом от подвигов Аврамовых, есть люди, забитые физически, запуганные, люди, забитые нравственно, например, теорией о непротивлении злу насиліем, или просто забитые не теорией, а предразсудком, обычаем, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!). Вот почему диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ, нисколько не боящийся, однако, всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно весь народ к участию не только в управлении государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства.

«Таким образом взятый нами простой пример содержит в себе все элементы научного понятия: «диктатура революционного народа», а также понятия «военно-полицейская диктатура». От этого простого примера, доступного даже ученому кадетскому профессору, мы можем перейти к более сложным явлениям общественной жизни.

«Революция, в узком, непосредственном значении этого слова, есть именно такой период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба на подвиги Аврамовых прорывается на-

ружу в действиях, а не словах, и в действиях *миллионных народных масс*, а не отдельных лиц. Народ просыпается и поднимается для освобождения себя от Аврамовых. Народ избавляет бесчисленных Спиридоновых русской жизни от Аврамовых, применяет насилие к Аврамовым, берет власть над Аврамовыми. Это происходит, конечно, не так просто и не так «сразу», как в примере, упрощенном нами для г. профессора Кизеветтера,—эта борьба народа с Аврамовыми, борьба в узком, непосредственном смысле, это сбрасывание с народа Аврамовых растягивается на месяцы и годы «революционного вихря». Это сбрасывание с себя народом Аврамовых и есть реальное содержание того, что называется великой российской революцией. Это сбрасывание, если рассмотреть его со стороны методов исторического творчества, происходит в тех формах, которые мы сейчас только описывали, говоря о революционном вихре, именно: захват народом свободы политической, т.-е. такой свободы, осуществлению которой препятствовали Аврамовы; создание народом новой революционной власти, власти над Аврамовыми, власти над насильниками старого полицейского уклада; применение народом насилия по отношению к Аврамовым для устранения, обезоружения и обезвреживания этих диких собак, всех Аврамовых, Дурново ²³⁵), Дубасовых, Минов ²³⁶) и проч. *) и т. п. Хорошо ли это, что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные, неплановые и несистематические приемы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной власти, применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это—высшее проявление народной борьбы за свободу. Это—та великая пора, когда мечты лучших людей России о свободе претворяются в *дело*, дело самих народных масс, а не одиночек-героев. Это так же хорошо, как хорошо освобождение толпой (в нашем примере) Спиридоновой от Аврамова, насильственное разоружение и обезвреживание Аврамова.

«Но вот тут-то мы и подходим к центральному пункту кадетских скрытых мыслей и опасений. Кадет потому и является идеологом мещанства, что он на политику, на освобождение всего народа, на революцию переносит точку зрения того обывателя, который в нашем примере истязания Аврамовым Спиридоновой удерживал бы толпу, советовал бы не нарушать закона,

*) Слуги царя, зверски подавлявшие революцию в 1905—1906 г.г.

не торопиться с освобождением жертв из рук палача, действующего от имени законной власти. Конечно, в нашем примере такой оштрафованный был бы прямо нравственным уродом, а в применении ко всей общественной жизни нравственное уродство мещанина есть качество, повторяем, совсем не личное, а социальное, обусловленное, может быть, крепко засевшими в голову предрассудками буржуазно-филистерской науки о праве.

«Почему г. Бланк считает даже не требующим доказательств, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы? Потому, что он извращает марксизм в брентанизм²³⁷⁾, считая не марксистскими такие «принципы», как захват свободы, как создание революционной власти, как применение насилия народом. Такой взгляд сквозит во всей статье г. Бланка, да и не одного Бланка, а всех кадетов, всех расхваливающих ныне за любовь к кадетам Плеханова²³⁸⁾, писателей либерального и радикального лагеря вплоть до бернштейнианцев из «Без заглавия»²³⁹⁾, г. Прокоповича²³⁹⁾, Кусковой²⁴⁰⁾ и tutti quanti.

«Рассмотрим, как возник этот взгляд и почему он должен был возникнуть».

«Возник он непосредственно из бернштейнианского или, шире, оппортунистического понимания западно-европейской социал-демократии. Те ошибки этого понимания, которые систематически и по всей линии разоблачили «ортодоксы» на Западе, переносятся теперь «под шумок», под другим соусом и по другому поводу в Россию. Бернштейнианцы принимали и принимают марксизм, за исключением его непосредственно революционной стороны. Парламентскую борьбу они рассматривают не как одно из средств борьбы, пригодное особенно в определенные исторические периоды, а как главную и почти исключительную форму борьбы, делающую непущным «насилие», «захват», «диктатуру». Вот это пошлое, мещанское извращение марксизма и переносят теперь в Россию г.г. Бланки и проч. либеральные хвалители Плеханова. Они так сжились с этим извращением, что не считают даже нужным доказывать забвение марксистских принципов и идей в период революционного вихря».

«Почему должен был возникнуть такой взгляд? Потому, что он самым глубоким образом соответствует классовому положению и интересам мелкой буржуазии. Идеолог «очищенного» буржуазного общества допускает все методы борьбы социал-

демократии, *кроме именно тех, которые применяет революционный народ в эпохи «вихря»*, и которые одобряет и помогает применять революционная социал-демократия. Интересы буржуазии требуют участия пролетариата в борьбе с самодержавием, но только такого участия, которое бы не переходило в главенство пролетариата и крестьянства, только такого участия, которое бы не устраняло совершенно старых, самодержавно-крепостнических и полицейских органов власти. Буржуазия хочет сохранить эти органы, лишь подчинив их своему непосредственному контролю,—они нужны *ей против пролетариата*, которому слишком облегчило бы его пролетарскую борьбу полное уничтожение этих органов. Вот почему интересы буржуазии, как класса, требуют и монархии, и верхней палаты, требуют недопущения диктатуры революционного народа. Борись с самодержавием,—говорит буржуазия пролетариату,—но не трогай старых органов власти,—они мне нужны. Борись «парламентски», т.-е. в тех пределах, которые я предпишу тебе по соглашению с монархией, борись посредством организаций,—только не таких, как всеобщие стачечные комитеты, советы рабочих, солдатских депутатов и т. п., а посредством таких, которые признает и ограничивает, обезвреживает по отношению к капиталу закон, изданный мной по соглашению с монархией.

«Понятно отсюда, почему о периоде «вихря» буржуазия говорит с пренебрежением, презрением, злобой, ненавистью, а о периоде охраняемого Дубасовым конституционализмом—с восторгом, упоением, с бесконечной мещанской влюбленностью в реакцию. Это—все то же постоянное и неизменное качество кадетов: стремление опереться на народ и боязнь его революционной самостоятельности.

«Понятно также, почему буржуазия боится пуще огня повторения «вихря», почему она игнорирует и затушевывает элементы нового революционного кризиса, почему поддерживает и распространяет в народе конституционные иллюзии.

Теперь мы вполне объяснили, почему г. Бланк и ему подобные объявляют, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы и идеи. Г. Бланк, как и все мещане, признает марксизм *за вычетом* его революционной стороны,—признает социал-демократические приемы борьбы *за вычетом* самых революционных и непосредственно революционных приемов.

«Отношение г-на Бланка к периоду «вихря» до последней сте-

пени характерно, как иллюстрация буржуазного непонимания пролетарских движений, буржуазной боязни перед острой и решительной борьбой, буржуазной ненависти ко всем проявлениям крутого, ломающего старые учреждения, революционного в непосредственном смысле слова способа решения социально-исторических вопросов. Г. Бланк выдал себя, выдал сразу всю свою буржуазную ограниченность. Он слышал и читал, что социал-демократы в период «вихря» делали «ошибки»,—он поспешил заключить и заявить с апломбом, безапелляционно, голословно, что все «принципы» марксизма (о которых он и понятия не имеет!) были забыты. Мы заметим по поводу этих «ошибок»: разве был такой период в развитии рабочего движения, в развитии социал-демократии, когда бы не было делаемо тех или иных ошибок? когда бы не наблюдались те или иные отклонения вправо или влево? разве история парламентского периода германской социал-демократической борьбы того периода, который всем ограниченным буржуа на всем свете кажется пределом, его же не преидеши!—не полна таких ошибок? Если бы г. Бланк не был круглой невеждой в вопросах социализма, он легко вспомнил бы и Мюльбергера, и Дюринга ²⁴¹⁾, и вопрос о Dampfersubvention, и «молодых», и бернштейниаду, и многое, многое другое. Но г. Бланку вжню не изучение действительного хода развития социал-демократии, ему нужно только принизить пролетарский размах борьбы, чтобы возвеличить буржуазную убогость своей кадетской партии.

«На самом деле, если мы взглянем на дело с точки зрения отклонения социал-демократии с ее обычного, «нормального» пути, то мы увидим, что и в этом отношении период «революционного вихря» показывает *большую*, а не меньшую, по сравнению с прежним, сплоченность и идейную цельность социал-демократии. Тактика этого «вихря» не отдалила, а сблизила оба крыла социал-демократии. Вместо былых разногласий получилось единство взглядов по вопросу о вооруженном восстании. Социал-демократы обеих фракций работали в советах рабочих депутатов, этих своеобразных органах зачаточной революционной власти, привлекали солдат, крестьян к этим советам, издавали революционные манифесты совместно с мелко-буржуазными революционными партиями. Былые споры эпохи дореволюционной сменились солидарностью по практическим вопросам. Подъем революционной волны отодвинул разногласия, заставив признать боевую тактику, устранив вопрос о Думе, поставив на очередь вопрос о восстании, сблизив на непосредственной ближайшей работе социал-демократию и

революционную буржуазную демократию. В «Северном Голосе» меньшевики вместе с большевиками звали к стачке и восстанию, звали рабочих не прекращать борьбы, пока власть не будет в их руках. Революционная обстановка подсказывала сама практические лозунги. Споры касались лишь деталей в оценке событий: «Начало»²⁴²⁾, например, рассматривало советы рабочих депутатов, как органы революционных самоуправлений. «Новая Жизнь»²⁴³⁾ — как зачаточные органы революционной власти, соединявшие пролетариат и революционную демократию. «Начало» склонялось к диктатуре пролетариата. «Новая Жизнь» стояла на точке зрения демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но разве таких и подобных разногласий внутри социал-демократии не показывает нам любой период в развитии любой европейской социалистической партии?

«Нет, извращение дела г. Бланком, его вопиющее искажение истории вчерашнего дня объясняется тем, и только тем, что перед нами образчик самодовольной буржуазной пошлости, которому периоды революционного вихря кажутся безумием («забыты все принципы», «сама мысль и простой разум почти исчезают»), а периоды подавления революции и мещанского «прогресса» (охраняемого Дубасовым) кажутся эпохой разумной, сознательной и планомерной деятельности. Эта сравнительная оценка двух периодов (периода «вихря» и периода кадетского) красной нитью проходит через всю статью г. Бланка. Когда история человечества подвигается вперед со скоростью локомотива, это — «вихрь», «поток», «исчезновение» всех «принципов» и «идей». Когда история движется с быстротой гужевой перевозки, это — сам разум и сама планомерность. Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простотой, грубоватой решительностью начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории», тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план» (не наоборот ли, о, герои мещанства! не выступает ли в истории именно в такие моменты разум масс, а не разум отдельных личностей? не становится ли именно тогда массовый разум живой, действенной, а не кабинетной силой?). Когда непосредственное движение масс придавлено расстрелами, экзекуциями, порками, безработицей и голодовкой, когда вылезают из щелей клопы содержимой на дубасовские деньги профессорской науки и начинают вершить дела за народ от имени масс, продавая и предавая их интересы горстям привилегированных, — тогда рыцарям мещанства кажется, что наступила

эпоха успокоенного и спокойного прогресса, «наступила очередь мысли и разума». Буржуа всегда и везде верен себе: возьмете ли вы «Полярную Звезду» *) или «Нашу Жизнь» **), прочтете ли вы Струве ¹²⁷⁾ или Бланка, везде одно и то же, везде эта ограниченная, профессорски-педантская, чиновнически-мертвенная оценка революционных и реформистских периодов. Первые—периоды безумия, *tolle Jahre*, исчезновение мысли и разума. Вторые—периоды «сознательной, систематической» деятельности.

«Не перетолковывайте моих слов. Не говорите, что я веду речь о предпочтении господами Бланками тех или иных периодов. Дело вовсе не в предпочтении, — от нашего субъективного предпочтения не зависит смена исторических периодов. Дело в том, что в анализе свойств того или иного периода (совершенно независимо от нашего предпочтения или от наших симпатий) г.г. Бланки бессовестно *извращают правду*. Дело в том, что именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодом мещанского, кадетского реформистского прогресса. А г.г. Бланки изображают дело наыворот. Они убожество выдают за исторически творческое богатство. Они бездеятельность задавленных или придавленных масс рассматривают, как торжество «систематичности» в деятельности чиновников-буржуев. Они кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо кромсания законопроектов всякими канцелярскими чинушами и либеральными *reppu-a-liner*-ами (писаками, живущими с построчной платы) наступает период непосредственной политической деятельности «простонародья», которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества».

Таковы были споры о диктатуре в 1905—1906 г.г. в России.

Господа Дитманы²⁰⁶⁾, Каутские, Криспины¹⁰³⁾, Гильфердинги⁹⁴⁾ в Германии, Лонге¹⁰⁾ и К⁰-во Франции, Турати⁹³⁾ и его друзья—в Италии, Макдональды¹³⁹⁾ и Сноудены¹⁴⁰⁾—в Англии

*) Журнал кадетов.

**) Газета полукadetов-полуменьшевиков.

и т. п.—рассуждают о диктатуре, в сущности, совершенно также, как г. Р. Бланк и кадеты 1905 г. в России. Они не понимают диктатуры, не умеют ее готовить, не способны понять и осуществлять ее.

Написано 30 октября 1920 г.

Напечатано в «Коммунистическом Интерн.» № 14,

6 ноября 1920 г.

Фальшивые речи о свободе.

I.

В № 213 «Правды», от 25 сентября 1920 г. было напечатано мое небольшое «Письмо к немецким и французским рабочим по поводу прений о втором конгрессе Коммунистического Интернационала». «Avanti» («Вперед»)¹³⁾, центральный орган итальянской социалистической партии, от 5 октября, перепечатывая это письмо, снабдил его замечаниями, на которых стоит остановиться, ибо они наглядно показывают неправильность позиции, занятой товарищем Серрати¹⁹⁶⁾, редактором «Вперед».

«Объяснения Ленина, — читаем мы, — до известной степени смягчают драконовские условия, продиктованные товарищами, которые не вполне в состоянии правильно оценить людей и обстоятельства на таком расстоянии и при таком отличии обстановки...

«...Ленин оставил одну свою добычу: Модильяни¹⁴⁷⁾...

«...Теперь Ленин говорит, — не знаем, от своего ли имени или от имени Исполкома Коммунистического Интернационала, — что допускаются и «изъятия» (из общего правила, с согласия Исполкома)».

Иронические замечания насчет «добычи», в виде которой должен фигурировать Модильяни, один из реформистов, попадают мимо цели. Вопреки мнению Серрати, мое упоминание имени Модильяни (и Лонге)¹⁰⁾ отнюдь не является умышленным. Те или другие имена взяты мною в виде примера, для характеристики *направления*, а вопрос о тех или иных *отдельных лицах* я оставлял и оставляю в стороне, не берясь решать его, считая его второстепенным, указывая на допустимость изъятий. Вопреки заявлению Серрати, он отлично знает (ибо он ссылается точно на мою статью в «Правде»), что я говорю и могу говорить *только* от своего имени, никоим образом не от имени Исполкома.

Своими замечаниями Серрати отводит читателей «Вперед» в сторону от главного, основного, существенного вопроса,—от вопроса о том, допустимо ли оставлять теперь в итальянской партии революционного пролетариата реформистов. Серрати прикрывает неправильность занятой им позиции, стараясь отвлечь внимание от существенного на второстепенное и неверное.

Против этого надо бороться. Существенное надо выяснить. Серрати в данной заметке и в других статьях говорит о недостаточной осведомленности московского конгресса (II конгресс Коммунистич. Интернационала)¹⁶³) насчет итальянских дел. Будто бы суть не в борьбе двух коренных направлений, не в решении коренного вопроса о допустимости «единства» с реформистами, а в разногласии насчет того, о чем «Москва» не точно осведомлена!

Вопиющая неправильность этого взгляда—и этой попытки отвлечь внимание от главного—разоблачена всего лучше *официальным отчетом* о прениях *внутри Цека* Итальянской социалистической партии. Прения эти состоялись всего за несколько дней до выхода названного номера «Вперед», именно: 28, 29 и 30 сентября и 1 октября в Милане.

Прения эти закончились голосованием двух резолюций, из которых одну можно назвать коммунистической, другую—«центристской», или уклончивой, или защищающей в скрытой форме союз («единство») с реформистами. Первая победила, собрав 7 голосов (Террачини, Дженнари, Роджент, Тунтар, Казуччи, Марциале и Беллоне); вторая была отклонена (5 голосов: Баратоно, Занарини, Баччи, Джакомини, Серрати).

Первая отличается замечательной ясностью и точностью. Она начинается указанием на то, что «теперешние условия» итальянской революционной борьбы требуют «большей однородности» партии. Далее говорится, что в партии позволили остаться всем под условием подчинения дисциплине и что это условие не выполнено; что ошибочно ждать подчинения дисциплине со стороны тех, кто имеет убеждения, противоположные принципам и тактике III Интернационала; что поэтому, приняв 21 пункт московских условий, надо произвести «радикальную чистку» партии, *удалив* из нее реформистские и оппортунистические элементы.

Тут нет имен, нет частных. Тут ясная политическая линия. Тут точно указаны мотивы решения: конкретные факты истории партии в Италии, конкретные особенности ее революционного положения.

Вторая резолюция—образец уклончивости и худой дипломатии: 21 пункт принимаем, но признаем, что «эти условия допускают возможность сомнительных толкований», что «необходимо сообразовать политический критерий каждой секции III Коммунистического Интернационала с историческими условиями и с конкретными фактическими особенностями данной страны, ставя их на одобрение того же Интернационала»; резолюция подчеркивает «необходимость сохранить единство итальянской социалистической партии на основе 21 пункта»; отдельные случаи нарушения дисциплины должны строго наказываться центральным комитетом партии.

Коммунистическая резолюция говорит: революционное положение требует большей однородности партии. Это бесспорно. Резолюция защитников «единства» с реформистами пытается обойти эту бесспорную истину, не решаясь оспорить ее.

Коммунистическая резолюция говорит: особенность Италии в том и состоит, что условие подчинения реформистов решениям партии *оказалось неисполненным*. В этом гвоздь дела. Раз так, то оставлять реформистов в партии *при обострении* общего революционного положения, даже, может быть, накануне решающих революционных битв, не только ошибочно, но и преступно.

Верен факт или нет? Исполняли реформисты решения партии, подчинялись ей на деле, проводили ее политику или нет? Резолюция защитников реформистов не может ответить утвердительно, не может оспорить отрицательного ответа коммунистов и уклоняется от ответа, виляет, вертится, ссылается вообще на различные конкретные особенности различных стран, ссылается на них *для того*, чтобы важнейшую «конкретную особенность» именно Италии, именно в данный момент обойти и представить в ложном свете. Ибо эта конкретная особенность Италии как раз состоит в том, что реформисты уже оказались на деле неспособными исполнять действительно решения партии, проводить на деле ее политику. Проявляя уклончивость по этому коренному вопросу, резолюция сторонников единства с реформистами побивает себя целиком.

Серрати, Баратоно, Занарини, Баччи и Джакомини *уже* доказали этим с полнейшей очевидностью и бесспорностью, что они *в корне* неправы, что их политическая линия *в корне неверна*.

И прения в Цека итальянской партии еще более вскрыли эту полную неверность линии Серрати. Коммунисты как раз указывали на то, что реформисты, оставаясь тем, что они есть, не могут

не саботировать революцию, как они ее саботировали уже во время недавнего революционного движения итальянских рабочих, захватывавших фабрики²¹⁶).

Ведь в этом весь гвоздь вопроса! Как же можно готовиться «революции, идти навстречу решающим битвам, имея в партии людей, саботирующих революцию? Это не только ошибка, это—преступление.

И если Сerratи рассчитывал, как он заявляет прямо в своем письме в «L' Humanité»²⁴⁴) от 14 октября, на исключение одного Турати *), то и тут ошибка Сerratи уже разоблачена фактами. Ибо итальянские реформисты не только собрали свой особый фракционный съезд (в Реджио-Эмилия 11 октября 1920 г.), не только повторили на нем все существенное из своих реформистских взглядов, не только устроили торжественнейшую овацию на этом съезде Филиппу Турати⁹³), но и заявили устами Тревеса¹⁴⁶): «либо останемся в партии, либо выйдем из нее все». Отметим кстати, что буржуазная пресса и сами реформисты старались всячески раздуть значение своего фракционного съезда. Но в «Avanti» от 13 октября (миланское издание) читаем прямо, что реформисты собрали представителей всего от 200 секций партии, которая насчитывает их тысячи!

Но остановимся подробнее на главном доводе Сerratи по существу вопроса. Сerratи боится раскола, ослабляющего партию и в особенности профсоюзы, кооперативы, муниципалитеты. Не разрушить этих учреждений, необходимых для строительства социализма—вот основная мысль Сerratи. «Где возьмем мы,—говорит он («Avanti» 2 октября 1920 г., туринское издание),—столько «коммунистов», хотя бы и самых пламенных коммунистов вчерашнего дня, для того, чтобы занять все те общественные посты, с которых мы прогоним людей по предложению Террачини?» И та же самая мысль в редактируемом товарищем Сerratи журнале «Коммунизм» (№ 24, с. 1627) в статье Сerratи о II конгрессе III Интернационала: «представьте себе миланскую коммунистическую (т.-е. городское хозяйство Милана), управляемую не компе-

) Вот главное место из этого письма: «Мы все стоим за условия Москвы. Речь идет об их применении. Я утверждаю, что надо очистить партию от вредных элементов—и я предложил исключить Турати, но что мы не должны терять массы синдикатов (профсоюзов по-русски) и кооперативов. Другие хотят радикального раскола. Вот в чем расхождение» («L' Humanité» от 14 октября. Курсив Сerratи).

тентными людьми, а новичками, выдающими себя со вчерашнего дня за пылких коммунистов».

Серрати боится разрушения профсоюзов, кооперативов, муниципалитетов, неумелости и ошибок новичков.

Коммунисты боятся саботирования революции реформистами.

Это сопоставление показывает принципиальную ошибку Серрати. Он все время повторяет одну мысль: о необходимости гибкой тактики. Мысль бесспорная. Но что толку нам в том, что Серрати *гнет направо*, а надо *налево*, при данных итальянских условиях. Чтобы успешно совершить революцию и отстоять ее, итальянская партия должна сделать еще *известный шаг налево* (несколько не связывая себе рук и не забывая, что обстоятельства впоследствии очень могут потребовать известных шагов направо).

Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, *нельзя* победить в пролетарской революции, *нельзя* отстоять ее. Это очевидно принципиально. Это подтверждено наглядно опытом и России, и Венгрии. Это соображение решающее. Сравнивать с этой опасностью опасность «нотери» или неудач, ошибок, краха профсоюзов, кооперативов, муниципалитетов и проч. просто смешно, и не только смешно, а преступно. Рисковать всей судьбой революции из-за соображений о том, не будет ли неудач с городским хозяйством Милана и т. п., значит совершенно растеряться, совершенно не понимать коренной задачи революции, совершенно не уметь готовить ее победу.

Мы в России сделали тысячи ошибок и потерпели тысячи крахов, потерь и пр. вследствие неумелости новичков и некомпетентных людей в кооперативах, коммунах, профсоюзах и пр. Мы не сомневаемся, что другие народы, более цивилизованные, сделают *меньше* таких ошибок. Но, несмотря на эти ошибки, мы достигли главного: завоевания власти пролетариатом. И эту власть отстояли три года.

Ошибки, указываемые т. Серрати, суть частности, поправимые в миллион раз легче, чем «ошибка», допускающая саботаж революции меньшевиками и среди самой революции. Это ясно само собою. Это наглядно показала Венгрия¹⁶⁾. Это подтвердил и наш опыт, ибо за три года пролетарской власти в России *много раз* бывали трудные положения, когда *наверняка* был бы свергнут советский режим, если бы меньшевики, реформисты, мелкобуржуазные демократы оставались внутри нашей партии или хотя бы даже в более или менее значительном числе *внутри* центральных советских учреждений вроде Ц. И. К.

Серрати не понял особенности того переходного момента, который имеется на-лицо в Италии, где, по общему признанию, дело идет к решающим битвам пролетариата с буржуазией из-за овладения государственной властью. В такой момент не только является безусловно необходимым удаление меньшевиков, реформистов, туратианцев из партии, но может оказаться даже полезным удаление превосходных коммунистов, способных колебаться и проявляющих колебания в сторону «единства» с реформистами, удаление со всяких ответственных постов.

Приведу наглядный пример. Перед самой октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены. Для итальянских рабочих полезно напомнить эту ошибку. Такие виднейшие большевики и коммунисты, как Зиновьев ²⁴⁵), Камнев, Рыков, Ногин ²⁴⁶), Милютин, проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части «меньшевиков» и «социалистов-революционеров». Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной, и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны Цема нашей партии против ушедших в отставку ²⁴⁷). А через несколько недель, самое большее через несколько месяцев, все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты.

Нетрудно понять, почему это так случилось. Накануне революции и в моменты самой ожесточенной борьбы за ее победу малейшие колебания внутри партии способны погубить все, сорвать революцию, вырвать власть из рук пролетариата, ибо эта власть еще не прочна, ибо натиск на нее слишком еще силен. Если колеблющиеся вожди отходят прочь в такое время, это не ослабляет, а усиливает и партию, и рабочее движение, и революцию.

В Италии теперь именно *такое время*. Что революционный кризис назревает в общенациональном масштабе, это видят и признают все. Пролетариат доказал делами свою способность подняться стихийно, поднять массы на могучее революционное движение. Беднейшее крестьянство или полупролетарии (напрасно

т. Сerratи усвоил себе дурную привычку ставить знак вопроса при употреблении этого слова: это правильное марксистское слово, оно выражает правильную мысль, подтверждаемую фактами и в России, и в Италии, именно, что беднейшее крестьянство является наполовину собственником, наполовину пролетарием),—беднейшее крестьянство в Италии доказало делами, что оно способно подниматься на революционную борьбу вслед за пролетариатом. Теперь самое необходимое и безусловно необходимое для победы революции в Италии состоит в том, чтобы действительным авангардом революционного пролетариата в Италии сделалась партия вполне коммунистическая, *неспособная* колебаться и проявить слабость в решительный момент—партия, которая бы собрала в себе максимальный фанатизм, преданность революции, энергию, беззаветную смелость и решимость. Надо победить в чрезвычайно трудной, тяжелой, несущей великие жертвы, борьбе, надо отстоять завоеванную власть в обстановке невероятно обостренных покушений, интриг, сплетен, клевет, внушений, насилий со стороны буржуазии *всего мира*, в обстановке опаснейших колебаний всякого мелко-буржуазного демократа, всякого туратианца, всякого «центриста», всякого социал-демократа, социалиста, анархиста. В такой момент, в такой обстановке партия должна быть во сто крат тверже, решительнее, смелее, беззаветнее и беспощаднее, чем в обычное или менее трудное время. В такой момент и в такой обстановке партия во сто крат *усилится*, а не ослабнет, если от нее совсем отойдут меньшевики, вроде съехавшихся в Реджио-Эмилия 11 окт. 1920 года, если от руководства ею отойдут даже превосходные коммунисты, какими вероятно являются члены теперешнего Ц. К. партии Баратоно, Занарини, Баччи, Джакомини, Сerratи.

Из людей этой последней категории большинство несомненно, если бы и ушло в отставку теперь, очень скоро вернулось бы, сознав свою ошибку, после победы пролетариата, после упрочения его победы. Да и из итальянских меньшевиков, туратианцев, вероятно, часть вернулась бы тоже и была бы принята в партию после периода наибольших трудностей, как перешла теперь (мы прожили три трудных года после революции) к нам часть меньшевиков и эс-эров, стоявших в 1917—1918 годах по другую сторону баррикады.

Итальянскому революционному пролетариату предстоит теперь полоса битв не только чрезвычайно трудных, как я сказал, но и самых трудных. Самое трудное еще впереди. Я считал бы легкомыслием и преступлением отмахиваться от этих трудностей.

Я удивляюсь, как мог т. Серрати поместить без возражений в своем журнале «Коммунизм» (№ 24, 15—30 IX 1920) такую легкомысленную статью, как статья Ж. К. «Будем ли мы блокированы?». Я лично думаю, вопреки этому автору, что блокада Италии, если в ней победит пролетариат, со стороны Англии, Франции, Америки и возможна, и вероятна. По-моему гораздо правильнее поставил вопрос о блокаде т. Грациадеи²⁴⁸), в своей речи на заседании Цека итальянской партии (см. «Avanti», 1. X. 1920, туринское издание). Он признал вопрос о возможной блокаде «очень важным» вопросом, «problema gravissima». Он указал, что Россия продержалась, несмотря на блокаду, отчасти благодаря редкости населения и громадности пространства; что революция в Италии «не могла бы сопротивляться (resistere) долго, если бы она не координировалась с революцией какой-либо другой страны центральной Европы», что «такая координация трудна, но не невозможна», ибо вся континентальная Европа переживает революционный период.

Это сказано очень осторожно, но это верно. Я бы только добавил, что известная координация—хотя еще недостаточная, хотя и неполная—Италии *обеспечена* и что за *полную* координацию надо будет *бороться*. Реформисты указывают на возможность блокады, чтобы саботировать революцию, чтобы отпугнуть от революции, чтобы передать массам *свое* настроение паники, запуганности, нерешительности, колебаний, шатаний. Революционеры и коммунисты не должны отрицать опасности и трудностей борьбы, чтобы внушить массам *больше* твердости; чтобы *очистить* партию от слабых, колеблющихся, шатких; чтобы пропитать все движение большим энтузиазмом, большим интернационализмом, большей готовностью на жертвы ради великой цели: ускорить революцию в Англии, Франции, Америке, *если* эти страны решатся блокировать пролетарскую и советскую итальянскую республику.

Вопрос о замене реформистских или «центристских» опытных вождей новичками не есть частный вопрос, касающийся одной из стран в каком-либо особом случае. Это общий вопрос всякой пролетарской революции и, именно как таковой, он поставлен и разрешен вполне точно в резолюции II конгресса Коммунистического Интернационала: «Об основных задачах Коммунистического Интернационала». В § 8 читаем: «Подготовка диктатуры пролетариата требует не только разъяснения буржуазного характера всякого реформизма, но также замены старых вождей коммуни-

стами во всех решительно видах пролетарских организаций, не только политических, но и профессиональных, кооперативных, просветительных и т. д. Необходимо во сто крат смелее, чем до сих пор, вытеснить этих представителей рабочей аристократии или обуржуазившихся рабочих со всех их постов и заменить их хотя бы даже самыми неопытными рабочими, лишь бы они были связаны с эксплуатируемой массой и пользовались ее доверием в борьбе с эксплуататорами. Диктатура пролетариата требует назначения именно таких, не имеющих опыта рабочих на самые ответственные государственные посты, иначе власть рабочего правительства будет бессильна, и оно не будет поддержано массой».

Напрасно поэтому Серрати говорит, что в итальянской партии «все» согласны принять решения Коммунистического конгресса. На деле мы видим обратное.

В своем, упомянутом мною выше, письме в «L'Humanité» Серрати пишет между прочим:

«...Что касается последних событий, то надо знать, что руководители Всеобщей Конфедерации Труда (итальянское В. Ц. С. П. С., центральное правление профсоюзов) предлагали предоставить руководство движением тем, кто хотел расширить его до революции. Наши товарищи из Всеобщей Конфедерации Труда заявили, что они согласны остаться дисциплинированными солдатами, если экстремисты возьмут на себя руководство восстанием. Но экстремисты не приняли руководства движением»...

Со стороны Серрати было бы крайне наивно принимать подобное заявление реформистов во Всеобщей Конфедерации Труда за чистую монету. На самом деле, это одна из разновидностей саботажа революции: угроза отставкой в решительный момент. Тут дело не в лояльности, а в том, что *нельзя* победить в революции, если руководители будут встречать колебания, шатания, отставки среди «своих», среди стоящих на верху, среди «вождей», при каждом трудном повороте событий. Может быть, тов. Серрати бесполезно будет узнать, что в конце сентября 1917 года, когда коалиция русских меньшевиков и эс-эров с буржуазией явно провалилась политически, не кто иной, как наши эс-эры, партия Чернова ¹²⁹), писали в своей газете: «большевики будут обязаны формировать кабинет... Пусть они не делают бесполезных усилий скрыться за наскоро создаваемые ими теории о невозможности им взять власть. Этих теорий демократия не примет. В то же время сторонники коалиции должны гарантировать им пол-

ую поддержку» (эс-эровская газета, газета их партии, газета Чернова—«Дело Народа», 21 сентября 1917 г., цитировано в моей брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть?» Петроград 1917 г.)²⁴⁹).

Верить в лояльность подобных заявлений было бы со стороны революционных рабочих такой же роковой ошибкой, как верить венгерским туратианцам, обещавшим Бела-Куну помощь, вошедшим в коммунистическую партию и все же таки оказавшимся саботантами революции, погубившими ее своими колебаниями.

Подвожу итоги.

1) Партия революционного пролетариата в Италии должна проявить величайшую выдержку, осмотрительность, хладнокровие, чтобы правильно оценить условия вообще и подходящий момент в особенности, при предстоящих решительных битвах итальянского рабочего класса с буржуазией за государственную власть.

2) Вся пропаганда и агитация этой партии должны быть вместе с тем проникнуты духом самой твердой решимости вести эту борьбу во что бы то ни стало, до победного конца, сплоченно, централизованно, с беззаветным героизмом, отсекая беспощадно колебания, нерешительность, шатания, которыми насквозь пропитаны туратианцы.

3) Такая пропаганда, которую ведет теперь миланское издание «Вперед» («Avanti!») под редакцией Серрати, не воспитывает пролетариат к борьбе, а вносит разложение в его ряды. Цек партии в такой момент должен руководить рабочими, готовить их к революции, оспаривать неверные взгляды. Это можно (и должно) делать, давая в то же время высказываться всем оттенкам. Серрати руководит, но руководит в неправильном направлении.

4) Исключение из партии всех участников съезда в Реджио-Эмилия 11 октября 1920 г. не ослабит, а усилит партию, ибо такие «вожди» способны лишь «по-венгерски» погубить революцию, *даже оставаясь лояльными*. Белогвардейцы и буржуазия сумеют использовать шатания, колебания, сомнения, неуверенность и проч. даже вполне «лояльных» социалистов, социал-демократов и т. п.

5) Если такие люди, как Баратано, Занарини, Баччи, Джакomini, Серрати, будут колебаться и подавать в отставку, надо не

упрашивать их остаться, а сразу принимать ее. После периода решающих битв они вернутся и будут тогда полезнее пролетариату.

6) Товарищи, итальянские рабочие! Не забывайте урока истории всех революций, уроков России и Венгрии в 1917—1920 г.г. Перед пролетариатом в Италии стоят величайшие битвы, величайшие трудности, величайшие жертвы. От исхода этих битв, от сплоченности, дисциплинированности, беззаветности рабочих масс зависит победа над буржуазией, переход власти к пролетариату, укрепление советской республики в Италии. Буржуазия Италии и всех стран мира сделает все возможное, пойдет на все преступления и зверства, чтобы не дать пролетариату власти, чтобы свергнуть его власть. Колебания, шатания, нерешительность реформистов и всех тех, кто участвовал на съезде в Реджио-Эмилия 11 октября 1920 г., неизбежны, ибо подобные люди, при всей даже честности многих из них, во все времена, во всех странах губили дело революции своими колебаниями. Подобные люди погубили революцию (первую революцию, за ней будет другая...) в Венгрии, погубили бы и в России, если бы не были сняты со всех ответственных постов и окружены стеной пролетарского недоверия, бдительности, надзора.

Трудящиеся и эксплуатируемые массы Италии пойдут за революционным пролетариатом. Победа будет, в конце концов, за ним, ибо его дело—есть дело рабочих всего мира, ибо нет иного избавления от продолжения теперешних империалистских войн, от новых ужеготавливаемых империалистских войн, от ужасов капиталистического рабства и угнетения, кроме советской, рабочей республики ²⁵⁰).

Написано 4 ноября 1920 г.

II.

Товарищ Нобс, редактор лево-социалистической швейцарской газеты «Народное Право» («Volksrecht») в Цюрихе, поместил недавно письмо Зиновьева о необходимости разрыва с оппортунистами и свой пространственный ответ на это письмо. Мысль Нобса сводится к тому, что на вопрос о принятии 21 условия и о вступлении в Коммунистический Интернационал дается решительно отрицательный ответ—во имя «свободы», конечно, свободы критики, свободы от чрезмерной требовательности или от диктаторства Москвы (я не сохранил статьи Нобса и вынужден цитировать на память, ручаясь за смысл, а не за то или иное выражение).

Товарищ Нобс, между прочим, завербовывает себе в союзники т. Серрати, который, как известно, тоже недоволен «Москвой» т.-е., в особенности, русскими членами Исполкома Коминтерна, и тоже жалуется на нарушение Москвой «свободы» составных частей отдельных партий и отдельных членов Коминтерна. Не лишне будет поэтому сказать несколько слов о свободе.

Пережив три года диктатуры пролетариата, мы в праве сказать, что самым ходким и популярным возражением против нее является во всем свете ссылка на нарушение свободы и равенства. Вся буржуазная пресса всех стран, вплоть до прессы мелко-буржуазных демократов, т.-е. социал-демократов и социалистов, в том числе Каутского, Гильфердинга, Мартова ¹²⁶⁾, Чернова, Лонге и т. д. и т. п., громит большевиков именно за нарушение свободы и равенства. С точки зрения теоретической, это совершенно понятно. Пусть припомнит читатель знаменитые, полные сарказма слова Маркса в «Капитале»:

«Сфера обращения или обмена товаров, в рамках которых осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий Эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам» ²⁵¹⁾ («Капитал», том I, отд. II, конец гл. IV, русск. изд. 1920 г., стр. 152).

Эти полные сарказма слова исполнены глубочайшего историко-философского содержания. Их надо сопоставить с популярными разъяснениями того же вопроса Энгельсом в его «Анти-Дюринге», в особенности, со словами Энгельса, что равенство есть предрассудок или глупость, поскольку это понятие не сводится к уничтожению классов. Уничтожение феодализма и его следов, введение основ буржуазного (можно с полным правом сказать: буржуазно-демократического) порядка заняло целую эпоху всемирной истории. И лозунгами этой всемирно-исторической эпохи были неизбежно свобода, равенство, собственность и Бентам. Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории. И лозунгами нашей эпохи неизбежно являются и должны быть: уничтожение классов; диктатура пролетариата для осуществления этой цели; беспощадное разоблачение мелко-буржуазных демократических предрассудков насчет свободы и равенства, беспощадная борьба с этими предрассудками. Кто не понял этого, тот ничего не понял в вопросах о диктатуре пролетариата, о Советской власти, о коренных основах Коммунистического Интернационала.

Пока не уничтожены классы, всякие разговоры о свободе и равенстве вообще являются самообманом или обманом рабочих, а также всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, являются, во всяком случае, защитой интересов буржуазии. Пока не уничтожены классы, при всяком рассуждении о свободе и равенстве должен быть поставлен вопрос: свобода для какого класса? и для какого именно употребления? равенство какого класса с каким? и в каком именно отношении? Обход этих вопросов прямой или косвенный, сознательный или бессознательный, является неизбежно защитой интересов буржуазии, интересов капитала, интересов эксплуататоров. Лозунг свободы и равенства, при умолчании об этих вопросах о частной собственности на средства производства, есть ложь и лицемерие буржуазного общества, которое формальным признанием свободы и равенства прикрывает фактические, экономические несвободу и неравенство для рабочих, для всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, т.-е. для громадного большинства населения во всех капиталистических странах.

В России теперь, благодаря тому, что диктатура пролетариата практически поставила коренные, последние вопросы капитализма, видно с особенной ясностью, *кому служат* (*cui prodest?* «кому полезны?») разговоры о свободе и равенстве вообще. Когда нам эсэры и меньшевики, Черновы и Мартовы, преподносят рассуждения на тему о свободе и равенстве *в пределах трудовой демократии*, ибо они, видите ли, вовсе неповинны в рассуждениях о свободе и равенстве вообще! вовсе не забывают Маркса!—то мы спрашиваем их: а как быть с различием класса наемных рабочих и класса мелких хозяев-собственников в период диктатуры пролетариата?

Свобода и равенство *в пределах трудовой демократии* есть свобода для мелкого землевладельца-собственника (хотя бы и ведущего хозяйство на национализированной земле) продавать излишки хлеба по спекулятивной цене, *то-есть эксплуатировать рабочего*. Всякий, кто говорит о свободе и равенстве в пределах трудовой демократии,—при условии, что капиталисты свергнуты, а частная собственность и свобода торговли еще остаются,—есть защитник эксплуататоров. И с таким защитником пролетариат, осуществляя свою диктатуру, должен поступать, как с эксплуататором, хотя бы этот защитник и называл себя социал-демократом, социалистом или даже сознавшим гнилость II Интернационала человеком и проч. и т. п.

Пока остается частная собственность на средства производства (напр., на сельскохозяйственные орудия и скот, если даже частная собственность на землю отменена) и свободная торговля, до тех пор остается экономическая основа капитализма. И диктатура пролетариата есть единственное средство победоносной борьбы с этой основой, единственный путь к уничтожению классов (без которого о действительной свободе для человеческой личности,— *а не для собственника*,—о действительном равенстве, в социально-политическом отношении, человека и человека—*а не лицемерном равенстве собственника и неимущего*, сытого и голодного, эксплуататора и эксплуатируемого—не может быть и речи). Диктатура пролетариата ведет к уничтожению классов, ведет к этому путем свержения эксплуататоров и подавления их сопротивления, с одной стороны; ведет к этому, с другой стороны, путем нейтрализации, обезвреживания колебаний мелкого хвостика между буржуазией и пролетариатом.

Фальшь речей т. т. Нобса и Серрати состоит, конечно, не в том, чтобы они были фальшивы, неискренни. Ничего подобного. Они вполне искренни, и никакой субъективной фальши в их речах нет. Но объективно, по содержанию своему, речи их фальшивы, ибо состоят в защите предрассудков мелко-буржуазной демократии, ибо сводятся к защите буржуазии.

Коминтерн ни в коем случае не может признать свободы и равенства для всех, желающих подписать известные заявления безотносительно к их политическому поведению. Это было бы такое же теоретическое и практически-политическое самоубийство для коммунистов, как признание свободы и равенства «в пределах трудовой демократии» и т. п. Для всякого, кто умеет читать и кто *хочет* понимать читаемое, не может не быть ясно, что все решения, тезисы, резолюции, постановления, условия Коммунистического Интернационала признают «свободу и равенство», желающих вступить в Коминтерн *не безусловно*.

В чем состоит условие признания нами «свободы и равенства»? свободы и равенства членом Коминтерна?

В том, чтобы в число членов не могли попасть оппортунисты и «центровики», вроде всем известных представителей правого крыла швейцарской и итальянской социалистических партий, ибо эти оппортунисты и «центровики», сколько бы они ни расписывались в признании ими диктатуры пролетариата, остаются на деле проповедниками и защитниками предрассудков, слабостей, колебаний мелко-буржуазной демократии.

Сначала—разрыв с этими предрассудками, слабостями, колебаниями; с людьми, проповедующими, защищающими, воплощающими в жизнь эти взгляды и свойства. Потом и на этом только условии—«свобода» вступления в Коминтерн, «равенство» коммуниста на деле (а не коммуниста на словах) со всяким другим коммунистом, членом Коминтерна.

Вы «свободны», товарищ Нобс, защищать те взгляды, которые вы защищаете! Но мы также «свободны» объявлять эти взгляды мелко-буржуазными предрассудками, вредными для дела пролетариата, полезными для капитала; мы также «свободны» отказываться от вступления в союз или в общество с людьми, защищающими эти взгляды или соответствующую им политику. И мы уже осудили эту политику и эти взгляды от имени всего II конгресса Коммунистического Интернационала. Мы уже сказали, что разрыва с оппортунистами требуем безусловно и предварительно.

Не говорите вообще о свободе и равенстве, т. Нобс и т. Серрати! Говорите о свободе *не исполнять* решения Коминтерна насчет безусловной обязательности разрыва с оппортунистами и «центровиками» (которые не могут не подрывать, не могут не саботировать диктатуры пролетариата). Говорите о равенстве оппортунистов и «центровиков» с коммунистами. Такой свободы и такого равенства мы для Коммунистического Интернационала признать не можем, всякую другую свободу и равенство—сколько угодно!

Самое главное и основное условие успеха в момент кануна пролетарской революции есть освобождение, есть свобода партий революционного пролетариата от оппортунистов и «центровиков», от их влияния, от их предрассудков, слабостей, колебаний.

Написано 11 ноября 1920 г.

*Напечатано в „Коммун. Интерн.“ № 15,
20 декабря 1920 г.*

О концессиях ²⁵²⁾.

**Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации
(27 ноября 1920 года).**

Товарищи, я с большим удовольствием, хотя, признаться, и с удивлением, увидел, что вопрос о концессиях вызывает огромный интерес. Отовсюду раздаются крики и, главным образом; они идут с низов. Спрашивают, как же это так: своих эксплуататоров прогнали, а чужих зовем?

Почему эти крики вызывают во мне удовольствие, это понятно. Очевидно, если с низов пошел крик опасения, как бы не вернули назад старых капиталистов, если этот крик пошел по поводу такого десятистепенного акта, каким является декрет о концессиях, значит очень и очень сильно еще сознание, насколько капитализм опасен и насколько велика опасность борьбы против него. Это конечно, превосходно, и тем более превосходно, что опасения исходят, как я уже сказал, с низов.

Основным в вопросе о концессиях с точки зрения политических соображений—а здесь есть соображения политические и экономические!—основным в вопросе о концессиях с точки зрения соображений политических, является то правило, которое мы себе не только теоретически усвоили, но и практически применяли и которое для нас надолго до окончательной победы социализма во всем мире явится правилом основным, а именно: надо использовать противоположности и противоречия между двумя империализмами, между двумя системами капиталистических государств, натравливая их друг на друга. Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся с точки зрения экономической и военной слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами. Если бы мы этого правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах. Основной опыт в этом отношении мы имели, когда заключали Брестский договор. Не следует делать вывода, что договоры могут быть такими, как Брест или Версаль. Это неверно. Может быть и третий договор, выгодный для нас.

Брест знаменателен тем, что в первый раз в масштабе гигантски-большом, среди трудностей необъятных мы сумели использовать противоречия между империалистами так, что выиграл в конечном счете социализм. Во время Бреста были две гигантски-сильных группы империалистских хищников: германо-австрийская и англо-американо-французская. Они были в бешеной борьбе, которая должна была разрешить на ближайшее время судьбу мира. Если мы продержались, будучи нулем в смысле военном, не имея ничего и идя сплошь по нисходящей линии в глубину развала в отношении экономическом; если мы продержались, то это чудо случилось только потому, что мы правильно использовали рознь германского и американского империализма. Мы сделали громадную уступку германскому

империализму и, сделавши уступку одному империализму, мы заградили себя разом от преследования обоих империализмов. Германия не могла заняться душением Советской России ни экономически, ни политически, ей не до того было. Мы ей отдавали Украину, откуда, сколько хочешь, можно было взять хлеба и угля, конечно, если уметь взять, если обладать жизненной силой, чтобы взять. Англо-франко-американский империализм не мог наступать на нас, ибо мы сначала предложили ему мир. Сейчас в Америке выходит толстая книжка Робинса, который рассказывает, что с Лениным и Троцким мы имели переговоры и имели согласие на заключение мира. Хотя они помогали чехо-словакам и втягивали их в интервенцию, но, занятые своей войной, не могли вмешаться.

Получилось, могло показаться, что-то вроде блока первой социалистической республики с немецким империализмом против империализма другого. Но никакого блока мы не заключили, нигде грани, подрывающей или порочащей социалистическую власть, мы не перешли, а мы использовали разнь между двумя империализмами так, что, в конце концов, оба проиграли. Германия ничего не взяла от Брестского мира кроме нескольких миллионов пудов хлеба, а принесла в Германию большевистское разложение. Мы же выиграли время, в течение которого начала складываться Красная армия. Даже гигантские бедствия на Украине оказались исцелимыми, хотя трудной и тяжелой ценой. Того, на что рассчитывали наши противники, быстрого краха советской власти в России, не последовало. Как раз то время, которое дала нам история для передышки, мы использовали для того, чтобы укрепиться так, чтобы нас нельзя было взять военной силой. Мы выиграли темп, мы выиграли немножко времени и только отдали за это очень много пространства. Тогда, помнится, философствовали, что для того, чтобы выиграть время, надо отдать пространство. Как раз с теорией философов о времени и пространстве было поступлено практически и политически; пространства мы отдали много, но время выиграли такое, в течение которого можно было окрепнуть. После же этого, когда все империализмы захотели пойти на нас большой войной, оказалось—нельзя, для большой войны у них не было ни средств, ни сил. Мы тогда коренных интересов не отдали в жертву, мы отдали второстепенные и сохранили коренное.

Здесь, между прочим, встает вопрос об оппортунизме. Оппортунизм состоит в том, чтобы жертвовать коренными интере-

сами, выгадывая временные частичные выгоды. Вот в чем гвоздь, если брать теоретическое определение оппортунизма! Тут многие сбивались. Мы именно на Брестском мире пожертвовали второстепенным с точки зрения социализма. Интересам России, как они понимаются в патриотическом смысле, мы приносили гигантские жертвы, но все же это были жертвы второстепенные. Немцы всей душою ненавидели Англию. Они также ненавидели и большевиков, но мы их поманили, они влезли. Они все время уверяли, что так далеко, как зашел Наполеон, они не пойдут, и, действительно, они до Москвы не дошли, но пошли на Украину и там провалились. Они думали, что многому научились от Наполеона, но на деле вышло иначе. Мы же выиграли очень много.

Пример Брестского мира научил нас многому. В настоящее время мы находимся между двумя врагами. Если их обоих нельзя победить, надо уметь поставить свои силы так, чтобы они передрались между собой, так как всегда, когда два вора дерутся, честный человек от этого выигрывает. Но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот. Наши силы возрастают и при том очень быстро. Если по отношению к Брестскому миру это такой урок, которого мы никогда не забудем и который в смысле выводов богаче всяких пропаганд и проповедей, то теперь мы выиграли в том смысле, что стали на свои ноги. Мы окружены империалистическими государствами, которые всей душой ненавидят большевиков, которые тратят колоссальные деньги, идейные силы, силы печати и т. д. и которые, тем не менее, в военном отношении за три года побороть нас не могли, хотя в военно-экономическом отношении мы бесконечно слабы. У нас нет одной сотой той силы, какая на-лицо у соединенных империалистических государств, и тем не менее они не в состоянии нас задушить. Они не могут нас задушить потому, что их солдаты не слушают; их рабочие и крестьяне, утомленные войной, войны с Советской Республикой не хотят. Таково положение сейчас и из него надо исходить. Каким оно будет через несколько лет, неизвестно, так как с каждым годом западные державы от войны отдыхают.

Начиная с II-го Конгресса III Интернационала, мы прочной ногой стали в империалистических странах не только идейно, но и организационно. Во всех странах имеются в настоящее время такие ядра, которые ведут самостоятельную работу и будут ее вести. Это дело сделано! Но быстрота, темп развития ре-

волюции в капиталистических странах гораздо медленнее, чем у нас. Очевидно было, что, когда народы получают мир, неизбежно будет замедление революционного движения. Поэтому, не гадая насчет будущего, мы не можем в настоящее время ставить ставку на то, что темп этот переменится на быстрый. Наша задача решить, как нам быть в настоящее время. Люди живут в государстве, а каждое государство живет в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия.

Если принять во внимание, что капиталистами на всей земле закуплено громадное большинство сильнейших источников сырого материала, или, если не закуплено, то политически захвачено, надо с этим уметь считаться, надо уметь это использовать. Вести войну против современной Антанты мы не можем. Дело нашей агитации сделано и делается великолепно, мы уверены в этом. Политически мы должны использовать разногласия между противниками, объясняемые глубочайшими экономическими причинами. Если мы попытаемся использовать разногласия мелкие, случайные, мы попадем в положение мелкого политикана и дешёвенького дипломата. На этом ничего серьёзного сыграть нельзя. Дипломатов, играющих на этом, громадное количество; они играют несколько месяцев, делают себе карьеру, а потом летят.

Есть ли коренные противоположности в современном капиталистическом мире, которые надо использовать? Есть три основных, которые я бы хотел назвать. Первая, ближайшая к нам, это—отношения Японии и Америки. Война готовится между ними. Они не могут мирно ужиться на побережьях Тихого океана, хотя эти побережья разделяют 3.000 верст. Это соперничество неоспоримо вытекает из отношений их капитализмов. Существует гигантская литература, посвященная вопросу о будущей японо-американской войне. Что война готовится, что она неизбежна, это несомненно. Пацифисты стараются обойти этот вопрос, замазать его общими фразами, но для всякого, кто историю экономических отношений и дипломатии изучает, не может быть ни тени сомнения, что экономически война назрела и политически готовится. Нельзя взять ни одной книжки, посвященной этому вопросу, чтобы не видеть назревания войны. Земля поделена. Япония захватила колоний колоссальное количество. Япония имеет 50 миллионов людей и она сравнительно слаба экономически. Америка имеет 110 миллионов людей, у нее нет никаких колоний, хотя она во много раз богаче Японии. Япония захватила

Китай, где 400 миллионов населения и запасы угля, богатейшие в мире. Как эту штуку удержать? Смешно думать, что капитализм более крепкий не отнимет у капитализма более слабого всего награбленного последним. При таком положении вещей разве можно американцам остаться равнодушными? Разве можно оставить капиталистов крепких рядом с капиталистами слабыми и думать, что они не отнимут? На что же тогда они будут годны? Но при таком положении, можем ли мы остаться равнодушными и только сказать, как коммунисты: «мы будем пропагандировать коммунизм внутри этих стран»? Это правильно, но это не все! Практическая задача коммунистической политики есть задача использования этой вражды, стравливая их друг с другом. Тут получается новая обстановка. Если возьмете две империалистические страны: Японию и Америку—они хотят воевать, они будут воевать за первенство в мире, за право грабить. Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских. Недавно мы получили корейскую газету, рассказывающую, что делают японцы. Здесь соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники, с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством. Но этот корейский лакомый кусок хотят вырвать американцы. Конечно, защита отечества в такой войне будет величайшим преступлением, будет изменой социализму. Конечно, поддержка одной страны против другой будет преступлением против коммунизма, но мы, коммунисты, должны использовать одну страну против другой. Не совершаем ли мы преступления против коммунизма? Нет, потому, что мы делаем это, как социалистическое государство, ведущее коммунистическую пропаганду и вынужденное использовать каждый час, дарованный ему обстоятельствами, чтобы укрепить с максимальной быстротой. Мы начали крепнуть, но крепнем очень медленно. Америка и другие капиталистические страны растут в своей экономической и военной мощи дьявольски быстро. Как бы мы ни собирали свои силы, мы будем расти несравненно медленнее.

Мы должны использовать создавшееся положение: в этом вся суть концессий Камчатки. К нам приезжал Вандерлипп, дальний родственник известного миллиардера, если ему верить, но, так как наша контрразведка в В. Ч. К., поставленная превосходно, к сожалению, не захватила еще Северных Штатов Америки—мы пока еще не установили сами родства этих Вандерлиппов.

Некоторые говорят, что никакого родства даже и нет. Я не берусь об этом судить: мои знания ограничиваются только тем, что я читал книжку Вандерлиппа, того самого, который был у нас, и которого описывают, как такого вельможу, которого все короли и министры принимали с великими почестями, из чего нужно заключить, что мощна его набита очень туго, а он рассуждал с ними в тоне, в котором говорят люди между собой на собрании, вроде того, как наше, и где он спокойно говорил о том, как восстановить Европу. Если министры почтительно говорили с ним, это значит, что Вандерлипп имеет связь с миллиардерами: его книжка показывает точку зрения дельца, который ничего больше не знает, который, наблюдая Европу, говорит: «пожалуй, дело не выйдет и все полетит к чорту!» Эта книга полна ненависти к большевизму. Интереснейшая книжка и в смысле агитации, лучше, чем всякие другие коммунистические книжки, потому что окончательный вывод тот, что «я боюсь, что этого больного не вылечишь: хотя у нас и много денег и средств, чтобы лечить».

Так вот этот Вандерлипп привез с собой письмо Совету Народных Комиссаров. Это письмо очень интересно, ибо он, с чрезвычайной откровенностью, цинизмом и грубостью американского кулака говорит: «Мы очень сильны в 1920 г.; наш флот будет в 1923 году еще сильнее, однако нашей силе мешает Япония и нам с ней придется воевать; а воевать нельзя без керосина и без нефти. Если вы нам продадите Камчатку, то я вам ручаюсь, что энтузиазм американского народа будет так велик, что мы вас признаем. Выборы нового президента в марте дадут нашей партии победу. Если же вы не дадите Камчатки в аренду, то я заявляю, что тогда такого энтузиазма не будет». Это почти буквальное содержание его письма. Перед нами совершенно нагой империализм, который не считает даже нужным облачить себя во что-нибудь, думая, что он и так великолепен. Когда было такое письмо получено, мы себе сказали: тут надо уцепиться обеими руками! Что он экономически прав, это доказывает, что республиканская партия в Америке накануне победы. Первый раз в истории Америки на юге нашлись люди, голосовавшие против демократов. Значит, ясно, что перед нами экономически правильное рассуждение империалиста. Камчатка принадлежит бывшей Росс. империи. Это верно. Кому же она принадлежит в настоящее время—неизвестно. Как будто она является собственностью государства, которое называется Дальне-Восточной Рес-

публикой, но сами границы этого государства точно не установлены. Правда, некоторые документы по этому поводу пишутся, но во-первых, они еще не написаны, а во-вторых, они еще не утверждены. На Дальнем Востоке господствует Япония, которая может делать там все, что хочет. Если мы Камчатку, которая юридически принадлежит нам, а фактически захвачена Японией, отдадим Америке, ясно, что мы выиграем. Вот основа моего политического рассуждения, и, опираясь на него, мы сразу решили непременно договор с Америкой заключить. Конечно, при этом надо торговаться, так как никакой купец не будет нас уважать, если мы не будем торговаться. Поэтому тов. Рыков принялся торговаться, и мы написали проект договора. Но когда дело дошло до подписи, то мы заявили: «все знают, кто мы такие, а кто вы такой?». Оказалось, что Вандерлипп нам не может дать гарантии, тогда мы сказали, что мы уступчивы. Ведь это только проект, а вы сами сказали, что он вступит в силу, когда ваша партия возьмет верх; а верх она еще не взяла, и поэтому мы подождем!

Проект договора ни к чему не обязывает, мы в любую минуту можем отказаться. В этом случае мы только потеряем время на разговоры с Вандерлиппом и небольшое количество листов бумаги, а сейчас мы уже выиграли. Достаточно взять европейские сообщения, чтобы видеть, что мы выиграли. Из Японии нет ни одного известия, которое не говорило бы о величайшем беспокойстве из-за ожидаемых концессий. Япония заявляет: «мы не потерпим этого, это нарушает наши интересы!»—«Пожалуйста, победите Америку, мы против этого возражать не будем!»—Мы уже Японию с Америкой сравнили, выражаясь грубо, и этим достигнута выгода. Мы выиграли и по отношению к американцам.

Кто такой Вандерлипп? Мы не установили, кто, но в капиталистическом мире доказано, — о простых гражданах не посылают по всему свету телеграмм! А когда он от нас выехал, телеграммы посыпались по всему свету. Так вот он рассказывал, что получил выгодную концессию и принялся всюду хвалить Ленина. Это носит юмористический характер, но позвольте сказать, что в этой юмористике есть кусочек политики. Вандерлипп, когда кончил здесь все разговоры, пожелал иметь свидание со мною. Я посоветовался с представителями соответствующих ведомств и спросил, следует ли его принимать. Говорят: «пускай он поедет более довольный!». Вандерлипп приходит, мы беседуем обо всех этих делах, при чем, когда он стал рассказывать, что он был в Сибири, что он знает Сибирь, что он родом из рабочих, как боль-

шинство американских миллиардеров и пр., что они ценят только практическое, что они, когда посмотрят, только тогда ценят,—я ему и отвечал: «вот вы, люди практические, посмотрите, что такое советская система, и введете ее у себя!». Он посмотрел на меня, удивляясь этому обороту разговора, и говорит мне по-русски (весь разговор шел по-английски): «может быть!». Я спрашиваю с удивлением, откуда это знание русского языка. — «Как же, я большую долю сибирских областей объехал верхом на лошади в течение 25 лет». Когда мы стали прощаться, он говорит: «я должен буду в Америке сказать, что у мистера Ленина (мистер по-русски—господин), что у господина Ленина рогов нет». Я не сразу понял, так как вообще по-английски понимаю плохо. — «Что вы сказали? повторите!» Он—живой старичок, жестом показывает на виски и говорит: «рогов нет». Переводчик здесь был, говорит: «да, именно так! В Америке все уверены, что тут должны быть рога, т.-е. вся буржуазия говорит, что я помечен дьяволом». — «А теперь я должен буду сказать, что рогов нет»,—сказал Вандерлипп. Мы простились весьма любезно. Я выразил надежду, что на почве дружественных отношений между двумя государствами будет не только заключена концессия, но взаимная экономическая помощь будет развиваться нормально. Все в таком тоне. А потом пошли телеграммы о рассказах приехавшего из-за границы Вандерлиппа. Вандерлипп сравнивал Ленина с Вашингтоном ²⁵³⁾ и Линкольном ²⁵⁴⁾; Вандерлипп просил у меня портрет с надписью. Я отклонил, потому что, когда даешь портрет, пишешь: «товарищу такому-то», а написать «товарищу Вандерлиппу» нельзя! И тем не менее такого рода телеграммы пришли: отсюда ясно, что в империалистической политике вся эта история сыграла известную роль. Гардинг,—лицо, которое выбрано в президенты, но которое вступит в должность только в марте будущего года, когда появились известия о концессиях Вандерлиппа, выпустил официальное опровержение, что «я ничего не знаю, с большевиками в сношениях не состою, ни о каких концессиях не слыхал». Это было во время выборов, а во время выборов признаться, что имеешь дело с большевиками—пожалуй, чего доброго, потеряешь голоса.

Вся эта сделка означает отвлечение империалистических сил от нас,—пока империалисты сидят и вздыхают и ждут, когда подойдет удобный момент, чтобы большевиков задушить, а мы этот момент отдаляем. Когда Япония встраивалась в корейскую авантюру, японцы говорили американцам: «конечно, мы можем

победить большевиков, но что вы дадите нам за это? Китай? Мы и так возьмем, а тут мы за десять тысяч верст пойдем бить большевиков, а американцы—у нас в тылу. Нет, так политики не ведут!». Уже тогда японцы нас победили бы в несколько недель, если бы была двухколейная железная дорога и транспортная помощь Америки. Нас спасло то, что Япония, кушая Китай, не могла двигаться на Запад, через всю Сибирь, имея в тылу Америку, и не хотела таскать каштанов из огня для Америки

Еще больше нас спасло бы то обстоятельство, если бы империалистические державы оказались в войне. Если мы вынуждены терпеть таких негодяев, как капиталистические воры, из которых каждый точит нож против нас, прямая наша обязанность двинуть эти ножи друг против друга. Когда два вора дерутся, честные люди выигрывают. Выгода другая—чисто политическая. Даже если этой концессии не будет, один проект концессии даст выгоду экономическую: он даст часть продуктов. Если бы американцы стали получать часть продуктов,—это было бы выгодно. На Камчатке нефти и руды такое количество, которое мы заведомо разработать не в состоянии.

Я указал вам одно империалистическое противоречие, которое мы обязаны использовать, это между Японией и Америкой; другое—между Америкой и всем остальным капиталистическим миром. Почти весь капиталистический мир «победителей» вышел из войны с гигантской наживой. Америка сильна, ей теперь все должны, от нее все зависит, ее все больше ненавидят, она грабит всех, и она грабит очень оригинально. У нее нет колоний. Англия вышла из войны с гигантскими колониями, Франция тоже. Англия предлагала Америке мандат на одну из награбленных колоний—ныне выражаются таким языком!—но она не взяла. Очевидно, американские купцы рассуждают как-то по-иному. Они видели, что война и по отношению к разорению, и по отношению к настроению рабочих играет очень определенную роль, и пришли к выводу, что им нет выгоды принимать мандат. Но понятно, они не допустят, чтобы эту колонию использовали другие государства. Вся буржуазная литература свидетельствует рост ненависти против Америки, а в Америке растут голоса за вступление в соглашение с Россией. Америка имела договор с Колчаком о признании Колчака и о его поддержке, но тут они уже раз навались и получили только убыток и срам. Таким образом мы имеем перед собой величайшее в мире государство, которое к 1923 году будет иметь флот сильнее английского, но это государ-

ство встречает все большую ненависть других капиталистических стран. Такое течение обстоятельств мы должны учесть. Америка не может помириться с остальной Европой,—это факт, доказанный историей. Никто не описал так хорошо Версальского договора, как это сделал в своей книжке Кейнс, представитель Англии в Версале. В книге этой он высмеял Вильсона и ту роль, которую он играл в Версальском договоре. Вильсон там оказался совершенным дурачком, которым Клемансо и Ллойд-Джордж вертели, как пепкой. Таким образом все указывает на то, что Америка помириться с другими странами не может, потому что между ними глубочайшая экономическая рознь, потому что Америка богаче других.

Поэтому все вопросы о концессиях мы будем рассматривать под этим углом зрения. Америка неизбежно стоит в противоречии с колониями, а если она попробует глубже тронуть, она вдесятеро поможет нам. В колониях возмущение кипит и, когда тронешь их, то хочешь ты или не хочешь, богат ты или не богат—а чем богаче, тем лучше—но ты поможешь нам и господа Вандерлиппы полетят. Вот почему для нас основным соображением является эта рознь.

И третью рознь мы имеем между Антантой и Германией. Германия побеждена, подавлена Версальским договором, но она обладает гигантскими экономическими возможностями. Германия—вторая в мире страна по степени экономического развития, если первой считать Америку. Специалисты даже говорят, что в электрической промышленности она выше Америки, а вы знаете, что электрическая промышленность имеет гигантское значение. По широте применения электричества Америка выше, но по техническому совершенству Германия стоит выше. И вот такой стране навязан Версальский договор, с которым она жить не может. Германия одна из самых сильных, передовых, капиталистических стран, она Версальского договора не может вынести, и Германия должна искать союзника против всемирного империализма, будучи сама империалистической, но будучи задавленной.

Вот три переплета, которые и путают безысходно всю игру империалистов! Вот в чем вся соль! И вот почему с политической точки зрения надо всей душой,—или не нужно души,—а всем расчетом надо быть за концессии!

Теперь я перехожу к экономике. Когда мы затронули Германию, тут мы уже подошли к экономике. Германия экономически не может существовать после Версальского мира, и не только одна Германия, но и все побежденные страны, как Австро-

Венгрия в бывших ее размерах, хотя часть из нее попала в победившие государства, но существовать при Версальском договоре она не может. В средней Европе это—крупнейшее объединение с гигантской экономической и технической мощью. С экономической точки зрения все они нужны для восстановления мирового хозяйства. Если внимательно прочесть и еще раз прочесть декрет от 23 ноября о концессиях, вы увидите, что мы подчеркиваем значение мирового хозяйства и делаем это умышленно. Это неоспоримо правильная точка зрения. Для восстановления всемирного хозяйства нужно использовать русское сырье. Без этого использования обойтись нельзя, это экономически верно. Это признает чистейший буржуа, изучающий экономику и смотрящий с чисто буржуазной точки зрения, это признает Кейнс, который написал книгу «Экономические последствия мира», и Вандерлипп, который объехал всю Европу, как финансовый магнат, потому что сырья оказалось мало во всем мире, так как его расхитила война. Он говорит, что надо опереться на Россию. И вот Россия выступает теперь на весь мир, она заявляет: мы беремся восстанавливать международное хозяйство—вот наш план! Это экономически правильно. Советская власть за это время окрепла и не только окрепла сама, но выступает с планом восстановления всего мирового хозяйства. Рационализация международного хозяйства с планом электрификации поставлена научно-правильно. Мы своим планом привлекаем наверняка не только сочувствие всех рабочих, но и разумных капиталистов, независимо от того, что для них «эти ужасные большевики-террористы и т. п.»; поэтому наш экономический план верен, и вся мелко-буржуазная демократия, читая этот план, будет колебаться в нашу сторону, ибо империалисты уже передрались, а здесь выдвигается план, против которого техники и экономисты ничего не могут возразить. Мы переходим к области экономики и предлагаем положительную программу строительства перед всем миром.

Мы переносим вопрос в антикапиталистическую плоскость. Мы выступаем и говорим,—мы беремся весь мир построить на рациональных экономических основах, а что это правильно—нет сомнения. Нет сомнения, что, если как следует взяться работать с современными машинами, при помощи науки можно восстановить немедленно все мировое хозяйство.

Тут мы осуществляем своего рода производственную пропаганду, когда мы говорим хозяевам: «вы никуда не годны, господа капиталисты; пока вы разоряетесь, мы по-своему построим, не

пора ли, поэтому, господа, с нами согласиться?), на что все капиталисты всего мира должны отвечать, хотя и почесываясь: «а, пожалуй, пора, давайте подписывать торговый договор!».

Англичане написали уже один проект и прислали нам. Он обсуждается, и тут наступает новая пора. Они уже осеклись в войне, и должны воевать теперь в области экономической. Нам это вполне понятно. Мы и не мечтали о том, что вот—мы повоевали, и наступит мир, и социалистический теленок рядом с капиталистическим волком обнимутся. Нет! То, что вы должны повоевать с нами в области экономики, это огромный прогресс! Мы выдвинули перед вами всемирную программу, рассматривая концессии с точки зрения мирового народного хозяйства. Это экономически бесспорно. Ни один инженер, ни один агроном, ставящий вопрос о народном хозяйстве, не сможет этого отвергнуть. И многие капиталисты говорят: «без России не будет прочной системы капиталистических государств», но мы выступаем с такой программой в качестве строителей всемирного хозяйства по другому плану. Это имеет огромное пропагандистское значение. Если даже ни одной концессии нам не дадут,—я это считаю вполне возможным,—если даже из всего этого шума о концессиях выйдет только некоторое количество партийных собраний, декретов, но не выйдет ни одной концессии, все-таки мы кое-что уже выиграли. Не говоря о том, что мы выдвинули план построения хозяйства, мы привлекаем на свою сторону все государства, которые разорены войной. На съезде III Коммунистического Интернационала я говорил, что весь мир делится на угнетенные нации и господствующие нации. Угнетенных наций не меньше 70% всего населения земли. Версальский мир сотню или 150 миллионов людей прибавил к ним.

Мы, действительно, выступаем теперь не только как представители пролетариев всех стран, но и как представители угнетенных народов. Недавно вышел журнал Коммунистического Интернационала, под заглавием: «Народы востока». Коммунистический Интернационал издал для народов востока такой лозунг: «пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!». Кто-то из товарищей спрашивал: «Когда же Исполком распоряжался, чтобы менять лозунги?». Я действительно этого не могу припомнить. Конечно, с точки зрения «Коммунистического Манифеста» это неверно, но «Коммунистический Манифест» писался при совершенно других условиях, но с точки зрения теперешней политики это верно. Отношения обострились. Вся Германия кипит, вс

Азия кипит. Вы читали, как в Индии складывается революционное движение. В Китае бешеная ненависть к японцам, то же к американцам. В Германии такая клокочущая ненависть к Антанте, которая будет понятна только тогда, если посмотреть на ненависть германских рабочих к своим капиталистам; они сделали в результате из России прямого представителя всей массы угнетенного населения земли; народы приучаются ходом вещей смотреть на Россию, как на центр притяжения. Недавно меньшевистская газета в Грузии писала: «Есть две силы на земле: Антанта и Советская Россия». Что такое меньшевики? Это люди, которые держат нос по ветру. Когда мы были в международном отношении слабы, они кричали: «долой большевиков!». Когда мы начали усиливаться, они кричали: «мы—нейтральные». Когда мы врагов отбили, они говорят: «да, тут две силы»...

В декрете о концессиях мы выступаем от имени всего человечества с экономически безупречной программой восстановления экономических сил мира на почве использования всего сырья, где бы оно ни было. Нам важно, чтобы голода нигде не было. Вы, капиталисты, устранить его не умеете, а мы умеем! Мы выступаем как представители 70% населения земли. Как бы дело с проектом ни сложилось, он остается экономически бесспорным. Экономическая сторона концессии имеет значение независимо от того даже, будет ли она заключена или нет.

Как видите, мне пришлось делать очень большое предисловие и доказывать выгоды концессий. Конечно, концессии важны нам и в смысле получения продуктов. Это бесспорно верно, но главная суть заключается в политических отношениях. К Съезду Советов вы получите том, содержащий 600 страниц, это—план электрификации России. План этот продуман лучшими агрономами и инженерами. Усилить проведение его в жизнь без помощи иностранного капитала и средств производства мы не можем. Но чтобы получить помощь, надо заплатить. Мы до сих пор с капиталистами воевали и они нам говорили: либо мы вас задушим, либо мы вас заставим уплатить 200 миллиардов. Но они нас задушить не в состоянии и долгов мы им не заплатим. Пока что, мы имеем некоторую отсрочку. Пока мы нуждаемся в экономической помощи, мы согласны вам платить, такова постановка вопроса и всякая иная будет экономически беспочвенна. Россия промышленно разорена и, по сравнению с до-военным положением, оно ухудшилось до одной десятой, если не ниже. Если бы три года тому назад нам сказали, что мы три года будем воевать со всем капиталисти-

ческим миром, мы бы не поверили. Теперь же нам скажут: но восстановить экономически, имея одну десятую до-военного народного богатства, это еще более трудная задача! Действительно, это труднее, чем воевать. Воевать можно было при помощи воодушевления рабочих масс и крестьян, которые защищались от помещиков. Теперь же нет защиты от помещиков, теперь восстановление хозяйства на необычных для крестьян условиях. Здесь победа не в увлечении, натиске, самопожертвовании, а в ежедневной, скучной, мелкой, будничной работе. Это дело неоспоримо более трудное. Откуда взять те средства производства, которые нужны? Для того, чтобы привлечь американцев, им нужно заплатить: они люди торговые. А чем мы заплатим? Золотом? Но золото мы не можем разбрасывать. Давать сырьем нельзя, потому что мы своих еще не всех накормили. Когда в Совнаркоме встает вопрос, чтобы дать 100.000 пудов хлеба итальянцам, встает Наркомпрод и отказывает. Мы торгуемся из-за каждого поезда хлеба. Без хлеба нельзя развивать внешней торговли. Но что же мы дадим? Хлам? Хлама у них своего много. Говорят, давайте хлебом будем торговать, а мы хлеба дать не можем. Поэтому мы решаем задачу при помощи концессий.

Я перехожу к следующему пункту. Концессия порождает новые опасности. Я указываю на то, что сказал в начале своей речи, а именно, что слышится крик из низов, из рабочих масс: «не давайте капиталистам, это народ умный, ловкий!». Это приятно слышать, потому что видишь, что растет громадная масса, которая с капиталистами будет бороться до зубов. В статьях тов. Степанова ²⁵⁵), которые он рассчитал педагогически (сначала все доводы против концессий приведу, а потом скажу, что надо их принимать, но некоторые читатели, пока дойдут до хорошей части, как бы не бросили читать, убедившись, что концессии не нужны), есть верные мысли, но когда он говорит, что не нужно концессий давать Англии, потому что придет Локкарт ²⁵⁶), я не согласен. Мы сладили с ним тогда, когда Ч. К. была учреждением возникающим, не имеющим солидности, которую она имеет теперь. И если после трех лет войны мы не сумеем поймать шпиков, тогда надо сказать, что таким людям нечего братья управлять государством. Мы решаем задачи неизмеримо более трудные. Например, сейчас в Крыму 300.000 буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим.

Говорить после этого, что иностранцы, которые будут приписаны к определенным концессиям, нам опасны, или, чтобы мы не сумели уследить за ними, смешно! Незачем было огород городить, незачем было браться управлять государством! Здесь задача чисто организационная, на которой не стоит долго останавливаться.

Но, конечно, было бы величайшей ошибкой думать, что концессии означают мир. Ничего подобного! Концессии—это не что иное, как новая форма войны. Европа воевала с нами, и теперь война переходит в новую плоскость. Раньше война шла в той области, в которой империалисты были бесконечно сильнее, в области военной. Если подсчитать число пушек, пулеметов у нас и у них, число солдат, которое может мобилизовать наше правительство и их—мы безусловно должны были бы быть раздавлены в две недели. Однако мы в этой области устояли и мы беремся воевать дальше, переходим к войне экономической. У нас определенно говорится, что рядом с концессионным куском, с концессионным квадратом будет наш квадрат, потом опять их квадрат; мы будем учиться у них постановке образцовых предприятий, ставя рядом свое. Если мы не сумеем этого, тогда не приходится ни о чем говорить! Оборудование по последнему слову техники, в настоящий момент,—задача нелегкая и нужно этому учиться, учиться на практике, ибо никакими школами, университетами, курсами этого не достигнуть, и поэтому мы даем концессии в шахматном порядке: приходите и учитесь здесь же!

Экономически для нас от концессий гигантская польза. Конечно, создавая поселки, они принесут с собою капиталистические привычки, будут разлагать крестьянство. Но надо следить, надо шаг за шагом противопоставлять свое коммунистическое воздействие. Это тоже своего рода война, военное состязание двух способов, двух формаций, двух хозяйств—коммунистического и капиталистического. Мы докажем, что мы сильнее. Нам говорят: «ну, хорошо, вы устояли на внешнем фронте, начинайте строить, давайте строить, и посмотрим, кто победит»... Конечно, задача трудная, но мы говорили и говорим: «социализм имеет силу примера». Насилие имеет свою силу по отношению к тем, кто хочет восстановить свою власть. Но этим и исчерпывается значение насилия, а дальше уже имеет силу влияние и пример. Надо показать практически, на примере значение коммунизма. У нас нет машин, война нас разорила, война отняла у России экономи-

ресурсы, но мы все-таки не боимся этого состязания, потому что оно будет выгодно для нас во всех отношениях.

Это будет война, во время которой тоже нельзя делать ни малейшей уступки. Эта война выгодна для нас во всех отношениях, выгоден и переход от старой войны к этой новой, не говоря уже о том, что имеется некоторая косвенная гарантия мира. Я говорил на том собрании, о котором так неудачно передано в «Правде» ²⁵⁷⁾, что мы сейчас перешли от войны к миру, но мы не забыли, что вернется опять война. Пока остались капитализм и социализм, мы мирно жить не можем: либо тот, либо другой, в конце концов, победят; либо по Советской Республике будут петь панихиды, либо—по мировому капитализму. Это—отсрочка в войне. Капиталисты будут искать поводов, чтобы воевать. Если они примут предложение и пойдут на концессии, им будет труднее. С одной стороны, в случае войны мы будем иметь наилучшие условия; с другой, не пойдут на концессии те, кто хочет воевать. Существование концессий есть экономический и политический довод против войны. Те государства, которые могли бы с нами воевать, воевать не смогут, если возьмут концессии. С точки зрения опасности столкновения капитализма и большевизма надо сказать, что концессии есть продолжение войны, но на другом поприще. Придется следить за каждым шагом противника. Потребуются все средства управления, надзора, влияния, воздействия. Это то же самое есть война. Мы сражались в войне более крупной, а в этой войне мобилизуем на нее еще больше народу, чем на ту. На эту войну будет поголовно мобилизоваться всякий, кто трудится; ему будут говорить и пояснять: «если капитализм делает то-то, вы, рабочие и крестьяне, свергнув капиталистов, должны делать не меньше их! Учитесь!».

Я уверен, что Советская власть догонит и обгонит капиталистов, и что выигрыш окажется у нас не только чисто экономический. Мы получим науку, выучку: ничего не стоит никакая школа, никакой университет, если нет практического умения. Вы увидите из карты, которая приложена к брошюрке, которую покажет т. Милютин, что мы даем преимущественно концессии на окраинах. В Европейской России—северные леса—70 миллионов десятин. Миллионов 17 дес. назначены под концессии. Наши лесные хозяйства размежеваны в шахматном порядке: леса—в Западной Сибири, на Дальнем Севере. Мы ничего не можем потерять. Главные предприятия—в Западной Сибири, богатство которой неоспоримо. Мы не разовьем из них и одной сотой доли

в десять лет. При помощи же капиталистов-иностранцев, отдавая им один рудник, мы получаем возможность разрабатывать свои рудники. Давая концессии, мы выбираем места.

Как поставить концессии с точки зрения надзора? Мы не оставляем влияния нашей массе, крестьянству, потому что его будут разлагать. Крестьянин, как мелкий хозяйчик, по природе своей склонен к свободной торговле, а мы считаем это дело преступлением. Тут—дело государственной борьбы. У нас гигантский неурожай, бескормица и падеж скота и на-ряду с этим громадные площади земли лежат неразработанными. На-днях будет издан декрет, чтобы из всех сил добиться возможно полного засева и улучшения сельского хозяйства.

Далее у нас есть один миллион десятин целины, которой мы не поднимем, так как не имеем рабочего скота, не имеем необходимых орудий, а трактором эту землю можно поднять на любую глубину. Поэтому нам выгодно эту землю сдать в аренду. Если даже мы отдадим половину, даже три четверти продуктов, то и тогда мы будем в выигрыше. Вот та политика, которая направляет наши действия, и я могу сказать, что не только экономические соображения и конъюнктура мирового хозяйства, но и глубокие политические соображения должны лежать в основе действия. Всякий иной подход к делу будет близоруким. Если стоит вопрос об экономической выгодности или невыгодности концессий, то экономическая выгодность бесспорная. Без концессий мы своей программы электрификации страны выполнить не можем; без них в десять лет невозможно восстановить нашего хозяйства, а когда мы его восстановим, мы будем непобедимы для капитала. Концессия—это не мир с капитализмом, а война в новой плоскости. Война оружием и танками заменяется войной экономической. Правда, и она таит в себе новые трудности и новые опасности. Но я уверен, что мы из них выйдем. Я убежден, что, при такой постановке вопроса о концессиях, мы гигантское большинство партийных товарищей убедим легко, а тот инстинктивный страх, о котором я говорил, есть полезный и здоровый страх, который мы превратим в движущую силу, которая даст нам более быструю победу в предстоящей экономической войне.

Из архива М.К.Р.К.П.

VIII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

22—29 декабря 1920 года

*«Восьмой Всероссийский съезд Советов
Р., К., К. и К. Д.». Стенографический
отчет. Гос. Изд. 1921 года*

Доклад Совета Народных Комиссаров ¹⁵⁸).

(Заседание 22 декабря 1920 г.)

Товарищи, мне предстоит сделать доклад о внешней и внутренней политике правительства. Я понимаю задачу своего доклада не так, чтобы дать вам перечень хотя бы крупнейших или важнейших законопроектов и мероприятий Рабоче-Крестьянской власти. Я думаю, что вас не интересовал бы также и не представлял бы существенного значения рассказ о событиях за это время. Мне думается, что надо попытаться обобщить главные уроки, которые мы получили за этот год, не менее богатый крутыми поворотами политики, чем предыдущие годы революции, и из обобщения уроков опыта за год вывести самые неотложные политические и хозяйственные задачи, которые перед нами стоят и на которые Советская власть и через свои законопроекты, внесенные на ваше усмотрение и утверждение, и через всю совокупность своих мер возлагает сейчас больше всего надежд, придает им больше всего значения и от выполнения их ждет серьезных успехов в деле нашего хозяйственного строительства. Поэтому позвольте мне ограничиться лишь краткими замечаниями о международном положении республики и о главных итогах минувшего года в области внешней политики.

Вы все знаете, конечно, как навязали нам польские помещики и капиталисты войну под давлением и натиском капиталистических стран Западной Европы, и не только одной Западной Европы. Вы знаете, как мы в апреле текущего года предлагали мир польскому правительству на условиях, несравненно более выгодных для него, чем теперешние, и только под давлением крайней необходимости, после полных неудач наших переговоров о перемирии с Польшей, мы вынуждены были пойти на войну, которая, несмотря на крайне тяжелое поражение, понесенное нашими войсками под Варшавой в силу несомненного переутомления их войной, кончилась, однако, миром для нас более выгодным,

чем тот, который мы предлагали Польше в апреле. Предварительный мир с Польшей подписан, и сейчас имеют место переговоры о подписании окончательного мира. Мы не скрываем от себя нисколько той опасности, которая состоит в давлении некоторых из наиболее упорных капиталистических стран, а также в давлении определенных кругов русских белогвардейцев, с целью не дать этим переговорам окончиться миром. Но мы должны сказать, что политика Антанты, направленная на военное вмешательство и военное подавление Советской власти, терпит все более и более крах, и все большее и большее число государств, стоящих безусловно на враждебной, по отношению к Советской власти, платформе, мы перетягиваем на сторону нашей политики мира. Число государств, подписавших мирный договор, увеличивается, и есть большая вероятность, что в ближайшее время окончательный мирный договор с Польшей будет подписан, и таким образом будет нанесен еще один серьезнейший удар союзу капиталистических сил, пытающихся вырвать у нас власть военным путем.

Товарищи, вы знаете, конечно, что временные неуспехи наши в войне с Польшей и тяжесть нашего положения в некоторые моменты войны зависели от того, что мы должны были бороться против Врангеля, официально признанного одной империалистической державой и получавшего колоссальные средства материальной, военной и иной помощи. И мы должны были, чтобы закончить войну, как можно скорее прибегнуть к быстрому сосредоточению войск, чтобы нанести Врангелю решительный удар. Вы знаете, конечно, какой необыкновенный героизм проявила Красная армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одной из самых блестящих страниц в истории Красной армии является та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана нами над Врангелем. Таким образом война, навязанная нам белогвардейцами и империалистами, оказалась ликвидированной.

Мы можем теперь с гораздо большей уверенностью и твердостью взяться за близкое нам, необходимое и привлекающее нас к себе давно уже дело хозяйственного строительства, с уверенностью, что так легко сорвать эту работу, как прежде, капиталистическим хозяевам не удастся. Но, разумеется, мы должны быть на-чеку. Мы ни в коем случае не можем сказать, что от войны мы уже гарантированы. Этот недостаток гарантии состоит вовсе не в том, что у нас нет еще формальных мирных договоров. Мы пре-

красно знаем, что остатки армии Врангеля не уничтожены, а спрятаны не очень далеко, находятся под опекой и под охраной и восстанавливаются при помощи капиталистических держав, что белогвардейские русские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные военные части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Россию.

Поэтому военную готовность мы должны сохранить во всяком случае. Не полагаясь на нанесенные уже империализму удары, мы свою Красную армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность. Этому, конечно, не помешает освобождение известной части армии и быстрая ее демобилизация. Мы рассчитываем, что громадный опыт, который за время войны приобрела Красная армия и ее руководители, поможет нам улучшить теперь ее качества. И мы добьемся того, что при сокращении армии мы сохраним такое основное ядро ее, которое не будет возлагать непомерной тяжести на республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшенном количестве армии мы лучше, чем прежде, обеспечим возможность снова поставить на ноги и мобилизовать еще большую военную силу.

Мы уверены, что все соседние государства, которые много потеряли уже из-за поддержки против нас белогвардейских заговоров, достаточно учли непререкаемый урок опыта и оценили по-настоящему нашу примирительность, которую все толковали как нашу слабость. Они должны были убедиться после трех лет опыта, что, когда мы проявляем самое устойчивое и мирное настроение, мы в то же время в военном отношении являемся готовыми. Всякая попытка войны против нас будет означать для государств, которые втянутся в такую войну, ухудшение тех условий, которые они могли бы иметь без войны и до войны, по сравнению с теми, которые они получают в результате и после войны. Это доказано по отношению к нескольким государствам. Это есть теперь завоевание, от которого мы не откажемся и которого ни одна из окружающих нас или находящихся в политическом соприкосновении с Россией держав не забудет. Благодаря этому, у нас непрерывно улучшаются отношения с соседними государствами. Вы знаете, что мир окончательно подписан с целым рядом находящихся на западных границах России государств, входивших прежде в состав Российской империи и получивших от Советской власти безоговорочно, согласно основным

принципам нашей политики, признание их независимости и суверенности. Мир на этих основах имеет все шансы быть более прочным, чем того желали бы капиталисты и некоторые из западно-европейских государств.

По отношению к латвийскому правительству я должен сказать, что одно время нам грозило как будто бы ухудшение отношений, доходившее даже до возможности возникновения мысли о прекращении дипломатических отношений. Но как раз последний доклад нашего представителя в Латвии указывает на то, что произошла уже перемена политики, устранены многие из недоразумений и законных поводов к недовольству. Есть серьезная надежда, что в ближайшее время мы будем в тесных экономических сношениях с Латвией, которая при товарообмене с Западной Европой, понятное дело, будет еще более полезна для нас, чем Эстония и другие граничащие с Р. С. Ф. С. Р. государства.

Я должен также отметить, товарищи, что на Востоке наша политика за этот год одержала крупные успехи. Мы должны приветствовать образование и упрочение Советских Республик: Бухарской, Азербейджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и передавших власть в руки рабочих и крестьян. Эти республики являются доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство. Идея крестьянских Советов победила. Власть в руках крестьян обеспечена; в их руках земля, средства производства. Дружественные отношения крестьянско-советских республик с Российской Социалистической Республикой уже закрепились практическими результатами нашей политики.

Мы можем приветствовать также предстоящее подписание договора с Персией, дружественные отношения с которой обеспечены в силу совпадения коренных интересов у всех народов, страдающих от гнета империализма.

Мы должны отметить также, что дружественные отношения у нас все более и более налаживаются и укрепляются с Афганистаном и еще более с Турцией. По отношению к последней державе страны Антанты делали все с их стороны для того, чтобы сделать невозможным сколько-нибудь нормальные отношения между Турцией и западно-европейскими странами. Это обстоятельство

в связи с упрочением Советской власти, все более и более обеспечивает то, что, несмотря на все противодействие и все интриги буржуазии, несмотря на сохранение буржуазных стран вокруг России,—союз и дружественные отношения России с угнетенными восточными нациями укрепляются, ибо главнейший во всей политике факт есть империалистическое насилие в отношении к народам, которые не имели счастья попасть в число победителей, и эта мировая политика империализма вызывает сближение, союз и дружбу всех угнетенных народов. Успех, которого мы достигли в этом отношении на западе по отношению к государствам, более нас европеизированным, показывает, что настоящие основы нашей внешней политики правильны и что улучшение нашего международного положения стоит на прочной базе. Мы уверены, что при продолжении с нашей стороны политики миролюбия, при уступках, которые мы сделаем (а мы должны их делать, чтобы избежать войны), несмотря на все интриги и замыслы империалистов, которые, конечно, смогут всегда поспорить то или иное государство с нами,—несмотря на все это, основная линия политики, основные интересы, вытекающие из самой сущности империалистической политики, берут свое и все более и более заставляют теснее связываться Р. С. Ф. С. Р. с растущим кругом ее [числом соседних государств. А это—залог того, что мы делу хозяйственного строительства сможем отдать коренным образом, сможем работать спокойно, твердо и уверенно более продолжительное время.

Я должен сказать также, что в настоящее время происходят переговоры с Англией о подписании торгового соглашения. К сожалению, эти переговоры затягиваются гораздо дольше, чем мы бы этого желали, но мы в этом отношении абсолютно невинны. Еще в июле, когда английское правительство в момент наибольшего успеха советских войск официально нам предложило текст соглашения, обеспечивающего возможность торговых сношений, мы ответили полным согласием, но с тех пор борьба течений в английском правительстве и английском государстве затормозила это дело. Мы видим колебания английского правительства, угрозы порвать совсем с нами сношения, немедленно послать флот на Петербург. Мы это видели, но мы видели в то же время, как вся Англия покрывалась в ответ на эту угрозу Советами Действия. Мы видели, как наиболее крайние сторонники оппортунистического настроения и их вожди под давлением рабочих должны были стать на этот путь совершенно некон-

ституционной политики, которую они сами осуждали вчера. Оказалось, что сила давления трудящихся масс, вопреки всем меньшевистским предрассудкам, до сих пор господствовавшим в английском профессиональном движении, настолько проложила себе дорогу, что обламывала острие у воинственной политики империалистов. Сейчас, продолжая мирную политику, мы стоим на почве того июльского проекта, который предложен английским правительством. Мы готовы подписать торговое соглашение немедленно, а если оно до сих пор не подписано, то вина исключительно на тех течениях и веяниях в английских правящих кругах, которые хотят сорвать торговое соглашение, которые хотят, вопреки воле большинства не только рабочих, но даже вопреки воле большинства английской буржуазии, еще раз иметь возможность с развязанными руками сделать нападение на Советскую Россию. Это их дело!

Чем дольше такая политика будет продолжаться в некоторых влиятельных кругах Англии, в кругах финансового капитала и империалистов, тем больше она обостряет финансовое положение, тем больше она оттягивает полусоглашение, которое теперь необходимо между буржуазной Англией и Советской Республикой, тем больше она приближает империалистов к тому, что они должны будут принять потом не полусоглашение, а полное соглашение.

Я должен сказать, что в связи с этим торговым соглашением с Англией стоит вопрос, который является одним из крупнейших в нашей экономической политике,—это вопрос о концессиях. К числу важнейших законов, которые были приняты Советской властью за отчетное время, принадлежит закон 23 ноября т. г.—о концессиях. Вы все знакомы, конечно, с текстом этого закона. Вы все знаете, что мы теперь опубликовали дополнительные материалы, которые могли бы всем членам Съезда Советов дать наибольшее осведомление по этому вопросу. Мы опубликовали отдельные брошюры не только с текстом этого декрета, но и перечень главнейших объектов концессий, именно—продовольственных, лесных и горных. Мы приняли меры к тому, чтобы опубликование текста этого декрета как можно скорее попало в западно-европейские государства, и мы надеемся, что наша политика концессий будет успешна и с практической стороны. Мы нисколько не скрываем от себя опасностей, которые с этой политикой связаны в Социалистической Советской Республике, и при том в стране слабой и отсталой. Пока наша Советская Республика останется

одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать о полной нашей экономической независимости и об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом. Конечно, пока такие коренные противоположности остались,—остаются и опасности, и от них никуда не убежишь. Нам надо только прочно стоять, чтобы их пережить, уметь отличать опасности большего значения от опасностей меньшего значения и предпочитать менее значительные бóльшим.

Недавно нам было сообщено, что на Арзамасском уездном Съезде Советов Нижегородской губ. один беспартийный крестьянин, по поводу концессий, заявил: «Товарищи, мы вас посылаем на Всероссийский Съезд и заявляем, что мы, крестьяне, готовы еще три года голодать, холодать, нести повинности, только Россию-матушку на концессии не продавайте!». Я чрезвычайно рад приветствовать такого рода настроения, которые распространены очень и очень широко. Я думаю, что именно показательно для нас то, что среди беспартийной трудящейся массы не только рабочих, но и крестьян созрел за три года тот политический и хозяйственный опыт, который позволяет и заставляет выше всего ценить освобождение от капиталистов, который заставляет относиться с тройной зоркостью и с чрезвычайной подозрительностью ко всякому шагу, который несет за собою возможные новые опасности в смысле восстановления капитализма. Несомненно, к такого рода заявлениям мы прислушиваемся со всем вниманием, но мы должны сказать, что о продаже России капиталистам нет и речи, что речь идет о концессиях, при чем каждый договор о концессиях обусловлен определенным сроком, определенным соглашением и обставлен всеми гарантиями, которые тщательно продуманы, которые еще не раз будут обдуманы и обсуждены вместе с вами на настоящем Съезде и на всяких дальнейших совещаниях, и эти временные договоры не похожи на продажу. Они не имеют ничего общего с продажей России, но они представляют из себя известную экономическую уступку капиталистам с тем, чтобы таким путем получить нам возможность как можно скорее приобрести те необходимые машины и паровозы, без которых восстановление нашего хозяйства мы осуществить не можем. Мы не в праве пренебрегать ничем, что может хотя бы немного способствовать улучшению положения рабочих и крестьян.

Нужно сделать максимум того, что возможно для быстрого восстановления торговых отношений. И они идут сейчас, эти пере-

говоры, идут полулегально. Мы заказываем паровозы, машины, — далеко не в достаточном числе, но мы начали их заказывать. Если мы будем вести переговоры легально, мы разовьем эти возможности в громадных размерах. При помощи промышленности мы добьемся многого, и при том в более короткий срок, но даже и при большом успехе этот срок измеряется годами, рядом лет. Надо помнить, что если мы сейчас одержали военную победу, получили мир, то, с другой стороны, история учит нас, что ни один крупный вопрос, ни одна революция не решались иначе, как в ряде войн. И этого урока мы не забудем. Сейчас мы целый ряд могучих держав отучили от войны с нами, но надолго ли, мы ручаться не можем. Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистские хищники снова направятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Поэтому прежде всего надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги. Без оборудования его, без машин из капиталистических стран сделать этого скоро нельзя. Не жалко при этом лишней прибыли для капиталистов, лишь бы добиться этого восстановления. Нужно, чтобы рабочие и крестьяне были настроены так, как те беспартийные крестьяне, которые сказали, что они не боятся жертв и лишений. Сознавая опасность капиталистического вмешательства, они не смотрят на концессии с точки зрения сентиментальной, а видят в них продолжение войны, с перенесением беспощадной борьбы лишь в другую плоскость, видят возможность новых попыток буржуазии восстановить старый капитализм. Это прекрасно, это дает нам гарантию, что надзор и охрана наших интересов будут делом не только органов Советской власти, а каждого рабочего и крестьянина. Тогда мы уверены, мы сумеем поставить охрану наших интересов, даже при исполнении концессионных договоров, на такую базу, на которой о возвращении власти капиталистов не может быть и речи; и мы достигнем того, что эту опасность мы доведем до минимума, что она будет меньше, чем опасность войны, что это затруднит возобновление войны и облегчит нам возможность в более короткий срок, в меньшее число лет (речь идет о довольно долгом ряде лет) возродить и развить наше хозяйство.

Хозяйственный фронт выдвигается перед нами теперь опять и опять, как самый главный и как основной. Рассматривая тот законодательный материал, о котором мне приходится делать отчет вам, я убедился, что громадное большинство мероприятий и постановлений и Совнаркома и Совета Оборонь состоит сейчас

в частных, детальных, сплошь и рядом совершенно мелких мероприятиях, связанных с этой хозяйственной деятельностью. Вы, конечно, не ждете от меня перечня этих мероприятий. Это было бы крайне скучно и совершенно неинтересно. Я хотел только напомнить, что мы уже далеко не первый раз возвращаемся к этому выдвиганию трудового фронта на первое место. Вспомним резолюцию, которую вынес В.Ц.И.К. 29 апреля 1918 года. Это была пора, когда навязанный нам Брестский мир разрезал Россию экономически, и мы оказались поставленными в чрезвычайно тяжелые условия непомерно-хищническим договором. Тогда выяснилась возможность рассчитывать на передышку, дающую нам условия для восстановления мирной деятельности, и сейчас же, — хотя мы теперь знаем, что она была весьма кратковременна, — В.Ц.И.К. в резолюции от 29 апреля все внимание перенес на это хозяйственное строительство. Эта резолюция, которая не отменена и которая остается нашим законом, дает нам правильные перспективы для оценки того, как мы к этой задаче подходили и на что теперь для нашей работы, для доведения ее до конца, надо обратить большое внимание.

Из рассмотрения этой резолюции ясно, что многие из вопросов, над которыми нам приходится трудиться сейчас, поставлены были совершенно определенно, твердо и достаточно решительно еще в апреле 1918 года. Вспоминая это, мы говорим: повторение есть мать учения. Мы не смущаемся тем, что основные истины хозяйственного строительства мы сейчас повторяем. Мы будем повторять их еще много раз, но посмотрите, какая разница между тем провозглашением отвлеченных принципов, которое сделано в 1918 году, и той хозяйственной работой, которая практически уже начата. Несмотря на гигантские трудности и постоянный срыв наших работ, мы подходим все ближе и конкретнее к практической постановке хозяйственных задач. Повторяться мы будем еще много и много раз. Без громадного числа повторений, без некоторого возвращения назад, без проверки, без отдельных исправлений, без новых приемов, без напряжения сил для убеждения отсталых и неподготовленных обойтись в строительстве нельзя.

Сейчас весь гвоздь политического момента состоит в том, что мы переживаем как раз переломный, переходный период, некоторый зигзаг, — период, когда от войны мы переходим к строительству хозяйственному. Это бывало и прежде, но не бывало в таких широких размерах. Это должно еще и еще раз напомнить нам,

законы общеполитические задачи Советской власти, в чем состоит своеобразие этого перехода. Диктатура пролетариата была успешна, потому что умела соединять принуждение и убеждение. Диктатура пролетариата не боится принуждения и резкого, решительного, беспощадного выражения государственного принуждения, ибо передовой класс, более всего угнетавшийся капитализмом, имеет право осуществлять это принуждение, ибо он осуществляет его во имя интересов всех трудящихся и эксплуатируемых и обладает такими средствами укрепить принуждение и убеждение, которыми не располагал ни один из прежних классов, хотя у них и была несравненно большая материальная возможность пропаганды и агитации, нежели у нас.

Если поставить вопрос об итоге нашего трехлетнего опыта (ибо трудно по некоторым коренным пунктам подводить итог одного года), если поставить себе вопрос, чем же в конечном счете объясняются наши победы против врага, гораздо более сильного, то приходится ответить: тем, что в организации Красной армии были великолепно осуществлены последовательность и твердость пролетарского руководства в союзе рабочих и трудящегося крестьянства против всех эксплуататоров. Каким образом это могло произойти? Почему громадная масса крестьянства так охотно на это пошла? Потому, что она была убеждена, будучи в подавляющей своей части беспартийной, что нет спасения, иначе, как в поддержке Советской власти. Она убедилась в этом, конечно, не из книжек, не из пропаганды, а из опыта. Ее убедил опыт гражданской войны, в частности—союз наших меньшевиков и эс-эров, более родственный известным основным чертам мелкого крестьянского хозяйства. Опыт союзов этих мелко-собственнических партий с помещиками и капиталистами, а также опыт Колчака и Деникина убедил крестьянскую массу, что ничто среднее не возможно, что политика советской прямолинейности верна, что железное руководство пролетариата есть единственное средство, которое спасает крестьянина от эксплуатации и насилия. Только потому, что мы могли убедить в этом крестьянина, только поэтому наша политика принуждения, основанная на этом прочном и безусловном убеждении, имела такой гигантский успех.

Теперь мы должны помнить, что при переходе на трудовой фронт та же задача ставится перед нами в новой обстановке, в более широком масштабе, но та же задача, которую мы имели перед собой, когда вели войны с белогвардейцами, когда мы видели такой энтузиазм и такое напряжение энергии рабоче-крестьян-

ских масс, которого в других государствах ни при каких войнах не было и быть не могло. Беспартийные крестьяне, подобно тому арзамасскому крестьянину, слова которого я недавно приводил. действительно, из наблюдения и знакомства с жизнью, вынесли убеждение в том, что эксплуататоры представляют из себя беспощадного врага, и что нужна беспощадная власть, чтобы их подавить. Мы к сознательному отношению к войне и к активной помощи ей привлекли такую массу народа, как никогда раньше. Чтобы так поголовно сочувствовали войне, понимали ее партийные и беспартийные рабочие и беспартийные крестьяне (а крестьяне в массе своей беспартийны), этого ни при одном политическом режиме не было до сих пор и в десятой доле. Здесь оправдывается одно из самых глубоких положений марксизма, в то же время являющееся самым простым и понятным. Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов. В последнем счете потому наша революция все остальные далеко оставила за собой, что она подняла через Советскую власть к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов тех, которые раньше оставались незаинтересованными в этом. Теперь подойдем с этой стороны к вопросу о новых задачах, которые перед нами стали, которые в десятках и сотнях отдельных постановлений Советской власти за это время прошли перед вами, которые на $\frac{9}{10}$ составляли работу Совета Труда и Оборона (об этом придется сказать дальше), и, вероятно, больше, чем половину работы Совнаркома,—к вопросу о хозяйственных задачах: о создании единого хозяйственного плана, переорганизации самых основ экономики России, самых основ мелкого крестьянского хозяйства. Это—задачи, требующие втягивания поголовно всех членов профсоюзов в это совершенно новое дело, которое при капитализме было им чуждо. Поставьте теперь вопрос, есть ли здесь то условие быстрой безоговорочной победы, которое создавалось во время войны, то условие, которое состоит в вовлечении в работу масс. Убеждены ли они, члены профсоюзов и большинство беспартийных, в необходимости наших новых приемов, наших великих задач хозяйственного строительства, убеждены ли они во всем этом так же, как были убеждены в необходимости все дать для войны, всем пожертвовать ради победы на фронте войны? Если

так поставить вопрос, то вы должны будете ответить: несомненно, нет. Они далеко в этом не убеждены настолько, насколько это требуется.

Война была делом, которое в течение сотен и тысяч лет было понятно и привычно. Старые акты помещичьего насилия и зверства стояли так наглядно, что убеждать было легко, и даже крестьянство наиболее хлебных окраин, наименее связанное с промышленностью, даже это крестьянство убедить было нетрудно в том, что мы ведем войну за интересы трудящихся, и таким образом вызвать почти поголовный энтузиазм. Труднее будет добиться того, чтобы крестьянские массы и члены профессиональных союзов поняли это сейчас, чтобы они поняли, что по-старому жить нельзя, что, как ни укоренилась десятилетиями капиталистическая эксплуатация, надо ее преодолеть. Надо добиться, чтобы все поняли, что нам принадлежит Россия—что мы, рабочие и крестьянские массы, своей деятельностью, своей строгой трудовой дисциплиной, только мы можем пересоздать старые экономические условия существования и провести в жизнь великий хозяйственный план. Вне этого спасения нет. Мы отстаем и мы будем отставать от капиталистических держав; мы будем побиты, если мы не добьемся восстановления нашего хозяйства. Вот почему старые истины, которые я вам только что напомнил, старые истины о важности организационных задач, о трудовой дисциплине, о неизмеримо огромной роли профессиональных союзов, которая совершенно исключительна в этом отношении—ибо другой организации, объединяющей широкие массы, нет,—эти старые истины мы не только должны повторять, но мы должны со всей силою осознать, что наступил переход от военных задач к задачам хозяйственным.

Мы имели полный успех в военной области, и теперь мы должны подготовить такой же успех для задач более трудных, требующих энтузиазма и самоотверженности от огромного большинства рабочих и крестьян. Надо убедить в новых задачах сотни миллионов людей, живших из поколения в поколение в рабстве и угнетении, подавлении всякой самостоятельности, миллионы рабочих, состоящих в профсоюзах, но несознательных еще политически, не привыкших видеть себя хозяевами; надо их организовать не для сопротивления власти, а для поддержки, для развития мероприятий своей рабочей власти, для проведения их до конца. Этот переход связан с трудностями, это не новая задача с точки зрения простой формулировки. Но это задача новая, по-

зколько теперь хозяйственная задача ставится впервые в массовом масштабе, и мы должны сознать и помнить, что война на хозяйственном фронте будет более трудной и более долгой: чтобы победить на этом фронте, надо будет большее число рабочих и крестьян сделать самостоятельными, активными и преданными. Это можно сделать,—за это говорит опыт хозяйственного строительства, приобретенный нами,—потому что сознание бедствия, холода, голода и всяческих лишений, в связи с недостатком производительных сил, глубоко коренится в массе. Нам надо направить сейчас внимание на то, чтобы от интересов политических и военных всю агитацию и всю пропаганду перевести на рельсы хозяйственного строительства. Мы много раз это провозглашали, но еще недостаточно, и я думаю, что из числа тех мероприятий, которые за этот год Советская власть осуществила, особенно выделяется создание Центрального бюро производственной пропаганды при В.Ц.С.П.С., объединение его с работой Главполитпросвета, создание добавочных газет, построенных по производственному плану, не только с перенесением внимания на производственную пропаганду, но и организация ее в общегосударственном масштабе.

Необходимость организации ее в общегосударственном масштабе вытекает из всех особенностей политического момента. Необходимо это и для рабочего класса, и для профессиональных союзов, и для крестьянства; это есть самая громаднейшая необходимость нашего государственного аппарата, который нами использован далеко не достаточно для этой цели. У нас знания того, как нужно вести промышленность, как нужно заинтересовывать массы, книжных знаний об этом в тысячу раз больше, чем применения этих знаний на практике. Нам нужно добиться того, чтобы поголовно все члены профсоюзов были заинтересованы в производстве и чтобы они помнили, что, только увеличивая производство, повышая производительность, Советская Россия в состоянии будет победить. Только таким путем Советская Россия на 10 лет сократит те ужасные условия, в которых она находится, тот голод и холод, которые она теперь переживает. Не поняв этой задачи, мы можем погибнуть все, потому что при слабости нашего аппарата мы должны будем отступать, так как капиталисты в любое время могут возобновить войну после того, как они немного отдохнут, а мы не в состоянии будем тогда продолжать эту войну. Мы не в состоянии будем тогда проявить нажим наших миллионных масс, и в этой последней войне мы будем разбиты. Вопрос

стоит именно так,—долгий ряд войн до сих пор решал судьбу всех революций, всех величайших революций. Такой величайшей революцией является и наша революция. Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй; но когда она придет, мы не знаем, и нужно сделать так, чтобы тогда, когда она придет, мы могли быть на высоте. Вот почему мы не должны отказываться от мер принуждения не только потому, что мы сохраняем пролетарскую диктатуру, которую уже поняли и массы крестьянства и беспартийные, которые все знают о нашей диктатуре, и она им не страшна, она их не пугает,—они в ней видят опору и твердость, т.-е. то, что они могут противопоставить помещикам и капиталистам и без чего победить нельзя.

Это сознание, это убеждение, которое уже внедрилось в плоть и кровь крестьянской массы по отношению к задачам военным и политическим, надо еще перевести на задачи хозяйственные. Этот переход сразу, может быть, не удастся. Он, может быть, без некоторых колебаний и рецидивов старой расхлябанности мелкобуржуазной идеологии не пройдет. Надо еще с большим напряжением и усердием за эту работу взяться, памятуя, что мы беспартийных крестьян и малосознательных членов профессиональных союзов убедим, ибо правда на нашей стороне, ибо опровергнуть того, что во второй полосе войн мы своих врагов без хозяйственного восстановления жизни не победим,—нельзя. Давайте только побьемся, чтобы многие миллионы сознательнее отнеслись к войне на хозяйственном фронте. В этом задача Центрального бюро производственной пропаганды, в этом задача В.Ц.С.П.С., в этом задача всех партийных работников, в этом задача всех и всяких аппаратов Советской власти, в этом задача всей нашей пропаганды, которой мы достигли наших мировых успехов, ибо наша пропаганда во всем мире всегда говорила и говорит рабочим и крестьянам правду, а всякая другая пропаганда говорит им ложь. Нашу пропаганду нам надо перевести теперь на то, что гораздо труднее, на то, что касается повседневной работы рабочих в мастерской, как бы ни были тяжелы условия, и как бы ни были сильны воспоминания вчерашнего капиталистического строя, воспитывающего недоверие к власти со стороны рабочих и крестьян. Надо и рабочих и крестьян убедить в том, что без нового сочетания сил, без новых форм государственного объединения, без новых форм, связанных с этим принуждением, мы из того болота, из той пропасти хозяйственного развала, на краю которой мы стоим,—не выйдем, а мы из этого выходить уже начали.

Я перейду, товарищи, к некоторым данным нашей хозяйственной политики и к нашим хозяйственным заданиям, которые, мне кажется, дают характеристику теперешнего политического момента и всего того перехода, который перед нами стоит. Я прежде всего должен назвать наш аграрный проект, законопроект Совета Народных Комиссаров об укреплении и развитии сельско-хозяйственного производства и помощи крестьянскому хозяйству—законопроект, который напечатан 14 декабря тек. года, и об основах которого все местные работники оповещены были еще раньше специальным радио, освещавшим самую суть этого законопроекта.

Нужно сразу поставить дело так, чтобы этот законопроект, исходя из местного опыта (а он из него исходит), на местах это уже почувствовали,—подвергнут был на съезде самому тщательному обсуждению, так же как и среди представителей местных исполкомов и отделов исполкомов. Наверное, не встретится теперь уже ни одного товарища, который сомневался бы в необходимости специальных и особенно энергичных мер помощи не только в смысле поощрения, но и в смысле понуждения, чтобы земледельческое производство поднять.

Мы были и остались страной мелко-крестьянской, и переход к коммунизму нам неизмеримо труднее, чем при всяких других условиях. Для того, чтобы этот переход совершился, нужно участие самих крестьян в 10 раз больше, чем в войне. Война могла и должна была требовать часть взрослого мужского населения. Но наша страна, крестьянская, истощенная и сейчас, должна мобилизовать поголовно все мужское и женское население, рабочих и крестьян. Убедить нас, коммунистов, работников земотделов, в том, что нужна государственная повинность—не трудно. В этом, я надеюсь, ни тени принципиальных разногласий здесь при обсуждении представленного на ваше рассмотрение законопроекта от 14 декабря—не будет. Надо понять другую трудность: убедить беспартийных крестьян. Крестьяне социалистами не являются. Строить наши социалистические планы так, как если бы они были социалистами,—значит строить на песке, значит не понимать наших задач, значит не научиться за три года соразмерять наши программы и проводить наши начинания в соответствии с той нищей, подчас убогой действительностью, в которой мы находимся. Тут надо ясно представлять задачи, которые перед нами стоят. Первая задача, это—объединить работников-коммунистов земотделов, обобщить их опыт, уловить то, что на месте сделано, и внести это в те законопроекты, которые будут издаваться в цен-

тре от имени государственных учреждений, от имени всероссийского Съезда Советов. Мы надеемся, что мы это с вами сделаем. Но это лишь первый шаг. А второй шаг—убедить беспартийных крестьян, именно беспартийных, потому что они масса, и потому что сделать то, что мы сделать в состоянии, можно только увеличением в этой массе, которая сама по себе активна, самостоятельна,—сознания необходимости взяться за это дело. Нельзя жить крестьянскому хозяйству по-старому. Если мы из первой полосы войн могли выйти, то из второй полосы войн мы не выйдем так легко, и поэтому необходимо на эту сторону обратить особое внимание. Надо, чтобы эту несомненную истину каждый беспартийный крестьянин понял, и мы уверены, что он ее поймет. Он пережил все эти шесть лет, мучительных и тяжелых, не даром. Он непохож на довоенного мужика. Он тяжело страдал, он много размышлял и много пережил таких политических и экономических переживаний, которые заставили его забыть многое старое. Мне думается, что он сам уже понимает, что по-старому жить нельзя, что надо жить по-иному, и мы должны все наши средства пропаганды, все наши государственные возможности, все наше образование, все наши партийные средства и силы, все это ударным порядком направить на то, чтобы убедить беспартийного крестьянина, и только тогда под наш аграрный законопроект, который вы, я надеюсь, единогласно примете, примете его, конечно, с надлежащими исправлениями и добавлениями, нами будет подведена настоящая база. Он только тогда будет прочен, как была прочна наша политика, когда мы большинство крестьян убедим и привлечем к этому делу, потому что,—как справедливо сказал т. Кураев в одной статье, на основании опыта Татарской республики:—«трудящиеся середняк и бедняк—друзья Советской власти, лодыри же—ее враги». Вот настоящая истина, в которой нет ничего социалистического, но которая так бесспорна и очевидна, что на любом сельском сходе, на любом собрании беспартийных крестьян она пройдет в сознание и станет убеждением подавляющего большинства крестьянского и трудящегося населения!

Товарищи, вот что мне хочется более всего подчеркнуть сейчас, когда мы от полосы войн повернули к хозяйственному строительству. В стране мелкого крестьянства наша главная и основная задача — суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять, начиная с мер самых необходимых, неотложных, вполне доступных крестьянину, вполне ему понятных. И суметь достигнуть этого можно только тогда, ко-

гда мы сумеем убедить новые миллионы, к этому неподготовленные. На это надо двинуть все силы и позаботиться о том, чтобы аппарат принуждения, оживленный, укрепленный, был базирован и развернут для нового размаха убеждения, и тогда мы эту военную кампанию окончим победой. Сейчас начинается военная кампания против остатков косности, темноты и недоверия среди крестьянских масс. Старыми мерами тут не победишь; мерами же пропаганды, агитации и организованного воздействия, которому мы научились, мы одержим победу и добьемся того, чтобы не только декреты были приняты, чтобы учреждения были созданы, чтобы бумага заработала,—этого мало, что приказы полетят,—но чтобы к весне было засеяно лучше, чем прежде, чтобы было известное улучшение в хозяйстве мелкого крестьянина, пусть самое элементарное,—чем осторожнее, тем лучше,—но во что бы то ни стало, оно в массовом размере должно быть проведено. Если задачу нашу мы правильно поймем и обратим на беспартийного крестьянина все внимание, сосредоточим все искусство, весь опыт, приобретенный за три года, тогда мы победим. Без такой победы, без практического массового улучшения мелкого крестьянства нам спасения нет: без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство, и какие бы то ни было великие планы—ничто. Пусть товарищи об этом помнят и внушают это крестьянам; пусть скажут арзамасским беспартийным крестьянам, имя которым десять, пятнадцать миллионов, что голодать и холодать бесконечно нельзя, ибо нас в следующей полосе войн свергнут. Это интерес государственный, интерес нашего государства. Кто проявляет здесь малейшую слабость, малейшую расхлябанность, тот величайший преступник против рабоче-крестьянской власти, тот помогает помещику и капиталисту, а помещик и капиталист держат близко свою армию, она у них наготове, чтобы броситься на нас, как только заметят, что мы слабеем. Нет средств, чтобы усилиться, кроме как нашу главную опору, земледелие и городскую промышленность, поднять, а ее поднять иначе нельзя, как убедив в этом беспартийного крестьянина, мобилизуя все силы на помощь ему, доказав ему эту помощь на деле.

Мы признаем себя перед крестьянином должником. Мы брали у него хлеб за денежные знаки, мы брали у него в долг, мы должны этот долг вернуть, и мы его вернем, восстановив нашу промышленность. Но чтобы ее восстановить, нужны излишки сельско-хозяйственного производства. Вот почему наш аграрный законопроект имеет не только то значение, что нам надо добиться практи-

ческих целей, а еще и то, что около него, как около фокуса, группируются сотни постановлений и законопроектов Советской власти.

Теперь я перейду к тому, как складывается у нас сейчас база для нашего промышленного строительства, для того, чтобы нам начать возрождение хозяйственных сил России. Я должен прежде всего обратить ваше внимание на одно место в отчете нашего Комиссариата Продовольствия, из той груды отчетов, которые вы получили или на-днях получите во всех комиссариатах. Каждый комиссариат даст вам в ближайшие дни груды фактических отчетных материалов, которые в своей совокупности подавляют своим обилием, но надо из них выделить то, что наиболее существенно для того, чтобы добиться успеха, как бы он ни был скромным, то, что является основным для проведения всего нашего хозяйственного плана, для того, чтобы восстановить наше народное хозяйство и нашу промышленность. И вот одна из таких баз—это состояние наших продовольственных заготовок. В этой книжечке, которая вам роздана, «Отчет за три года Компрода»,—есть табличка, из которой я прочту только итоговые цифры, да и то с округлением, потому что цифры читать и особенно слушать, трудно. Это—цифры итогов заготовок по годам. С 1 августа 1916—по 1 августа 1917 г. заготовлено 320 милл. пудов, следующий год 50; потом 100 и 200 миллионов пудов. Эти цифры—320, 50, 100 и 200—дают основу хозяйственной истории Советской власти, работы Советской власти в хозяйственной области, подготовку того фундамента, овладев которым, мы начинаем настоящим образом наше строительство. 320 милл. пуд. до революции—вот приблизительный минимум, без которого строить нельзя. Первый год революции при 50 милл.—голод, холод, нищета в сильной степени; второй год—100 милл., третий год—200 милл. Удвоение каждый год. По сведениям, который дал мне вчера Свидерский, к 15 декабря имеется 155 милл. Мы в первый раз становимся на ноги. Фундаментом приблизительно в 300 милл. располагать мы будем, может быть и больше, а без такого фонда невозможно восстановить промышленность страны, невозможно думать о возрождении транспорта, невозможно даже подходить к великим задачам электрификации России. Никакая социалистическая страна не возможна, как государство рабоче-крестьянской власти, если она не может совместными усилиями рабочих и крестьян собрать такой продовольственный фонд, чтобы обеспечить пропитание рабочих, занятых промышленностью, чтобы иметь возможность десятки и сотни тысяч рабочих двинуть туда, куда надо Советской власти.

Без этого будут только разговоры. Настоящие основы хозяйства—это продовольственный фундамент. И здесь успех достигнут громадный. Исходя из этих успехов, имея этот фонд, мы можем приступить к восстановлению народного хозяйства. Мы знаем, что эти успехи достигнуты ценою громадных лишений, голода и бескормицы в крестьянстве, которые могут еще усилиться. Мы знаем, что засушливый год обострил бедствия и лишения крестьян неслыханно. Мы поэтому меры помощи, которые в законопроекте, мною указанном, изложены, выдвигаем на первую очередь. Мы рассматриваем этот продовольственный фонд, как фонд восстановления промышленности, как фонд помощи крестьянству. Не имея его, государственная власть—ничто. Без этого фонда социалистическая политика останется только пожеланием.

Мы должны помнить, что к производственной пропаганде, которую мы твердо решили проводить, присоединяется еще способ воздействия иного рода—это премирование натурой. Одним из крупнейших декретов и постановлений Совнаркома и Совобороны был закон о натуральном премировании. Нам далеко не сразу удалось его издать. С апреля, если вы посмотрите, идет целая длинная цепь решений и постановлений, и только тогда он был издан, когда громадными усилиями нашего транспорта нам удалось создать полумиллионный продовольственный фонд. Полмиллиона пудов—очень скромная цифра. Те отчеты, которые вы вчера наверное прочитали в «Известиях», показывают, что из этих 500.000 пудов 170.000 уже израсходованы. Фонд, как вы видите, неприглядный и далеко не достаточный, но все-таки мы вступили на тот путь, по которому пойдем дальше. Это—доказательство того, что мы не только убеждением перейдем к новым приемам работы. Мало говорить крестьянам и рабочим: напрягайте трудовую дисциплину. Надо кроме того им помочь, надо вознаграждать тех, которые после неизмеримых бедствий продолжают проявлять героизм на трудовом фронте. Фонд у нас создан, но пускается он в дело еще далеко не удовлетворительно: у нас в Совнаркоме имеется целый ряд указаний, что на практике премирование натурой означает часто простую прибавку к заработной плате. Тут надо еще много подработать. Рядом с совещаниями и дополнительными проектами в центре должна идти самая важная работа, это—работа на местах и среди широких масс. Понять, что государство не только убеждает, но и вознаграждает хороших работников лучшими условиями жизни, не трудно, и чтобы понять это, не нужно быть социалистом, и тут мы вперед обеспечены сочувствием бес-

партийных рабочих и крестьянских масс. Нам надо лишь шире эту мысль распространить и практичнее поставить на местах эту работу.

Если мы перейдем теперь к топливу, то из тезисов т. Рыкова вы увидите цифры, в которых выражается достигнутое улучшение, улучшение не только с дровами, но и с нефтью. Теперь, при громадном энтузиазме, который проявляют рабочие в Азербейджанской республике, при дружественных отношениях, которые у нас установились, при умелых руководителях, данных Совнархозом, дело с нефтью идет хорошо и мы начинаем становиться на собственные ноги с топливом. Донецкого угля с полочки в 25 милл. пуд. в месяц мы догоняем до 50 милл., благодаря работе полномочной комиссии, которая послана в Донбасс под председательством т. Троцкого, и в которой было принято решение, чтобы ответственных и опытных работников направить туда на работу. Сейчас туда послан для руководства т. Пятаков²⁵⁹).

Таким образом нами в отношении топлива, чтобы добиться успеха, предприняты некоторые меры. Донецкий бассейн, одна из крупнейших баз, уже в нашем распоряжении. Мы можем найти в протоколах Совнаркома и Совбезопасности постановления, касающиеся Донбасса. В них речь идет о посылке на места высших авторитетных комиссий, которые объединяют представителей центральной власти и работников на местах. Нам необходимо добиться подтягивания работы на местах, и мне кажется, что вот этим комиссиям удастся этого подтягивания добиться. Вы увидите результаты работы этих комиссий, которые будут нами и в дальнейшем также организовываться.

Я должен сказать, что в области топлива мы имеем один из крупнейших успехов в виде гидравлического способа добывания торфа. Торф, это—то топливо, которого у нас очень и очень много, но использовать которое мы не могли в силу того, что нам приходилось до сих пор работать в невыносимых условиях. И вот этот новый способ поможет нам выйти из того топливного голода, который является одной из грозных опасностей на нашем хозяйственном фронте. Мы долгие годы не в состоянии будем выйти из этого тупика, если у нас останется старое хозяйничанье. Работники нашего торфяного комитета помогли двум русским инженерам довести до конца это новое изобретение, и они добились того, что этот новый способ скоро близок к довершению. Итак, мы накануне великой революции, которая даст нам в хозяйственном отношении большую опору. Не надо забывать, что

мы имеем необъятные богатства торфа. Но мы не можем их использовать потому, что мы не можем посылать людей на эту каторжную работу. Капиталистический строй мог посылать людей на каторжные работы. При капиталистическом государстве люди шли туда работать из-за голода, а при социалистическом государстве на эти каторжные работы мы посылать не можем, а добровольно никто не пойдет. Капиталистический строй все делал для верха. Он о низах не заботился.

Нужно всюду больше вводить машин, переходить к применению машинной техники возможно шире. Добывание торфа гидравлическим способом, которое так успешно двинуто вперед В.С.Н.Х., открывает возможность добывания топлива в огромном количестве и устраняет необходимость привлечения обученных рабочих, так как при таком способе могут работать и необученные рабочие. Я советовал бы товарищам делегатам посмотреть кинематографическое изображение работ по добыванию торфа, которое в Москве было показано и может быть продемонстрировано для делегатов Съезда. Оно даст конкретное представление о том, где одна из основ победы над топливным голодом. Мы изготовили машины, которые употребляются при новом способе, но изготовили их плохо. Командировки за границу при налаживающемся товарообмене за границей, при хотя бы полулегально существующих торговых сношениях, помогут нам эти же машины, нашими изобретателями составленные, получить исполненными великолепно. Числом этих машин, успехом работы Главного торфяного Комитета и В.С.Н.Х. в этой области будут измеряться все наши хозяйственные успехи, ибо без победы над топливным голодом победы на хозяйственном фронте одержать нельзя. С этим связаны также жизненнейшие успехи в области восстановления транспорта.

Вы видели уже, между прочим, из тезисов т. т. Емшанова ²⁶⁰⁾ и Троцкого, что здесь в этой области мы имеем дело с настоящим планом, на много лет разработанным. Приказ № 1042 ²⁶¹⁾ был рассчитан на 5 лет и в 5 лет мы наш транспорт восстановить можем, число больных паровозов уменьшить можем, и, пожалуй, как самое трудное, я хотел бы подчеркнуть указание в 9 тезисе на то, что мы этот срок уже сократили.

Когда появляются большие планы, на много лет рассчитанные, находятся нередко скептики, которые говорят: «где уж там нам на много лет рассчитывать! дай бог сделать и то, что нужно сейчас!». Товарищи, нужно уметь соединять и то и другое; нельзя

работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех. Что это на деле так, показывает несомненное улучшение работы транспорта. Я обращаю ваше внимание на то место в 9 тезисе, где говорится, что срок был 5 лет для восстановления транспорта, но он уже сокращен, потому что мы работаем выше нормы; срок определяется $3\frac{1}{2}$ годами. Так нужно работать и в остальных хозяйственных отраслях. К этому все больше и больше сводится практическая реальная задача Совета Труда и Оборона. Следя за опытами науки и практики, на местах нужно стремиться неуклонно к тому, чтобы план выполнялся скорее, чем он назначен, для того, чтобы массы видели, что тот долгий период, который нас отделяет от полного восстановления промышленности, опыт может сократить. Это зависит от нас. Давайте в каждой мастерской, в каждом депо, в каждой области улучшать хозяйство и—тогда мы срок сократим. И мы его сокращаем. Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построишь, и давайте на местах налегать на их выполнение.

Необходимо, чтобы хозяйственные планы выполнялись по определенной программе, и чтобы рост выполнения этой программы отмечался и поощрялся: массы должны не только знать, но и чувствовать, что сокращение периода голода, холода и нищеты всецело зависит от скорейшего выполнения ими наших хозяйственных планов. Все планы отдельных отраслей производства должны быть строго координированы, связаны и вместе составлять тот единый хозяйственный план, в котором мы так нуждаемся.

В связи с этим перед нами стоит задача объединения экономических Наркоматов в единый экономический центр. К этой задаче мы подошли и мы внесли на ваше рассмотрение постановление Совнаркома и Совтрудобороны о реорганизации последнего учреждения.

Вы рассмотрите этот проект, и я надеюсь, что он с необходимыми исправлениями будет принят единогласно. Он очень скромный по своему содержанию, но он имеет не малое значение, потому что нам нужен орган, более твердо знающий свое положение и объединяющий всю хозяйственную работу, выдвигаемую на первый план.

К этой же задаче подошел в предсъездовской литературе т. Гусев ⁶⁶) в своей брошюре, которая, кстати сказать, не так удачна, как была удачна его предыдущая брошюра. В этой брошюре был

размашистый план образования Совета Труда и Оборона с переходом туда многих видных работников, в том числе мы находим тут имена Троцкого и Рыкова. Я бы сказал, поменьше такого фантазерства. Выскочить из аппарата, который создан в течение трех лет, мы не можем. Мы знаем его громадные недостатки, мы подробно будем говорить о них на этом съезде. Этот вопрос поставлен в порядок дня, как один из главнейших вопросов. Я имею в виду вопрос об улучшении советского аппарата. Но мы должны работать сейчас с осторожностью, в меру необходимости, на основании практического опыта изменяя наш аппарат. Т. Гусев высмеивает предлагаемый нами проект и говорит, что к Совету Труда и Оборона мы предлагаем прибавить Наркомзем. Правильно, мы такой проект и предлагаем. В проекте мы уделяем очень скромное место Совету Труда и Оборона, в виде Комиссии Труда и Оборона при Совнаркоме. До сих пор мы работали в Совете Труда и Оборона без всякой конституции. Рамки ведения Совнаркома и Совета Труда и Оборона были плохо определены; иногда мы выходили за пределы и поступали, как законодательное учреждение. Но на этой почве ни разу не было конфликтов. Мы решали эти случаи немедленным перенесением в Совнарком. Когда выяснилась необходимость из Совета Труда и Оборона создать орган, более объединяющий хозяйственную политику, то перед нами был поставлен вопрос, как в законодательном порядке определить эти отношения. Два плана стоят перед нами: во-первых, разграничение круга ведения Совнаркома и Совета Труда и Оборона. Но, чтобы провести это, надо занять много кодификаторских сил, известить массу бумаги, и все-таки это не даст гарантий, что мы избегнем ошибки.

Пойдем иным путем. Совет Труда и Оборона считался чем-то чуть ли не равным Совнаркому. Откажемся от этой мысли. Пусть это будет комиссия при Совнаркове. Мы устраним массу трений и выиграем близость фактического осуществления. Если не доволен какой-либо член Совнаркома,—давайте Совнарком, ведь его можно созвать в несколько часов. Мы устраним этим трения между ведомствами и сделаем из Совета Труда и Оборона орган, работающий быстро. Это задача не легкая. Она связана с действительным созданием единого хозяйственного плана. Задача, для которой мы все-таки немного поработали, и которая в течение двух лет подготавливалась, заключается в том, чтобы достигнуть объединения экономических Наркоматов. Вот почему я обращаю ваше внимание на этот законопроект о Совете Труда

и Оборонны, и я надеюсь, что с необходимым дополнениями вы его утвердите, и тогда работа по объединению экономических Наркоматов пойдет глаже, быстрее, тверже и решительнее.

Я останавлиюсь на последнем пункте, на вопросе об электрификации, который поставлен в порядок дня съезда, как особый вопрос, и вам предстоит выслушать доклад по этому вопросу. Я думаю, что мы здесь присутствуем при весьма крупном переломе, который во всяком случае свидетельствует о начале больших успехов Советской власти. На трибуне Всероссийских Съездов будут впредь появляться не только политики и администраторы, но и инженеры и агрономы. Это начало самой счастливой эпохи, когда политиков будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так длинно, а больше будут говорить инженеры и агрономы. Чтобы настоящим образом перейти к делу хозяйственного строительства, надо этот обычай начать с Всероссийского Съезда Советов и провести сверху до низу по всем Советам и организациям, по всем газетам, по всем органам пропаганды и агитации, по всем учреждениям.

Политике мы, несомненно, научились, здесь нас не собьешь, тут у нас база имеется. А с хозяйством дело обстоит плохо. Самая лучшая политика отныне—поменьше политики! Двигайте больше инженеров и агрономов, у них учитеесь, их работу проверяйте, превращайте съезды и совещания не в органы митингования, а в органы проверки хозяйственных успехов, в органы, где мы могли бы настоящим образом учиться хозяйственному строительству.

Вы услышите доклад Государственной Комиссии по электрификации, которая создана постановлением В.Ц.И.К. от 7 февраля 1920 г. 27 февраля Президиум В.С.Н.Х. подписал окончательное постановление о составе этой комиссии, и целый ряд лучших специалистов и работников В.С.Н.Х., Наркомпути и Наркомзема, в числе свыше 100, целиком отдались этому делу. Мы имеем перед собой результаты работ Государственной Комиссии по электрификации России в виде этого томика, который всем вам сегодня или завтра будет роздан. Я надеюсь, что вы этого томика не испугаетесь. Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это—наша вторая программа партии. У нас есть программа партии, превосходно разъясненная т.т. Преображенским²⁶²) и Бухариным²⁶³), в книжке менее толстой, но в высшей степени ценной. Это есть программа политическая, это есть перечень наших заданий, это есть разъяснение отношений

между классами и массами. Но надо также помнить, что пора на эту дорогу вступить в действительности и измерить ее практические результаты. Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем. Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане. Мы должны прийти к тому, чтобы принять известный план; конечно, это будет план, принятый только в порядке первого приближения. Эта программа партии не будет так неизменна, как наша настоящая программа, подлежащая изменению только на съездах партии. Нет, эта программа каждый день, в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться. Она нам нужна, как первый набросок, который перед всей Россией встанет, как великий хозяйственный план, рассчитанный не меньше, чем на десять лет, и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма. Если мы боролись и успешно победили на фронте войны, то каков был один из мощных, побудительных толчков, удесятеривших наши силы, нашу энергию? Сознание опасности. Все спрашивали: «могут ли вернуться в Россию помещики и капиталисты?»—и отвечали: «могут!». Поэтому мы напрягали силы в 100 раз, мы напрягли их и мы победили.

Возьмите хозяйственный фронт и спросите: «экономический может ли вернуться в Россию капитализм? Мы боролись с Сухаревкой. На-днях, к открытию Всероссийского Съезда Советов, это мало приятное учреждение Московский Совет рабочих и красноармейских депутатов закрыл. Сухаревка закрыта, но страшна не та Сухаревка, которая закрыта. Закрыта бывш. Сухаревка на Сухаревской площади, ее закрыть нетрудно. Страшна Сухаревка, которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту Сухаревку надо закрыть! Эта Сухаревка есть основа капитализма. Пока она есть, капиталисты в Россию могут вернуться и могут стать более сильными, чем мы. Это надо ясно сознать. Это должно быть главным побудителем в нашей работе и условием, меркой наших действительных успехов. Пока мы живем в мелкой крес-

стьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство—перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество.

Коммунизм—это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна остается мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно.

Нами уже разработан предварительный план электрификации страны, над этим планом работали 200 наших лучших научных и технических сил. Разработан план, который на долгий период лет, не менее чем на 10 лет, дает нам расчет материальный и финансовый. Этот план указывает, сколько миллионов бочек и сколько миллионов кирпичей нужно нам для проведения электрификации. Чтобы осуществить задачи электрификации в финансовом отношении, расчет сделан на 1—1,2 миллиарда рублей золотом. Вы знаете, что мы нашим золотым фондом можем покрыть далеко не всю эту цифру. Не велик также у нас и продовольственный фонд. Поэтому мы должны эти расчеты покрыть концессиями по тому плану, о котором я говорил. Вы увидите расчет, как на этой основе планируется восстановление нашей промышленности и нашего транспорта.

Мне пришлось не очень давно быть на одном крестьянском празднике в отдаленной местности Московской губернии, в Волоколамском уезде, где у крестьян имеется электрическое освещение. На улице был устроен митинг, и вот один из крестьян вышел и стал говорить речь, в которой он приветствовал это новое событие в жизни крестьян. Он говорил, что мы, крестьяне, были темны, и вот теперь у нас появился свет, «искусственный свет,

который будет освещать нашу крестьянскую темноту». Я лично не удивился этим словам. Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет неестественный, но для нас неестественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов. Из этой темноты скоро не выскочишь! Но нам надо добиться в настоящий момент, чтобы каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс. У нас есть разработанный план электрификации, но выполнение этого плана рассчитано на годы. Мы, во что бы то ни стало, должны этот план осуществить и срок его выполнения сократить. Здесь должно быть то же самое, что произошло с одним из наших первых хозяйственных планов, с планом восстановления транспорта—приказом № 1042, который был рассчитан на 5 лет, но уже теперь сокращен до 3¹/₂ лет, так как выполняется сверх нормы.

Но нужно знать и помнить, что провести электрификацию нельзя, когда у нас есть безграмотные. Мало того, что наша комиссия будет стараться ликвидировать безграмотность. Ею сделано много в сравнении с тем, что было, но мало в сравнении с тем, что нужно. Кроме грамоты нужны культурные, сознательные, образованные трудящиеся; нужно, чтобы большинство крестьян определенно представляло себе те задания, которые стоят перед нами. Эта программа партии должна стать основной книжкой, которая должна пойти во все школы. Вы получите в ней, рядом с общим планом проведения электрификации, специальные планы, написанные для каждого района России. Каждый товарищ, который поедет на места, будет иметь определенную разработку проведения электрификации в его районе, перехода из темноты к нормальному существованию. Можно и должно на месте сравнивать, разрабатывать, проверять данные вам положения, добываясь того, чтобы в каждой школе, в каждой кружке на вопрос, что такое коммунизм, отвечали не только то, что написано в программе партии, а также говорили о том, как выйти из состояния темноты.

Лучшие работники, хозяйственники-специалисты исполнили данное им задание по выработке плана электрификации России и восстановления ее хозяйства. Теперь нужно добиться того, чтобы рабочие и крестьяне знали, как велика и трудна эта задача, как к ней нужно приступить и как за нее взяться.

Надо добиться того, чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения, и если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии.

Заключительное слово по докладу.

(Заседание 23 декабря 1920 г.)

Товарищи, мне придется ограничиться небольшими замечаниями по поводу речей и деклараций, которые вы сейчас выслушали. Одна из записок, полученных мною, выражает недоумение и спрашивает, какая польза может быть Съезду Советов от выслушивания таких деклараций и речей. Я думаю, что большинство из вас с этим мнением не согласится. Несомненно, напоминание о том, к чему ведут некоторые—может быть, теперь довольно популярные—словечки в нашей политической обстановке в изложении тех партий, части которых сейчас огласили свои декларации, напоминание об этом никогда не может быть бесполезным. Например, возьмите рассуждения представителя партии меньшевиков²⁶⁴), или, вернее, некоторой части этой партии. Не мы виноваты, что партии меньшевиков и эс-эров, до сих пор сохраняя свое название, представляют такую группировку разношерстных частей, такой постоянный переход одной части к другой, который делает из них вольных или невольных, сознательных или бессознательных пособников международного империализма. Это видно из заслушанных Съездом их деклараций и речей.

Меня упрекали, например, в том, что я выдвинул новую теорию о предстоящей новой полосе войн. Мне не нужно заходить далеко в историю, чтобы показать, на чем основаны были мои слова. Мы только что покончили с Врангелем, но войска Врангеля существуют где-то, не очень далеко от границ нашей республики, и чего-то ждут. Поэтому, кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм,—кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике. Говорить же нам, что мы ведем тайную дипломатию, говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами до сих пор занесен нож, когда, вопреки сотням наших предложений и при неслыханных уступках, на кото-

рые мы идем,—до сих пор ни одна из крупных держав с нами мира не заключила,—говорить это нам—значит повторять старые, давно потерявшие смысл фразы мелко-буржуазного пацифизма. Если бы мы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами должны были дать зарок, как нам это предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками. Вот к чему нас ведут эти пацифистские фразы и резолюции. Они приводят к тому, что Советскую власть, окруженную врагами, хотят связать по рукам и по ногам и отдать на растерзание мировым империалистическим хищникам.

Когда дальше говорят об единстве пролетариата, о том, что мы его нарушаем, то это трудно слушать без улыбки. Мы здесь у себя об единстве пролетариата слыхали и теперь на деле увидели, что единство пролетариата в эпоху социальной революции может быть осуществлено только крайней революционной партией марксизма, только беспощадной борьбой против всех остальных партий.

Нам говорят дальше о вооружении всего народа, повторяя зады старого буржуазного демократического лозунга в ту минуту, когда в этом народе кипит самая решительная классовая борьба.

Я вчера имел удовольствие присутствовать на небольшом частном совещании беспартийных делегатов нашего Съезда, крестьян, и вынес чрезвычайно много из их дебатов по самым большим вопросам деревенской жизни, по вопросам продовольствия, разорения, нужды, которые вы все знаете. Из этих прений мне больше всего бросилось в глаза то, до какой степени глубока борьба между бедняком действительно трудящимся, кулаком и лодырем. Величайшее значение нашей революции состоит в том, что мы помогли в самых низах деревни, в массе наименее политически сознательных, в массе беспартийного крестьянства этот коренной вопрос социальной революции поставить не только теоретически, а широко практически. Сейчас во всех деревнях и селах необъятной Советской России разбираются, спорят и убеждаются, кому приносят пользу наши политические и экономические мероприятия; везде в самых глухих закоулках разбираются в вопросе о трудовом крестьянстве и кулаке. Иногда обвиняют друг друга слишком горячо и страстно, но во всяком случае так или иначе разбираются и понимают, что необходимо и

обязательно помочь и поставить на ноги трудового крестьянина и отпарировать все дылазки зарвавшегося кулака.

Классовая борьба стала действительностью в деревне, в гуще крестьянской массы, и мы все делали и делаем для того, чтобы эта борьба была сознательной. Когда после этого перед нами являются вожди некоторого особого «Интернационала» и говорят о вооружении народа, чувствуешь себя словно превращенным в ученика приговорительного класса в вопросах марксизма и социализма. Забыть классовую борьбу, которая кипит во всем мире,—значит невольно помочь империалистам всего мира против борющегося пролетариата. Лозунгом наших врагов является вооружение народа, а мы стоим на базе классового вооружения: на ней мы побеждали и на ней будем побеждать всегда.

Представители меньшевиков и эс-эров нам здесь говорили о том, как мы можем допускать такую вещь, как концессии, без особого народного совещания, и спрашивали нас, почему мы в нашей экономической политике не ставим во главу угла трудового равенства (в резолюции эс-эров это трудовое равенство было названо «трудовластием», а в резолюции меньшевиков перефразировано и названо равенством трудящихся города и деревни). Но что означают эти фразы о трудовластии, как не агитацию по отношению к профессиональным союзам за их независимость от классовой пролетарской власти? Об этой «независимости» профессиональных союзов вместе с меньшевиками и эс-эрами печется и плачет вся западно-европейская буржуазная печать.

Когда Мартов появился на съезде независимых в Галле²¹⁴) и говорил там, нестесненный неприятной диктатурой большевиков, обо всем, о чем ему хотелось, то что получилось? Получилось то, что через несколько дней речь Мартова очутилась целиком, как лакомое блюдо, в самой реакционной и империалистической печати Англии. Эта печать благодарила гр. Мартова за то, что он раскрыл замыслы большевиков. Когда такие речи говорят в обстановке мировой борьбы против нас, то что они, как не кусочек политики Антанты? Вы, конечно, можете сказать, что это выражение вашей идеи о трудовластии и т. п. мелко-буржуазный вздор, но на деле это, повторяю, не что иное, как кусочек политики Антанты. Завтра, если здесь есть посредник Антанты, эта ваша речь будет доставлена во все капиталистические страны и там будет печататься в миллионах экземпляров, чтобы вашей речью, гр. Дан, обмануть и провести часть несознательных европейских рабочих.

У гр. Дана вышло так, что я в своих словах о трудовой дисциплине защищаю только принуждение; представитель партии эс-эров ²⁶⁵) был более точен и сказал, что я защищаю принуждение на основании убеждения. Вся наша политика ясно отвечает на это. Мы вовсе не признаем, что ведем дело безошибочно, но, пожалуйста, покажите нам эти ошибки, покажите нам другие подходы, но эти и других подходов мы здесь не слыхали. Ни меньшевики, ни эс-эры не говорят: «вот нужда, вот нищета крестьян и рабочих, а вот путь, как выйти из этой нищеты!». Нет, этого они не говорят. Они только говорят, что то, что мы делаем, это принуждение. Да, этого отрицать нельзя. Но мы спрашиваем у вас, гр. Дан: вы поддерживаете это или нет? Вот в чем суть, вот в чем соль. Конкретно отвечайте: «да или нет?»—«Ни да, ни нет!» Они, видите ли, желают только поговорить о трудовласти, о том, что мы посягаем на свободу крестьян. А кто такие крестьяне? Разве в нашей Советской конституции не сказано, что крестьяне—это трудящиеся, люди труда? Таких крестьян мы уважаем и считаем их полноправными братьями рабочих. Без такого крестьянства мы бы не могли сделать ни одного шага в нашей Советской политике. Между трудовым крестьянином и рабочим есть братский договор, заключенный в нашей конституции. Но есть другой элемент крестьянства, — тот элемент, из которого состоит многомиллионная Сухаревка. Я надеюсь, что любое собрание, даже беспартийных, в этом сможет разобраться тщательным образом. Разве те крестьяне, которые ведут спекуляцию, разве они являются представителями трудящихся? Вот в чем вся суть экономических вопросов деревни. Крестьяне, мелкие хозяева и рабочие—это разные классы, и разницу между ними мы уничтожим тогда, когда уничтожим основы мелкого хозяйства и создадим новые основы гигантского крупного машинного хозяйства, как мною уже было указано в докладе. Это является экономически неизбежным, а говорившие здесь меньшевики и эс-эры бессильно лепечут о каком-то трудовом равенстве всех крестьян и рабочих. Но это ведь только слова, при том экономически неверные и отрицаемые научным марксизмом. Возьмите нашу революцию в Сибири, в Грузии; возьмите опыт международной революции и вы воочию убедитесь, что эти громкие слова о трудовом равенстве являются ложью. Они—политика буржуазии против нас, и ничего иного в них больше нет.

Гр. Дан здесь говорил, будто в канцелярии В. Ч. К. имеется бумажка о том, что меньшевики не подлежат октябрьской амни-

стии, и гр. Дан делает отсюда вывод, что В.Ч.К. учит и властвует над президиумом В.Ц.И.К. Мы, стоящие у власти, разве можем этому поверить? Разве находящиеся здесь 70—80% коммунистов не знают, что во главе В.Ч.К. стоит член Центрального Исполнительного Комитета и Центрального Комитета партии тов. Дзержинский, а в президиуме ВЦИК имеется 6 членов Центрального Комитета нашей партии? Думать, что при таких условиях президиум В.Ч.К. учит и властвует над президиумом Центрального Исполнительного Комитета, конечно, не приходится, это просто смехотворно! В этом, понятно, ничего интересного нет, и представитель партии меньшевиков здесь разыграл просто игру. Но я хотел бы, чтобы вы через несколько дней посмотрели какую-либо буржуазную газету в Западной Европе или Америке с тиражем в полмиллиона или миллион экземпляров, и вы увидите, что там будет напечатано громадными аршинными буквами, что гр. Дан раскрыл, что В.Ч.К. дает указания и властвует над президиумом В.Ц.И.К.

Речь Н. Ленина «О профессиональных союзах», произнесенная на дискуссионном собрании коммунистической фракции VIII Съезда Советов 30 декабря 1920 г., войдет в XVIII том «Собрания сочинений».

ПРИМЕЧАНИЯ

1

¹⁾ *Во второй половине 1919 г. и в начале 1920 г.* Красная армия одержала на всех фронтах ряд решительных побед, предопределив исход гражданской войны. После ликвидации осеннего наступления ген. Юденича на Петербург, его армия была уничтожена, и Эстония, вытесненная из пределов Советской России, пошла на мирные переговоры, в результате которых 2 февраля 1920 г. последовало подписание договора. Англичане, потерпев ряд военных неудач, эвакуировали свои войска с Северного фронта, предоставив разлагавшихся белогвардейцев собственным силам. Колчаковщина была окончательно ликвидирована. 13 декабря 1920 г. Красная армия заняла Ново-Николаевск. 27 декабря восстанием рабочих и при поддержке партизан был освобожден Иркутск, и Колчак, захваченный в плен, ожидал суда и расстрела. Деникин осенью 1919 г., докатившийся до Тульской губернии, потерпев ряд поражений, был отгнан на Северный Кавказ и в Крым. 11 декабря последовало освобождение Харькова, 16 декабря освобожден Киев, 31 декабря—Екатеринослав, 3 января—Царцын, 7 января—Новочеркасск, 8 января—Ростов. Окончательная ликвидация гражданских фронтов являлась вопросом времени, и к маю 1920 г. гражданская война была закончена за исключением Крыма, где еще продолжал держаться Врангель. С кровавых белогвардейских фронтов, центр внимания народных масс перешел на трудовой фронт.

²⁾ *Северный фронт*—см. том XV прим. 162.

³⁾ *Мирный договор с Эстонией* был подписан 2 февраля 1920 г. Эстония получила этнографическую границу, право на лесные концессии и 15 миллионов рублей золотом, в виде премии, как государство, вступившее первым в договорные отношения с Советской Россией. Со своей стороны, Эстония предоставила право свободного транзита русских товаров и беспрепятственного пользования ее портами для торговых операций.

⁴⁾ *Трудовые армии* в феврале 1920 г., после решительных побед на южном и др. фронтах, были организованы из военных частей, освободившихся от непосредственных боевых заданий. Политическое положение и расстройство транспорта не допускали возможности демобилизации, а хозяйственный кризис и особенно крайний недостаток топлива требовали энергичного вмешательства на фронте труда. 3-я армия на Урале была преобразована в 1-ю трудовую, 2-я армия брошена в Донбасс, 7-я—получила трудовое задание в районе Петербурга. Одновременно были опубликованы принятые Ц. К. Р. К. П. тезисы Троцкого „о милитаризации труда“, рассматривавшие последнюю как одну из переходных к социализму организационных форм. IX съезд Р. К. П., имевший место 29 марта—4 апреля 1920 г., признал необходимым введение трудовой повинности, трудовых мобилизаций и создание трудовых частей.

⁶⁾ *Деникин*—один из генералов старой царской армии, после смерти Корнилова при штурме Екатеринодара в 1918 г. занял пост „главнокомандующего вооруженными силами юга России“ и продолжал начатую своим предшественником гражданскую войну. Весною 1919 г. после восстановления Советской власти на Украине и очищения Дона от Краснова, Деникину удалось вновь захватить Дон и после ряда сражений начать распространяться на север. Вытеснив Советские войска из Царицына и обеспечив базу на Кубани, Деникин признал свое подчинение Колчаку, как „верховному правителю“, получив от последнего звание его заместителя, и торжественно провозгласил поход на Москву. К осени 1919 г. ему удалось захватить всю Украину. 24 июня Красная армия утратила Харьков. 27 августа Деникин прорвал фронт и бросил конный корпус ген. Мамонтова в тыл Советским войскам. 21 сентября пал Курск. 13 октября Деникин взял Орел и угрожал Тульскому оружейному заводу, питавшему Красную армию. Наибольшее продвижение Деникина на Москву совпало с движением ген. Юденича на Петербург (см. прим. 9), вследствие чего Советская Россия подвергалась величайшей опасности. Народные массы, однако, сумели дать отпор. В Деникинском тылу началось разложение, среди украинских крестьян возникло партизанское движение. Красная армия перешла в наступление и 19 октября вернула Орел. Деникин начал откатываться к югу с величайшей быстротой. 11 декабря был занят Харьков, 16 декабря—Киев, 8 января—Ростов, 6 февраля—Одесса, 25 марта—Новороссийск. Остатки Деникинской армии, вытесненные с Северного Кавказа, частью успели эвакуироваться в Крым, частью сдались. Деникин принужден был 26 марта 1920 г. уступить звание главнокомандующего ген. Врангелю и эмигрировать в Англию.

⁶⁾ *Адмирал Колчак*—в начале империалистической войны командовал минной флотилией в Балтийском море, позднее—Черноморским флотом; в конце 1917 года через Японию проехал в Сибирь, где был назначен директорией (см. том XV прим. 139) военным министром. Опираясь на старое офицерство и буржуазно-кадетские слои, 18 ноября 1918 г. К. разогнал Комитет членов Учредительного собрания и директорию, выслав, после ареста, ее членов за границу и объявил себя „верховным правителем России“, в каком звании был признан Антантой. К весне 1919 г. ему удалось реорганизовать разбитый красными войсками восточный фронт и 6 марта перейти в наступление. Его успехи продолжались до 9 мая, когда Красная армия после упорных боев заняла Бугульму, постепенно вытесняя Колчака на восток, при активном содействии крестьян оккупированных областей, поднявших ряд восстаний. 10 июня была возвращена Уфа, 13 июня—Бирск, 13 июля—Златоуст, 14 июля—Екатеринбург, 24 июля—Челябинск, 14 ноября—Омск, 13 декабря—Ново-Николаевск, 24 декабря—станция Тайга, 27 декабря в Иркутске восстали рабочие и при поддержке партизан после пятидневной борьбы овладели городом. В тот же день повстанцы захватили в Нижнеудинске Колчака и его министра Пепеляева. 7 февраля 1920 г. Колчак был расстрелян по постановлению Иркутского ревкома. В течение 1920 г. Восточная Сибирь, подобно Западной, была очищена от белогвардейских войск и было создано, во избежание непосредственного прикосновения Советской России с японскими, оккупационными войсками, буферное государство—Дальне-Восточная Республика, в Учредит. Собрание которой, избранное на основе четырехчленной формулы, вошло подавляющее большинство коммунистов. Японская оккупация Приморской области продолжалась до октября

1922 г., когда Красная армия вступила во Владивосток, и Д.-В. Р. добровольно присоединилась к Р. С. Ф. С. Р., введя в своих пределах власть советов.

7) *Вопрос о коллегиальности и единоначалии в хозяйственных органах* рассматривался на IX съезде Р. К. П. (29 марта—4 апреля 1920 г.) и был разрешен в сторону признания практической целесообразности единоличного управления в промышленности. Более подробно об этом см. речь Н. Ленина на IX съезде Р. К. П.: „О хозяйственном строительстве“—стр. 85—91 настоящего тома.

8) *Протоколы заседаний В. Ц. И. К. VII созыва* не изданы, в архиве В. Ц. И. К. за 1920 г., переданном для разработки и хранения в Истпарт, стенограммы речи Ленина 2 февраля 1920 г. не сохранилось, поэтому редакция вынуждена ограничиться воспроизведением настоящего отрывка, являющегося простой хроникерской заметкой, напечатанной в „Правде“.

9) *Генерал Юденич*—во время империалистической войны главнокомандующий Кавказским фронтом; „покоритель Эрзерума“, прославившийся погромами и насилиями над турецким населением. В 1919 г. стал во главе армии „Северо-Западного правительства“, организованного англичанами в Эстонии, и дважды пытался прорваться на Петербург. Первый его поход, начавшийся 16 мая захватом Красной Горки, форта на южном берегу Финского залива, преданного комсоставом из старого кадрового офицерства, был ликвидирован 5 августа занятием Советскими войсками пограничного с Эстонией г. Ямбурга. Вторая попытка нападения на Петербург была предпринята в чрезвычайно опасный для Советской Республики момент (12—25 октября 1919 г.), когда Деникин захватил Орел и угрожал Туле. Внезапным налетом Юденичу удалось продвинуться до Пулкова в нескольких верстах от Петербурга, который приготовился к уличному бою и покрылся баррикадами. Ю. был разбит наголову частями войск, находившимися внутри страны, без ослабления Южного фронта, боровшегося с Деникиным, что было одной из целей Юденича, согласовавшего с ним свои действия. 2 февраля 1920 г. Эстония, служившая базой для Юденича, подписала мирный договор с Советской Россией.

(10) *Жан Лонге*—см. том XIV прим. 48.

(11) *Лорно*—см. том XIV прим. 16.

(12) *Л. Д. Троцкий*—см. том XIV прим. 79.

(13) „*Avanti*“—„*Вперед*“—орган итальянской социалистической партии „лево-центристского“ направления, редактируемый Г. Серрати (см. том XVI прим. 20). Выходил двумя изданиями в Милане и Турине.

(14) *Жю*—председатель французской конфедерации труда, анархо-синдикалист. До войны—один из самых „левых“ антипарламентаристов и антипатриотов, сторонник генеральной стачки. Во время и после войны—социал-патриот и сторонник социального примирения. В настоящее время является одним из вождей желтого Амстердамского объединения профессиональных союзов II Интернационала.

(15) *И. Л. Р.*—*Британская независимая рабочая партия*—в годы войны вела колеблющуюся и крайне вялую пацифистскую политику, не чуждаясь соглашений с буржуазией; в 1920 г. вышла из II Интернационала и в 1921 г. участвовала в Венской конференции 2 1/2 Интернационала. Типичная „центристская“ организация с уклоном направо.

(16) *Венгерская Советская Республика*—см. том XVI прим. 94.

(17) *Бела-Кун*—до войны один из вождей венгерской с.-д.; будучи мобилизован, попал в русский плен и под влиянием русской революции стал комму.

востом. В 1918 г. принимал участие в организации красных армий на чехо-словацком фронте. После революции в средне-европейских странах, вернулся на родину, где работал в созданной им вместе с Самуэли, Варга и др. венгерской коммунистической партии, но вскоре подвергся аресту. Когда в марте 1919 г. граф Кароли принужден был отказаться от власти, Бела-Кун встал во главе Совета Народных Коммиссаров Венгерской Социалистической Советской Республики. С падением последней под напором румынских войск, Бела-Кун бежал в Австрию, где подвергся интернированию и только в 1920 г. был освобожден по настоянию Советской России. Деятельный работник Коминтерна, участник его конгрессов и член исполкома.

13) *Альберт Гома*—член французской социалистической партии, эдист депутат. С первых дней империалистической войны вместе с Ж. Гэдом и М. Самба вошел в министерство Клемансо, осуществляя во имя „защиты отечества“ „священное единение“ всех классов нации („union sacrée“). В настоящее время состоит председателем желтого „Бюро труда“, организованного империалистической „Лигой наций“.

14) *Марсель Самба*—член франц. социалистической партии, социал-шовинист, депутат и министр в кабинете Клемансо во время империалистической войны.

15) *Носке*—правый немецкий социалист, шейдемановец, военный министр германского правительства в 1919 и 1920 г.г., усмиритель пролетарской революции, заливший Германию кровью рабочих.

16) *К. Реммер*—австрийский социал-демократ правого крыла. Во время войны—оборонец и соглашатель. После ноябрьской революции 1918 г. в Австрии принял портфель премьер-министра.

17) *Ф. Шейдеман*—см. том XVI прим. 9.

18) *Отто Бауэр*—см. том XIV прим. 20.

19) *Фридрих Адлер*—см. том XIV прим. 75.

20) *Базельский манифест*—см. том XIV прим. 1.

21) *Мильеран*—см. том XIV прим. 314.

22) *Артур Гендерсон*—см. том XVI прим. 13.

23) *М. И. Калинин*, род. в 1875 г., крестьянин Тверской губ. и петербургский рабочий, старый большевик; неоднократно подвергался арестам и преследованиям царского правительства; в 1919 г., после смерти Я. М. Свердлова, был избран председателем В.Ц.И.К., член Центрального Комитета Р.К.П.

24) *Январская забастовка 1918 г. в Германии*, охватившая свыше миллиона рабочих и продолжавшаяся более недели, несмотря на аресты и жесточайшие репрессии правительства Вильгельма, была демонстрацией требования мира со стороны широких пролетарских масс. Забастовка была организована немецкими независимыми, в частности Ледебуром, и союзом „Спартак“. Немедленным толчком к забастовке послужила затяжка германским командованием мирных переговоров в Бресте и отказ Германии от „справедливого, демократического, без аннексий и контрибуций“ мира, которого добивались русские большевики.

25) *Григорий Распутин-Новых*—см. том XIV прим. 104.

26) *Карл Радек*—см. том XIV прим. 73.

27) *Признание Россией независимости Финляндии*—см. том XV, прим. 38.

28) *А. Ф. Керенский*—см. том XIV, прим. 134.

29) *Генерал Корнилов*—см. том XIV прим. 225.

Германская Корниловщина — Капповский переворот — см. прим. 52 настоящего тома.

88) *Роза Люксембург* — см. том XIV прим. 64.

89) *Карл Либкнехт* — см. том XIV прим. 62.

97) *Территория королевства польского до 1772 г.*, когда последовал первый раздел Польши, на юго-востоке охватывала весь правый берег Днепра (за исключением Киева), севернее переходила на левый берег, немного не достигая Смоленска, и включала всю Витебскую и некоторые волости Псковской губернии. Таким образом Польше принадлежала вся правобережная Украина, Галиция, Белоруссия и ряд местностей с чисто-русским населением в некоторых уездах губерний Минской, Могилевской, Смоленской и Витебской.

128) *I Конгресс Коммунистического Интернационала* — см. том XVI прим. 39.

129) *Трульстра* — см. том XIV прим. 42.

140) *После февральской революции* Н. Ленин вместе с группой большевиков и других интернационалистов возвратился в Россию 3 апреля 1917 г. Державы Антанты, особенно Англия, отказались дать визы русским эмигрантам интернационалистам, остерегаясь опасного для союзных империалистов влияния их на русские рабочие массы. Вследствие этого, группа швейцарских эмигрантов через посредство швейцарского левого социалиста Ф. Платтена добилась пропуска через Германию, о чем был составлен протокол, подписанный представителями западно-европейского левого социализма. По возвращении в Россию Ленин и его спутники представили отчет о своей поездке Исполнительному Комитету Петерб. Совета, который признал допустимость и неизбежность проезда через Германию. Несколько позднее тем же путем через Германию принужден был воспользоваться и Мартов с новой группой эмигрантов. Русская буржуазная печать подняла бешеную травлю против Ленина и большевиков, обвиняя их в государственной измене.

141) *Н. Ленин и Г. Зиновьев, „Против течения“* — см. том XV прим. 192.

142) *Е. Чириков* — беллетрист радикального направления, сотрудник „толстых“ журналов и „Русских Ведомостей“. В молодости был в ссылке. После Октябрьской революции пропихнул злобным белогвардейским настроением и, эмигрировав за границу, продолжает оттуда бессильно брызжать на революцию.

143) *Князь Е. Н. Трубецкой*, бывш. профессор Московского университета, представитель буржуазной идеологии и идеалистической философии. В период революции 1905 г. деятель либеральной земской оппозиции и ее съездов, позднее — член партии мирного обновления, невлиятельной политической группировки стоявшей несколько правее кадетов. В годы гражданской войны действовал на юге, поддерживая идею Деникинской диктатуры; эмигрировал за границу.

144) В феврале 1919 года происходили переизборы Московского Совета; заседание его пленума 8 марта является первым заседанием совета в обновленном составе. Речь Н. Ленина, перепечатаваемая из „Правды“, повидимому, подверглась некоторым сокращениям. В архиве Московского Совета подлинной стенограммы не сохранилось.

145) *IX съезд Р. К. П.* состоялся 29 марта — 4 апреля 1920 года. Присутствовало 716 делегатов, из них 554 с решающими голосами, представлявших 611.978 членов партии. Не были представлены Кавказ, Туркестан, Тобольск. губ., и одна из боевых армий. Съезд имел следующий порядок дня: отчет Ц. К., очередные задачи хозяйственного строительства, профессиональное движение.

организационные вопросы, задачи Коммунистического Интернационала, кооперация, переход к милиционной системе и пр. Главнейшей темой дебатов явились милитаризация труда (см. прим. 4), а также профессиональный и хозяйственный вопросы („единоличие“ и „коллегиальность“—см. прим. 7).

⁴⁶⁾ Я. М. Свердлов—см. том XV прим. 232.

⁴⁷⁾ *Пролетарская революция и белый террор в Финляндии*—см. том XV прим. 56.

⁴⁸⁾ *Первые Советы Рабочих Депутатов* возникли в 1905 г. Во время летней стачки в Иваново-Вознесенске был избран общегородской Совет. Октябрьская забастовка сопровождалась организацией Советов Рабочих Депутатов во всех крупных промышленных центрах. Во многих городах Советы преобразовались из стачечных комитетов путем удаления отсюда представителей интеллигентских организаций и либеральных профессий, поддерживавших осеннее движение 1905 г. Большевики выдвигали советы, как „органы революционного самоуправления“, настаивая на их беспартийности и „независимости“. Большевики настаивали на закреплении их связи с партией пролетариата.

Первому Петербургскому Совету 1905 г., подобно своему преемнику 1917 г., пришлось принять на себя руководство революционным движением во всероссийском масштабе, проведя три всеобщих забастовки и выпустив манифест с призывом к финансовому бойкоту царского правительства. Первым председателем Петербургского Совета был Хрусталев-Носарь, случайный в революции человек, примкнувший к меньшевикам. После его ареста правительством Витте, председателем был избран Троцкий. 3 декабря 1909 г. Совет подвергся аресту и его исполком в полном составе приговорен судебной палатой на поселение в Сибирь, по прибытии куда большинство сосланных немедленно бежало и вернулось к революционной работе. Московский Совет, избранный несколько позднее Петербургского, сыграл руководящую роль в декабрьском движении, объявив всеобщую стачку и переведя ее в вооруженное восстание. Председателем его состоял меньшевик Хинчук, вновь избранный на тот же пост в 1917 году после февральской революции.

Об отношении большевиков к Советам в 1905 г.—см. статью Н. Ленина в VII томе „Собрания сочинений“

⁴⁹⁾ *Латвия* была оккупирована немецкими войсками при правительстве Керенского, летом 1917 г. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии вынудила эвакуацию немецких войск и способствовала развитию революции в оккупированных немцами областях. В Латвии возникла социалистическая Советская Республика, 24 декабря 1918 г., признанная В. Ц. И. К. 27 декабря в Риге власть перешла к Совету Рабочих Депутатов. 9 января 1919 г. латышская Красная армия заняла Митаву. Однако буржуазные и землевладельческие классы Латвии успели организовать и вытеснили из Риги красные войска внезапным налетом. Советская Россия, занятая борьбой на востоке и юге, не смогла оказать поддержки латышскому пролетариату. Образовалась белая латвийская „демократическая“ республика, которая, являясь орудием в руках Антанты и в качестве необходимого звена организованной ею интервенции, пыталась продолжать борьбу с Советской Россией, оказывая поддержку российским белогвардейцам. В целях прорыва блокады Советское правительство 11 сентября предложило Латвии вступить в мирные переговоры, вследствие чего вскоре было заключено соглашение об обмене военнопленными и беженцами. 16 апреля 1920 г. в Москве открылась русско-латвийская мирная конференция. Переговоры велись медленно

ввиду преувеличенных требований, главным образом, экономического характера, предъявленных Латвией. Мирный договор был подписан 11 августа 1920 г. в Риге. Латвия получила свои этнографические границы, 4 миллиона рублей золотом и право на лесные концессии в пределах России до 100.000 десятин.

50) *Буржуазная Финляндия*, при помощи немецких штыков подавившая пролетарскую революцию (см. том XV, прим. 56), после революции 1918 г. в Германии вошла в число окраинных государств, служивших в руках Антанты орудием интервенции в России, и продолжала с последней войну, пытаясь захватить Олонецкую губернию и угрожая Петербургу. Левое крыло бело-финского фронта вплотную примыкало к правому флангу северного фронта, непосредственно поддерживаемого из Архангельска английскими оккупационными войсками. Однако, по мере того, как северный фронт постепенно ликвидировался и попытка генерала Юденича, опираясь на Эстонию, захватить Петербург потерпела неудачу, финский фронт делался изолированным и утрачивал боевое значение. Еще 11 сентября 1919 г. Советская Россия предложила Финляндии приступить к мирным переговорам, на что, впрочем, ответа не последовало. Переговоры начались в Юрьеве только 12 июня 1920 г. и, после ряда оттяжек и препятствий со стороны финнов, окончились мирным договором 14 октября. Главным препятствием к миру были притязания финских активистов на восточную Карелию, пограничную с Финляндией область, 9 июня 1920 г. объявленную декретом В. Ц. И. К. автономной коммунной. Финляндия получила по договору этнографические границы с небольшим приращением на крайнем севере, в районе Печенги.

51) *Отношения Р. С. Ф. С. Р. с Польской республикой*, с самого ее возникновения, сложились довольно неопределенно; увлеченная захватом германских земель на западной своей границе, Польша непосредственно не участвовала в Антантовской интервенции 1919 г., ограничиваясь мелкими захватами и пограничными стычками с Советской Россией. Правительство последней трижды (22 декабря 1919 г., 28 января и 2 февраля 1920 г.) предлагало Польше приступить к мирным переговорам. Наконец 27 марта Польша согласилась на открытые переговоры в г. Борисове, находившемся в северной части русско-польской фронтовой линии, и на частичное перемирие в его районе. Борисов был избран поляками потому, что он расположен на железнодорожной линии от Москвы, пользуясь которой Сов. Россия, располагавшая здесь большими массами войск, легче всего могла нанести удар польскому фронту, между тем на юге, в направлении на Украину, сравнительно слабо защищенную, поляками были сосредоточены значительные силы. На перемирие по всей линии фронта поляки не соглашались. В ответ на польскую ноту, Россия предложила перенести переговоры в Варшаву, Петербург, Москву или любую нейтральную страну. Вместо ответа „начальник польского государства“ Пилсудский 26 апреля обратился с воззванием к Украине, призывая ее признать Петаюру, с которым Польша заключила военный союз. Одновременно в соглашение с Польшей вошли Б. Савинков и ген. Булак-Булахович, организовавшие на польской территории небольшую белогвардейскую армию. За спиной Польши и Савинкова стоял французский генеральный штаб, снабжавший их оружием и разработавший план нападения.

Поляки первые недели имели успех и внезапным налетом захватили Киев, однако уже к июню Красная армия, разбросанная по старым, уже ликвидированным, белогвардейским фронтам, успела перебраться на запад и 13 августа

докатилась до Варшавы, но утомленная боями и слишком удалившаяся от своих баз принуждена была отступить.

Переговоры возобновились в момент наибольших успехов Кр. армии. 22 июля Польша предложила вступить в переговоры о немедленном перемирии. Польская нота была поддержана энергичными угрозами Франции и Англии, требовавших останова русского наступления и угрожавших возобновлением блокады. Однако у Антантовских империалистов руки оказались связанными; активное сочувствие западно-европейского пролетариата было на стороне Советской России. Во всех странах рабочие проводили бейрут Польшы, отказываясь выполнять ее военные заказы и препятствуя их транспорту. В Англии образовались революционные „Советы действия“.

17 августа в Минске произошла первая встреча русской и польской делегации, не давшая никаких результатов ввиду вновь изменившегося соотношения сил на фронте. 21 сентября переговоры были перенесены в Ригу, и 12 октября были подписаны договоры о перемирии и предлимнарном мире. По Рижскому договору Польша получила границу, хотя и много восточнее своих этнографических пределов, но значительно худшую, чем ей предлагала Россия во войны. Кроме того, Польша выговорила вознаграждение в размере 30 миллионов золотых рублей, ввиду ее прежнего участия в хозяйственной жизни Российской империи, и 29 милл.—в вознаграждение за железнодорожное имущество, эвакуированное царским правительством во время империалистической войны.

62) Капповский переворот в Германии был следствием систематического подавления в 1919 г. рабочих восстаний военным министром с.-д. большинства Носке, организовавшим армию из старого офицерского и унтер-офицерского состава, вследствие чего военные части оказались в фактическом распоряжении контрреволюции и руководившего ею генерала Людендорфа, ближайшего сотрудника Вильгельма во время империалистической войны. 12 марта 1920 г. в военном лагере в Деберице, расположенном недалеко от Берлина, началось контр-революционное движение во главе с бригадой ген. Эргарда. Переговоры правительства с восставшими не привели ни к какому результату. Реакционные командиры расположенных в Берлине войск отказались защищать правительство, ссылаясь на ненадежность солдат. Коалиционное правительство, состоявшее из шейдемановцев и буржуазных демократов, бежало на автомобилях в Дрезден, оставив столицу на произвол судьбы. 13 марта войска ген. Лютица и Эргарда вступили в Берлин, не встретив никакого сопротивления. Правительственные войска бегались с мятежниками. Правительство было объявлено низложенным, на его место образовано „правительство труда“ во главе с д-ром Каппом, ставшим Людендорфа. Одновременно в провинции произошли попытки переворота, местами имевшие успех. Крупная буржуазия приветствовала Каппа. Пролетариат отвечал всеобщей забастовкой вплоть до останова телеграфа, почты и железных дорог. Чиновники правительственных учреждений присоединились к забастовке. Демократические слои мелкой буржуазии оказались против государственного переворота. Пролетариат в крупных промышленных центрах спешно запасался оружием и готовился к борьбе. Контр-революция оказалась бессильной, и Каппу пришлось уйти, возвратив власть „законному“ правительству. В провинциальных промышленных центрах и, особенно, в Рурском каменноугольном бассейне рабочие, под руководством коммунистов, продолжали борьбу, требуя расформирования мятежных войск, суда над контр-революционным офи-

царством и образования рабочей милиции. Носке отвечал военным положением, массовыми расстрелами и военно-полевыми судами, при чем использовал для подавления движения пролетариата калповские войска. Участники контрреволюционного мятежа остались безнаказанными. Реакция в Германии усилилась.

⁶³⁾ *Независимая с.-д. партия Германии* откололась от официальной германской партии в 1915 г., разойдясь с ней в отношении к войне и защищая пацифистскую точку зрения. Ее наиболее видные члены: Гаазе, Ледебур, Каутский, Гильфердинг и др. Позднее из партии независимых выделилась во главе с К. Либкнехтом и Р. Люксембург группа „Спартак“, первоначально находившаяся в федеративной связи с независимыми и в 1919 г. организовавшая Герм. Коммунистическую партию. Поддерживая в 1918 и 1919 г.г. немецких коммунистов против шейдемановцев, независимые согласились войти вместе с последними в Совет Народных Комиссаров, Временное Правительство Германии, выдвинутое ноябрьской революцией; однако, оставшись в меньшинстве на Общегерманском Съезде Советов, 28 декабря 1918 г. принуждены были выйти из правительства. Признав на словах диктатуру пролетариата и „советскую систему“, независимые пытались совместить последнюю с властью учредительного собрания, выдвинув проект своеобразной „двупалатной системы“. После основания III Интернационала, независимая с.-д. партия, вместе с франц. соц. партией, английской независимой рабочей партией, австр. соц. парт., русскими меньшевиками и др. вышла из II Интернационала и вела переговоры о вступлении в Коминтерн. Партейтаг в Галле 1920 г. двумя третями голосов принял „21 условие“ вступления в Коминтерн, и большинство партии независимых, главным образом, ее рабочие низы, объединились с немецкими коммунистами (Объед. Герм. Комм. партия). Оставшаяся часть продолжала некоторое время обособленное существование, примыкая к 2¹/₂ Венскому Интернационалу и постепенно склоняясь вправо, пока в 1922 г. не объединилась с шейдемановской с.-д.-тией. Незначительная группа Ледебура, отказавшаяся объединиться с шейдемановцами, составляет последний осколок партии независимых. Германская независимая с.-д. партия — типичная „центристская“ организация, в зависимости от высоты революционной волны, колеблющаяся между коммунизмом и правым крылом с.-д.-тии.

⁶⁴⁾ *Смолярный период*—см. том XVI прим. 74.

⁶⁵⁾ *Л. Б. Каменев*—см. том XIV прим. 32.

⁶⁶⁾ *Гусев*—старый большевик, участник II съезда Р. С.-Д. Р. П. в 1903 г., неоднократно подвергался арестам и ссылке, военный работник в период гражданской войны, работал в хозяйственных органах республики.

⁶⁷⁾ *Т. В. Сапронов* — маляр, самоучка, примкнул к большевистской партии в период самой мрачной реакции в 1911 г., самостоятельно организуя среди рабочих партийные кружки и одновременно работая в профессиональном движении, в частности, союзе рабочих-строителей, который ему удалось организовать, несмотря на полицейские рогатки. На первой конференции Московской окружной организации в 1917 г. Сапронов вошел в М. О. К. (губком) Р. С.-Д. Р. П. (больш.) и работал в нем в течение трех лет, неоднократно избираясь на все партийные съезды. После Октябрьской революции Сапронов состоял председателем Московск. губернского Совета Р. и К. Д. вплоть до декабря 1919 г., когда был командирован в освобожденный от Деникина Харьков в качестве председателя ревкома. Секретарь В. Ц. И. К. Член русской делегации на Генуэзской конференции.

В 1918 г., во время дискуссии о Брестском мире, Сапронов, примыкая к группе „левых“, поддерживал точку зрения Бухарина и Радека. Позднее, вместе с Осинским, стоял во главе „группы демократического централизма“ (см. прим. 62 настоящего тома).

⁵⁸⁾ *Толский*—рабочий, один из старейших членов партии, долго был на каторге, председатель В.Ц.С.П.С. и член Ц. К. Р. К. П.

⁵⁹⁾ *Н. Осинский*—см. том XV прим. 68.

⁶⁰⁾ *В. Н. Максимовский*—род. в 1887 г., начал с.-д. работу в 1903 г. в Коломпе, в 1905—1909 г.г. состоял членом сначала Московского окружного и затем Московского комитетов партии. Неоднократно подвергался арестам и высылкам, во время которых работал в Туле, Харькове и Самаре. В 1913 г. участвовал в редакции „Нашего Пути“, легальной партийной газеты, издававшейся в Москве и вскоре закрытой полицией. В 1915 г. подвергся ссылке в Иркутскую губ., откуда его освободила февральская революция. В 1917 г., помимо литературной работы в „Известиях Моск. Совета“ и редакционной в „Социал-Демократе“, органе М. К., состоял членом Московского Областного Бюро большевистской партии и членом президиума Областного Исполкома Советов. В 1918—1919 г.г. состоял членом Моск. Окруж. Комитета (Губкома). Одновременно нес работу последовательно в Наркомвнуделе, Ц. К., Главполитупути, Главполитпросвете и Наркомпросе, неоднократно избираясь членом В. Ц. И. К. В своей политической ориентировке Максимовский примыкал к группе „левых коммунистов“ периода Брестского мира (прим. 107) и позднее к группе „демократического централизма“ (прим. 62).

⁶¹⁾ *Тезисы Московского Губернского Комитета Р. К. П.* (яначе Моск. Окружного Ком.) по вопросу об экономическом строительстве были весьма близки к тезисам Сапронова, Осинского и Максимовского, по тому же вопросу, отражавшим взгляды „группы демократического централизма“. Весною 1920 г. в состав Моск. губкома входили многие представители этой группы, в том числе трое указанных выше товарищей. В период споров о Брестском мире руководящее большинство работников М. О. К. примыкало к группе „левых коммунистов“.

⁶²⁾ *„Группой демократического централизма“*—в 1920 и 1921 г.г. называло себя особое течение в партии, во главе с Осинским и Сапроновым, настаивавшее на некоторых реформах в области внутрипартийной жизни, большей самостоятельности местных организаций, самостоятельности членов партии и независимости губисполкомов, и протестовавшее против „назначенчества“ и пр. Группа выступала со своими тезисами на IX („единоначалие и коллегиальность“) и X съездах Р. К. П. (дискуссия о профсоюзах, партстроительство). На последнем съезде Осинский заявил о самороспуске группы, мотивируя тем, что многое из ее взглядов воспринято и проведено партией в жизнь. X съезд Р. К. П. вынес запрещение всяких фракционных группировок („демокр. централизм“ и „рабочая оппозиция“—см. том XVIII).

⁶³⁾ *Махновщина*—анархо-повстанческое движение среди украинского крестьянства. „Батько“ Махно, бывший народный учитель, начал свою деятельность в 1918 г. во время германской оккупации, организуя налеты и партизанскую борьбу с немцами и Скоропадским. При наступлении Красной армии перешел на ее сторону, принимая участие в боях, но вскоре поднял против нее восстание. Центром махновского движения, которое поддерживалось анархической группой „Набат“, являлось Гуляй-Поле, местечко Екатеринославской губ., в котором

происходили махновские съезды и находился его штаб. Временами Махно достигал значительных успехов, вплоть до захвата г. Александровска, в котором „анархическая власть“ просуществовала несколько недель, временами же, теснимые войсками, махновцы рассеивались по домам, чтобы через некоторое время выступить вновь. Наступление Деникина против Советов в 1919 г. было поддержано Махно, который, однако, вскоре начал партизанскую войну в его тылу. С победой Красной армии он возобновил с ней борьбу, которую вел вплоть до осени 1920 г., когда, вследствие успехов Врангеля вошел в соглашение с Советской властью, чтобы вновь изменить после ликвидации Крымской белогвардейщины. Выступления Махно сопровождались жестокими грабежами, еврейскими погромами и убийствами коммунистов. Махновщина ликвидирована в 1921 г., после отмены хлебной разверстки и перехода к политике свободной торговли. Сам Махно был вынужден бежать в Польшу. Махновское движение являлось выражением недовольства зажиточного украинского крестьянства государственной организацией, возлагавшей на него различные тяготы и повинности, а также выражением ненависти к городу, предъявлявшему к деревне требования, не всегда приятные для нее.

61) *Махаевщина* — незначительное течение в русском рабочем движении анархо-синдикалистского оттенка. Его основатель Махайский вел агитацию в 900-х годах среди петербургских рабочих. Отличительная черта махаевщины — травля революционной социалистич. интеллигенции.

62) *Юренин* — бывший „межрайонец“ (см. том XIV прим. 120), делегат на IX съезде Р. К. П., всенный работник, ныне полномочный представитель С. С. С. Р. в Праге.

63) *Шляпников* — см. том XV прим. 135.

64) *Оргбюро Ц. К. Р. К. П.* — см. том XVI прим. 80.

65) *Политбюро Ц. К. Р. К. П.* — см. том XVI прим. 80.

66) *А. И. Рыков* — см. том XIV прим. 331.

70) *Сергед* — народный комиссар земледелия до конца 1920 г. Одно время член президиума В. С. Н. Х.

71) *Ю. Х. Лутовинов* — род. в 1887 г., рабочий Донецкого бассейна, вошел в большевистскую партию в 1904 году, последовательно работал в Луганске, Александровске, Макеевке, Петербурге и др. городах, член ряда местных партийных комитетов, член Петерб. К-та Р. С.-Д. Р. П. (больш.) в 1914 — 1917 г.г., после февральской революции работал преимущественно на юге; в период немецкой оккупации Украины, состоял членом нелегального Ц. К. К. П. У. Неоднократно подвергался арестам и длительному тюремному заключению, административной ссылке в Арханг. губ. и Якутскую область, откуда оба раза бежал. Член Ц. К. союза металлистов и член президиума В. Ц. И. К. с 1920 г. В своей политической ориентации Лутовинов в 1920—1921 г.г. примыкал к „рабочей оппозиции“ (см. том XVIII); на IX партийном съезде по вопросу хозяйственного строительства защищал коллегиальное управление в промышленности, в целях лучшего обеспечения влияния профессиональных союзов на экономическую жизнь страны.

72) *Н. Н. Крестинский*, бывш. присяжный поверенный, старый партийный работник, в годы реакции принимал ближайшее участие в работе газ. „Правда“ и организации издательства „Прибой“, член Ц. К. Р. К. П. в 1917—1921 г.г., заменивший Я. М. Свердлова в качестве секретаря. В период споров о Брестском мире весной 1918 г. примыкал к группе „левых“, в 1921 г. во время дискуссии о

профессиональных союзах был близок к точке зрения Троцкого (см. том XVIII). Состоял народным комиссаром финансов в течение четырех лет, в настоящее время полномочный представитель С. С. С. Р. в Берлине.

73) *Н. И. Бухарин*—родился в 1889 г., на гимназической скамье участвовал в с.-д. кружках, в 1906 году принял участие в работе Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (больш.). В первый раз был арестован в 1909 г., вскоре вновь подвергся аресту и был сослан в Арханг. губ., откуда сейчас же бежал. Будучи арестован в 1911 году, судился в Московской судебной палате и, выпущенный под залог, эмигрировал за границу. Работал с Лениным в Кракове, обслуживая заграничный „Социал-Демократ“ и Петербургскую „Правду“. Периодически подвергался арестам за границей, в различных странах. Незадолго до войны был арестован в Австрии и заключен в крепость. Переселившись в Стокгольм, сотрудничал в Ленинском „Коммунисте“, издававшемся в Женеве, и принимал участие в работе шведских левых с.-д. Будучи привлечен по делу Хеглунда и др., просидел полтора месяца в тюрьме и был приговорен к высылке из пределов Швеции навсегда. По пути в Америку вновь подвергся аресту в Англии. В Америке подвергся новой высылке; февральская революция вывела его из затруднения подыскания подходящей страны для жительства, открыв ему доступ на родину, однако и здесь, на обратном пути через Японию, Бухарин подвергся аресту в Челябинске со стороны меньшевистских властей „за интернационалистическую агитацию среди солдат“. Вернувшись в Москву в апреле 1917 г., Бухарин вошел в состав Московского Комитета, Московского Областного Бюро и редакции „Социал-Демократа“. На VI съезде Р. С.-Д. Р. П., в июле 1917 г., был избран в Ц. К., в котором состоит бессменно. Во время дискуссии о Брестском мире и последующих споров, вместе с К. Радеком и Осинским, Бухарин стоял во главе „левых“, издавая двухнедельник „Коммунист“. После ноябрьской революции в Германии публично признал свою ошибку. Редактор „Правды“ со времени ее переезда в Москву в 1918 г., член всех исполкомов Коминтерна, публицист и экономист.

74) *К. Радек*—см. том XIV прим. 73.

75) *А. С. Бубнов*—см. том XV прим. 80.

76) „*Боротьбисты*“ (от „Боротьба“ — центр. орган партии), называвшие себя также Украинской Коммунистической Партией (У. К. П.),—интеллигентская организация лево-социалистического направления с сильным националистическим уклоном, народническими предрассудками и со значительной примесью петлюровских элементов, имевших в годы гражданской войны некоторое влияние на украинское крестьянство, главным образом, в Правобережье (Волины, Подолия Киевщина, отчасти Галиция). После длительных переговоров, в 1920 г. боротьбисты вошли в К. П. У. (Коммунистическую Партию Украины—большевики) и растворились в ней, при чем все вновь принятые члены были подвергнуты перерегистрации и отбору.

77) *Х. Раковский*—деятель румынского с.-д. движения, участник Циммервальда и Кинталя, член „Циммервальдской левой“. Во время войны, заключенный румынским правительством в тюрьму за интернационалистскую пропаганду, Р. был освобожден революционными русскими войсками в 1917 г., и с тех пор работает в России, занимая пост председателя Совета Народных Комиссаров Украинск. Советской Соц. Республики. Член Ц.К. Коммунистич. Партии Украины и Ц.К.Р.К.П. Один из основателей и выдающихся деятелей III Интернационала.

78) *В. П. Милютин*—см. том XIV прим. 226.

79) Речь идет о коммунистической фракции Всероссийского съезда профессиональных союзов.

80) „*Очередные задачи Советской власти*“—статья Н. Ленина была напечатана в марте и апреле 1918 г. и напечатана в № 85 „Известий В.Ц.И.К.“ 29-апреля 1918 г. Вошла в том XV „Собран. сочин.“, стр. 193 и послед. На ту же тему см. также том XV: „Доклад об очередных задачах Советской власти“—стр. 225; „Заключительное слово по докладу“—стр. 244 и ст. „О левом“ ребячестве и о мелко-буржуазности“—стр. 256—280.

81) Речь идет о декрете об управлении железных дорог, упразднившем коллегияльность, изданном весной 1918 года.

82) *Джорупа*—см. том XVI прим. 76.

83) *Гольцман*—член Ц. К. союза металлистов

84) *Чучин*—член IX съезда Р. К. П., сторонник точки зрения Милютина по вопросу о кооперации, настаивавшего на ее огосударствлении, и член резолютивной комиссии кооперативной секции съезда.

85) *Генерал Краснов*—см. том XV прим. 11.

86) *Пятидесятилетие Ленина* 23 апреля 1920 г. было отмечено собранием партийных работников Московской организации в помещении М.К.Р.К.П. С речами выступали Каменев, Луначарский, Сталин, Ольминский и Максим Горький. Последний произнес краткую, но чрезвычайно сильную речь, которую является нелишним привести здесь в нескольких выдержках:

„Товарищи, есть люди, значение которых как-то не объемлется человеческим словом. Русская история, к сожалению, бедна такими людьми. Западная Европа знает их. Вот, например, Христофор Колумб. И мы можем назвать в Западной Европе целый ряд таких людей, людей, которые как будто играли как бы каким-то рычагом, поворачивая историю в свою сторону. У нас в истории был, я бы сказал: почти был, Петр Великий таким человеком для России.

„Вот таким человеком только не для России, а для всего мира, для всей нашей планеты является Владимир Ильич. Я думаю, что, сколько бы ни говорить нам о нем красивых слов, нам не изобразить, не очертить то глубокое значение, которое имеет его работа, которое имеет его энергия, его проникновенный ум для всего человечества—не только для нас.

„И думаю, что не найду, хотя и считаюсь художником, слов, которые достаточно ярко очертили бы такую коренастую, такую сильную, огромную фигуру...

„Я видел крупных людей, знал Толстого и еще кое-каких, но эта колоссальная фигура заслоняет их.

„И на наше счастье, на счастье всей страны существует этот человек... Жизнь его русская история создала почти чудесное“...

Владимир Ильич на собрании не присутствовал и приехал уже после окончания речей. На приветствия он отвечал краткой речью, напечатанной в настоящем томе.

87) *К. Каутский*—см. том XIV прим. 45.

88) „*Искра*“ (1901—1905)—русский с.-д. орган революционного направления, издававшийся за границей под редакцией Плеханова, Ленина, П. Аксельрода, Л. Мартова, Потресова и Засулич (старая „Искра“). II съезд Р.С.-Д.Р. П. признал „Искру“ центральным органом партии. Последовавший после II съезда раскол

отдал „Искру“ целиком в руки меньшевиков, вынудив Ленина выйти из состава редакции (новая „Искра“).

89) *Возникновение большевизма*, как идейной группировки и как организации, относится к 1903 г., когда на II съезде Р.С.-Д.Р.П. произошел раскол (см. статья Н. Ленина в томах IV и V „Собр. сочин.“). После раскола большевики продолжали революционную традицию партии и старой „Искры“ (прим. 88), от которых меньшевики отказались. В 1905 г. большевистское течение имело первый самостоятельный съезд, на котором окончательно организовалось — III съезд Р.С.-Д.Р.П. (см. речи Н. Ленина на III съезде — том VI, стр. 161—191). В период первой революции последовало формальное объединение с меньшевиками, внешним выражением чего явились Стокгольмский Объединительный и Лондонский съезды; однако большевики сохраняли все время свое организационное единство, как самостоятельной фракции, и имели свой собственный руководящий центр. В 1909 г. последовал новый и окончательный раскол, завершившийся в 1913 г. расколом думской с.-д. фракции (организация думской пятерки, официально именовавшейся „рабочей с.-д. фракцией“ — см. прим. 90 и 91). В годы войны и распада II Интернационала большевистская партия завоевала руководящую роль среди международного социалистического движения, сохранившего верность Интернационалу, формулировав задачи пролетарской борьбы в обстановке мировой войны и создав блок революционных элементов социализма („Циммервальдская левая“ — см. том XIV прим. 61). На апрельской конференции Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) были углублены старые позиции партии сообразно изменившейся мировой конъюнктуре, формулированы задачи русской революции и подготовлено создание коммунистической партии. На VII съезде в 1918 г. было принято новое название партии: „Росс. комму. партия“ (том XV прим. 74). IX съезд Р. К. П. в 1919 г. выработал новую партийную программу (том XVI прим. 70). В том же году было положено начало Коммунистическому Интернационалу на его I конгрессе в Москве (том XVI прим. 39).

90) *Рабочая кутия в Государственной Думе* — см. том XV прим. 206.

91) *Большевистская фракция IV Государства. Думы* в дни всеобщей измены и предательства, охвативших партии II Интернационала с момента объявления войны, сохранила верность принципам революционной с.-д., как и вся большевистская партия, целиком примыкая к так называемой „пораженческой“ позиции Ц. К. Выданная Московским провокатором Романовым, фракция подверглась аресту 4 ноября 1914 г. на совещании с представителями местных организаций, созванном для обсуждения тезисов Ц. К. по вопросу о войне, выработанных Лениным и напечатанных в № 33 „Социал-Демократа“, центр. органа партии, издававшегося за границей (см. том XIII „Собр. соч.“). Судебная палата приговорила к ссылке на поселение Каменева, руководившего думской фракцией, и депутатов: Петровского, Бадаева, Муранова, Шагова и Самойлова, которые пробыли в Сибири вплоть до февральской революции.

92) *Фабианское общество* — см. том XIV прим. 294.

93) *Турант* — см. том XIV прим. 54.

94) *Р. Гильфердинг* — см. том XVI прим. 45.

95) *Аустерлиц* — австрийский с.-д. правого крыла.

96) *„Социал-демократы 48 года“* — *Социально-демократическая партия* (иначе „Гора“, монтавьяры) — мелко-буржуазная радикальная партия во главе с Ледрю-Ролленом, составлявшая оппозицию во Французском Учредительном Собрании 1848 г., в большинстве своем монархическом, представляла смесь го-

родского мещанства, части крестьян и отсталых слоев пролетариата и своей колеблющейся, нерешительной тактикой облегчила натиск крупно-буржуазной реакции, приведшей к воцарению Наполеона III.

⁹⁷⁾ *Апрельская конференция Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) 1917 г.*—см. том XIV прим. 329.

⁹⁸⁾ *Г. В. Плеханов*—см. том XIV, прим. 193 и 27 и том XV, прим. 195.

⁹⁹⁾ *Э. Бернштейн*—см. том XIV, прим. 243.

¹⁰⁰⁾ *Легин*—немецкий с.-д. шейдемановец, социал-империалист, деятель германского профессионального движения и один из вождей амстердамского профессионального объединения II Интернационала. Умер.

¹⁰¹⁾ *Союз Спартак*—см. том XIV, прим. 62.

¹⁰²⁾ *Георг Леденбург*—старый марксист, соратник Бебеля и Гаазе, в годы войны занимавший интернационалистскую позицию, участник Циммервальдской конференции, но решительный противник „Циммервальдской левой“. С отколом от германской с.-д. партии „независимых“, один из ее лидеров. После ноябрьской революции в Германии, некоторое время входил в правительство. Вместе с К. Либкнехтом и Шульце состоял членом революционного комитета в Берлине во время январского восстания 1919 г., оставался в то же время противником диктатуры пролетариата и защитником „демократии“. После победы коммунистов на съезде независимых в Галле в 1920 г., остался с правым крылом независимых, однако в 1922 г., при объединении независимых с шейдемановцами, отказался последовать за своими единомышленниками, образовав собственную фракцию. Типичный „центрист“, постоянно колеблющийся между коммунистами и социал-демократами.

¹⁰³⁾ *Артур Кристиан*, немецкий с.-д., один из руководителей независимой с.-д. партии Германии, стоящий ближе к ее правому крылу, летом 1920 г. вместе с Дитманом приезжал в Москву на II конгресс Коминтерна для переговоров о присоединении, однако на партийном съезде в Галле, отвергавшем это присоединение, выступал против Коминтерна и остался с меньшинством партии, отказавшимся от всякого объединения; в 1922 г. вернулся в шейдемановскую партию вместе с остатком партии независимых.

¹⁰⁴⁾ *А. Бебель*—см. том XIV, прим. 301.

¹⁰⁵⁾ *Письмо Энгельса Бебелю*, написанное 18—28 марта 1875 г. было посвящено критике проекта Готской программы и касалось вопроса о государстве, использовании государственной власти пролетариатом для подавления своих классовых врагов и последующего отмирания государства. Письмо впервые было опубликовано Бебелем в 1911 г. во втором томе его мемуаров, озаглавленных: „Из моей жизни“. См. подробнее об этом том XIV часть II „Собр. сочинений“, ст. Н. Ленина: „Государство и революция“, стр. 348 и послед.

¹⁰⁶⁾ *По вопросу об участии в третьей Государств. Думе* среди большевиков были значительные разногласия. Значительная часть фракции настаивала на бойкоте Думы. Ленин решительно настаивал на выборах. Собиравшая по этому вопросу общепартийная конференция голосами ленинцев и меньшевиков высказалась за участие в Думе. Небольшая группа большевиков, во главе с А. Богдановым, Луначарским, Станиславом Вольским, Г. Алексинским и другими, продолжала настаивать на тактике бойкота, выдвигая частью план предъявления думской с.-д. фракции ультиматума („ультиматисты“), частью простого отзыва с.-д. фракции из Гос. Думы („отзовисты“). Позднее „богдановцы“ организовались в самостоятельную фракцию, издавая за границей собственный печатный орган

„Вперед“ („впередовцы“), отрицательно относившийся к участию с.-д. в Госуд. Думе и к возможности, не прерывая подпольной работы, использования „легальных возможностей“ вообще (участие в съездах, клубах и т. п.). Группа „Вперед“, имевшая некоторый успех в эмигрантской среде, не получила влияния в России и постепенно распалась.

¹⁰⁷⁾ О позиции „левых“ (группа Бухарина, Осинского и др.) по вопросу о Брестском мире—см. том XV, стр. 617 и посл., очерк Н. Овсянникова „Ц. К. Р. К. П. и Брестский мир“ том XV, стр. 617, а также прим. 123 того же тома.

¹⁰⁸⁾ Созыв законосовещательной (Булыгинской) Госуд. Думы был объявлен 18 февраля 1905 г.; 6 августа последовало опубликование избирательного закона, лишавшего промышленный пролетариат участия в выборах. Большевики приняли тактику бойкота и подготовки вооруженного восстания. Либеральные группы склонны были к участию в выборах, меньшевики колебались. Всеобщая октябрьская стачка смела Булыгинскую Думу, вырвав у царя манифест 17 октября 1905 г. о созыве законодательной Думы с участием представителей фабрично-заводского пролетариата.

¹⁰⁹⁾ Бойкот первой Государств. Думы, под впечатлением удачного срыва Булыгинской Думы октябрьской забастовкой, проводился всей с.-д. партией, польскими и латышскими с.-д. и социалистами-революционерами. Большевики проводили бойкот на первой стадии выборов, ведя непосредственную революционную агитацию среди избирателей; меньшевики, напротив, участвовали в первой стадии избирательной кампании, агитируя за использование думских выборов для организационных целей, и бойкот проводили за спиной избирателей на второй и последующих стадиях. Стокгольмский съезд Р. С.-Д. Р. П. осудил тактику бойкота. Запоздавшая попытка использовать кавказских с.-д. депутатов и случайно прошедших в Государств. Думу рабочих-одиночек мало помогла исправлению допущенной ошибки. От тактики бойкота Н. Ленин, а за ним, после некоторых колебаний, и большевистская фракция отказались при выборах во вторую и последующие Госуд. Думы (прим. 106).

¹¹⁰⁾ Ж. Ренодель—см. том XIV, прим. 37.

¹¹¹⁾ Британская рабочая партия. (Labour party), лабуристы (вольный перевод на русский: „трудовики“). Рабочая партия является объединением тред-юнионов, независимой рабочей партии (I. L. P. — см. прим. 15) и других рабочих организаций, по преимуществу, в целях парламентской борьбы и проведения избирательных кампаний. В состав Рабочей партии в настоящее время входит и Коммунистическая Партия Англии, как самостоятельное автономное целое. Рабочая партия является одной из руководящих организаций II Интернационала.

¹¹²⁾ Намек на статью 1918 года под заглавием „О „левом“ ребячестве в мелко-буржуазности“, посвященную борьбе с „левыми коммунистами“, оспаривавшими необходимость подписания Брестского мира и организовавшими во фракцию внутри партии с особой, выработанной ими, тактической платформой (см. том XV, прим. 123). Ст. „О „левом“ ребячестве и мелко-буржуазности“ напечатана в XV томе „Собр. Сочинен.“, стр. 256—280.

¹¹³⁾ Роман Малиновский, член IV Госуд. Думы от рабочей курии Московской губернии, одновременно был секретным сотрудником Московского охранного отделения. Пользуясь своим ораторским талантом, выдвинулся среди других депутатов. Летом 1913 г. он, опасаясь раскрытия своих связей с Охран. Отделен., вышел из Думы и скрылся за границу; в 1918 г. Малиновский при-

ехал в Петербург, отдался в руки суда и был расстрелян по приговору верховного трибунала.

114) Число членов партии, по протоколам партийных съездов, изменялось следующим образом:

Лондонский съезд Р. С.-Д. Р. П. 1907 г. (большевики, меньшевики, Бунд, поляки и латыши)—около 150 тысяч.

Всероссийская апрельская конференция Р. С.-Д. Р. П. (большевиков)—80 тысяч.

VI съезд Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) в июле 1917 г.—175 тысяч.

VIII съезд Р. К. П. в апреле 1919 г.—314 тысяч.

IX съезд Р. К. П. в апреле 1920 г.—612 тысяч.

X съезд Р. К. П. в марте 1921 г.—703 тысячи.

XI съезд Р. К. П. в марте 1922 г.—532 тысячи.

Последняя цифра является приблизительной и, значительно преувеличенной, так как к моменту выборов на съезд „чистка“ партии и исключение из ее рядов посторонних непартийных элементов не везде еще окончились. Той же чисткой объясняется уменьшение числа членов партии (по сравнению с предыдущим съездом).

115) *Самуэль Гомперс*—см. том XV прим. 218.

116) *Мергейм*—деятель французского профессионального движения, секретарь синдиката металлистов, правый циммервальдовец в годы империалистической войны; в настоящее время единомышленник вождя французских желтых синдикатов Жюо из Амстердамского объединения профессиональных союзов.

117) *Индустриальные рабочие мира*—I. W. W.—революционная рабочая организация, состоящая из объединения ряда производственных союзов и действующая по преимуществу в западных штатах Сев. Америки. I. W. W. первоначально возникла в 1905 г. на съезде революционных профессиональных союзов Чикаго и окончательно определилась на съезде 1908 г., когда победили противники политической и парламентской борьбы. Будучи окрашена идеологией революционного синдикализма, I. W. W. руководится Генеральным Исполн. Комитетом и состоит из следующих производственных объединений: рудокопы, строители, земледельческие рабочие, текстильщики, рабочие морского транспорта, судостроительной промышленности, железнодорожники, углекопы, печатники, прислуга, рабочие резиновой промышленности, нефтяной, мебельщики, рабочие рыбных промыслов, рабочие по металлу и машиностроители. Платящих аккуратно членский взнос насчитывается 125.000 ч., в период сезонных работ указанное число удваивается. Главная деятельность I. W. W. состоит в проведении стачек, по преимуществу, среди самых отсталых и неорганизованных слоев пролетариата, организации кампаний „в защиту свободы слова“ оригинальным методом массовых выступлений ораторов, несмотря на полицейские аресты, и т. п. выступлений, не отказываясь от стычек с полицией и целых сражений в целях самообороны. Хотя в годы войны I. W. W., как „аполитическая“ организация, не выявляла своего отношения к последней, однако не прекращала массовой стачечной борьбы, вследствие чего подверглась ожесточенной репрессии как со стороны капитала, так и правительственной власти (закон против синдикалистов, „закон о шпионах“ и пр.). В настоящее время I. W. W. насчитывают тысячи членов организации, томящихся в тюрьмах Северо-Американской республики.

118) *Зубатов*—начальник Московского охранного отделения, бывший революционер. Им, а также его агентами (д-р Шаевич в Одессе, Мария Вильбуше-

вич в Минске, св. Гапон в Петербурге) была предпринята в период 1902—1905 г.г. попытка организации полицейского рабочего движения. С этой целью, по ходатайству Зубатова, было разрешено в Москве „Общество рабочих металлического производства“, которым руководило охранное отделение при помощи своих агентов, либеральных профессоров (Озеров, Вормс) и сбитых с толку рабочих. Общество пыталось защитить мелкие экономические интересы отдельных профессий, проводило стачки и организовало уличную демонстрацию 19 февраля 1902 г. с возложением венка у памятника Александра II. С.-д. того времени использовали зубатовские организации для работы и агитации внутри них. „Зубатовщина“ привела к неожиданным для ее инициатора результатам: зубатовские организации способствовали росту стачек (Минск, Одесса, а также южная стачка 1903 г.) и обострению политической борьбы пролетариата (9 января 1905 г. в Петербурге), который сумел использовать легальные полицейские организации, вложив в них классовое содержание.

¹¹⁹⁾ З. Хеглунд—см. том XIV прим. 69.

¹²⁰⁾ Огюст Блинки—см. том XIV прим. 30.

¹²¹⁾ М. Э. Вальян (род. в 1840 г.) после свержения Наполеона III был избран в Национальное собрание Франции; после восстания Парижа примкнул к Коммуне и был выбран ее членом; версальцы приговорили В. к смерти, вследствие чего ему пришлось бежать в Лондон, где он близко сошелся с Марксом и Энгельсом и вошел в совет Интернационала; В. вернулся во Францию по амнистии 1884 года, заняв одно из первых мест во французском социалист. движении.

¹²²⁾ Жюль Гед—см. том XIV прим. 38.

¹²³⁾ Н. Г. Чернышевский—см. том XIV прим. 118.

¹²⁴⁾ П. Б. Аксельрод—см. том XIV прим. 59.

¹²⁵⁾ В. И. Засулич—см. том XIV прим. 94.

¹²⁶⁾ Л. Мартов—см. том XIV прим. 13.

¹²⁷⁾ П. В. Струве—см. том XV прим. 193.

¹²⁸⁾ На выборах во вторую Государственную Думу, для преодоления особенностей избирательного закона, трех- и четырех-степенных выборов, курьезной системы, большевики в борьбе с кадетами проводили „левый блок“, поддерживая эс-эров, трудовиков, левых крестьян и др. революционные элементы, начиная со второй и последующих ступеней выборов, отказываясь, однако, от всяких соглашений с рабочей курией. Меншевики, ссылаясь на черносотенную опасность, проводили блок с кадетами. „Левый блок“ носил технический характер временных избирательных соглашений, не связывая никакими обязательствами с.-д. думской фракции, в отличие от меньшевиков, настаивавших на длительном сотрудничестве с кадетами в Госуд. Думе в целях изоляции правительства.

¹²⁹⁾ В. М. Чернов—см. том XIV прим. 105.

¹³⁰⁾ М. А. Натансон—см. том XV прим. 12.

¹³¹⁾ Циммервальдская и Кинтальская международные социалистические конференции—см. том XIV прим. 61.

¹³²⁾ Революционные коммунисты — лево-эс-эровская группа, отколовшаяся от партии после авантюристской попытки восстания в июле 1918 года, отказавшаяся от эс-эровских предрассудков и народнической идеологии и несколько позднее целиком вошедшая в Р. К. П.

¹³³⁾ Декрет о земле, принятый II съездом Советов 26 октября 1917 г. а также положение о землеустройстве, утвержденное Ц. И. К. П. созыва, вос-

производят основные положения эс-эровской аграрной программы и разработанной ими „социализации“ земли. Декрет о земле напечатан в XV томе „Собрания сочинений“, стр. 21. См. также речь Н. Ленина „О земле“ на II съезде Советов, помещенную в том же томе, стр. 19—20.

⁽¹³⁴⁾ *Левые социалисты-революционеры*, в ноябре 1917 г., после недолгих колебаний и попыток добиться создания коалиционного „общесоциалистического“ министерства (см. том XV прим. 18) приняли предложение большевиков вступить в блок и вошли в Совет Народных Комиссаров. Штейнберг получил портфель народного комиссара юстиции, Колегаев—земледелия, Прошьян—почт и телеграфов, Спиридонова стала во главе крестьянской секции Ц. И. К. Основанием для коалиции послужил „декрет о земле“, принятый II съездом Советов 26 октября 1917 г. и признавший общие положения эс-эровской „социализации“ земли. Левые социалисты-революционеры состояли в рабоче-крестьянском правительстве вплоть до подписания Брестского мира, когда они в виде протеста против последнего разорвали коалицию и вышли из Ц. И. К. Во время V съезда Советов, в июне 1918 г., левые эс-эры, желая сорвать „похабный мир“ и втянуть Советскую Россию в войну с Германией, произвели авантюристическую попытку восстания (см. том XV прим. 152) и, потеряв всякую популярность в массах, фактически уничтожили собственную партию.

⁽¹³⁵⁾ *I съезд Советов*—см. том XV прим. 11.

⁽¹³⁶⁾ *II съезд Советов*—см. том XV прим. 1.

⁽¹³⁷⁾ *Сильвия Панкхерст*, „левая“ английская коммунистка, сторонница бойкота парламента, невхождения английских коммунистов в Британскую Рабочую партию и т. п. взглядов. Участвовала на II конгрессе Коминтерна. Первоначально одна из энергичных деятельниц суффражистского движения в Англии.

⁽¹³⁸⁾ *Вопрос о вхождении коммунистической партии Англии в Рабочую партию* рассматривался на II Конгрессе Коммунистического Интернационала в 1920 году и был решен в положительном смысле. Ленин выступил с большой речью по этому вопросу, которая помещена в настоящем томе на стр. 301 и следующих.

⁽¹³⁹⁾ *Рамсей Макдональд*—см. том XIV прим. 52.

⁽¹⁴⁰⁾ *Филипп Сноуден*—один из вождей английской независимой рабочей партии (см. прим. 15), примыкающий к ее правому крылу, член палаты общин.

⁽¹⁴¹⁾ *Асквит*—лидер парламентской фракции английских либералов, не примыкавших к коалиции с консерваторами, возглавлявшейся Ллойд-Джорджем (см. том XIV прим. 155).

⁽¹⁴²⁾ *Лорд Черчилль*—консервативный министр в коалиционном кабинете Ллойд-Джорджа, злейший враг Советской России.

⁽¹⁴³⁾ *Об Учредительном Собрании*—см. том XV прим. 37.

⁽¹⁴⁴⁾ *Дело Дрейфуса*—см. том XV прим. 187.

⁽¹⁴⁵⁾ *Июльские дни 1917 года*—см. том XIV прим. 167.

⁽¹⁴⁶⁾ *Тревес*—см. том XIV прим. 55.

⁽¹⁴⁷⁾ *Модильяни*—член итальянской социалистической партии, социал-соглашатель, стоящий на крайнем правом ее крыле. Характеристику его см. в полемике Н. Ленина с Серрати, ст. „Фальшивые речи о свободе“ стр. 370 настоящего тома.

⁽¹⁴⁸⁾ *Дугони*—правый итальянский реформист, сторонник Турати.

⁽¹⁴⁹⁾ *Бордига*, член итальянской социалистической партии, интернационалистов годы войны и один из основателей итальянской коммунист. партии; на II конгресс-

се Коминтерна выступал в качестве содокладчика по вопросу о парламентаризме, настаивал на бойкотистской тактике.

150) *Институт правозащитников*—был учрежден в 1918 г. взамен распущенной декретом буржуазной адвокатуры. Правозащитники считались советскими работниками, состояли на жалованьи и были обязаны безвозмездно выступать на суде в качестве защитников и обвинителей. Фактически правозащитники ничем не отличались от старых адвокатов, получая нелегально от клиентов „говорар“ и всячески избегая выполнения обязанностей общественного обвинения. Взамен коллегии правозащитников был создан институт консультантов, обязанных давать бесплатные юридические советы в особых консультациях при районных советах и судах. Консультанты мало чем отличались в своей деятельности от правозащитников. С переходом к новой экономической политике в 1922 г. была восстановлена самоуправляющаяся адвокатура под советским контролем.

151) *Переговоры о Крыме* начались 11 апреля 1920 г., когда английское правительство предложило Советской России свое посрелничество между ней и Врангелем, испрашивая последнему амнистию. Наркоминдел выразил свое согласие, обещая помилование Врангелю при условии отправки в Россию бывших народных комиссаров Венгерской Советской Республики, заключенных в тюрьмах Венгрии и концентрационных лагерях Австрии. От Англии долгое время не было ответа, между тем английские крейсера произвели обстрел Черноморского побережья. 4 мая последовала новая английская нота, в которой вопрос о капитуляции был заменен предложением перемирия. Дальнейшая дипломатическая переписка продолжалась еще некоторое время, пока Врангель, перегруппировав свою армию и пополнив при помощи Франции военные припасы, не перешел в наступление. В результате переговоры с Англией послужили удобным прикрытием для Врангеля, пужавшегося в передышке.

О бароне Врангеле—см. прим. 161.

152) *Освобождение Баку от муссаватистов* последовало 28 апреля 1920 г., когда бакинские рабочие при приближении Красной армии, разбившей Деникина, подняли восстание и свергли буржуазное муссаватистское правительство, провозгласив Азербейджанскую Советскую Социалистическую Республику.

Подробнее—см. том XV прим. 164.

153) *Фирма Нобель* являлась крупнейшим владельцем Бакинских нефтяных промыслов и ряда перегонных заводов в Черном Городе, владея одновременно наливным флотом на Каспийском море и на Волге и собственными цистернами на железных дорогах. Сбыт нефти в 1919 и в начале 1920 г. в то время, когда Баку находилось под властью муссаватистского правительства, оказался чрезвычайно затрудненным, резервуары для хранения нефти были переполнены, и Бакинская промышленность переживала тяжелый кризис. Нобель, несмотря на состояние войны, вступил в переговоры с Советским правительством о доставке нефти в Россию; другие более мелкие фирмы, под давлением кризиса, доставляли в Россию нефть контрабандным путем. Советизация Азербейджана 28 апреля 1920 г. и последовавшая затем национализация промыслов разрешила вопрос об экспорте Бакинской нефти, открыв ей дорогу по Волге.

154) *Лорд Черчилль*, консервативный министр в коалиционном кабинете Ллойд-Джорджа и вдохновитель интервенции против Советской России, в декабре 1919 г. заявил в палате общин, что Антантой организована против русской революции коалиция из 14 держав, считая в том числе малые государства образовавшиеся на окраинах бывшей Российской империи.

¹⁴⁸⁶⁾ *Делегация английских труд-юнионов* прибыла в Москву в начале мая 1919 г. с целью ознакомления с положением дел в России. В ее состав входили как представители самого правого течения, начиная с фабианцев, так и представители „центра“ и левых. Среди делегатов были Том Шоу, мистрис Сноуден, Скипнер, Бекстон, „Христианский коммунист“ Рессель, председатель Британской независимой рабочей партии Уолхед, коммунист Роберт Вильямс (позднее изменивший во время стачки угольщиков) и другие. Большинство членов делегации пробыло в России около полутора месяцев, посетив ряд провинциальных городов на Волге, Украине и в других областях.

¹⁴⁸⁷⁾ *Г. В. Чичерин* долго жил в эмиграции, в 1906 г. подвергся за с.-д. работу административной высылке из Пруссии; переехав в Швейцарию и позднее в Англию, возвратился в Россию в конце 1917 г.; со времени подписания Брестского мира в марте 1918 г. состоит народным комиссаром иностранных дел.

¹⁴⁸⁸⁾ *М. М. Литвинов*—см. том XV прим. 147.

¹⁴⁸⁹⁾ *Л. В. Красин* (незаконный псевдоним Зимин) род. в 1870 г., в революционном движении принял участие, будучи студентом Техн. инстит. в Петербурге, откуда был исключен в 1891 г. за участие в демонстрации на похоронах Шелгунова. В 1894 г. после кратковременного тюремного заключения был выслан на три года в Иркутск. Вновь подвергался арестам в 1907 и 1908 г.г. К. вошел в с.-д. движение в 90-х годах, примыкая сначала к „искровцам“, а после раскола партии—к большевикам, и вскоре занял ответственные посты в качестве члена Ц. К. большевистской части партии, а в 1905 г., в период организационного слияния большинства и меньшинства, входил от большевистской фракции в Объединенный Ц. К., куда был вновь переизбран на Стокгольмском съезде. В 1908 г. К. был вынужден выехать за границу. В настоящее время К. состоит народным комиссаром внешней торговли.

¹⁴⁹⁰⁾ *Бонар Лоу*—вождь английских консерваторов, министр в коалиционном (либералы и консерваторы) кабинете Ллойд-Джорджа (см. том XIV прим. 155) в годы войны и после нее и премьер-министр в консервативном министерстве 1922 г.

¹⁴⁹¹⁾ *Борьба Ирландии за национальное освобождение*—см. том XV прим. 205.

¹⁴⁹²⁾ *Барон Врангель*, один из деникинских генералов, прославившийся в белогвардейском стане своими операциями в 1919 г. против Царицына, весной 1920 г. приказом вышедшего в отставку Деникина был назначен главнокомандующим „всех вооруженных сил на юге России“ и принял начальство над остатками белогвардейских армий, укрепившихся в Крыму. 25 апреля 1920 г. Красная армия заняла Новороссийск на Кавказском берегу Черного моря, и несколько десятков тысяч добровольцев и казаков усилили оборону Крыма. Предложение английского посредничества и последовавшие затем дипломатические переговоры (см. прим. 151) помогли Врангелю подготовиться к обороне. Последовавшая затем польская война отвлекла Красную армию на запад, вследствие чего Врангель смог перейти в наступление и выйти из пределов старой Таврической губернии, угрожая одновременно Донецкому бассейну на востоке и Екатеринославу на западе. Попытки Врангеля высадить десанты в Донской области и на Кубани были своевременно ликвидированы. После перемирия с Польшей 12 октября началась ликвидация Врангеля. 30 октября был взят Перекоп, и Красная армия вошла в Крым; 15 ноября Врангель бежал в Константинополь с остатками разгромленных белогвардейских скопищ. Крым превратился в автономную Советскую Республику. Гражданская война в пределах Европейской России была закончена

¹⁶²⁾ *Монатт*—французский революционный синдикалист.

¹⁶³⁾ II Конгресс Коммунистического Интернационала заседал 21 июля—6 августа 1920 г. в Москве в тронном зале большого дворца (первое заседание 19 июля происходило в Петербурге). На конгрессе было представлено 39 стран, присутствовало с решающими голосами 169 делегатов и 49 с совещательными, из них было коммунистов 152, остальные голоса принадлежали „братским“ и сочувствующим партиям и группировкам. Порядок дня был утвержден следующий: 1) роль и состав коммунистической партии до и после завоевания власти рабочими, 2) профессиональные союзы и заводские комитеты, 3) вопрос о парламентаризме, 4) национальный и колониальный вопросы, 5) аграрный вопрос, 6) позиция по отношению к новым течениям „центра“ и условия их вхождения в Интернационал, 7) устав Коммунистического Интернационала, 8) организационные вопросы (легальные и нелегальные организации, женские организации и т. п.), 9) коммунистическое движение молодежи, 10) выборы. В промежуток между I конгрессом (см. том XVI прим. 39) и II, ряд социалистических партий „центристского направления“ (английские независимые, франц. соц. партия, независимая с.-д. партия Германии и др.) вышли из II Интернационала и под давлением рабочих принуждены были заявить о своем желании присоединиться к Коминтерну, прислав на конгресс своих делегатов. Конгресс выработал „21 условие вступления в Коминтерн“, которые оградяли его от напыления колеблющихся и ненадежных элементов и вызвали раскол в „центристских“ партиях различных стран (Италия, Франция, Германия), отколов от них все действительно революционные элементы. В принятых резолюциях конгресс заложил прочный фундамент мировому коммунистическому движению, объединил его под единым идейным руководством и в лице избранного на конгрессе исполкома создал единый центр.

¹⁶⁴⁾ *Правительство князя Львова*—см. том XIV, прим. 22.

¹⁶⁵⁾ *П. Н. Милжов*—см. том XIV, прим. 2.

¹⁶⁶⁾ *Совещание по работе в деревне* было создано отделом по работе в деревне Ц. К. Р. К. П. и состояло из партийных работников с мест, связанных с деревней. Подобного рода совещания созывались неоднократно в 1919—1920 г.г. В 1921 г. отдел по работе в деревне был расформирован, и его функции были переданы по принадлежности отделам организационному и агитационно-пропагандистскому Ц. К. Р. К. П.

¹⁶⁷⁾ *Буллит*—член американской мирной делегации в Париже, приезжал в начале 1919 г. в Москву и от имени америк. президента Вильсона предложил Советскому правительству проект договора между всеми правительствами, существовавшими в тот момент на территории бывшей Российской империи. Проект Буллита сводился к следующему: границы между фактическими правительствами проходят по линиям фронтов, объявляется взаимная амнистия, армии пропорционально демобилизуются, иностранная интервенция прекращается и блокада снимается. Предложение Буллита Советское правительство соглашалось принять за основу при условии, если это предложение будет официально подтверждено не позднее 10 апреля 1919 г. Буллит отправился в Европу для дальнейших переговоров, однако таковых не последовало. Буржуазная печать позднее отрицала даже самую миссию Буллита.

¹⁶⁸⁾ *„Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода“*, заметки белого офицера. Февраль 1920 г.

¹⁶⁹⁾ *Петлюра*—бывш. украинский с.-д. правого направления, националист и глава директории, выдвинутый Украинской Радой. Во время Брестских пере-

гворов вытесненный Советской революцией из Киева, вошел в секретное соглашение с Германией и при помощи немецких штыков восстановил на Украине власть Рады (см. том XV прим. 49), но вскоре был низложен немцами и заменен гетманом Скоропадским (том XV прим. 134). После ноябрьской революции 1918 г. в Германии и эвакуации немецких войск пытался восстановить свою власть, но сброшенный Красной армией и народным восстанием, эмигрировал в Галицию, откуда организовал партизанскую борьбу и бандитские налеты (атаманы Зеленый, Ангел, Соколовский и др.). Весною 1920 г. заключил договор с Польшей о совместных действиях против Советской Украины, пытаясь вернуться к власти при содействии поляков, вследствие чего утратил остатки последнего влияния на крестьянство. После Рижского мира (см. прим. 51) вновь прибег к методу бандитских налетов, опираясь на польскую границу. Петлюровские „атаманы“ и „батьки“, встреченные крестьянством враждебно, были постепенно ликвидированы красноармейскими пограничными частями.

¹⁷⁰⁾ *Скульский*—премьер-министр Польской республики.

¹⁷¹⁾ *P. P. S.*—*Польская партия социалистическая*—см. том XVI прим. 86.

¹⁷²⁾ *А. В. Дуначевский*—см. том XVI прим. 110.

¹⁷³⁾ *Об условиях присла в Коммунистический Интернационал*—см. подробнее речь Н. Ленина на II конгрессе Коминтерна, стр. 292 и след. настоящего тома.

¹⁷⁴⁾ *О вхождении коммунистов в Британскую Рабочую Партию*—см. речь Н. Ленина на II конгрессе Коминтерна, стр. 301 и след. настоящего тома.

¹⁷⁵⁾ *„L'Ordine Nuovo“*—орган Итальянской коммунистической партии, выходит в Турине, в настоящее время, с переходом власти к фашистам и образованием министерства Муссолини, печатается нелегально.

¹⁷⁶⁾ *Журнал „Коммунизм“*—орган Восточно-Европейского Секретариата Коммунистического Интернационала в Вене. Издание „лево-коммунистического“ направления. См. отзыв Н. Ленина: „О журнале Коммунизм“, стр. 217 настоящего тома.

¹⁷⁷⁾ *Комитеты фабрично-заводских старост в Англии*—см. том XVI прим. 40.

¹⁷⁸⁾ *Н. Ленин: „Империализм как новейший этап капитализма“*. Книга была написана в 1916 г. в Цюрихе, первое издание вышло в Петербурге после февральской революции в 1917 г., напечатано в XIII томе „Собран. сочин.“.

¹⁷⁹⁾ *Г. М. Гайндман*—см. том XIV прим. 210.

¹⁸⁰⁾ *Пауль Леви*—см. том XIV прим. 18.

¹⁸¹⁾ *Дж. М. Кейнс: „Экономические последствия Версальского мирного договора“*. Книга вышла в Англии в ноябре 1919 г. В декабре 1921 г. Кейнс выпустил продолжение своей работы под заглавием: „Пересмотр мирного договора“. На русском языке обе книги изданы Государтств. Издательством.

¹⁸²⁾ *I Конгресс Коммунистического Интернационала*—см. том XVI прим. 39.

¹⁸³⁾ *Тэннер*, представитель английских организаций шоп-стюарт—комитетов заводских старост, на II конгрессе Коминтерна в порядке прений по докладу Г. Зиновьева „О роли коммунистической партии“ выступил с речью, в которой, ссылаясь на особенности английского рабочего движения, отстаивал предоставление широкой самостоятельности национальным организациям, в частности, по вопросам признания или отрицания политической борьбы и парламентаризма, защищая синдикалистскую теорию „прямого действия“. Не отрицая необходимости признания диктатуры пролетариата в переходный период, он полагал,

что эта диктатура не должна осуществляться через политическую партию, но через организации синдикалистского типа („шо-п-стюарт“ и им подобные).

184) *Мак-Лейн (Маклин)*, шотландец, член Британской Раб. партии, один из основателей в годы войны коммунистического движения в Англии, на II конгрессе Коминтерна произнес две речи, в которых доказывал необходимость вхождения коммунистических организаций в Брит. Рабочую партию (Labour Party), являющуюся политическим объединением тред-юнионов, с целью использования ее аппарата для агитации и борьбы с правыми социалистами, при условии, однако, сохранения за соц. партией полной самостоятельности и свободы критики вождей Рабочей партии. Точка зрения Мак-Лейна, совпадавшая с точкой зрения Ленина и исполкома Коминтерна, была в общем принята конгрессом и закреплена в его резолюции.

185) *Рамзай*, английский делегат на II конгрессе Коминтерна, представитель шо-п-стюарт, противник вхождения коммунистов в Рабочую партию.

186) *Маринг*, голландец, делегат коммунистической партии Голландской Индии, содокладчик Ленина на II конгрессе Коминтерна от имени комиссии по национальному и колониальному вопросам.

187) *Рой*, представитель коммунистических групп Британской Индии на II конгрессе Коминтерна, содокладчик Ленина по национальному и колониальному вопросам, дополнительные тезисы которого были приняты конгрессом.

188) *Том Квелл*, член Британской социалистической партии, член исполкома Коминтерна II созыва.

189) *Воззвание „Всем членам французской социалистической партии, всем сознательным пролетариям Франции“* президиумом II конгресса Коминтерна было вручено делегатам франц. соц. партии Кашену и Фроссару, участвовавшим на конгрессе с совещательным голосом и вступившим в переговоры о присоединении франц. партии к Коммунистическому Интернационалу.

190) *Марсель Кашен*—член франц. социал. партии и коммунист с 1920 года, профессор философии. В партии принадлежал к группе гедистов, одно время состоял помощником мэра г. Бордо, дважды избирался в парламент от одного из рабочих кварталов Парижа, редактор „L'Humanité“ после Реноделя. Во время империалистической войны, подобно своему учителю Геду и всей партии, изменил Интернационалу, поддерживал „оборону“ и „union sacrée“ („священное единение классов“); после февральской революции 1917 г. вместе с франц. социалистами Лафоном и Муте приезжал в Россию уговаривать рабочих оказать поддержку временному правительству во имя „обороны“. Постепенно под влиянием русской революции изменил свои взгляды и в 1920 г. на II конгрессе Коминтерна в качестве делегата франц. соц. партии вел переговоры об ее присоединении, затем на конгрессе фр. соц. партии провел присоединение и организовал франц. коммун. партию. Член Ц. К. франц. комм. партии.

191) *О. Л. Фроссар*—член французской социалистической партии и одно время коммунист. Бывший народный учитель; войдя в партию, примкнул к жоресистам, в годы войны принадлежал к группе Лонге, и был выбран секретарем партии после поражения прежнего социал-соглашательского большинства (Ренодель). Вместе с Кашеном приезжал на II конгресс Коминтерна, с которым вел переговоры о присоединении французской партии, по возвращении во Францию отстаивал на конгрессе „21 Московское условие“ и вместе с новым большинством соц. партии вошел в франц. коммунист. партию; однако в 1923 г., вышед из партии, образовав собственную незначительную организацию.

192) *Прессман*—см. том XIV прим. 49.

193) *Бернская международная социалистическая конференция II Интернационала*—см. том XVI прим. 41.

194) *Эмиль Вандервельде*—см. том XIV прим. 76.

195) *Начало Профинтерну* было положено в Москве в июне 1920 года подписанием договора между некоторыми членами английской и итальянской делегации и русскими представителями В. Ц. С. II. С. Об английской делегации см. прим. 155.

196) *Г. Сerratи*—см. том XVI, прим. 20.

197) *Эрфуртская программа германской с.-д. партии* — см. том XIV прим. 135.

198) *Программа Р. С.-Д. Р. II. 1903 года*—см. том XIV прим. 95.

199) *Суварин*—левый франц. социалист, позднее один из основателей франц. коммуни. партии и член ее Ц. К.

200) *Гуго Стиннес*—немецкий капиталист, разбогатевший на казенных заказах во время войны, в настоящее время является самым крупным капиталистом, контролирующим всю промышленность Германии и имеющим решающее влияние на политику страны. Автор проекта восстановления Германии и уплаты контрибуции Антанте за счет рабочего класса путем удлинения рабочего дня и понижения заработной платы.

201) *Фамилия Крупн* владеет величайшими сталелитейными и пушечными заводами, находящимися в Рейнской области, близ города Эссена, и основанными в 1810 году.

202) *Варга*—венгерский коммунист, во время революции состоял одним из народных комиссаров Венгерской Социалистической советской республики, в настоящее время находится в эмиграции в России. Экономист, специалист по аграрному вопросу, литератор.

203) *Вайнкуп*—председатель Голландской коммунистической партии, депутат. Вайнкуп, будучи исключен из офиц. голландской с.-д. партии вместе с группой левых с.-д. (Паннекук, Роланд-Гольст, Гортер, Иргов, Равейстен), в 1909 г. основал лево-радикальную газету „Трибуна“ („трибунисты“), в годы войны ведущую энергичную противовоенную агитацию и в настоящее время являющуюся центральным органом партии. Вайнкуп, как и большинство Голландской коммунистической партии, является „левым“ коммунистом (см. „Детская болезнь „левизны“ в коммунизме“) и во многих вопросах расходится со взглядами Коминтерна.

204) *Вилли Мюценберг*—один из основателей коммунистического движения молодежи и делегат Интернационала молодежи на II конгрессе Коминтерна.

205) *Антон Паннекук*—голландский коммунист, разделяющий взгляды германской коммунистической рабочей партии (см. „Детская болезнь „левизны“ в коммунизме“), „крайний левый“, один из основателей газеты „Трибуна“ (см. прим. 203).

206) *Дитман*—старый немецкий социал-демократ, один из руководителей независимой с.-д. партии Германии, после ноябрьской революции 1918 г. входил вместе с шейдемановцами в Совет Народных Уполномоченных (Временн. Правит.) и вышел из последнего после Всегерманск. съезда Советов. В 1920 г. вместе с Артуром Криспином приезжал в Москву на II конгресс Коминтерна для переговоров о присоединении независимых; на партийтаге в Гааге, постановившем тремя четвертями голосов принять „Московские условия“ и объеди-

ниться с независимыми, остался с меньшинством, отказавшемся от объединения в 1922 г. вместе с правыми независимцами вернулся в лоно официальной с.-д. партии, из которой первоначально вышел в 1916 г. из-за разногласий по военным вопросам. Типичный центрист, все время колеблющийся между реформизмом и революцией.

207) *Галаккер*—„левый“ шотландский коммунист, противник парламентаризма, метода завоевания старых профессиональных союзов путем создания системы ячеек, вхождения английских коммунистов в Британскую Рабочую партию и т. п. основных методов работы Коминтерна, на II конгрессе энергично отстаивавший свои взгляды.

208) *Томас*—член Британской Рабочей партии, деятель тред-юнионов, стоящий на правом крыле английского рабочего движения.

209) *В. И. Ильин „Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии“*. Книга написана Лениным в 1908 г. и напечатана впервые издательством „Звено“ в Москве в 1909 году. Второе издание вышло в 1920 г. и перепечатано полностью в X томе „Собрания сочинений“.

210) *А. А. Богданов (Малиновский)*—по образованию врач, примкнул к с.-д. движению в начале 90-х годов, работал в партийных кружках в Москве, Туле, Твери и др. городах. В 1900 г. подвергся ссылке в Вологодскую губ. на три года. После распада партии на II съезде активно примкнул к большинству и позднее вошел в Ц. К. На стокгольмском объединительном съезде вновь был переизбран в общепартийный Ц. К. После разгона второй Государственной Думы занял обособленную позицию, настаивая на бойкоте думы и отъезде из нее с.-д. фракции, и, пытаясь создать собственную лево-большевистскую фракцию („богдановцы“), издавал за границей газету „Вперед“ при участии А. Дунаевского, Г. Алексинского, Ст. Вольского и др. („впередовцы“). Будучи популяризатором экономич. учения Маркса, Б. пытался создать собственную философскую систему („эмпириомонизм“), родственную идеалистическим построениям Маха и Авенариуса. Б. в 1909 г. был исключен из большевистской фракции и с тех пор стоит вне партии.

211) *В. И. Невский* (род. в 1876 г.). Революционную работу начал в 1895 г. в Ростове в кружках, сохранившихся после народолюбцев. В 1897 г. перейдя к с.-д., продолжал работу в Москве в течение трех лет, принимая одновременно участие в организации в Ростове Донского комитета, при чем трижды за это время подвергался арестам. Высланный в 1901 г. в Воронеж, организовал Воронежский комитет (большев.). В период первой революции работал в Петербургском комитете вплоть до 1908 г., когда подвергся аресту по делу военной организации, но оправданный судом продолжал работу в Харькове и на Урале, где находился в годы войны под гласным надзором полиции. За время работы в подполье Н. дважды подвергался административной высылке в Вологодскую губ. и Восточную Сибирь, но оба раза бежал с дороги. Во время Керенщины работал в Петербургской военной организации; после октябрьской революции по 1919 г. состоял народным комиссаром путей сообщения, позднее заведывал Свердловским университетом в Москве и отделом Ц. К. Р. К. П. по работе в деревне. В настоящее время принимает деятельное участие в работах Истпарта Редактор журнала „Красная Летопись“.

212) *А. Р. Гоц*—см. том XV, прим. 197.

213) *Ф. Дан*—см. том XIV, прим. 159.

214) *Независимая с.-д. партия Германии и французская социал. партия* в 1920 г. вышли из II Интернационала и заявили о своем желании присо-

единиться к Коминтерну. Их делегации в составе Гильбо, Садуля, Кашена и Фроссара (франц.) и Деймига, Дитмана, Криспина, Штеккера и Шиллера (герм.) были допущены с совещательными голосами на II конгресс III Интернационала, который непременным условием вступления в Коминтерн поставил признание „21 условия“ (см. прим. 215). На партийтаге в Галле (17 октября 1920 г.) и на конгрессе в Туре (30 декабря 1920 г.) французы и немцы большинством трех четвертей голосов вотировали свое присоединение на основе признания „21 московского условия“. Меньшинство обеих партий откололось и сохранило обособленное существование, сделав попытку в лице 2½ Интернационала создать противовес Коминтерну.

11) 21 условие приема в Коминтерн, принятые II конгрессом Коммунистического Интернационала, в общем сводятся к следующим положениям:

1. „Повседневная пропаганда и агитация должны носить действительно коммунистический характер и соответствовать программе и всем постановлениям III Интернационала“. Вся партийная пресса подчиняется Ц. К. Необходима энергичная агитация против реформистов.

2. Со всех ответственных партийных и общественных постов реформисты, „центристы“ и колеблющиеся должны быть удалены.

3. Необходимо создание параллельного нелегального партийного аппарата.

4. Систематическая пропаганда в войсках.

5. Агитация в деревне. Пропаганда и организация „сельско-хозяйственных рабочих“.

6. Борьба с социал-патриотизмом, разоблачение социал-пацифизма.

7. Немедленный и полный разрыв с реформизмом и политикой „центра“.

8. „В вопросе о колониях и об угнетенных национальностях необходима особо четкая и ясная линия партий тех стран, где буржуазия такими колониями владеет и другие нации угнетает“. Разоблачение колониальной политики „своей“ буржуазии и своего правительства. Соответствующая агитация в войсках.

9. Коммунистическая работа и создание партийных ячеек в профессиональных союзах.

10. „Упорная борьба против Амстердамского Интернационала желтых профессиональных союзов“. Поддержка Красного Профинтерна.

11. Пересмотр личного состава парламентских фракций, действительно подчинение их Ц. К. Революционная агитация с парламентской трибуны.

12. Проведение принципа „демократического централизма“ во всех организационных отношениях партии. Сильный и авторитетный Ц. К. Усиление партийной дисциплины.

13. Периодические перерегистрации членов партии.

14. Поддержка Советских республик.

15. Пересмотр старых с.-д. программ и выработка новой коммунистической программы, утверждаемой Исполкомом Коминтерна.

16. Обязательность постановлений конгрессов Коминтерна и его исполкомов.

17. Изменение названия партии и принятие наименования: „коммунистическая партия такой-то страны (секция Коммунистического Интернационала)“.

18. „Руководящие партийные органы обязаны печатать все важные документы исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.“

19. „Все партии, принадлежащие к Коммунистическому Интернационалу или подавшие заявление о желании вступить в него, обязаны в кратчайшей

сроки, но не позже, чем через 4 месяца после второго конгресса Коммунистического Интернационала, созвать экстренный съезд своей партии, чтобы обсудить эти обязательства“.

20. „Партии, которые теперь хотели бы вступить в III Интернационал, но до сих пор не изменили своей прежней тактики, должны до вступления в него позаботиться о том, чтобы в их центральный комитет и во все важнейшие центральные учреждения партии входило не менее двух третей таких товарищей, которые еще до второго конгресса Коммунистического Интернационала публично и недвусмысленно высказывались за вступление в III Интернационал. Исключения могут допускаться с утверждения Исполнительного Комитета III Интернационала. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право делать исключения также и для названных в § 7 представителей центра“.

21. „Члены партии, принципиально отвергающие обязательства и тезисы, выставленные Коммунистическим Интернационалом, должны исключаться из партии. Это относится также и к делегатам экстренных партийных съездов“.

21а) *Италия была близка к революции* в сентябре 1920 года. Федерация рабочих-металлистов, к которой вскоре примкнули Союз синдикалистов, Белый союз (католический) и Итальянский союз труда (националистический), предъявила требование о повышении заработной платы на 35% и пыталась явочным порядком провести восьмичасовой день. Капиталисты ответили категорическим отказом, несмотря на то, что движение охватило свыше 500.000 рабочих. Федерация приступила к проведению „итальянской“ забастовки и призвала рабочих в случае локаута к захвату заводов. Несмотря на угрозу, локаут все же начался, и миланские металлисты ответили захватом 300 предприятий. Капиталисты и правительство Джиолитти оказались бессильными. Войска были ненадежны. Движение охватило металлистов всей Италии, к которым стали присоединяться рабочие других производств, всюду захватывая заводы, окружая их баррикадами и пулеметами. Собравшиеся 9 сентября на совместное совещание Исполнительные Комитеты Социалистической партии и Всеобщей конфедерации Труда не могли прийти к соглашению и перенесли вопрос на пленум Исполн. Ком. конфедерации. Дженнари (один из основателей коммунизма в Италии) от имени Социалист. партии настаивал на дальнейшей поддержке движения, которое уже переросло экономические рамки, фактически превратившись в революцию и гражданскую войну. Д'Арагона, генеральный секретарь Конфедерации Труда, правый реформист, потребовал ограничения борьбы экономическими целями, соглашаясь в крайнем случае на введение рабочего контроля. Предложенная им резолюция, при поддержке социал-патриота Турати (см. том XIV прим. 54) и „центриста“ Сerratи (см. том XVI прим. 20), собрала 591.245 голосов против 409.569 голосов, поданных за резолюцию Дженнари. В результате голосования руководство движением перешло в руки реформистов, которые 15 сентября на совещании с премьер-министром Джиолитти отказались от дальнейшей борьбы и пошли на соглашение, заручившись обещанием рабочего контроля и других уступок, оставшихся на бумаге. Движение было разбито, рабочие принуждены отказаться от своих завоеваний и вернуть заводы предпринимателям, что повергло итальянский пролетариат в уныние и апатию. Буржуазия, спасенная предательской политикой реформистов, прибегла к организации фашистских банд, избивавших рабочих и громивших их организации, пока в конце 1922 г. власть не перешла в руки фашистского

союзда и бывшего социалиста Муссолини, закрепившего победу контр-революции в Италии.

217) *Прамполини* — итальянский социалист, принадлежащий к крайнему правому крылу.

218) *Д'Арагона* — член итальянской социалистической партии, правый реформист, секретарь Конфедерации Труда, участвовал с совещательным голосом на II конгрессе Коминтерна. О его роли в сентябрьских событиях 1920 г. в Италии — см. прим. 216.

219) *Состав Всероссийских съездов Советов* — см. том XV прим. 212.

220) *Совет действия в Англии* возник с целью борьбы с вмешательством английского правительства в русско-польскую войну (см. прим. 51) в тот момент, когда Красная армия вела энергичное наступление на Варшаву и весь западно-европейский пролетариат выказал активное сочувствие Советской России, бойкотировав польские военные заказы. 9 августа 1920 г. в Лондоне состоялась конференция тред-юнионов и политических рабочих партий, постановившая создать Совет действия. 12 августа состоялась конференция всех политических и профессиональных организаций английского пролетариата, на которой присутствовало свыше тысячи делегатов, представлявших более 6½ миллионов организованных рабочих. Конференция единогласно постановила объявить всеобщую стачку, если английское правительство решится выступить против России. Одновременно по всей Англии организовались местные Советы действия. Однако по мере того, как Красная армия, потерпевшая неудачу под самой Варшавой, принуждена была отступать, движение постепенно ослабевало и прекратилось после подписания Рижского мирного договора. Совет действия в августе 1920 г. находился в постоянных сношениях с находившимся в то время в Лондоне Каменевым, что и послужило действительной причиной высылки последнего (см. прим. 221).

221) *Каменев* с согласия английского правительства был командирован в Лондон для ведения переговоров в конце лета 1920 г., в момент наибольших успехов Красной армии на польском фронте. 4 августа состоялось первое свидание Красина и Каменева с английским кабинетом, на котором Ллойд-Джордж требовал прекращения русского наступления, под угрозой выступления английского флота, однако своей угрозы не исполнил и продолжал переговоры, делаясь уступчивей по мере продвижения Советских войск. Тем временем Красная армия потерпела поражение под Варшавой, и английское правительство решило обрывать переговоры, выслал 1 сентября Каменева из пределов страны, и предъявило ему обвинение в субсидировании рабочей газеты „Daily Herald“ и „в продаже царских бриллиантов“ (о действительной причине высылки см. прим. 221). Переговоры были временно прерваны и возобновились в ноябре, завершившись подписанием англо-русского торгового договора.

222) *III съезд Р. С.-Д. Р. П.* состоялся в Лондоне в апреле—мае 1905 г., в период открытого раскола с меньшевиками, и является, в сущности, первым большевистским съездом, получившим полномочия от 29 комитетов, работавших в России. Главнейшими решениями съезда были резолюции „о вооруженном восстании“, „о временном революционном правительстве“ и „об отношении к крестьянскому движению“, а также принятый на съезде Устав партии. Основные принципиальные послышки, лежащие в основу работ съезда, были развиты Н. Лениным в его брошюре: „Две тактики с.-д. в демократической революции“ (см. том VI „Собр. соч.“).

²²²⁾ „*Просвещение*“, „ежемесячный журнал марксистского направления“ являлся большевистским легальным органом и выходил с перерывами небольшими книжками в Петербурге в 1910—1914 г.г. при участии Вл. Ильина (Н. Ленина), Н. Батурина, Н. Бухарина, Демьяна Бедного, И. Гольденберга М. Горького, Г. Зиновьева, Ю. Каменева, Фр. Меринга, М. Ольминского, Н. Осинского, М. Покровского, И. Степанова, Н. Скрыпника, К. Сталина, В. Фриче, А. Шляпникова, членов большевистской фракции 3-й и 4-й Государств. Дум и др., а также некоторых радикально настроенных беллетристов.

²²³⁾ М. Хилквит — см. том XIV прим. 53.

²²⁵⁾ *Объединительный Стокгольмский съезд Р. С.-Д. Р. П.* состоялся в апреле 1906 г., накануне открытия Первой Государственной Думы и голосами меньшевиков принял целиком предложенные ими резолюции. Предложенные большевистской частью партии проекты резолюций, служившие одной из платформ при выборах местными организациями делегатов на съезд, частью вовсе не были на съезде подвергнуты обсуждению (съезд снял с порядка принципиальное обсуждение вопроса „о текущем моменте“), частью были отклонены. Проекты предложенных резолюций, из которых главнейшими являются след.: „современный момент демократической революции“, „классовые задачи пролетариата в современный момент демократической революции“, „вооруженное восстание“, „отношение к буржуазным партиям“ „отношение к Государственной Думе“ и „проект аграрной программы“, воспроизведены в настоящее время в сборнике: „Российская Коммунистическая партия в резолюциях ее съездов и конференций“.

²²⁶⁾ „Доклад об объединительном съезде Р. С.-Д. Р. П.“ входит в VII том „Собрания сочинений“. В 1922 г. Государственным Издательством под ред. Каменева выпущен сборник, содержащий все резолюции и постановления большевистских съездов. В последнем можно также найти проекты резолюций, внесенных большевиками на Стокгольмский съезд.

²²⁷⁾ Н. Ленин — „Две тактики социал-демократии в демократической революции“ — см. том XV прим. 220.

²²⁸⁾ Ф. Меринг — см. том XV прим. 157.

²²⁹⁾ „Победа кадетов и задачи рабочей партии“ входит в VII том „Собрания сочинений“. Переиздана Московским Советом в 1922 г. отдельным изданием под фирмой Моск. отдел. Гос. Издат.

²³⁰⁾ Адмирал Дубасов — московский генерал-губернатор, усмиривший с помощью пушек и сожжения целых кварталов (Пресня) декабрьское вооруженное восстание 1905 г. Либерально-профессорские „Русские Ведомости“, ежедневная газета, издававшаяся в Москве, приветствовали его победу.

²³¹⁾ Р. М. Бланк — радикал, один из редакторов лево-радикальных газет „Наша Жизнь“ и „Товарищ“ в 1905—1906 г.г. Статья Бланка „К злобам дня русской социал-демократии“, цитируемая Лениным, была напечатана в № 401 „Нашей Жизни“ 23 марта 1906 г.

²³²⁾ А. А. Кизеветтер — профессор русской истории, ученик Ключевского член Центрального Комитета к.-д. партии и один из ее руководителей, член II Государственной Думы.

²³³⁾ Ротмистр Аврамов получил широкую известность в 1906 г. своими изыпаниями М. А. Спиридоновой, попавшей в его руки после произведенного ею террористического акта.

²³⁴⁾ М. А. Спиридонова — см. том XV прим. 223.

125) *П. Н. Дурново*—см. том XIV прим. 144.

126) *Полковник Г. А. Мин*—командир Семеновского полка, усмиритель Московского декабрьского восстания 1905 г., стяжал себе заслуженную известность артиллерийским разгромом Пресни и расстрелами рабочих. Выделенный им карательный отряд, под начальством подполковника Римана, и снабженный директивой Мина: „арестованных не иметь“, произвел ряд массовых расстрелов по линии Московско-Казанской ж. д., на участке Москва, Сортировочная—Голутвино.

127) *Л. Брентано* (род. в 1844 г.)—немецкий полит.-эконом., состоял профессором политических наук в Бреславле, катедер-социалист, — сторонник примирения классовых интересов, один из инициаторов „Союза социальной политики“, ученого общества представителей „социально-этической школы“ в экономической науке, основанного в 1879 г. в Эйзенахе.

128) „*Без заглавия*“—небольшой радикальный журнальчик, издававшийся бывшими с.-д. бернштейнцами во главе с Прокоповичем и Кусковой, при участии некоторых левых кадетов.

129) *С. Н. Прокопович*—см. том XIV прим. 261.

130) *Е. Д. Кускова*—см. том XIV прим. 266.

131) *Е. Дюринг* (1833—1902)—немецкий экономист и философ, пытался создать собственную „философию действительности“, „социалитарную теорию“, в области политической экономии, повторяя положение Кэри о возрастающей доле рабочего класса в распределении по мере общественного прогресса и примирения классового антагонизма в процессе производства. Типичный эклектик, возмивший себя „обновителем науки“ и „объединителем истины“, пользовавшийся однако, большой, но кратковременной популярностью в радикальных кругах Германии. Энгельс выступил против него с рядом блестящих статей, углубляющих философию марксизма и объединенных позднее в отдельном издании под общим названием: „*Анти-Дюринг*“.

132) „*Начало*“—ежедневная газета в Петербурге, издававшаяся меньшевиками в 1905 г. в „период свобод“ (всего вышло 16 номеров, № 1 вышел 13 ноября) при участии А. Мартынова, Ф. Дана, А. Потресова, Л. Дейча, Н. Иорданского, Е. Смирнова, Д. Кольцова, М. Балабанова, Н. Троцкого и Парвуса. Редактором был заявлен Д. М. Герценштейн, издателем—С. Н. Салтыков. „Начало“, будучи официальным органом Организ. Комиссии (руководящий орган меньшевистск. фракции), фактически отражало левое течение среди меньшевиков. Особенно революционными были статьи Н. Троцкого и Парвуса, не принадлежавших формально к меньшинству и развивавших на страницах „Начала“ идею „перманентной революции“.

133) „*Новая Жизнь*“—ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге большевиками в 1905 г. (№ 1 вышел 27 октября). В газете принимали участие: Н. Ленин, А. Луначарский, А. Богданов, Н. Рожков, П. Румянцев, М. Горький и др. Издательницей газеты официально состояла артистка М. Андреева и ответственным редактором поэт Н. Минский. В числе сотрудников числился ряд радикально настроенных беспартийных поэтов и беллетристов, в том числе: К. Бальмонт, Тэффи, Г. Чулков, Л. Андреев, Е. Чириков и др.; издание было задумано и подготовлено до октябрьского манифеста и беллетристы были привлечены в газету в качестве цензурного прикрытия. „Новая Жизнь“ была закрыта правительством в первых числах декабря.

134) „*L'Humanité*“—см. том XVI прим. 54.

²⁴⁵⁾ Г. Е. Зиновьев—см. том XIV прим. 187.

²⁴⁶⁾ В. П. Ногин—см. том XIV прим. 333.

²⁴⁷⁾ Конфликт внутри Ц. К. в 1917 г. начался в половине октября из-за разногласия по вопросу о своевременности восстания. Два члена Ц. К., поддержанные некоторыми членами партии, находили открытое восстание преждевременным. Октябрьский переворот перенес спор в другую плоскость, выдвинув вопрос о „коалиционном социалистическом правительстве“, на создании которого настаивала „правая“ часть Ц. К. и Совета Народных Комиссаров, заявившая в целях апелляции к партии ряд отставок; (см. том XV прим. 18). Конфликт через несколько недель был улажен возвращением к работе ушедших товарищей.

²⁴⁸⁾ Грацианди—член итальянской социалистической партии и ее Ц. К., в годы войны вел энергичную интернационалистическую агитацию, делегат II конгресса Коминтерна, в настоящее время один из вождей Итальянской Коммунистической Партии.

²⁴⁹⁾ „Удержат ли большевики государственную власть“—см. „Собр. сочин.“, том XIV часть II, стр. 215—257.

²⁵⁰⁾ Первая часть ст. „Фальшивые речи о свободе“ была первоначально напечатана в „Правде“ 7 ноября 1920 г. под заглавием: „О борьбе внутри итальянской социалистической партии“.

²⁵¹⁾ Бентам—см. том XVI прим. 122.

²⁵²⁾ Речь Ленина „о концессиях“ до настоящего времени в печати не публиковалась и извлечена редакцией из архива М. К. Р. К. П. Напечатанный в „Правде“ краткий отчет под заглавием „Речь на собрании секретарей ячеек М. К. Р. К. П.“ является кратким отрывком из указанной речи, подвергшимся значительным искажениям, поэтому текст речи в настоящем издании приводится по стенограмме. Подлинная стенограмма, как большинство стенографических записей, сделанных в 1917—1922 г.г., отличается большою небрежностью, на что неоднократно указывал Ленин, и поэтому подвергнут редакцией стилистической правке, опущены также некоторые места речи Ленина, опубликование которых в настоящий момент представляется несвоевременным. Впрочем, произведенные купюры невелики и не могут отразиться на общем построении речи. В архиве М. К. хранились, кроме указанной стенограммы, еще несколько неопубликованных стенограмм речей Ленина за 1918 и 1919 г.г., но большая часть архива погибла во время пожара в помещении М. К. в Леонтьевском переулке, вызванном бомбой, брошенной „анархистами подполья“ и левыми социалистами-революционерами.

²⁵³⁾ Дж. Вашингтон (1732—1799 г.г.)—организатор борьбы Америки против Англии за свое освобождение (см. том XV прим. 166) и главнокомандующий американской армией. 4 марта 1789 г., после заключения мира, В. был избран первым президентом Соединенных Штатов; в 1793 г. подвергся переизбранию на новое четырехлетие; по окончании вторичных полномочий отозвался от выставления своей кандидатуры, возвратившись к частной жизни и установив соответствующий прецедент для последующих президентов.

²⁵⁴⁾ Авраам Линкольн (1809—1865)—16-й президент Северо-Американских Соединенных Штатов (1861—1865), во время войны юга и севера из-за освобождения негров и сохранения целостности союза (см. том XV прим. 169). В сентябре 1862 г. Л. признал всех негров свободными на территории союза, чем привлек

их в ряды армии северян. По окончании войны Л. был убит из мести уроженцем юга. Имя А. Линкольна наравне с именем Вашингтона пользуется в Америке огромной популярностью.

235) *И. Степанов* (И. И. Скорцов) в ноябре 1920 г. опубликовал в „Правде“ ряд статей на тему, нужны ли концессии. Эти статьи позднее были изданы отдельной книгой.

236) *Доккерт*—агент и сотрудник английской миссии в Москве, изобличенный судом в организации при помощи русских белогвардейцев заговоров, военных восстаний, взрывов и террористических актов.

237) *Отчет „Правды“* относился к речи Ленина „на Московском губсовещании“ 16 октября 1920 г.

238) *VIII съезд Советов* состоялся в Москве 22—29 декабря 1920 г. Присутствовало 2.537 делегатов, из них с решающими голосами—1.728 и с совещательными—809. Состав решающих голосов распределялся в партийном отношении след. образом: коммунистов—1.614 чел. или 93%, беспартийных—114, бундовцев—1; совещательных: коммунистов—722, беспартийных—65, бундовцев—5, меньшевиков—4, поалейцион—3, эс-эров—3 и анархистов—1. Главнейшими вопросами съезда были: доклад В. Ц. И. К. и С. Н. К. о внешней и внутренней политике (Ленин), положение промышленности и меры к ее восстановлению (доклад Рыкова), доклад о сельском хозяйстве (Теодорович), доклад о транспорте (Троцкий и Емшанов), вопросы Советского строительства (доклады Зиновьева и Владимирского) и проч. Съезд имел семь пленарных заседаний. По земельному вопросу была организована секция.

239) *Пятаков*—см. том XVI прим 90.

240) *Наркомпутъ Емшанов* и Л. Д. Троцкий на VIII съезде Советов выступили с обширными докладами о транспорте, в основе которых лежали опубликованные ими ранее тезисы. Последние послужили канвой для принятых съездом резолюций.

241) *Приказ № 1042* народного комиссара путей сообщения Троцкого, опубликованный 22 мая 1920 г., касался программы восстановления разрушенного империалистической и гражданской войной железнодорожного транспорта, в частности, ремонта паровозов.

242) *Е. Преображенский*—старый партийный работник, заместитель народного комиссара финансов до 1922 г., член Ц. К. Р. К. П. в 1919—1920 г.г., в настоящее время состоит редактором „Правды“ и является одним из руководителей Социалистической Академии. Литератор и экономист.

243) *Н. Бухарин и Е. Преображенский. „Азбука коммунизма“*. Государств. Издат. 1919 г.

244) *Меньшевики на VIII съезде Советов*, допущенные президиумом В. Ц. И. К. с совещательным голосом, в лице Дана (см. том XIV прим. 159) и Далина, энергично использовали в целях агитации предоставленное им право произнести большие политические речи и внести декларации от имени Ц. К. Р. С.-Д. Р. Е. Дан, выступавший с критикой Ленинского доклада, произнес резкую и демagogическую филиппику против политики руководящих государственных органов Республики: внесенная им резолюция требовала: „ясной и последовательной политики мира“, действительного признания независимости и самостоятельности сопредельных государств“, „отказа от методов тайной дипломатии“, отказа от диктатуры коммунистической партии, „возобновления действия Советской конституции и дальнейшей ее демократизации“, равенства прав трудящихся го-

родов и деревни и обеспечения за ними свободы печати, союзов и собраний", неприкосновенности личности, отмены смертной казни и пр., совершенно умалчивая о задачах социалистического строительства и защиты завоеваний революции. В изданной в 1922 г. в Берлине книге „Два года скитаний“ Дан подробно описывает VIII съезд Советов и свое выступление, искажая действительность и подтасовывая факты.

Меньшевик Далин, выступавший по вопросам сельско-хозяйственной политики, протестовал против проекта „съездовского“ декрета о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства“ и закончил внесением от имени меньшевиков и меньшевистской части Бунда соответственной резолюции.

²⁶⁵⁾ Вольский, представитель меньшеинства П. С. Р. (группа „Народ“), был допущен президиумом В. Ц. И. К. на VIII съезд Советов с совещательным голосом и выступил в порядке прений по докладу Ленина, огласив общую декларацию и „тезисы по восточной политике“. Декларация, кроме народнических положений о „трудовластии“, выдвигала на первый план поднятие сельского хозяйства на основе привлечения трудовых крестьянских масс, отмену хлебной монополии, „воссоздание устойчивых земельных отношений на основе социализации земли“, „охрану труда и защиту интересов трудящихся“, участие трудящихся в организации производства, „предоставление трудящимся права свободы, слова, печати и собраний“ и пр. Декларация, сформулированная в общих, крайне неопределенных выражениях, требовала „перестройки управления на основе классового трудовластия“, не раскрывая, однако, указанного понятия. „Тезисы по восточной политике“, из-за опасения захвата Кемалем-пашей Кавказа направленные против поддержки Советской Россией революционной Турции, в противоположность осторожной и в общем умеренной декларации, чрезвычайно ярко отражали мелко-буржуазный вс-эровский шовинизм и полное непонимание революционного значения борьбы колониальных народов с антантовским империализмом.

²⁶⁶⁾ Ф. Э. Дзержинский—см. том XVI прим 72.

Летопись событий.

1920 год.

Январь.

- 8 Занятие Красной армией Царицына.
7. Занятие Красной армией Новочеркасска.
8. Занятие Красной армией Ростова-на-Дону.
15. Перемирие с чехо-словацкими войсками в Сибири.
16. Снятие блокады с России Верховным Советом, разрешение торговых сношений с русскими кооперативными организациями.
28. „Национальный акт“ Константинопольского парламента, разгон его Авантой, бегство депутатов в Ангору.
- Повторное предложение С. Н. К. Польше начать мирные переговоры.
29. Манифест Британской Рабочей партии и тред-юнионов с требованием заключения мира с Советской Россией.

Февраль.

1. Революционный переворот в Хиве. Отречение хана от престола.
2. Заключение мирного договора с Эстонией.
- Воззвание В. Ц. И. К. к польскому народу с предложением мира.
6. Занятие Красной армией Красноводска.
7. Занятие Красной армией Одессы.
- Расстрел Колчака по постановлению Иркутского Ревкома.
10. Образование трудовых армий.
12. Договор Литвинова с английск. уполномоченным О'Греди в Копенгагене об обмене военнопленными.
17. Занятие Красной армией Архангельска. Бегство ген. Миллера и Чайковского в Англию.
20. Признание Германией Копна, советского уполномоченного по делам военнопленных и беженцев.
23. Ликвидация прорыва деникинцев на Дону и вторичное занятие Кр. армией Ростова.
24. Делегация в Англию от имени Центросоюза Красина, Литвинова, Ногина.

Март.

6. Возобновление военных действий Польской армией против Советской России.
12. Начало калповского мятежа в Германии.

- 13. Захват Берлина капповцами.
- Занятие Красной армией Мурмана.
- 13 - 31. Борьба против Каппа, всеобщая стачка в Германии, восстание рабочих в Рурской области, военно-полевые суды.
- 26. Назначение Деникиным бар. Врангеля „главнокомандующим вооруженными силами юга России“.
- 27. Польское предложение избрать местом для переговоров г. Борисов.
- 29. IX съезд Р. К. П.
- Занятие Кр. армией Владикавказа.
- 30. Сдача белогвардейских войск в Туркестане.

А п р е л ь.

- 6. III Всеросс. съезд профессиональных союзов.
- 14. Английское предложение посредничества и капитуляция Врангеля.
- 16. Открытие русско-латвийской мирной конференции в Москве.
- 19. Соглашение с Германией об обмене военнопленными.
- 20. Объявление независимости Монголии.
- 23. Пятидесятилетие Н. Ленина.
- 26. Письмо Кемаль-паши С. Н. К. с просьбой о поддержке.
- 28. Восстание рабочих в Баку против муссаватистского правительства.
- Провозглашение Азербейджанской Советской Республики.
- 29. Перемирие с японскими оккупационными войсками на Дальнем Востоке.

М а й.

- 2. Образование комитета по борьбе с Польшей с участием Брусилова, Полянова и др. деятелей старой армии.
- Капитуляция остатков деникинской армии на Кавказском берегу Черного моря.
- 5. Парад красных войск в Москве в присутствии англйск. делегации рабочих организаций.
- 6. Захват поляками Киева.
- 7. Мирный договор с Грузией.
- 9. Открытие русско-литовской мирной конференции в Москве.
- 15. Образование Дальне-Восточной Республики.
- 16. Бомбардировка Раскольниковым англйск. оккуп. отряда в Энзели и ликвидация белого флота на Каспийском море.
- 22. Приказ Наркомпути Троцкого № 1042 о ремонте паровозов.
- 23. Занятие Красной армией Гуляй-Поля и рассеяние махновских банд.
- 25. Переход Красной армии в наступление на Польском фронте и занятие Борисова.
- 28. Прибытие Советской торговой делегации в Лондон.

И ю н ь.

- 8. Занятие Красной армией Житомира.
- 9. Провозглашение В. И. Н. К. автономии Советской Республики Восточной Карелии.
- 10. Занятие Красной армией Бердичева.

12. Занятие Красной армией Киева.
- Открытие русско-финляндской мирной конференции в Юрьеве.
- 19 Занятие Красной армией Винницы, ставки Петлюры.
30. Меморандум Красипу английского кабинета о проекте торгового договора

И ю л ь.

4. Занятие Красной армией Ровно. Прорыв Польского фронта.
7. Переход Красной армией Березины.
11. Занятие Красной армией Минска.
- Предложение английского посредничества между Советской Россией и Польшей.
12. Мирный договор с Латвией.
14. Занятие Красной армией Вильны.
- Договор с Литвой о пропуске Кр. армии через ее территорию.
15. Передача Вильны литовцам.
- 19 Занятие Красной армией Барановичей и Гродны.
- Открытие II конгресса Коммунистического Интернационала.
20. Переход Красной армией старой австрийской границы.
- Английское требование немедленной остановки русского наступления против Польши.
22. Польское радио с просьбой мира.
26. Занятие Красной армией Тарнополя.
31. Образование Ревкома Польской Советской Республики.

А в г у с т.

1. Занятие Красной армией Бреста.
- Прибытие Каменева в Лондон для переговоров с английским правительством.
2. Образование Ревкома Советской Галиции.
- Занятие Красной армией Ломжи.
4. Занятие Красной армией Лудка.
- Английская угроза блокадой.
9. Занятие Красной армией г. Соколова.
- Образование Совета Действия в Англии.
10. Занятие Красной армией Седлеца и Венгрова.
13. Занятие Красной армией Новоминска в 30 верстах от Варшавы.
- Подписание мирных договоров с Латвией и Арменией.
- Перемирие с Финляндией.
17. Начало русско-польских переговоров в Минске.
19. Занятие Красной армией Плоцка.
- Врангелевский десант на Кубани.
20. Занятие Красной армией Стрыя.
21. Оставление Красной армией Бреста. Начало отступления Советских войск.

С е н т я б р ь.

2. Съезд народов востока в Баку.
- Революция в Бухаре и свержение эмира.
- 4 Революционное движение в Италии. Захват фабрик рабочими.

10. Высылка Каменева из Англии.
- Предательство вождей итальянского реформизма. Отказ Исполкома Итальянской Конфедерации Труда от революционной борьбы. Ликвидация сентябрьского движения.
13. Подписание предварительного русско-афганского договора в Кабуле.
21. Открытие русско-польской мирной конференции в Риге.
26. Съезд представителей всех областей Д.-В. Р.

О к т я б р ь.

6. Первый Бухарский Курултай (съезд советов).
12. Подписание предварительного мирного договора с Польшей в Риге.
14. Бои Красной армии с Врангелем у Каховки. Начало ликвидации Врангеля.
- Мирный договор с Финляндией.
- Всеобщая демонстративная стачка в Италии с требованием признания Советской России.
15. Оставление Красной армией Минска.
17. Занятие Красной армией Минска.
- Присоединение к Коминтерну герм. независ. с.-д. партии на партейтаге в Галле.
18. Проведение на фронте перемирия с Польшей.
21. Занятие Читы революц. повстанцами.
30. Занятие Красной армией Перекопа.

Н о я б р ь.

9. Предложение Сов. Россией Англии возобновить переговоры о торговом договоре.
11. Занятие Красной армией Могилева-Подольского.
15. Занятие Красной армией Севастополя. Бегство Врангеля в Константинополь.
16. Занятие Красной армией Каменец-Подольска.
22. Занятие Красной армией Волочиска. Ликвидация петлюровщины в Булак-Булаховича.
26. Бунт Махно в Крыму. Ликвидация махновщины.

Д е к а б р ь.

2. Провозглашение Армянской Советской Социалистической Республики.
17. Высылка Советского представителя Мартенса из Соедин. Штатов Сев. Америки.
21. VIII Съезд Советов.
24. Соединение русской ж.-д. сети с финляндской.
30. Присоединение франц. социал. партии к Коминтерну на конгрессе в Туре.

СОДЕРЖАНИЕ

Январь.

Стр.

Речь на беспартийной конференции Красно-Пресненского района . .	5
Речь на III Всероссийск. съезде Советов Народного хозяйства . . .	8

Февраль.

Из речи на первой сессии В. Ц. И. К. VII созыва	12
Заметки публициста	13

Март.

Речь на I Всероссийском Съезде трудовых казаков	22
Годовщина III Коммунистического Интернационала	39
Речь на первом заседании Московского Совета Р., К. и К. Д. нового состава	47
Речь на III Всеросс. Съезде рабочих водного транспорта	52

IX Съезд Р. К. П.

Вступительная речь	61
Отчет Центрального Комитета Р. К. П.	62
Заключительное слово по отчету Ц. К.	78
Речь о хозяйственном строительстве	85
Речь по вопросу о кооперации	91
Заключительная речь	95

Апрель.

Речь на III Всеросс. Съезде профессиональных союзов	101
Речь на Всеросс. Съезде текстильщиков	106
Речь на собрании М. К. Р. К. П. в день 50-летия Н. Ленина	110

Детская болезнь „левизны“ в коммунизме.

I. В каком смысле можно говорить о международном значении русской революции	115
II. Одно из основных условий успеха большевиков	117
III. Главные этапы в истории большевизма	120
IV. В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм	124
V. „Левый“ коммунизм в Германии. Вожди—партия—класс—масса . .	131
VI. Следует ли революционерам работать в реакционных профсоюзах .	137

VII. Участвовать ли в буржуазных парламентах	146
VIII. Никаких компромиссов?	155
IX. „Левый“ коммунизм в Англии	165
X. Некоторые выводы	176
Добавление	
I. Раскол германских коммунистов	189
II. Коммунисты и независимцы в Германии	191
III. Турати и К° в Италии	193
IV. Неправильные выводы из верных посылок	195

М а й.

Отрывок из речи на съезде стекольщиков	199
О войне с Польшей	202
От первого субботника на Моск.-Казанской жел. дороге ко всероссийскому субботнику-маевке	205
Письмо к английским рабочим	207

И ю н ь.

Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам	211
О журнале „Коммунизм“	217
Речь на совещании по работе в деревне	219

И ю л ь.

Тезисы об основных задачах II конгресса Коммунистического Интернационала	229
Империализм и капитализм. Предисловие к французскому и немецкому изданию книги: „Империализм как новейший этап капитализма“	244

II Конгресс Коминтерна.

Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала	253
Речь о роли коммунистической партии	270
Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам	273
Всем членам французской социалистической партии, всем сознательным пролетариям Франции	279
Об условиях приема в Коммунистический Интернационал	292
О парламентаризме	297
О вхождении в Британскую Рабочую партию	301

С е н т я б р ь.

Предисловие ко второму изданию кн. „Материализм и Эмпириокритицизм“	307
Отрывок из речи на Всероссийской конференции Р. К. П.	307
Письмо к немецким и французским рабочим по поводу прений о II конгрессе Коммунистического Интернационала	311

О к т я б р ь.

Задачи Союзов Молодежи	313
О международном положении. Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства	329
Речь на Московском губсовещании	341
К истории вопроса о диктатуре	349

Н о я б р ь.

Фальшивые речи о свободе	368
О концессиях. Речь на собрании секретарей ячеек Московской ор- ганизации	382
VIII Съезд Советов	
Доклад Совета Народных Комиссаров	403
Заключительное слово по докладу	430
Примечания	435
Летопись событий	471

XVII том Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова)
подготовлен к печати и снабжен примечаниями
Н. Овсянниковым, под редакцией Л. Каменева.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

— МОСКВА —

Ленин. О Ленине и ленинизме.

- Адоратский, В. О теории и практике ленинизма (революционного марксизма). М.—Л. „Красная Новь“. 1924. 137 стр. Ц. 75 к. (Распродано).
- Бухарин, Н. Революционный теоретик. Изд. Л. ГИЗ. 1924. 12 стр. Ц. 5 к.
- Воронский, А. Ленин и человечество. Изд. Л. ГИЗ. 1924. 64 стр. Ц. 20 к.
- Гиринис, С. Ленин о специалистах науки и техники. М.—Л. „Красная Новь“. 1924. 38 стр. Ц. 20 к.
- Деборин, А. Ленин как мыслитель. Изд. М.—Л. „Красная Новь“. 1924. 87 стр. Ц. 45 к.
- Еремеев, Н. И. Ленин и рабочий класс. II. Встречи с ним. 2-е изд. Л. ГИЗ. 1924. 30 стр. Ц. 10 к.
- Зиновьев, Г. Ленин. Л. ГИЗ. 1924. 310 стр. Ц. 2 р. (Распродано).
- Его же. Мировая партия ленинизма. М. „Красная Новь“. 1924. 226 стр. Ц. 70 к.
- Его же. В. И. Ленин. Краткий биографический очерк. Л. ГИЗ. 1924. 31 стр. Ц. 15 к.
- Его же. На смерть Ленина. Л. ГИЗ. 1924. Ц. 15 к.
- Его же. В. И. Ленин. Гений, учитель, вождь и человек. (Речь на заседании Ленинградского Совета 7 февраля 1924 г. Л. ГИЗ. 1924. 61 стр. Ц. 20 к.
- Его же. В. И. Ленин. Краткий биографический очерк. М. ГИЗ. 31 стр. Ц. 20 к.
- Ленин, Н. Задачи союзов молодежи. (Речь на III всероссийском съезде РКСМ.) Л. ГИЗ. 1924. 36 стр. Ц. 15 к.
- Ленин и Брестский мир. Статьи и речи Н. Ленина в 1918 году о Брестском мире с вводной статьей и примечаниями Н. Овсянникова. 2-е изд. М. ГИЗ. 117 стр. Ц. 40 к. (Распродано).
- Ленин, В. И. О новой экономической политике. Статьи и речи. 2-е изд. 227 стр. Ц. 75 к.
- Ленин, Н. (Н. Тулин.) Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе). 2-е изд. М. ГИЗ. 171 стр. Ц. 65 к.
- Ленин, Н. и Плеханов, Г. Против А. Богданова. М. „Красная Новь“. 1923. 168 стр. Ц. 60 к.
- Ленин, В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. 2-е изд. М. ГИЗ. 1924. 127 стр. Ц. 35 к.
- Ленин, Н. (В. И. Ульянов). Задачи рабочей партии. Предислов. и примеч. К. П. Новицкого. М.—Л. „Красная Новь“. 1924. 95 стр. Ц. 45 к.
- Ленин. Коммунистический интернационал. Статьи и речи. Предисловие Н. П. Попова. Примечание К. П. Новицкого М. „Красная Новь“. 1924. 314 стр. Ц. 1 р. 30 к.
- Ленин. Крах II Интернационала. Сборник статей. Предисл. и примеч. К. П. Новицкого. М. „Красная Новь“. 1924. 283 стр. Ц. 1 р. 30 к.
- Его же. О войне 1914—1918 гг. Избр. статьи и речи. Сборник составлен Н. П. Поповым. М.—Л. ГИЗ. 1924. 318 стр. Ц. 1 р. 45 к.
- Ленин о национальном вопросе. М. „Красная Новь“. 1924. 160 стр. Ц. 60 к.
- Ленин. Основные задачи партии при ПЭИ-е. 1921—1923. (Статьи и речи. 2-е изд. М. „Красная Новь“. 168 стр. Ц. (в перепл.) 80 к.
- Его же. Подготовка большевизма. М. „Красная Новь“. 1924. 487 стр. Ц. 1 р. 70 к.

- Ленин. Речи и статьи. Пособие для школ политграмот и совпартшкол. М. „Красная Новь“. 1924. 605 стр. Ц. 2 р.
- Ленинизм в лозунгах и диапозитивах. М. ГИЗ. 1924. 30 стр. Ц. 10 к.
- Луначарский, А. Ленин и просвещение. М. „Красная Новь“. 77 стр. Ц. 35 к.
- Его же. Ленин. (Речь, произнесенная в день похорон на общем собрании работников искусств г. Москвы.) Л. ГИЗ. 1924. 32 стр. Ц. 10 к.
- Мартынов, А. С. Ленин и аграрный вопрос в России. М. „Красная Новь“. 1924. 82 стр. Ц. 35 к.
- Молотов. Ленин и партия за время революции. 2-е изд. М. „Красная Новь“. 1924. 51 стр. Ц. 25 к.
- Мещерянов, Н. О Ленине. Сборник воспоминаний. М. ГИЗ. 182 стр. Ц. 60 к.
- Мисли В. И. Ленина об экономической политике. (Выдержки из статей и речей). Л. ГИЗ. 1924. Ц. 20 к.
- Невский, В. И. В. И. Ленин. М. ГИЗ. 1924. 39 стр. Ц. 10 к.
- Озол-Преднек. Дни памяти В. И. Ленина в школе II ступени. М. ГИЗ. 115 стр. Ц. 50 к.
- Полянский, В. (Лебедев). Ленин и литература. Л. ГИЗ. 1924. 18 стр. Ц. 10 к.
- Письма Ленина к Максиму Горькому. 1908—1913 гг. Л. ГИЗ. 1924. 78 стр. Ц. 30 к.
- Павлович, М. (Вельтман). Ленин. (Материалы к изучению ленинизма.) М. „Красная Новь“. 1924. 202 стр. Ц. 1 р.
- Попов и Яковлев. Жизнь Ленина и ленинизм. 2-е доп. изд. М. „Красная Новь“. 1924. 157 стр. Ц. 60 к.
- Преображенский, Е. А. В. И. Ленин. (Социологический набросок.) М. „Красная Новь“. 1924. 51 стр. Ц. 22 к.
- Сейфуллина, Л. Мужичий сказ о Ленине. Л. ГИЗ. 1924. 15 стр. Ц. 6 к.
- Соболев, Ю. Ленин и современники. Л. ГИЗ. 1924. 12 стр. Ц. 5 к.
- Сталин, И. О Ленине и ленинизме. 2-е изд. М. ГИЗ. 92 стр. Ц. 35 к.
- Троцкий, Л. Ленин и старая „Искра“. Материалы для биографа. М. ГИЗ. 48 стр. Ц. 15 к.
- Его же. О Ленине. (Материалы для биографа.) 2-е изд. М. ГИЗ. 1924. 168 стр. Ц. 35 к.
- Фридлянд. Ленин о войне и революции М. ГИЗ. 1924. 184 стр. Ц. 1 р.
- Ходоровский. Ленин. Популярный очерк для рабочих и крестьян. М.-Л. ГИЗ. 1924. 32 стр. Ц. 10 к.
- Цинл лекций-бесед и художественных иллюстраций. По изучению ленинизма. Вып. I. М. ГИЗ. 1924. 180 стр. Ц. 80 к.
- Янубовский. Гений революции. Л. ГИЗ. 8 стр. Ц. 5 к.
- Ярославский, Е. Жизнь и работа Ленина. М. ГИЗ. 300 стр. Ц. 90 к. (Разошлось.)

Выйдут из печати в декабре 1924 г.

- Керженцев, П. М. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма с предисловием Н. К. Крупской. 3-е изд.
- Лелевич, Г. Ленин, как историк партии.
- Ленин, Н. Империализм. как новейший этап капитализма.
- Его же. О религии.
- Его же. О пролетарском государстве. Составители: Вегер и Стучка.
- Его же. Экономическая политика.
- Сборник воспоминаний о Ленине. Том II. Под ред. Н. Мещерякова.
- Троцкий, Л. О Ленине. Вып. II.

